Игорь Акимушкин

МИР ЖИВОТНЫХ

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ, ИЛИ ЗВЕРИ

МЫСЛЬ

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Игорь Акимушкин

МИР ЖИВОТНЫХ

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ, ИЛИ ЗВЕРИ

Издание второе,
исправленное и дополненное

Москва «Мысль» 1988

ББК 28.693.36
А39

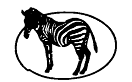
РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

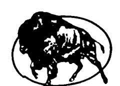
Рецензент кандидат географических наук
Н. Н. Дроздов

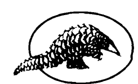
Художник **А. Кузнецов**

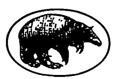
А $\frac{1905030000-116}{004(01)-88}$ 140-88

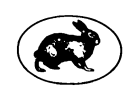
ISBN 5-244-00181-7

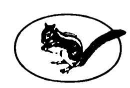

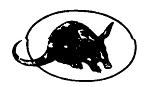

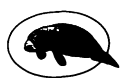

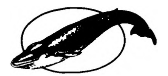

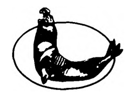

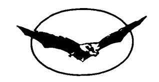

ОТ АВТОРА

Читатель! Я надеюсь, что вы благожелательно примете эту книгу! И пожалуйста, не удивляйтесь столь откровенному «самомнению». Это продиктовано отнюдь не самоуверенностью. Нет. Теперь, когда написанного «не вырубишь топором», меня беспокоит, что где-то недостаточно ясно высказана очень важная мысль, в другом месте и вовсе нет необходимого факта, а в третьем... Ну, уж ничем не поможешь. И все-таки я надеюсь! Потому что предмет книги — Природа, а любовь к ней, я знаю, с каждым днем шире и мощнее.

Люди всегда любили деревья, траву, цветы, зверье, птиц. Но раньше любовь как бы дремала, убаюканная сознанием неисчерпаемости окружающего богатства. Теперь же, когда рост городов все ощутимее притесняет леса и мы, оказавшись однажды в этих лесах, напрасно мечтаем встретить медведя, волка, оленя, рысь и даже зайца, наша великая любовь к Природе проснулась. Она разбужена не менее сильным чувством — ответственностью. Ответственностью за то, чтобы жили и процветали звери и птицы, чтобы тучнели рыбы, чтобы трепетала листва на ветвях, чтобы цвели цветы.

Трудная задача стоит перед человечеством. И надо честно признаться: наш век, славный грандиозными достижениями цивилизации, оказался неподготовленным для ее

решения. Люди, конечно, взялись за дело. Национальные парки, заповедники, заказники — все это уже есть. Проводится большая работа по акклиматизации и охране животных. Но случается, например, и такое. В Калифорнии, в одном живописном уголке возле красивого озера, всесильные радетели природы для достижения всех прелестей туризма уничтожили мошкару. Это была серьезная операция, с применением вертолетов и сильных отравляющих средств. И успешная. А вскоре следом за мошкарой исчезли и рыба из озера, и птицы. В других краях истребили надоедливых муравьев. Результат — катастрофа для леса. Теперь там лучший подарок фермеру — мешок с муравьями!

Таких примеров много. Они вокруг нас, мы о них наслышаны и справедливо краснеем, потому что их причина — позорная необразованность. Это мы-то, люди XX века, создающие чудеса техники, на каждом шагу выказываем незнание механизмов природы! Больше того, увлекшись своими чудесами, мы забыли даже названия многих зверей и птиц — названия народные и прежде были само собой понятными. Скажем, сарыча с коршуном крестьяне и охотники прежде не путали, знали чеканов, плисок, варакушек, дербников, чепур, разных славок и пеночек, кутор, куниц лесных и каменных и прочих. А теперь многие ли из нас, не интересовавшиеся этим специально, знают, о ком идет речь?

Я радуюсь (и печалюсь одновременно), когда слышу в книжном магазине, что кто-то опоздал купить недавно вышедшую книгу о животных — она разошлась, такой товар не залеживается! И как же не радоваться за тех неизвестных людей (их минимум сто тысяч — такой тираж у новинки), — людей, которые устремились к тому, чтобы познать. А познав — помочь.

Эта книга — первая из трех (во втором издании), написанных мной о животных всей планеты. Рассказ я решил начать с млекопитающих.

Звери, или млекопитающие, — класс животного царства (и типа позвоночных), который в высших своих эволюционных перипетиях произвел человека. Само название класса — млекопитающие — содержит в себе главную и, пожалуй, исчерпывающую характеристику основного качества, отличающего этот класс от других в животном царстве.

Одетые в шерсть — другая популярная характеристика этого класса. Однако тут необходимы некоторые уточнения. Если нет зверей, не питающих своих младенцев молоком, то зверей, не одетых в шерсть, немало.

У китов, например, на теле, точнее, на морде — немного волосков: у гренландского кита их 250, у финвала 60, у дельфинов не больше восьми. Немного волос у слонов, носорогов, бегемотов, сирен. Есть даже грызуны, почти совершенно бесшерстные: африканская кротовая крыса фарум.

Но потеря шерсти — явление вторичное, первоначально все млекопитающие были достаточно богато опушены. Шерсть, укрывая тело, сохраняет тепло, которое вырабатывают особые физиологические механизмы. Эти внутренние «ТЭЦ», которыми эволюция наделила предков зверей и всех их потомков, оказались отличным приспособлением, надежной защитой от холода и капризов погоды, помогли выжить там, где гибли холоднокровные, зависимые от солнечного тепла пресмыкающиеся — прародители зверей. Однако возникла опасность излишнего перегрева изолированного от непогоды тела. Потребовались приспособления для охлаждения. У некоторых зверей методы теплоотдачи свои, особые. Например, под кожей у тюленей в толстом слое сала

есть участки для отвода лишнего тепла. У собаки, как известно, язык и полость рта — основная теплоотводящая система. У выхухоли — хвост, у слонов и других животных — обильно снабжаемые горячей кровью уши. Но главный для большинства зверей и первоначально возникший в борьбе за существование механизм охлаждения — потовые железы.

Из потовых желез, как полагают, развились позднее и молочные железы — главное, что отличает всех зверей от незверей. Так что это принципиальное свойство вытекает (исторически и логически) из частично потерянного некоторыми из них качества — одетого в шерсть тела.

Первые звери появились на планете приблизительно сто пятьдесят миллионов лет назад (по мнению некоторых исследователей, даже еще раньше). Но в ту эпоху всюду на Земле — в воде, в воздухе и на суше — господствовали рептилии, то есть пресмыкающиеся: разного рода динозавры, птеродактили, ихтиозавры и прочие зубастые, большие и малые страшилища из класса, к которому принадлежат крокодилы, змеи и черепахи. Сами звери произошли от особой группы рептилий (птицы — тоже, но от другой группы).

Семьдесят миллионов лет назад случилось загадочное и быстрое вымирание целых кланов рептилий. Погибли тогда и все динозавры (по причинам скорее генетическим, чем внешним). Началось быстрое развитие млекопитающих. Новые формы жизни возникли всюду на планете. Эта эпоха расцвета новой жизни именуется третичным периодом кайнозойской эры. Кроме яйцекладущих и сумчатых появились звери высшего порядка — плацентарные. У самок во время беременности образуется в матке особый орган — плацента, который обеспечивает надежную передаточную, так сказать, систему между плодом и вынашивающей его матерью. Через плаценту плод получает из крови матери нужный для дыхания кислород и питание и удаляет отходы жизнедеятельности.

Старое понятие о «морали» джунглей, о волчьих законах в обычном, традиционном понимании, которые будто бы господствуют в мире зверей, ныне решительно пересматривается. Эти дикие драки и грызня за самок, добычу или территорию, конечно, случаются, и нередко. Но, как теперь все больше и больше выясняется, они представляют собой скорее исключение. Многие животные эту борьбу ведут с соблюдением определенных правил, ограничивающих увечья и смертельные ранения. Слабый, почувствовав силу соперника, или убегает, или просит о пощаде особым криком или позой, которая у каждого вида животных своя. Молодой волк, выражая покорность, поджимает хвост и подставляет горло, в которое в этом случае сильный волк никогда не вцепится. Вороны и чайки в такого рода ситуациях подставляют незащищенный затылок.

Тупайи (семейство полуобезьян) незваного гостя своей породы встречают пронзительным визгом и писком. Самцы пауков могли бы в драке и кусаться, но это для обоих смертельно опасно. Поэтому некоторые из них «бодаются», как бараны, уперев друг в друга лбы. Бой антилоп бейз — тоже безвредный ритуал: они лишь фехтуют рогами.

Другое неожиданное открытие последних лет — иерархия, или ранги, животных. И раньше знали о том, что в стаях есть вожаки. Но оказывается, у многих животных это соподчинение проведено сверху донизу последовательно и без исключений. И не только среди самцов, но и между самками, и нередко детенышами и молодыми животными.

Польза от такой организации стай или семейств велика: она исключает лишнее

кровопролитие и грызню. Один раз выясняют, кто выше рангом (у каждого вида для этого свои правила), а потом уже без драк уступают сильному то место, которое эволюция и борьба за существование отвели ему в природе.

Только на своей территории, или ревире, слабый может оказать энергичное сопротивление сильному, и тот, если зашел в чужие владения, особенно и не сопротивляется законным притязаниям владельца.

Ритуал, выраженный в разных позах и движениях, который обычно называют языком животных, с его тройной, по мнению Конрада Лоренца, функцией — сигнальной, контрольной (сдерживание агрессии) и связующей — кроме лучшего понимания жизни и поведения животных оказал зоологии еще одну ценную услугу. Он помогает в сомнительных случаях уточнить классификацию животных, особенно «внутри малых таксонов, то есть между видами, входящими в одно семейство, подсемейство, род». Изучение поведения животных и другие новые методы (подсчет хромосом, сравнение антител крови и реакции отторжения чужеродных белков, более углубленные исследования эмбрионологии и сравнительной анатомии) помогли систематике — древнейшей из зоологических наук — внести значительные коррективы в классификацию животного царства, которая казалась до сих пор так хорошо и надежно разработанной.

В результате человека вместе со всеми приматами переместили с высших ветвей эволюционного древа на низшие (разумеется, в пределах класса млекопитающих). А корова, баран и все полорогие оказались на верху этого древа! Прочие копытные — чуть ниже.

Девятнадцать отрядов в классе млекопитающих. Так вот, с высшего места, девятнадцатого, человека понизили до шестого — сразу за летучими мышами и почти на уровне насекомоядных, древнейших и самых примитивных из несумчатых и неклоачных зверей. Таким образом, новейшая систематика в ближайшие к нам родичи (помимо уже старого — обезьян) записала новых — ежей, кротов, выхухолей, землероек.

Причины? Только развитием мозга мы выше и совершеннее всех, в чисто биологическом плане, разумеется, не в социальном. Другие же наши морфологические и физиологические особенности остались на уровне не очень-то совершенных (с эволюционной точки зрения) зверей.

О многих фактах, побудивших ученых совершить такие обидные для нас перестановки, говорить не будем. Это сложный вопрос. Но вот некоторые примеры.

Возьмем копыта. Как удобнее и безопаснее ходить по земле: на голой подошве или в роговых, от природы данных «башмаках»? Пищеварение, желудок, почки, сердце — почти вся морфологическая и физиологическая система (снова подчеркиваю: кроме высшей нервной деятельности!) у нас примитивнее и менее адаптирована к условиям мира, в котором обитают животные. Мы, возможно, вымерли бы, не выдержав борьбы за существование, если бы не наш мозг. С его помощью человек разумом и трудом создал многое, чего не дано ему было от природы, создал несравнимо более совершенную, чем организация животных стай, социальную среду и цивилизацию, оградив себя от природных невзгод. Эволюция человека шла главным образом в направлении совершенствования мозга, рук, производящих и работающих все более сложными орудиями труда, и социальных взаимоотношений. Здесь достигнуты такие успехи, что ныне человечество находится на качественно ином уровне, чем весь животный мир.

В новейшей классификации принята система когорт — объединения близких по происхождению отрядов и надотрядов, которая учитывает конструктивные достижения

эволюции и степень их морфологической сложности. (Слово «когорта» выбрано, пожалуй, неудачно: оно ассоциируется с подразделением римских войск, которое представляет собой нечто среднее между современным батальоном и полком. Уж лучше бы «легион», «армия».) Первозвери (клоачные), подкласс которых включает лишь один отряд, и отряд сумчатых, представляющий в единственном числе инфракласс сумчатых (подкласс низших зверей), на когорты не разбиты. Прочие 17 отрядов инфракласса плацентарных, несумчатых (подкласса высших зверей), разделены так:

Когорта когтистых: насекомоядные (землеройки, ежи, кроты, выхухоли и др.), шерстокрылы (кагуаны), рукокрылые (летучие мыши и крыланы), приматы (полуобезьяны, обезьяны, человек), неполнозубые (муравьеды, ленивцы, броненосцы панголины (ящеры)

Когорта грызунообразных: зайцеобразные (пищухи, зайцы, кролики и др.), грызуны (белки, суслики, бобры, дикобразы, мыши, тушканчики и др.)

Когорта немых, или китообразных: китообразные (киты, дельфины)

Когорта хищнокопытных: хищные (волки, кошки, медведи, куницы, еноты, виверры и др.), ластоногие (моржи, тюлени), трубкозубы, даманы, хоботные (слоны), сирены (дюгони, ламантины, манаты), непарнокопытные (носороги, тапиры, лошади, ослы, зебры), парнокопытные (свиньи, бегемоты, верблюды, олени, жирафы, быки, антилопы, козы, бараны).

В таком порядке и следовало бы по принятым ныне правилам расположить в книге о зверях все отряды. Но я все-таки предпочел оставить за приматами их традиционное, привычное для читателей место в последних главах книги и сначала рассказать обо всех наземных зверях, потом — о завоевателях иных стихий (водной и воздушной).

Разделы, главы этой книги определяются классификацией, признающей в классе млекопитающих 19 отрядов, 122 семейства, 1017 родов и 4237 видов зверей. Хотелось бы рассказать о каждом виде, но это практически невозможно. Судите сами. Грызунов, к примеру, около двух тысяч видов. Даже если я просто перечислю их, указывая в скобках латинское наименование, это займет около 30 страниц. И весело же их будет читать! Имея в виду эту трудность, я пошел по пути обобщений, выборочности, хотя всеми силами стремлюсь сохранить за книгами значение их как справочной литературы.

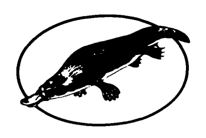
Если же вы не будете удовлетворены предложенным мною объемом материала, рекомендую обратиться к авторам, чьими исследованиями пользовался и я:

Советские: С. И. Огнев, А. Г. Томилин, В. Е. Флинт, В. Е. Соколов, С. К. Клумов, А. Н. Формозов, В. Г. Гептнер, А. Г. Банников, Н. П. Наумов, А. П. Кузякин, А. А. Насимович, Ю. А. Исаков, К. П. Флеров, Г. А. Новиков, В. Н. Скалон, М. А. Заболоцкий, И. И. Барбаш-Никифоров, С. В. Кириков, Н. К. Верещагин, А. А. Слудский, В. И. Цалкин, С. В. Мараков, В. В. Дежкин и др.

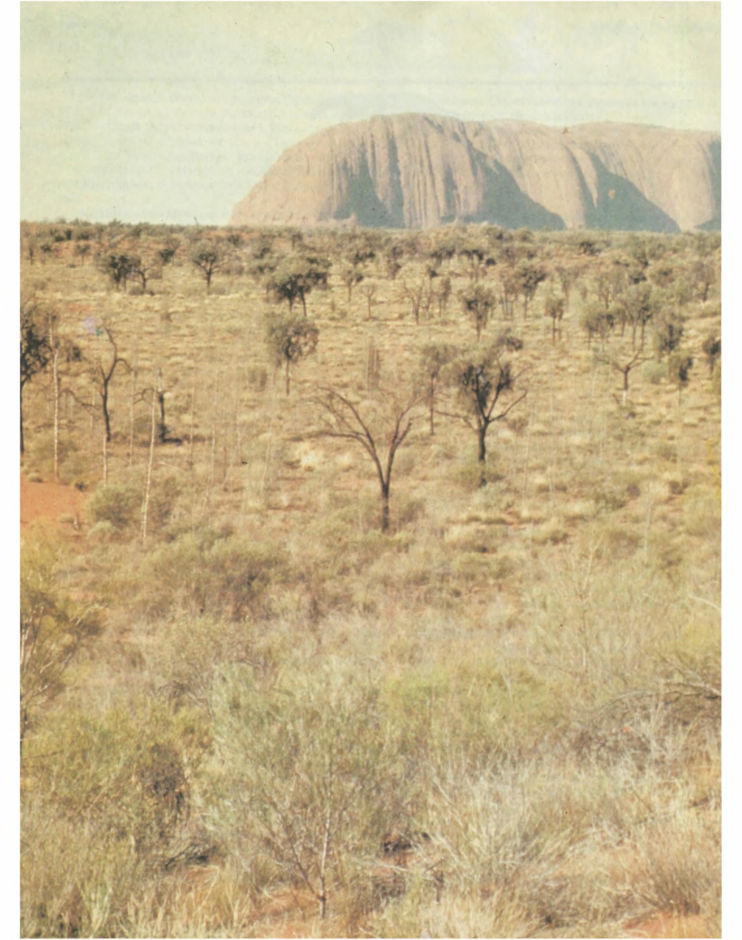
Иностранные: Д. Даррелл, Б. Гржимек, Э. Трофтон, Г. Шаллер, Д. Моррис, С. Корриф, Б. и Т. Харрисоны, Д. Ван Ловик-Гудолл, Г. де Латтин, У. Зэдлаг, И. Крумбигель, Н. Тинберген, У. Торп, Г. Пётч, Д. Симпсон, С. Уолкер и др.

В заключение хочу выразить благодарность всем исследователям, чьими трудами я пользовался, всем, чей каждодневный скрупулезный труд, чье великое терпение приносят нам крупицы подлинных знаний, которые цементируются затем в глыбы — стройматериал зданий науки. Также приношу благодарность моему другу, писателю О. Кузнецову, за помощь в работе над некоторыми разделами книги: главы о волках, кошках, парнокопытных, грызунах написаны нами совместно.

ЯЙЦЕКЛАДУЩИЕ ЗВЕРИ

«Клоачные, однопроходные, или птицеутробки, произошли, вероятно, от многобугорчатых древних зверей. Во всяком случае об этом можно судить по строению их коренных зубов, которые есть только у эмбрионов птицеутробок. Рожают не живых детенышей, а откладывают яйца, которые ехидны вынашивают в особых, выводковых сумках на брюхе, снабженных опорной костью. Яйцеводы впадают в клоаку. Психические способности малоразвиты. Регуляция температуры тела еще очень несовершенна»
(доктор Инго Крумбигель).

ХИМЕРИЧЕСКИЙ ЗВЕРЬ С КЛЮВОМ

Мы не знаем, кто поймал первого утконоса, но, когда и где это случилось, известно точно: Хокесбери, Новый Южный Уэльс, ноябрь 1797 года. Когда шкуру невероятного создания (правда, очень плохо сохранившуюся) увидели английские натуралисты, многие из них решили, что это подделка. Подумали, что к шкуре какой-то тропической зверюшки шутники пришили утиный клюв. Из Южной Азии не раз привозили такие штуки: то обезьяне приделают рыбий хвост и выдают ее за русалку, то петушиную голову пришьют игуане — в Европе подобные монстры именовались василисками. Кунсткамеры тогда были модны и собирали всякую всячину.

Прошел, кажется, год, прежде чем доктор Шоу, натуралист из Британского музея, рискнул исследовать шкуру утконосого монстра. Рассмотрев ее внимательно, он не нашел никакой подделки: шкура, бесспорно, создание природы, а не рук человеческих. Он назвал это диковинное создание Platypus anatinus, что в переводе с греко-латинского означает «плосконог утиный».

На шкуру небывалого зверя захотел посмотреть известный специалист по классификации животных, геттингенский профессор Блюменбах (похоже, он не очень-то поверил своему британскому коллеге). Шкуру утконоса послали в Германию. Но и Блюменбах не нашел подделок: и клюв на ней, и перепонки на лапах — все натуральное. Однако Блюменбах переименовал зверя в Ornithorhynchus paradoxus (парадоксальный птицеклюв).

Дело в том, что название «платипус» уже было присвоено одному маленькому жуку. Шоу об этом не знал. А по правилам зоологической классификации нельзя называть одинаково разных животных (чтобы не создать путаницы).

Но дать новому животному имя не самое сложное дело. Труднее определить его положение среди других созданий животного царства. Кто он, этот утконос? Зверь с птичьим клювом или птица со звериным телом? Или ящер, покрытый шерстью?

Около ста лет длился спор, кто такой утконос. Блюменбах отнес его к классу млекопитающих, или зверей, на том законном основании, что шкура утконоса покрыта шерстью. Там бы ему и оставаться. Но тут из Австралии прислали в Англию двух заспиртованных зверюшек. Их исследовал известный анатом Эверард Хом и установил, что один из утконосов — самка. Но, как Хом ни искал, он не мог найти у нее... молочных сосков.

Сосков не сыскал, но обнаружил клоаку (общее выводное отверстие мочеполовых органов и кишечника, как у птиц или ящериц). У млекопитающих нет клоаки. Но утконоса нельзя назвать ни птицей, ни гадом: ведь кожа его одета не перьями и не чешуей, а шерстью! Как у зверей. Спереди и сзади этот путаник — птица, а посредине — зверь...

Не видя иного выхода, Хом предложил создать в системе зоологической классификации специально для утконоса особый отряд. Годом позже это и было сделано: французский биолог Этьен Жоффруа Сент-Илер дал новому отряду название однопроходных, или, иначе говоря, клоачных, животных.

Но и тут проблема не была полностью решена. Ведь по-прежнему неясно, к какому классу причислить этих однопроходных: к гадам или млекопитающим.

Ламарк говорил, что ни к тем, ни к другим, а к особому, новому классу первозверей. К тому времени у утконоса объявился родственник: в Австралии открыли еще одного зверя с птичьим клювом — ехидну, странное колючее создание, похожее и на ежа и на... кикимору.

Ехиднами греки называли гадюк. По-видимому, австралийская ехидна получила свое имя за странную и неприятную внешность, а возможно, причастна к этому и ядовитая шпора на ноге, которой природа наделила ее самцов. (Говоря, что у ехидны и утконоса птичий клюв, я имел в виду лишь внешнее сходство с роговым клювом птиц. Внутреннее его устройство совсем иное: если это клюв, то «звериный», не птичий.)

Итак, теперь их было двое, но кто они — вот задача.

Тут еще два новых сообщения, из Австралии и Германии, разделили зоологов Европы на три враждующих лагеря: сэр Джон Джемисон уверял, что утконос откладывает яйца, а немецкий анатом Меккель открыл у самки невероятного создания молочные железы (правда, без сосков). Их не замечали прежде, потому что только к дню деторождения они увеличивают свои микроскопические размеры.

Поистине чудны дела твои, Природа!

— Не может быть! — решили французы Сент-Илеры (Этьен и его сын Исидор) и немец Блюменбах. — Если зверь откладывает яйца, то у него не может быть молочных желез. — Так они полагали. Да и как новорожденные утконосики будут пить это молоко? С такими-то носами! Меккель, конечно, ошибся, приняв мускусные железы за молочные.

— Нет, — утверждал Меккель, — я не ошибся. А слухи о том, что утконос несет яйца, не больше чем легенда.

Жорж Кювье, его коллеги Бленвиль и Окен (все величайшие имена!) согласились с ним.

А два других больших знатока, Эверард Хом и Ричард Оуэн, проявив норманнскую мудрость, наполовину согласились и с теми и с другими: да, возможно, говорили они, утконос несет яйца, но не откладывает их — еще в яйцеводах их оболочки лопаются, и на свет рождаются живые утконосики, которых мамаша кормит потом молоком.

Победа! В 1829 году Этьен Жоффруа Сент-Илер, торжествуя, опубликовал письмо из Австралии, автор которого подробно описывал четыре найденных им яйца утконоса. К письму были приложены рисунки яиц. Такие подробные и хорошие, что знатоки, как только взглянули на них, сразу, без колебания решили: это яйца длинношеей черепахи. Итак, триумф Сент-Илера был недолгим.

А еще через два года новое письмо из Австралии принесло, казалось, триумф партии Меккеля и Кювье. Лейтенант Мол собственными глазами увидел, как из желез, открытых Меккелем на брюхе самки утконоса, вытекал не мускус, а молоко! Правда, один «незначительный» факт несколько омрачил радостное торжество: в норе утконоса Мол нашел скорлупки от яиц. Но наверное, это были яйца не утконоса...

— Нет, утконоса! — заявили тотчас Сент-Илеры и Блюменбах.

Тридцать лет прошло в таких спорах. В сентябре 1864 года профессор Оуэн получил письмо из Австралии. Один рабочий, писали в письме, поймал утконоса и принес его скупщику золота. Зверька посадили в ящик из-под вина. Наутро в ящике нашли два белых, мягких на ощупь яйца.

Профессор Оуэн не хотел поверить, что самка утконоса разрешилась от бремени естественным путем: наверное, она была испугана и потому, нарушив придуманное им правило, снесла яйцо, вместо того чтобы родить живых детенышей.

Еще двадцать лет продолжался ученый спор.

В 1884 году, 2 сентября, в городе Монреале проходило собрание Британской научной ассоциации. И вот в президиум этого собрания принесли телеграмму. Прямо из Австралии. От Колдуэлла, члена ассоциации. Собственными глазами он увидел, как самка утконоса снесла яйцо!

Редкое совпадение: в тот же день в Австралии, в Аделаиде, другой исследователь, Вильгельм Гааке, показал собравшимся ученым яйцо «кузины» утконоса — ехидны. Он нашел его в выводковой сумке у нее на брюхе.

«Служитель, — рассказал Гааке, — держал передо мною ехидну-самку за заднюю ногу на весу, а я ощупывал брюхо животного. Здесь я нашел большой мешок, настолько широкий, что в него можно было положить мужские часы. Это была выводковая сумка, образующаяся перед откладыванием яйца для принятия его. Позднее, по мере роста детеныша, она расширяется, а когда он покинет сумку, снова сглаживается. Только зоолог поймет, как я был изумлен, когда вытащил из сумки яйцо. Первое отложенное яйцо млекопитающего, которое я мог показать ученому обществу. Эта неожиданная находка так сбила меня с толку, что я сделал глупость, сильно сжав яйцо между пальцами, и оно треснуло. Длина яйца равнялась приблизительно пятнадцати, а ширина — тринадцати миллиметрам. Скорлупа была жесткая, словно пергаментная, как у многих пресмыкающихся».

Итак, все были не правы: и Сент-Илеры (отец и сын), и Блюменбах, и Кювье, и Оуэн. Утконос и ехидна, оказывается, одновременно и яйцекладущие, и млекопитающие. В этом редком сочетании мы видим приметы той эпохи, когда наши дальние предки уже оделись в шерсть и стали кормить детей молоком, но не утратили совсем и некоторые черты прародителей своих — пресмыкающихся: по старой традиции продолжали нести яйца.

Прежде чем отложить яйца, самка утконоса роет нору длиной от пяти до двадцати метров. Роет у воды, но вход в нее делает не под, как часто пишут (например, у Брема), а над водой. В конце норы устраивает гнездо из сырых листьев (именно сырых, чтобы в гнезде было достаточно влаги и скорлупа яиц не подсыхала), травы, тростника и древесных ветвей, которые долго мнет и ломает своими беззубыми челюстями. И, подхватив все это хвостом (а не клювом!), переносит в нору.

Затем, действуя хвостом, как каменщик лопаточкой, утконосиха сооружает из земли и глины толстую стенку, которой, как барьером, отделяет комнату с гнездом от других помещений норы. Делает это, чтобы сохранить в гнезде нужную температуру и влажность. Замурованную в самодельном термогидростате самку труднее найти и врагам. Врагов у нее, правда, немного, но все-таки они есть:

Утконос' Это странное создание у него утиный клюв, густая шерсть, он не рожает живых детенышей, откладывает яйца Первые дни кормит свое потомство молоком

небольшой питон, местный варан и лисицы, завезенные из Европы, а в воде — хищная рыба, которую называют гигантским окунем.

Отгородившись от мира глиняной стеной, утконосиха откладывает в гнезде два тускло-белых яйца. Редко одно или три. Они мягкие: скорлупа гнется под пальцами. Свернувшись клубком, зверюшка прижимает своих потенциальных отпрысков к груди и согревает их теплом тела. Значит, не только клювом утконос напоминает птицу: как и птица, он высиживает яйца!

Температура тела у ехидны и утконоса невелика: всего около 25 градусов. Кроме того, в зависимости от различных условий она то падает, то повышается, иногда даже на семь-восемь градусов. Почти у всех других млекопитающих животных нормальные суточные колебания температуры не превышают обычно одного градуса. Только у верблюда температура тела ночью опускается до 34, а в полуденный зной повышается до 40 градусов.

Возможно, что и тепло гниющих растений, из которых сложено гнездо, подогревает яйца. Но доктор Крумбигель говорит, что едва ли это так. Во-первых, подстилка из листьев слишком тонка для этого, а во-вторых, утконосики очень быстро вылупляются из яиц: листья не успевают за это время сгнить. Дней через десять — четырнадцать (а по некоторым наблюдениям — через семь — десять дней), прорвав скорлупу яйцевым зубом, молодые зверьки с клювами появляются на свет божий. Яйцевой зуб (он сидит на межчелюстных костях верхней челюсти) — своего рода «консервный нож», которым природа наделила детенышей, рождающихся из яиц со скорлупой: птенцов, новорожденных пресмыкающихся, ехидн с утконосами (даже многих пауков!). Единственное его назначение — вспороть скорлупу перед выходом из яйца. Выполнив эту несложную задачу, яйцевой зуб отваливается.

А молодые утконосики еще долго после того, как он отвалится (девять, одиннадцать или даже семнадцать недель!), лежат слепые и беспомощные на подстилке из листьев. Все это время мать кормит их молоком, в нем много белка и жира, но совсем нет сахара.

Сосков у нее нет, поэтому детеныши слизывают его прямо с шерсти. Утконосиха ложится на спину, молоко из молочных пор стекает в небольшую бороздку у нее на брюхе. Из этого «корытца» детеныши его и вылизывают, пока не подрастут и не научатся сами ловить и есть улиток, червей и раков.

Утконосы живут в быстрых холодных горных ручьях и в теплых мутных реках равнины, в озерах и даже небольших заводях Тасмании и Восточной Австралии (к западу до реки Лайкхарта в северном Квинсленде).

Крупный самец-утконос длиной сантиметров около семидесяти, самка поменьше. Мех у этого зверя густой, бархатистый, бурый (с серебри-

стым оттенком) сверху и серовато-белый снизу и пахнет рыбой, хотя зверек рыбу не ест. Клюв черный, широкий, но не ороговевший твердо, а довольно мягкий, кожистый. Он образован природой из того материала, который у других млекопитающих идет на нос и губы. Здесь в изобилии ветвятся осязательные нервы, и потому «клюв» утконоса, возможно, так же чувствителен ко всяким прикосновениям, как усы у кошки. Ушной раковины нет, но уши и глаза, когда зверек ныряет, плотно закрывают мускулистые складки. Так что под водой утконос ориентируется главным образом с помощью осязания.

Перепонки его передних ног, широко растянутые между пальцами и простертые даже вперед за концы когтей, так удобно устроены, что, когда утконос плывет, они отлично гребут. Но когда он путешествует по берегу и копает нору, то подгибает их спереди назад под ладонь, и тогда они не мешают когтям делать свое дело. Перепонки задних лап коротки, вытянуты вперед только до основания когтей и потому как весла менее эффективны. (На это прошу обратить внимание: другие водные звери гребут ведь главным образом задними ногами!)

Хотя вид у утконоса явно «водяной», больше времени, однако, он проводит на суше, чем в воде. Под водой промышляет рачков, червей, улиток рано утром и поздно вечером. Беззвучно плавает и ныряет. Минуту копается под водой, перепахивая клювом ил: всякую съедобную мелочь прячет в защечные мешки, что покрупнее — тащит сразу наверх. Там, на поверхности, благодушно урча, тоже около минуты «жует» то, что раздобыл под водой, — ломает и крошит панцири насекомых и раков более прочно ороговевшими краями клюва. Потом ныряет за новой порцией.

У взрослых утконосов совсем нет зубов, но у их детенышей есть молочные зубы, которые с возрастом исчезают. Формой своей они напоминают зубы древнейших млекопитающих. У ехидны не бывает даже и молочных зубов. Муравьев они «жуют» (вернее, давят о твердые борозды на нёбе) роговыми бугорками, которые сидят сверху на языке.

Голос утконоса похож на «сердитое ворчанье щенка» (доктор Эллис Трофтон), «недовольное квохтанье сердитой наседки» (Джеральд Даррелл).

Ест утконос много: за сутки почти столько, сколько сам весит. И всё насекомых, рачков и головастиков. Приготовить их в достаточном изобилии нелегко, поэтому нелегко и утконосов держать в неволе. Но дело это, как убедились, возможное.

В июле 1922 года в Нью-Йоркский зоопарк привезли утконоса, живого и невредимого, он прожил здесь сорок девять дней. Человека, которому утконос-эмигрант обязан был своим относительным комфортом в пути, звали Барреллом. Он сконструировал своего рода резиденцию для утконосов, именуемую платипусариумом. Большой, наполненный водой бак. Из воды вверх на сушу ведет лабиринт, имитирующий нору. Но главное в этой конструкции то, что пол и стенки лабиринта обиты резиновой губкой. Протискиваясь в узкий ход, утконос отжимает мокрую шерсть о тесные стенки хода, губка впитывает влагу, и зверек до жилой камеры искусственной норы добирается уже почти сухим. Это очень важно, так как мокрый утконос может быстро простудиться и заболеть.

Позднее методы Баррелла усовершенствовал Дэвид Флей, один из самых известных сейчас натуралистов Австралии, основатель и директор заповедника на Золотом Берегу Квинсленда, в Баррен-Пайнзе. Он первым добился того, что в его платипусариумах утконосы стали размножаться. Многие ранее скрытые от наблюдателей детали биологии утконосов нам известны теперь благодаря его трудам.

«— Знаете, в Англии в войну ходил один странный слух. Кто-то рассказал мне, будто в Лондонский зоопарк был отправлен утконос. Вы случайно не знаете об этом?

— Вот именно — чистое сумасбродство, верно? В самый разгар войны Уинстон Черчилль вдруг решил, что ему нужен утконос. То ли он рассчитывал, что это хорошее средство поднять дух людей, то ли собирался как-то обыграть это в пропаганде,то ли просто решил получить утконоса — не знаю. Ну так вот, я поймал красивого молодого самца, готовил его полгода, потом решил, что можно его отправлять... И вот утконос вышел в плавание на «Порт-Филиппе».

Представьте себе, утконос пересек весь Тихий океан, прошел Панамский канал, пересек Атлантику, и вдруг в двух днях пути от Ливерпуля — подводные лодки! Понятно, пришлось бросать глубинные бомбы. А утконосы страшно впечатлительны и очень восприимчивы к шумам. Разрывы глубинных бомб для нашего путешественника были последней каплей, и он испустил дух. В двух днях пути от Ливерпуля!» (Д. Даррелл спрашивает — Д. Флей отвечает).

Зоологи разделяют утконосов на три австралийских подвида и один тасманийский. Тасманийский подвид самый мелкий, и у него более узкий клюв.

Было время (много миллионов лет назад) — все млекопитающие звери были похожи на утконосов

только тем, что они откладывали яйца, а не рождали живых детенышей.

Обликом своим они не напоминали современных ехидн и утконосов, а походили скорее на крыс и других мелких грызунов.

Врагов у них было мало Напротив, они сами оказались страшными врагами мезозойских рептилий: поедали их яйца и малых детенышей. В великой гибели динозавров этим своим разбоем они сыграли немалую роль.

Но время положило конец их процветанию. Прежде они обитали на всех континентах, теперь сохранились лишь в Австралии. Расцвела другая ветвь Древа Жизни млекопитающих — живородящие, более приспособленные к переменчивым условиям среды. Вскоре почти всюду они сменили яйцекладущих. Как последний резерват немногих из них осталась Австралия.

Нужно всеми силами стремиться к тому, чтобы в этом уникальном музее-стране они сохранились и не погибли.

КУЗИНА ЕГО — ЕХИДНА

Кузина утконоса, ехидна, чтобы отложить и высидеть свое единственное яйцо, нору не роет. Мы уже знаем: она вынашивает его в сумке, такой же почти, как у кенгуру, но развернутой наоборот, отверстием назад.

Вот только непонятно пока, как это яйцо попадает в сумку. Раньше думали, что самка когтями или клювом закатывает его туда. Но когти и клюв для этого совсем не годятся. Думали, что, может быть, изгибаясь, самка откладывает яйцо прямо в сумку.

А сейчас считают, пишет Эллис Трофтон, известный знаток австралийских животных, что сумка вырастает у ехидны после того, как из яйца выведется детеныш (где-нибудь в укромном местечке). Когда он начнет сосать, прицепившись к шерсти у мамаши на брюхе, сумка сразу быстро-быстро растет и закрывает его со всех сторон, и он, сам того не ведая, оказывается в люльке. Но тогда как же находка Гааке? Ведь Гааке в уже готовой и такой большой сумке, что в нее «можно было положить мужские часы», нашел яйцо, а не детеныша!

Зденек Веселовский, который наблюдал за ехидной в Пражском зоопарке, тоже пишет, что яйцо она снесла в готовую уже сумку. В одной последней работе о биологии размножения ехидны утверждается то же самое.

Поэтому скажем так: зоологи должны еще уточнить, как яйцо ехидны попадает в сумку.

Живут ехидны в лесах и кустарниках почти по всей Австралии и Тасмании. Их тут два вида — австралийский и тасманийский. И в Новой Гвинее живут австралийские ехидны, кроме того, еще три вида так называемых проехидн. Они крупнее, ноги и клювы (изогнутые чуть вниз) у них более длинные, чем у ехидн, но иглы короче, и мех, растущий среди них, более густой.

Ехидна — его ближайший родич Она в воде не живет просто пришла к реке напиться Тоже откладывает яйца, но не в гнезде, как утконос, а в особую выводковую сумку на животе

Фирменное блюдо ехидн и проехидн — муравьи и термиты. Охотятся на них, как и муравьеды Америки, предлагая насекомым облепить свой длинный клейкий язык, а потом всю прилипшую компанию вместе с языком втягивают в узкий клюв.

У ехидн и проехидн клюв прорезан небольшой

Длинноволосая новогвинейская проехидна

щелью лишь на самом конце, и поэтому открывать его широко, как утконос, они не могут. Хвост короткий: австралийские и тасманийские ехидны зимой впадают в спячку. А весной, очнувшись от оцепенения, линяют, сбрасывая старые иглы и шерсть. Сырые, тенистые и гористые места они явно предпочитают сухим и низменным.

Как и наших ежей, иглы отлично защищают ехидн. Как и ежи, сворачиваются они в иглистый шар, когда этого требует критическая ситуация. Или быстро роют землю мощными когтями и вмиг закапывают себя. У ехидн рост малый, а сила не по росту велика: оторвать их от земли, когда они в нее вцепятся всеми четырьмя когтистыми лапами, нелегко.

Один зоолог запер как-то на ночь ехидну в своей кухне. Наутро пришел и увидел: вся мебель кухонная — тяжелый буфет, стол, шкафы, стулья — сдвинута с места от стен к середине, словно поработал над ней не маленький клювоносый зверек, а медведь. Лишь газовая плита, прочно прикрепленная трубами к стене, осталась на месте.

Немало времени ехидны проводят за туалетом. Природа наделила их особым гребнем. Второй палец, самый длинный, несет зазубренный коготь. Им зверьки чистят свою шкуру.

По-видимому, ехидны не ночные животные, как прежде думали, и даже не сумеречные. Добычу промышляют обычно после полудня. А когда вечереет, ищут уютное укрытие где-нибудь в расщелинах скал, меж камней, под пнями, в поваленных деревьях.

Впрочем, есть мнение с этим несогласное: пропитание добывают рано утром и поздно вечером. Тогда их только будто бы и можно увидеть на лоне природы.

Обоняние (и осязание) у ехидн прекрасное, слышат тоже хорошо, но видят неважно: только то, что вблизи.

Неволю, не в пример утконосу, переносят легко. Едят почти все, что прилипнет к языку и без труда втягивается в клюв: мясной фарш, хлеб, размельченные крутые яйца. Любят молоко и пьют его поразительно много. Но особый деликатес — сырые яйца, которые ехидны вылизывают языком. При великой своей прожорливости голодать, однако, могут по месяцу.

Самцы ехидн и утконосов носят на задних ногах костяные шпоры. Они покрыты кожей, словно чехлом, но острые концы торчат наружу и могут больно уколоть. Мутная жидкость вытекает по каналу, пронзающему шпору насквозь. Она ядовита.

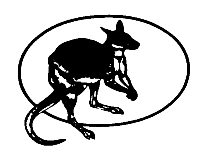
По-видимому, шпоры — отравленное оружие. Но до сих пор неизвестно, чтобы ехидна поранила кого-нибудь своей шпорой. (Правда, в борьбе за самку самцы ехидны пытаются иногда уколоть друг друга.) Утконос тоже сам не пускает ее в ход. Правда, некоторые люди и собаки, бесцеремонно обращаясь с безобидным зверьком, натыкались, случалось, на ядовитую шпору. Собаки довольно быстро умирали. Умирали и кролики (через две минуты!) после того, как экспериментаторы впрыскивали им под кожу яд утконоса.

Рассказывают про самку утконоса, которая нечаянно уколола шпорой своего самца (молодые самки утконосов тоже наделены шпорами, как и самцы). Раненый утконос после этого скоро умер. Один человек содержал дома утконоса. Случилось так, что он укололся об его шпору. Отравление было очень серьезным: сильные боли, руки и ноги распухли и отекли. Много месяцев он испытывал слабость и другие последствия действия яда утконоса. (А еще недавно считалось, что яд утконоса для человека не опасен.)

Ехидна и утконос — единственные на нашей планете ядовитые млекопитающие (если не считать некоторых насекомоядных).

В наши дни утконосы и ехидны уцелели только в Австралии и на некоторых близких к ней островах. Даже ископаемые их останки найдены до сих пор лишь в позднетретичных, плиоценовых, отложениях пятого континента.

ЗВЕРИ СУМЧАТЫЕ, ИЛИ ДВУУТРОБКИ

Почти у всех — выводковые сумки-колыбели (у многих с опорной костью) открываются вперед, как у кенгуру, или назад (пример — коала и сумчатый волк). У мурашееда нет сумки: детеныш цепляется за густые волосы на брюхе у матери. Детей рождают недоразвитых: они ползут в сумку, там присасываются к соскам и так висят несколько недель или месяцев, питаются молоком и растут, защищенные теплой стенкой материнской плоти от всех невзгод. У самок две матки, но плаценты и пуповины нет (только у бандикутов есть пуповина). Молочных зубов тоже не бывает.

Сумчатых — 8 разных семейств, 80 родов и 248 видов. Из них 72 обитают в Америке, а 176 — в Австралии и на ближайших к ней островах (Тасмания, Новая Гвинея, Тимор, Сулавеси, Молуккские). 120 миллионов лет назад сумчатые жили, по-видимому, на всей Земле, но позднее их сильно потеснили звери несумчатые (плацентарные). Лишь в немногих местах сохранились теперь сумчатые, и главным образом в Австралии и примыкающих к ней островах к северо-востоку до линии Уоллеса, которая незримо отделяет Сулавеси от Калимантана (где сумчатых уже нет) и островов Бали и Ломбок.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СУМКУ

Часто говорят и пишут, что одно из самых «эксцентричных» животных, кенгуру, было открыто и впервые описано капитаном Джеймсом Куком в 1770 году, когда знаменитый его корабль «Индевор» бросил якорь у берегов Восточной Австралии.

Но это неверно. За сто пятьдесят лет до Кука, при обстоятельствах весьма трагических, первое знакомство с кенгуру завел голландец Франс Пельсарт.

В 1629 году его корабль «Батавия» потерпел крушение у берегов Западной Австралии. Капитан Пельсарт отправился за помощью в настоящую Батавию (ныне Джакарта). А в это время некоторые из оставшихся на берегу матросов решили воплотить в жизнь давнюю мечту: захотели стать пиратами! Сговорились и перебили своих товарищей, мечтавших, по-видимому, о другом.

Когда Пельсарт вернулся с подкреплением из Батавии, ему удалось перехитрить пиратов-самоучек. Он захватил их в плен и всех казнил, кроме двух, которых оставил на берегу. Это были первые белые «поселенцы» в Австралии.

Кроме приключения с пиратами Пельсарт и его товарищи пережили еще одно волнующее событие, которое имеет непосредственное отношение к теме нашей книги. Они повстречали на равнинах Новой Голландии (так называли тогда Австралию) очень странное существо: оно прыгало, как кузнечик, на двух длинных-предлинных задних ногах. Короткие передние лапки животное прижимало к груди. Хвост у него был тоже «очень длинный, как у длиннохвостой обезьяны».

Полагают, что первый кенгуру, которого увидели европейцы, был небольшим кустарниковым валлаби-дама, или таммар-валлаби. Но известие о нем, об этом животном, дошло до Европы... лишь через двести лет. Вернее, дошло-то оно раньше, но затерялось в архивах, его отыскали и вспомнили о нем лишь после того, как слово «кенгуру», привезенное Куком из Австралии, облетело уже весь мир.

Случилось это в 1770 году. «Индевор» получил повреждение на Большом Барьерном рифе у вос-

«Удивительный кенгуру' Единственный, который живым прибыл в Европу. Показывают ежедневно на Стрэнде с восьми утра до восьми вечера. » — так писали газеты о первом кенгуру, привезенном в Англию

точных берегов Австралии. Пока судно ремонтировали, Кук и Джозеф Бенкс, натуралист и меценат, отправились на берег поохотиться. Они много слышали о странных существах, которые здесь водятся: звери эти ростом будто бы с человека, голова у них оленья, хвост длинный, а прыгают, как лягушки! «Кроликов», которые прыгали, как лягушки, Кук уже видел, но больших зверей, ростом с человека, еще не встречал. Правда, нашли однажды помет неведомого животного, «которое питалось травой и

ростом было не меньше оленя», — так заключили знатоки с «Индевора», изучив следы таинственного незнакомца.

Джозеф Бенкс взял с собой собаку грэйгаунда, или, иначе говоря, английскую борзую. Она и выследила в высокой траве четырех больших «тушканчиков», которые, спасаясь от нее, «скакали на двух ногах, вместо того чтобы бежать на четырех». Но и на двух ногах удирали так быстро, что собака не могла их догнать.

Позднее Кук спросил местных охотников, как называют они зверей, которые скачут на двух ногах.

Говорят, он обратился к ним по-английски:

— Can you tell me?..(Можете ли вы мне сказать?..)

— Кэн тэлру? — ответили австралийцы, повторив на свой лад его вопрос, так как не расслышали его.

— Кэн-гу-ру? — переспросил Кук.

— Да-да. — Они согласно закивали головами.

Так будто бы по методу испорченного телефона из вежливой английской фразы «Кэн ю телл ми» и родилось на свет всем ныне хорошо известное слово «кенгуру».

Другие утверждают, что все было иначе. Кук, может быть, и спросил: «Кэн ю телл ми?», но ему в ответ пробурчали что-то похожее на «кенгуру», что означало на австралийском языке «я не понимаю».

Наконец, третьи говорят, что все это не так. Слово «кенгуру» (вернее, «гангуру») действительно есть в лексиконе у местных племен, кочевавших вблизи Куктауна, как раз там, где Кук и повстречал этих самых «гангуру».

Каких именно кенгуру видели мореплаватели с «Индевора» (позднее они даже поймали нескольких из них), неизвестно. Думают, что скорее всего бичехвостых валлаби.

Не прошло и двадцати лет, как вслед за Куком к берегам Австралии прибыл первый британский флот во главе с генерал-губернатором всех вновь открытых здесь территорий. И с первыми же кораблями, которые отплыли в Англию, губернатор и его офицеры послали в дар королю Георгу III живого... кенгуру.

В Англии заморского оригинала ждала восторженная встреча. Тысячи лондонцев спешили посмотреть на него. Были напечатаны и расклеены по городу афиши, превозносившие действительные и мнимые достоинства кенгуру. Одна из них, например, была составлена в таких выражениях:

«Удивительный кенгуру

Единственный, который живым прибыл в Европу. Показывают ежедневно в Лицеуме на Стрэнде с восьми утра до восьми вечера.

Это поразительное, прекрасное и кроткое животное не похоже ни образом, ни сортом, ни симметрией тела на всех других четвероногих! Его многочисленные и исключительные качества превосходят все, что может вообразить широкая публика. Созерцая его, она приходит в восторг и награждает необыкновенное животное аплодисментами». И так далее в том же роде. А в конце маленькая приписка: «Плата за вход — один шиллинг».

Но среди похвал, щедро расточаемых составителями афиш по адресу кенгуру, не было упомянуто одно самое редкое его качество. Не заметили его и капитан Кук, и сопровождавшие его натуралисты Соландер и Бенкс. Но старый морской волк Франс Пельсарт о нем знал!

«Снизу, на животе, самка носит сумку, в нее можно залезть рукой. Мы нашли в сумке детеныша, который висел на соске, вцепившись в него своим ртом. Мы видели несколько подобных «зародышей», они все были величиной с боб, так что, по-видимому, и вырастают здесь из сосков» (Франс Пельсарт).

Убеждение, что детеныши кенгуру не рождаются обычным путем, а отпочковываются от сосков, было очень широко распространено прежде. Да и сейчас еще многие фермеры в Австралии верят, что между яблоней и кенгуру есть некоторое сходство: плоды на ветвях и детеныши на сосках вырастают у них примерно одинаково. Эллис Трофтон описал однажды в австралийской газете, как кенгуру рождают своих детенышей. И получил письмо, в котором возмущенный читатель заявлял, что, несмотря на рассуждения всяких «трофтонов и других умников с Питт- и Джордж-стрит», он остается при своем мнении на предмет о том, как родятся кенгуру.

Долго об этом «предмете» велись споры и среди натуралистов. Правда, немногие из них сомневались в том, что кенгуру размножаются не вегетативно, как растения, а обычным для зверей путем. Но вот как новорожденные «эмбрионы» попадают к мамашам в сумки, чтобы закончить там свое развитие, — об этом спорили особенно много. И лишь сравнительно недавно истина окончательно была установлена.

Я сказал: окончательно установлена, хотя первые правильные наблюдения (а им не всегда верили) сделаны очень давно.

«...Мать тотчас после рождения, захватив

губами, вкладывает его в сумку» (Брем А. Жизнь животных).

Зоологи тогда думали, что своих новорожденных детенышей кенгуру и другие сумчатые переносят в сумки, захватив губами. Лапами в это время мамаша будто бы открывает сумку. Это мнение поддерживал и развивал известный английский биолог Ричард Оуэн. И даже когда в начале прошлого века его коллега профессор Бартон из Филадельфии своими глазами увидел, как новорожденные детеныши американского опоссума, похожие больше на червячков, чем на зверят, сами ползли по брюху матери в сумку, Оуэн все равно не поверил Бартону.

За три года до того, как Ричард Оуэн в 1833 году развил свою неверную, но «живучую» теорию о методе транспортировки новорожденных кенгурят в сумку, лондонский зоологический журнал опубликовал очень интересную статью военного врача Александра Колли. Статья имела непосредственное отношение к теории Оуэна, и очень жаль, что не привлекла его внимания.

«Он, как только родился, сразу пополз по шерсти на животе у матери к отверстию в сумке. А она, повернув голову к своему отпрыску, внимательно следила за его передвижением, не более быстрым, чем у улитки» (Александр Колли).

Она — мать-кенгуру, таммар-валлаби. Он — ее малютка-детеныш, размером меньше мизинца. Она, полулежа на спине, довольно безучастно наблюдала за героическим маршем крошечного «эмбриона», слепого, глухого, но одержимого «великой идеей», одним неистребимым побуждением — ползти и ползти ко входу в сумку. И поскорее нырнуть в нее. А нырнув, найти там сосок и присосаться к нему. Еще до рождения в хромосомных шифрах его наследственности был запрограммирован великий инстинкт, который заставил теперь эмбриона-пилигрима отправиться в нелегкий путь через волосяные джунгли на брюхе породившего его зверя.

Когда детеныш дополз до соска и присосался, Колли отцепил его и положил на дно сумки. Через час пришел проверить, что делает... эмбрион? детеныш? личинка? (не знаешь, как и назвать его!). Он еще ползал «за пазухой» у матери: искал сосок. Через два часа нашел его и прочно присосался.

У некоторых кенгуру новорожденные детеныши весят всего 500—750 миллиграммов. В тридцать тысяч раз меньше, чем мать. У кенгуру ростом 1,5 метра новорожденный детеныш — около двух сантиметров, вес его — не больше «пяти-шести булавок»! Один грамм!

Чтобы добраться до сумки, микродетенышу кенгуру приходится проползать немалый путь. Как он находит дорогу? Почему не сбивается с пути? Ведь мать — это подтверждают все наблюдения — ничем ему не помогает. Полулежит себе на спине и равнодушно смотрит на него. Нигде не подтолкнет, не направит.

Впрочем, не совсем так, кое-чем все-таки помогает: вылизывает дорогу!

Перед самыми родами кенгуру-мать начинает лизать свой живот. Вылизывает старательно, но не всюду, а только узкую полоску — дорожку ко входу в сумку! Эта дорожка и стерильна (так как чисто вылизана), и хорошо размечена указателями (так как мокра). По мокрой шерсти детеныш и старается ползти. Если собьется в сторону и попадет на сухую шерсть, сейчас же поворачивает назад.

Однажды мать-кенгуру, предварительно вылизав свои «руки», помогала ими ползти детенышу. Но это был исключительный случай: детеныш родился в «рубашке», которая стесняла его движения. Бывало и так: пытаясь помочь или случайно задев новорожденного микродетеныша, мать, увы, убивала его грубым прикосновением своих когтей.

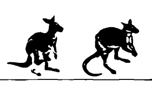
Ползет он, работая передними лапками, словно веслами. Они у него, как у крота, сильные и толстые, с острыми коготками. А задние еще недоразвитые, на них и пальцев нет. (У взрослого же кенгуру совсем наоборот: передние лапы вроде бы недоразвитые!)

Ползет новорожденный кенгуру не быстрее улитки, а все-таки через полчаса добирается до сумки и исчезает в ней.

Пройдет еще немало времени, прежде чем у мамы в «кармане» найдет он сосок. А как найдет, крепко схватит и повиснет на нем. Губы его прирастут к соску (к одному из четырех). Теперь он висит неподвижно, как плод на ветке. Даже молоко сам не сосет: сосок, сокращаясь, впрыскивает его в глотку двуутробной «личинки».

«Мы установили (и наш фильм это может подтвердить), что мать (вопреки распространенным утверждениям) не облизывает шерсть, чтобы проложить дорожку для детеныша» (Джеральд Даррелл).

Поражает иногда, как все-таки плохо еще мы знаем многих, даже самых обычных животных! Я уже говорил о загадочной проблеме с сумкой ехидны. С кенгуру, как видите, такая же история; наблюдения и утверждения знатоков не сходятся:

вылизывает или не вылизывает мать указательную стезю в сумку?

Не был ли здесь, впрочем, какой-нибудь особый, патологический случай? Потому что многие другие исследователи с Дарреллом не согласны. Опоссумы тоже вылизывают у себя на брюхе дорожку в сумку. Доктор Инго Крумбигель, один из крупнейших знатоков млекопитающих животных, полагает, что это в обычае у всех сумчатых.

Беременность у кенгуру в разных условиях и обстоятельствах очень разная: в среднем от 33 до 130 дней. На соске новорожденный кенгуренок висит еще несколько недель (у иных месяца два!) — и вот, протиснувшись в щель сумки, покидает удобную «колыбель с центральным отоплением и встроенным молочным баром». Но не навсегда! Долго еще потом, почти целый год, когда вырастет и научится бегать, большой и длинноногий кенгуренок при каждой опасности (да и без нее) прячется у матери в сумке (даже если там висит на соске его младший брат!). Он уже не помещается в одной колыбели с молочным братом, ноги-ходули торчат наружу, а прячется. Мускул на краю сумки сокращается и «автоматически» ее запирает.

Кенгуру-мать с детенышем «за пазухой» большими скачками удирает от погони. Но если враги ее настигают, часто выбрасывает живую ношу им на растерзание: тоже своего рода автотомия — самое древнее средство страхования жизни. Ящерица в критических ситуациях расплачивается хвостом, кузнечик — ногой, осьминог — щупальцем, а кенгуру... кенгуренком, своим единственным.

Впрочем, не совсем ясно: жертва это или ответственный акт материнства, так как настоящие кенгуру и валлаби выбрасывают детенышей из сумки обычно либо в густой куст, либо около дуплистого гниющего на земле дерева, чтобы тот мог спрятаться. Потом, если уцелеют, сумчатые матери возвращаются к месту вынужденного расставания и подбирают своих детей.

Роды у кенгуру легкие — ни мук, ни хлопот. А плодовитость...

«Все равно что поточная линия на заводе Форда. Посмотришь — один детеныш развивается в чреве, второй висит на соске в сумке, а третий уже бегает, но еще сосет» (Джефф Шерман, австралийский биолог).

Бывает (правда, редко), рожают они и двух детенышей, а в сумке гигантского рыжего кенгуру нашли однажды сразу трех присосавшихся «эмбриончиков».

Деторождение у кенгуру — в любой сезон года, но обычно австралийской зимой.

КЕНГУРУ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ

В семействе кенгуровых, не считая уже истребленных и вымерших, около 50 видов. Самых мелких из них, тех, что ростом немного больше крысы, называют крысиными кенгуру, средних — валлаби, а самых крупных (у которых стопа задних ног длиннее 25 сантиметров) — настоящими кенгуру.

Большие кенгуру только на первый взгляд одинаковы. Их три разных вида. Серые лесные кенгуру: конец морды у них между ноздрями, да и вокруг них, порос шерстью, как у зайца, тело серо-бурое, брюхо грязно-белое, а конец хвоста темный. Рыжие степные: конец морды между ноздрями порос шерстью лишь до середины ноздрей, голова голубовато-серая, на щеках, ближе к ноздрям, по одной косой черной полосе, тело у самцов рыжее, у самок серое, но бывают и самцы все сплошь серые, а самки рыжие (у западного подвида), конец хвоста светлый. У матерых самцов в пору размножения грудь пурпурная — от особых выделений кожных желез. И третий вид — горные кенгуру, или воллару. Телом они более массивные, шерсть густая и грубая, конец морды между ноздрями бесшерстный, голый, как у оленя. Голова и тело у самцов темно-серые, но у некоторых рас бывают и рыжебурыми. У самки светлее. Конец хвоста у самцов черный, у самок светлый.

Серый, рыжий кенгуру и воллару почти одинаково велики и в равной мере заслуживают (хотя и несколько преувеличенного, но давно принятого)

названия гигантских, так как из всех современных сумчатых рост у них самый импозантно высокий. Но рыжий кенгуру, пожалуй, немного крупнее других: длина от носа до кончика хвоста нередко 2,5—2,7 метра. Серый кенгуру и воллару в среднем чуть меньше. Однако зарегистрирована длина шкуры старого самца серого кенгуру, по-местному бумера, около 3 метров. А про рыжих рассказывают: попадались в старые времена самцы длиной в три с четвертью метра. Может, так и было когда-нибудь давно, теперь таких кенгуру в Австралии нет.

Врагов, кроме человека, глистов и песчаных блох, которые, кусая в глаз, часто совсем ослепляют бедных животных, у гигантских «тушканчиков» немного: динго, лисы, завезенные из Европы, и клинохвостый орел. Но недруги эти обычно отваживаются нападать только на молодых и больных кенгуру-великанов. Здоровых и взрослых спасают ноги, знаменитые и резвостью и силой удара. На двух ногах скачут кенгуру со скоростью около пятидесяти километров в час, каждым прыжком покрывая дистанцию в шесть метров. На косогорах, вниз по склону, гигантский кенгуру может прыгнуть и на двенадцать метров, а для старого самца забор в два с половиной метра и даже в три метра высотой хоть и с трудом, но преодолим.

Сила удара задней ноги большого кенгуру так велика, что, были случаи, люди падали с проломленными черепами. Недавно в предместье Сиднея пострадал от этой ноги полицейский, который помогал вязать забежавшего сюда бешеного кенгуру. Эллис Трофтон говорит: не только гигантские кенгуру, но и крупные валлаби внезапно приходят в спонтанную ярость и бьют тогда крепко. Поэтому он не рекомендует позволять детям ласкать и кормить кенгуру в зоопарках.

Тут интересно упомянуть еще раз (об этом уже писали), что у кенгуру есть интересный прием защиты от охотничьих собак и динго. Когда те их слишком упорно преследуют, бегут наши «тушканчики» туда, где, знают, есть озерко или пруд. Заберутся в воду по грудь, собаки в безрассудной своей храбрости — за ними. Тогда кенгуру, прочно упершись природным своим треножником (двумя задними ногами и хвостом) в илистое дно, хватает собаку передними лапами и топит: держит ее голову под водой, пока собака не захлебнется. Бывало, если и не решался пес прыгнуть в воду, а тявкал с берега, «удивительный кенгуру» выскакивал из воды, хватал его и тянул в воду.

Однажды, случилось это, впрочем, давно, молодой колонист, еще плохо знавший кенгуру, решил поохотиться на старого бумера. Кончилось дело финалом, нам известным. Кенгуру утопил собаку. Тогда взбешенный охотник, как потом он сам признался, «решил размозжить голову кенгуру прикладом ружья» и смело кинулся в пруд. Но кенгуру изловчился и окунул охотника и раз, и два, и три, и, если бы не подоспевшая вскоре помощь, тот наверняка захлебнулся бы. Вытащили его во всяком случае без сознания.

Выясняют отношения!

В неволе крупные кенгуру жили по десять лет. Очевидно, срок их естественного долголетия — около пятнадцати лет.

Самцы рыжего кенгуру ярко-винно-красного цвета или элегантно-дымчато-голубые, стремительные в упругих, словно парящих, прыжках, заслужили здесь прозвание «голубых птиц». Жизненное пространство у них обширнее, чем у других: почти весь континент, за исключением лишь крайних западных и восточных прибрежных областей да сырых тропических лесов на востоке и севере. Это равнинное, степное и пустынное животное. В Австралии рыжий кенгуру занимает, как говорят

биологи, ту же экологическую нишу, что и степные антилопы Африки. Он кочует небольшими стадами (от десятка до сотни разновозрастных зверей) в поисках богатых травами угодий, которые скотоводы еще оставили в его распоряжении. Рыжий менее дик и зол на человека, чем два других гигантских кенгуру. А именно серый и воллару. Серый гигантский — по преимуществу лесной. Живут эти кенгуру (не много их осталось!) на крайнем востоке и юго-западе Австралии, в Тасмании и на острове Кенгуру, тут же недалеко.

Воллару — самые злые, упорные и опасные в драке из всех четвероногих Австралии. Сложения они крепкого, пожалуй, даже коренастого, задние ноги у воллару покороче, чем у серого и рыжего кенгуру, но толще, и удар их очень силен. Защищаясь, воллару и зубы пускают в дело, и когти. В неволе неуживчивы и колотят соседей безжалостно. Несколько подвидов воллару живут в предгорьях и скалистых горах на восточном, западном и северо-западном побережье, а один вид — в горных районах Центральной Австралии. Днем обычно прячутся в скалах, по которым лазают очень ловко, а ночью пасутся на плоскогорьях и лугах: едят траву, листья, побеги. Без воды живут долго. Когда жажда их томит, грызут кору молодых деревьев и кустарников.

По соседству с воллару живут кенгуру помельче — горные валлаби. Ступни их задних ног отлично приспособлены для жизни в горах: шероховатые и подбитые густой шерстью. На двух ногах, совсем не помогая себе передними лапами, скачут валлаби по таким отвесным кручам, что дух захватывает. Скалы местами до блеска отполированы их подошвами. Когда враг настигает, горные валлаби, не задумываясь, прыгают с разбегу на деревья, как можно выше на развилку или сук и большими пальцами ног крепко охватывают их.

Когда вокруг все спокойно, они любят часами греться на солнце, время от времени переговариваясь с родичами по «беспроволочному телеграфу», такого же типа, как у кроликов и зайцев. Стучат лапами по земле, и это значит: «Как живешь?» Если кто-нибудь незваный вторгается в пределы их владений, валлаби теми же сигналами, только более громкими и тревожными, предупреждают соседей: «Будьте бдительны!» Злейший недруг горных валлаби кроме человека и его собаки — небольшой питон, который живет там же, где и они.

В Австралии (ни на Тасмании, ни на Новой Гвинее их нет) десять видов больших горных валлаби и один малый. Валлаби, которые горам предпочли равнины, тоже сигналят об опасности ударами лап по земле. Они очень проворны, скачут быстро, трехметровыми прыжками и, бывало, удирая от собак, легко перескакивали через головы охотников, пытавшихся преградить им путь. Пасутся обычно ночью, а днем многие спят, забившись в чащу кустов. Некоторые роют норы с двумя выходами и, как сурки, ныряют в них в испуге. Или прыгают с разгона в дупла деревьев. Особенно шипохвостые валлаби. На конце хвоста у них роговой шип, похожий на ноготь. Из всех зверей только еще у одного сумчатого (длинноухого бандикута) и у льва есть нечто подобное. Зачем им это странное украшение хвоста — непонятно. Возможно, — так некоторые уверяют — «ногтем» на хвосте валлаби сгребают в кучу ветки и листья, когда готовят себе грубое гнездо для ночлега.

Другая странность этих небольших, ростом с зайца, кенгуру — нелепая на вид манера, убегая, не прижимать к телу передние лапы, а крутить и болтать ими в воздухе. За это прозвали их «шарманщиками». Самки шипохвостых валлаби, когда удирают, почти всегда выбрасывают из сумки детеныша, если он достаточно уже вырос, чтобы уметь прятаться. Обычно мать делает это, пробегая около какого-нибудь дупла в гниющем на земле дереве. Ее малолетний детеныш тут же ныряет в дупло и, притаившись, ждет, когда мать придет за ним, если, конечно, сумеет обмануть собак в лабиринтах кустарниковой чащи. Жива будет — никогда его не оставит и вернется за драгоценной своей ношей.

Валлаби — небольшие кенгуру, но они не овечки. Детей защищают храбро. Лисы, расплодившиеся в Австралии, и местные клинохвостые орлы, испытав на себе силу удара кенгуриных задних лап, отваживаются нападать только на детенышей валлаби. Тактика у них такая: схватить его внезапно и бежать (или лететь), чтобы мать не догнала. Если та рядом, отнять у нее дитя нелегко. Видели, как клинохвостый орел, долго маневрируя в ложных атаках, пытался нагнать страху на самку валлаби Грэя и отогнать ее от детеныша, который жался к ней. Добившись лишь частичного успеха в этом, орел решил, что успеет схватить чуть отбежавшего кенгуренка, и с метровой высоты упал на него. Но мать в виртуозном скачке перехватила его на полпути к цели и ударила задними лапами. Орел ретировался, решив, что с него хватит. А кенгуренок тут же забрался к маме в сумку.

Среди валлаби есть животные особого сорта — древесные кенгуру. Наскучило им скакать по земле, полной треволнений и врагов, и родным домом их стали деревья. Многие равнинные валлаби часто ищут спасения на деревьях, а эти и вовсе туда переселились. Случилось так, по-видимому, совсем недавно (конечно, в масштабах времени, которым измеряется эволюция, а не наши повседневные

дела). Задние ноги у древесных валлаби за небольшой эволюционный срок успели укоротиться, а передние стали длиннее: с такими пропорциями конечностей лазать по деревьям удобнее. Стопы задних ног у них очень шероховатые, а когти на всех пальцах длинные и крючковатые, чтобы крепче цепляться за кору и ветки. Но хвост у них не цепкий. Он на конце с небольшой кисточкой, действует лишь как руль и балансир в прыжке и подпорка при лазанье. Передвигаясь по сукам, древесные кенгуру держат тело горизонтально, а не вертикально, как их наземные сородичи, а когда спят или стоически терпят низвергающиеся на них каскады тропического ливня, дугой изгибают спину и прячут голову между передними ногами. Эти новые повадки привели к тому, что естественный отбор заставил волосяную «макушку», из которой шерсть на спине радиально расходится во все стороны, переместиться так, что волосы на шее растут у них не от головы к хвосту, а наоборот. И теперь, когда кенгуру от дождя прячет голову между передними лапами, волосы на ее теле образуют как бы естественный скат для воды, которая, легко и беспрепятственно обтекая их по поверхности, под шерсть не проникает. По той же причине и у обезьян, имеющих привычку закрывать руками голову от дождя, волосяной ворс на предплечьях, которые в этой позе подняты вверх, направлен не от локтя к кисти, а в обратную сторону.

Родина древесных валлаби — Новая Гвинея: там их семь видов. В Австралии только два, которые переселились сюда из Новой Гвинеи сравнительно недавно. Это древесные валлаби Беннета, или, по-местному, тхарибина, и Лумгольца, или бунгари. Оба живут в горных тропических лесах на севере Австралии, всего в двух точках (на географической карте) — у восточного побережья полуострова Кейп-Йорк, Квинсленд. Оба темно-серо-бурые. Но у древесного валлаби Беннета в основании хвоста темно-рыжее пятно (и волосяная «макушка» на середине спины, а на лбу небольшой хохолок). У валлаби Лумгольца поперек лба светлая полоса и брюхо светлое (а «макушка» над плечами).

Повадками все виды древесных кенгуру похожи. Живут они небольшими группами: один взрослый самец и несколько самок с детенышами. Днем обычно спят на вершинах деревьев. Ночью кормятся листьями, побегами вьющихся растений, фруктами. Под прикрытием мрака спускаются (хвостом вперед!) на землю, чтобы полакомиться папоротниками. По деревьям лазают очень ловко и быстро, иногда скачут с одного на другое на манер

Родина древесных кенгуру — Новая Гвинея их тут семь видов В Австралии только два, которые переселились сюда из Новой Гвинеи сравнительно недавно

обезьян и перелетают пространство в десять метров. В испуге с огромной высоты прыгают с деревьев на землю — один валлаби Беннета скакнул с верхушки восемнадцатиметрового дерева! — и приземляются без увечий на все четыре упругие, как у кошки, ноги. Самцы их очень драчливы, и в зоопарках, бывает, сильные насмерть забивают слабых.

Австралийские аборигены охотятся на древесных валлаби с прирученными и соответственно дрессированными динго. Собаки по ночному следу находят дерево, на котором мирно дремлют бунгари, и вертятся здесь. Охотники подбегают и лезут на дерево. Если не успеют схватить за хвост сонного валлаби, то сгоняют его на землю, где собаки уже не зевают. Тут надо сказать, что жаркое из всех валлаби, не только древесных, очень ценится мест-

ными гурманами. Они утверждают, что оно вкуснее зайчатины.

Чтобы закончить о кенгуру, надо сказать несколько слов о самых маленьких из них — о крысиных кенгуру (не путайте с кенгуровыми крысами, или американскими «тушканчиками», это совсем другие животные).

Девять видов крысиных кенгуру (некоторые из них почти полностью, а два вида, по-видимому, полностью истреблены) обитают в Австралии и два вида — в Тасмании. Ростом они с крысу или кролика.

У мускусного крысиного кенгуру хвост бесшерстный, как у крысы, и передвигается этот зверек на всех четырех лапах. Остальные скачут лишь на задних, и хвосты у них вполне приличные на вид — не голые, а все в шерсти.

Трава, клубни, грибы (а у мускусного еще и насекомые) — таково меню этих мини-кенгуру. Многие пасутся по ночам и тогда часто и безбоязненно прыгают по окраинам поселков, подбирая разные отбросы на свалках и помойках.

Некоторые живут в норах, другие строят из травы и листьев незатейливые гнезда под кустами и в гуще трав. Строительный материал транспортируют очень забавно: подцепив его изогнутым вниз хвостом (как американский опоссум и утконос).

В прежние времена крысиные кенгуру процветали на Австралийском континенте, и было их столько, что фермерам приходилось постоянно думать, как защитить посевы и стога сена. Когда ввезенные из Европы лисы расплодились в Австралии, безмятежному житью-бытью крысиных кенгуру пришел конец, и всюду они стали быстро вымирать.

С 1923 по 1955 год с одного лишь острова Тасмания было вывезено более двух миллионов шкурок кенгуру. Как полагают, вдвое больше при этом погибло подранков.

Истребление кенгуру началось давно и продолжается по сей день. Цифры о количестве погибших отрывочны, но выразительны.

Из одного лишь штата Квинсленд с 1950 по 1960 год экспортировалось ежегодно по 450 тысяч шкур кенгуру. В этом штате зарегистрировано 1800 профессиональных охотников на кенгуру. В среднем каждый добывает в день 25 этих сумчатых (рекорд — 140 кенгуру в день!).

Одна американская швейная фабрика специализируется на обработке меха кенгуру. Ежегодно она покупает их шкурок на сумму 140 тысяч долларов.

Охотятся на кенгуру не только из-за шкур, но и ради мяса, которое идет на корм собакам и кошкам, а также (соответственно обработанное) в пищу человека.

С 1958 по 1962 год Австралия экспортировала 7500 тонн мяса кенгуру. Примерно столько же было потреблено в самой стране. Если иметь в виду, что только задняя часть тушки кенгуру используется в мясной промышленности, то получается, что необходимо было добыть не менее двух миллионов этих животных. Особенно большой урон несут гигантские кенгуру: в это же время их было убито в одном только Новом Южном Уэльсе около миллиона. Натиск мехопромышленной и мясной индустрии на кенгуру все усиливается. Хорошо, что в последние годы новые законы сильно ограничили истребление кенгуру, но как пойдет дело дальше, покажет время.

КОАЛА, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ПЬЕТ

Кенгуру — символ Австралии, и коала — ее символ. Коала удивителен, трогателен, кроток. Зверек милый, игрушка природы, игрушка в руках судьбы, злым орудием своим избравшей алчность человека. Драгоценный раритет планеты, спасенный энтузиазмом благородных людей. Ответственность и долг перед будущим природы заставили их действовать быстро и решительно.

Коала на языке аборигенов значит «не пьет». Он и правда никогда или почти никогда не пьет. Во всяком случае пьет мало, довольствуясь влагой свежих листьев эвкалиптов. Его греко-латинское родовое имя «фасколарктос» (первые два слога греческие, два последних — латинские, как часто бывает

в зоологической номенклатуре) означает «сумчатый медведь». Но коала не медведь, он слишком мал для этого и кроток (да и роду-племени другого). Но на маленького, игрушечного медвежонка очень похож.

Шерсть густая, серебристо-серая, ушки оторочены длинной мягкой опушкой. Хвоста нет. На передних лапах пять пальцев, два из них, как наш большой, отгибаясь вбок, противопоставляются трем другим, чтобы удобнее было хвататься за ветки. На задних — один первый (он же единственный без когтя!) противопоставляется четырем другим (второй и третий срослись воедино). Сумка у «медведицы» открыта отверстием назад. В ней два соска.

Если он не медведь, так кто же? Тут спор еще не решен. Есть у него черты и австралийских опоссумов, и вомбатов. Скорее всего, полагает Эллис Трофтон, он все-таки вомбат, решивший жить не на земле, как его дальние предки, а на деревьях. И только на эвкалиптах, в основном медовом и точечном (впрочем, еще двенадцать других видов этих деревьев дают ему пропитание).

И вот какое поразительное открытие сделали биохимики, исследовав листья любимых коала эвкалиптов: в них к осени, особенно в молодых, очень много синильной кислоты! Яд страшный, и не раз, бывало, гибли овцы, поев этих листьев. Так почему коала не погибает? Умирает тоже, если много съест. Но мудрый инстинкт заставляет его осенью менять диету: с медовых эвкалиптов, особенно богатых ядом, он перелезает на другие. А если таких поблизости нет, жует старые листья коварного дерева, в которых синильной кислоты мало. За сутки взрослый коала съедает около килограмма эвкалиптовых листьев. Траву, корневища, да и вообще другие растения, кроме эвкалиптов, он, кажется, совсем не ест (однако в неволе охотно пьет молоко!).

Свадьбы коала справляют в сентябре, самое позднее — в январе. Через двадцать пять дней матери рождают одного (редко двух) крохотного детеныша длиной около двух сантиметров и весом пять с половиной граммов. Он ползет сам, как и кенгуренок-полуэмбрион, в сумку. В ней висит, присосавшись к соску, шесть — восемь месяцев. Семимесячный — длиной не более двадцати сантиметров. И примерно тогда мать с молочной диеты переводит его на свой странный эвкалиптовый суп или пюре, как вам будет угодно это называть.

Кажется, раз в сутки, от двенадцати до двух часов после полудня, из отверстия, противоположного рту, самка выделяет зеленое пюре из слегка переработанных в ее желудке листьев. Детеныш высовывает мордочку из сумки и слизывает его. Открытая назад сумка облегчает ему эту задачу. Но все остальное время (кроме двух часов в сутки!) кишечник самки коала, опоражниваясь, выбрасывает не питательную смесь, а обычный помет.

Привыкнув к эвкалиптовой диете и научившись жевать листья, молодой коала покидает сумку и перебазируется к матери на спину. Здесь носит она своего баловня, крепко вцепившегося в ее шерсть, еще около года. И бывает, что не одного, а трех сразу, мал мала меньше, чад разных возрастов (на спине старшего сидит младший, а самый старший — на материнской спине) таскает мать по ветвям эвкалиптов.

Растут коала медленно, и только пятилетних можно назвать вполне взрослыми. Живут они до двадцати лет.

Когда-то эвкалиптовые леса Квинсленда, Виктории и Нового Южного Уэльса изобиловали коала. Но в конце прошлого и начале нашего века страшная эпидемия истребила миллионы этих безобидных созданий. Затем за дело взялись весьма деловые охотники за пушниной: ежегодно Австралия вывозила около 500 тысяч шкурок коала. А в 1924 году этот доходный промысел принял такой размах, что уже два миллиона шкур, снятых с убитых коала, экспортировали восточные штаты континента. Через три года десять тысяч охотников, имевших право убивать по лицензиям, завершили почти полное истребление этих беспомощных и удивительных зверьков, которые настолько наивны, простодушны или глупы, если хотите, что доверчиво и без страха смотрели на охотников, тут же рядом, на ветвях, убивавших их собратьев.

К счастью, австралийские зоологи сумели вовремя убедить правительство принять строгие меры по охране коала. Теперь этот вид можно считать спасенным. Местами (но только местами, под охраной закона) их расплодилось так много, что эвкалиптов для всех не хватает. Сотрудникам Управления природных ресурсов Австралии приходится ловить зверей там, где их много, и переселять туда, где их нет. Ловят весьма просто: длинным шестом с петлей на конце. Накинув петлю на голову зверьку, сбрасывают его с дерева на растянутый внизу брезент.

«Увы, в тот день у меня сложилось крайне невыгодное впечатление об интеллекте коала. Они как кинозвезды: на вид хороши, а в голове пусто. Мы начали с большого самца, который

Две мамаши коала с оседлавшими их детенышами. Чада разных поколений: младшие сидят на спинах старших

даже с петлей на шее продолжал нам улыбаться, явно не догадываясь о наших намерениях. Правда, когда петля натянулась, он покрепче ухватился за дерево своими кривыми когтями и даже хрипло зарычал, как тигр. Но веревка оказалась сильнее, и в конце концов он отпустил ствол и шлепнулся на брезент. После этого нас ожидала приятная работенка: надо было снять петлю с шеи пленника и поместить его в транспортную клетку...

Наш сумчатый медведь ворчал, рычал, отбивался острыми когтями и норовил укусить всякого, кто подходил близко.

...Мы привезли их на новое место. Здесь нас ожидал сюрприз: когда мы открыли клетки и вытряхнули коала на землю, они встали и замерли, глядя на нас. Пришлось буквально гнать их к деревьям. По гладким стволам эвкалиптов они легко забрались наверх, примостились на ветвях и вдруг дружно заголосили, точно обиженные младенцы... Но как охотники за пушниной могли столь безжалостно уничтожать этих доверчивых, милых и безобидных животных — это выше моего разумения!» (Джеральд Даррелл).

Ныне коала (один вид с тремя подвидами) обитает лишь в узкой полосе вдоль восточного побережья Австралии.

Коала нелегко содержать в неволе: нужны эвкалипты, а они не в каждой стране растут. Климат Калифорнии схож с австралийским, и там давно растут эвкалипты. Это дало возможность сотрудникам зоопарка в Сан-Диего много лет содержать в здравии и благополучии коала.

ПОССУМЫ

«Я уныло стоял перед кустами, соображая, в какую сторону лучше направиться, чтобы найти лирохвостов, как вдруг тихо хрустнули ветки и появился толстый серый зверь ростом с крупного бульдога. Я сразу узнал вомбата.

На первый взгляд вомбат напоминает коала, но у него гораздо более плотное сложение, и он больше смахивает на медведя. У него сильные, короткие, слегка искривленные ноги, и косолапит он совсем по-медвежьи. Зато голова похожа на

Голоносый вомбат, только что покинувший нору

Вомбатов можно назвать сумчатыми барсуками. Эти довольно массивные животные (30—35 килограммов) роют глубокие и длинные норы. Вомбатов два вида: широколобый, или длинноухий, и голоносый, который кроме Австралии обитает и в Тасмании

голову коала — круглые глаза-пуговки, овальная плюшевая заплатка носа и бахромка по краям ушей.

Выйдя из кустов, вомбат на секунду остановился и с каким-то грустным видом громко чихнул. Потом встряхнулся и, уныло волоча ноги, зашагал прямо на меня — этакий игрушечный мишка, который знает, что дети его разлюбили. Совершенно убитый, ничего не видя перед собой, он продолжал приближаться ко мне, явно поглощенный какими-то мрачными мыслями. Я стоял абсолютно тихо, и вомбат только тогда меня заметил, когда его отделяли от моих ног каких-нибудь два-три метра. К моему удивлению, он не бросился наутек, даже не убавил шага, а подошел ко мне и с легким интересом во взоре принялся осматривать мои брюки и ботинки. Еще раз чихнул, потом горько вздохнул и, бесцеремонно оттолкнув меня, побрел дальше по тропе» (Джеральд Даррелл).

Похожи вомбаты на небольших медведей или даже на бесхвостых бобров, а живут, как барсуки. Роют (лежа на боку!) длинные норы — метров до тридцати, но обычно короче. Эти подземелья так широки, что ребенок, забравшись в нору, может доползти до входа в жилую камеру в глубине под землей.

Любят вомбаты, подобно суркам, греться на солнце у входа в норы. Отсюда расходятся во все концы протоптанные ими тропинки к излюбленным пастбищам. Едят вомбаты разные травы, кору деревьев и кустов, грибы и ягоды. И стебли разгрызают так, чтобы детишки без особого труда могли их съесть.

Живут небольшими сообществами. Довольно дружелюбные и мирные животные, только самки, защищая своих малолеток, отваживаются иногда нападать на людей. Лисы, фермеры и собаки грозят истребить всех вомбатов в Австралии. Мясо их вкусно, как баранина, хотя более жилистое и попахивает мускусом.

Четыре (или два, по мнению других исследователей) вида вомбатов уцелели в немногих районах Австралии, Тасмании и на островах между ними.

В одном семействе с вомбатами числятся в табелях зоологической классификации существа совсем, казалось бы, на них непохожие — сумчатые летяги, кускусы и поссумы. Нередко всех довольно разношерстных членов этого семейства, за исключением вомбатов, называют поссумами. Еще первые исследователи Австралийского континента заметили их сходство с американскими опоссумами. Но увидели и то, что похожесть эта не полная. Поэтому капитан Кук в донесениях своих и дневниках, описывая этих животных, опускал обычно в слове «опоссум» начальную букву «о». С тех пор и повелось, чтобы подчеркнуть разницу между настоящими опоссумами и австралийскими, называть последних поссумами.

Живут поссумы на деревьях и высоких кустах. У всех длинный хвост, часто пушистый или даже перистый (как на птичьем пере, длинные волосы растут на нем в две противоположные стороны). Многие на манер некоторых обезьян хвостом, как рукой, хватаются за ветки — у таких хвост снизу, ближе к концу, обычно бесшерстный. Пальцы на лапах, как у коала: противопоставляются друг

другу, чтобы крепче обхватывать ветки. Сумка всегда открывается вперед, а в ней редко два (щеткохвостные поссумы), обычно четыре или шесть сосков (у одного карликового поссума). Едят насекомых, листья, иные сосут нектар цветов либо и то, и другое, и третье. У некоторых, как у нашей белки-летяги, кожистая складка растягивается между передними и задними лапами, и зверьки, прыгая с деревьев, парят, как живые ковры-самолеты, пролетая по воздуху иногда тридцать, а самые крупные и сто метров.

Самая крохотная из всех сумчатых летяг: карликовая перохвостая летяга, или акробат

Поссум-медоед — странная и забавная на вид крошка (длиной 7—8 сантиметров), с рыльцем, удлиненным трубочкой. Этой трубочкой, всунув ее в цветок, сосет сумчатая малышка нектар и пыльцу. Но если в цветке ей в рот попадается и какое-нибудь мелкое насекомое, его тоже проглотит. Крупных мух и мотыльков берет в передние лапки и, аккуратно оборвав им крылья, ест с аппетитом.

Пропитание такого же сорта ищут на эвкалиптах и банксиях карликовые поссумы. Они так же малы, но без черных полос на спине и вытянутого трубочкой рыльца. Днем спят, свернувшись калачиком, в гнездах, построенных из свежей коры в развилках суков, дуплах деревьев и даже в гнездах (снизу, в основании) некоторых птиц. Притом в гнездах, не брошенных птицами! За лыком для гнезд эти крошки путешествуют, если нет поблизости подходящего материала, иногда очень далеко — за полкилометра.

Ночью пробуждаются и, проголодавшись, скачут и лазают, цепляясь хвостом за ветки, по деревьям, исследуя крохотной мордочкой каждый цветок, и ищут, чтобы съесть, разных насекомых.

К зиме крохотное тельце и хвостик карликовых поссумов заметно полнеют, предусмотрительно запасая стратегические резервы жира. Холода придут, заснут поссумы беспробудно в своих гнездах, как медведи в берлогах, на шесть недель и больше. Пробуждаясь, не сразу, бывает, стряхнут с себя сонное оцепенение: повиснут, зацепившись хвостом за ветку и поджав лапки, и висят вниз головой часами в этой неудобной, на наш взгляд, позе.

Ушки, засыпая, сворачивают, как солдаты скатку, чтобы никакой шум не будил. Некоторые летучие мыши, сумчатые куницы и длинноухие язвицы так же, поджимая уши, оберегают свой покой.

Для людей, решивших его приручить, карликовый поссум совсем необременителен: он не капризничает, как утконос, ест почти все, что дают. Кузнечиков, мух, мотыльков, тараканов, мучных червей, личинок, даже пауков! А кроме того, овес, разные зерна, миндаль, мед, сахарную воду и молоко. Воду один такой невольник пил очень забавно: окунал в нее эвкалиптовые листья, а потом облизывал!

Некоторые исследователи думают, что примерно так же, как карликовые поссумы, выглядела гипотетическая модель прародителя всех сумчатых вообще. Позднее, эволюционируя, от этих древних всеядных крошек произошли и большие поссумы, и коала, и вомбаты, а возможно, даже кенгуру.

Так же примитивен некоторыми чертами своей анатомии еще один сумчатый зверек Австралии — акробат, или карликовая перохвостая летяга.

Это самая крохотная из всех сумчатых летяг. Днем акробаты спят в шаровидных гнездах, сплетенных из листьев и ободранной с дерева коры эвкалиптов. Ночью оживают и затевают нередко такие же веселые игры и гонки вокруг деревьев на «парашютах», как и наши летяги в таежных сумерках. Развлекаясь, попутно ловят термитов и муравьев и сосут в цветах напиток богов — нектар.

Еще четыре вида сумчатых летяг, планируя на природных своих коврах-самолетах, летают ночами в лесах на востоке и севере Австралии. Ростом они вдвое-втрое, а большая сумчатая летяга так и в пять раз крупнее перохвостого акробата-лилипута. Все, кроме большой летяги, листьями не питаются, едят только насекомых, фрукты и нектар.

При постройке гнезд летяги висят вниз головой, уцепившись задними лапами за ветки, откусывают листья и, прижав их ворох к груди передними лапками, несут в гнездо. Иногда переносят и в кольце поджатого вниз хвоста.

Одного четырех-пятидневного детеныша, отняв от соска сумчатой белки-летяги, которую задушила кошка, пытались кормить через соломинку. После

двух капель молока малыш заметно раздулся и есть больше не захотел.

Так и кормили его, через час по две капли, а на пятый день приемыш уже сам пытался лакать молоко из чайной ложки и при этом благодушно попискивал, словно мышонок. Через два месяца молока ему стало мало, и он начал с поразительной ловкостью ловить и есть разных мух и моль. Особую слабость питал к личинкам ос, гнезда которых бесстрашно разорял. В четыре месяца спасенное человеком и подросшее дитя сумчатой белки было уже полной копией своей матери. И такой же, наверное, как она, чистюлей: зубами и когтями подолгу причесывал он свою серебристую шкурку.

А еще он любил, когда угощали печеньем и кексом и пускали поохотиться на сверчков и стрекоз. Приемыш разрывал их на куски и ел, выбросив лишь крылья. С оконной шторы планировал прямо на вазу с цветами, разыскивая там нектар. У воспитавшей его Флоренс Ирби этот забавный звереныш прожил десять лет.

Одно время казалось, что все сумчатые белки истреблены в Австралии кошками и охотниками за пушниной. Но потом нашли несколько мест, где они еще уцелели. Сейчас белок охраняет закон.

Большая сумчатая летяга

«— Кто это? — шепотом спросил я Боба.

— Большие сумчатые летяги...

Подойдя к стволу, Боб раз-другой сильно ударил по нему палкой. Животные заметались по ветке, испуганно вереща, словно две старые девы, обнаружившие под кроватью мужчину. Наконец одна из них с каким-то кошачьим мяуканьем оттолкнулась от ветки и прыгнула в воздух. При этом она вытянула все четыре лапы, кожные перепонки по бокам расправились и превратились в «крылья», а сам зверек стал почти прямоугольным, если не считать, что спереди торчала голова, а сзади длинный хвост. Поразительно ловко, словно искусный планерист, бесшумно делая сложные повороты, он пролетел над прогалиной и с легкостью бумажного голубя приземлился на другом стволе, метрах в двадцати пяти от первого». (Джеральд Даррелл).

В одном прыжке большие летяги пролетают нередко сто метров, а в нескольких быстро следующих друг за другом прыжках, «приземляясь» на попутные деревья лишь на миг, чтобы тут же оттолкнуться, и больше пятисот метров! И все это за считанные секунды! Так что, по-видимому, за ночь сумчатые аэронавты улетают довольно далеко от дома. Эта редкая для обитателей древесных крон способность, а также, конечно, и то, что мех у больших летяг слишком мягкий и непрочный, помогли, по-видимому, им уберечься от быстрого истребления. Большие летяги еще довольно многочисленны в эвкалиптовых лесах всюду на востоке Австралии. По ночам оглашают округу пронзительными, резкими криками, которые заканчивает серия странных булькающих звуков.

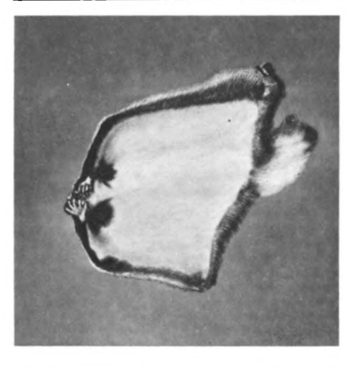
Балансируя длинным хвостом, большие летяги ловко бегают по веткам. За эту ловкость и дали им ученые родовое имя шоинобатов, что значит «канатные плясуны».

Но, как ни ловки «канатоходцы», лисы, видно, еще ловчее, потому что нередко ловят больших летяг, хотя на землю те почти не спускаются. Наверное, хватают их в прыжке, когда летяги планируют низко у земли. Другой ненавистный враг большой летяги — лесная сова.

Вкусов своих малых собратьев большие летуны не разделяют: едят не насекомых, а только побеги, цветы и листья эвкалиптов и других деревьев. Бывает, что объедают цветы и листья на яблонях, чем садоводы, понятно, весьма возмущены.

Днем спят в гнездах, сплетенных из лыка, содранного с эвкалиптов, и выложенных внутри эвкалиптовыми же листьями. Заготовки для гнезда таскают, подцепив их хвостом.

Хоть сосков и два, но детеныш один (в июле — августе). Прожив безмятежно у мамы «за пазухой»

Она же в полете

четыре месяца, малыш перебазируется к ней на спину и верхом на родительнице путешествует по ночному лесу (однако, кажется, с дитятей на спине мать летать не отваживается, а только лазает по ветвям).

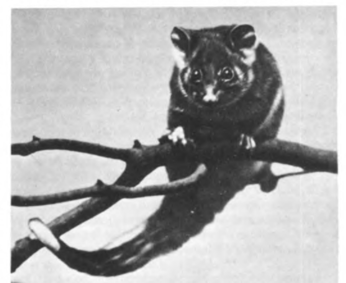
Пять видов сумчатых летяг видом своим и «парашютами» похожи, однако не все они близкие родственники. Разные роды летяг произошли от разных корней: наши «канатные плясуны», например, от каких-то древних кольцехвостых поссумов, которые летали не лучше черепахи.

Мех кольцехвостых поссумов тоже невысоко ценится, поэтому они еще довольно многочисленны в лесах Австралии по северному, восточному и юго-восточному побережью. Один вид обитает и в крайнем юго-западном углу этого континента (единственный, который иногда живет в норах!), один — на Тасмании и еще восемь других — на Новой Гвинее.

Кольцехвостыми их прозвали потому, что конец хвоста этих поссумов почти всегда свернут в кольцо, даже если и не обхватывает ветку. Но обычно они крепко держатся хвостом за сук и ветви, будто боятся упасть, выпустив опору. Все очень похожи и видом и образом жизни. Едят по ночам листья и почки. Днем спят в больших куполообразных гнездах, сплетенных в развилке суков из листьев, папоротников и обрывков коры. Доверчивы и нередко поселяются в садах и парках на окраинах больших городов. В садах объедают плоды и цветы (в частности, розы).

Могут быть и быстрыми, но обычно медлительны. Увидев человека, замирают в сомнамбулическом безразличии, устремив на него отсутствующий взгляд. Потом медленно лезут, орудуя хвостом, как цепкой рукой, куда-нибудь в гущу листвы. С дерева на дерево обычно не прыгают, а как бы переползают: дойдут до конца ветки, та под тяжестью зверька согнется, а он, уцепившись за нее хвостом и повиснув вниз головой, ищет передними лапами опору. Найдя, переползает на нее. По земле бегает довольно быстро, но совсем не грациозно, поскольку короткие ноги и чересчур длинный хвост, загнутый кольцом вниз, для такого дела малопригодны.

Драчливы. Самки, более агрессивные, чем самцы, никого из представителей «сильного пола» около себя не терпят. Гонят, если те приблизятся. Но драки не смертельны, потому что самцы у кольцехвостых поссумов рыцарственны: всегда уступают дамам и после небольшой ссоры ретируются.

Кольцехвостый поссум

По ночам люди часто слышат в Австралии приятные, будто птичьи, крики — вокальные упражнения кольцехвостых поссумов: трудно поверить, что так кричат звери. Когда дерутся — зло ворчат. Когда напуганы — верещат, как наши белки. А если детеныша отнимают от матери или он потеряет ее, то пронзительно щебечут, как некоторые летучие мыши. Так что язык звуков у поссумов богатый.

В первые месяцы года самки на время забывают о своей непримиримой вражде к «сильному полу», и в конце апреля две маленькие, полные копии матери покидают тесную уже теперь для них сумку и забираются к ней на спину, крепко оплетя ее тело хвостиками. Хотя сосков в сумке четыре, только два из них способны выкормить крохотных младенцев. Рождает самка их иногда и шесть, но все «лишние», не успевшие, опередив других, добраться до полноценных сосков, погибают.

Поссумы еще нескольких разновидностей своей беготней и криками оживляют ночами леса Австралии. Самые крупные (с кошку) и самые известные людям хотя бы потому, что нередко поселяются под крышами домов, на чердаках и по ночам не дают спать возней и ссорами, — лисохвостые поссумы, или кузулисы. Мех у них красивый, серебристо-серый (желтоватый на брюшке), густой, плотный и довольно дорогой. В пушной торговле именуют его (без всякого, впрочем, основания) то бобром, то опоссумом, то скунсом, а то и аделаидской шиншиллой. В 1904 году Австралия экспортировала в Лондон и Нью-Йорк четыре миллиона шкурок кузулисов! И в последующие десятилетия избиение лисохвостых сумчатых продолжалось: в 1920 году с июня по сентябрь, когда была разрешена охота, пали под выстрелами сто тысяч, а за зимний сезон 1931/32 года — больше миллиона лисохвостых

Теперь кузулисы почти повсюду под охраной закона, и охота на них разрешена лишь в определенные сезоны. Их два очень схожих вида — в Австралии и один в Тасмании. Острая мордочка, лисьи ушки и хвост пушистый. Лапки, как у всех древесных сумчатых с цепкими когтистыми пальцами, ловко хватающими; хвост снизу у конца голый, чтобы удобнее держаться за ветки, и сумка на животе. Так что лиса, да не та...

Редкое животное так малощепетильно в выборе жилища и его окружения, как кузулис. И кроны стометровых эвкалиптов ему годятся, и низкорослые кусты, и густые тропические леса, и редкие рощи по долинам рек, и расщелины в голых скалах, и дыры в обрывах рек, и кроличьи норы в открытой степи, и даже чердаки. Оттого что в Центральной Австралии самцы-кузулисы часто поселяются в кроличьих норах, родилась абсурдная легенда. Фермеры уверяют — такой выбор жилья сделан старыми греховодниками неспроста: будто бы состоят они в преступном мезальянсе с крольчихами. И будто бы помеси от их сожительства видели. Но это миф.

А вот рассказы о странной беспомощности кузулисов в роковой для них встрече с хищным вараном гоанной, похоже, правда.

Кузулисы — очень беспокойные соседи Они нередко поселяются в парках, около домов или даже на чердаках, и их громкие крики не дают людям спать по ночам Когда кузулисов пытаются прогнать, они только усиливают свои пронзительные вопли, в которых слышится и скрежет металла и визгливый хохот

Аборигены уверяют: когда варан, цепляясь длинными когтями, лезет на дерево с кровожадными намерениями, кузулисы, услышав скрежет его когтей по коре, вместо того чтобы скорее бежать, сидят и кричат от страха. Аборигены-охотники, учтя эту их непонятную слабость, имитируют, царапая палкой о кору, шорох ползущего по стволу варана, и обманутые зверьки не разбегаются, а лишь в ужасе жмутся друг к другу.

Два других ненавистных врага кузулисов — клинохвостый орел и динго. Дикие собаки раскапывают тех, что прячутся в кроличьих норах, в дырах по обрывам рек и между корнями деревьев.

Пропитание кузулисы ищут и находят на деревьях и кустах, опустошают временами и сады. Разоряют птичьи гнезда, едят и мертвых птиц, возможно, и кроликов (тоже скорее всего мертвых) — в их желудках находили клочья кроличьей шерсти

В 1858 году обычного кузулиса, а позднее и тасманийского завезли в Новую Зеландию Многие новозеландцы считают, что поссумы теперь бич новозеландских садов, лесов и... линий электропередачи. Заберутся на телеграфные столбы и, устроив короткое замыкание, сами погибнут и целый город оставят без света. Потому приходится новозеландцам обивать столбы жестью, чтобы кузулисы залезть не могли. В Новой Зеландии нравы лисохвостых переселенцев стали определенно более хищными: немало птичьих гнезд разо-

ряют они на новой родине, не найдя, по-видимому, излюбленных своих вегетарианских лакомств.

Размножаются кузулисы в мае — июне. В сентябре единственный, как правило, детеныш уже покидает мамину сумку. В октябре — декабре живет один, а в январе окраской и телосложением он вполне взрослый.

Рассказ о поссумах закончим знакомством с кускусом.

Кускусов семь-восемь видов. Родина их, по-видимому, Новая Гвинея с ближайшими к ней островами. Отсюда они переселились в Австралию, но лишь на крайний ее север — в тропические леса полуострова Кейп-Йорк. Зверьки довольно крупные, с большую кошку, ушки у них маленькие, едва заметны в гуще меха, у самцов (наиболее обычного вида) — светлые пятна, неопределенным мраморным рисунком разбросанные по спине. Но хвост наполовину (ближайшую к концу) голый, бесшерстный и порос жесткими чешуями.

Кускусы — первые из древесных сумчатых, которые попали в руки зоологов (в 1780 году), и потому все семейство поссумов обозначают их родовым именем — фалангериды. Часто фалангеридами (родовое научное имя кускусов) называют всех поссумов вообще. Но лучше, говорит Эллис Трофтон, сохранить за ними старое название поссумов.

Кускусы днем спят, свернувшись, в развилке ветвей Ночью медленно, тихо, на манер американских ленивцев или азиатских толстых лори, переползают с ветки на ветку, страхуя свои неторопливые передвижения цепко хватающимся за сучья хвостом. Едят листья (и довольно много), но, если поймают сонную ящерицу или найдут гнездо с птенцами, без смущения отправят их в свой всеядный желудок. Из всех поссумов кускусы наиболее плотоядные.

Беременность у кускусов — всего каких-то тринадцать дней (лишь у малой сумчатой куницы на два дня меньше, у всех других больше). Спешащие разрешиться от бремени кускусихи рождают двух, реже четырех крошечных «недоносков».

Еще три вида поссумов населяют леса Австралии (и шесть видов — Новой Гвинеи), но они мало изучены и ничем, насколько известно, не замечательны. Поэтому беды большой не будет, если знакомство наше с ними не состоится.

Несколько десятков тысяч лет назад климат Австралии был более влажным, на месте каменистых пустынь, занимающих теперь бо́льшую часть ее территории, росли роскошные рощи, перелески и сочные травы в бескрайних степях. Тогда в Австралии еще не было людей, но по ее изумрудным лугам бродили бесчисленные стада гигантских «вомбатов» — дипротодонтов.

Около семи видов кускусов обитают в лесах и густых кустарниках на крайнем северо-востоке Австралии, в Новой Гвинее на Сулавеси, архипелаге Бисмарка на Соломоновых и некоторых ближайших островах Это пятнистый кускус, родина его — Австралия и Новая Гвинея

Дипротодонты, сумчатые растительноядные животные величиной с носорога, внешне несколько напоминали бегемотов, но спереди, на их морде, выступая из-за рассеченной, как у кролика, губы, торчали два огромных «заячьих» резца Отсюда и название животного: дипротодонт — «тот, у которого впереди два зуба».

Золотоискатели, осмелившиеся проникнуть в бесплодные земли австралийского Запада, возвращались оттуда с совершенно расстроенным воображением: они рассказывали бредовые истории о кроликах ростом с носорога!

Слухи об этих фантастических существах, обитающих якобы в каменистых пустынях Центральной и Западной Австралии, очень упорные. Некоторые ученые, чтобы как-то объяснить их, предлагают следующее: возможно, говорят они, что в почти неисследованных зарослях колючих кустарников Центральной Австралии еще живут вымершие всюду сумчатые «грызуны» — гиганты дипротодонты. Только они могли послужить основанием для сказок о кроликах ростом с носорога, потому что действительно были таких размеров, а строением зубов и губ напоминали кроликов.

История поисков дипротодонтов связана с именем немецкого исследователя и натуралиста

Людвига Лейхгардта. В 1846 году он решил пройти материк с востока на запад, но из-за недостатка съестных припасов экспедиция с полпути вернулась обратно.

Во время путешествий по ненаселенным землям Австралии Лейхгардт сделал наблюдения, которые убедили его, что еще не все дипротодонты вымерли. В декабре 1847 года Лейхгардт повторил попытку пересечь Австралийский материк с востока на запад с тайной надеждой обнаружить в пустынных равнинах запада этих необычных животных.

Он рассчитывал, что его смелое предприятие займет три года. «Экспедиция прошла через долину Дарлинга до реки Барку, откуда Лейхгардт послал последнее известие (получено 3 апреля 1848 года)» (И. П. Магидович).

Затем вся экспедиция пропала без вести.

БАНДИКУТЫ, КОТОРЫЕ НЕ БАНДИКУТЫ

«Впереди в кустах что-то еле слышно шуршало. Боб стоял неподвижно, только светил во все стороны, точно маяк. По-прежнему слышался шорох, но никто не показывался, и тут внезапно луч фонарика выхватил из мрака одного из самых причудливых зверьков, каких мне когда-либо доводилось видеть. Он был величиной с кролика, с длинным посапывающим носиком, яркими бусинками глаз, с заостренными, как у чертика, ушками. Шерстка грубая, коричневая с желтым отливом, хвост совсем крысиный. Зверек брел по опавшей листве и усиленно что-то вынюхивал; время от времени он останавливался, чтобы поскрести землю своей аккуратной лапкой, — видимо, искал насекомых.

— Кто это? — прошептала Джеки.

— Это длинноносый бандикут, — шепнул я в ответ.

— Не остри, — прошептала она. — Ответь толком.

— Я не виноват, что их так называют, — рассердился я.

А длинноносый бандикут, не подозревая, что моя жена не верит в его существование, между тем вспахивал носом кучу листьев, словно бульдозер какой-нибудь диковинной конструкции. Внезапно он сел и с минуту чрезвычайно энергично и сосредоточенно чесался. Отведя душу, он еще несколько секунд посидел как бы в забытьи, вдруг сильно чихнул и, продолжая вспахивать листья, скрылся в кустах» (Джеральд Даррелл).

Несуразное название остроносого зверька, которое смутило жену Даррелла, не тольно странно звучит, оно еще неточно и двусмысленно.

Бандикут, строго говоря, совсем не бандикут. Называют его, правда, еще язвицей и сумчатой землеройкой за некоторое сходство во внешности и повадках с этим обычным у нас зверьком. Но если это землеройка, то очень большая: с крупную крысу, даже с кролика. Конечно, полного и истинного соответствия тут нет, даже если, приложив слово «сумчатая», внесем некоторую поправку.

Бандикут — тоже нехорошо, потому что имя это уже, как говорят зоологи, преоккупировано, то есть занято другим животным: так называют больших «свиных» крыс Южной Индии и Шри-Ланки.

Итак, русское «язвица», пожалуй, нам лучше всего подойдет.

Язвиц (или бандикутов, как вам будет угодно) двадцать видов. Днем спят они в гуще трав и кустов в гнездах, сложенных из обрывков стеблей, листьев, иногда вперемешку с землей. Нор для жилья не роют.

Таковы нравы коротконосых и длинноносых бандикутов. Длинноухие язвицы, или билби, из Центральной Австралии и некоторых западных, юго-восточных и южных районов, напротив, роют норы, и довольно глубокие и сложные: глубиной метра полтора и больше, без запасного выхода. Ход норы, уходя в глубину, постоянно изгибается спирально или под крутыми углами. В норах спят днем (некоторые у входа в нору, в полуметре от него) и тогда нередко затыкают вход землей или песком.

Чтобы шум не будил, засыпая, уши ушами же закрывают: уложат их плотно вдоль шеи назад, потом изогнут вперед, так, что концы ушей прикрывают теперь глаза. Да и дличноносую голову свою, опустив вниз, прячут между передними лапами, а сами сидят на корточках на длинных задних

Раскрытая сумка длинноухого бандикута Мы видим трех четырехдневных детенышей, которые, можно сказать, приросли губами к соскам

Длинноухий бандикут, или билби, — довольно симпатичный зверек

лапах, подогнув хвост под брюхо. Пушистый шарик получается. Иногда, прислушиваясь, одно ухо поднимут торчком, а второе спит, сложенное пополам на голове.

Это у билби, длинноухих язвиц, на конце хвоста коготь, как у льва и ногтехвостого валлаби. Возможно, такой хвост помогает лапам копать нору или сгребать листья и стебли для гнезда. Точно неизвестно.

С сумерками язвицы пробуждаются, и тогда их обуревает такая жажда деятельности, словно до рассвета должны они успеть переделать массу всяких дел. То вприпрыжку, то рысцой бегут, смешно выгибая спинки. Суетятся, суют свою острую мордочку в каждый закоулок под кустом и камнем, вынюхивают, скребут, копают землю тут и там. Ищут в земле и на земле червей, насекомых, ящериц, мышей, разные клубни и коренья. В садах и огородах, бывает, губят язвицы немало картофеля, перекопав грядки коническими ямками. Но этот малый вред вполне компенсируют уничтожением множества личинок жуков и мышей.

Поймав мышь (или червя), язвица забавно скребет ее лапками, долго мнет и катает по земле, пока добыча не превратится в бесформенный комок. А потом, обнюхав внимательно, съест или бросит, смотря по настроению. Но если решит съесть, тщательно очистит от грязи и мусора, ловко орудуя длинными пальцами передних лап.

Драчливы и в тесном помещении не терпят себе подобных. Дерутся, наскакивая и царапая лапами, задними и передними. Кусаются в крайнем случае. Когти у язвиц острые, и, царапаясь, они сильно раздирают друг другу шкуру.

Один бандикут, оставленный на ночь с другим в клетке, буквально «ощипал» своего соседа, с которым что-то не поделил.

Размножаются одни в мае — июне, другие — в любое время года. В сумке, которая, как у коала и хищных сумчатых, открывается назад, шесть или восемь сосков, но детенышей — один, два или четыре.

Аборигены и фермеры охотятся на язвиц, считая мясо их вкусным, как кроличье. Австралийцы, например, ловят этих длинноносых «кроликов» таким забавным приемом. Выследив (одним им ведомым способом), где в густой траве спит в гнезде (или у норы) умаявшийся за ночь бандикут, подкрадываются поближе и вдруг падают, растопырив руки, на гнездо.

Прежде Австралия изобиловала бандикутами, теперь их все меньше и меньше: на глазах вымирают, исчезая в алчных желудках людей, собак, кошек, лисиц.

ДВА СУМЧАТЫХ ОРИГИНАЛА — МУРАШЕЕД И КРОТ

Мурашеед, по-местному именуемый нумбатом, — один из самых зубастых зверей. Пятьдесят два зуба, сами понимаете, не шутка! Правда, зубки-то небольшие и вроде бы недоразвитые. Но столь исключительная многозубость говорит о многом. В частности, о том (так думали до недавнего совсем времени), что мурашеед живой и, как ни странно, прямой потомок мезозойских трехбугорчатых насекомоядных сумчатых — родоначальников всех сумчатых зверей вообще. Если так, то зверь этот, пожалуй, самый древний на Земле. Даже более древний, чем утконосы и ехидны, которые хоть и очень примитивны и происходят от еще более примитивной ветви млекопитающих с многобугорчатыми зубами, однако же приобрели, эволюционируя, ряд специализированных и новых черт и потому достаточно полной копией своих предков считаться не могут.

Иное дело мурашеед. Возможно, вполне так, как он, и выглядели некоторые его трехбугорчатые мезозойские предки. Но вот, увы, новый взгляд на его многозубость эту гипотезу (или иллюзию) опровергает. Скорее всего, полагают некоторые специалисты, обилие крохотных зубов, наполнивших рот мурашееда монотонным однообразием, признак не первичный, а вторичный: результат приспособления к своеобразной и однообразной диете, перемалыванию хрупких панцирей термитов и муравьев (впрочем, только крупных, мелких он глотает целиком!).

Другая мурашеедова оригинальность — это сумчатый без сумки! Нет ее совсем. Детишки, рождаясь, ползут к покрытым курчавой шерстью соскам на брюхе у матери и, присосавшись, висят на них. Позднее, когда станут потяжелее, цепляются еще и за шерсть, укрывающую их со всех сторон густой порослью. Нечто подобное наблюдаем мы на другой стороне Тихого океана у некоторых южноамериканских опоссумов. А по эту сторону, в Австралии и поблизости от нее, больше ни у кого.

Нумбат — зверек небольшой, с белку, и хвост у него похож на беличий, особенно когда он в излюбленной своей манере несет его слегка закинутым на спину, как часто делают и наши белки. Довольно жесткий мех окрашен изысканно красиво: орехово-красновато-бурый, более темный к крестцу и с шестью яркими белыми полосами поперек спины. По бокам морды — от носа, через глаза и дальше к ушам, — как завершающий красочный штрих довольного своей работой художника, изящно кинута темная продольная полоса.

Живут нумбаты в полном одиночестве в кустарниках и сухих лесах, где много гниющих на земле эвкалиптов. Нор не роют, высоко на деревья тоже обычно не залезают. Ночью спят в гнездах, сплетенных из сухих листьев, в дупле поваленного ветром или старостью дерева. Копаясь в земле ради термитов, мурашееды взрыхляют ее неглубоко, сантиметров на пять. С той же гастрономической целью крошат крепкими когтями гнилые стволы, а потом суют узкую мордочку во все закоулки трухлявой древесины и, быстро-быстро выбрасывая и втягивая клейкий язык, слизывают и глотают прилипших к нему термитов и муравьев.

О нравах и повадках нумбатов мы знаем немного. Дэвид Флей, один из самых деятельных австралийских натуралистов, два месяца наблюдая за полуручным мурашеедом, добавил к нашим скудным познаниям о нем кое-какие интересные подробности.

Его воспитанник, вернее, воспитанница — «маленькая мисс Нумбат», засыпая в сумерках, проводила ночи в полной оцепенелости, поражая своей редкой даже для сумчатых неподвижностью. Порой беспокоились, проснется ли она. Но она просыпалась и, словно желая возместить потерянные в бездействии часы, бегала без устали то скачками, то мелкой рысцой, забавно вереща «тут-тут-тут», заглядывая в разные углы и разрубленные чурба-

ны, где, знала, ждали ее вкусные термиты. Но странно: обычно до полудня к ним не прикасалась. Аппетит приходил поздно — ленч был ее первым завтраком. Ей предлагали разную еду на выбор: термитов, муравьев, мучных и дождевых червей, жуков, сырые яйца, молоко, хлеб, но «маленькая мисс Нумбат» предпочитала то, что труднее всего было добыть в нужном для нее количестве, — термитов. Аппетит на этих насекомых был у нее неиссякаемый. Она без особого труда забиралась даже на довольно высокие термитники. Поев, любила греться на солнце, блаженно распластав все четыре лапы и высунув язык.

Это кроткое создание не царапалось и не кусалось, даже если ее брали на руки против ее воли. Увы, малышка скоро умерла, укушенная ядовитым пауком.

Два вида мурашеедов живут только в Австралии и больше нигде. Обычный, о котором была речь, — на крайнем юго-западе пятого континента. И рыжий нумбат (у него шерсть на спине яркорыжая, особенно на крестце и передних лапах, которые прямо-таки красные) уцелел еще кое-где в Южной Австралии на очень небольшой территории.

И того и другого редкостного зверька лисы, невольные иммигранты из Европы, грозят быстро извести. Ночью, как лисицам в общем-то и подобает, без особого труда находят они этих возможных выходцев из эры динозавров, не приспособленных к нашим динамичным дням, и с хрустом без смущения пожирают.

Второй австралийский оригинал — сумчатый крот («оорквасмата» — на языке аборигенов), когда его впервые поймали в 1888 году, произвел не меньший переполох, чем в свое время утконос.

В самом деле, вначале его готовы были признать даже и не сумчатым, а родичем африканского златокрота, на которого он очень похож. Но потом сумку у кротов женского пола все-таки заметили — открывается она назад. По этому, а также и по зубам решили, что происхождением своим сумчатый крот близок к бандикутам.

Внешне это самый настоящий крот, со всеми подобающими атрибутами. Телосложение такое же, все четыре лапы — роющие лопаты, как у кротов (передние скорее заступы: на каждой по два больших острых когтя). Глаза и не ищите — их снаружи не видно, а внутри, под кожей, они есть, но дегенеративные, почти полностью атрофированные, не только ничего не видят, но даже свет от тьмы не отличат.

И наружного уха нет. Лишь едва приметная дырочка под шерстью.

Сумчатый крот Его нежная шелковистая шерсть не черная, как у нашего крота, а кремовато-белая или золотисто-желтая

Шелковистая, нежная шерсть не темная, как у нашего крота, а кремово-белая или золотисто-желто-красная. Она опалесцирует, как драгоценный камень. И еще в отличие от нашего сумчатый крот нор-туннелей не роет. Живет он в почве песчаной, быстро осыпающейся, копается неглубоко — лишь сантиметрах в семи от поверхности. Естественно, сыпучий песок сразу же за его голым и коротким хвостом наполняет вырытую нору. Чтобы подышать, должен этот крот, пройдя несколько метров под землей, выбираться на поверхность. Проползет немного, извиваясь червем, и снова сует острую мордочку, прикрытую на носу ороговевшим щитком, в песок, лапами рыть помогает и вмиг исчезает, словно ныряя в зыбучие пески.

Удивительно, хотя определенной биологической зависимости, по-видимому, тут и нет, что у многих землероющих, похожих на кротов животных шерсть с золотистым или серебристым блеском! У африканских златокротов и их разновидности — медных кротов, у американских мешетчатых крыс, гоферов и африканской кротовой крысы мех тоже с серебристым или золотистым глянцем.

В ноябре самки сумчатых кротов роют довольно глубокие норы в подходящей для этого почве и там, в глубине, рождают и выкармливают двух крохотных детенышей.

Два вида сумчатых кротов в Австралии: один живет в Южной Австралии, второй, более короткомордый и мелкий, без ложнокоренных зубов в нижней челюсти, — в тысяче миль к северо-западу от первого.

ХИЩНИКИ ПЯТОГО КОНТИНЕНТА

— Сэр, мы поймали его.

— Кого?

— А тигра или гиену, как хотите, так и называйте.

Гаррис вскочил, бросив свои расчеты.

— Гиену? — закричал он. — Тигра?

— Да, гиену или тигра, — спокойно отвечал траппер, теребя шляпу в красных руках. — Она там — попала в капкан. Мы убили кенгуру и положили мясо вокруг. Ну, гиена и пришла. Попалась...

— Так идем же скорей!

— Как будет угодно.

И они зашагали по узкой тропинке. Она вела в горы, в самые джунгли.

«Гиена или тигр» метнулась от них, но железные челюсти капкана удержали ее. Тогда она закричала странным каким-то криком, похожим на сиплый гортанный кашель. Жалобно закричала. И притаилась. Ее ясные карие глаза смотрели на людей без злобы, бесстрастно, словно не видели их. У нее была голова волка с огромной пастью, которая открывалась очень широко. «Как у крокодила», — вспомнил Гаррис рассказы охотников. Шерсть серобурая, тоже вроде бы собачья, но с полосками. Шестнадцать темно-шоколадных полос, и все поперек спины, самые широкие и длинные — у хвоста.

Гаррис — он работал в Тасмании топографом — был неплохим натуралистом, но такого зверя еще не встречал, хотя и много слышал о нем: разные слухи ходили о гиенах и тиграх среди местных пастухов и охотников. Ученые же об этом звере ничего не знали.

Гаррис, как умел, зарисовал тасманийского «тигра» и в 1808 году описал его в научном журнале под названием Thylacinus cynocephalus, что означает в переводе на русский язык «сумчатая собака с собачьей головой». Теперь этого зверя называют обычно сумчатым волком или тилацином.

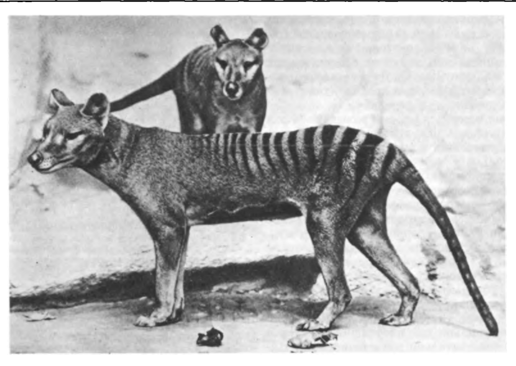
Сумчатый волк немного похож на обычного. Правда, полосатый, да и задние ноги чересчур «подлыжеватые», как говорят собаководы: плюсна стоит не отвесно, а косо, подогнута вперед, отчего сумчатый волк, когда ходит, часто опирается на пятку (скакательный сустав). Он и пальцеходящ, как почти все звери, и стопоходящ, как медведь или барсук. Поэтому и следы у него не по росту крупны. Кроме того, у тилацина не шесть резцов, как у собак и волков, а восемь, а в костном нёбе черепа слишком большая щель. Есть у него и немало других отличий от настоящих волков, и главное из них — сумка на брюхе, в которой полосатые волчицы вынашивают своих волчат. Сумка открывается не вперед, как у кенгуру, а назад. В ней две пары сосков: это значит, что щенков у тасманийского волка может быть только четыре или меньше. Но не больше, потому что каждый, как родится (обычно в декабре) и доберется до сумки, сейчас же хватает сосок и висит на нем, не отрываясь, пока не подрастет.

Прежде, в доисторические времена (а возможно, и несколько сот лет назад), сумчатые волки водились в Австралии, а еще раньше, по-видимому, и в Южной Америке: ископаемые кости похожих на них животных нашли в Патагонии. Теперь же сохранились (сохранились ли?) только в Тасмании. Днем они прячутся в недоступных горах — в норах и пещерах. Охотятся ночью парами или в одиночку. Кенгуру, валлаби, крысы, птицы, даже ящерицы и ехидны — их добыча. Бегают не очень быстро, но чутье у них отличное. Часами, говорят, скачут мелким галопом (кентером) по следу, загоняют свою жертву до полного изнеможения и тогда хватают ее.

Однажды видели, как кенгуру в бо́льшом смятении промчался мимо людей, а минут через десять по его следу проскакал сумчатый волк, «уткнувшись носом в землю и вынюхивая кенгуру». А потом, еще через четверть часа, по тем же следам пробежали два молодых волчонка. Животные были так заняты друг другом, что на людей совсем не обратили внимания.

Рассказывают, будто сумчатый волк, спасаясь от погони и потеряв надежду убежать обычным путем, поднимается вдруг на задние ноги и скачет, как кенгуру. Не очень-то это похоже на правду, но Эллис Трофтон говорит: задние ноги сумчатого волка устроены так, что он, пожалуй, и в самом деле может скакать на манер кенгуру, хотя, по-видимому, и недолго.

Говорят также, что в драке сумчатый волк побеждал любую собаку, отбивался будто бы даже и от целой своры. Нападал ли он на людей? Раньше, когда волков этих было побольше, такое иногда

Сумчатый волк — самый крупный хищник Австралийской области, к сожалению, по-видимому, уже истребленный

случалось. Правда, очень редко. Лет семьдесят назад некая мисс Мерри стирала белье на опушке леса. Вдруг из кустов выскочил волк-тилацин и схватил ее зубами за руку. Она уперлась в него другой рукой. Отбиваясь, дотянулась до лежавшей поблизости мотыги, наступила на длинный волчий хвост и пустила в ход свое оружие. Зверь испугался и убежал. Он был слепой на один глаз и очень старый. Наверное, волк-агрессор не мог уже ловить зверей и птиц, и голод толкнул его на этот отчаянный поступок.

Белые поселенцы в Тасмании невзлюбили «гиен», убивали их при каждом случае. Убивали за то, что те нападали на овец, которых здесь разводят. Правительство Тасмании выдавало премии за каждого убитого сумчатого волка. И вот тилацины к началу нашего века уцелели только в самых глухих горных лесах острова. А после войны их вообще никто здесь не встречал: последнего сумчатого волка застрелили в 1930 году. Следы же тилацинов видели еще в 1948 и 1957 годах. Многие зоологи считают, что все сумчатые волки уже вымерли. А жаль, это очень интересные звери! В зоопарках тоже не осталось ни одного сумчатого волка. Впрочем, в 1961 году на западе Тасмании один сумчатый волк попал будто бы в капкан. Его не видели, он убежал, но клочья шерсти, которые остались в капкане, убедили знатоков, что это был именно тилацин. Клочки такой же шерсти нашли пятью годами позже в заброшенной печи.

Все сумчатые, о которых до сих пор шел рассказ, не хищники. Правда, многие из них при случае и съедят кое-кого в перьях или в шерсти, не очень крупного. Но это у них, как и у свиней, скорее всеядность, чем истинная плотоядность. Сумчатый волк и два племени близких его родичей — дело совсем другое. Они хищники, и настоящие, как кошки или собаки, нам всем хорошо знакомые.

Впрочем, не два, а три, если с сумчатыми волками, куницами и дьяволами по вполне законным причинам родства соединить и сумчатых мышей.

Итак, сумчатые куницы и дьяволы. Первые действительно похожи на куниц, но пятнисты, как леопарды (пятна, правда, не черные, а белые на желтобуром или сером фоне), и живут в общем на деревьях. Сумчатые дьяволы напоминают скорее небольших медведей и по деревьям не лазают.

Сумчатых куниц шесть видов. Местами их еще немало, даже вокруг крупных городов на востоке Австралии: в предместьях и садах. Одна недавно забралась на автомобиль, и там ее поймали.

Сумчатые куницы, или «туземные коты», бесстрашны и хищны: ящерицы, насекомые, мыши, крысы, кролики, птицы и даже мелкие валлаби постоянно опасаются острых зубов этих проворных зверьков. Таскают они и кур из курятников, но фер-

меры на них теперь в меньшей обиде, сообразив, как много вредоносных мышей уничтожают австралийские куницы. Днем обычно они спят в расщелинах между камнями или в дуплах (свернув уши, чтобы шум не мешал). Охотятся ночью, но, бывает, и при свете дня. Одни предпочитают рыскать по земле, другие — по деревьям.

Пока кунице не пришло время рожать, сумки у нее нет. А когда такая пора приближается (обычно в мае), тогда появляется и сумка, готовая принять шестерых (столько у матери сосков) детенышей. Но рождают куницы их, бывает, и вчетверо больше, чем могут выкормить, — 24! Все вовремя не добравшиеся до сосков погибают. Беременность, несмотря на такое обилие зародышей, тем не менее самая короткая в мире зверей: у малой куницы, например, лишь одиннадцать дней. Ручные куницы очень послушны, привязчивы и проказливы. Фермеры, приручив их, держат в доме вместо обленившихся кошек, которые ловят мышей хуже проворных сумчатых хищниц.

Сумчатый дьявол совсем другого нрава: он не только просто хищный, как плотоядному зверю и положено, но действительно зол и бешен, как дьявол. И рев у него воющий, с хриплым кашлем в вокальном финале, неприятный и даже жуткий. Зверь черный, с белыми пятнами на груди, боках и огузке. Плотный, коренастый, коротконогий, а пасть у него прямо-таки несоразмерно велика — очень внушительная пасть, и челюсти сильные. Защищается сей дьявол во плоти отчаянно, так что не всякая собака его одолеет, хоть росту он и не очень большого: около метра вместе с хвостом, а в хвосте почти треть всей его длины.

Ест всех, кого поймает: ящериц, крыс, валлаби, попугаев, лягушек, раков. Любят эти звери бродить по берегу и подбирать дары моря. Немало курятников они разорили и овец загрызли, за что фермеры, чрезвычайно невзлюбив, истребляли этих зверей. Сумчатых дьяволов тогда было много: рассказывают про одно пастбище, где ежедневно собирали дань сразу около 150 сумчатых разбойников. Ныне дьяволов стало меньше, уцелели они в достаточном для продления рода числе лишь в горах Тасмании. Но было время, и сравнительно недавно, водились сумчатые дьяволы и в Австралии: о том говорят ископаемые их кости. Правда, в 1912 году одного поймали в шестидесяти милях от Мельбурна. Но полагают, он скорее всего бежал из зверинца. Однако, говорит Эллис Трофтон, очень уж свежие, не ископаемые, кости этих зверей часто находят среди кухонных отбросов австралийских аборигенов. Так что, возможно, живут они еще где-нибудь в глухих местах и на материке и не спешат попасть в руки ученых для решения вопроса: есть ли в

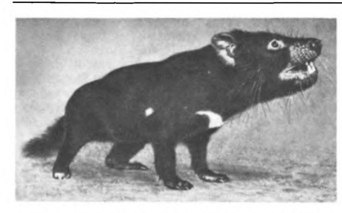

Сумчатые куницы, или «туземные коты», кроме завезенных людьми диких собак динго единственные «крупные» (с кошку и меньше) хищники Австралии

Сумчатая куница окрашена очень ярко

Тасмании с хищниками повезло больше здесь кроме сумчатого волка обитают сумчатые дьяволы Ростом они с небольшую собаку и весят до девяти килограммов

Австралии сумчатые дьяволы.

Умываются эти звери очень забавно, почти по-человечески — не как кошки, одной лапой, а сразу двумя, сложив их лодочкой.

Четырех дьяволят сумчатые мамы рождают в мае. В сентябре из сумки, обращенной назад, торчит хвост уже подросшего дьяволенка. Мать в ту пору (часто это видели) спешит куда-нибудь в глухое место с пучком сухой травы в пасти — готовит гнездо для сосунков. Скоро они вылезут из сумки и будут жить в гнезде. Молодые сумчатые дьяволы — зверьки живые и ловкие, легко лазают по деревьям, чего грузные взрослые уже не могут.

В одно семейство австралийских хищников вместе с сумчатым волком, дьяволом и куницами зоологи зачислили и самых крошечных из сумчатых созданий — мышевидок. На мышей они лишь внешностью похожи, а хищными нравами и повадками ближе к нашим землеройкам, чем к мышам. Да и резцов у них слишком много для грызуна. восемь в верхней челюсти и шесть в нижней.

Мышевидок, или сумчатых мышей, как их обычно называют в Австралии, 39 видов. Телосложение у них разное: одни похожи больше на миниатюрных кенгуру или тушканчиков и так же скачут на двух длинных задних ногах, другие — на землероек, мышей, крыс; у одних хвосты крысиного образца — голые, у других очень даже пушистые, с роскошной кистью на конце, у третьих, жирохвостых, вздуты по причине запасенного здесь жира.

Познакомимся поближе с одним таким жирохвостиком — сминтопсисом толстохвостым. Живет он в кустах и траве на юго-востоке и юго-западе Австралии. Ростом с мышь, но мордочка остренькая, как у землеройки. Да и повадками скорее землеройка: очень подвижен, энергичен, не по росту прожорлив. Мышей, которые бывают и побольше его, убивает без труда. За ночь один сминтопсис съел пять личинок майского жука и трех небольших ящериц (этих вместе с костями, кожей и хвостом!), которые все вместе весили на четверть больше, чем их алчный пожиратель.

Гнезда плетет между камнями, в кустах, в дуплистых пнях.

В июле шесть, а то и десять крошечных потомков жирохвостой сумчатой мыши, как только вылезут из сумки, забираются к маме на спину и висят, крепко уцепившись, на ее боках. Она их носит. Если погнаться за ней, всех с себя скинет — крошки спрячутся где сумеют. А мать, обманув погоню, вернется за ними. Попискивает — сзывает милых чад. Они пищат в ответ и резво бегут к ней.

Кистехвостая мышевидка, или тафа, цветом серая, а ростом с белку. Живет на деревьях и нравом похожа на горностая или ласку. Хищна и ловка. Называют ее еще «сумчатым вампиром» за то, что, задушив курицу, сосет и лижет ее кровь.

«СУМЧАТЫЙ ТИГР» — ЗАГАДКА АВСТРАЛИИ

Многие сумчатые звери пятого континента повадками и даже видом своим (вплоть до характерных пятен на морде, груди или хвосте) очень напоминают некоторых несумчатых животных Старого и Нового Света, хотя совсем не сродни им и произошли от разных предков. Есть в Австралии и свои белки-летяги, свои куницы, кроты, землеройки, муравьеды, волки и тому подобные более или менее похожие копии заморских «оригиналов».

Но нет в Австралии сумчатых двойников кошек,

ни мелких, ни крупных, например рысей, леопардов, тигров...

Поэтому, говорят некоторые зоологи, если «тигров» в Австралии и нет, то им следовало бы там быть.

И молва утверждает: «тигры» в Австралии встречаются кое-где. На полуострове Кейп-Йорк, например. Он покрыт густыми тропическими лесами, почти вдвое превышает Англию, а населяют его в основном лишь десять тысяч аборигенов.

«Здесь, на Йоркском полуострове, водится у нас тигровая кошка ростом со средней величины собаку... Я познакомился с этой красавицей на одном болоте.

Пробираясь через заросли высокой травы, я вдруг услышал злое ворчание. Внимательно всмотрелся и увидел прижавшегося к дереву кенгуру. Шкура на одной из его лап была ободрана.

Внезапно какая-то темная тень метнулась к кенгуру, и он упал с распоротым брюхом. От удивления я сделал неосторожный жест — тотчас же кошка приостановила начатый было пир и замерла. Ее злой взгляд остановился на мне, кожа на морде сморщилась, сверкнули белые клыки, и она зарычала. Я попятился и поспешно вышел из травы» (Айен Айдрис).

Первое сообщение о крупной сумчатой кошке опубликовано в научной литературе (Труды Лондонского зоологического общества) в 1871 году. Это было письмо полицейского судьи Шеридана из Квинсленда на имя секретаря Лондонского зоологического общества. Он рассказал о встрече своего сына со странным животным, похожим на крупную полосатую кошку.

Зверь лежал в высокой траве, когда мальчик наткнулся на него.

«Тигр» был ростом с собаку динго. Морда круглая, как у кошки, длинный хвост и черные полосы на боках.

Собака, которая была с мальчиком, кинулась на «тигра», но зверь отшвырнул ее. Мальчик выстрелил в хищника из пистолета и ранил его. «Тигр» вскочил на дерево. Собака с лаем осаждала его убежище. Зверь зарычал и прыгнул на собаку. Мальчик испугался и убежал.

Шеридан добавляет, что здесь это не первая встреча с подобиым животным. Многие колонисты видели «тигра».

Позднее в «Трудах Лондонского зоологического общества» были опубликованы еще два письма с сообщениями об австралийском «тигре».

Австралийский натуралист Джордж Шарп собирал яйца редких птиц в верховьях реки Тюлли. Както, уже собираясь лечь спать, он вышел из палатки и вдруг заметил в вечерних сумерках странное животное размером больше сумчатого волка, темного цвета и с хорошо заметными полосами на боках. Дж. Шарп бросился в палатку за ружьем, но зверь исчез в зарослях.

Позднее Шарп услышал, что такое же животное было убито одним фермером, отправился к нему и осмотрел шкуру: от кончика хвоста до кончика носа полтора метра. К сожалению, она уже начала портиться, и ее не удалось сохранить.

Полосатого, похожего на кошку зверя видели, как они уверяют, многие люди в Австралии — фермеры, охотники и даже натуралисты. И вот мнение современного специалиста, профессора Е. Трофтона, заведующего отделом млекопитающих Австралийского музея. В книге «Пушные животные Австралии», изданной в 1946 году, он пишет: «Несмотря на некоторые расхождения по поводу размеров животного и его раскраски, кажется, действительно большая сумчатая кошка скрывается в густых лесах северного Квинсленда».

А. Ле-Суеф и Г. Баррелл, авторы большого труда по фауне Австралии, изданного в Лондоне в 1926 году (Дикие животные Австралии, включая млекопитающих Новой Гвинеи и ближайших островов Тихого океана), даже дали сумчатому тигру научное описание (на основании сведений, полученных от очевидцев).

«Мех короткий и скорее жесткий. Общий фон окраски — рыжий или серый, на боках широкие черные полосы, не смыкающиеся на спине. Голова похожа на кошачью, но с более сильно выдающейся мордой. Острые стоячие уши. Хвост пушистый, с выраженной тенденцией заканчиваться кисточкой. Ноги толстые. Когти острые и длинные. Общая длина около 1 метра 50 сантиметров. Высота у плеч 45 сантиметров».

Значит, сумчатый тигр — если он не миф! — не крупнее своего индонезийского соседа — дымчатого леопарда.

ВЕСЬМА ПАССИВНАЯ САМООБОРОНА

С австралийскими сумчатыми на этом и покончим, но есть еще американские двуутробки. И немало: 65 видов опоссумов и 7 видов сумчатых крыс. Все живут в Центральной и Южной Америке, кроме обычного опоссума, который нередок еще в восточной половине США (к северу до Великих озер) и кое-где на западном побережье этой страны.

Вообще-то родина обыкновенного опоссума, как и всех сумчатых Нового Света, Южная Америка. Но в минувшие тысячелетия опоссумы ринулись в наступление на Северо-Американский континент, и поход их продолжается: в последние годы опоссумы расселяются по Соединенным Штатам все дальше и дальше к северу. Негустые леса и кустарники, даже вокруг ферм и среди полей, вполне их устраивают. Днем спят они где-нибудь в дупле, на ветке или среди камней. Листья и траву для гнезда носят, подцепив их гибким, голым хвостом. Когда вечерняя заря гаснет, выходят опоссумы на промысел. Зверьки не капризны: едят все, что попадется, — и дикий виноград, и сливы, и сочные листья, и кукурузу на полях. Жука по дороге схватят и съедят, ящерицу поймают или мышь — и туда же, в желудок. Раки и крабы — лакомство для опоссумов. Птичьи яйца тоже очень любят и не ленятся высоко за ними лазать (хотя в общем-то довольно ленивы). Если ветка, на которой свито гнездо, слишком тонка и по ней подобраться к нему невозможно, опоссум умудряется ограбить птицу способом, прямо скажем, акробатическим. Подползет по суку, что растет над гнездом, уцепится хвостом, повиснет вниз головой и передними лапами яйца из гнезда ворует.

А лапы у опоссума почти как руки: с пятью ловкими длинными пальцами. Передние и задние одинаково хваткие. Большой палец на задних лапах (он без когтя) противопоставляется, как на нашей ладони, всем другим.

Плотно поев (опоссумы очень прожорливы), любят двуутробки, зацепившись задней ногой и хвостом (или одним хвостом) за сук, висеть вниз головой и покачиваться, блаженно переваривая обед.

В Америке говорят: «играть в опоссума» — то есть притворяться. На такие штучки опоссум большой мастер. Актер, каких мало. Когда он чувствует, что попал в скверную историю и сильный враг готов его схватить (или уже схватил), а бежать некуда, то притворяется мертвым. Даже с дерева трупом падает и лежит, как дохлый, закатив остекленелые глаза и раскинув будто окоченевшие лапы. А то и язык высунет, войдя в роль. Лежит долго — столько, сколько надо, чтобы обмануть человека или хищника, который не ест дохлятины. «Мертвеца» можно отбросить ногой или схватить за хвост и кинуть подальше, но он не выдаст себя «даже дрожанием век». Как только потенциальная смерть на двух или четырех ногах удалится, опоссум сейчас же вскочит и скорее бежит в кусты.

О том, что притворство часто спасает жизнь, много говорить не нужно. Животные, у которых есть такой инстинкт, выходят без вреда из очень опасных ситуаций. Каталепсия, или акинезия, — это мнимая смерть в интересах самообороны, вернее, неподвижность, имитирующая смерть. Пауки и жуки, цепенея в каталепсии, как и опоссум, наверное, не раз разыгрывали перед вами акинезические пантомимы.

К зиме североамериканские опоссумы сильно жиреют. А когда холода придут, много спят. Но это не настоящая зимняя спячка, просто долгий и глубокий сон. А если денек потеплее, то и опоссум, бывает, проснется и скачет по липкому снегу в надежде кое-кого съесть.

Опоссумы — убежденные индивидуалисты, живут в одиночестве. Но когда придет время подумать о продлении рода (кажется, случается это дважды в году), самец и самка, снизойдя друг до друга, на время забывают о своей необщительности, дни и ночи проводят вместе. Беременность так же коротка, как супружество: двенадцать с половиной дней. Опоссумчики родятся меньше пчелы. Весит каждый по два грамма. Но ползут, умудренные инстинктом, путаясь в волосах у мамы на брюхе, спешат — кто скорее! — в сумку забраться. Этот трудный кросс по пересеченной шерстью местности решает их судьбу. Рождается их нередко двадцать, а сосков у матери только 12—13, и кто опоздает ухватиться — погибнет.

Через месяц счастливчики, повисшие на сосках, ростом уже с мышь. Еще через три недели — с кры-

Обычный опоссум с детишками

су. И тогда, впервые растянув глазные щели, таращат свои глазки, хотя там, где они живут, темно, как в пещере. Дней через семьдесят навсегда бросают соски и выскакивают из сумки порезвиться на воле и поесть: мать делит с ними свою добычу. Больше не сосут молоко, но тут же ныряют в сумку при каждом подозрительном шорохе и испуге. Дней через сто после рождения мать своих чад больше в сумку не пускает. Зверята виснут у нее на спине, и перегруженная потомством опоссумиха, стараясь его не растерять, осторожно путешествует в зелени ветвей.

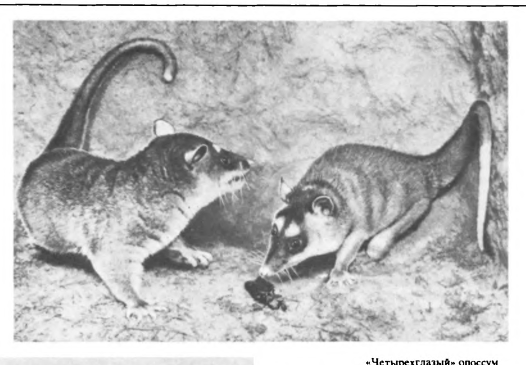
Прежде североамериканского опоссума (под названием виргинский) считали особым видом. Сейчас полагают, что виргинский опоссум лишь разновидность очень похожего на него южноамериканского. У обоих цвет меха изменчив — черный, серый или почти белый. Подшерсток мягкий, а ость очень длинная, редкая, далеко торчит из подшерстка светлыми вроде бы щетинками. Морда у северного опоссума почти белая, у южного — темная, иногда черная.

Хоть опоссум, уничтожая вредных грызунов, оказывает людям большие услуги, его всюду преследуют — из-за мяса, но главное — ради меха. Шубы из опоссума получаются красивые (особенно если длинная светлая ость на них не щипана) и стали модными. Так что плохо теперь придется опоссумам.

Шерстистый опоссум

Шерстистый опоссум — наиболее известный из южноамериканских сумчатых средних размеров; голый наполовину хвост (в основании он пушистый) длиной у него в полметра. Около того или чуть короче и все тело с головой. Мех пушистый, густой (что для тропического жителя довольно необычно), золотисто-коричневый сверху и желто-бурый на брюхе. Глаза большие, выпуклые, но днем видят плохо. Однако для шерстистого опоссума это не так уж и важно, поскольку, пока светло, он спит бес-

«Четырехглазый» опоссум

Мышиный опоссум с восемью детенышами повисшими на сосках

пробудно в уютном гнезде на вершине полюбившегося ему дерева. Привязанность к обжитому дереву у него — как у кошки к дому: по два-три месяца не покидает его и, лишь когда опустошит окрестности, меняет местожительство. Поскольку главное и лакомое блюдо шерстистого опоссума весьма обильно в тропиках (даже на одном дереве!) — насекомые, немного фруктов и молодых листьев и для разнообразия всякого рода падаль, — часто менять свои владения ему не приходится

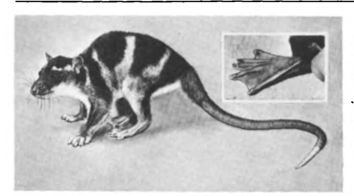
У самки выводковой сумки нет и не будет, даже когда родятся недоразвитые отпрыски. Пока они еще ростом с пчелу, висят на сосках, почти срастаясь с ними. Подрастая, цепляются хвостиками и лапками за мамкину шерсть и, облепив ее всю сплошь многоголовым пушистым комом, предоставляют родившему их зверю все заботы о передвижении.

Есть в Южной Америке опоссумы, которые носят детишек, разместившихся на их спинах и ухвативших своими хвостиками изогнутый над ними хвост матери, словно некую подвесную опору.

У родительниц мышиного опоссума сумок-колыбелей для новорожденных тоже нет: лишь на сосках, ничем, кроме шерсти, не прикрытых, висят полуграммовые детишки. Как только им исполнится месяц от роду и откроются глаза, перебазируются малыши на мамину золотисто-бурую спину и на ней разъезжают.

Мышиные опоссумы с подкрашенными кровью голыми ушами и хвостами скачут ночами по бана-

Плавун, или япок,—сумчатое подобие выдры

новым плантациям и опушкам тропических лесов в Центральной и Южной Америке (от Мексики до Бразилии). Сверчки и другие насекомые, фрукты — желанная цель их полуночного «подвижничества». Светлым днем цепенеют в глубоком сне в темных дуплах или переделанных на свой вкус птичьих гнездах.

Самый страшный враг этих малышек — коатиносуха, из енотов. Но и ей не сдаются без боя. Ощетинившись, грозя острозубой пастью, отчаянно верещат, кусаются, и, бывает, их безудержная ярость побеждает силу.

В семействе американских опоссумов есть зверек, который повадками вполне копирует выдру. Это плавун, или япок. Прежде, когда плохо его знали, числился япок в зоологической классификации рядом с выдрами. Теперь ясно, что он водяной опоссум, а не выдра.

Живет плавун по берегам небольших рек и ручьев от Гватемалы до Бразилии, всюду довольно редок. У него плавательные перепонки между пальцами, шерсть пепельно-серая с черным ремнем вдоль хребта и широкими полосами поперек тела. Хвост голый и лишь у самого корня волосатый. Япок роет норы в обрывах рек и плавает много, и днем и ночью: ловит рыб и раков. Мелких собирает в защечные мешки. Когда поймает большую рыбу, которую в этих карманах не спрячешь, вылезает на берег и там ест ее.

ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА

Ценолестесы, или сумчатые крысы, Южной Америки доставляют зоологам пока только загадки. Они очень скрытны, и о их жизни мало что известно. Романтически настроенные биологи (и среди них — довольно известные имена!) склонны, хотя и не вполне уверенно, полагать, что некоторые из этих таинственных зверьков, возможно, обитают неопознанные даже в Новой Зеландии. Доктор Инго Крумбигель, авторитет во многих вопросах, касающихся млекопитающих животных, один из таких «романтиков».

«За исключением собак и крыс, в этой стране нет ни одного четвероногого животного. Во всяком случае мы не встретили ни одного из них» (капитан Джеймс Кук).

Загадка старая и очень интригующая, значение ее для науки далеко не узкозоологическое. Дело в том, что с октября 1769 года, когда знаменитый «Индевор» капитана Джеймса Кука пристал к зеленым островам Новой Зеландии, в этой удивительной стране до сих пор не нашли ни одного (туземного, аборигенного, не иммигранта) млекопитающего зверя.

В Новой Зеландии обитают два вида летучих мышей. Но они переселились сюда недавно из других стран.

Живут в Новой Зеландии также собаки, черные лесные крысы, кузулисы и другие звери, которых привезли с собой люди, переселившиеся на новозеландские острова.

Отчего же в Новой Зеландии нет млекопитающих? Геологи считают, что новозеландские острова отделились от Австралии приблизительно 160 миллионов лет назад. Тогда всюду — на суше, в море и в воздухе — господствовали пресмыкающиеся, крупные и мелкие ящеры: ихтиозавры, птеродактили, бронтозавры, диплодоки и другие страшилища. Сумчатые млекопитающие, наводнившие

Сумчатые крысы из-за чего-то не поладили между собой

Австралийский материк в более позднее время, не смогли уже проникнуть в Новую Зеландию. Лишь птицы и летучие мыши без труда преодолели просторы Тасманова моря, отделяющего Австралию от новозеландских островов.

Маори, коренные жители Новой Зеландии, называют летучих мышей «пека-пека». «Киоре», по-местному, — маленькая лесная крыса, а «карарехе» — собака. Но странное дело: маори кроме этих всем хорошо известных животных знают еще какого-то вайторека. Вайторек, существо, похожее на выдру, вызывает недоумение у специалистов по новозеландской фауне. Никто из зоологов не видел его ни живым, ни мертвым. Между тем местные жители могут описать этого легендарного зверька во всех подробностях.

Вайторек живет в воде, но это не рыба: тело у него покрыто густой бурой шерстью. Увидеть вайторека очень трудно, потому что он обитает в недоступных горных лесах в глубине страны, на охоту выходит только ночью.

Первые сведения о загадочном новозеландском зверьке привез в Европу в 1850 году путешественник и натуралист Уолтер Мэнтелл. Он слышал о нем от местных жителей. Мэнтелл обещал щедро наградить того, кто принесет ему вайторека. Маори отправились в глубь острова на поиски таинственного животного, но вернулись ни с чем.

Дальнейшие и более подробные сведения о вайтореке мы находим в капитальном труде австрийского ученого Фердинанда Хохштеттера «Новая Зеландия, ее физическая география, геология и естественная история».

Хохштеттер сообщает об исследованиях доктора Ю. Хаста, который часто встречал в горных лесах Южного острова Новой Зеландии следы вайторека. Следы напоминают отпечатки лап европейской выдры, но мельче их. Животное это размером с кошку, покрыто блестящей коричневой шерстью, обитает в горных реках и озерах на высоте тысяча метров, в недоступных местностях, где почти не ступала нога человека.

Рассказывают, что два колониста, которые пригнали стадо овец на горные пастбища у берегов озера Херон, случайно увидели странного, похожего на выдру зверька. Они бросились за ним, пытаясь убить кнутами. Зверек испустил пронзительный свист и нырнул в воду. Больше они его не видели.

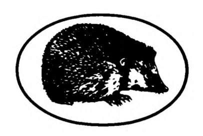
Рассказ о вайтореке Хохштеттер заканчивает словами: «Можно не сомневаться, что в Новой Зеландии обитают свои исконные млекопитающие, которые до сих пор не попались еще в руки исследователей». Надо сказать, что оптимистическую уверенность Хохштеттера разделяют немногие зоологи.

«В одной старой книге о Новой Зеландии перечислены следующие удивительные признаки вайторека: у него будто бы голый, сплющенный, как у бобра, хвост. Зверек строит на берегах водоемов похожие на ульи домики. Реки вайторек перегораживает плотинами! Может быть, в горных лесах Новой Зеландии обосновалась (теперь уже истребленная) колония бобров, завезенных кем-либо из европейцев?» (Инго Крумбигель).

Советский ученый Петр Петрович Смолин говорит: животный мир Новой Зеландии в некоторых отношениях обнаруживает поразительные черты сходства с фауной Южной Америки. Даже гигантские вымершие страусы Новой Зеландии, как показали последние исследования, были ближайшими родичами не австралийских страусов — эму и казуаров, а южноамериканских нанду! Поэтому более вероятно, что и млекопитающие новозеландских островов, если они существуют, имеют тоже больше сходства с южноамериканскими, а не с австралийскими животными. В Южной Америке есть зверек, который напоминает легендарного вайторека. Это плавун.

Однако все это только предположения, и с каждым годом вера в вайторека все более, так сказать, «девальвируется».

НАСЕКОМОЯДНЫЕ

Их восемь семейств и 374 вида. Живут насекомоядные в общем-то там, где сумчатых нет: на всех континентах и многих островах, кроме Австралии, Тасмании, Новой Гвинеи, Новой Зеландии и Южной Америки (за исключением небольших ее областей в северо-западном углу этого материка). В Заполярье насекомоядные тоже не водятся.

Насекомоядные — зверьки маленькие, но зоологическая история у них большая. Сто миллионов лет назад, в меловом периоде, когда еще динозавры сокрушали хвощи невиданной с тех пор мощью своих подошв, насекомоядные уже жили в истоптанной зелени под ногами у ящеров-исполинов. От тех древних юрких зверьков произошли все звери: кошки и собаки, олени и зайцы, полуобезьяны и обезьяны, а от обезьян — и человек. Только сумчатые ведут свой род от генетически близкого, но иного корня — сумчатых трехбугорчатых, тоже насекомоядных, если судить по их обычному пропитанию. Прародителями насекомоядных наших дней были трикодонты. Так что пути развития клоачных, сумчатых и несумчатых высших зверей разошлись очень давно, наверное, 150 миллионов лет назад.

И сейчас еще у насекомоядных зубы почти такие же, какими были давно, — бугорчатые, один на другой похожие: клыков, резцов и коренных у них, можно сказать, и нет. Мозг тоже примитивный — без извилин, гладкий. Большие полушария невелики: не покрывают мозжечок.

Самое маленькое на Земле млекопитающее, землеройка (белозубка-малютка ростом с мизинец, длина ее тела 34—38 миллиметров плюс 22—31 миллиметр хвостик), — насекомоядное. Еж — гроза гадюк, подземный житель крот, выхухоль, плавающая в дорогой шубке, — тоже насекомоядные. На Мадагаскаре живут танреки — «ежи» без колючек. В Вест-Индии — соленодонты, или щелезубы, на них похожие. В Индонезии — тупайи-древолазы. О них ученые давно спорят: насекомоядные тупайи или полуобезьяны? Здесь мы последуем за теми, кто считает их все-таки полуобезьянами, и потому о тупайях разговор будет позже. На суше и в воде, под землей и на деревьях живут насекомоядные и всюду к тому, что их окружает, приспособились совсем неплохо.

ТАЙНЫ ЗА ИГЛАМИ

«Еж собирает на зиму пропитание. Он катается на яблоках, упавших на землю. Наколет их на свои иглы и еще одно возьмет в рот и несет в дупло дерева» (Плиний Старший).

Может быть, эта фотография документально удостоверяет легенду о еже и яблоках

Века прошли, Плиний давно умер и многими забыт, но рассказанная им легенда живет. Во многих странах — от берегов Англии до Кавказских гор — по сей день крестьяне, охотники, поэты, писатели, в немалом числе и натуралисты (среди них Ч. Дарвин!) рассказывают эту странную историю о еже, ворующем яблоки, как о факте само собой разумеющемся, не задумываясь о несуразности, по мнению современных биологов, и очевидной ненужности для ежа такого занятия. Из уст в уста, от поколения к поколению наряду с другими традиционными представлениями переходит эта молва.

В некоторых рыцарских и дворянских гербах в геральдической условности на века запечатлен еж с яблоками на спине. В Линкольншире, в Англии, жива еще старая поговорка: «Он выгнул спину, как еж, отправившийся за яблоками». Говорят так о человеке ершистого и вздорного нрава.

Загадал еж людям загадку. Те зоологи, что ежей хорошо знают (или полагают, что знают), говорят: яблоки ежу ни к чему, ведь он их не ест! Он насекомоядный: жуки, черви, улитки, лягушки (даже жабы) и мышата, гадюки, яйца, птенцы (в разоренных гнездах) его прельщают. А яблоки-то зачем?

Но другие люди, не зная всех этих тонкостей (или не придавая им большого значения), уверяют часто, что своими глазами видели, как катается еж на опавших дичках, как, наколов их на иглы, несет куда-то. Даже фотографии такие есть. Однако в

Старая английская гравюра, изображающая ежей, накалывающих яблоки на иглы

наш век технического всемогущества сфотографировать можно что угодно. Так что фото — это не доказательство. Но и отрицание типа «это невозможно, потому что невозможно» тоже не доказательство. Животные нередко такое проделывают, чего от них, априорно полагая, ожидать никак нельзя. Может быть, в этой странной ежиной повадке и есть какой-нибудь нам пока неведомый смысл.

На чем построено научное отрицание легенды? Первое — еж насекомоядный, растения не ест. Второе — на зиму никакое пропитание ему не требуется, в это время он спит, как медведь или барсук. Третье, наконец, — спинная, стягивающая ежа в шар мышца устроена так, что кататься шаром на спине еж не может. И если распрямит спину и не

шаром, а плашмя ляжет на землю, то эта мышца потеряет свою упругость. Лишенные прочной, фиксирующей их опоры, иглы на спине не способны будут тогда проткнуть что-либо более или менее твердое.

А каковы контрдоводы? Так ли уж ограничивает себя еж насекомоядной и плотоядной диетой? Сто лет назад в британском Зоологическом журнале вопрос этот оживленно обсуждался в нескольких номерах подряд. Были статьи, которые утверждали, что иногда еж не прочь поглодать и яблоки, и другие плоды. Особенно будто бы на это горазды молодые ежи. В неволе вкусы ежа определенно меняются, и от некоторых вегетарианских угощений он не отказывается (от вареного картофеля, например, риса, груш, слив, орехов, семечек подсолнечника, даже от сладкого пудинга и шоколада!). Теперь доказано, что и на воле ежи едят «сочные плоды растений».

Я люблю ежей, и у меня они часто жили. Однажды видел я, как еж, прижав сырую морковь к стене, пытался наколоть ее на иглы своего насупленного капюшона на лбу. Провозился он недолго, морковь наколол и бродил с ней из угла в угол явно с какой-то непонятной целью. Чего-то в комнате не хватало, чтобы эту цель привести в исполнение. Съел ли он морковь? Нет, даже и не погрыз.

И тут возможно приемлемое, кажется, даже для самых непримиримых противников легенды объяснение загадочных манипуляций ежей с кислыми яблоками, о которых повествует молва.

Замечена определенная склонность ежей к разного рода кислым едким продуктам и веществам. Ежи любят натыкать на иглы, например, недокуренные сигареты, пытаются водрузить на себя и зерна кофе. Дым табака, запахи духов и опять-таки кофе им приятны: во всяком случае, ежи в атмосфере таких запахов, взъерошив иглы, будто бы дезинфицируют себя. В этом, возможно, и разгадка тайны!

Многие птицы «купаются» в муравейниках, взъерошив перья и раскинув крылья. Даже, захватив клювом, давят муравьев о свое оперение. Любят дезинфицировать себя и другими едкими веществами и ароматами на манер ежа. И в том и в другом случае делается это скорее всего для уничтожения паразитов, которые нашли приют у птиц под перьями (а у ежа — под колючками).

Итак, видимо, еж накалывает на иглы яблоки не для того, чтобы потом съесть (хотя и такое, конечно, возможно), а чтобы кислый их сок (яблоки он ворует обычно дикие) отравил недосягаемых для его когтей паразитов.

А паразитов у ежей на коже много: очень их мучают, поселяясь главным образом на шее, особые ежиные блохи (и иных блох немало), разные клещи, другие паразиты даже в волосяной луковице под кожей устраиваются. И оттуда их ничем, кроме химии, не выгонишь.

Ушастый еж

Всевозможных ежей на нашей планете 19 видов. Из них четыре, увы, без колючек (Южная Азия). Остальные более или менее колючие (Европа, Азия, Африка). В СССР четыре вида ежей.

Обыкновенный, или европейский, еж встречается в Европе, Передней Азии, Северо-Восточном Китае и Корее, у нас — от северных берегов Ладожского озера до Крыма и Кавказа, от западных границ до Оби на востоке. Кроме того, в Приамурье и Приморском крае. Даурский еж отличается от обыкновенного тем, что на темени у него нет продольной полоски голой кожи (без волос и игл). И нравы у него иные: живет в степи (Забайкалье и Монголия), прячется в норах сусликов и сурков. Не дожидаясь сумерек, на охоту выходит еще засветло.

У темноиглого (или лысого) и ушастого ежей большие уши (если их отогнуть вперед, они закроют глаза) и мягкая шерсть на брюхе (у европейского и даурского ежей она жесткая). Лысый еж более темный, и на темени у него такая же голая полоска кожи, как у ежа европейского. У ушастого ее нет. Лысый еж обитает в песчаных и

глинистых пустынях, а также в предгорьях и горах Северной Африки, Аравии, Ирана, Афганистана, Индии, у нас — только на крайнем юге Средней Азии и у восточного берега Каспийского моря.

Ушастый еж живет в степях Юго-Восточной Европы, Передней и Центральной Азии, на юг до Египта и Индии. У нас западнее Ростовской области, восточнее Тувинской АССР и севернее Камышина не встречается. Нет его и в Крыму и западных районах Кавказа, но равнины и предгорья Казахстана и Средней Азии им обжиты. Днем прячется в норах (нередко довольно глубоких — до полутора метров), которые роет сам или переделывает чужие.

Все ли обыкновенные ежи, населяющие Европу и Азию, одного вида — ученые еще окончательно не решили. Во всяком случае 15 их подвидов, описанных до сих пор, довольно отчетливо можно разделить на две группы: темногрудых, или западных, ежей (у них череп короче и шире) и светлогрудых, или восточных. Первые обычны на западе Европы, а у нас — в северных областях и южнее — до Оки. Вторые — в Восточной и Юго-Восточной Европе и Малой Азии.

Наши западносибирские и особенно амурские ежи светлые. У амурского — почти треть колючек на спине без темных колец, беловатые. Но еще светлее так называемый белый, или алжирский, еж, и шерсть, и иголки у него почти белые (глаза часто красные). Белый еж и в Европе живет: в Испании и на юге Франции.

Разные ежи — разные привычки. Одни в лесах живут, все больше в еловых да сосновых. (Сырости ежи не любят. В дождь, как, наверное, заметили, сидят дома, не бегают. Потому болот лесных не любят. Сухие поляны и опушки им милее.) Другие — в степях, полях, в живых изгородях и кустах. Третьи — нравами альпинисты, предпочитают дышать горным воздухом, поселяются в нагорьях, до двух тысяч метров над уровнем моря.

А есть и такие, которым нравится жить с людьми по соседству: на скотных дворах, в садах, сараях. Эти очень доверчивы. Особенно людей не боятся. Но на всякий случай, пыхтя и свернувшись комом (не очень плотным), страхуют себя иглами. И в неволе, и на воле очень любят ежи молоко. Бывает, где-нибудь в углу коровника ждут, не брызнет ли у доярки струйка молока мимо ведра. Для ежа это праздничное угощение. Люди, застав ежа за таким пиршеством, случалось, думали, что он сам себе надоил. Вот местами и родилось поверье, будто ежи доят коров.

И еще про ежей слава ходит: хорошие они мышеловы. Если завелись мыши в погребе, надо туда ежа пустить. Он их всех переловит. Лучше кошки.

Тоже едва ли. Дохлых мышей еж иногда ест (хотя и не очень охотно). Это верно. Но живую мышь в большой комнате ему, тихоходу, трудно поймать. Да и в клетке, когда мышь к нему пускали, еж долго скромничал, не трогал ее, а часто и просто ее не замечал, пока буквально носом в нее не упирался. Тогда пытался схватить ее, но мышь без особого, впрочем, страха и труда вырвалась и отскочила. Еж после этого вроде бы совсем забыл о ней. Мыши довольно долго живут обычно в клетке с ежами. Бывает, что, удачно загнав в угол, еж поймает и съест мышь. Но все в его поведении говорит, что дичь такая для него не самая обычная и желанная.

Зато стоит посмотреть, как он расправляется со змеями! Даже гадюку ядовитую не боится. Увидит ее, потихоньку, незаметно подберется, потом — быстрый бросок и, прикрываясь иглами, хватает змею острыми зубами, за что успеет схватить. Извивается гадюка, кусает ежа. Но куда ни укусит — всюду натыкается на колючий барьер. А еж атакует раз за разом и норовит укусить все в одно место. Когда перегрызет позвоночник, ест змею оттуда к голове. Бывают, конечно, и неудачи: изловчится гадюка и укусит колючего в нос. Вот тут беда. Хорошо если нос, чуть распухнув, поболит немного и заживет. Но может еж и умереть от змеиного укуса. Не сразу, несколько дней мучается. Опыты доказали, что еж раз в сорок легче переносит змеиные укусы, чем, например, морская свинка, которая уже через две-три минуты умирает от дозы яда, несмертельной для ежа. Но все-таки он не абсолютно к яду нечувствителен, как думали раньше.

Змею еж ест всю целиком и часто вместе с головой и ядовитыми железами. Это очень удивительно! Мало того, ест он (и в немалом числе) и ядовитых насекомых: шпанских мушек (жуков из рода Lytta), жуков маек, в крови которых очень сильный яд кантаридин, и потому никто из насекомоядных, кроме ежа, их, кажется, не трогает. Разоряет гнезда шмелей, ос, пчел и пожирает этих жалоносцев без страха. Жалят они его: одного ежа сразу 52 пчелы укусили, а он не умер и не заболел.

В лабораториях, пытаясь понять, отчего так, травили ежей разными ядами: мышьяком, сулемой, опиумом, хлороформом. Слишком большие дозы убивали, но все-таки оказалось, что все испытанные яды ежи переносят лучше, чем даже человек, хоть еж весом во много раз меньше.

Все на его вкус съедобно: что в зубы попадет, ест еж, себя не ограничивая. Один, в изобилии наде-

ленный мучными червями, за десять дней уничтожил около двух килограммов! И «поправился» за эти же дни санаторного питания на 466 граммов: в начале опыта весил 689, в конце — 1155 граммов.

Немалый труд для колючего — пропитать себя. Всю ночь он топает и вынюхивает, где что съесть. Днем спит под кустом, валежником, меж корней, иногда в норе. У нее обычно два выхода: один из них, самый ветреный, заткнут сухими листьями. В подобных же местах и зимовать еж устраивается в октябре — ноябре. Натаскает тогда (во рту главным образом) побольше разной листвы, мха, рыхлым комом все уложит, внутрь заберется и, свернувшись, спит до весны, до апреля. В этой спячке тело его остывает, но в любой мороз температура его не меньше 5—6 градусов. Когда еж зимой спит, он, естественно, ничего не ест, дышит очень редко, все процессы обмена идут малыми темпами. Но когда проснется, даже, бывает, и в сильную оттепель, очень хочет есть, и если ничего не найдет (так обычно и случается), то остаток зимы, опять в сон погрузившись, может и недозимовать, умереть, но не от холода, а от голода. Таких погибших зимой ежей (чаще молодых) нередко находят по весне.

Пробудившись весной, первым делом ежи хотят есть. Потом сытых уже самцов неудержимо начинает тянуть к самкам. Каждую ночь ищут их и вокруг одной собираются по нескольку. Она поначалу совсем нелюбезна с ними. Фыркает на кавалеров, наскакивает даже. Но они всюду за ней топают. Между собой, однако, недружелюбны, ссорятся без конца, грубят, отпихивая соперников, и тут же требуют сатисфакции и получают ее — не на пистолетах, а на иглах. Фехтуют, нанося удары противнику колючками наползающего на лоб капюшона. Потом, заметив с тревогой, что причина их ссоры далеко уже ушла на коротких своих ногах, спешат за нею, заключив временное перемирие. И так много ночей подряд. И не только в апреле, но периодами все лето до августа. Потому что самки ежей не все в одно время готовы к зачатию и деторождению, а иные, родив в начале лета, и второй раз, в конце его, рожают. В общем от мая до сентября можно найти в лесу новорожденных ежат, но чаще всего в июне — августе.

Беременность у ежихи пять-шесть недель, а новорожденных два — десять (в среднем семь). Как ни малы ежата, по сравнению с младенцем даже трехмесячного кенгуру они великаны: вес 12—25 граммов, а длина пять — девять сантиметров. Слепы, глухи, беззубы, утыканы редкими мягкими белыми иглами, как плохо ощипанные цыплята. Хоть иглы и мягки, но природой все-таки, чтобы роженицу не поранить, приняты меры предосторожности: иголки рождающихся ежат втянуты в разбухшую от обилия в ней воды кожу. А как родятся, иголки у них сразу топорщатся, а через двое суток уже начинают расти новые, более темные и острые. Через две недели ими уже густо поросла вся спина малыша, а «молочные» белые иглы все выпали. Тогда же и глаза у ежат открываются, а еще через неделю или две прорежутся острые зубки. На одиннадцатый день ежата уже умеют сворачиваться в шар.

Отец их живет с матерью, пока они не родятся, а потом удаляется и больше к потомству своему не возвращается, предоставив матери все заботы о нем. Первый день она ни на минуту от ежат не отходит. Кормит молоком. Ежата еще слепые и глухие, но уже дерутся из-за соска, в котором больше молока. Не кусаются, не царапаются, а боксируют. Кожа с иголками, которая у ежей наползает на лоб, очень подвижная. Ежата ее быстро вперед выдвигают и, как боксер кулаком, бьют этим колючим капюшоном противника. Слабенький ежонок, как от хорошего нокаута, летит от такого удара в сторону. Мать-ежиха в драки не вмешивается — эта возня им вместо гимнастики. Сильнее будут.

Уходя из гнезда, мать закутывает ежат травой и листьями. Лежат такие маленькие пакетики в гнезде. Их и не видно, и тепло им в упаковке. Если место, где ежата родились, с точки зрения безопасности ненадежно, мать, бывает, одного за другим перетащит их всех во рту на новое, надежное.

Пока глаза закрыты, из гнезда колючие никуда не уходят. Но как только мир раскроет перед ними все свое зримое многообразие, разве не пойдешь посмотреть, что делается вокруг? И они уходят. Жмутся поближе друг к другу, и от матери им надо не отстать. А если кто отстанет и заблудится — пищит, словно свистит, жалобно: «Ах, подождите!» И мать бежит назад, ищет, где он, отставший. Найдет и носом, носом подгоняет: «Не отставай!»

Она учит своих чад, где улиток искать, каких жуков можно есть, а каких пока лучше не трогать. Без ее разрешения ежата ничего в рот не берут. Месяц-полтора обучает ежиха колючую компанию премудростям жизни (и все это время подкармливает молоком). А потом ежата подрастут и разбегутся кто куда. На следующее лето у них у самих дети будут.

Еж, отгороженный от всех колючим барьером, не многих врагов страшится. Однако нашлись такие, кто прорывается через его оборону без труда. Филин — самый опасный. И другие хищные птицы с длинными когтями и роговой броней на лапах (крупные совы и ястребы), смяв колючки, пронзают ежа своим бесчувственным к уколам оружием. Тут все ясно.

Но вот как лиса умудряется ежей есть, пожалуй,

еще загадка. Она его, говорят, шаром свернувшегося, в воду катит, и там он волей-неволей должен развернуться — тогда и хватает рыжая колючего за морду.

Рассказывают еще так: лиса, чтобы развернуть иглистый шар, прыскает на него, простите, своей мочой. Так ли, нет ли — ученые пока не проверили.

Зато проверено другое: ежи, которых нелюбезная к ним молва представляет довольно тупыми тварями, в экспериментах ведут себя очень даже сообразительно. Они легко обучаются разным штукам. Например, по команде «развернись», «свернись» делают, что приказано. Как и обезьяны, умеют, схватив зубами кончик палочки, втянуть ее всю через прутья решетки к себе в клетку, если, конечно, на другом конце привязано недосягаемое из-за расстояния и решетки лакомство — скажем, майский жук.

Их можно научить открывать (носом и лапами) одну из многих похожих дверей, но именно ту, за которой, еж по опыту знает, спрятано угощение. Он обучается открывать дверку не только, скажем, крайнюю правую или левую либо там третью по счету от края, но даже и окрашенную по-иному, в тот цвет, на который его выдрессировали. А странно это вот почему: считается, будто звери, кроме человека и обезьян, не различают цвета и краски. Бесполезно, уверяют биологи, дразнить быка красной тряпкой: для него что красное, что серое, что черное — все равно. Свиньи, овцы, лошади, собаки о цветах понятия тоже не имеют. Они для них лишь разные оттенки серого (так доказывают опыты). Только человек и обезьяны (но не полуобезьяны, для которых тоже все вокруг серо) наслаждаются созерцанием разноцветной планеты. Кроме них еще раки, насекомые, осьминоги, рыбы, ящерицы, змеи, птицы (за исключением, возможно, ночных — сов и козодоев).

За что природа, раздавая глаза, так обидела зверей, пощадив обезьян и человека, не ясно. Но вот для ежа (а также ленивца и, возможно, кошки), оказывается, тоже сделано исключение: игра красок для него не серая гамма разных тонов. Может быть, будущее покажет, что и другие звери не абсолютные дальтоники, может быть, опыты, доказавшие их цветовую слепоту, были недостаточно совершенны?

Открытая в недавнее время субординация, так называемая иерархия звериных и птичьих стай и сообществ, есть и у ежей. Но странно: строится она, кажется, не по плану подчинения слабого сильному, а по каким-то иным категориям. Профессор Конрад Гертер, написавший отличную книжку про ежей, думает, что яркая индивидуальность и психическая одаренность играют тут главную роль.

Четыре ежа жили вместе в одной клетке. Всеми командовала, кусала их безнаказанно и колола одна самка, отнюдь не самая большая и сильная. Вторая подчинялась только ей, но двух ежей, самцов, третировала как хотела. Из этих на последнем месте в иерархии был самый крупный и на вид сильный самец. Другой, из четырех ежей самый маленький, гонял его и кусал без страха, но двух самок боялся.

Это странное соподчинение, которое заметили сначала у обезьян, проходит, по-видимому, весьма строго снизу доверху, через все животное царство. Когда пытались исследовать его детальнее, выяснилось, что иерархия и ранги (иначе и назвать нельзя!) есть почти у всех животных: у кур, волков, оленей, коров, мышей, шмелей, сверчков, у трески...

В каждой стае (и не только в стае) есть животные номер один, два, три и так далее. Соподчинение устанавливают между собой и самцы и самки. А иногда даже и детеныши (например, цыплята). Бывает иерархия прямая (соподчинение последовательное, в порядке, так сказать, номеров), но бывает и запутанная, когда, скажем, номер четвертый номера первого и третьего боится, а номера второго не боится. Бывает коллективная, когда несколько самцов объединенными силами побеждают одного, который их всех по отдельности может отколотить. Бывает и межвидовая (например, в смешанных стаях синиц все большие синицы рангом выше лазоревок, а лазоревки — черноголовых гаичек) и т. д. Но это все детали (и часто спорные). Важен сам факт, который теперь твердо установлен: у животных есть ранги.

А зачем они?

Наверное, чтобы порядка было больше, а лишних драк меньше. Однажды силами померялись (и духовными тоже, как пример ежей подсказывает), и все знают, кто кого сильнее. Без драки знают и уступают сильному, и мир царит (насколько он возможен) в ежином, мышином и прочих царствах.

Но вернемся к колючим, которые живут с нами бок о бок и о которых мы, оказывается, так мало знаем. Есть еще одна загадочная странность в повадках ежей: встретив какой-нибудь предмет с резким запахом, скажем корешок книги, пахнущий клеем и типографской краской, еж его обнюхивает, потом долго лижет. Полизав, голову поворачивает назад и, сколько может дотянуться, лижет иглы, оставляя на них пленки пенистой слюны И так несколько раз.

Если предмет, прельстивший его, небольшой,

еж берет его в рот, мусолит и пытается жевать. Затем смазка игл продолжается. Изжеванную вещь всегда выплевывает.

С этой непонятной целью прельщают ежей мыло, клей, сигареты, вата с валерьянкой или духами, некоторые цветы, газетная бумага, корешки книг, жабы (!) или, когда всего этого нет, шерсть других ежей.

В чем смысл подобных манипуляций? Об одном возможном объяснении я уже упомянул, рассказывая о пристрастии ежей (мнимом или реальном) к кислым яблокам. Вторая, недоказанная, впрочем, догадка: может быть, пахучей отдушкой еж хочет заглушить свой собственный, довольно резкий запах, чтобы враги его не нашли? Но у него и врагов, которые сильным обонянием вооружены, почти нет. Лисица если только. Антисептика и дезинфекция, пожалуй, более вероятные цели этой загадочной ежиной привычки.

Какая польза человеку от ежа? — вопрос, который часто задают о любом звере, не явно пушистом или общеизвестно вкусном. И на него, считается, нужно ответить.

Ни в пушной торговле, ни в гастрономической еж значения не имеет, совсем не ценится. Правда, некоторые европейцы ежей едят, запекая их в сырой глине. Иглы его использует в небольшом числе препарационная техника для манипуляций с мелкими объектами. Римляне, содрав с ежей колючую шкуру, делали из нее разные чесальные устройства на своих суконных фабриках. И по сей день еще крестьяне, привязав на нос теленку иглами наружу содранную с ежа колючую шкуру, отучают таким способом телка от его инфантильной слабости к коровьему вымени. Он полезет сосать, иглами уколет вымя, корова его лягнет, боднет, в общем сосать не даст. Вот и вся польза от ежа в крестьянском хозяйстве. Казалось бы...

Но нет, польза его внушительнее, и совсем она в другом: охрана садов и полей. Ибо ежи, удовлетворяя ненасытные свои аппетиты, уничтожают массу всяких вредных насекомых и слизней (и змей, не забудьте!). Хоть охотники за взрослыми мышами они и неважные, однако и мышей много губят, разоряя их гнезда.

Разоряют, к сожалению, и птичьи. И зайчат крохотных, и лягушек, и жаб, и ящериц тоже не щадят. Так что есть от ежей и некоторый вред в человеческом лесном и полевом хозяйстве. Но по сравнению с пользой он невелик. Потому берегите ежей! С ними, кроме всего прочего, не соскучишься: сколько интересных загадок таится за иглами!

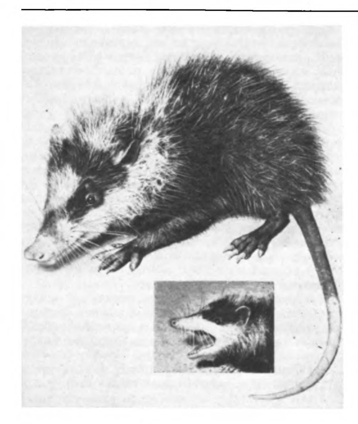
НЕКОЛЮЧИЕ ЕЖИ

Не все ежи колючие, есть и без иголок. Четыре их вида — в Южной Азии (один — только на Филиппинах, два кроме материковой Азии на Калимантане и Суматре). У всех крысиные хвосты и 40 зубов (у наших ежей их 36). Самый внушительный из шерстистых ежей — большой гимнур, пожалуй, и самый крупный насекомоядный зверь: длина от носа до корня хвоста 40 сантиметров, да еще хвост вполовину того. Известно, что у гимнура под хвостом (у основания) мускусные, резко пахучие железы, что днем прячется он в расщелинах скал и в дуплах поверженных деревьев, ест фрукты и насекомых. Больше, кажется, ничего не известно.

Сведений о нравах и жизни щелезубов у науки больше. Щелезубы похожи повадками, немного даже и внешностью на шерстистых ежей, но коечто в их анатомии отличается. Поэтому систематики учредили для них свое, особое семейство щелезубов. Это странное название получили зверьки за то, что второй резец на их челюстях прорезан с внутренней стороны довольно глубокой щелью. Вообще зубы у них для насекомоядных не совсем обычные. Например, пара верхних резцов чересчур велика в сравнении с другими, а положенного числа ложнокоренных зубов нет, меньше их, чем у образцового насекомоядного.

Зверьки и раньше-то нечасто на глаза попадались, а после того, как расплодились на Кубе собаки, кошки и, главное, мангусты, определенно стали вымирать. Мангуст привезли из-за моря, чтобы они ловили и ели бесчисленных тут змей. Но иммигранты распорядились по-своему и больше промышляют редкостных щелезубов (а людям очень хотелось бы их сохранить!), даже поросят и ягнят, а гремучих змей, которые проворнее привычных мангустам кобр и гадюк, предпочитают оставлять в покое.

Малайский гимнур

Гаитянский щелезуб У него есть ядовитая железа, которая выводит свою токсическую продукцию в рот зверька у основания второго резца нижней челюсти У щелезубов нет иммунитета к собственному яду Случалось, их самцы умирали после драки друг с другом, хотя ранения были невелики

Танреков, или тенреков, около 30 разных видов, и все проживают только на Мадагаскаре Одни похожи на ежей, другие без игл, лишь щетинисты, у некоторых только шерсть Большой, или бесхвостый, танрек и иглист, и щетинист, и шерстист

Малый иглистый танрек

Прежде щелезубы жили и на материке, в Северной Америке, теперь уцелели лишь на Кубе и Гаити (на каждом из этих островов свой особый вид щелезубов).

Кубинский щелезуб ростом с крысу. Глазки у него крохотные, а морда узкая и длинная: прямо гротескно вытянута вперед тонкой морковкой! Естественно, таким длинным носом, во все щели вхожим, очень удобно вынюхивать слизней, опавшие фрукты, муравьев и насекомых. Он это и проделывает по ночам, следуя в поисках соблазнительных запахов зигзагами и вспахивая землю носом, как поросенок. Роет и длинными когтями, когда нужно.

Мускусные, с резким запахом железы разместились у щелезуба под мышками и на крестце, а соски у самок, трудно поверить, на... ягодицах (дело небывалое!).

И еще у щелезуба слюна, по-видимому, ядовитая: в борьбе с врагами и на охоте это, наверное, помогает.

Щелезубы совсем не плодовиты: дважды в году рождают их самки одного или трех детенышей. Такая безответственность в делах размножения совсем не способствует, особенно под натиском мангуст, продлению рода.

Танреки, или щетинистые мадагаскарские «ежи», родством ближе всех зверей к щелезубам, хотя и зачислены в иное семейство. У них тоже ложнокоренных зубов недостача. Зато у некоторых нижние клыки очень велики. Танреков тридцать видов, и все проживают только на Мадагаскаре!

Одни — лишь шерстистые, другие — щетинистые, у третьих — на спине и щетина, и простые волосы, и даже иглы. Одни об ежиной «круговой обороне» понятия не имеют, другие сворачиваются в шар не хуже ежей. У иных хвост невероятно длинный, крысиный (в 2,5 раза длиннее тела — мировой рекорд!), у других — совсем короткий обрубок, а то и вовсе отсутствует. Одни в сухую зиму спят беспробудно, а некоторые нет.

Многие танреки живут, как ежи, промышляя того же вида добычу на земле, другие, как кроты, в земле и норах копаются. Есть и по деревьям лазающие, в воде плавающие — словом, очень разные.

Одно у них, кажется, непеременчиво: плодовитость немалая. Семьи многодетные: 10—20 наследников каждый год. А бесхвостый танрек, конкурируя в этом с песцом, побил многие рекорды многодетности в мире зверей: двадцать одного детеныша родят нередко его самки!

ЗЕМЛЕРОЙКИ ЛОЖНЫЕ И ИСТИННЫЕ

Землероек три разные группы: выдровые, слоновые (или африканские прыгунчики) и обыкновенные. Впрочем, первые и вторые совсем и не землеройки, просто их так за неимением лучшего называют.

Выдровые землеройки, которые анатомически ближе к щелезубым и танрекам, а не к землеройкам как таковым, живут в Африке, в Центральной и Западной. Их три вида. Внешне они действительно очень похожи на выдру, только помельче: чуть больше полуметра (с хвостом).

Хвост сильный, у корня толстый, дальше, с боков, сжатый — отличный и руль, и весло. Выдровые землеройки, плавая, больше на его силу полагаются, чем на слабенькие лапки, которые у них, говорят, даже без перепонок, что для водного животного странно. Высмотрев с берега рыбу, ныряют за ней. Поймают и на берег лезут есть.

Слоновые землеройки, или прыгунчики, видом скорее тушканчики, потому что скачут, подобно им, на длинных задних ногах. И глаза у них такие же большие (для насекомоядных редкость!). Слоновыми назвали их за тонкую, удлиненную на конце наподобие хоботка мордочку. Их 21 вид, почти все рыже-бурые, но есть и пятнистые, и все живут в Африке в сухих степях и каменистых предгорьях (один вид — на Занзибаре). Попрыгивая, не спеша ищут насекомых в нежаркие утренние часы. В полуденную жару прячутся в норах. Некоторые ростом с крысу, другие — побольше, от носа до конца длинного хвоста примерно полметра. Снизу на хвосте у прыгунчиков мускусные железы. Касаясь на бегу хвостом земли, оставляют пахучий след — путеводную нить для тех собратьев, которым наскучило одиночество.

Когда в череде месяцев приближается сентябрь, самкам прыгунчиков приходит пора рожать. Они не

Выдровая землеройка

Землеройка (белобрюхая белозубка) угрожает

плодовиты: один-два детеныша, но зато очень крупных, уже зрячих и с рыжеватым мехом на спинках. Младенцы виснут на сосках, и мать с ними прыгает по степи.

Землеройки истинные разнообразны — 265 видов. Один лишь род белозубок, преимущественно африканский (хотя и в Азии совсем не редок), более обилен видами, чем весь подотряд обезьян, — 144! Впрочем, когда белозубок лучше изучат, число это, наверное, очень поубавится. Некоторые из землероек ростом с крысу, многие — с мышь, а иные и меньше.

Европа, Азия, Африка, Северная и Центральная Америка (и небольшой северный кусочек Южной) — вот жизненное пространство глобального масштаба, обжитое землеройками. К той роли, которая отведена им на планете судьбой, они очень подготовлены. В горах, лесах, полях, садах стран умеренного климата, даже в тундре и тропиках отлично приспособились. Умеют жить и передвигаться (и летом и зимой) в густой траве, в опавшей листве, в рыхлой земле, между корнями, в узких норах, хорошо плавают, а иные и вовсе, как выдры, живут в воде. Многие животные беспомощны — ни пролезть, ни удачно охотиться за разной мелочью не могут на пограничной полосе между воздухом и землей, где землеройкам обеспечивает удачу их юркое маленькое тельце, большая сила и отвага, необыкновенное проворство и неутомимая выносливость. Вытянутое, обтекаемое рыльце легко раздвигает такие преграды на пути, как густые травы, мхи, и рыхлую землю. А чтобы отважными крошками кто посильнее (а таких необозримое множество!) не очень-то объедался, природа наделила землероек мускусными железами с неприятным запахом. Только аисты, гадюки и некоторые хищные птицы ими не брезгают. А звери, например лисы, у которых очень тонкое обоняние, духа землеройкиного не переносят. А если, случится, схватит лиса землеройку, по ошибке приняв за мышь, тут же, с отвращением поджав губу, выплюнет. Но соболь ест землероек, и довольно охотно!

Африканские, или слоновые, прыгунчики похожи на тушканчиков, но происхождением они не грызуны, а насекомоядные. Землеройки, ежи, кроты — их близкие родичи

Аппетиты у землероек рекордные: за сутки съедают они больше, чем весят сами. Едят почти всех насекомых, а также червей, слизней, многоножек и

даже мышей, которых побеждают в единоборстве. Возможно, победу над мелкими врагами им обеспечивает редкое свойство слюны, которое мы уже заметили у щелезуба: ядовитость. Слюна землероек нейротоксична, то есть губительно действует на нервы (у куторы, во всяком случае). Но не ясно еще, вредна ли она для человека. Ядовитость у зверей — редчайшее свойство! Только еще у ехидны, утконоса и щелезубов, как пока известно, есть ядоносные железы. Долю свою в дележе пропитания землеройки отстаивают отчаянно. Видели, как с воинственным писком дралась землеройка с ящерицей из-за какого-то насекомого.

И между собой дерутся часто и яростно: кусаются, катаются, сцепившись комом. Отдохнут немного, и новый раунд начинается. И так до полной победы одного из борцов или полного истощения обоих. У каждой землеройки свой охотничий участок — несколько десятков метров вдоль и поперек, и чужаков на него не пускают.

В СССР 21 вид землероек и пять разных их родов: бурозубки, белозубки, белозубки-малютки, куторы, или водяные землеройки, и путораки.

Обыкновенная бурозубка сырые места любит больше сухих и чтобы тень была. Если долго ее продержать на солнце, может умереть. Она похожа на мышь, только острое длинное рыльце выдает ее насекомоядность. Ростом тоже с мышь — от носа до корня хвоста шесть — восемь сантиметров. Цветом в общем бурая (западные бурозубки почти черные). Хвостик, на конце которого едва приметна кисточка из удлиненных волос, двухцветный: сверху темнее, снизу светлее. Живет эта землеройка у нас по всей стране, а кроме того, в Западной Европе и Китае. Поймы рек и окрестности ручьев для нее желаннее всех других мест. Для разнообразия ест иногда и семена растений.

Срок жизни обыкновенным бурозубкам положен очень короткий, всего 15 месяцев, по некоторым наблюдениям. Оттого, по-видимому, и темпы размножения рекордно быстрые. Судите сами: в три-четыре месяца от роду молодые бурозубки обзаводятся семьей, беременность коротка, как у сумчатых, — двадцать дней; детеныши (которых обычно пять) в гнезде подрастают, набираясь сил, всего лишь три недели: на семнадцатый день уже вылезают из него с целью ближней разведки окрестностей, а на двадцать второй совсем покидают детский приют, обретя почти полную самостоятельность. А еще через три дня их мать снова готова к зачатию и продолжению рода.

Когда придет пора рожать (случится это может в любое время с марта по сентябрь), бурозубка плетет из всякой растительной мелочи гнездо-шар где-нибудь в укромном месте меж корней и кочек или в чужой заброшенной норе. Подросших детишек мать первое время водит за собой в кильватерной колонне. В гуще трав, опавшей листве и переплетениях корней крошечным зверькам легко потеряться. Поэтому, когда идут они караваном за мамкой, цепляются зубками друг дружке за хвостики (не за кончики, а ближе к основанию), а первый держится за мамин.

Так же почти всюду в нашей стране, но в местах болотистых, по берегам рек, озер, ручьев живет кутора, или водяная землеройка. (Не путайте ее с выдровой африканской землеройкой: то совсем другой зверь — ростом много больше ее.) А кутора невелика, немного покрупнее наших землероек, но все-таки не больше указательного пальца — ее тельце 76—86 миллиметров. Короткий мех куторы черный или черно-бурый сверху. Снизу — белый, серо-белый, охристый, белый с оранжевым оттенком или даже бурый. Когда кутора плывет, то граница черного и белого цветов на ее боках служит как бы ватерлинией. Хвост у куторы снизу с килем из удлиненных волос, и лапки с такой же щетинистой оторочкой. Все это, чтобы лучше плавать. Кутора зимой и летом охотится в воде: на жуков-плавунцов, стрекозиных личинок, моллюсков, червей, рыбью икру, мальков (да и на самих рыб весом до килограмма!). Эта крошка даже на водяных крыс, которые втрое больше ее, нападает. (Впрочем, не забудьте, что слюна у куторы ядовита.)

«Бег у куторы быстрый, причем она движется, вытянувшись и характерно загибая кверху свою длинную мордочку, которой водит из стороны в сторону. С большой быстротой бросилась кутора на одну лягушку, прыгавшую от нее изо всех сил. Поймав лягушку, хищник начинает кусать ее за голову. Если лягушка велика и сильна, то часто старается спастись от своего мучителя, и тогда можно видеть, как кутора буквально едет на своей жертве, ухватив ее за голову... Весьма интересно отметить, что в большинстве случаев, как только кутора настигает лягушку и слегка к ней прикасается, с последней делается настоящий столбняк: лягушка мгновенно вытягивается, как мертвая, характерно закрывая передними лапами голову» (профессор С. И. Огнев).

Притворство это или паралич от страха? Во всяком случае независимо от психических ее причин «игра в опоссума» и лягушке, как видно, спасает жизнь.

Путорак, или пустынная землеройка, нарядом

на своих собратьев тоже не похожа. Рыльце у путорака короткое, а масть пегая: на животе и боках белая, на спине серая, но с большим белым пятном посередине. Живет путорак в песках Средней Азии и Заволжье, на охоту уходит порой далеко от дома, за семь-восемь километров. Когда не очень спешит, за минуту пробежит 40—50 метров. Когда спешит — вдвое больше. Предмет его гастрономических вожделений — насекомые и, главное, ящерицы. Вожделения велики: одна пегая самка съела за ночь 12 ящериц (малых круглоголовок) и 25 черных тараканов! И от такого обжорства не умерла, а, напротив, повеселела.

От жары прячутся путораки в норах, чужих и своих, не жалея сил, роют их иногда длиной метра в три. В глубине норы — поместительная жилая камера. Рожают трижды в году. По пять или около того детенышей.

НРАВЫ НОРОКОПАТЕЛЕЙ

Крот, который с рождения и до смерти живет под землей и света белого почти не видит, как землекоп не знает себе равных. Все в нем для рытья наилучшим образом приспособлено: и тело вальковатое, чтобы удобнее под землей передвигаться, и мех короткий, гладкий, чтобы за землю не цеплять (но он быстро вытирается, а потому крот линяет три раза в год!). Ушной раковины нет (тоже чтобы не мешала под землей ползать), а лишь складочка кожи — она ухо закрывает, потому земля и песок кроту в уши не сыплются. Глазки крохотные («с зернышко маковое»!), веки их плотно закрывают, когда надо. А у некоторых наших кротов глаза и вовсе заросли кожей: совсем слепой такой крот, да ведь под землей все равно ничего не видно.

Передние лапы у крота — настоящие лопаты, когти на них плоские, а кисть вывернута так, чтобы удобнее было рыть землю перед собой и кидать ее назад. Крот копается неутомимо и быстро: за день в среднем прорывает 20 метров новых подземных ходов.

Один исследователь раскопал и измерил лишь некоторые ходы крота. Когда общая длина их приблизилась к 158 метрам, он бросил эту работу. Вооружившись затем карандашом, зоолог подсчитал, что крот соорудил под землей вентиляционную и дренажную системы (весьма необходимые для плодородия почв!) с рабочей поверхностью в 28,5 квадратного метра. И это только малая часть того, что один тот крот сделал. Подземные лабиринты иных кротов простираются по прямой (а не теми извивами сложными, как они прорыты) и на четыре километра!

Молодой окольцованный крот уже через двадцать часов снова попался в ловушку, но в семистах метрах (по прямой) от того места, где его выпустили. А другой через шесть дней — уже в двух километрах.

Земля под нашими ногами там, где много кротов, по-видимому, сплошь пронизана запутанной сетью кротовых нор. Наши зоологи подсчитали однажды на двустах гектарах общую протяженность всех кротовых тоннелей и объем выброшенной ими на поверхность земли. И цифры получились весьма впечатляющими: все ходы, сложенные вместе, протянулись на 87 километров, а земли выкопали кроты 204 тонны!

Ходы у крота двух видов: гнездовые, в которых он отдыхает, когда сыт, что случается редко, ибо аппетит велик, и кормовые: эти обычно неглубоко от поверхности. Чуткое обоняние указывает кроту, в каком направлении копать, чтобы скорее добраться до дождевого червя, медведки или личинки майского жука. Но если в нору к нему заползут мыши, землеройка, ящерица, медянка, уж, лягушка, он их не упустит и с проворством, просто поразительным для полуслепого и косолапого, загрызет и съест. Даже если и не заползут, а просто по неведению приблизятся к подземелью, в котором он случайно окажется, крот, под землей почуяв добычу, выскочит, схватит прохожего и под землю утащит. Видели кротов, задом пятившихся и тащивших в нору лягушек (и даже будто бы змей!). Один крот снизу тайно подвел подкоп под птичье гнездо, пробил дно (самого гнезда с места не сдвинув!), сцапал птенца и уволок под землю. Другой будто бы из-под земли учуял какое-то насекомое, сидевшее невысоко на стебельке, и таким же хитрым манером,

пробив рядом землю, овладел добычей.

Все эти свидетельства, как говорится, очевидцев, но можно ли им доверять? Тут пусть каждый решит, наблюдая за кротами, способны ли они на такие трюки. Я ничего не утверждаю: просто привожу рассказы о кротах, на мой взгляд, не самые невероятные.

Порой охотится крот и на земле, шаря носом в опавших листьях и во мху. И тут (это, кажется, бывает), наткнувшись подслеповатой, но чутьистой мордой на маленького зайчонка, притаившегося в полной неподвижности, пока мать его удалилась подкормиться, без жалости его съест.

Кроты к соседям нелюбезны и в своих норах никаких жильцов и других кротов не терпят. А если их посадить вместе в тесный ящик, сильный слабого убьет и съест. Потому и говорят: если бы ростом крот был со льва, не нашлось бы зверя равной ему свирепости! Только когда время размножаться, обычно в марте — мае, сожительствуют недолго самец и самка. Возможно, что самец остается с детьми, пока они не подрастут, и даже будто бы приносит им червей и другое пропитание. А если половодьем зальет, помогает матери перетащить детишек в сухие отнорки. Но так ли это на самом деле — в точности еще неизвестно.

Беременность у кротов 30—40 дней. Обычно в мае (иногда в конце лета) роды: 3—9, в среднем 5 сосунков. Мать кормит их молоком три недели и очень к ним привязана. Если гнездо раскопают, то забыв о своей безопасности, хватает одного за другим зубами и тащит в нетронутые норы или прячет в кучу, в рыхлую землю — куда угодно, лишь бы поскорее унести из гиблого места.

Зимой кроты не спят, как ежи, а копаются под снегом, только зарываться им теперь приходится глубже. Нередко выбрасывают землю на поверхность, прямо на снег, и под ним по обледенелой земле путешествуют. Пропитания зимой меньше, чем летом, и, чтобы не голодать, кроты запасают на зиму «консервы» из червей: откусывают им головы и замуровывают в стенах своих нор, иногда сотнями штук сразу. Без голов черви далеко уползти не могут, но и не умирают, а потому не портятся.

Ареал обычного, или европейского, крота — обширные пространства лесов, полей, лугов и лесостепей от Испании на западе до Западной Сибири (а возможно, и дальше) на востоке, от берегов Белого моря до степей Украины, Нижнего Поволжья и Казахстана (где его уже нет). Кроме того, в СССР обитают еще пять видов кротов. У четырех из них глаза закрыты кожей и снаружи не видны. Дальневосточный крот, могера, охристо-серый, все другие черные или черно-бурые (молодые сероватые), но попадаются, очень редко, желтые и белые.

Звездорыл! Поразительное создание: на конце носа у этого американского крота словно красная хризантема растет! Двадцать два длинных подвижных розовых щупальца. Роясь под землей, он ими, как нежными пальцами, что нужно ощупывает

Кроты из семейства тальпид, достойный представитель которого и наш обычный крот, обитают только в Европе, Азии и Северной Америке. Их 19 видов. Некоторые не ограничивают себя чересчур строго жизнью в подземельях, часто и довольно быстро бегают по земле. Многие, впрочем, как и наш крот, неплохо плавают. И уж совсем отлично плавает и ныряет североамериканский крот-звездорыл. Это поразительное создание: на конце носа у него словно красная хризантема растет! Двадцать два длинных подвижных розовых щупальца! Роясь под землей, он ими, как нежными пальцами, что нужно нащупывает.

Живет этот удивительный крот (там, где сыро, у воды) на северо-востоке США и юго-востоке Канады. Он черный или темно-бурый, зрячий, небольшой (сантиметров двенадцать, да хвост еще сантиметров семь). А хвост у него особенный: толстый посередине, у корня и конца у́же. В толстом своем хвосте звездорыл на зиму запасает жир.

Американские кроты как землекопы не менее

работоспособны, чем наши. После дождя ночью один из них прорыл под землей свежий стометровый ход.

«Оценить обширность этой работы мы можем только из сравнения. Для выполнения соответствующей залачи человеку пришлось бы за одну ночь прорыть тоннель длиной в шестьдесят километров и шириной, достаточной для его тела» (доктор Гарт Марриан).

Из кротовых шкурок шьют шубы. Хоть и не пышен их мех, но довольно красив. Но известно ли, что крота забивают на пушнину, пожалуй, больше, чем любого другого зверя (кроме водяной крысы), — 20 миллионов штук во всем мире ежегодно!

Недавно еще в Америке ондатры добывали 20 миллионов, теперь и там и у нас вместе — немногим больше 10 миллионов. Белки — около того. Но водяная крыса, пожалуй, все-таки впереди крота: лишь в СССР в 1958 году было закуплено почти 22 миллиона ее шкурок (В. В. Дежкин и С. В. Мараков).

В Африке обычных кротов нет, но есть к югу от реки Конго и Великих озер златокроты (15 видов). Наши кроты по происхождению близки к землеройкам и выхухолям, а златокроты — скорее к ежам. Золотыми названы они за металлический блеск своей золотисто-зеленой шерсти (у некоторых видов с медным оттенком). У них не все пальцы преобразованы эволюцией в роющее устройство, а лишь один, средний. Коготь на нем широкий, острый на конце и действует как заступ, так же как у сумчатого крота (у которого, впрочем, два таких когтя). Золотые и медные кроты не любят богатых перегноем почв, а роются преимущественно в песчаных. Чтобы песок в глаза не попадал, они у златокрота наглухо затянуты кожей, а ушная пóра крохотная и плотно закрыта шерстью. У наших кротов есть небольшие хвостики, у златокротов их совсем нет, зато на носу большой хрящевой щиток, чтобы нос в кровь о песок не истереть.

В песке сухих саванн и пустынь ищут златокроты червей и насекомых.

ВЫХУХОЛЬ — ВОДЯНОЙ КРОТ

Выхухолей, или хохулей, называют иногда водяными кротами: происхождением они близки к ним. Некоторые исследователи объединяют выхухолей в одно семейство с кротами. Другие, однако, полагают, что выхухоли должны числиться все-таки в своем особом семействе.

Прежде выхухоли жили по всей Европе (даже в Англии в доисторическое время). Теперь их лишь два вида — пиренейская выхухоль и русская. Первая мельче нашей, хвост у нее не сжат с боков, как у русской. Живет она в горных речках Пиренейских гор.

Русская выхухоль уцелела кое-где лишь в бассейне рек Волги, Дона и Урала. Завезли, правда, выхухолей в Мордовию, Башкирию, Смоленскую область и за Урал — в пойму Оби. Местами они там прижились.

Выхухоль, как крот к подземельям, очень приспособлена к водной стихии. Это видно сразу: тело обтекаемое, ушки маленькие — тоже для обтекаемости. Мех плотный, густой, теплый, не намокает, потому что хорошо смазан жиром. Остевые волосы вверху шире, чем в основании, — как бы сами себя заклинивают и потому не рассыпаются рыхло. Подпушь извитая. Для тех, кто живет в воде, это очень важно: много воздуха между такой шерстью уносит с собой в воду зверек, когда ныряет. Так и легче плавать, и теплее в воде, потому что воздух — отличный изолятор. На брюхе у выхухоли волосы растут даже чуть гуще, чем на спине. У сухопутных зверей — наоборот. В воде ведь со всех сторон холодно, поэтому важно, чтобы живот был так же хорошо одет в мех, как и спина. Да и на берегу, у воды, выхухоль не по сухому бегает: ножки короткие, оттого живот всегда к сырой земле близок. Густая шерсть тут очень кстати.

Ну, а если лето пришло и жарко стало, чтобы тепловой удар не погубил (с водными зверьками это случается), что выхухоль предпринимает? На хвост обратите внимание: он не только превосходный руль, весьма нужный для пловца, но еще и «излучатель»! Голый, шерстью не одет, и лишнее тепло,

Выхухоль. Два вида — русская и пиренейская, вторая меньше нашей, и хвост у нее не сжат с боков

которое приносит в него кровь из перегретого, изолированного мехом тела, быстро отдает в пространство и охлаждает «водяного крота», как радиатор автомобильный двигатель.

Перепончатые задние лапы, отороченные щетинистой бахромой, — гребной «винт» выхухоли. Передние лапки тоже перепончатые, но маленькие и потому от гребли освобождены; когда зверек плывет, он их поджимает.

Рыльце у выхухоли вытянутое, и ноздри на самом его конце: чтобы дышать, из воды особенно не высовываясь. Неплохо бы еще и есть в воде, не захлебываясь. Идея хорошая, и мы видим, как, «конструируя» выхухоль, эволюция ее осуществила: дыхательное горло плотно запирают особые мускулы нёба и глотки, и вода в него не попадает, даже если выхухоль ест, не всплывая на поверхность.

Сердце у водных животных обычно (в относительной пропорции) не так объемно, как у сухопутных: плавать легче, чем по суше бегать, потому и работы у кровяного насоса меньше. Но правая его сторона у них толще и массивнее, чем у сухопутных зверей. Под водой правому желудочку сердца труднее протолкнуть кровь в легкие: вода плотнее воздуха и сильнее сжимает грудную клетку. Чтобы преодолеть это давление на легкие, мышцы правого желудочка усилены мощью дополнительных волокон.

Выхухоль в воде чувствует себя почти как рыба. По пять минут, а по некоторым данным, по 10—12 на поверхность не всплывает, чтобы подышать. И не мерзнет и не захлебывается, когда мнет и крошит своими бугорчатыми зубами водяных жуков, улиток, стрекозиных и комариных личинок, пиявок (особенно их любит!), червей, раков, рыб, лягушек, головастиков, икру, камыш, тростник, стрелолист, кубышки, кувшинки и пр. и пр. Меню весьма разнообразное: около ста всевозможных животных и растительных блюд.

Когда выхухоль промышляет разную живность у дна, то копается в иле острым рыльцем и передними лапками, как бы идет на них по дну вниз головой, подняв зад вверх (и утконос примерно в такой же позе дно рек бороздит).

Выхухоль охотится в сумерках и по ночам, но и днем тоже. Но обычно днем, в норе скрывшись, таится. Она у нее достаточно глубокая, иногда многоярусная, если уровень реки часто меняется. (Нора пахнет, говорят, мускусом, у выхухолей под хвостом соответствующие железы.) Вход в нору всегда под водой. В норе несколько гнездовых камер, выстланных листьями и травой, и две-три запасные, чтобы обсохнуть в них после длительного путешествия под водой. В норе приносит выхухоль (после 40—50 дней беременности) одного или пять, но чаще трех-четырех сосунков. Случается такое в самое неопределенное время: обычно в апреле — мае или же в августе — сентябре, но и в октябре может быть, и в любой другой месяц, даже зимой (до января). От чего зависит эта неопределенность сроков деторождения, пока не ясно.

Самец живет в одной норе с самкой и заботится о детях, «обогревая их своим теплом».

«В европейской части СССР сохранилась в бассейне Волги и Дона, в верховьях Днепра, в среднем течении Урала. Интродуцирована в пойменные водоемы южной части бассейна Оби: р. Таган в Томской области, р. Тартас в Новосибирской области и по рекам Уй и Тобол» (Красная книга СССР, 1984).

Наши ученые пришли на помощь выхухоли в самое последнее время. Еще немного, и она исчезла бы с лица земли. Усилена охрана выхухоли в заповедниках и заказниках. В Хоперском заповеднике пытаются разводить выхухоль в вольерах. Но потомство от них пока не получено.

Больше всего выхухолей в бассейне Волги — 23 тысячи особей. В бассейне Дона вдвое меньше. А в бассейне Днепра лишь две тысячи выхухолей. В других местах еще меньше. В 1978 году в СССР жило примерно 40 тысяч выхухолей.

КАГУАН — СУЩЕСТВО НЕПОНЯТНОЕ

Одни знатоки уверяют, что кагуан, или шерстокрыл (ростом он с кошку), насекомоядный зверь, нечто вроде летающей землеройки. Другие не согласны: он лемур (летающий, конечно). Наконец, третьи доказывают: кагуан ни то и ни другое, а особое, в единственном лице представляющее целый отряд существо. Головой и мордой кагуан, или колуго, и правда похож на лемура, но зубы у него насекомоядного типа.

Самое же поразительное его морфологическое свойство — летательная перепонка, проще говоря, парашют. Она гораздо более обширна, чем у любого летающего или планирующего зверя. Кожистая, поросшая шерстью (не голая, как у летучих мышей) и натянута от самого подбородка к концам пальцев на всех четырех лапах (когти на которых, странное дело, втяжные, как у кошек!) и дальше — к концу короткого хвоста. Полностью растянув свой парашют, кагуан парит, как бумажный змей, в очертаниях почти идеальный прямоугольник, без нарушающих чистую геометрию выступов и впадин. Пролетает в одном прыжке с дерева метров семьдесят (Альфред Уоллес, весьма уважаемый исследователь, эту дистанцию измерил собственными шагами, и потому сомневаться не приходится).

Шерстокрыл, или кагуан, планируя сверху вниз на растянутой между лапами перепонке, подхваченный теплыми восходящими струями воздуха, летает долго и высоко

Бывает, что слезает кагуан на землю, но долго на ней не задерживается, спешит, неуклюже галопируя а-ля дракон, взобраться поскорее по стволу вверх. И снова парит и парит.

Днем кагуан или спит в дуплах, или висит, уцепившись за сук всеми четырьмя лапами и укрывшись парашютом. Шкура у него серо-охристая, с мраморными разводами, очень похожа по цвету на лишайники, которыми обрастают деревья в тропиках. Дополнительный камуфляж обеспечивают особые пудреницы на его коже: из них в изобилии сыплется зеленовато-желтый порошок, и потому шкура кагуана всегда припудрена в тон с корой и листвой. Если притронуться к нему, то пальцы пожелтеют.

Очнувшись с заходом солнца от дремоты, кагуан рвет листья и плоды, побуждаемый к этому всемогущим аппетитом, и при этом висит в той же позе, в которой провел часы, заполненные сновидениями, — вниз спиной. Ест долго, потому что пища его малокалорийна.

Увы, рождается лишь один потомок столь удивительного рода. Пока мал и гол (и без парашюта), цепляется сей единственный отпрыск (летающих лемуров? землероек?) за мамин живот и висит на нем, головокружением не страдая, когда она парит над лесом. Впрочем, и подрастая и почти сравнявшись с ней весом, все равно висит на матери и летает посредством ее аэродинамических сил. Но иногда, оставив дитя на суку, мать парит одна.

Представляя кагуана, нельзя не упомянуть о его универсальных зубах. Резцы у кагуана сильно выд-

Самки кагуанов носят на брюхе нелегкий груз: вцепившихся в шерсть (и когтями, и зубами) детенышей Современные систематики выделяют кагуанов в особый отряд, в котором, кроме них, никого нет

винуты вершинами вперед и зазубрены. Он резцами не только скоблит мякоть плодов, но и... причесывается, как гребешком.

Когда к вечеру кагуан оживает, первым делом приводит в порядок свою смятую во сне напудренную шерсть. Причесывается, чистится — и все зубами. За сумерки и за ночь кагуан прихорашивается так часто, что его «гребень» быстро забивают обрывки волос. Однако на этот случай предусмотрены специальные щеточки для чистки самого «гребня». На конце языка кагуана многочисленные бугорки. Быстро-быстро проводя языком по зубам, он очищает их от волос.

Природа сберегла для науки два вида кагуанов: филиппинского и малайского, который живет в горных лесах Индокитая и на островах Ява, Суматра и Калимантан.

Малайский кагуан нередко ночует и кормится не только в глухих тропических лесах, но и на плантациях кокосовых пальм в довольно обжитых долинах Малайи. Как утверждают, он большой любитель цветов кокосовой пальмы и наносит немалый вред ее плантациям.

Заканчивая рассказ о кагуане, интересно вспомнить, какие другие животные научились, подобно ему, парить над землей. Птицы, летучие мыши и насекомые (а также некоторые летучие рыбы), обзаведясь машущими крыльями (рыбы — плавниками), летают иначе. А кто парит?

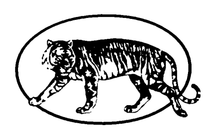
Пять видов сумчатых летяг. Кроме того, 37 видов очень похожих на них белок-летяг, не сумчатых, а из отряда грызунов. Почти все они водятся в Азии, лишь два вида — в Северной Америке и один — в Северо-Восточной Европе. В Африке тоже есть свои белки-летяги — шипохвостые, восемь видов. Они и наши белки-летяги из разных семейств, но летательный аппарат у них одинаковый: натянутая между лапами складка кожи, своего рода парашют.

Три вида африканских обезьян из рода колобус, прыгая с сука на сук, немного парят в воздухе, их поддерживают на лету гирлянды длинных волос на боках и очень пышное опахало на конце хвоста.

Приобретя в эволюции летательные устройства подобного же рода, устремились в воздух и рептилии, опровергая фактом своего существования известное изречение: «Рожденный ползать летать не может». Это некоторые ящерицы с Зондских островов — летающие драконы (их парашют растягивают не лапы, а ребра, растопыренные в стороны), соседи их — летающие лягушки (парашют — обширные перепонки между длинными пальцами) и древесные змеи из Южной Азии. Эти, вытягиваясь палкой, прыгают с сука вниз и парят на коже, растянутой между раздвинутыми в стороны ребрами.

Ну, а над морем планируют, как известно, летучие рыбы и летающие кальмары.

ЗВЕРИ ХИЩНЫЕ

Несумчатые хищные звери обитают во всех странах мира. Только в Новой Зеландии и Австралии их прежде никогда не было. Но собак, кошек, лис люди завезли и туда. На Земле, по последним подсчетам, 252 вида хищных зверей. Многие из них разнообразят свою плотоядную диету плодами и даже травой, а некоторые (большая панда) и вовсе, кажется, вегетарианцы.

Прежде на всех хищников человек смотрел как на злейших своих врагов и истреблял их без жалости. Но наука доказала, что хищники в жизни природы не только полезны, а просто необходимы: как санитары и селекционеры, совершенствующие племя нехищных зверей, ибо уничтожают хищники в первую очередь больных и слабых, плохо приспособленных, несущих в себе разные наследственные пороки и дефекты. Поэтому теперь во многих странах от чрезмерного истребления хищников охраняет закон. Но старые традиции и предубеждения против хищного зверья еще живы среди людей. Судьба волков особенно трагична: почти всюду их добивают — без жалости, без угрызений совести и с наивным сознанием полезности этого вредного дела.

О ВОЛКЕ И ВОЛКАХ

Засады, облавы — пешком и на машинах, вертолетах и самолетах...

И кроме того, у каждого охотника, вооружившегося на зайцев, найдутся два патрона, начиненные картечью или жаканом. Попробуй, разбойник, сунься!

Но картечь разнесет в куски подброшенную в воздух бутылку, а жакан поразит ствол сосны, вызвав в нем искривление годовых колец, очень странное для исследователя, если таковой займется когда-нибудь этим деревом. Волк же вряд ли повстречается охотникам. Он не повстречается им даже не потому, что хитер и осторожен. Просто волк сейчас чрезвычайно редкий зверь. Многие его даже в глаза не видели.

Значит, уместно рассказать, каков он.

Художники, как правило, изображают волка слишком свирепым, слишком кряжистым, слишком нединамичным. Фотография может дать лишь некоторое представление, абрис волка. Волк в зоопарке — печальное животное, над всеми движениями которого довлеет примиренность с необоримой силой плена.

В жизни, то есть в лесу, в поле или тундре, волк производит совершенно особое впечатление. Оно, если исключить страх, может быть определено как благоговение перед таинством соприкосновения с могучей силой дикой природы.

Он, как известно, сер. Но тут, вероятно, слово «серый» надо понимать относительно. В серо-коричневой тундре волк серо-бурый; на серебристом снегу и шерсть его серебрится, на фоне березовых стволов (черных с белым) он теряется, струясь, и шкура его рябит, как кора. Маскировка рассчитана на скорость, ее эффект состоит в том, что уже через минуту наблюдатель теряет представление о расстоянии до волка. Однако при всем своем стремлении к камуфляжу волки большие модники Если один носит сдержанно-аристократический серый костюм, то другой разнообразит его серебристым воротником или светлой манишкой на груди. Иному очень идет черный или коричневый чепрак на спине — это уж дело вкуса. Даже светлые тундровые волки, которых еще и бессонное солнце полярного дня выбеливает до блеклости (уши у них нередко рыжие!), даже они умудряются сохранить элегантный вид.

Реабилитированный «серый разбойник» Кажется, приближается время, когда волков, прежде почти всюду безжалостно истребляемых, придется кое-где специально разводить для пользы той самой дичи, ради спасения которой их уничтожали

Однако шуба есть шуба. Зимой она должна греть, а летом, если уж нельзя ее снять, пусть станет полегче. Так у волков и бывает К холодам они запасаются подшерстком, очень плотным, ветры и морозы в 50 градусов выдерживает' Весной же линяют.

Европейские, азиатские и американские волки, отличаясь лишь тем, что попадает им на обед, по

всем остальным статьям схожи. И все-таки двух во всем похожих волков не бывает. Волк растет быстро и уже к первому году набирает 40—45 килограммов. А с третьего года он матереет и приобретает не только еще больший вес (иногда до 70 килограммов), но и свою, свойственную только ему одному осанку. Это как телосложение у человека, у каждого свое. И опытный волчатник, увидев волка, с которым ему уже приходилось встречаться, обязательно его узнает.

Правда, обычно люди, встретив волка, норовят спутать его с собакой. Он, конечно, больше собаки (малолеток пока трогать не будем — это такая инфантильная публика!). Кроме того, если увидите в лесу «собачку», обратите внимание на ее хвост. Он никогда не закручен, а либо приспущен вниз, либо красиво струится по горизонтали (это когда у волка хорошее настроение). Затем морда. Пасть волк никогда широко не разевает (оказывается, выражение «волчий аппетит» неверно. Волк ест медленно: слишком узкие челюсти. Если же приходится торопиться, он мучительно давится и стонет).

Но зато зубы! Про медведя говорят: «задрал». Про волка — «зарезал». Ему ничего не стоит располосовать наполовину, до позвоночника, шею оленя или прокусить ему бок до печени! Эти же зубы способны проделывать удивительно тонкую операцию. Лоис Крайслер рассказывает, как прирученная волчица зубами осторожно (было ощущение слабого покалывания иголками) открывала ей веки. Представляете, что за инструмент эти зубы! Ювелирный!

И наконец, лапы. Особого внимания заслуживают задние — они на удивление мощны. На них волк может подпрыгнуть вверх свечкой, и довольно высоко. Это так называемый «наблюдательный прыжок». Следы ступней также никак не спутаешь с собачьими. Для них характерны собранные вместе пальцы. Но главное — величина: у молодого волка — как у крупной собаки, у матерого — до 14 сантиметров в длину и до 8 в ширину.

Волчьи следы... В тундре на традиционных путях миграции северных оленей вы всегда найдете их. А если пойдете этими путями, то увидите на них печальные вехи: трупы оленей. Волки не в силах съесть всей добычи, и она достается воронам, сорокам, песцам, росомахам.

Таковы эти звери. Люди им вынесли смертный приговор, местами уже приведенный в исполнение. В приговоре четыре пункта обвинения:

1. Уничтожение диких животных.
2. Уничтожение домашних животных.
3. Распространение опасных болезней, в частности бешенства.
4. Нападение на человека.

Я, продолжая рассказ, в котором собираюсь поставить под сомнение все эти пункты, вначале отметаю последний. Написано множество небылиц о таких нападениях. Особенно богата ими художественная литература. Что интересно: чем меньше становится волков, тем охотнее печатаются книжки об их людоедских подвигах. Вот передо мной одна такая — детская. Волками загублен почтальон: его сын геройски продолжает дело отца.

Вглядываешься в строчки (и между строчек) и убеждаешься: фактом здесь не пахнет, да и воображением тоже, потому что воображение — вещь хотя и свободная, но подчинена логике и требует жизненных посылок. В рассказе события просто названы, а это верный признак эпигонства. Но какого эпигонства? У большинства писателей-реалистов волки не нападают на людей; это уж сколько ни ищите.

Полистайте Пришвина. Он рассказал забавный случай: беременную женщину окружила стая волков. Но они не то чтобы не тронули ее... они оставили свои метки, так что дальше ей пришлось идти с мокрыми ногами. Надо полагать, волки сделали это из чистого одобрения, уважили материнство.

Конечно, писатель может писать о чем угодно, создавая свой собственный мир, в котором волки глотают бабушку и Красную Шапочку, но зачем же небылицы выдавать за правду? Ведь писатель, «растерзавший» беднягу почтальона, свалил трагедию на голову волкам не книжным, а живым.

Владимир Иванович Даль, великий знаток русского языка, в своем словаре на слово «волк» собрал полторы нонпарельных колонки пословиц и поговорок. Из всех этих, так сказать, концентратов народной мудрости вырисовывается весьма неприглядный образ серого хищника, но ничего такого, как нападение волка на людей, в них не оказалось. Зато есть пословица о том, как пастух, сбывая овец, что называется, «налево», сваливает вину на волка.

Вы когда-нибудь задумывались над тем, почему старые волчатники, как правило, весьма храбрый народ? Есть молодцы, которые, отправляясь за выводком волчат, вооружаются одним лишь... мешком. Идет по деревне этот человек, помахивает своим «оружием», и на лице его скрытая усмешечка. В окнах испуганные лица, «ахам» и «охам» конца нет, а усмешечка та обозначает некое знание. А именно: матерая не тронет! Ведь иной охотник и пять лет подряд у одной и той же волчицы забирает всех волчат. Такое, понимаете, деликатное дело: навредить можно с ружьем.

Они не только «храбры», но и жестоки: там, где за малых волчат платят меньше, чем за взрослых и прибылых волков, иные волчатники, найдя логово, не забирают волчат, а, перекрутив проволокой их

ноги так, чтобы ходить не могли, оставляют мучиться до осени. Бедные, искалеченные таким подлецом звери далеко от логова не уползут, но и матерые их не бросят, выкормят. Осенью придет изобретательный варвар, найдет в известном ему месте подросших калек, одного за другим дубиной убьет — и глядишь, несколько лишних десяток у него в кармане.

Было давно: нападали волки на людей, пеших и в санях. Но давно и зимой, когда еще собирались большими стаями. И стай таких было много.

У нас остается еще три обвинения волку, но я подожду говорить о них. Сначала давайте попробуем заглянуть туда, куда мало кто заглядывал, — в логово.

Среди валежин, меж корнями
Отрывши яму для жилья
Росла волчиная семья

Так, хотя и в стихах, но точно описал волчьи повадки старейший воронежский волчатник Георгий Васильевич Кольцов. И он отлично знает, о чем говорит. Действительно, волки роют жилье среди корней: ведь корни — каркас, способный предотвратить обвал. Место по возможности выбирается глухое — это часто залитые в половодье крепи. У волка тундры такие же требования (укромность, водопой неподалеку и тому подобное). Водопой очень важен: волки много пьют. И если нет поблизости воды, ходят по ночам пить даже к деревенским прудам! Так было, например, рассказывает Г. В. Кольцов, под Воронежем, в селе Старое Животинное: двух матерых, переярка и шесть прибылых водила старая волчица к пруду у села, где и домашний скот днем поили и где собаки, чуя волков, надрывались лаем.

Устроиться в логове волки стараются с комфортом. Правда, комфорт никогда не вытесняет заботу о безопасности, так что иной раз им приходится справлять новоселье дважды и трижды, если человек на старом месте их потревожит. Волки весьма предусмотрительно заранее ищут несколько запасных мест для логова и, убедившись в их пригодности, хорошо запоминают. И когда там, где волчата родились, стало вдруг небезопасно, сейчас же унесут оттуда детей. Но запасные логова совсем не рядом (иначе смысла бы в них не было), и потому волчат транспортируют поэтапно: сначала перетащат по одному в какое-нибудь укромное место на полпути, сложат кучкой под куст, а потом так же по одному переносят до следующего перевалочного пункта.

У волков есть свои роковые и непонятные странности. Даже курица защищает цыплят! А волки человека и собак, напавших на логово, не трогают. Убегают, прячутся. Волчата, защищаясь, грызутся с собаками, но родители на помощь никогда не придут. Это удивительно! Удивительно и то, что, если гончие с заливистым лаем идут по волчьему следу, звери никогда не обернутся, не прогонят и не загрызут их и будут бежать и бежать, и гончие рано или поздно выгонят их под выстрелы.

А ведь деревенских собак волки таскают без страха. Из-под крыльца, бывает, вытащат отчаянно визжащего пса, ту же гончую. Ее и в лесу могут схватить прямо с гона (и нередко это случается, особенно если голосок у гонца дворнаковатый — незаливистый). Да, но с гона по зайцу или лисе, а не тогда, когда гонит собака самих волков (особенно если так азартно лает, что «аж легкие рвет!»).

Г. В. Кольцов рассказывает: до темноты (и в темноте несколько часов) гоняли в смычке выжлец и выжловка прибылых, а потом и подваливших к ним пару здоровенных матерых волков. И со слуха ушел далеко гон: матерые увели в соседние угодья. Так засветло и не дозвались собак и совсем уж было простились с ними, потому что решили, наверняка их ночью волки порвут. Но не тронули тех собачек серые: пришли псы домой в деревню, правда очень напуганные, тесно прижавшись друг к другу (прямо как слились!). Понимали, опасно молчком по темному лесу ходить среди волков, когда след волчий брошен и людей поблизости нет.

И вот откуда-нибудь из закрытого мрачной тенью логова начинается жизненный путь волка через круги всеобщей ненависти к той неотвратимой огненной вспышке, которая настигает его рано или поздно.

Волчица приносит от двух до восьми волчат.

Растут вначале на чистом волчьем молоке. Затем появляется мясо, и волчата встречают его с восторгом. Родители носят им добычу весьма оригинальным способом. Они глотают куски мяса и затем отрыгивают их перед волчатами. Что замечательно, мясо появляется из недр волчьего брюха совсем свежее, по-видимому, волки умеют задерживать на это время пищеварение.

Соблюдать режим дня волчатам удается не всегда. Конечно, это хорошо, если завтрак приспел вовремя, к восходу солнца, но иногда папаша возвращается из ночного похода лишь к полудню (ему, кстати сказать, приходится пробежать 50, а то и 150 километров за одну охоту). В таком случае мать выводит волчат на прогулку, где кормит легким молочным завтраком и разрешает вволю порезвиться.

Забавы суматошны, проказливы. Вот что увидел канадский зоолог Фарли Моуэт, когда жил в тундре бок о бок с волками.

«Двое волчат пытались оторвать материнский хвост, они рвали и драли его с такой яростью, что шерсть летела клочьями; двое других делали все, что только могли, чтобы оставить мать без уха.

Около часа Ангелина (так назвал он волчицу) героически терпела пытку, затем, взъерошенная, попробовала защищаться: села на собственный хвост и спрятала истерзанную голову между лапами. Но где там — волчата накинулись на ее ноги, по одному на каждую. Моим глазам предстало жалостное зрелище: Ангелина, словно шаман, отгоняющий злых духов, изо всех сил пыталась одновременно прикрыть лапы, хвост и голову.

Наконец, волчица не выдержала. Она отпрыгнула в сторону от своих мучителей и убежала на высокую песчаную гряду за логовищем».

Знаете, не всякая мать обладает таким поистине ангельским терпением!

Возвращается отец. Тут бы призвать шалунов к порядку, но и папаша мягкосердечен. Он устал, хочет спать, но не будет ему покоя! Приходится, хочешь не хочешь, развлекать своих чад

Вообще отношение волков к малышам, даже к чужим, заслуживает не только похвалы — подражания! Если погибнут родители, а другой волк найдет волчат, он вскормит их, вспоит и научит жить. Были случаи: голодных щенков волки приносили в логово, чтобы их накормить.

А волчата взрослых волков просто обожают! Лоис Крайслер видела и рассказала, как волчата ласкались к взрослому волку. Стоило им лишь коснуться его. И они дрожали от нежного возбуждения. Они его обнимали, они его целовали, лизали. Конечно, от таких ласк растаешь и отдашь кусок мяса, который предполагалось оставить у себя в желудке. Обласканный кормилец, забыв, что собирался лечь спать, вновь мчится на охоту. Таково следствие атмосферы любви, царящей в волчьем царстве, — она активирует старших.

Остервенелых драк среди волчат почти не бывает. Это удивительно миролюбивые дети. Хотя, правды ради, надо признать, что причины, возбуждающие всех дерущихся мира сего, — чувство собственности, обида, ревность, — эти причины ссорят нередко и волчат. Но если в остальном мире их самое легкое следствие — разбитый нос, то в диком волчьем логове вооруженный конфликт быстро умеют обратить в игру и веселую шутку.

Настанет день, когда тесной будет истоптанная лужайка перед домом и в лобастых головах возникнут разные «географические» вопросы: кто прячется за тем валуном? Нельзя ли понюхать солнце? И вот отправились в путешествие. Одни. И запаслись в дорогу только легкомыслием — груз, как известно, самый необременительный и приятный.

Миновали валун (или там вековую ель, упорно закрывавшую горизонты). Нечто странное, красное, ожившее в порыве ветра, возникло перед носом заводилы-направляющего. Исследователи шарахаются в испуге. (Мы-то знаем — обыкновенный цветок.)

Однако благородная любознательность побеждает. А ведь «оно» годится для игры, догадываются волчата. И начинаются восторги, посмотреть на которые — смех! Цветок осторожно обнюхивается, затем исследуется на прочность (дети ведь!). И наконец, смятый, падает вниз, ловится всей компанией. Всеобщая потасовка, в которой все начисто забывают про цветок. Повозиться — это, конечно, удовольствие высшее.

Идут дальше. Мягкая проплешина на земле — отдадут и ей должное. Птица на ветке — послушают птицу. Палка какая-то — поиграют и с палкой. Умение черпать радость в самых простых предметах природы — качество, живущее у волков в крови. Ликовать, когда оттает первый клочок земли, оттого, что на деревьях листочки распустились, волки умеют, как и мы. Кто жил с ними рядом, знает об этом.

Но вдруг! Ужасный! Большой! Ушастый! Заяц! Испугались волчата, дезертируют. Но простим их: у них еще будут возможности реабилитировать себя. Тем более что сейчас превратности путешествия поставили их в положение, вызывающее сочувствие. Они, кажется, заблудились.

Это происходит в лесу, в тундре или в степи (какая разница для маленьких, пушистых, беззащитных комочков, для которых даже не слишком высокая трава — нелегкое препятствие!). Шли бы по своему следу и наверняка вернулись к маме: она пришла с охоты и беспокойно бегает вокруг логовища. Но нет — волчата, описав широкое полукружие, приближаются к дому с обратной стороны. У них в голове некое приспособление для ориентировки — оно и сработало, не дав потеряться. Так что мы зря волновались.

Всыпать бы за самовольную отлучку! Но нет! Такой воспитательный метод волками почти не употребляется. (Да и как их будешь наказывать, ласкающихся?) Волк очень легко травмируется обидой или страхом: быть может, поэтому не просто приручить его человеку, существу весьма непостоянному и непоследовательному. Такое приручение — редкость и удается людям сдержанным, добрым, о которых говорят: человек хороший.

В следующий раз кто-нибудь из родителей сам возглавит прогулку. Скажем, отец. Он тронет каждого из волчат носом, и они беспрекословно за

ним последуют (послушные дети!). Конечно, прогулка будет теперь назидательной. Кого надо бояться, кого — нет, кого надо попробовать догнать, кого просто припугнуть, показать, что ты волк. Между прочим, некоторые исследователи заметили такую черту у волка — припугнуть, притвориться сердитым, когда на деле он в самом благодушном настроении. Невольно подумаешь: волк сознает свое положение в глазах окружающих.

Волки — звери сообщества. Но их щедрость, необходимая в товариществе, простирается не только на своего брата. Он не тронет песца, ворующего припрятанную волком добычу. Видели: он добр к ворону, вороне, сороке, лисе. Он способен исторгнуть из своего желудка кусок мяса и для собаки.

Горе собрата их трогает. Бегали прибылые (волки до года) по лесу, нашли ежа. Один исколол морду в кровь. Другие поглядывают на раненого и тихонько скулят, выражая сочувствие.

Перед молодой ручной волчицей собаки эскимосов затеяли грызню. Шерсть клочьями летит. Что сделала волчица? Она, безошибочно определив главного задиру, за хвост вытащила его из свалки. Действие, весьма похожее на миротворство.

Случилось горе. Переярок (молодой волк от одного до двух лет) не вернулся с прогулки. Нет его день, другой. Похоже, погиб. Вы ошибетесь, если решите, что его сестренка возрадуется: теперь с харчем легче станет, одним ртом меньше. Нет, она аппетит потеряет. И будет плакать. И ее плач «у-о-оу» растревожит вам душу, как причитания опытной вопленицы.

Учитель Н. рассказывал: однажды, возвращаясь с охоты, он повстречался с волками. Куда они бежали, конечно, осталось неизвестным. То, что Н. не рискнул стрелять, факт. То, что волки едва обратили на него внимание, тоже факт, хотя, конечно, удивительно, с чего взялась у них уверенность, что он стрелять не будет. Но тут не об этом разговор. Волчья стая, которая протекла в двадцати шагах от учителя, произвела на него впечатление злобной рычащей массы. Беспрестанно то тот, то этот волк выбегал из строя и цапал кого-нибудь за шею. Они запомнились ему как вырвавшийся из ада поток яростного возмездия. Н. после такого видения долго не решался ходить в лес в одиночестве.

Но он ошибся. Н., хотя человек очень знающий и культурный, принял обычную волчью забаву, их игру за ужасное зверство. Дело было скорее всего так. Отправившись куда-то на охоту, волки, не желая терять даром времени, решили в дороге поиграть. Они вообще дня не могут прожить без игры, веселые звери.

Цапанье друг друга за загривок у волков — проявление не вражды, а симпатии.

Как встарь шла деревенская молодежь за околицу водить хороводы, так выходят на игрища и волки. «Игрища» — охотничье слово — означает поляну, широкую дорогу, лысый бугор, а то и убранное поле. Расшалившись, раскидают снопы, истопчут пыльную дорогу, и незаметно, что по ней когда-нибудь ездили. В большом почете прыжки. Прыгают вертикально вверх — свечкой, один перепрыгивает через другого: чехарда, да и только! Играют в кошки-мышки. А какая радость, разогнавшись, тормозить перед мордой приятеля всей силой расплющенных ступней!

На игрища, бывает, сходятся волки разных семей. На этих общественных собраниях несоблюдение этикета наказуемо. Тут, если ты молод, будь внимателен со старшими, выкажи им положенную почтительность. Бурное изъявление чувств при первой встрече — дурной тон. Надо быть сдержанным и учтивым. Приветствуй матерого, припадая к земле, и не забудь подставить прямо под его зубы шею в знак покорности. И тогда он слабого не тронет. Впрочем, в разных странах волчий этикет не всегда един. Как и у людей.

Вы не смейтесь, но волки и улыбаться умеют! Улыбка разная: нежная, общительно-веселая, хитроватая, откровенная, застенчивая. В общем волчья улыбка. Все, кто изучал волков вблизи, поражаются: ведь улыбка — уже выражение лица, признак богатства эмоций и ума.

В конце июня — в начале июля ранние выводки начинают выть. Торжественное и грустное явление. Та жуть, тот мороз по коже, который продирает дальнего слушателя, ничто по сравнению с необоримо-роковой ролью воя в жизни самого волка. И в его смерти. Он, осторожный и умный, он, умеющий быстро бегать, он, умеющий лучше других прятаться в самые непроходимые чащи, выдает себя с головой. На «вабу» (подражание вою) мало-мальски умелого охотника ответит вся стая. И место открыто. Готовьте гончих, заряжайте картечью ружья, охота будет удачной!

Они начинают выть, когда на небе заря, утренняя или вечерняя. Что это — хоровой концерт, задушевный разговор, а может быть, мольба в тоске?

Вой стаи — слаженный ансамбль, где партии оригинальны и виртуозны. Они никогда не звучат в унисон. Они сплетаются в сложнейшие построения, которые лишь равнодушному и невнимательному, лишь тому, кто слушает в наушниках страха и предубеждения, покажутся набором заунывных воплей. Но так же, как открытому сердцу близок необъятный мир чувства и разума, заключенный в музыке Бетховена, так человеку, чуткому к звукам

природы, доступно понимание великолепной гармонии волчьего воя.

В нем, этом вое, — любовный и дружеский призыв, накал охотничьей страсти, траур по товарищу, радость общения. Голос у волка чист, как у итальянского тенора, но, если в нем звучат хрипловатые ноты, знайте — это вопль отчаяния и одиночества.

И все же едва ли стоит утверждать, что в вое волка есть какое-то определенное смысловое значение. Он скорее всего — настроение, интуиция. Вот сравнить его с музыкой, я полагаю, дело более перспективное.

Итак, представим: волки — меломаны.

Тогда можно объяснить многие странности в их безрассудной приверженности вою. Например, старая, умная волчица ответила на «вабу», к ужасу и удивлению молодого охотника, впервые попробовавшего себя в искусстве подражания. Почему ответила? Разве она никогда настоящего воя не слыхала? Но представьте себе: просто она заинтересовалась новым исполнением. Она допускает, что незнакомый волк может выть и так и эдак — иначе говоря, он имеет право создавать вариации на заданную тему. И... ответила. И это стоило жизни выводку. Волчице же повезло, осталась жива. Окрыленный успехом охотник на следующий год «вабит» уже самоуверенно. Но теперь, лишь заслышав его, волчица уводит волчат (и завыть им не даст!). Теперь ей знаком этот голос!

Отнюдь не басни, что волки отвечают на музыку, на пение, на охотничий рог. Рассказывают даже такую историю (не знаю только, как проверить ее достоверность): стая завыла, откликаясь на паровозный гудок! Но столь легкомысленные музыкальные увлечения, безусловно, на совести легковесной молодежи, которая вечно не ту музыку обожает. Да, впрочем, что ее упрекать, если почтенные отцы и матери волчьих семейств и сами иной раз не могут себя сдержать? Только очень опытная, бывалая волчица, услышав незнакомый вой, прежде чем завыть, не поленится сделать круг в несколько километров, чтобы зайти с тыла, проверить, кому тут пришла охота музицировать.

Вой — акт торжественный и многозначительный. В повседневном обиходе у волков иной «язык звуков»: рычанье, ворчанье, завыванье, хныканье, тявканье, лай, повизгивание, откровенный визг. Похоже, что этот обширный вокальный репертуар прекрасно служит им для общения. Волк повизгивает, подзывая волчат. Те бегут — поняли! Он прохаживается у логова, поджидая волчицу, чтобы вместе отправиться в охотничий рейд. Она, как водится, замешкалась. Он тявкает. Тут, понятно, выражено нетерпение. Он рад вашему обществу и хочет рассказать об этом: «глядит вам прямо в глаза и долго, самозабвенно-косноязычно бормочет и повизгивает почти на одной ноте». У некоторых волков, заметила Лоис Крайслер, есть забавный жест приветствия и благоволения — откинутая в сторону передняя лапа. Откровенный зевок — признак хорошего настроения. Задние лапы, скребущие землю, — презрение. Вообще «язык» телодвижений и звуков у них эмоционален и богат, и об этом в последнее время много писали.

Волки умеют быстро понимать (и перенимать!) человеческие интонации и действия: например, отодвигать задвижки на дверях или питать слабость к духам и... собакам. Есть у них склонность и к преждевременным обобщениям: один человек поступил плохо, и подобное зло волки уже ждут от других людей. Но и добро одного быстро располагает их к другим. В общем характер волка (в отношении его несходства с собачьим) так определяют те, кто хорошо знает волков: у собаки жизненный принцип — зависимость, у волка — ответственность, у собаки — честолюбие и самомнение, у волка — престиж и власть.

Характер волков, как и всяких других существ, проще понять, когда наблюдатель концентрирует внимание на их жизненных апогеях. У волков это не только игры, вой, охота, но и любовь. Не посчитайте, что это святое слово здесь слишком сильно.

Организация некоторых звериных семейств более сложная, чем привыкли обычно представлять себе люди. У волков так называемая «большая семья», смысл ее порядков биологи разгадали только недавно.

Мужая, сильные молодые волки (двухлетки и трехлетки), выбрав по вкусу подругу (часто на всю жизнь), уходят весной из стаи и заводят свою семью. Слабые же их сверстники менее счастливы, своим домом обычно не живут, супружества не знают (если в округе есть волки сильные). Они «нанимаются», что называется, в няньки к своим братьям. Такова их волчья доля.

Матерые разрешают молодым поселиться где-нибудь поблизости, километрах в двух-трех. Это с их стороны весьма любезно: обычно от логова до логова самое ближнее — семь километров.

И начинается семейная жизнь Собственно, начинается она, пожалуй, за год до этого. Партнеры избирают друг друга, когда они еще числятся прибылыми: довольно нескладными, смешными, но, как полагается, симпатичными «юношами» и «девушками».

Целый год (надо же!) взаимного ухаживания. У волков, как говорят в науке, «лицевая ориентация». От морды к морде получают они информацию о том, что намерены сделать, и готова ли, в частности, волчица стать матерью, а волк отцом. И

только тогда происходит спаривание. А до этого и попутно с тем веер улыбок, акробатические прыжки, разные резвые затеи — все для милой или для милого. Кстати сказать, у волков не слишком заметно разделение на «слабый» и «сильный» пол в том смысле, что один должен вовсю стараться, а другой лишь жеманно принимать ухаживания.

Возникновение «треугольника» очень часто кончается трагедией. Схватка, быстрый рывок страшных зубов — и один из соперников (или соперниц) повержен. И это те самые звери, которые редко дерутся, чьи ссоры — редкость. Но тут уж действуют суровые законы естественного отбора.

Когда волчата родятся, мать первые недели лежит с ними в логове. Потом, принюхиваясь, осторожно выползает из норы, но далеко не уходит, лишь метров на сто — двести. Куда-нибудь сюда члены «большой семьи» приносят ей добычу: все, что поймали. Позже она и сама рыщет по округе. И вот тогда няньки — «тетки», «дядьки», «кузены» — нянчат волчат. Они с ними играют, кормят проглоченным на охоте мясом и, конечно, несут бдительный караул. Волк-отец тоже долг свой не забывает. Он всегда рядом (если не ушел с волчицей). А осенью, когда детишки подрастут, волчья «большая семья» охотится стаей, и молодые учатся у старых «законам джунглей».

Но пора вернуться к трем оставшимся пунктам обвинения. Пункт второй — уничтожение дикой фауны.

...Аляска, тундра. Тысячи мигрирующих оленей. И волки невдалеке. Двое кинулись за стадом — прямиком, весьма резвым аллюром. Стадо не дремлет, на ходу перестраивается, но не меняет направления, растягивается. Громче стучат копыта, и волнение пробегает по чаще оленьих рогов. Нет, волкам их не догнать. Даже тонконогие, хрупкие оленята бегут быстрее. Удостоверившись в бесполезности погони, волки быстро отстают — зачем зря тратить силы?

Но вот еще группа оленей. Опять стремительный волчий рейд, опять та же реакция преследуемых — и вдруг... Текучая масса стада будто выжимает из себя каплю — прихрамывающего, махающего головой самца. Его товарищи быстро уходят вперед, а он что-то мешкает, и волки настигают его. Следует эпизод, который не для слабонервных...

Совершено, очевидно, злодейское преступление. Но если мы возьмем на себя функции медицинских властей и произведем экспертизу, обнаружим следующее:

переднее копыто у оленя отсутствует: вместо него лохмотья;

легкие поражены у оленя ленточным глистом и уже наполовину уничтожены;

кишечник изъеден фенолом и индолом — ядами кишечных микробов;

сердце...

Можно и не продолжать. Любой из этих болезней достаточно, чтобы считать оленя обреченным.

Допустим, остался бы больной олень жить: он ходячий рассадник заразы. Он найдет себе самку, и вот родился у них олененок с нестойкой к болезням наследственностью. Он вырастет и тоже принесет болезненного олененка... Так вымирают стада оленей, а ученые раньше разводили руками: почему так? Теперь многим ясно почему.

На Аляске, в одном заповеднике, перебили всех волков. Четыре тысячи оленей обрели спокойствие, и через десять лет их стало 42 тысячи. И... огромное стадо, съев и вытоптав весь лишайник на пастбищах, стало катастрофически быстро вымирать. Пришлось призывать на помощь волков, из положения «вне закона» их перевели под его защиту.

Волк — главный куратор леса, тундры, степи. Если нет крупных животных, он ест мелких грызунов — вредителей сельского хозяйства. Опять польза от волка! Он ловит щук весной в протоках, а иногда вынужден есть даже ягоды и... насекомых. Нетребовательный зверь.

Хищники, можно сказать, оздоровляют обстановку в лесу. Поэтому сейчас во многих странах Африки леопард, а местами и крокодил взяты под защиту закона. Леопард полезен тем, что истребляет диких свиней и обезьян, разоряющих поля, а крокодил — полудохлых рыб, разносящих заразу, вредных насекомых и ракообразных. «Но, к сожалению, — пишут африканские зоологи, — крокодилы порой нападают также и на людей».

Я с трепетом перехожу к третьему обвинению: «уничтожение домашних животных». И не потому, что, задавшись целью вырядить волка в овечью шкуру, пасую перед обилием несомненных преступлений. Мне кажется, что именно под этим обвинением скрывается корень волконенавистничества. Россказни о зарезанных людях (в них, как правило, фигурируют сапоги с недоеденными ногами) — это истеричное утрирование, исходящее из приверженности человека к своему добру. Это месть, превышающая причину.

Сельское хозяйство — основа любого общества. Веками оно было мелким. Отнять у крестьянина овцу, корову и лошадь — значит поставить его перед лицом голодной смерти. Вот так волк становится убийцей человека. Убил, а как? Все равно. Фантазеры для наглядности и остроты рассказа сжимали утомительное время, и волк оказывался в непосредственной близости от пострадавшего.

Та ситуация безвозвратно ушла в прошлое. Волки же по-прежнему нападают на домашних животных и бывают жестоки: вместо одной овцы, которую могут унести, гонят и на бегу режут десяток. Некоторые объясняют это нервозностью волка, вызванной присутствием человека. Некоторые — его характером: он просто не может удержаться от истребления слабого. Но дело проще: люди всех растасканных по лесу зарезанных овец не соберут, а волки их и под снегом потом найдут и сыты будут долго.

В наше время большое животноводческое хозяйство почти гарантировано от нападения волков, даже если они есть поблизости.

«Если исследовать рацион нескольких койотов, окажется, что они убили домашней птицы и скота на сумму в 500 долларов. В остальном же пища их состояла преимущественно из мышей и крыс, которые, если бы не были они съедены волками, уничтожили бы зерна на 700 долларов. Вывод, кажется, ясен: благодаря нескольким волкам мы получили 200 долларов прибыли» (П. Т. Боуд).

Многие исследователи заявляют сейчас, что неправильно делить диких животных, как героев классической драмы, на хороших и плохих, на полезных и вредных.

В природе между различными видами животных и растений за миллионы лет их совместного существования установилось естественное равновесие. Безрассудное уничтожение разных зверей и птиц может нарушить это равновесие, и тогда начнут гибнуть и другие животные и даже растения, расплодятся вредители и сорняки. Одним словом, последствия могут быть очень плохими.

Теперь о болезнях, которые переносит волк.

Их много, наверное, столько же, сколько у больных животных, им уничтожаемых.

В волчьем кале — яйца исключительно опасного паразита. Разнообразные глисты, всевозможные бактерии — чего только не носит в себе волк! Но разве мы не преклоняемся перед врачом, высасывающим из горла ребенка дифтеритные пленки? Перед теми, кто прививает себе опасную болезнь, чтобы, исследовав ее, избавить от нее человечество? Волк грудью принимает болезни, посланные природой нам.

Почему мы не уничтожаем корову? Она переносчик бруцеллеза. Кошка, обыкновенная кошка, мы ее гладим, а ведь она начинена целой обоймой заболеваний! Увы, и о других животных можно сказать так же.

Одно из самых страшных преступлений волка — бешенство. В свалявшейся шубе, с опущенным хвостом, мутноглазый, он бродит, не разбирая дороги, ослабевшими челюстями пытается кого-то укусить, сеет страх.

Но ведь и собаки бывают бешеными, и лисицы, и кошки, и овцы, и летучие мыши... По-видимому, все млекопитающие восприимчивы к вирусу бешенства Значит, следуя и этому пункту обвинения, нужно бороться не с волком как таковым, а с бешеным волком и бешенством вообще.

Я приближаюсь к концу рассказа и в последний раз хочу обратить ваше внимание на книгу Лоис Крайслер «Тропами карибу» — самое лучшее из того, что я когда-либо читал о волках. Эта книга — героическое исследование в пользу волка, и она многих вдохновила.

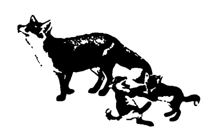
Я попытался соединить в одном портрете повадки американских и наших волков. Они нигде не вошли в противоречие. Я, так же как и другие люди, озабоченные судьбой дикой природы, хочу, чтобы волкам сохранили жизнь Чтобы не всех их перебили. Думаю, что в скором времени на убийство волка будет нужна лицензия. А пока, если повстречаю волка, я не буду стрелять.

Серые волки, североамериканские, европейские и азиатские — одного вида. Когда-то огромная территория, вся Не- и Палеарктика с прилегающими на юге странами, вплоть до Израиля, Ирана и Индии, изобиловала волками. Много скота, да и людей немало, гибло под их зубами. Города, села и целые племена порой объединялись вместе, устраивая облавы на волков, в которых принимали участие тысячи загонщиков, копейщиков, арбалетчиков.

Кантоны Швейцарии и поныне содержат, конечно теперь уже лишь традиционные и бесполезные, общества охотников на волков. А в Англии, кажется, еще есть (или до недавнего времени была) должность главного королевского начальника волчьих облав, хотя последний волк был убит в Великобритании в 1680 году неким Камероном Локиелем. Последний волк Франции пал у границ Швейцарии, под городом Морестелем, сравнительно недавно (волки в эту страну, по-видимому, временами забегают с Пиренейских и Апеннинских гор). На морестельского волка, на территории в 50 квадратных километров, была устроена грандиозная, прямотаки императорская облава: две тысячи загонщиков, тысяча охотников, три самолета и 60 жандармов с радиоаппаратурой! «Будьте осторожны, — предупреждал охотников жандармский шеф, — это вам не фазанчик!» И волк, много раз простреленный, погиб. И такой был составлен не поделившими его шкуру нотариально заверенный «некро-

лог»: «...движимые духом братской солидарности и желанием обеспечить для потомства редкий охотничий трофей... мы договорились о том, что волк должен стать неделимой собственностью жителей Виньи, Сермерье и Васлена. Морестель же должен хранить его и заботиться о его сохранности, в связи с чем уплачивать за него страховые взносы в сумме 200 000 франков...» В ознаменование сей исторической даты — убиения во Франции последнего волка — семь веков красовавшуюся в древнем гербе Морестеля собаку, подретушировав, переделали в волка.

Итак, во Франции волков не стало. Уцелели они в Западной Европе лишь в Испании, на Апеннинах, на Сицилии, в Скандинавии, ГДР и ФРГ, а дальше — всюду на востоке до Чукотки, Сахалина и острова Кунашир в Курильском архипелаге. А в направлении меридиана — от берегов Ледовитого океана до Крыма и Кавказа включительно. В Индии волки встречаются еще, но, по-видимому, только в Гималайских предгорьях и горах. В Северной Америке серые волки живут в Канаде, на Аляске, в Гренландии и в некоторых пограничных с Канадой районах США. Правда, на юге этой страны, в штатах Техас, Луизиана, Арканзас и Миссури, попадаются черные волки того же рода, но иного вида, чем волки серые, и мельче их.

О ШАКАЛАХ И ЛИСАХ

Шакал — как бы уменьшенная до 6—14 килограммов копия волка. Много волчьего в его повадках, но много и непохожего. Шакал — животное определенно южное, у нас он нашел подходящее местожительство лишь в Предкавказье, в Грузии, Дагестане, местами в Закавказье, а также в Туркменистане, Таджикистане, Киргизии и в долинах рек Сырдарьи и Амударьи. Забегают шакалы с Балкан и в Молдавию, но не часто. К жилью человеческому шакалы привыкли и часто селятся от него невдалеке, по ночам мешая людям спать своим действующим на нервы воем. Шакал не брезгует растительной пищей: на бахчах грызет арбузы, дыни, на виноградниках ест виноград, на полях — кукурузу. Но и про курятники не забывает — кур таскает. Падаль ест и всякие отбросы на помойках, лягушек, насекомых, ящериц, рыб, грызунов, птиц.

Любит камыши в поймах рек и берега озер, пустыни ему меньше по душе и высокие горы тоже. Весной где-нибудь в густых кустах, под корнями дерева, в норе барсука, лисы, дикобраза рожает шакалья самка от трех до девяти щенят. Живут они с матерью до осени, а на следующий год — уже и сами родители.

Римляне называли шакалов «золотыми волками», оттого слово «золотой» и фигурирует в их латинском видовом названии. Но иначе и по-разному, конечно, зовут шакалов в тех странах, где они есть, — в Индии и на Цейлоне, в Бирме и Турции, на Балканах в Европе, в Северной и Восточной Африке. В Африке еще три вида шакалов составляют им компанию (и конкуренцию). Самый обычный и нарядный — чепрачный шакал. Спина у него как бы покрыта черным, чуть оттененным серебром чепраком. А бока и лапы красивого желтого или оранжево-бурого тона. Африканские шакалы менее общительны друг с другом, чем золотые, родина которых, бесспорно, Азия. Небольшими стаями собираются не часто: обычно лишь когда почуют, что лев задрал антилопу и всю не съел. Подбирать объедки за львами у них в обычае. Но если такая удача не предвидится, сами промышляют ящериц, мышей, птиц, юных и малых антилоп. Чепрачные шакалы даже на плотно пообедавшего питона отваживаются сообща нападать, если, конечно, он не очень большой и так объелся, что отяжелел и вял. Но если питон голоден, роли часто меняются тогда шакал из охотника превращается в дичь. Еще леопарды не прочь при случае закусить шакалом. И люди шакалов невзлюбили за воровство, тащат и кур, и все, что съедобного попадет в деревнях. Шкуры чепрачных шакалов красивы, из них шьют ковры и покрывала.

Полосатый шакал чуть, пожалуй, покрупнее

чепрачного, но не так нахален и храбр. Абиссинский еще крупнее, но очень редок, и о жизни его почти ничего не известно. Вот и все шакалы Старого Света.

В Новом Свете, на западе Канады, США (к востоку до Великих озер, а южнее — только до Восточного Техаса) и в Мексике, живет зверь, близкий к шакалам. Зовут его койотом или луговым волком. У шакала хвост короткий, у койота — длинный и пушистый, почти как у лисы (но на конце черный, а у лисы белый). Жить в опасном соседстве с человеком койоты приспособились не хуже шакалов. Рассказывают, что даже железные дороги используют с выгодой: кормятся на откосах всякими отбросами, которые люди кидают из окон вагонов. Местами, услышав шум поезда, бегут койоты из прерий и полей, где охотились на мышей, птиц и насекомых, к железнодорожному пути и, навострив уши, сидят, бывает, неподалеку, ждут, не выбросит ли какой проезжий американец что-нибудь съедобное.

У лисиц, как и у кошек, зрачок вертикальный, продолговатый (у волков, шакалов и собак — круглый). И то еще в их характере есть кошачьего, что никогда стаями не живут и не охотятся, а все в одиночку. Правда, собираются иногда и лисицы по нескольку штук, чтобы новорожденного косуленка отбить у матери или раненую косулю заесть, но то не стая, а скорее случайно образовавшаяся компания: каждая пришла за долей для себя, и так получилось, что собрались к поживе вместе.

Лисиц лишь рода Vulpes, к которому причислена и наша красная лиса, девять видов: в Европе, Азии, Африке и Северной Америке. В СССР — три вида: красная, или обыкновенная, афганская и корсак. Корсак — миниатюрная лисичка (с темным, а не белым концом хвоста!), живет в степях и пустынях Средней и Центральной Азии, на юго-западе Украины, в Поволжье (к северу до Саратова), в Предкавказье и Забайкалье. Афганская лиса еще меньше корсака, светлая, сероватая, хвост с темным кончиком. У нас (в Туркменистане) очень редкий зверь.

Красная лиса, как и волк, заселила очень большую территорию — всю Европу, почти всю Азию, включая Китай и Японию, Северную Африку и Северную Америку (впрочем, эту североамериканскую разновидность некоторые считают хоть и очень близким, но иным видом). Кроме того, завезли люди красную лисицу в Австралию, Новую Зеландию и на другие острова.

Про нее я много говорить не буду: не потому, что лиса — зверь неинтересный, просто знают ее все, и довольно хорошо. Как известно, лисы

Койот, или луговой волк

бывают не только рыжие, но и черно-бурые (особенно нередки они на Чукотке), а на американском Севере и серебристо-черные. А также крестовки (с черным крестом на плечах и темно-бурым брюхом), сиводушки (более светлые, с бурым брюхом), замарашки (с темными пятнами, в частности на морде) и прочие — это даже не подвиды, а просто генетические формы (с разными генами окраски в наследственности), рождающиеся нередко и в одном помете. А кроме того, еще десятки разных подвидов лисиц разнообразной окраски. В общем лисы Северо-Востока более крупные и яркие, в степях и пустынях — мельче и цветом бледнее.

Весной обычно в заброшенной барсучьей норе (реже самой вырытой), а иногда и в одной норе с ним, но в разных отнорках подземного лабиринта родится у лисицы 4—6, а то и 12 бурых лисят. Люди, найдя их, иногда думают, что это волчата. На неопытный взгляд они и в самом деле похожи немного на волчат, но отличить их можно по белому кончику хвоста: у волчат он весь темный. Полтора месяца кормит лисица молоком. Потом выходят они из норы на разведку. Но еще месяца три-четыре прячутся в ней. К осени разбредаются кто куда. А следующей весной у подросших лисят уже свои дети.

Говорят, что барсук, выживая лису из своей норы, все норовит закопать ее. Лиса же портит ему жизнь тем, что пакостит у него под носом. Такого свинства в доме этот чистюля не выносит совсем и, потеряв надежду перевоспитать (или заживо зарыть) сожителя, бросает свой дом и роет новую нору. А лисе только этого и надо. Но боюсь, что такая интерпретация их взаимоотношений — всего

лишь не лишенный выдумки охотничий рассказ.

Но вот другая старая охотничья басня о том, что у лисицы хвост фиалками пахнет, — чистая правда. Хотя, рассказывает Пришвин, случается, что охотники, желая в этом удостовериться, «не там нюхают».

Фиалковая железа, которая особенно велика и душиста в пору размножения, помещается не под хвостом, а на хвосте, сверху, почти у самого корня (в сантиметре от него). Назначение ее в жизни лисиц еще не вполне ясно. Но во всяком случае она не для того дана природой лисе (как раньше, бывало, охотники уверяли), чтобы, если ранена и силы ее на исходе, обернувшись назад, вдохнуть фиалковые ароматы, а вместе с ними и бодрость. Сердце будто бы сильнее тогда бьется, и набирается лиса от парфюмерии новых сил. Скорее всего распространяет фиалковая железа путеводные нити запахов, чтобы легче было рыжему жениху найти невесту в дебрях леса или в степных просторах.

Бывает, рассказывают, спасаясь от гончих собак или просто желая в безопасности поспать, залезает лиса на... деревья. И не только полуповаленные, наклонные, что не так уж удивительно, а будто бы даже и на прямостоящие ели. Если только, правда, разлапистые суки у елки растут низко над землей, чтобы могла лисица прыгнуть на них и зацепиться за них лапами, удержаться и перелезть повыше. Говорят, еще и «в опоссума играть» умеет лиса, притворяясь мертвой не хуже него, и тоже глазом не моргнет, если даже за хвост ее поднять и положить в мешок.

Впрочем, еще более удивительные вещи рассказывают про лису. Будто возьмет в пасть клок овечьей шерсти или сена и в какое-нибудь озерко или заводь потихоньку заходит. Блохи, которые купаться не любят, ища местечко посуше, переползают будто бы с ног (по мере погружения) на брюхо, оттуда на спину, со спины на голову. А с головы — на сено (или шерсть) Тогда великий стратег блошиной войны бросает перегруженный блохами ковчег. (И больше к нему не приближается!)

А еще про лис слава ходит, будто хвостом они рыбу ловят.

Можно ли всему этому верить?

Насчет дерева, пожалуй, правда. Насчет притворства — тоже, возможно, правда: потому что енотовидная собака, из того же, что и лиса, звериного племени (семейства псовых), определенно так поступает. Когда собаки и охотники ее окружат, притихнет, лежит, будто умирает и жизнь в ней еле теплится. А заметив, что враги отошли немного в сторону, вскочит и побежит Но выдержки опоссума у нее нет, потому обычно выдает себя раньше времени, и ее тут же догонят и добьют.

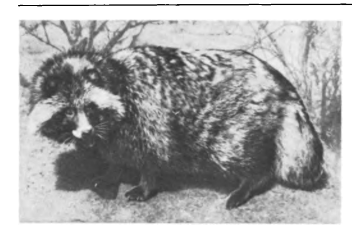
Насчет блох, похоже, сказки. О рыболовстве с помощью хвоста судить не буду, ибо хочется мне в это поверить, да нельзя: не доказано наукой.

ВОЛКИ, ЛИСЫ И СОБАКИ ОСОБОГО РОДА

В семействе псовых, или собачьих, кроме родов Canis Vulpes, то есть настоящих волков, собак, шакалов и лисиц, есть звери других родов. Происхождением и некоторыми чертами своей анатомии близкие к волкам, шакалам и лисам, но кое-чем и не похожие.

Начнем знакомство с этими нетипичными «псами» с енотовидной собаки. Жила прежде енотовидная собака, пышными бакенбардами и окраской похожая на американского енота, лишь в Китае, Японии, Северном Вьетнаме, на Корейском полуострове, а у нас — на Дальнем Востоке: Амур, Уссури. Но, решив, что этот зверь пушистым мехом полезен (что вполне справедливо) и не очень для птичьего населения новых земель будет вреден (что совсем несправедливо, как утверждают теперь многие охотоведы), решили зоологи ту уссурийскую собаку акклиматизировать по всей стране. Почти всюду она отлично прижилась, а под Москвой, например, этот фальшивый енот — обычный теперь зверь. С 1927 по 1957 год около десяти тысяч енотовидных собак привезли и выпустили в 76 разных областях, краях и автономных республиках Советского Союза. Вот и живет сейчас енотовидная собака почти везде в Европейской России (и даже заходит в тундру у Баренцева моря!), в Прибалтике, на Украине, в Крыму и на Кавказе. В Западной Сибири, Казахстане, на Алтае и в Забай-

Енотовидная собака волей человека переселена с Дальнего Востока в Европу, где отлично прижилась. В Японии мясо енотовидных собак очень ценят гурманы, а кости используются в народной медицине

кальс ее меньше, но тоже есть.

Уже в 1935 году объявилась енотовидная собака в Финляндии, а еще через десять лет — в Швеции, затем в Польше, Чехословакии, еще через 8 лет — в Румынии. В ФРГ, в Вестфалии, первых енотовидных собак увидели и застрелили в 1962 году, однако не ясно, переселились ли они сюда с востока или убежали с местных звероводческих ферм (как это случалось и в Финляндии).

Итак, двинулась енотовидная собака в наступление на запад! Успех акклиматизации зависел во многом от ее собственных способностей. Она в принципе бродяга, к одному месту мало привязана, не спеша, но неутомимо проходит большие расстояния. Любит поймы, кусты у озер и перелески в степи и среди лугов. Таежные дебри ее не прельщают. Плодовита, иногда 19 щенят приносит сразу (но обычно все-таки 7—10). Ест разное: лягушек, рыбу, птиц, птенцов и яйца, ягоды, фрукты, а когда голодна, то и овес, конский навоз, всякие отбросы. Она (и это тоже очень важно) зимой, с ноября по март или февраль, как медведь или барсук, накопив за лето жир, спит где-нибудь в норе или под выворотом ели. Для собаки повадка небывалая! Но в оттепели часто пробуждается и бродит по лесу, оставляя на снегу довольно разлапистые (в сравнении с лисьими) следы. На юге, где тепло, может зимой и не спать, а голодные, не накопившие жира «еноты» бывает, что и на севере бродят все морозные месяцы, одержимые одной заботой: что бы такое съесть.

В старой барсучьей или лисьей норе, под выворотом среди корней (на родине, в дальневосточном Приморье, и сама норы роет) обзаводится енотовидная сука многодетной семьей. Самцы из-за самок, говорят, у них не дерутся. Дети родятся, и законный отец их не бросает, а когда щенки подрастут, приносит им разную добычу.

Песец — самая, пожалуй, короткоухая лиса, а фенек — самая длинноухая. Песец — житель Заполярья, фенек — знойной Сахары и Аравии. Оба — лисы особых родов. И песец ростом невелик, но фенек — совсем крошка, с котенка, а вес его — полкилограмма. (И крик у него не звериный, а какая-то лягушачья сухая трескотня.)

В горячих песках Сахары фенек, пожалуй, самое обычное млекопитающее. К жаре привык, но и его она порой донимает. Потому днем прячутся фенеки в глубоких и прохладных норах, которые для большего комфорта выстилают сухой травой, перьями и шерстью. К вечеру дружно, как по команде, внезапно вдруг вылезают из-под земли и, чутко прислушиваясь огромными своими ушами ко всем шорохам вокруг, сидят у нор, пока жара совсем не спадет. Если солнце чересчур припечет, приляжет фенек и голову, как зонтом, прикроет пышным хвостом. Чуть звук какой, насторожившись и ушки к нему повернув, рысцой подбирается фенек туда, где услышал совершенно неуловимый для нас шелест ящерицы по песку или скачок саранчи в траве. Шелохнется во сне пустынный жаворонок или рябок — фенек услышит и вот уже крадется, словно тень, глазенки его блестят, нос и уши напряженно принюхиваются, прислушиваются. Ведут его точно: замер крохотный зверек, словно в стойке легавый пес, прыжок — и птица у него в зубах.

Там, где хоть немного есть воды, собираются на водопой, повизгивая в радостном предвкушении, много фенеков с близких и далеких окрестностей. Фенек долго может жить и без воды, питаясь соками съеденных животных, ягодами и плодами.

Ранней африканской весной родятся в норе у миниатюрной большеухой лисицы совсем крохотные лисята. Тут же организуется промысел: кочевые арабы, раскопав норы, малых фенеков собирают в корзины и везут продавать в оазисы. Там фенеков откармливают, по праздникам жарят и едят.

В ту же пору, когда фенек в Сахаре изнывает от жары, песцу весьма прохладно. Ведь живут песцы в тундрах Европы, Азии и Америки, а местами — на горных хребтах Якутии, на Командорских, Курильских и некоторых полярных островах. Иногда заходят далеко во льды Арктики (до 85-го градуса северной широты) и следуют часто за белыми медведями, как шакалы за львами: объедками их пиршества кормятся в голодную пору. Зимой уходят песцы на юг — в тайгу, иногда верст за тысячу, порой до Ленинграда и Калининской области. Летом почти все снова возвращаются в тундру,

некоторые, впрочем, остаются в сибирской тайге и на лето.

Общеизвестно, что зимой песец белый, как снег. Многие, по воротникам судя, знают, что есть и голубые песцы: зимой они голубовато-серые, но чаще палево-дымчатые, бурые или даже черные. Эти на меховых рынках стоят дороже. Летом песец, именуемый крестоватиком, бурый сверху и желтовато-грязно-белый снизу. Живут песцы в норах (зимой — часто в снежных), из года в год их подновляя и дополняя. Превращаются тогда их жилища в подземные лабиринты с множеством входов и выходов (иногда их до шестидесяти!). Бывает, что и в расщелине, а иногда и просто между кочками рождает песцовая самка многочисленное свое потомство (7—10, а то и 25 щенков).

Длинным летним полярным днем и короткими сумерками рыщут песцы по тундре. Едят все, что съедобного найдут или поймают, — леммингов, мышей, куропаток, зайцев, рыбу, трупы тюленей и китов. Ягоды тоже. Когда добычи больше, чем песец может съесть, он ее в землю закопает и мордой ямку так сверху умнет и сровняет, что и не видно, где рыл.

Два весьма выдающейся внешности существа собачьего племени охотятся в прериях и лесах Южной Америки. Одно чрезвычайно коротконогое: на вид — как такса; второе — весьма даже длинноногое. Первое, кустарниковая собака, ловко на коротких ногах снует в густых зарослях тропических лесов Центральной и Южной Америки. Второе, гривистый волк, на длинных конечностях, которым любой скакун может позавидовать, скачет по степным равнинам Боливии, Парагвая, Аргентины и Южной Бразилии.

О жизни тропической таксовидной собаки мало что известно, хотя в Бразилии она и не так уж редка. Там ее иногда приручают — она к людям привыкает быстро и, говорят, довольно умна, послушна. Мимика у нее выразительна и необычна: хозяина приветствует не вилянием хвоста, а странным дрожанием приоткрытых углов губ, которые у конца морды в то же время плотно сжаты.

Вид у кустарниковой собаки прямо-таки странный: тело массивное и длинное (вместе с головой — 60 сантиметров), а ножки короткие, словно рахитичные, так что, когда стоит, в холке она не выше фута, а фут, как известно, 30 сантиметров. Хвост толстый и тоже короткий (15 сантиметров), словно обрублен. Собака темно-бурая, а брюхо у нее иногда темнее спины.

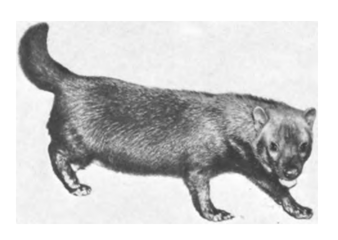

Фенек — самая крохотная и самая большеухая лисица. При длине тела и головы не больше сорока сантиметров (и весе всего полтора килограмма) уши у фенека феноменально велики — 15 сантиметров! Фенечек, прячась, так быстро роет землю, что про него говорят: «Он погружается в песок»

В окраске зверей это отклонение от нормы очень редкое и говорит о том, что кустарниковые собаки большую часть жизни проводят в тени и полумраке.

Ведь природа наложила более темные тона на спины своих детей (даже полосатых и пятнистых), чтобы скрыть и затушевать естественную разницу в освещении верхней, обращенной к солнцу, и нижней, затененной, поверхности тела. Если бы этого не было, то нижние контуры животного, подчеркнутые тенью, рельефно выделялись бы на любом фоне. Потеряв рельеф и став на вид плоским, зверь, если его окраска соответствует микрорайону, в котором он живет, легче сольется с местностью. Если у животного спина светлее брюха, значит, подобно некоторым странным созданиям (рыбе синодонту, гусенице глазчатого бражника или ленивцу), большую часть жизни оно проводит, плавая или вися на ветке вниз спиной. Если и спина и живот окрашены почти одинаково, значит, живут их обладатели в тенистых, сумеречных местах или совсем без света — в пещерах и глубинах океана.

Но вернемся к забытой на время кустарниковой

Дикая кустарниковая собака Внешность у нее, как видите, очень странная, и странные для собак повадки она любит нырять и плавать под водой

собаке. Как в том убеждают чисто теоретические рассуждения о ее необычайной окраске, живет она действительно в тени густых кустов, у корней гигантских деревьев и по берегам рек и озер. Большую часть дня спит в норе, а ночью стаи коротконогих псов охотятся. Пака, похожий на морскую свинку южноамериканский грызун, — предмет их особых вожделений. Там, где этих грызунов много, и кустарниковых собак немало.

За теми же пака, дикими морскими свинками, за птицами, насекомыми, а иногда и за овцами весьма резво скачет на своих длинных ногах и гривистый волк. Это, пожалуй, самый длинноногий зверь на Земле: у него высота в холке и длина туловища одинаковы. Ноги черные, а сам зверь рыже-бурый, с гривой из длинных волос на шее, которые топорщатся, когда он злится. Уши большие. Хвост пушистый, с белым концом. Щенки у гривистого волка совсем черные.

Чтобы откопать какого-нибудь грызуна, роет этот волк землю не передними лапами, как собаки, а только зубами. Ест он и фрукты, и сахарный тростник.

Гривистый волк после настоящих северных волков самый большой (вернее, высокий, но едва ли самый сильный) зверь в семействе собачьих, которое в Америке представлено еще двенадцатью видами, кроме уже упомянутых: серого, черного и гривистого волков, койота, песца, красной лисы и кустарниковой собаки. Два вида лисиц — в Северной Америке и десять видов полулисиц-полушакалов — в Южной Америке.

Серая американская лиса (США, Мексика) действительно сверху серая, с рыжей отделкой на боках и шее. Она меньше красной и знаменита тем, что неплохо наловчилась залезать на деревья. Охотится в одиночку в лесах, кустах и на болотах. Серая островная лиса похожа на нее, но живет не на континенте, а лишь на некоторых североамериканских островах.

Из южноамериканских лис шесть — восемь видов объединены зоологами в род Dusicyon. Из них Азаровы лисицы, серые, большеухие и пышнохвостые живут обычно поодиночке или парами в кустарниках, избегая густых лесов. Ягуар для них — что лев для шакалов: подбирают за ним объедки, идя по его следам.

Майконг — Cerdocyon — зверь иного рода: зубами похож на лисицу, а круглыми зрачками и повадками на шакала. Рыже-серые и довольно длинноногие майконги охотятся стаями, преимущественно в густых лесах.

В семействе псовых еще три зверя, о которых нельзя умолчать. Для предстоящего с ними знакомства из Южной Америки последуем сначала в Африку, потом в Азию.

Фенеков в Южной Африке нет, там другой зверь удивляет своими несоразмерно большими ушами всех, кто увидит его впервые. Это большеухая собака, или драишакал, — скромный житель степных нагорий от Сомали до южных провинций континента. Рыже-буро-серый, тонконогий, тон-

Гривистый волк — самый высокий зверь в семействе псовых, у него высота в холке и длина туловища одинаковы. По ночам гривистые волки кричат как-то необычно и жутковато На людей никогда не нападают

кокостный, меньше обычной лисы. Но вот уши, сложенные вместе, покроют, пожалуй, всю его голову. Уши не остренькие на концах, как у фенека, а округлые, как ложки.

Зубами это большеухое создание меньше всех своих родичей похоже на собак: мелкие бугорчатые клыки недоразвиты. Да и не в том даже дело — слишком много зубов! Сорок и даже пятьдесят, тогда как у самого «зубастого» из псовых их не больше сорока двух. Если зубов слишком много, они мелкие и бугорчатые, то первое, что решит знающий зоолог, — такой зверь кормится в основном насекомыми. К ушастой собаке это правило вполне приложимо: в ночном ее рационе (охотится она по ночам) больше всего термитов, саранчи и других насекомых, впрочем, и мыши, птичьи яйца, фрукты.

Большеухая лисица — житель степей и кустарников Южной Африки. Животное в основном ночное. Кормится термитами саранчой, малыми птицами, их яйцами и даже фруктами

Гиеновая собака — волк Африки. Не видом, а повадками, умом, организацией облавных охот и дисциплиной стай (в которых бывает и сорок и шестьдесят псов), и той селективной ролью, которую гиеновые собаки волею судьбы играют в саваннах.

Но внешне, особенно тупой мордой и большими округлыми ушами, похожи эти собаки на гиен. Но только внешне: нрав у них невероятно живой, возбудимый, они очень резвы, игривы, постоянно в движении.

А вот пальцев на лапах не хватает: не пять на передних, как и у всех в семействе собачьих, а четыре. Наверное, чтобы быстрее бегать. Ведь чем меньше пальцев на ногах, тем резвее звери.

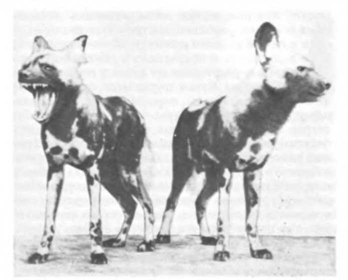
Ноги у трехколерных черно-бело-желтых гиеновых псов резвые чрезвычайно. Загнать любую зебру, антилопу — это для них нетрудное и приятное удовольствие. Облаву организуют по всем правилам: сначала окружают стадо гну или газелей, затем кидаются все разом. Если цепь свирепых загонщиков прорвана, с лаем, визгом, воем пускаются они в погоню. Шум, гам, пыль — мчатся с ликующими воплями дикие псы! Но бегут не как попало, а с умыслом: одни прямо за стадом, другие наперерез. Уставших сменяют те, которые берегли силы. Редко кто в саванне спасется от них бегством: обязательно, загнав, свалят, разорвут тут же на куски, в минуту от антилопы останутся лишь кости, и тех немного. В ужасе, в дикой панике иные антилопы пытались найти убежище в деревнях, в поле, среди людей. Но «волков» Африки нелегко испугать: люди кричат, бросают в них камни, а те тут же рядом рвут загнанного зверя на части.

В полуденную жару они обычно не охотятся, спят, играют, но вечером, когда попрохладнее, а чаще ранним утром трусят рысцой, опустив тупые морды к земле, навострив уши, вынюхивают, прислушиваются чутко. Тут лучше не попадаться ни малой газели, ни большой антилопе, будь то даже канна с острыми и длинными рогами, на которую не всякий лев отважится напасть. Да и сам лев, если псы очень голодны, предпочитает уйти с их пути, а то разорвут, особенно если стар или слишком молод.

Когда два очень компетентных зоолога — Бернгард Гржимек и Джордж Шаллер — вернулись из Африки, они привезли много любопытных сведений о гиеновых собаках.

«Странные, зловещие создания эти гиеновые собаки с огромными ушами... не побоялись как-то напасть даже на бегемота, они прыгали гиганту на грудь, и тот в явной растерянности был радрадешенек, когда наблюдавший эту сцену человек отвлек разбойников выстрелом Сразу вслед за этим отчаянная свора окружила двух слонов, и те боязливо попятились, подняв кверху хоботы» (Бернгард Гржимек).

Каковы собачки! Таких бы храбрецов приручить на пользу человеку. Кстати, приручаются они легко, хозяина любят, прыгают, как безумные, когда увидят, и «щебечут» — иначе, говорят, и не назовешь их приветственное ворчанье Но и ручные не могут устоять перед искушением разорвать курицу или цапнуть гостя за ногу. Да и пахнет от

Гиеновая собака — волк Африки'

них невыносимо! Оказывается, вонь, говорит Б Гржимек, «тоже хорошее средство сохранить свою свободу».

Он видел в Серенгети, как стая гиеновых собак — 14 взрослых и 9 молодых — трусила по степи. «Внезапно оба вожака стаи остановились как вкопанные и уставились на стадо из 40 гну, которое паслось на расстоянии примерно 800 метров». Вожаки вышли вперед и не спеша, с видом безразличным побрели к стаду. Стая так же не спеша тронулась за ними. Тут здоровенная и, наверное, глупая гиена чуть было не испортила им все удовольствие от охоты. Она выскочила откуда-то сбоку и изо всех сил старалась удрать подальше. «Но удрать ей, конечно, не удалось». Один вожак быстро ее догнал, схватил за заднюю ногу и опрокинул. Гиена завизжала, как испуганный поросенок, но не огрызалась; пес укусил ее раза два в назидание за глупость и опять потрусил к стаду ничего не подозревавших пока гну.

Два возглавивших охотничью операцию пса подошли к антилопам метров на четыреста и тут вдруг в стремительном беге кинулись прямо к ним. Гну их заметили и бросились врассыпную. Густая пыль закрыла на время сцену действия. Когда она рассеялась, то глазам людей предстала неожиданная картина — гну не убегали, а «разделились на четыре небольшие группы и стояли плотными кругами, рогами наружу, защищая сбившийся посредине молодняк. Гиеновые собаки тоже разделились. Но каждая их попытка прорвать сомкнутый круг терпела неудачу — всюду их встречали низко опущенные острые рога. Мы ждали».

И увидели убедительный пример того, что каждый звериный детеныш должен знать твердо: непослушание, когда кругом столько врагов, равноценно самоубийству. Какой-то капризный и беспокойный теленок выскочил из плотного кольца обороняющихся рогов. И тут же, в одно мгновение, собаки кинулись к нему и разорвали. Получив свою дань, они больше антилопами не интересовались, и те разбрелись по степи

И хотя эта дань, которую гиеновые собаки берут со всего живого, порой и велика, хотя завывания и тявканье рыщущих псов повергают в панику и поспешное бегство всех копытных, а грифы и стервятники, уверенные в успехе охоты, заранее кружат над местом действия трагедии, польза, которую «волки саванны» приносят ее копытному населению, немалая. Гиеновые собаки, уничтожая в первую очередь больных, слабых (глупых и капризных), так или иначе наследственно дефективных животных, играют важную роль в равновесии сил природы, в балансировании ее ресурсов и отборе самых приспособленных. Поэтому в национальном парке Серенгети разрабатываются меры по охране гиеновых собак от чрезмерного уничтожения, которое им грозит.

Джордж Шаллер узнал много нового, интересного и неожиданного о жизни и нравах горилл, месяцами следуя за ними по пятам. Тем же методом изучал он позднее тигров и гиеновых собак.

Сообщества последних очень сложные. В их стаях царят строгая иерархия и дисциплина. И даже разделение труда! Одни охотятся, другие караулят щенят. После удачного загона охотники спешат к щенкам, и малые вылезают из нор. И тогда большие псы, склонив к ним головы, исторгают из глоток мясо, которое принесли в желудках. Узнаете знакомые повадки?

Для нянек всегда оставлена недоеденная туша загнанного зверя. И те, сдав дежурство, сейчас же спешат к ней, пока грифы все не разворовали. Отряды охотников и сторожей у нор через определенное время меняются.

Между собой эти свирепые для врагов псы живут мирно. (Каждая стая бродит по просторам, как показали последние наблюдения, очень обширным — до 1500 квадратных миль!)

Когда в дикой саванне встретятся два разных и, казалось бы, конкурирующих охотничьих отряда, дружелюбию их нет предела — прыгают, нюхают друг друга, играют, смешавшись в общем радостном веселье. И без ссор и грызни расстаются. Больше того, «однажды у горы Меру, — рассказывает Б. Гржимек, — свора охотничьих собак повстречалась со стаей диких гиеновых, все обошлось так же мирно и спокойно».

Эта невинная на вид собачка — прославленный Киплингом красный волк. Даже тигры боятся этих волков. Но не зарегистрировано пока еще ни одного случая нападения красных волков на людей

Если кто из этих псов на охоте отстанет и потеряется, друзья его не оставят. Тут же, услышав тревожный зов, «вся остальная братия» без промедления мчится к заблудившемуся товарищу.

Колсун, красный волк, или, по-индийски, дхоле, в той же примерно роли, как и гиеновая собака в Африке, выступает в дебрях Азии. Только арена не степи, а леса, преимущественно горные. А сам деятель похож на некрупного волка, красновато-бурый или рыже-красный, уши хоть и больше волчьих, но, однако же, не такие без меры разлапистые, как у гиеновой собаки.

Именно этих волков как всесокрушающую лавину, атаковавшую джунгли, изобразил Киплинг в своем «Маугли».

В этом смысле против истины он погрешил не много: красные волки, объединившись несколькими семьями, довольно быстро опустошают округу, в которой недолго поживут. Потому они постоянно в движении и покрывают в охотничьих походах огромные расстояния по лесам и горам Тибета, Индии, Суматры, Явы и других мест, где еще встречаются их стаи. Козлы, бараны, олени, даже дикие и бесстрашные быки гауры и бантенги, которых и тигры без особой нужды избегают беспокоить, бегут от них в панике. Быки обороняются от красных волков, встав кругом, как гну. А волки норовят отбить от стада самых слабых, больных и юных, которым рвут сухожилия ног, брюхо, горло. Говорят, и тигру плохо придется, если встретит он стаю красных волков (или собак — так их называют) там, где нет поблизости пологого дерева, на которое он успел бы быстро залезть. Псы отважны, рвут полосатого с разных сторон. Истекая кровью, теряя силы, гибнет в их беспощадных зубах всесильный в джунглях тигр. А медведь гималайский, который и тигра может неплохо отколотить, как почует, поведя носом по ветру, — дхоле пахнет! — спешит, не думая о престиже, уйти подальше. А если дух слишком силен и близок, скорее на дерево. Нет зверя, кроме слона, который бы сумел в одиночку долго устоять под яростным натиском красных волков.

В СССР красные волки редко, но встречаются на Восточном Памире, Тянь-Шане, Алтае, в Саянах, в горах Южного Предбайкалья и Забайкалья. На южных склонах Станового и Яблонового хребтов их больше. Но за последние годы они, по-видимому, все исчезли. Авторы Красной книги СССР (2-е издание) с сожалением вынуждены заявить: «На сегодняшний день можно констатировать лишь возможность единичных заходов красного волка на юго-запад Приморья и в Тянь-Шань». «От пары красных волков, пойманных в Северном Китае (район оз. Кукунор), в Московском зоопарке с 1958 по 1967 г. было получено 25 щенков» (Красная книга СССР. 1984).

СЕМЬ МЕДВЕДЕЙ И БОЛЬШАЯ ПАНДА

Что гималайский медведь может иногда и тигра отколотить, я не сам придумал, так считает Джим Корбетт. Он родился и прожил в Индии семьдесят лет и перестрелял много всяких медведей, тигров и леопардов. Повадки животных он знает хорошо, а его книги «Кумаонские людоеды», «Леопард из Рудрапраяга» — лучшее, что я читал о зверях Индии.

Как-то, выслеживая одного из леопардов-людоедов, Джим Корбетт увидел огромного гималайского медведя. «Он шествовал так важно, словно для него совершенно не имело значения, сколько времени придется идти, чтобы попасть из одного места в другое». Вдруг остановился, покрутил носом, принюхиваясь, посмотрел на склон холма и лег плашмя на землю.

Поднял голову, еще раз понюхал, чем там пахнет впереди, и, крадучись, полез туда, где что-то унюхал. Прямо стелился по земле, полз «бесшумно, как змея». Подполз к краю ямы, а там тигр пировал, к разным бродячим медведям вовсе равнодушный. Медведь медленно-медленно поднял голову над ямой и заглянул вниз. Так же медленно ее опустил. Лапы под себя подобрал и вдруг с громким ревом ринулся вниз.

Медведь хотел испугать тигра, но тигр был не из робких. Рыком своим давясь от ярости, бросился на медведя, и такая драка началась, что шерсть клочьями летела. Минуты три дрались, а может, и больше. Но вдруг тигр, решив, что с него хватит медвежьих объятий... струсил. Галопом понесся по отвесному месту, а за ним по пятам — медведь. С ревом, «как ураган», перескочил овраг. Но тигр летел еще быстрее: здорово всыпал ему медведь!

Таков финал этой драки и таково решение вопроса, который задают часто, особенно дети: кто сильнее, тигр или медведь?

Однако решение это не единственное, бывают и иные финалы. Некоторые наши зоологи говорят: боятся, и здорово, косолапые тигров. Лишь почует медведь запах полосатой кошки — скорее бежать или залезет на дерево. А тигр, бывает, еще и ждет, прохаживаясь под деревом или укрывшись в засаде, когда тому надоест сидеть на суку.

Советский зоолог Л. Г. Капланов (к сожалению, безвременно погибший) изучал жизнь тигров на воле, в Уссурийской тайге, методами, которые Джейн Гудолл, Джордж Шаллер и многие другие этологи применяют сейчас и которые помогли узнать в последнее время столько нового и неожиданного о нравах и повадках диких животных.

Л. Г. Капланов шел зимой на лыжах по следам тигров. Один по безлюдному краю. Ночевал, как и зверь, там, где его заставала ночь. А утром — снова в путь. Так прошел он 1232 километра!

Однажды он нашел разоренную медвежью берлогу. По следам понял, что случилось. Тигрица шла по лесу и учуяла медведя метров за пятьдесят. Она сразу свернула с тропы и пошла к берлоге. Подкопала берлогу сзади. Там лежала медведица с медвежатами. Тигрица изловчилась и подцепила ее когтями за переднюю лапу, которой медведица, наверное, отбивалась. Одной лапой тигрица вытащила шестипудовую медведицу и загрызла!

Видно, у нас на Дальнем Востоке тигры особенные: очень сильные (так, впрочем, и есть). Или в Индии медведи отважнее наших? Может, и отважнее, но не сильнее. Ведь в Индии медведи черные, гималайские. У нас тоже такие есть, но ведь тигры, как рассказывают, обижают бурых. А бурые медведи крупнее черных.

Ну так кто же все-таки сильнее: тигр или медведь? В царстве зверей такие вопросы просто не решаются. Тигр и медведь силой почти равны. (Даже если и льва в это соперничество включить, равновесие треугольника сил не изменится.) Победит тот, кто храбрее, кто старше и злее, кто весит больше. Молодые и тигры и медведи дерутся, конечно, хуже матерых, полных сил и отваги самцов. Важно также, кто первый напал, кто сыт и кто голоден: сытый зверь не так дерзок и зол, как голодный. Важно, на чьей земле встретились бойцы: кто из них ближе к дому, тот обычно яростней дерется.

Причин всяких много, решить нелегко, почему у нас медведи тигров боятся, а в Индии не боятся. Повадки животных люди по-настоящему еще только начинают узнавать. Раньше зверей изучали больше по шкурам и костям. Теперь многие ученые с биноклями и кинокамерами в руках наблюдают, как ведут себя живые звери на воле. Подождем, что нового они увидят и расскажут о тигре и медведе.

Несмотря на свой сравнительно небольшой для крупных медведей рост и вес (до восьми пудов), гималайский медведь отважен и агрессивен: он порой нападает и на тигра, которого бурый, более сильный медведь, боится

Там, где тигр с медведем встретились и, унаследовав древнюю вражду от кошек и собак, живут не мирно, еще одна «кошечка» претендует на первенство в дикости, силе и отваге — леопард. И опять вопрос из серии детских: кто сильнее, леопард или медведь?

Ответы тоже разные: Джим Корбетт говорит, что сам не раз видел, как уверенно и бесстрашно прогоняли гималайские медведи леопарда в самый ответственный момент, когда те устраивались плотно пообедать. Прогнав, уносили «обед», чтобы съесть.

Но другой известный в Индии охотник, Кеннет Андерсон, иное рассказывает: одно медвежье семейство — мать, отец и медвежонок — решило поселиться в пещере. А в пещере той уже жил леопард. Когда он вернулся, медвежонок первым, конечно, удрал. Мать и отец попробовали отстоять уютный дом, но натиск пантеры был так свиреп, что медведи решили отступить, и немедленно. «Глава семьи удирал с такой поспешностью, что сорвался со скалы и сломал себе передние лапы».

Одни говорят, что гималайский медведь смел, другие — что отнюдь нет. Он лишь возбудим, раздражителен и часто по малому поводу или без повода приходит в бешенство. На людей нападает, лишь когда все пути к бегству отрезаны (или ему так кажется). И тогда больше от страха, чем с отвагой, атакует и бьет в лицо тупыми, но длинными «восьмидюймовыми» когтями.

На совести этого медведя больше, чем у любого другого зверя Индии, искалеченных и обезображенных людей. Медведь любит поспать и спит на земле в какой-нибудь яме, в густой траве, да так крепко, как никакой, пожалуй, дикий зверь (еще и громко храпит!). Ни треск веток, ни шумный разговор его не будят. Охотники, крестьяне, собирая хворост, часто буквально наступают на спящего медведя. Тогда он вскакивает как чумовой и от испуга бьет человека лапами в лицо. (Зденек Веселовский, директор Пражского зоопарка, пишет, что так поступает медведь-губач. Но Корбетт и Андерсон, описывая подобные случаи, определенно говорят о гималайском медведе.)

В принципе гималайский медведь — вегетарианец: желуди, орехи, плоды, ягоды, молодые побеги ест он и на земле и на деревьях, забираясь на них очень ловко. Но и насекомые для него не последнее лакомство, и падалью не брезгует, даже такой, которую ни тигр, ни леопард есть не стали бы.

Забавно он изгибается, извивается, принимая самые причудливые позы, когда разрывает гнезда термитов или добывает разные корни из земли. Ворчит от натуги и удовольствия, гудит, как самолет, жужжит, как пчела, пыхтит, как кузнечные мехи.

Там, где зимой холодно, гималайские медведи к осени сильно жиреют (сала на иных процентов сорок). Найдя дуплистое дерево, старый тополь или липу, дупло в нем выскоблят когтями и очистят от гнилья, расширив для себя просторное помещение. В дупле, иногда в пяти метрах от земли и выше, спят всю зиму, с ноября по март. Спят сидя. Редко, но бывает, что не один, а несколько черных медведей зимуют в одном дупле. В своей жизни эти медведи очень зависят от больших дуплистых деревьев. Правда, когда их всем не хватает, некоторые где-нибудь и под корягой, в расщелине между камнями ложатся на зиму. Но такие места им не по душе.

В январе — феврале черные медведицы, сидя в дуплах, рожают одного — трех слепых и крохотных

медвежат, каждый с крысу средних размеров. Были бы больше, больше бы и ели. А так как мать сама в эту пору голодает, то прокормить прожорливых сосунков ей нелегко, даже и с весьма обильным запасом жира под кожей. Потому природа и распорядилась: всем медведицам рожать зимой в берлогах (куда как уютно!), но для пользы их самих и детей только очень маленьких медвежат, с пропорциональным росту аппетитом. Мать кормит их молоком — из сосков на груди, а не на брюхе — три месяца и до следующей осени с ними не расстается.

Если мысленно последуем из страны в страну, где живут гималайские медведи, дойдем и до нашего Дальнего Востока. Тут в лесах Приморья, Уссури и Нижнего Амура живут бок о бок с ними медведи всем нам лучше знакомые — бурые. Они ростом выше и грузнее — 160—320 килограммов, а то и полтонны! Не всякий гималайский, даже и матерый, самец потянет на 160 килограммов. Цветом шерсти разно-бурые: с рыжиной, сединой, чернотой всяких тонов, редко попадаются и совсем светлые, кремовые. У гималайских медведей мех черный, а на груди большое полулунное белое пятно (реже оно желтое). У бурого этого пятна нет, либо оно чуть приметно, а уши короче и морда тупее.

Гималайский медведь обитает только в Азии: в Китае (и на Тайване тоже), Японии, Индии, Восточном Иране; в СССР лишь на Дальнем Востоке, где в 1970 году численность его определяли в шесть — восемь тысяч зверей. Теперь стало еще меньше. Крайний юг его ареала ограничен Индокитаем. Бурый медведь распространен шире — в Европе, Азии и Северной Америке. В зарубежной Европе уцелели медведи лишь в Пиренейских горах, Скандинавии, на Балканах, в Карпатах. (В Румынии медведей больше, чем в любой стране, кроме СССР, — две — три тысячи.) Когда-то в Англии было так много медведей, что римляне вполне удовлетворяли британскими медведями спрос своего народа если не на хлеб, то на зрелища.

На восток, начиная с Чехословакии, по таежным лесам простирается ареал бурого медведя через всю Россию до Аляски, а если считать, как некоторые систематики, что гризли не особый вид, а лишь подвид бурого медведя, то и дальше — до Западной Канады и Скалистых гор США. Живет бурый медведь также в Японии и Китае, в горах Центральной, Средней и Передней Азии. Жил когда-то даже в Африке, но только на севере, в Атласских горах. Теперь там, кажется, истреблен.

В СССР широкой полосой с запада на восток тянутся леса, в которых обитают бурые медведи. На севере ограничена эта полоса тундрой, на юге — еще достаточно густыми борами Белоруссии, Рязанской области, Мордовской и Татарской АССР. Затем, перевалив выгнутым к югу языком через Уральский хребет, спускается южная граница к Алтаю и уходит в Китай. Южнее таежных лесов, минуя степи и пустыни, вновь живут медведи в горных лесах Кавказа, Копет-Дага, Тянь-Шаня и Памира, а на Дальнем Востоке — на островах Курильских, Шантарских, Карагинском и Сахалине.

«Какими именами только не величают медведя в Забайкалье!» — говорит А. А. Черкасов, горный инженер, натуралист, большой охотник и большой писатель. Он-то знал очень хорошо этого «косматого черта», «хозяина», «Топтыгина», «черную немочь», «чалдона»! И рассказал нам, пожалуй лучше всех, почти все о медведе, хотя написана была книга А. А. Черкасова сто лет назад. Рассказал великолепно, речью краткой, но необыкновенно выразительной и яркой, как мало кто мог сделать.

Весна еще ранняя, апрель. Снегу в лесу по ельникам, борам, буеракам много. Сырой, крупяной, плотно не лежит, глубоко медведь вязнет в нем. Вылез из берлоги, не терпится ему. Как запахи весны почуял, проломил «небо» в спальной своей яме, выбрался на свет. И свет в глаза ему ударил яркостью необычайной после тьмы берлоги. Дух от сырой земли, от почек набухших, от снега талого, от сосен, щедро источающих смолу, носом потянул чутким медведь и лег, щурясь, тут же, поверх берлоги. Лежал в дремоте еще крепкой, ворочался, принюхивался дня три, никуда не уходил.

Но вот пошел, рухнув сразу в сугроб, что метель за зиму намела у выворота, под которым пролежал зверь все холода. Шуршит бор иглами, шумит ветром в ветвях. Из крепи выбрался медведь в чернолесье. Здесь снег совсем почти сошел. Земля под солнцем парным теплом туманилась.

Не без дела шел, всюду хозяйничал: корягу вывернет, камни какие, плиты перевернет. Сила велика у зверя. Ветровал дерево наземь уронил, медведь обошел его, понюхал под стволом, чем там земля пахнет. Вдруг в охапку сосну ухватил и сдвинул с места, как бревнышко. Сейчас же к той пролежине сунулся носом, когтями землю заскреб: может, мелочь какая живая есть, чтобы съесть. Похудел за зиму, голодный зверь, все жует и гложет, что зелено, что живое суетится по весне. Да и падаль найдет — попирует. Буковые орешки прошлогодние, желуди собирает, разрывая листву. Бурундуков грабит. Бурундуки запасливы: с осени под камнями спрятали кедровые орехи. Так мед-

Бурый медведь — удачливый рыболов

ведь, те камни своротив, кладовые земляной «белки» мигом опустошит. Самого собирателя, если поймает, тоже съест.

Муравейник — находка особенно приятная. Весь разроет, раскидает далеко вокруг. Лапы, говорят, полижет и «кладет их на муравьище». Насекомые суетятся, на медвежьи лапы черными толпами лезут. Он их слижет и съест. И за новой порцией тянется когтистой лапищей.

Вышел зверь на косогор — место солнечное, деревья не густо растут. Тоже не сразу вышел: из кустов с краю поляны оглядел всю ее внимательно и дальше, сколько было видно, проверил, нет ли кого или чего опасного и нет ли зверя неопасного, съедобного, чтобы тайком подобраться.

Видно, что-то все-таки привлекательное усмотрел: резво так поскакал, косолапя, на полянку. Цветочек прострел голубел в своей же непышной зелени — он к нему. Сжевал, съел весь, ворча от радости. Любит медведь эти цветочки, ест их во множестве и бегает за ними во весь дух, где только завидит. Еще любит и ищет старательно на увалах, под плитами и камнями «медвежий корень» — луковицу. «Человек ее находит большей частью только в объедках от медведя... Поевши этой луковицы, медведь тотчас очищается от всего». Это ему вместо касторки, чтобы желудок прочистить. (Медведи вообще всякий лук любят, как кошки валерьянку. Трут им морду, мусолят, валяются на луковице. Слезы из глаз текут, но косолапый с луковицей расстаться не желает.)

Наевшись этого корня, идет в молодые осинники. Обдирает зубами (с величайшим аппетитом!) набухшие почки, захватив осинку в охапку.

Когда с моховых болот сойдет снег, клюкву медведь на них собирает. А на озимях, где они есть и зеленеют, пасутся весной медведи часами, как коровы. Щуки на разливы пойдут метать икру — и медведь туда же. Высмотрит косматый с берега какую побольше и всеми лапами, как лиса на мышь, прыгнет на рыбину с шумным плеском.

В таких делах весна и проходит. Уже лето. В эту пору бродят медведи по болотам, речкам, камышам у озер с недобрым помыслом — молодых уток ловить. Гоняется здоровенный зверь за малыми утятами часами, и не одну ночь: «Ищет их, как собака, ползает, скачет за молодыми, так что брызги летят во все стороны и шлепотня поднимается страшная». Мокрый, грязный выходит из озера. Но довольный. Спит потом, на солнышке подсыхая.

В часы полуденные бродит мало. Прячется в чаще, у родников, бачажин, «избегая солнечных лучей и страшного овода». Ночь, зори, вечерняя и утренняя, — его время: «тут он совершает все свои похождения, все проделки».

Оттуда, где спит, туда, где кормится, ходит медведь обычно одной тропой, к которой привык. А там, где медведей много, тропы эти — лучшие и единственные дороги в тайге. Ведут они к самым удобным перевалам, к самым рыбным и ягодным местам. Вся Камчатка, рассказывают, пересечена такими дорогами.

Как заведено природой, у каждого зверя, и у медведя тоже, свои угодья, своя «охотничья территория». Около 500—800, по другим данным, даже 2000 гектаров — обычный медвежий «надел» в равнинных лесах. Пределы его обозначены пахучими и зримыми пограничными «столбами»: вековые на деревьях метки, высоко их стволы ободраны когтями. Чем выше над землей заскребы, тем, значит, крепче силой и «свирепой могучестью» хозяин охраняет тут свои владения. Но одной лохмотьями содранной коры медведю мало: вываляется он в моче, встает потом спиной к дереву, вытягивается вверх, сколько может, на задних лапах и трется и

трется спиной, загривком и головой о кору. Это предупреждение другим медведям, которые послабее, чтобы сюда не совались: «Плохо будет, коли поймаю!»

Нет зверя в тайге, кроме тигра в Приамурье, где бурый с полосатым встречаются, да еще, может быть, большого лося и кабана-секача, который бы медведя не боялся и которого при случае медведь не заломал бы. Лось и кабан, впрочем, тоже от медвежьих когтей не застрахованы. Однако больших секачей косолапый все-таки остерегается. Но матку с поросятами, если увидит, своего не упустит. Оглядится, нет ли кабана поблизости, подползет тогда без шума по круче и начнет кидать, катить на них с горы камни, коряги — что потяжелее. Иной раз и давит какого поросенка. Не всегда, конечно, удача ему бывает.

А с одним медведем вот какое даже несчастье случилось, когда он малым поросятам готовил гибель. Подобрался тот медведь по крутой скале к свинье с поросятами, которая рыла землю внизу под утесом. Подполз к самому краю, заглянул вниз на лакомую добычу. Долго смотрел, вероятно, выбирая удобную минуту. Потом, решив, что время действовать пришло, схватил коряжину и бросил в свинью, но коряга суком подхватила медведя под заднюю ногу и бросила самого под утес.

Ко всякому зверю и птице, если вздумал медведь их поймать, подползает тихо, как кошка, иногда на брюхе. Совсем ведь не маленький, и спрятаться ему вроде бы особенно и не за что, но, бывает, так незаметно и близко подползет, что даже рябчиков и глухарей успевает схватить раньше, чем те улетят. Быстрота, с какой этот грузный зверь наскакивает, поразительна: «Часто медведь при неверном выстреле, с окончанием его звука, является уже у ног изумленного охотника».

«Медведь вообще плохо «хозяйничает» в лесу, особенно осенью: лучшие урожайные рябины он валит на землю или раздирает стволы пополам, пригибая плодоносные ветви к земле. В тайге он обламывает ветви кедров, на Кавказе крушит вершины самых лучших деревьев дикой груши и алычи» (профессор А. Н. Формозов).

Привык никого не бояться, вот и бушует, о тишине не заботясь. Тут к нему подойти нетрудно, а если треснет ветка под ногой охотника — не беда, медведь не обратит внимания. Но когда запах человеческий к нему донесет, зверь сразу преобразится: носом тревожно воздух тянет, озирается беспокойно. Бывает, еще встанет на дыбы и заревет. У кого от этого мороз по коже, тому на медведя лучше не ходить. А уж коли случилось — пошел или нечаянно повстречал и деваться некуда, то главное — не показать, что зверя испугался, и всегда лучше подвинуться к нему или стоять на месте, но не бежать в сторону или назад. Потому что, если медведь видит — человек его не боится, тут же сам удирает, и резво. А иногда с перепугу приключается с ним «медвежья болезнь».

В том, что болезнь такая не охотничья сказка, я и сам однажды убедился. Было дело на Курилах, на Итурупе. Медведей там много. А заросли в сопках дремучие: бамбук сначала, через который не продерешься, потом, выше, кедровый стланик, но такой густой, что ходить сквозь него можно только медвежьими тропами. Была со мной собака, венгерская легавая. Как она на остров попала, не знаю. Бездомный был пес и со мной пошел, делать ему нечего. Очень крупный кобель, и отваги у него, как я заметил, хватило бы на многих собак. Мне приходилось бывать судьей на испытаниях лаек по медведю привязанному. Так далеко не каждая кидалась на него смело и как надо. Многие и близко боялись подойти, а иные как глянут на зверя — только их и видели. А этот кобель, когда в кедрачах почуял медведя, взъерошился весь, шерсть на загривке дыбом, туда-сюда забегал по тропе. Носом потянул воздух: видно, близко зверя почуял и, не раздумывая, прыгнул к нему прямо в чащу кедровника, с трудом продираясь через нее. А медведь спал, наверное, и совсем рядом. Выскочил с треском на тропу и в упор меня увидел. Тут с ним это самое дело и случилось, пропоносило его. Лапы у него разъехались, как на льду. Но не до престижа ему было, не до пристойности, он не честь, а жизнь спасал и резвой ланью сразу метнулся опять в чащу. Кобель выскочил — и за ним, но где там — не догнал, вернулся злой и решительный. По всему видно, так бы и заел этого пакостника.

Говорят, что когда от неожиданного шума, испуга случится с медведем кровавый понос, то будто бы зверь «скоро после этого пропадет», умрет. Не знаю, верить ли в это.

Одна странность водится за медведем — сибиряки говорят: медведь «хлипок на зад». Чуть заденет за что задом — за сук какой, об камень стукнется, так больно ему, что ревет «страшным образом».

Еще любит косолапый забавы. Когда сыт, здоров, играет даже и сам с собой. Камни, например, с круч бросает и «уморительно заглядывает на них, как они летят и подпрыгивают».

Забавляется и так: разбитое бурей дерево, у которого расщеплен ствол, — «находка для медведя, а еще больше для медведицы, когда она с детьми». Ухватится лапой резвящийся Топтыгин за дранощепину, отогнет ее вниз и отпустит. Ударит она с

маху по расколотому стволу. дребезжит. гудит ствол. вибрируя. А косматый богатырь не унимается: еще и еще. отводя и отпуская щепу. пронзительно «музицирует». Сам голову то туда. то сюда набок склоняет. прислушивается. как далеко громогласное эхо разносит по ущельям и горам произведенный им грохот.

Купаться тоже любит с плеском. шумом. Колотит лапами по воде. А плавает просто отлично: «во всевозможных положениях. даже стоя. как это делают хорошие пловцы».

Забавы забавами. но и забот у медведя немало. Особенно у медведицы с медвежатами. Хорошо еще. пестуны помогают. что бы она без них делала? Медвежата. рожденные в этом году. прозываются муравейниками. прошлогодние — лончаками. Но тех лончаков. что медведица оставляет при себе и которые помогают ей смотреть. ухаживать за малютками муравейниками. именуют пестунами. Обычно она выбирает одного пестуна. И обычно этот пестун — самочка. Самцов очень редко медведица оставляет в пестунах. Гонит их осенью всех прочь от себя. Изредка маточка-пестун бывает даже двухлеткой. на третьем году. как говорят в Сибири. третьяком. Но бывает

Медвежья семья шествует обычно так: впереди медведица. за ней муравейники. а тыл замыкает пестун. «Обязанность пестунов — ухаживать за молодыми медвежатами. как нянька за детьми». И они ухаживают всегда с большой охотой. но иногда капризничают. Тогда медведица дает пестуну шлепок-другой. чтобы напомнить. для чего. собственно. он при ней оставлен. Однажды случилось так: переходила медвежья матка с малолетками и пестуном речку. Одного малыша. ухватив за загривок. перенес через быструю воду пестун. другого она сама. медведица. За третьим пестун на ту сторону реки не пошел. и мать дала ему пару увесистых шлепков. Тогда он. осознав вину. потопал за братишкой по камням через речку.

Медведица новорожденных детей. еще берложных. спасая свою личную жизнь. нередко бросает без защиты. но тех. которые постарше. охраняет. страха не зная. «грудью идет на все. что только произвело испуг». Муравейники и пестун обычно для большей безопасности лезут тогда на дерево и там сидят. верещa.

Причина испуга устранена. и медвежата слезают с дерева. воркотней себя подбадривая. Лезут задом вперед. но бывает — А. А. Черкасов это сам видел — и головой вниз! И взрослые. не очень грузные. медведи на такое иногда способны.

«Течка. или. выражаясь по-сибирски. гоньба. медведей бывает в самые летние жары. именно около Петрова дня (в июне — июле)... Обыкновенно за самкой ухаживает один самец. и беда. если явится другой поклонник: страшная. остервенелая драка между ними продолжается до тех пор, пока один не останется победителем. Во время побоища нередко шерсть летит клочьями. кровь льется, страшный рев оглушает окрестности... Сколько реву и шуму при медвежьей течке! Сколько они вытопчут мест и сомнут травы с цветами и кустами! Гоньба их обыкновенно происходит в местах глухих и скрытых. но по большей части около лесных ключей и горных речек. в прохладе. Дети тут не присутствуют. а ходят с пестуном. иначе они будут растерзаны медведем...

Многие здешние промышленники утверждают. что медведица гонится не каждый год. а будто бы через год, почему они таких медведиц и зовут яловыми. Не знаю. насколько это справедливо. передаю. что слышал» (А. А. Черкасов).

Слышал правильно: только. если дети погибли. медведица. может случиться. понесет новый плод в чреве в тот же год. И носит его семь месяцев. Рожает зимой в берлоге (в январе — феврале) одного-двух. реже четырех и даже шестерых медвежат. Крохотных совсем. с рукавичку. — полкилограмма в каждом. не больше. Они слепые (до месяца). шерсть на них редкая. растут. пока в берлоге. медленно. И дрожат. холодно им. Мать греет сосунков. укрыв лапами. и дышит на них. чтобы теплее было. Если медведица в этом году яловая. то берет с собой в берлогу детей. Каждый спит на своей постели.

А постель готовят из мха и надранной с деревьев коры. Перед тем как залечь на зиму. жиреют. Там. где растут кедры. объедаются косолапые их орехами. Наберут кедровых шишек побольше. прижимая лапой к груди. потом на ровном месте или камне катают их. мнут — орехи и высыпаются из шишек.

Некоторые медведи. где не очень холодно. ложатся зимовать прямо среди молодых елей. только согнут над собой их вершинки и спят в таком импровизированном шалаше. который снегом скоро занесет. прикроет. Но в Сибири роют яму для берлоги где-нибудь недалеко у воды. на болоте. под искарью. то есть корнем упавшего дерева. Иные яму накрывают хворостом. ветками. мхом. У такой берлоги. как говорят. есть «небо». «Челом» берложным называют дыру в берлоге — отдушину. Есть еще такое у медвежатников слово — «втулок»: естественным путем образовавшаяся затычка. пробка в том месте. которым оканчивается кишечник. Сибиряки говорят. что втулком медведь запирает в себе жар и тепло на всю зиму. Без втулка ему

«будто бы не перезимовать: замерзнет». Теория весьма остроумная, но дело, конечно, не в этом, а в простом естестве желудочно-кишечных процессов, надолго прекратившаяся деятельность которых завершается таким финалом.

И еще рассказывают, будто медведь зимой лапу сосет. Может, и сосут некоторые, как думают, оттого, что кожа на подошвах линяет и чешется. Но, говорит А. А. Черкасов, не слышал он от промышленников, чтобы добывали медведя на берлогах с обсосанными лапами, у всех они сухие, грязные еще с осени, в пыли и с присохшей землей.

Но вот что верно: хоть и чутко спит медведь в берлоге и слышит разные лесные звуки, даже и отдаленные, но того, что под боком у него творится, не замечает. Профессор А. Н. Формозов говорит: «Лесные полевки, собирая материал для своих гнезд, подбираются к спящему зверю и «выстригают» целые дорожки в его шерсти». Факт любопытный!

Прежде чем лечь в берлогу, путает медведь свои следы, как заяц: петляет по бурелому, моховым болотам, по воде, скачет вбок со следа и через валежины, одним следом туда-сюда не раз пройдется. Только тогда ляжет, успокоенный, что след хорошо запутал.

Если лето было малокормное, то некоторые, особенно худые, медведи и вовсе в берлоге не лежат, всю зиму бродят голодные. Такие шатуны опасны человеку и всякой скотине и зверю, даже медведю сонному. Был случай, рассказывает А. Н. Формозов, в Горьковской области: небольшая медведица-шатун раскопала берлогу медведя, который был здоровее ее, загрызла и съела его. Впрочем, и летом бывает, что медведь медведя заест.

Шатунам зимой туго приходится: и есть нечего, и охотники их бьют, и волки рвут.

Медведь — умнейший зверь. Числится с обезьяной, слоном, собакой и дельфином в первой пятерке самых способных к дрессировке животных. Кто из них способнее — решить трудно, потому что у каждого свои вековые инстинкты и привычное умение. Поэтому не всех можно одинаково обучить разным штукам. Если методы исследования их способностей — тесты — разные, то и результаты получают несравнимые: в одних опытах собака лучше всех решит поставленную задачу, в других — медведь, а в третьих, может, и дельфин. Стоит только посмотреть, что вытворяют медведи в цирках (а прежде у цыган), — не останется никакого сомнения в их редкой понятливости. И на велосипедах, и на мотоциклах они ездят, и на коньках в хоккей играют, способны обучиться и многим другим трюкам.

Чем восточнее живут медведи, тем крупнее они. В Старом Свете (Азии и Европе) самые большие медведи — камчатские. Но если последуем по путям древнего расселения медведей, через Берингов пролив в Америку, то найдем здесь, на Аляске и некоторых близких к ней островах, медведей еще более огромных. Это бурый медведь кодьяк и знаменитый гризли, которого считают сейчас лишь особой расой бурого медведя. Медведь кодьяк — чемпион-тяжеловес среди всех хищников на Земле (достойный его конкурент лишь белый медведь, который нередко бывает так же массивен и тяжел: до 700 килограммов!). Когда стоит этот зверь, опираясь на все четыре лапы, то в холке высота его 150 сантиметров (у европейского бурого медведя — в среднем метр).

Гризли, или серый медведь, почти так же велик, но окрашен светлее, однако лапы и брюхо у многих гризли Аляски темные. Еще недавно американские систематики разделяли серых медведей на много разных видов, теперь склонны всех их свести в один вид бурых медведей.

В Северной Америке есть черные медведи, или барибалы. Они мельче гризли и бурых (около 90 сантиметров в холке), и весят самые крупные около десяти пудов. Те, что живут на востоке Канады и США (у Великих озер и в Аппалачских горах), действительно черные, но на западе Канады и США (в Скалистых горах) среди них много бурых. Морда у тех и других всегда желто-бурая, а на груди небольшое белое пятно. Знаменитые медвежьи шапки британских гвардейцев шьют из шкур именно этих медведей, которых еще немало в Америке.

Давным-давно, еще во времена доисторические, несколько миллионов лет назад, из Северной Америки в Южную вместе с оленями, кошками, хомяками и свиньями переселились, когда образовался отсутствовавший прежде Панамский перешеек, и медведи. На новой родине их потомки изменились так, что получился новый вид — очковые медведи. Ростом они даже меньше барибалов (около 70 сантиметров в холке), черные, но вся морда, и в том числе широкие кольца вокруг глаз, как оправа очков, охватывающие черные пятна с глазами в середине, грязно-желтовато-белая. Очковый медведь очень редкое, пугливое животное. Кажется, еще никто из европейцев не видел его на воле. О жизни его в горах Северного Чили, Перу, Колумбии и Боливии почти ничего не известно. По-видимому, этот медведь более убежденный вегетарианец, чем все, о которых было рассказано. В зоопарках, куда очковые медведи попадали не раз и даже размножались здесь, мясо они едят менее охотно, чем другие медведи.

Еще два вида медведей живут в тропиках: губач (Южная Индия, Шри-Ланка) и малайский медведь (Ассам, Бирма, Малайя, Суматра и Калимантан).

Губач, или медведь-ленивец, ростом примерно с барибала, но более лохматый, шерсть длинная, черная, местами курчавая, даже уши ею обильно поросли. Вид у него нечесаный и неопрятный из-за этого. Желтовато-белым, большим, в форме полумесяца пятном на груди напоминает он черного гималайского медведя, но длинным и толстым, мясистым губастым рылом своим ни на кого не похож. Ноздри на широком его носу так устроены, что, когда надо, их плотно закрывают особые мускулы.

А «надо» часто: всякий раз, когда, разорив гнездо пчел или термитов, губач с сопением и шумом всасывает в свою пасть, как в пылесос, этих любимых им насекомых. Если бы ноздри в столь ответственный момент не были плотно закрыты, насекомые набились бы и в нос, что, конечно, если учесть их жалящие свойства, не очень-то приятно.

Это всасывание облегчено еще и тем, что центральных резцов в верхней челюсти у губастого медведя нет, так что получается сквозное отверстие для беспрепятственного прохода насекомых прямо в рот. Когти у губача очень длинные, серповидные. Ни один самый прочный термитник не устоит под их напором.

Немало разных фруктов и орехов, мелких зверьков уничтожают губачи в лесах Индии. Почти весь день спят они в ямах и пещерах. Ночью часто парами и целыми семействами бродят, сопят, пыхтят, копаясь в земле и термитниках. Движения их вялые, словно ленивые. Но лазают умело и, когда напуганы, удирают резво. Один или три медвежонка, пока малы, ездят у матери на спине, вцепившись в длинную шерсть.

Малайского медведя называют еще бруангом (иногда бируангом) и солнечным медведем за полулунной формы желтое пятно на груди, которое часто фигурирует в местных легендах как символ восходящего солнца. Бруанг — черный, только тупая, толстая и губастая морда желто-бурая. Из всех медведей он самый маленький: от носа до корня короткого хвоста около 120 сантиметров, а весит только три пуда. Но совсем не безобиден, взрослые медведи довольно свирепы. Я помню страшный случай: один такой медведь отгрыз руку в зоопарке мальчику, которого хорошо знал и к которому, казалось, вполне привык. Мальчик хотел через решетку погладить медведя.

По деревьям бруанг лазает лучше всех медведей. Здесь, высоко над землей, и проводит большую часть жизни в поисках ящериц, птичьих и пчелиных гнезд и фруктов.

Очковый, или южноамериканский медведь — зверь очень редкий. Обитает он в горных лесах, но нередко спускается в заросли кустарников и к подножиям гор. Ростом он с гималайского медведя

Некоторые малайские медведи, содержавшиеся в неволе, отличались поразительной для зверя сообразительностью. Один быстро научился, всунув коготь в замочную скважину, открывать буфет и воровать сахар. Второй, рассыпая около клетки рис из своей чашки, приманивал и ловил цыплят. Малайский медведь хотя и не ложится на зиму спать в берлогу, однако при каждом удобном

Медведя-губача эволюция наградила странной губастой и подвижной мордой, облегчив тем самым заботы о пропитании пасть его и губы отлично действуют как насос, когда, разрушив термитник, медведь втягивает в рот с громким шумом (который слышен почти за 200 метров) переполошившихся насекомых

случае с явным удовольствием и большим шумом сосет свою лапу.

Остался у нас еще один медведь — седьмой, если считать по видам, — белый полярный, или ошкуй.

Белый медведь — наиболее известный из сухопутных животных Арктики и в то же время наименее изученный — примерно так сказал о нем советский исследователь С. Успенский.

Прежде думали: белый медведь — неутомимый бродяга, кочует по дрейфующим льдам всей Арктики, нигде особенно долго не задерживаясь. Теперь замечено, что белые медведи более привязаны к определенным местам, к тем особенно, где есть открытая, свободная ото льда вода. Зимой это южные окраины арктических льдов. Летом белые медведи разбредаются шире, некоторые почти до Северного полюса (до 88-го градуса северной широты). Но еще много загадок в миграциях белых медведей.

Зоолог с Аляски Джек Лентер с 1966 года пометил более 200 белых медведей. Некоторых из них позднее обнаружили за тысячу километров, других же — почти на том же самом месте, где их наградили метками. С дрейфующими льдами, которые в небыстром, но постоянном круговороте гигантской каруселью крутятся вместе с водами Ледовитого океана по часовой стрелке — от Гренландии, скажем, к Канаде, Аляске и дальше к сибирским берегам, — путешествуют по Арктике и белые медведи.

Некоторые малайские медведи, содержавшиеся в неволе, отличались поразительной для зверя сообразительностью. Одни быстро научился, всунув коготь в замочную скважину, открывать буфет и воровать сахар. Второй, рассыпая около клетки рис из своей чашки, приманивал и ловил цыплят. Малайский медведь хотя и не ложится на зиму в берлогу, однако при каждом удобном случае с явным удовольствием и большим шумом сосет лапу

Как ни велик Ледовитый океан, площадь его, однако, не намного больше Европы, так что не очень-то и большой ареал отведен природой для обитания белых медведей. Острова в этом океане, местами прибрежья материков — истинная родина белых медведей: здесь осенью где-нибудь под занесенным снегом обрывом залегают в спячке беременные медведицы. Здесь родятся у них медвежата. Отсюда, следовательно, начинают белые медведи свои странствия по жизни и льдам. В некоторых районах Арктики все или почти все белые медведи зимой спят в снежных берлогах, но местами, например на острове Врангеля, — лишь беременные мед-

ведицы. Подсчитали примерно, что на этом острове ежегодно устраиваются зимовать 250 белых полярных «дам».

В снежных наносах на берегу роет белый медведь зимовальную свою яму. К ней ведет под снегом «нора» длиной два-три, а иногда и шесть метров. Прежде чем уляжется медведица, чтобы погрузиться в зимний сон, она сооружает снежный вал у входа в берлогу. Метель новые сугробы наметет на этот ее «ветровой заслон», укроет от стужи и от враждебных глаз. В любой мороз близкая к нулю температура сохраняется в берлоге!

В декабре — январе (иногда и в феврале) родятся у медведицы медвежата — один-два, очень редко три-четыре. Они беспомощные, глухие, слепые, крохотные. Трехдневные — длиной всего 30 сантиметров, а весят чуть больше полкилограмма. Чтобы не мерзли, мать держит их между лапами и дышит на них, согревая. Весной, примерно в марте, вся семья покидает зимний приют. Идут по снегу обычно гуськом: впереди мать, за ней ее дети. Пока им нет года, в воду она их не пускает. Избегает и на сушу заходить, все больше во льдах путешествует: там безопаснее для малых ее медвежат — людей и волков нет. Молоком кормит белая медведица своих детей почти год. Пройдут весна и лето, новая зима наступит — подросших уже медвежат медведица не бросает, вместе с ними ложится в берлогу. Двухлетние медвежата и без матери могут прожить. Разбредаются кто куда. Но бывает, еще год живут с ней.

Кто не видел белого медведя? В зоопарках он — обычный гость. Нет нужды описывать, каков он на вид. Напомним лишь, что у него только нос черный, сам медведь белый и зимой, и летом (а не как, скажем, песец или заяц-беляк — те лишь зимой белые). Подошвы лап у белого медведя густой шерстью поросли, а пальцы примерно на половину своей длины соединены плавательными перепонками. Плавают и ныряют белые медведи отлично. Две минуты могут пробыть под водой, но погружаются в нее редко глубже двух метров. Далеко в открытом море не раз видели белых медведей, даже медведиц с медвежатами. Плывут со скоростью четыре-пять километров в час, не беспокоясь, что ни земли, ни льдов нигде вблизи не видно.

Белый медведь и тюленей ловит не только на льду, украдкой к ним подползая. Обычный его прием, так сказать, атаки с моря такой: поблизости от лежбищ тюленей медведь осторожно, без плеска и шума, сползает в воду, плывет туда, где заметил тюленей, недалеко от них бесшумно ныряет и выныривает уже у самого лежбища, быстро карабкается на лед, отрезая тем самым тюленям путь к спасительной воде.

По отвесным ледяным стенам он лазает отлично, но может и прямо из воды выпрыгнуть на льдину, даже если высота ее над водой два метра.

Тюлени, в основном молодые, — главная охотничья добыча белого медведя весной. За год ловит и съедает он примерно 50 тюленей. Летом меню его более разнообразно. Ловит он рыбу на мелкой воде, на берегу — леммингов, песцов. Когда голоден, ест разную падаль, ягоды, водоросли, мхи, лишайник.

Белый медведь — самый могучий из сухопутных хищных зверей. Лев и тигр в сравнении с ним легковесы: средний вес медведиц 310 килограммов, самцов-ошкуев — 420 килограммов, но если медведь матерый и хорошо упитанный, много жиру накопил к зиме, то и тонну может весить!

Белые медведи, похоже, исчезают. Главная причина их гибели — небывалый по прежним масштабам приход людей с ружьями в пределы Арктики. По-прежнему убивают белых медведей. На арктических островах к северу от Америки лет десять назад ежегодно погибали под выстрелами около 600, на пространстве между Гренландией и Шпицбергеном еще 150—300 белых медведей.

У нас белых медведей охраняет закон: убивать их не разрешают. На состоявшейся в 1965 году Международной конференции на Аляске было принято решение запретить всюду охоту на медведиц с медвежатами, белого медведя объявили «животным интернационального значения». А годом позже, когда вышел первый том Красной книги, белый медведь в числе почти 300 других видов зверей был внесен в нее как животное, которому грозит опасность полного уничтожения.

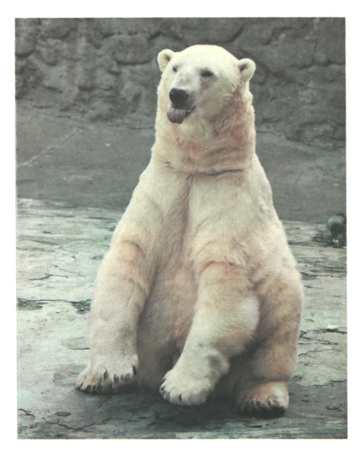
С 1972 года Международное соглашение между СССР и США, Канадой, Данией и Норвегией охраняет белого медведя.

По ориентировочным подсчетам, в мире живет еще 10—12 тысяч белых медведей. Из них пять — семь тысяч — в Советской Арктике.

«Содержится в зоопарках более 150 городов мира (свыше 450 особей), в СССР — более чем в 20 зоопарках и зоосадах. Хорошо переносит неволю и размножается, однако сохранение и выращивание приплода затруднены» (Красная книга СССР, 1984).

Большая панда, или бей-шунг, — по-китайски «белый медведь» — была открыта в 1869 году, а поймана впервые лишь через 68 лет. Одно время она считалась даже вымершей. Проходили годы, а

Средний вес белых медведей 300—400, а рекордный — 720 килограммов. Это самый тяжелый и сильный хищник на Земле

Большая панда — очень милое создание — одно время считалась медведем Дальнейшие исследования показали, что она огромный енот

охотники и натуралисты, направлявшиеся в Южный Китай на ее поиски, возвращались ни с чем.

В 1936 году американцы Ф. Смит и В. Харкнесс поклялись поймать неуловимого бей-шунга. Они снарядили большую экспедицию в Китай. Но В Харкнесс внезапно умер в Шанхае.

Предприятие расстроилось, и Ф. Смит вернулся в Америку.

Тогда вдова Харкнесса решает довести дело мужа до конца. Руфь Харкнесс проявляет удивительную твердость и выдержку. Многие месяцы провела она в диких джунглях, предпринимая отчаянные попытки выследить редкостного зверя. Жители провинции Сычуань, восхищенные мужеством женщины, помогли ей добыть юную самочку бей-шунга.

Первую панду, попавшую в плен к человеку, назвали Сулинь. Она недолго жила в неволе и умерла в марте 1938 года. Руфь Харкнесс вновь возвращается в джунгли. Теперь у нее больше опыта, и вскоре она привозит в Америку еще одну юную панду — Мей-Мей.

Почти сто лет ученые решают заданную природой головоломку, пытаясь установить происхождение большой панды. Обладая признаками медведей, енотов, кошек, куниц, она не принадлежит, по-видимому, ни к тем, ни к другим.

Исследовав первые четыре шкуры бей-шунгов, добытые в Китае еще в конце прошлого века, ученые решили было, что большая панда — это особая разновидность растительноядных медведей. Зверь получил название бамбукового медведя. Одно время бей-шунга считали даже древнейшим представителем медвежьего рода, чуть ли не предком современных медведей.

Но в 1936 году американский специалист по сравнительной анатомии животных профессор Вильям Грегори после тщательных исследований пришел к выводу, что большая панда — не медведь, а гигантский енот. Он нашел у него много анатомических признаков, свойственных американским енотам-полоскунам.

Зоологам будущего предстоит еще раз внимательно изучить все «анкетные данные» большой панды, чтобы решить наконец, кто она — медведь, енот или другое, совсем особое существо. Впрочем, в последнее время преобладает, кажется, мнение зоологов, что панда — «существо особое». Известный советский ученый профессор А. Г. Банников пишет: «Большую панду следует относить к особому семейству... промежуточному между медведями и енотами».

Слово «панда» происходит от местного названия этого зверя «ньяла-понча», что значит «пожиратель бамбука». Хотя панды по происхождению хищные животные, они вегетарианцы: едят в основном молодые ростки бамбука. Сначала непонятно было, как большая панда, на вид неуклюжий медведь, управляется с тонкими стеблями бамбука своими толстыми лапами. И управляется ловко: держит их в лапах и обкусывает. Для этого дела дан ей природой как бы шестой палец — одна кость запястья удлинилась и функционирует как большой палец на нашей руке, противостоящий всем другим. Поэтому панда может крепко держать в лапах самые тонкие стебли бамбука.

Местные охотники говорят, что большая панда умеет залезать на деревья, где и спасается от собак. В холодные месяцы года, особенно когда в той местности, где она живет, выпадает снег, панда надолго прячется в пещерах или вместительных дуплах. Но впадает ли она в зимнюю спячку, как медведь, неизвестно. Возможно, что небольшое время спит в анабиозе.

Пространство, обитаемое большой пандой, невелико: с севера на юг оно простирается, по-видимому, лишь на 300 километров. Это горные леса китайской провинции Сычуань. На склоны гор выше трех тысяч метров, где бамбуковые леса сменяют заросли рододендрона, панда, вероятно, не заходит.

Врагов у большой панды мало. Кроме человека лишь два: леопард и красные волки. Но они довольно редки в тех краях. Сколько уцелело в Сычуане больших панд? Никто не вел такого учета.

До сего времени лишь около двадцати живых больших панд привезли из Китая в разные зоопарки мира.

Ростом взрослая большая панда довольно внушительна: длина до 1,8 метра, а вес до 150 килограммов.

«Убежище панда находит в пещерах или дуплах, в особенности зимой, когда все покрыто снегом, но она не впадает в спячку, как медведи, хотя не исключено, что на короткое время, особенно в холодные зимы, она все же засыпает» (Д. Фишер, Н. Саймон, Д. Винсент).

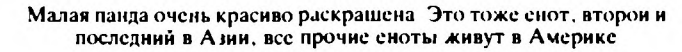
МАЛАЯ ПАНДА И ЕЕ РОДСТВЕННИКИ В АМЕРИКЕ

Малая панда живет в лесах на восточных склонах Гималаев и ближайших гор Западного Китая. Зверек небольшой, с хвостом длиной около метра, шерсть густо-пушистая, оттого кажется малая панда крупнее истинных своих размеров. Наряд у нее очень даже красочный. Днем спит в дупле или в развилке дерева, в сумерках пробуждается, прохаживаясь вперевалочку, ищет желуди, коренья, лишайники и главное — сочные и молодые побеги бамбука. При каждой, даже мимолетной, тревоге спасается на деревьях. А если пути к отступлению отрезаны, защищается отчаянно, отбиваясь лапами с острыми полувтяжными когтями. Методы обороны похожи на медвежьи, но когти скорее кошачьи. Живут малые панды часто парами или семействами, стаями — никогда. Крик их — громкое, какое-то птичье верещание.

Кроме двух панд, иных енотов в Старом Свете нет. Но в Америке их 16 видов. Еноты стопоходящи, как медведи, некоторые полустопоходящи, когти у них полувтяжные или невтяжные. Чем-то напоминают они некрупных медведей, но чем-то и куниц, хотя в общем это звери особого семейства.

Самый известный из енотов (особенно тем, кто часто заходит в магазины, торгующие шубами) — полоскун, или вашбер, как называют его меховщики и немцы. Полоскуном же прозвали за странную повадку — «мыть» в воде, когда она есть поблизости, всякую свою пищу и разные несъедобные предметы. Полощет, трет, опускает, снова ловит передними лапами все, что хочет съесть, так тщательно и долго, что случайной блажью это не назовешь. Но какой в том биологический смысл — непонятно. Некоторые еноты в неволе даже детенышей своих новорожденных моют, и так бессмысленно-усердно, что те, случалось, умирали после «стирки».

Малая панда очень красиво раскрашена. Это тоже енот, второй и последний в Азии, все прочие еноты живут в Америке

У енота-полоскуна, в пушной торговле именуемого также вышбером, очень странная повадка — мыть и полоскать в воде пищу перед едой

А это енот-крабоед

Родина этого енота — США, южные провинции Канады, Мексики и Центральная Америка (к югу до Панамы). Ростом он с лисицу, буро-серый, на морде «маска» — черные полосы. Хвост с четырьмя — шестью темными кольцами. Когти невтяжные.

Именно на полоскуна похожа наша енотовидная собака, а сам он повадками напоминает соседа своего — опоссума: так же всеяден, так же нередко таскает кур, так же ловко прыгает и лазает по деревьям. Иной раз даже, как ленивец, ползет спиной вниз по тонкому суку, лапами его перебирая. Неплохо и «в опоссума играет», притворяясь мертвым, когда пути к бегству отрезаны. И так же, как опоссум или, скажем, медведь, спит зимой в дуплах там, где зимы холодные. Веселый, живой, игривый, любопытный и незлобный зверь. Ночами деятелен, днем спит на дереве, реже — в барсучьих норах. Плавает хорошо, и в отлив далеко путешествуют еноты за отступившим морем — ловят крабов и рыб в небольших лагунах и впадинах, наполненных водой.

Детенышей — от двух до восьми. У нас родятся они в апреле — начале мая. Наши зоологи довольно удачно акклиматизировали американских енотов во многих местах страны: в Гомельской области, в Краснодарском и Ставропольском краях, Дагестане, Азербайджане, Узбекистане, Киргизии и Приморском крае. Впрочем, «в последнем районе, —

Какемисел или «кошачья белка».— самый миниатюрный из енотов. У калифорнийского какемисела, который обитает в западных штатах США и на севере Мексики, подошвы лап поросли шерстью, а когти полувтяжные и хвост короче, чем у гололапого, лишенного втяжных когтей центральноамериканского какемисела, или гуаяноче

Коати, или носуха, — тоже енот

пишет Г. А. Новиков, — акклиматизация протекает неудовлетворительно».

Кроме того, акклиматизировались еноты, сбежавшие из звероводческих ферм, в ФРГ: в Гессене, Вестфалии и Нижней Саксонии. На площади в 50 тысяч квадратных километров живут здесь на воле около тысячи енотов. И еще примерно полтысячи — к востоку от Берлина. Американцы завезли енотов на Аляску и Багамские острова. На этих и некоторых других островах (Гваделупа, Барбадос, Лас-Трес-Марияс) обитают, как считают американские специалисты, пять близких к полоскуну, но особых видов енотов. По-видимому, все-таки это лишь разновидности: подвиды или расы полоскунов. Только южноамериканский енот-крабоед хотя и принадлежит к роду полоскунов и повадки у него такие же, но вид это особый. Если снять с полоскуна (и с хвоста тоже) пушистую шубу и одеть его в мех негустой и короткий, то получим зверя, похожего на крабоеда. Потому и шкуры крабоедов меховщиками не ценятся, и нет их среди миллиона тех енотовых шкурок, которые каждый год в одних лишь США продают на рынках пушнины.

В Северной Америке еноты-крабоеды не водятся, но живет тут, в южных штатах, еще один очень симпатичный зверек той же породы — какемисел, «кошачья белка», или енот-крошка. Росточком он чуть больше белки: пушистый хвост длиной сантиметров 37, все остальное — примерно столько же. Желтовато-серый, ушки большие, а хвост сплошь, от корня и до конца, в черно-белых кольцах. Очень эффектный хвост. Зверек лесной, лазает по деревьям не хуже белок, но живет и в каменистых пустынях, в кустарниках и на холмах. Пуглив, осторожен и только ночами промышляет добычу; поэтому даже там, где «кошачьих белок» немало, люди редко их видят. Более крупный серый какемисел обитает в Центральной Америке.

Кроме полоскунов, крабоедов и какемиселов в семействе енотов числятся еще три вида носух, или коати, кинкажу и три вида олинго (живут — кто в Южной, кто в Центральной Америке, а один вид носух — лишь на острове Косумель, к востоку от Юкатана).

Коати — отважные, игривые и очень деятельные звери. Весь день у них проходит в заботах о пропитании. Небольшими группами, в которых около дюжины самок и детенышей, высоко задрав хвосты, копают они землю длинными мордами с очень подвижными носами. Унюхают в старом пне червя или личинку, сопят, урчат, когтями скребут. Весь лес прочесывают тщательно — одни внизу по

земле, другие вверху на деревьях. И все им годится в пищу: ящерицы, птицы, насекомые, моллюски, коренья, разные плоды. Лишь заметят что-нибудь подозрительное, сейчас же громко свистят — и вмиг вся стая уже на деревьях. Сверху безопаснее выяснять причины тревоги. Ночью спят тоже на деревьях, растянувшись на толстых суках. Все другие еноты, наоборот, бродят ночами.

Плавают хорошо и любят воду. Между пальцами у носух небольшие перепонки. В повадке у них, как и у енота, полоскать в воде и лапы, и разные предметы, и даже свой хвост! (Рассказывают про ручных коати, что курильщиков они не выносят. Как хозяин закурит, так норовит сигарету у него вырвать и выбросить!)

Взрослые самцы живут в одиночестве — их зовут «коатимунди». Лишь когда пора размножаться, приходят они к компании малолеток и самок — каждый к своей. И если заявится сюда другой коатимунди, драки бывают жестокие.

За неделю перед тем, как должны появиться на свет четыре или пять детенышей, уходит носуха из стаи, строит гнездо на дереве и там рожает. Пять недель в этом гнезде кормит сосунков, а потом ведет их к покинутым на время товарищам.

Кинкажу — зверек небольшой, серо-рыжий, с длинным цепким хвостом. Хвост — самая его примечательная черта. Лишь еще у бинтуронга — южноазиатского зверя из семейства виверр — такой же способный прочно хватать ветки хвост. Больше ни у кого из хищных.

Примечательный у кинкажу и язык, длинный и тонкий. В любую щель тот язык может втиснуться и добыть меда столько, сколько зверек захочет. Мед, фрукты — его лакомство. Но и птичьи гнезда разоряет цепкохвостый енот и при случае ест разных мелких зверьков. Кинкажу добродушен и игрив. К человеку привыкает быстро, в индейских деревнях нередко живут ручные кинкажу. Второе имя этого зверька — потто. Так же, потто, называют в Африке одного лемура, который — странное дело! — немного похож на кинкажу, хотя совсем не родич его.

Олинго, особенно олинго Аллена, похож на кинкажу, и нередко оба они мирно живут на одном и том же дереве. Индейцы и того и другого считают одним зверем. Но олинго — животное иное, и зубы у него иначе устроены, мордочка подлиннее, и хвост нецепкий; ухватившись им, словно пятой лапой, за ветку, олинго не может висеть, как кинкажу.

Вот и все еноты, других нет на Земле.

Кинкажу и еще южноазиатский бинтуронг из семейства виверровых — единственные хищные звери, наделенные хвостами, способными хвататься за ветки

Олинго похож на кинкажу, и нередко оба мирно живут на одном и том же дереве. Но олинго животное иное главное его внешнее отличие от кинкажу — нецепкий хвост. Ухватившись им за сук, словно пятой лапой, олинго не может висеть, как кинкажу

КУНЬЕ ПЛЕМЯ НАШЕЙ СТРАНЫ

В семействе куньих звери небольшие, но очень ловкие и хищные. Живут на всех континентах, кроме, конечно, Антарктиды и Австралии. Приспособились ко всем ландшафтам и хотя появились на Земле, кажется, раньше всех современных хищников, однако вымирать, как видно, не собираются. От Заполярья до тропиков населяют куньи планету. Как еноты, они стопоходящи, иные полустопоходящи. Когти у всех невтяжные, так сказать, собачьего, не кошачьего образца. У некоторых под хвостом железы с запахом очень неприятным. Это своего рода химическая защита, их «продукция» используется и для пахучих знаков на границах охотничьих участков.

В нашей стране 18 видов из семейства куньих: всем известный соболь, куница, колонок, норка, горностай, хорь, ласка, выдра, барсук, росомаха и другие.

Соболя с куницей легко спутать. Но мех у соболя гуще, шелковистее. Хвост вполовину короче тела. Голова седоватая, светлее, чем хребет. А светлого пятна на горле либо совсем нет, либо оно неясное и невелико. У куницы и хвост длиннее, и голова обычно такого же тона, что и хребет, и пятно на горле всегда четкое. У лесной, или мягкой, куницы оно желтое, кремовое или даже оранжевое. Вниз через грудь на брюхо удлинено клином. У горской, или каменной, куницы, которая живет на юге страны, пятно на груди белое и вытянуто не клином к брюху, а двумя полосами к предплечьям передних лап.

«Редкий зверовщик вернется с белковья с соболем, а другой, прожив на белковье два-три месяца, не увидит и следа соболя» (А. А. Черкасов).

Теряли мы соболя безвозвратно. Почти всюду его еще перед революцией истребили. Мех у него очень дорогой: с каланом и шиншиллой делит соболь место среди самых ценных пушных зверей. Одной из первых забот Советской власти было спасение соболя. До 1957 года расселили наши зоологи по таежным лесам шестнадцати областей, краев и республик двенадцать с половиной тысяч соболей. Больше всего труда, умения и энтузиазма отдал этому делу В. Тимофеев. «Теперь в Советском Союзе соболя стало не меньше, а может быть, больше, чем сто лет тому назад» (профессор В. Н. Скалон). Больше того, наши зоологи под руководством профессора П. А. Мантейфеля научились разводить соболей в неволе, а дело это считалось почти безнадежным.

Соболь

Прежде жил соболь от самых западных наших границ Белоруссии и Прибалтики до самых восточных. Сейчас западнее правобережья Печоры его нет. Лишь восточнее соболиные места таежные леса до самой Камчатки, Приморья и Курильских островов (Кунашир и Итуруп) На юге — Алтай, Кузнецкий Алатау, Саяны, Монголия, Северо-Восточный Китай, Корейский полуостров.

Темнохвойные, захламленные буреломом, низинные и горные таежные крепи любит соболь. Нор не роет, живет в дуплах, которые от земли невысоко (куница повыше селится). Подлесок, бурелом, коряги, вывороты ему всего милее. Вéрхом ходит с дерева на дерево реже, чем куница, больше низом (по земле). Охотится днем и ночью. Куница — ночной зверь. Зимой не спит, как барсук, рыщет по снегу, но от гнезда (где-нибудь под корягой или в невысоком дупле) далеко не уходит, обычно лишь километра на два-три. У соболя охот-

ничья территория 25, 700, а то и 3000 гектаров. Он ее метит пахучими железами (на брюхе и под хвостом) и пометом, который оставляет на видных местах — муравейниках, пнях и деревьях, брошенных ветром через речки и тропы. Если другой сюда явится, дерутся хозяин с пришельцем отчаянно.

Когда сильные метели или морозы, соболь вял. День за днем уходит, а зверь сидит в гнезде. И если выйдет, норовит бежать по валежинам, ветровальным деревьям — по всему, что хоть на полметра от земли. Заметили: теплее тут ему бегать. Бывает, в сугроб нырнет и под снегом рыщет. Так и от собак спасается — в сугроб, потом вбок, пробежит изрядно, выскочит наверх — и опять в сугроб, пока не найдет надежного укрытия под корнями, в валежнике, в каменных плитах .

Полевок лесных (и землероек) умело находит соболь под снегом, там же их обычно и ест. За белками охотится не так ловко, как куница. Тут у него больше неудач, чем удач. Нападает на зайцев, глухарей, тетеревов, рябчиков, даже на зверей куньей породы — колонков и горностаев. Горностай спасается от соболя в сугробе, а тот его «вытаптывает», в оклад берет. Кругом того места, где горностай нырнул под снег, сам ныряет, прыгает, снег утаптывает, пока не поймает соседа. Но не всегда ему это удается.

К тетеревам и глухарям, спасающимся от стужи под снегом, когда их почует, подходит осторожно, тихо «переступая с ноги на ногу» (но не ползком). Потом за метр-полтора прыгает на птицу. Но глухарь силен, и, бывает, не метр и не два, а десять, а то и версты, как уверяли А. А. Черкасова сибирские охотники, летит с вцепившимся в него соболем. Тут уж кто кого. Но чаще все-таки «с позором для соболя кончается этот полет».

Ест соболь и ягоды — бруснику, землянику, рябину — и кедровые орехи. Зимой разоряет кладовые бурундуков и белок. Сам запасов обычно не готовит.

Побежка у соболя прыжками, галопом. Охотники говорят: «соболь ходит чисто, нигде не заденет ногами, не черкнет». Скачет круто, поволок и выволок на снегу мало. По рыхлому сугробу его след — «двухчетка»: задние лапы ставит точно в отпечатки передних. Весной, по насту, бегает резвее, задние ноги выкидывает, как заяц, впереди передних. И тогда «трехчеткой» и «четырехчеткой» называют его след.

Гон, свадьбы соболиные, летом: в июне — июле. Но странное дело — слишком долго беременны соболиные матки: 253—297 дней! Только следующей весной, в апреле — мае, приносят трех-четырех (иногда до семи) соболят. Получается так потому, что оплодотворенные яйцеклетки месяцев семь — девять не развиваются, а потом вдруг, за месяц-полтора, быстро нагоняя упущенное время, эмбрионы растут и как раз к весне созревают. Соболь-самец тут соболюшке помогает, приносит детям всякую добычу. Но семьей живут недолго: в июле подросшие соболята уже уходят от родителей.

Лесная куница

На Печоре и в Зауралье, там, где соболь встречается с куницей, бывают между ними помеси. Называют их кидасами или кидусами. Внешне похожи они то на куниц, то на соболей, но хвост у всех скорее куний — длинный и пышно опушенный. Повадки у кидусов тоже, так сказать, усредненные, но больше в них, кажется, соболиного.

Куница лесная похожа на соболя. В Европе, где соболя нет, она занимает его, что называется, «экологическую нишу». Только зверь это больше ночной, больше любит, особенно осенью и в начале

зимы, ходить вéрхом, с дерева на дерево — «грядой». И низом и верхом пробегает куница больше, чем соболь: шесть — десять, а то и 17 километров за сутки. Особенно если зима кормом бедная. Редкую ель пропустит, не обследовав, спит на ней белка или нет. Белок куницы хватают нередко прямо в гнездах.

И тут же, в их гнездах, часто и спят (днем). Дупла, которые повыше от земли, гнезда аистов и сорок — временные убежища куниц. Постоянные нужны только самкам с детенышами. А бездетные бродят по лесу. Охотничьи участки у них большие: 500—700, а у самцов и тысяча гектаров — за одну ночь такие обширные угодья не обойдешь. Вот и спят где придется и где застанет рассвет. В своих владениях куница хорошо знает все пригодные для отдыха и укрытия места — дупла, бурелом, валежины и вывороты.

Разных ягод и плодов куница ест немало — чернику, морошку, рябину, даже вишни, сливы, груши. Много непереваренных семян разносят куницы по лесам и как бы засевают их этими ягодами. На Кавказе, говорит профессор А. Н Формозов, куница «способствует расселению очень ценной древесной породы — тиса». До двухсот тисовых семян находили в желудках куниц. Едят и мед диких пчел, личинок шмелей, ос, жуков. А если сильная куница поймает зайца, то разгрызет его на куски и все их спрячет на деревьях.

Следы куницы похожи на соболиные, только на ходу она чуть разворачивает лапы, так что пятки у следа немного сближены.

Гон, как у соболя, летом. Детеныши (три-четыре, иногда восемь) родятся в марте — мае, реже в июле. До осени живут все вместе.

Лесная куница обитает во всей Западной Европе, от Северной Испании, Южной Италии, Сардинии и Балеарских островов до Британии и Скандинавии. Во всей европейской части СССР, за исключением Крыма и некоторых мест Украины, в Западной Сибири — приблизительно до правобережья Оби, на юге — до Северного Казахстана. Ареал куницы-белодушки (или каменной, горской) — Европа, Передняя, Средняя и Центральная Азия, у нас — Украина, Крым и Кавказ. Встречается и в Белоруссии, Прибалтике, в Ивановской, Рязанской, на юге Московской, в Курской, Орловской областях. Восточнее Алтая ее нет.

Каменная куница живет в высокоствольных лесах, но часто и там, где никакого леса нет: в оврагах, каменистых балках, на склонах гор, в старых каменоломнях, иногда в городских парках. Профессор А. Н. Формозов видел, как ночами приходила

Куница-белодушка (или каменная, горская)

белодушка в сад санатория в Кисловодске, забиралась на скамью, со скамьи прыгала на рябину и с упоением ела замерзшие ягоды. Нередко, говорит он, эти куницы поедают сушеные фрукты, развешанные связками на чердаках домов.

Белодушка ходит низом больше и охотнее, чем лесная куница. Подобно соболю, она охотится и днем и ночью.

Гон у белодушек в июле, беременность — 236—274 дня. Детенышей в помете — от одного до восьми, обычно — три-четыре.

Живет в нашей стране еще одна очень красивая и большая куница — харза (Сихотэ-Алинь, Приамурье, вся Южная Азия). Ростом она больше соболя и всех куниц: длина (с хвостом) самцов харзы — метр и больше, а вес — три, иногда шесть килограммов. Окраска пестрая. Спина спереди — буровато-желтая, к крестцу постепенно темнее (до темно-бурой). Такие же черно-бурые у харзы и

Харза — самая большая и красивая куница У нас обитает на Дальнем Востоке

ноги, непушистый хвост, верх головы и шеи. Но брюхо и грудь желтые.

Харза — зверь отважный, не по росту сильный. Про нее пишут так: «Является одним из наиболее вредных зверей дальневосточных лесов». Этот суровый приговор вынесен на том основании, что харзы охотятся главным образом на кабаргу, нападают и убивают диких поросят, телят лосей, изюбрей, косуль и пятнистых оленей, зайцев, белок, разных птиц и даже... соболей! Впрочем, едят и моллюсков, насекомых, кедровые орехи и ягоды.

Темнохвойные леса по склонам гор дают приют этому интересному зверю. Широколиственные — дубы, клены — растут ниже, и в них харзы спускаются в многоснежные зимы. Харза быстро бегает низом и вéрхом и за сутки проходит 10—20 километров. Охотится ночью, но нередко и днем. В июне — июле самцы харзы дерутся из-за самок, а в мае на следующий год самки приносят в дуплах двух-трех детенышей.

Зверьки куньего семейства из рода мустела поменьше куниц. Хорьки, ласки, горностаи, колонки и норки. Среди них ласка — самый маленький на Земле хищник. Ареал ее — Европа, Северная Африка, Северная и Центральная Азия. В Северной Америке (Канада и северо-восток США) обитает близкий, а возможно, и тот же самый вид.

Ласка, как и горностай, зимой белая (ласки, которые живут на юге, на зиму не белеют). Но ласка меньше горностая (длина с хвостом — 17—32 сантиметра). Кроме того, весь недлинный хвостик ласки зимой белый, а у горностаев — хвост почти до половины и зимой и летом темно-бурый либо черный, и сам хвост длиннее. (Летом горностай двухцветный — спина и бока бурые, живот белый или желтоватый.)

Мыши и полевки — обычная добыча ласки Промышляет она их и в лесах, и в тундрах, в полях и лугах, нередко в деревнях и даже городах. Плавает хорошо, но по деревьям почти не лазает Забирается иногда, но невысоко.

«Она не пакостлива и, когда мышей много, никогда не тронет съестных припасов... И там, где поселилась ласка, наверняка уж не будет мышей, потому что она их преследует с особым ожесточением и по тонкости своего тела пролезает в самые узкие и тонкие их норки... Отважна до невероятности, смелость в ее нападениях доходит до дерзости. Она душит даже зайца... Сибиряки говорят, «что эта гнусина (ласка), поймавшись за шею тетери, так крепко прилипает, что ни за что не оторвется, и так проворна, что на взъеме душит косачей и, перекусив им глотки, падает с ними наземь и никогда сама не убьется» (А. А. Черкасов).

Гнезда ласок — в норах мышей, кроликов, под корнями и среди камней; от трех до двадцати детенышей приносит с мая по январь. Гон, по-видимому, в апреле — мае. Какова беременность — непонятно: по одним данным — 35 дней, по другим — 54 и даже 112. Есть ли у нее латентная стадия, как у соболя, пока неясно.

Загадочны отношения ласки с... лошадьми Всюду в России среди русских крестьян бытовало поверье, будто домовой «играет» по ночам с лошадьми. Сплетает их гривы в космы и колтуны, щекочет, а то и совсем до белого пота заездит коня Случалось, войдет утром хозяин в конюшню, а лошадь вся в мыле, перепуганная, словно сам черт ее объезжал! А грива запутана так, что и не расчешешь...

Профессор П. А. Мантейфель, известный наш зоолог, однажды застал этого «домового» верхом на лошади, в перепутанной ее гриве. То была, утверждает он, ласка.

Охотясь в конюшне за мышами, возможно, при-

страстились некоторые ласки залезать на лошадей и, прокусив кожу, слизывать капельки лошадиной крови. Ласки, задушив кролика, тетерева, голубя, обычно мясо не едят, а только лижут кровь. Некоторые лошади, почуяв ласку, приходят в такое возбуждение, такая дрожь их начинает трясти, что просто странно все это видеть. У меня жила ласка. И когда я приходил, только что оставив ее, к лошади, один запах ласки приводил ее в ужас. Она шарахалась от меня, задирала голову, закатывала глаза, как это делают лошади, когда ждут удара, и дрожала.

Когда я вспоминаю об этом, то думаю, что ласка — вполне возможный «домовой», которого людская молва обвинила в глумлении над конем. (Хотя известно мне, что есть люди, которые верят в то, что некий «неандерталец», именуемый «снежным человеком», еще живет (или жил недавно) кое-где в глухих лесах и горах: он будто бы и объезжает ночами коней, а совсем не ласка.)

«Путь ласки на охоте очень неровен, зверек часто отклоняется в стороны, продвигаясь вперед короткими (5—10 метров) волнообразными зигзагами. Горностай, так же как и ласка, бегает «челноком», но для его поворотов характерны острые углы, очень редкие у ласки... Охотясь, зверьки то и дело исчезают в кучах колодника, корнях или залезают в кроны елей. В лесу ласка обычно не минует ни одного встречного дерева, обязательно забегая под его крону» (профессор А. А. Насимович).

Если полевок и леммингов много, ласки долго живут оседло — на десятке гектаров. За одну охоту ласка проходит до полутора-двух километров.

У горностая охотничий участок 50—100 гектаров, а суточный поиск — три, иногда восемь километров.

Горностай — это тот зверек, мех которого носили как знак верховной власти короли, цари и владетельные князья.

Ареал: вся Европа, на юге до Пиренеев и Альп, Северная Азия и Северная Америка (Канада и север США). В Северной Америке живет близкий вид — черноногий горностай. Там же и южнее, до северной части Южной Америки, длиннохвостый горностай. Близкие к горностаю виды обитают также в Северной Африке, в Передней и Южной Азии.

Леса, лесотундры и лесостепи, особенно берега рек, озер, лесосеки, опушки, колки — места, любимые горностаями. А добыча — грызуны, лягушки, ящерицы, змеи, рыба, птицы, насекомые, падаль, черника, брусника, можжевеловые ягоды. Когда всего этого много, запасает горностай излишки пропитания, чтобы не голодать в бескормное время. Как и ласка, ловок он и отважен: нападает и на зайцев, тетеревов и будто бы даже на глухарей.

Угрожая, горностай так широко раскрывает пасть, «что нижняя челюсть становится под прямым углом к верхней, и в этом случае голова его походит на змеиную». Когда возбужден, резко и громко стрекочет. Он «может чирикать и шипеть, как змея, и даже лаять».

Охотятся горностаи в одиночку, преимущественно ночью, но поиграть собираются небольшими компаниями. Лазают хорошо и плавают отлично. Горностаиха, перенося детенышей в более безопасное место, переплывает с ними порой «порядочные реки».

Детей (8—9, но иногда и 18) самец и самка воспитывают вместе. Беременность 9—10 месяцев, поскольку у горностаев, как и у соболей, «в развитии оплодотворенного яйца наблюдается латентная стадия». Возможно, некоторые молодые горностаи уже на первом году жизни взрослеют настолько, что родят детенышей.

Колонок во многом похож на горностая, но на зиму он не белеет. Только подбородок и губы у колонка белые и отчетливо заметны. Иногда и на груди белое пятно. Беременность у самки короткая — около месяца, самец выкармливать детей не помогает. Иногда далеко путешествуют, если белки или водяные крысы (точнее, полевки) уходят с тех мест, где кормились ими колонки.

Обитают колонки в Азии: в Северной Индии, Японии и на Яве, к западу до Урала. Но в последнее время переселяется колонок и за Урал: встречается теперь в Коми АССР, Горьковской, Кировской, Куйбышевской областях и в Татарской АССР. Расселяется и на юг — довольно обычен в степной и лесостепной зонах Казахстана. Выпущен и прижился в Киргизии.

Солонгой похож на колонка, но меньше его, и мех у солонгоя покороче и светлее (зимой на хребте серовато-буро-желтый, у колонка — ярко-рыжий). Обитает он в горах, а местами и на равнинах в Средней Азии, Северной Индии, Забайкалье, Монголии, на Среднем Амуре, в Уссурийском крае и на Корейском полуострове.

Хорь. Два у нас хоря: черный (или лесной) и светлый (или степной). У первого хвост весь черный, и брюхо буроватое с черными пятнами на груди и в паху, соединенными узкой темной полоской. Подшерсток на боках и спине беловатый, сероватый или желтый и прикрыт черно-бурыми

на концах остевыми волосами. Светлый подшерсток просвечивает сквозь темный ворс, особенно если подуть на него, оттого мех хоря, очень красиво переливаясь разными тонами, играет, как бы «опалесцирует» желтизной.

У степного хоря лишь половина хвоста (концевая) черная, другая (корневая) — светлая, желтоватая. И спина светлая (не черно-бурая, как у лесного), так как редкая бурая ость плохо прикрывает светлый пух. Нет и срединной темной полоски на брюхе, соединяющей темные пятна на груди и в паху.

Ареал лесного хоря — почти вся Европа, кроме Ирландии, Шотландии, Балкан и Скандинавии. На восток — до Урала, на юг — до Нижней Волги, правобережья Дона и Азовского моря. Местами сохранился он еще в Северной Африке и кое-где в Передней Азии. Акклиматизирован в Новой Зеландии и Австралии. Ареал светлого хоря — Юго-Восточная Европа, Украина, Крым, предгорья Кавказа. Северная граница в Европе — Ока, Татарская АССР, Горьковская, Пермская области. За Уралом — вся Южная Сибирь (на восток до реки Буреи), а также Казахстан, Средняя Азия, Северный Китай и Монголия.

Темный хорь предпочитает опушки, вырубки, овраги, захламленные и заросшие кустарником, хотя зверь лесной. Светлый хорь селится больше в степях, лугах, полупустынях. В остальном образом жизни они похожи. Оба, уничтожая массу вредных грызунов, приносят большую пользу. Впрочем, бывает и вред от хоря: когда заберется он в курятник и подушит немало птиц, больше, чем может съесть.

Гон у хорей ранней весной, беременность — 40 дней. Детенышей — от двух до двенадцати (у степного — даже до восемнадцати!).

От африканского хоря вывели люди (две тысячи лет назад!) домашнего хорька, или фрета. Он белый с красными глазами — альбинос. (Впрочем, бывают и грязно-белые и черно-бурые, почти как дикие хорьки.) С ним охотятся на кроликов: пускают в норы, надев намордник и бубенчик на шею. Намордник затем, чтобы хорь не загрыз и не съел кролика в норе, а лишь выгнал его в натянутую у выхода сеть. А бубенчик — чтобы знать, где под землей, в какую сторону хорь пробирается.

Норка из того же рода, что хори и горностаи. Теперь в нашей стране два вида норок — европейская и американская. Последняя крупнее, и у нее только нижняя губа белая, у европейской также и верхняя. Мех американской норки ценнее; у нас ее успешно акклиматизировали во многих местах: в Башкирской, Татарской АССР, на Алтае, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, выпустив на волю больше 12 тысяч импортированных норок.

Европейская норка распространена в Европе, Западной Сибири на восток до Иртыша, на Кавказе (местами). Американская, или минк, — в Канаде и США. На Яве водится местная норка.

У норок лапы с перепонками. Образом жизни и немного видом напоминают норки выдр: селятся у воды, плавают и ныряют отлично. Ловят рыб, лягушек, раков, моллюсков, насекомых, грызунов, уток, иногда даже гусей, американские норки — порой и зайцев. Едят ягоды. Там, где встречаются американские и европейские норки, бывают между ними помеси (так же, как и с хорями). Но отношения их в общем-то не мирные: американские вытесняют и даже истребляют европейских норок

Вопреки названию своему норы роют неохотно: чаще всего их гнезда в дуплах над корнями старых ив, в упавших деревьях, иногда в кочке, из-под которой изгнана водяная крыса (а нора ее расширена).

«Из гнездовой камеры обычно ведут один-два выхода-входа. Близ одного из них уже за порогом жилья расположена уборная. Привычка к чистоплотности у норки прирожденная... Пол выстлан сухой травой, листьями, мхом, хвоей... Свою постель зверек часто взбивает. Делает он это мастерски, лапами и зубами одновременно, потом ложится и сворачивается клубком» (В. В. Дежкин и С. В. Мараков).

Гон у норок ранней весной, беременность — около сорока дней (у американских — 36—76 дней, так как у нее бывает небольшой латентный период). Детенышей от двух до семи (у американской — до двенадцати).

Хорошо акклиматизировалась американская норка (минк) в Исландии и Скандинавии. Шведский охотничий союз получил даже от правительства субсидию в 25 тысяч крон, чтобы истребить норку там, где она стала вредной для домашней и дикой птицы. За один лишь охотничий сезон 1959/60 года поймали здесь 18 тысяч американских норок. Пытались акклиматизировать минка и в Чили, но, кажется, неудачно.

Генетики вывели на зверофермах норок самых разных окрасок: сапфировых, жемчужных, топазовых, серебристых, белых, стальных и прочих — больше двух десятков цветовых форм. Цена шкур-

Перевязка — один из самых красивых зверей в семействе куньих Но зверь редкий занесенный в Красную книгу

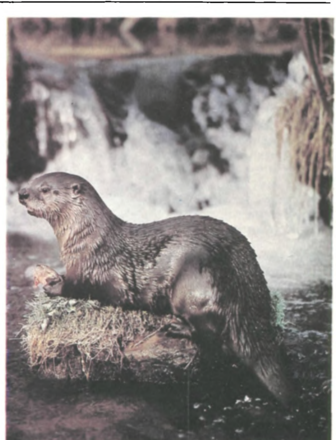
ки новой модной расцветки на мировых аукционах иногда 400 долларов. Столько же примерно стоит и шкурка калана, которая очень ноская и намного крупнее, чем у норки.

Перевязка — зверек особенный. Повадками напоминает он и степного хоря, и американского скунса. Образ жизни в общем хорьковый, а манера обороняться — скунсовая: вздыбленный над спиной пушистый хвост — как знак первого предупреждения. Если оно не принято во внимание, летят из-под хвоста брызги дурно пахнущей жидкости. Предупреждая и злясь, перевязка не стрекочет, как хорьки и многие мелкие куньи, а рычит. И масть у перевязки пестрая, вроде как у скунса или африканской зориллы. Общий фон желтоватый, а по нему разбросаны (весьма вольно и индивидуально, как у гиеновой собаки) неправильных очертаний рыжие и бурые пятна. Брюхо и ноги черно-бурые, а уши белые.

Степи, полупустыни Юго-Восточной Европы, Турции, Ирана, Пакистана, Западного Китая, нашего Причерноморья (на запад до Днепра), Крыма, Кавказа, Нижнего Поволжья, Казахстана, Средней Азии, Алтая — ареал перевязки. Добыча — грызуны, ящерицы, птицы. Зори утренние и вечерние — любимые часы охоты. Норы, иногда дупла — пристанища для отдыха и сна.

Гон, по-видимому, в августе — сентябре. Беременность месяцев пять. В выводке до четырнадцати рожденных в марте сосунков.

Зверек редкий. Наступление людей на целинные земли и, как следствие этого, поселение степных хорей на освоенных территориях совсем не способствуют процветанию перевязок. Похоже, они вымирают.

Всего на Земле 17 видов речных выдр, которые распространены по всему земному шару Есть выдры, очень похожие на наших, в Америке, есть в Африке, Южной Азии, на островах Суматра, Калимантан, Ява, Филиппины

Теперь речь пойдет о самых крупных зверях куньего семейства. И первый среди них — калан, или морская выдра: 40 килограммов весят старые самцы. Второе место у росомахи: вес матерых 32 килограмма (но старых самок — лишь 16).

«Это кудой, шибко кудой, са́ма последний зверь» — такая, говорит А. А. Черкасов, издавна в Сибири характеристика у росомахи. «Кудой» (то есть «худой») — потому что она падаль ест, змеями не брезгует. «Она, проклятая, туманит взор, так что собаки после того худо видят и теряют ее из глаз», отвратительна своим зловонием, которое «испускает», когда псы окружат росомаху. Она всякого задавленного зверя и птицу из капканов ворует (сама, однако, умудряясь в ловушку не попасть!). «Са́ма последний зверь» — харч охотничий, припасы съестные, в лесу оставленные, тоже ворует. А то, что не съест и не унесет, поливает гадкой своей жидкостью.

Конечно, эта дурная росомахина манера проистекает не из зловредного желания напакостить

людям, просто заведено природой у росомах и многих других зверей отмечать своим запахом все, что им принадлежит: добычу и границы угодий. У росомах они велики — около 150 тысяч гектаров. Прожорлива росомаха и смела. У рыси, рассказывают, без страха отбирает добычу. Лиса ей попадается или выдра — может заесть их росомаха. Косуль, кабарог, иногда бобров, молодых или больных лосей и изюбрей скрадывает, нападает и давит.

Крупную добычу тащит в «запятки, не имея силы унести в зубах». Волочит в место поукромнее, по пути ест, опять волочит. Далеко потом не уходит: сразу съесть не может, кормится несколько дней. Иногда к большой добыче собираются и другие росомахи и сообща пируют.

Вид у зверя довольно странный: неуклюжа она как-то по-особенному, по-своему. Спина выгнута, лапы полустопоходящи, на ходу косолапит — «переплетает ногами». Немного похожа на небольшого медведя. Бурая, такая же лохматая, но хвост довольно длинный, пушистый. А тело с боков как бы сжато.

Много странного про росомах рассказывают, местами дурная их репутация подкрашена мистическим страхом: злые духи будто бы живут в этих зверях. Говорят еще, если на крутом склоне нагонят собаки росомаху, так она комом свернется и катится под гору, как мяч, «не надеясь на быстроту своего бега». На ровное место скатится или на камни острые — ей нипочем: шкура прочная, и сама сложена крепко. Вскочит и бежит уже своим ходом.

Так же, комом и пряча голову между передними ногами, падает она будто бы с круч на кабарог и диких коз и «нередко, — рассказывали промышленники А. А. Черкасову, — своей тяжестью или убивает этих животных, или сталкивает с утесов». На правду это мало похоже. Однако чего не бывает на свете...

Когда голодна, с большой охотой ей не повезло, ловит росомаха лягушек у рек и озер, молодых уток, рыбу. «Должно быть, хороша и красива выходит она из болота, вымокшая и вымаранная в болотной грязи!..»

Впрочем, шерсть у росомахи от воды намокает плохо. По этой причине обшивают эскимосы ее мехом свои одежды по краям рукавов и ворота, чтобы на морозе не деревенела впитавшая влагу малица.

Гон у росомах либо с конца июля, либо приблизительно в сентябре. Пока еще точно неизвестно. Беременность около девяти месяцев. Молодых в помете (в феврале — апреле) от одного до четырех. Ареал — север Скандинавии, наш европейский Север и Сибирь (на юг до Ленинградской, Вологодской областей и Свердловска, но порой забегают росомахи в Белоруссию, под Воронеж, в лесостепи Казахстана), Монголия, Канада, Аляска, в США — горы Калифорнии.

Но вот у кого шкура воду, можно сказать, просто отталкивает, совсем ее не принимая, так это у выдры. Это и понятно: выдра — водяной зверь. Рыбья гроза!

Выдра при случае и диких утят, зайцев и болотных черепах ловит. Не брезгует водяными крысами, раками и лягушками. Но больше всего любит рыбу. Всякую. И плотвичку, и окуньков, и лещей. Даже таких быстрых, как хариусы и таймени. На Украине в рационе выдр больше 20 видов разных рыб.

Но выдра — не враг рыболову, а друг. В последнее время биологи установили такую парадоксальную зависимость: как только у каких-нибудь водоемов истребят выдр, в них вначале рыбы станет больше. Но потом заметно меньше. Как снова расплодятся в тех реках или озерах выдры — опять в них больше рыбы! Выдры ловят много больных рыб. «Дезинфицируют» тем самым рыбьи стаи.

Выслеживая добычу, выдра таится на берегу и смотрит. А то и морду опустит в воду, чтобы лучше видеть. Заметит рыбью стайку — осторожно, бесшумно соскользнет в реку. Там, под водой, рванется вперед — и рыба у нее в зубах!

Если большую рыбу поймает, тащит ее на берег. Там и ест. А с мелкими расправляется прямо в воде.

Выдра с рыбами и в «кошки-мышки» играет! Когда сыта и хочет позабавиться. Отпустит рыбешку и ждет — пусть подальше отплывет. А потом за ней в погоню. Поймает и снова отпустит. Выдра вообще очень любит поиграть. И из всех игр самая любимая у нее — катание с горы. Зимой — с ледяной, летом лучшее место для такой игры — глинистый обрыв.

Семьи у выдр дружные: до глубокой осени и даже зимы живут подросшие выдрята с родителями или неподалеку. Самец помогает самке воспитывать и оборонять детей.

Летом выдры, по-видимому, живут оседло: далеко от норы (вход в нее всегда под водой) не уходят. Зимой же кочуют: десятки, а то и сотни километров проходят в снегах, вязнут в них, так как ноги у выдр короткие. По льду реки или озера иногда, разбежавшись, скользят на брюхе, как на салазках. (Императорские пингвины таким способом путешествуют, подталкивая себя ластами.) Если полыньи нет, выдра «продувает» лед: дышит на него, зубами рвет и пробивает себе отверстие — ход к воде. Конечно, такое возможно, когда лед нетолстый.

Калан — морская выдра Он плывет в излюбленной своей манере — на спине На груди, поддерживаемый передними лапами, лежит у него морской еж — главная пища калана

Гон у выдр в разное время, но обычно в феврале — апреле. Как долго ходят самки «чреваты», неясно: одни исследователи доказывают, что 270—300 дней, другие — не больше двух с половиной месяцев. Молодые (от двух до пяти в помете) родятся и в апреле, и в мае, и в июне — августе, и даже в декабре и феврале!

Обитают речные выдры в Европе и Азии у лесных рек «с омутами и перекатами, с не замерзающими на зиму полыньями, с крутыми подмытыми берегами. Вне лесной зоны селятся по берегам рек и озер с зарослями тростника» (профессор Г. А. Новиков).

Выдры того же вида, что и европейские, живут в Северной Африке и, как полагают некоторые исследователи, также на Яве, Суматре и в Японии. Если учитывать и близкие виды, то можно сказать, что выдры в известной мере космополиты. Обитают они в Северной (канадская выдра) и в Южной Америке (семь видов, включая гигантскую выдру), по всей Африке (четыре вида) и в Южной Азии — на Суматре, Калиманта не, Яве, Филиппинах (по-видимому, три вида). Всего на Земле — 17 видов речных выдр и один вид морских.

Южноамериканская гигантская выдра похожа на европейскую выдру, но больше ее: длиной до двух метров с четвертью, а весит до 34 килограммов. Кроме того, хвост у гигантской выдры сильно сжат сверху вниз, как у бобра, а железы под хвостом способны на манер скунса с силой выбрасывать струю дурно пахнущей жидкости.

Пронзительные крики гигантских выдр часто можно услышать вблизи бразильских рек, но сами зверьки очень скрытны, увидеть и поймать их нелегко.

Некоторые выдры плывут иногда из рек в море ловить там рыбу. Но этот их морской поход — явление, так сказать, временное и нерегулярное. Однако есть выдра, которая постоянно живет в море и на морских берегах, — это калан (Командорские и Курильские острова, Южная Камчатка. По ту сторону Тихого океана — Алеутские острова, юго-западное побережье Аляски, местами встречаются каланы на западном побережье США, к югу до Калифорнии).

Прежде каланов было много, теперь на Курильских островах и на Камчатке их, по-видимому, 4—5 тысяч (и в Америке около 10 тысяч). Охота на них запрещена. Мех калана очень дорогой.

Каланы — звери миролюбивые и добродушные. «Просто отдыхаешь в их обществе», — говорит С. В. Мараков, который отдал много сил и времени изучению каланов на Командорских островах. Самцы и самки держатся отдельно, в сторонке друг от друга. И те и другие — дружными компаниями. Летним днем каланы обычно плавают в нескольких километрах от берега в море. В сумерках возвращаются к берегу. Здесь полоса прибоя, бухты с подводными и надводными скалами и камнями, заросли ламинарий — обетованные их места. Каланы подолгу лежат в воде на спине. У некоторых каланих на груди, удобно свернувшись, спят

Медоед — второй вид барсуков, обитающих в нашей стране Некоторые ученые считают, что африканский ратель — тот же самый барсук, что и наш медоед Но если это и разные виды, то очень близкие

Обыкновенный барсук

детеныши. Матери они очень нежные и заботливые. Но, увы, малодетные: только одно дитя в году. Двойни очень редки. Рожают каланихи на берегу или на скалах в море (некоторые американские зоологи утверждают, что иногда и в воде). Примерно двухнедельного сосунка мать учит уже плавать: положит на грудь и, придерживая одной лапой, плывет на спине в море. С ним, бывает, и ныряет за добычей на дно. А добыча — морские ежи, звезды, рыбы, кальмары, моллюски, крабы.

Каланы, нырнув, собирают иглокожих, кладут их в складки кожи под мышкой и плотно прижимают лапой, чтобы не растерять. (Кожа у каланов свободно к телу прилегает, так что подобную операцию выполнить им, надо полагать, нетрудно.) Бывает, захватят со дна еще и камень и плывут наверх.

Обедать на берегу калан не любит. Волны его покачивают, а он лежит себе на спине. На груди у него вроде как стол обеденный: утвердив на ней камень (или без камня), достает из-под мышки морских ежей или моллюсков и, разбив их о камень (или лапами поломав), ест не спеша.

Поест — и зевает (каланы, по словам С. В. Маракова, любят зевать и зевают много, с явным удовольствием). Зевает-зевает, а потом уснет. Тут же, на воде, лежа на спине. Лапки на груди сложит, уткнет в них мордочку и покачивается на волнах, как в гамаке.

Когда детеныши подрастут, так месяцев с шести, матери отдают их на попечение отцам. Те своим примером учат их охоте и превентивной обороне от косаток, хищных зубатых китов. Многим морским животным, от кальмара до усатого кита, косатка — страшный враг. А у каланов там, где люди на них не охотятся, этот враг, кажется, единственный.

Еще один зверь, всем хорошо знакомый, зачислен в одно зоологическое племя с выдрами и куницами — барсук.

Барсуков у нас два вида. Обыкновенный барсук и медоед. У первого ареал — почти вся наша страна (кроме северо-восточных районов Сибири), вся Европа, а в Азии — от Турции до Китая и Японии. Второй у нас живет только в Туркменистане, у самой границы, а за его пределами — в Африке, Передней Азии и Индии.

Обыкновенный барсук — зверь не только лесной: селится и в степи и в пустыне. Лишь тундра ему не по душе. Норы роет в лесу больше всего по оврагам (но не обязательно), а в пустынях — в гладких солончаках, в песчаных буграх. Барсучья нора — это грандиозное для зверя сооружение. В ней много отнорков, входов и выходов, иные в десятках метров один от другого. В норе — полная чистота.

Барсуки необщительны: близкого соседства даже своих соплеменников — других барсуков — не терпят. Днем спят в норах, ночью промышляют насекомых или личинок, лягушек, ящериц, змей, зайчат, птиц — всех, кого могут одолеть.

Немало шмелиных гнезд разоряет барсук. Взбе-

шенные шмели его кусают, а он, когда уже невмоготу, катается по земле, давит их. Потом опять спешит к гнезду, чтобы съесть и мед и детку.

А. А. Черкасов рассказывает, что нападают сибирские барсуки на телят и жеребят и даже будто бы на коров, вырывая когтями и зубами вымя. У нас о таких делах я не слышал.

Весьма впечатляюще рассказывает он и о том, как, удирая от собак по склону горы, барсук катится вниз, свернувшись шаром.

«Он, бедняжка, с перепугу покатившись с крутой и высокой горы, налетает на камни, с маху в них ударяется так сильно, что слышен какой-то особый звук — «бут-бут-бут», отскакивает от них, как мячик, потом снова летит, снова ударяется, глуше слышится «бут-бут», тронутые с места камни тоже летят и подпрыгивают за ним же... Наконец догоняющие барсука собаки быстро несутся тем же следом, спотыкаются, кувыркаются — шум, визг, тявканье довершают живописную картину, которая при лунном освещении имеет особый эффект».

В общем потеха! Но бывает ли так или бывало — не утверждаю.

Барсук почти все солнечные часы проводит в подземелье, а для здоровья это, как известно, вредно. Потому, прервав дневной сон, он выходит погреться на солнце. Лежит, сидит у норы на припеке или бродит вокруг. Когда барсучата родятся, мать их тоже выносит «позагорать». Надо полагать, чтобы рахита не было.

К зиме барсуки сильно жиреют, умножая вдвое свой вес: старые самцы — почти до 32 килограммов. И там, где зимы холодные, спят эти звери в норах с октября примерно по апрель.

Местами, где барсуков не беспокоят, они поселяются целыми колониями, и их норы ветвятся под землей на пространстве иногда в 25 гектаров. В норах — идеальная чистота. Подстилку — сухие листья, мох, траву — барсуки нередко выносят по утрам из норы проветривать и сушить. Есть у них и отхожие места, места для игр и для солнечных ванн.

Барсук для лесного хозяйства зверь очень полезный, много он истребляет личинок хрущей и майских жуков. Где барсуков всех перебили, гибнут от жуков-вредителей деревья. От самого же барсука вред небольшой: разорение шмелиных гнезд, местами овсы портит, бахчи, виноградники. Это его бесспорный «пассив». Но в «активе» у барсука больше полезных дел.

ИНОЗЕМНЫЕ ЗВЕРИ КУНЬЕГО СЕМЕЙСТВА

Некоторые исследователи считают, что наш медоед и африканский ратель — один вид. Но если даже это и разные виды, то очень близкие.

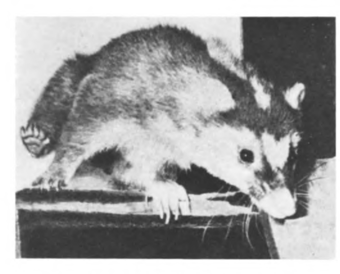
Сверху ратель (и медоед тоже) ото лба и до начала хвоста светло-серый, белесый, а снизу без всякого перехода — черно-бурый: словно выкрашен каким-то шутником. По бокам, там, где встречаются светлый и темный цвета, тянется более светлая, чем спина, узкая полоса (у медоеда ее нет). У молодых, неполовозрелых рателей спины рыже-белые и резких контрастов в окраске нет.

Вся жизнь рателя — в постоянной войне с пчелами, которые в Африке часто гнездятся в земле. Густой мех, толстая шкура и жир надежно обороняют его от укусов. Очень интересен этот зверь тем, что живет в «сладкой» дружбе с небольшой птицей — медоведом, или индикатором. Медоед-бортник и медовед-разведчик — замечательная пара. Один находит мед, другой его добывает. Едят вместе. Когда медовед увидит рателя, — кричит громко. Сейчас же на его крик с радостным каким-то «кудахтаньем» спешит ратель. А птица, его друг, трещит не умолкая. Перелетит с куста на куст и опять поджидает барсука.

Барсук в туче яростно атакующих пчел разоряет их гнездо, ест детку и мед, а медоведу оставляет пустые соты. Но для него и воск лакомство. Эта удивительная птица (с помощью еще одних друзей — симбиотических бактерий и дрожжей, поселившихся в ее кишечнике) способна, оказывается, переварить не съедобный для всех, кроме еще лишь восковой моли, воск.

Воюет ратель (уже без помощи друзей) и со змеями. Даже смертельно ядовитую мамбу убивает и ест. Убивает методом бульдога — вцепится и не отпускает — молодых антилоп, разоряет муравей-

Свиной барсук (Гималаи, Южный Китай, Суматра) действительно похож на свинью, и телом на высоких ногах, а главное — почти поросячьим деформированным носом

Три вида хорьковых барсуков обитают в Южной Азии. Китайский древесный барсук — самый лучший древолаз, он часто даже спит в зелени ветвей. Местные жители охотно держат этих барсуков в своих домах, так как зверьки уничтожают много вредных насекомых

ники и термитники. Но мед в его меню — первейшее блюдо.

Ратель и медоед во всем очень похожи на обыкновенных барсуков. Только черепом и числом зубов отличаются. И тем еще, что нет у них ушных раковин. По этой причине и некоторым другим систематики учредили для медоедов отдельное от барсуков подсемейство.

А в подсемействе обыкновенных барсуков числятся еще семь видов: все, кроме одного — североамериканского, в Южной Азии и на азиатских островах (в Индонезии и на Филиппинах). Американского барсука (живет на сухих равнинах Северной Мексики, запада США и Южной Канады) меньше, чем нашего, прельщают насекомые. Охотится он больше на мелких зверьков и птиц.

Свиной барсук (Гималаи, Южный Китай, Суматра) действительно немного похож на свинью: и телом на высоких ногах, а главное — почти поросячьим деформированным носом. Рыло у него тоже удлиненное, хвост небольшой и белый.

Теледу, или малайский барсук (Малайя, Ява, Суматра, Калимантан), похож на свиного. Как норокопатель немногих знает себе равных.

Древесные, или хорьковые, барсуки ростом невелики: с хорька, даже чуть поменьше. Мордочки длинные, лапки стопоходящие, как барсукам и положено. Их три вида: китайский, бирманский (Бирма, Непал, Ассам, Вьетнам) и яванский (Ява и Калимантан). Все ловко лазают по веткам, даже прыгают с дерева на дерево. Но в общем-то животные эти не древесные — наземные. Древолазанье — лишь вторичное, не главное, а временное их увлечение, точнее говоря, приспособление. Хорьковых барсуков называют тоже и вонючими, потому что прыскать дурно пахнущей жидкостью у них в обыкновении.

Китайский древесный барсук — самый лучший древолаз, он часто даже спит в зелени ветвей. Местные жители охотно держат этих барсуков в своих домах, так как зверьки уничтожают немало вредных насекомых.

Часто спрашивают, есть ли в Америке соболь. И ответ получают: нет, в Америке истинный соболь не живет. Тогда как понять, когда нередко приходится слышать: «американский соболь» или (он же) «гудзонский соболь»?

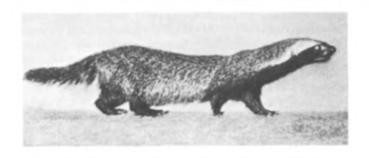
А так: это не соболь, а американская куница. Честь называться соболем присвоена ей не совсем законно. На основании ценности в пушной торговле (однако более низкой, чем у нашего соболя). Как и куница, гудзонский соболь любит жить и промышлять добычу на деревьях (и ловит много белок), любит ходить вéрхом, то есть с дерева на дерево.

Илька, или фишер, — другая североамериканская куница.

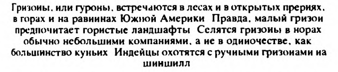
Еще одна куница, японская, известна высокой науке.

Гризон, тайра и зорилла — звери, наделенные некоторыми особыми чертами.

Гризонов два вида. Ростом они с хоря и повад-

Гризоны, или гуроны, встречаются в лесах и в открытых прериях, в горах и на равнинах Южной Америки Правда, малый гризон предпочитает гористые ландшафты Селятся гризоны в норах обычно небольшими компаниями, а не в одиночестве, как большинство куньих Индейцы охотятся с ручными гризонами на шиншилл

Тайра, или гирара, крупнее гризона длина ее метр или немного больше После гигантской выдры это самый большой зверь из семейства куньих в Южной Америке

Здесь изображен полосатый скунс А всего скунсов восемь видов четыре — в Северной Америке, четыре — в Южной

А это малый, или пятнистый, скунс

ками ему подобны. Живут в Америке, от Мексики до Аргентины· в тропических лесах, на открытых травянистых равнинах и в горах. Гризоны, или гуроны, встречаются в лесах и прериях, в горах и на равнинах Южной Америки. Правда, малый гризон предпочитает гористые ландшафты. Селятся гризоны в норах обычно небольшими группами, а не в одиночестве, как большинство куньих. В Перу гризонов приручают и охотятся с ними на шиншилл, как с белым хорем.

Тайра, или гирара, размером с харзу и, собственно говоря, ее южноамериканский эквивалент. Окрашена, правда, иначе (и видом не очень похожа): черно-бурая, с более светлой головой и шеей. На горле небольшое охристое пятно.

Зверь довольно обычный в Южной и Центральной Америке. Днем тайру видят часто. Живет она на деревьях, по земле бегает редко (у гризона повадки прямо обратные). В открытые степи тайры выходят редко. Кроме того, от многих других куньих отличает их известная общительность. живут они обычно парами или семействами. Когда придет пора размножаться, то собираются вместе много тайр. Тайры плотоядны, но питаются и плодами, набивая ими желудки иногда, что называется, до отвала.

Зорилла — своего рода африканский скунс. Она и окрашена похоже: низ черный, верх белый (с продольной черной полосой на хребте). У зориллы такие же, как у скунса, прыскающие смердящей жидкостью железы под хвостом. И так же, предупреждая о химической атаке, ерошит зорилла шерсть и поднимает пушистый белый хвост.

Полосатый ливийский хорек и африканский белозатылочный хорь — близкие родичи зориллы. Их называют также змеиными хорями: не только за змеевидное, приземистое и длинное тело, но и за вековую вражду со змеями, которых эти звери уничтожают.

От зориллы к скунсу путь самый прямой, хотя и не близкий: скунсы отделены от зорилл (помимо морфологических барьеров) Атлантикой. Ибо живут скунсы в Америке — Северной, Центральной и Южной. Их восемь видов: четыре — в Северной, четыре — в Южной.

Эволюция наделила скунсов оружием столь же необычным, как и эффективным: разворачиваясь тылом, они брызжут желтой маслянистой жидкостью. Плотная струя летит метра четыре-пять и метко попадает в цель, хотя скунс стреляет, что называется, не глядя, потому что химические железы у него под хвостом. Чтобы дать залп, он вынужден повернуться к мишени задом. Иногда это, как говорят военные, одиночный выстрел, а то и автоматная очередь из полдюжины залпов, которые поражают цель за несколько секунд.

Основное вещество в химическом оружии скунса — этилмеркаптан. Человек чувствует этот (самый отвратительный на свете!) запах, даже если вдохнет только 0,000000000002 грамма! Тот, на кого попала хоть капля скунсовой струи, не рискнет несколько дней показываться на людях, даже если хорошо вымоется и переменит платье. Очень стойкий запах.

Надежно защищенный от недругов, скунс никогда и никуда не спешит. Даже если его преследует стая гончих, он не ускорит шага. Как только псы приблизятся до черты, дальше которой их подпускать уже небезопасно, полосатый скунс посылает первый предупредительный сигнал — топает ногами. Потом поднимает хвост, но конец его еще полусогнут: боевой «флаг» полуспущен.

Третий, и последний, сигнал непосредственно предшествует газовой атаке — хвост трубой вздымается к небу, взъерошен весь. Это означает: «Беги скорее, стреляю!» Затем следует быстрый разворот и залп, который, если и пролетит мимо, «шибает в нос, словно таран».

Пятнистый скунс, который поменьше полосатого, последний сигнал подает совсем необычно: встает на передние ноги — головой вниз, задними ногами вверх — и наблюдает, приподняв голову, какой эффект произвел на противника его акробатический номер. Если нужного впечатления не произвел, тем хуже тому, кто им пренебрег!

По причине исключительной вонючести у скунсов почти нет в дикой природе врагов. Однако пумы и бобкэты, американские рыси, бывает, идут на риск стать сугубо вонючими и нападают на скунсов.

Скунсы всеядны. Поедают немало гусениц и этим очень полезны. Довольно плодовиты: до десяти крохотных вонючек приносят в одном помете.

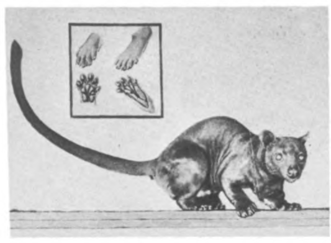
РИККИ-ТИККИ-ТАВИ И МНОГОЧИСЛЕННАЯ ЕГО РОДНЯ

«Но вот того орла эта пылища, видимо, нисколько не беспокоит: на бреющем полете он врезается прямо в семейство полосатых мангуст и хватает одну из них... Здесь, в Серенгети, мангусты выглядят очень потешно: полоски у них поперечные, как у зебры» (Бернгард Гржимек).

Мангуста кричала отчаянно, пока орел нес ее в когтях к дереву. Полосатые ее родичи не испугались, не разбежались, а всем сообществом, в полном составе «запрыгали на коротких ножках вслед за птицей, окружили дерево и начали под ним пронзительно кричать и визжать». Нервы орла, потрясенного дикой какофонией, не выдержали: мангусту он выпустил. Она упала на землю, но тут же вскочила и со своими спасителями кинулась в рощу.

Мангусты отважны, мангусты ловки — нет у змей в тропиках худших врагов и губителей!

Бинтуронг — единственное несумчатое млекопитающее Старого Света с хватающим хвостом Этой «пятой лапой», а также густой длинной шерстью и кисточками на ушах отличается он от своих родичей из семейства виверровых Чтобы бинтуронг прыгнул с сука на сук, этого еще никто не видел По деревьям он путешествует не спеша, будто даже лениво ища надежную опору не только лапами, но и цепким хвостом Кричит громко и пронзительно

Фосса — самый крупный хищник Мадагаскара У нее втяжные когти, как у кошек, но она стопоходяща, как медведь Фосса охотится на лемуров и разных птиц Много страшных, странных и забавных историй рассказывают про фоссу на Мадагаскаре Говорят, как и про хоря в Сибири, будто фосса убивает кур в курятниках одним лишь своим отвратительным запахом, который распространяют ее анальные железы

Мангусты — достойные представители семейства виверровых. Семейства древнего и весьма многочисленного — в нем 82 вида (по другим данным — 65) — в Африке, Южной Азии и на Мадагаскаре. Здесь, на этом чудесном острове, виверровые — единственные хищники. В Америке и в Австралии виверровых нет. В Юго-Западной Европе — только два вида: малая пятнистая генетта (Испания и близлежащие области Франции), ихневмон (Южная Испания и Далмация).

Нечто среднее между куньими и кошками у виверр в повадках и телосложении. На планете эти некрупные хищники (с ласку и до размера харзы) появились рано (но после куниц), в позднем эоцене, сорок миллионов лет назад. От них произошли кошки.

Кошачья у виверр и грация, кошачьи у многих и когти — втяжные (фосса, пальмовые куницы, линсанги, генетты), у многих других — полувтяжные, у мангуст — невтяжные.

Среди виверровых есть звери, которых еще недавно называли карликовыми медведями или медвежьими куницами: бинтуронги. Но есть и такие, как мадагаскарская фосса, а она похожа на кошку.

Шерсть у бинтуронга темно-серая, длинная и довольно лохматая. Уши округлые и поросли по краям длинными волосами. Но главное — у него хватающий хвост. Когда бинтуронг спит на дереве, то, обвив хвостом ветку, страхует себя от падения. Когда спускается с дерева головой вниз, хвостом цепляется за сучья. В Старом Свете это единственный хищный и несумчатый зверь с хватающим хвостом. В Новом — еще енот кинкажу (такие же хватающие хвосты у некоторых американских обезьян, малого и среднего муравьедов, у панголинов, но из хищников больше ни у кого).

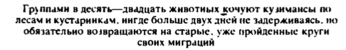
Живут бинтуронги в лесах Южной Азии, от Восточных Гималаев до Индокитая, Явы, Калимантана, Суматры и Филиппин. Они здесь самые крупные из виверровых — длина бинтуронга вместе с хвостом около полутора метров — и самые голосистые: ночами громкие крики бинтуронгов оглашают джунгли. В гневе верещат они по-птичьи. Из всех хищников, кроме панд, бинтуронг самый нехищный, предпочитает вегетарианскую пищу. Впрочем, при случае ест мелких зверьков и птиц.

Иное дело фосса: мадагаскарские лемуры и разные местные птицы живут в постоянном страхе перед ней. У фоссы шерсть короткая, рыже-бурая. На Мадагаскаре (и в семье виверровых!) она самый крупный хищник — с полувзрослую пуму. По деревьям лазает ловко и на земле таится и крадется незаметно. Единственный ее враг — человек, от которого защита у нее примерно такая же, как у скунса, — вонючая струя. Впрочем, у всех виверровых под хвостом есть железы с пахучей жидкостью. По этой причине африканских и азиатских виверр в разных странах Азии и даже в средневековой Германии и Голландии томили неволей в клетках

Группами в десять—двадцать животных кочуют кузимансы по лесам и кустарникам, нигде больше двух дней не задерживаясь, но обязательно возвращаются на старые, уже пройденные круги своих миграций

Пальмовая куница, или пагума, обитает в лесах Юго-Восточной Азии и на островах Суматра и Калимантан

Генетта без труда пролезает в любое малое отверстие, в которое может просунуть свою узкую голову

только ради цибетина. Его выжимали из анальных желез пленных зверьков, чтобы приготовить знаменитый мускус для парфюмерных и медицинских целей.

Мальшаги Мадагаскара фоссу очень боятся, упорно (но ложно) полагая, будто зверь свиреп и силен, как лев, и, будто случается, убивает по ночам их скот.

Еще одна странность приключилась с фоссой: ее именем в науке названа другая мадагаскарская виверра — Fossa fossa. Эта последняя представляет особое подсемейство полосатых циветт, в котором самое, пожалуй, интересное животное выдровая циветта. Внешне (и образом жизни) она похожа на выдру: морда у нее такая же широкая, ноздри под водой плотно закрывают клапаны, лапы с перепонками. Ловит рыб в реках Южной Азии (включая Суматру и Калимантан).

В семействе виверровых шесть подсемейств — настоящие виверровые (виверры, циветты, генетты, линсанги — 18 видов), пальмовые куницы (и среди них бинтуронги — восемь видов), полосатые и выдровые циветты (семь видов), мадагаскарские мангусты (восемь видов), настоящие мангусты (мангусты, ихневмоны и сурикаты — 40 видов) и, наконец, фоссы (один вид).

Три неожиданных прибавления к подсемейству настоящих виверровых — три новых для науки вида — сделаны недавно, уже в нашем веке. В 1919 году в глухих тропических лесах Итури (правый приток Конго) охотничья экспедиция добыла водяную, или рыбоядную, циветту. А в 1960 году

зоолог Кун описал генетту Леманна, которую поймали в Либерии. Третий новый вид в том же году был открыт в Сомали.

Выдровая циветта встречается вблизи рек и на болотах Индокитая и Индонезии. Когда она ныряет, уши и ноздри ее закрывают клапаны. Но перепонки между пальцами у выдровой циветты развиты несильно, а хвост коротковат и слаб для хорошего пловца. По-видимому, она нападает из засады, тихо подплывая (выставив лишь нос из воды) к пришедшим на водопой птицам и мелким зверькам, а в реке охотится больше на раков, чем на рыб.

Генетт девять видов. Восемь из них обитают только в Африке, а один — малая пятнистая генетта, — как я уже упоминал, также в Испании и смежных областях Франции, кроме того, в Палестине. По желтовато-серому фону у нее темные пятна, как у леопарда (правда, родятся в одном помете с пятнистыми и черные, как ночь, генетты). Зверек небольшой — около метра длиной (но высотой в плечах впятеро меньше!), очень грациозный, ловкий, охотится ночью и в сумерках, а днем прячется в дуплах, в расщелинах скал, в густых колючих кустах. Когда генетта крадется, ее тело так гибко, так изящно струится по земле, что, говорят, заглядеться можно. Прыжки ее тоже великолепны: с места — метра два' Хорошо лазает и плавает.

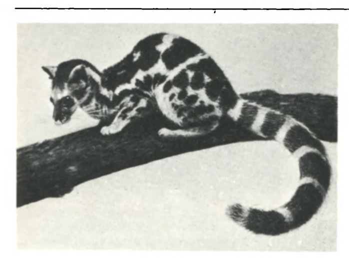
Африканская циветта, или виверра, крупнее генетты и более высоконогая: ростом примерно с барсука. Она темно-бурая с черными пятнами На морде, по бокам от носа, там, где растут усы, по белому пятну (но окраска очень изменчива), сверху на шее и вдоль по хребту небольшая грива, которую зверь взъерошивает, когда сердится. Выгибает спину на кошачий манер, ворчит и рычит. Циветты — звери ночные. Днем видеть их приходится редко. По деревьям лазают хуже генетт.

Африканская циветта, или виверра, живет в густых кустарниках, отлично плавает, но на небольшие деревья влезает обычно, лишь спасаясь от врагов Еще в глубокой древности содержали люди этих циветт в неволе и получали от них мускус В Эфиопии мускус выжимают из мускусных желез несколько раз в неделю, получая за это время по три-четыре грамма от каждого животного

Три близких вида азиатских виверр обитают в Южном Китае, Индокитае, и один вид — на Филиппинах Виверры самого крупного вида — длиной больше метра и весят 7—11 килограммов

Рассу, или малую индийскую виверру, родина которой Индия, Южный Китай и Индонезия, давно уже завезли на Филиппины, Мадагаскар, Сокотру и Коморские острова И на старой, и на новой родине содержат виверр в клетках и добывают из их желез мускус

Полосатый линсанг обитает в Малайе и Индонезии, а пятнистый, изображенный здесь, — в Непале, Ассаме и Индокитае Оба любят густые леса и джунгли

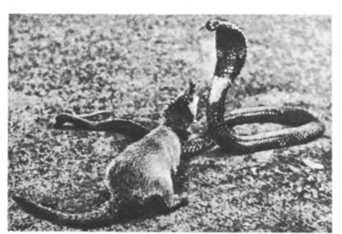
Есть несколько родов и много видов пальмовых куниц, или пальмовых циветт Мусангом называют обычную пальмовую циветту из рода парадоксурус Живет в Южной Азии — от Индии и Шри-Ланки до Индонезии, Филиппин и некоторых островов Тихого океана

Африканская циветта живет в густых кустарниках от Сенегала до Сомали и на юг до Южной Африки. Она отлично плавает, но на небольшие деревья влезает обычно, лишь спасаясь от врагов. Еще в глубокой древности содержали люди этих циветт в неволе и получали от них мускус. В Эфиопии мускус выжимают из мускусных желез циветт несколько раз в неделю, получая за это время по три-четыре грамма от каждого зверька. В 1934 году Африка поставила на мировой рынок 2475 килограммов мускуса на общую сумму в 200 тысяч долларов.

В Африке есть еще одна циветта, упомянутая выше, — рыбоядная. Никто из европейцев еще не видел ее живой. Да и местные жители зверя этого плохо знают: у них нет для нее даже названия. В Южной Азии живут циветты четырех других видов. Из них расса самая маленькая и очень похожа на генетту.

Рассу, или малую индийскую виверру, родина которой Индия, Южный Китай и Индонезия, давно уже завезли на Филиппины, Мадагаскар,

Нандиния, или африканская пальмовая циветта, обитает в Центральной и Южной Африке

Как отчаянно близко к ядоносной голове змеи ведет мангуст бой с коброй!

Сокотру и Коморские острова. И на старой и на новой родине содержат малых виверр в клетках и добывают из их желез мускус, тщательно выскребая затем ложками опустошенные мускусные мешочки, которые носят под хвостом и самцы и самки виверр.

Линсанги (один африканский и два азиатских) внешне и повадками тоже похожи на генетт, так же как и пальмовые куницы, или пальмовые цивет-

Черноногий мангуст, или, по-местному, караза, игонго, в числе трех или четырех видов обитает в Восточной Африке — от Кении до Мозамбика. Один вид живет в Габоне на западном побережье Африки. Он встречается также в Северной Анголе

ты. Они причиняют немалый вред плантациям, поедая по ночам плоды и побеги пальм и ананасов. Мусанг, или обычная пальмовая куница, ест даже плоды кофейных деревьев, хотя зерна кофе переваривать не может и в изобилии «сеет» их после такой трапезы по лесам. Все пальмовые куницы живут в Южной Азии, кроме одного вида (и рода) — нандинии двупятнистой. Родина ее — Западная Африка. Два больших светлых пятна на плечах, кроме многих черных на теле, отличают этого зверя.

После беглого обзора всех их родичей пришла очередь рассказать о мангустах — бесспорно, самых интересных в семействе виверровых. Их десятки разных видов, в основном африканских, но немало и азиатских.

На Яве, Суматре и в Индии живет черная, с мелким желтым крапом, словно припудренная золотой пылью, карликовая мангуста: полметра вместе с хвостом ее длина. Эта «позолоченная» мангуста и ласка — самые крохотные хищники на нашей планете. Обычная индийская мангуста — знаменитый Рикки-Тикки-Тави — прославлена Киплингом за доблесть и непобедимость в смертельных схватках с ядовитыми гадами. Поразительно, как спокойно, уверенно, смело и ловко сражается она со смертью. Оскаленная ее морда трепещет в ярости в нескольких сантиметрах от вскинутой над ней пасти кобры. В одно неуловимое мгновение в молниеносном броске вперед преодолевает змеиная голова эти сантиметры. Четверть секунды — атака змеи: выпад вперед, укус и возвращение в исходную позицию. Но мангуста успевает заметить этот бросок и увернуться. Превосходная бдительность и небывалой быстроты реакция. Только это ее спасает. Ведь нет у мангусты ни брони на теле, ни достаточно эффективных противоядий в крови.

Ярость в бою и искусство нападать смело и быстро, так быстро, что уследить невозможно, нападать, а не бежать, даже от врага сильного и большого, и кусать, кусать неистово — этим почти все мангусты знамениты. Говорят, если мангуста в ногу вцепится, словно швейная машина прошьет ее иглой!

Но прежде чем напасть, мангуста (во всяком случае полосатая) врага честно предупреждает. Шерсть взъерошив, изгибается дугой и верещит пронзительно. Была она маленькой, гибкой, длинной и вдруг стала круглой и в мгновение вдвое выросла на глазах! От такого чародейства лучше подальше держаться — решит почти всякий. А если не сразу осторожность подскажет это мудрое решение и тот, кому направлен ультиматум взъерошенного комочка кипучей ярости, будет медлить, тогда мангуста атакует «со скоростью дротика».

У полосатых мангуст (возможно, и у других) есть еще одна странная угроза — «галоп на месте». Выгнув спину, мангуста делает вид, что быстро бежит к незваному гостю, а сама скачет на месте, выбрасывая вверх то передние, то задние ноги. Все это под вокальный аккомпанимент, который исторгает ее горло и который так пронзителен, что, мы знаем уже, орла способен напугать

Хищные птицы постоянно угрожают мангустам, и поэтому зверьки бдительно следят за небом. Куда бы ни шли, чем бы ни занимались, то одна, то другая головку поднимут и смотрят вверх. Если увидят в синеве небес зловещий парящий силуэт, кричат «вааук-вааук». Это всем товарищам предупреждение, сигнал воздушной тревоги.

Одна неопытная самка-мангуста, увидев в небе журавля, закричала так, будто орел над ней. Самец-мангуста лишь взглянул на птицу и спокойно отвернулся, занимаясь своим делом: он рыл острыми коготками землю, откапывая гусениц и разных насекомых. Весь вид его, казалось, говорил: «Что ты пугаешь меня таким пустяком!»

Мангусты болтливы. Звуки, которые способно исторгать их горло, очень разные: рычанье, визг, некое кудахтанье — предупреждение: «Не тронь меня!», почти собачий лай — сигнал общей тревоги. Когда они водят за собой подросших детенышей (обычно это семейный выход: папа, мама и детишки следом за ними) и один детеныш отстанет, тогда отец или мать кричат отрывисто, на высоких нотах. И дитя спешит к ним.

По сигналу тревоги малыши сейчас же бегут к матери и жмутся к ней. Она ведет их туда, где безопаснее, а они ни на шаг, ни на сантиметр не отстают от нее, точно привязанные. Бежит она — бегут они, рядышком, вплотную. Она замрет — замрут и они.

Младенчество, детство и юность полосатых ман-

густ быстротечны: в девять месяцев от роду приходит возмужание и с ним семейные заботы. Родятся у них обычно четыре крохотных, слепых, почти голых детеныша, весит каждый тридцать граммов. Растут быстро, и скоро молока им становится мало, мясо подавай! Мать тогда вырывает его у самца, но сама не ест, а носит во рту: бегает вокруг своих чад, предлагая вырвать у нее из пасти кусок. Как только кто сделает такую попытку, она положит мясо на землю и ждет, чтобы его попробовал малыш. Если дать ей банан, повторится то же самое. Так и вкус к плодам земли воспитывает терпеливая мать у своих несмышленышей.

А отец? Он тут, он рядом. Но дело его — прежде всего сторожевая служба. Предупреждение об угрозе исходит главным образом от него. Мать спокойна, когда он поблизости. Она, когда детенышам всего несколько дней, оставив их на попечение бдительного и отважного супруга, может уйти по своим делам. Тот, чем бы он ни был занят, всегда подбежит, посмотрит на малышей, обнюхает их. Если все в порядке, тогда только отойдет, ибо дел у него тоже достаточно Насекомые, гусеницы, птичьи яйца, плоды — все это надо добыть, раскопать. Нору вырыть или подновить ее. Полосатые мангусты прячутся в норах от врагов и зноя. Но и погреться на солнце любят, когда оно не очень жаркое. Любопытствуя, сидят столбиком, посматривая по сторонам и в небо.

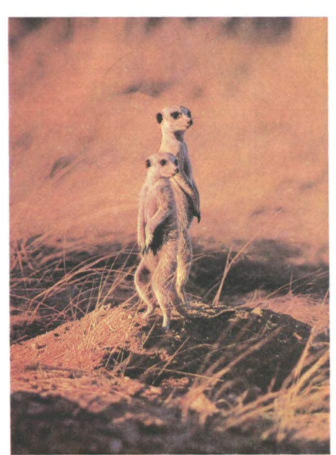
Подобно полосатым мунго, ихневмоны — самые крупные из мангуст (до метра длиной, но высотой лишь 20 сантиметров) — живут дружной семьей. Охотятся, когда дети подрастут, так: впереди крадется, прячась в тени кустов, за буграми, травами, папаша-ихневмон, за ним вплотную мать, за ней, тоже вплотную и повторяя все ее повороты, молодые ихневмоны. Кто видел их, казалось, будто большая змея ползет по земле. «Ихневмон» по-древнеегипетски — сыщик. Тысячелетиями египтяне свято почитали его за мужество, за истребление змей и крокодильих яиц.

Ихневмон — житель Северной Африки, Малой Азии и Южной Европы (Испания, Далмация).

В Центральной и Южной Африке живет болотная, или водяная, мангуста. Она более высоконогая, чем ихневмон, и почти черная. Плавает и ныряет отлично, а потенциальное, развивающееся под скорлупой яиц потомство крокодилов истребляет еще эффективнее, чем священный «сыщик». По этой причине крокодильи самки постоянно дежурят у своих яиц. Только это спасает их от черных мангуст.

Птица — не крокодил. Не многих из них мангусты боятся и потому воруют птичьи яйца смело. Повадка у них такая: берут яйцо в передние лапы,

Ихневмон — в Древнем Египте животное священное и неприкосновенное, как кошка и крокодил

Сурикаты живут колониями и днем обычно сидят у своих нор, подобно сусликам или суркам

на задних вытягиваются как можно выше и роняют на землю с высоты своего роста. Оно, понятно, разобьется, и тогда мангуста лижет желток и белок.

У мангуст (почти у каждой своя) врожденная манера колоть яйца. Некоторые, зажав яйцо не передними, а задними лапами, бьют его, пятясь, о камень или дерево.

К мангустам близки сурикаты — зверьки особенные! Внешне напоминают немного лемуров. В забавных позах (став на цыпочки, вытягиваются и подпирают себя хвостом) греются они на солнце или высматривают тревожно врагов в сухих степях Южной Африки.

Живут не в одиночку, а колониями — у каждой семьи своя нора, но все норы неподалеку. Ночью спят в подземельях. Днем сидят у нор по-сурчиному — столбиками, сложив передние лапки на груди, греются, переругиваются. Или, отойдя недалеко, копаются в земле, ищут личинок насекомых, пауков, сороконожек, разные коренья и, конечно, если попадутся, птичьи яйца.

С мангустами связана одна поучительная история, которая должна служить примером того, что не всякая акклиматизация априори хороша.

На остров Ямайку (и некоторые другие острова Карибского моря) белые плантаторы завезли в свое время очень ядовитых змей — жарарак. Цель у них была такая — черные рабы убегают в леса и болота, прячутся там. Так вот, чтобы беглецам жизни от ядовитых гадов на воле не было, привезли змей из Южной Америки и на островах выпустили. Те вскоре так здесь размножились, что и белым в их гасиендах житья не стало от змей. Тут расплодились на Ямайке и крысы — гибла от них пятая часть урожая сахарного тростника.

Решив теперь покончить и с крысами и со змеями, привезли в 1844 году на Ямайку гигантских жаб: у них была репутация отчаянных пожирателей молодых крыс и змей. Но оказанного им доверия жабы не оправдали.

Наконец, в 1872 году кому-то пришла идея обратиться за помощью к мангустам.

Привезли четырех самцов и пятерых самок. Они быстро прижились и расплодились. Через десять лет их потомки съели уже всех крыс (но не всех змей, так как, более быстрые в атаках, чем кобры и гадюки, змеи Нового Света из схватки с мангустами часто выходят победителями[1]). Принялись тогда мангусты уничтожать поросят, ягнят, кошек, водосвинок, щелезубов, ящериц, птиц и вскоре стали истинной казнью египетской для всего живого на острове. На Фиджи тоже акклиматизировали мангуст, но с пользой для дела или нет, не ясно.

ГИЕНА — ГЕРМАФРОДИТ?

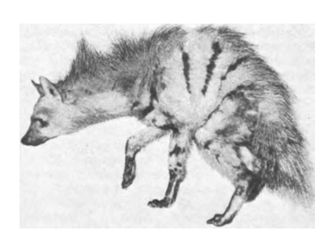
Гиен четыре вида: земляной волк, пятнистая, полосатая и бурая гиены. (Земляной волк: равнины Африки к югу от Эфиопии. Пятнистая гиена: Африка к югу от Сахары. Полосатая — Северо-Восточная Африка, Аравия, Передняя и Средняя Азия, большая часть Закавказья и Индия. Бурая гиена. Южная Африка.)

Одно время считали гиен родичами собак. Теперь систематики отделили гиен от псовых и соединили в одно надсемейство с виверровыми и кошачьими. Геологически сравнительно недавно, около десяти миллионов лет назад, эволюционируя, развился род гиен, отделившись, по-видимому, от каких-то древних виверровых. Земляной волк до сих пор сохраняет много атавистических черт тех дальних предков. По этой причине некоторые систематики полагают, что лучше зачислить его не в семейство гиен, а к виверровым. Внешне, однако, это гиена, впрочем, небольшая (полметра в плечах), буровато-серая с темными полосами.

Земляной волк роет норы сам или занимает чужие. Днем в них таится, ночью, нерезво галопируя, рыскает в поисках жуков, термитников. Не падаль, а насекомые и некоторые растения его пища. Зубы у земляного волка недоразвитые: плотоядных нет, а ложнокоренные и коренные — лишь тупые бугорки, что типично для насекомоядных. Земляные волки бродят ночами в одиночестве либо парами, реже полдюжины их собирается в стаи. Звери пугливые. Самая эффективная оборона — вонючая струя из-под хвостовых желез.

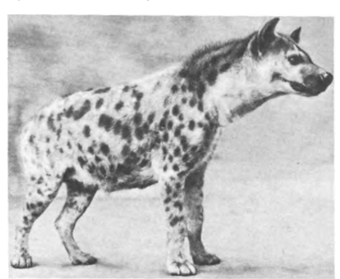

Полосатая гиена распространена шире всех гиен Африка, Передняя и Средняя Азия, Индостан — это все края, где обитают пятнистые гиены

Земляной волк — своеобразное животное он совмещает в себе черты как гиен, так и виверр

Другие гиены образом жизни похожи. Это всем известные трупоеды. Их мощные челюсти развивают давление в пять тысяч атмосфер и способны раздробить черепа и трубчатые кости буйволов и бегемотов. Поэтому даже с ручной гиеной играть нужно осторожно: шутя, без злого умысла может она начисто отхватить пальцы. Случилось такое однажды в Бернском зоопарке. Когда голодны, охотятся гиены загоном на антилоп. Но бегают плохо, и удача им сопутствует редко. Некоторые охотники утверждают: все дряхлые львы кончают жизнь в челюстях и желудках гиен. Иногда и леопардов загоняют пятнистые гиены на деревья. Дьявольский «смех» гиен (особенно жуткий у пятнистых) похож на дикий хохот умалишенного

Эволюция наделила пятнистых гиен странным, небывалым и непонятным свойством: их самцы и самки неразличимы даже по тем внешним органам, которые у всех зверей ясно свидетельствуют об их мужской и женской принадлежности. У самок пятнистых гиен детородные члены самцов (со всеми специфическими их атрибутами!). Лишь немногие знатоки, годами изучавшие и разводившие в неволе гиен, способны, внимательно осмотрев пятнистую гиену, узнать, самец она или самка.

Самая большая гиена — пятнистая Некоторые старые самцы весят 80 килограммов. У них мощные мускулы шеи и плеч труп осла сильная гиена волочет без труда Коренные зубы гиен, когда они грызут кости, развивают давление в пять тысяч атмосфер

Это поразительное сходство породило немало мифов и легенд. Давно утверждалось: гиены — гермафродиты, и каждая из них периодически функционирует то как самец, то как самка. На самом же деле зачатие и деторождение у самок пятнистых гиен совершается и происходит через, казалось бы, совершенно непригодные для деторождения ложномужские органы. Рожают гиены после почти четырехмесячной беременности двух щенков, довольно крупных.

Зачем эволюции понадобился этот странный эксперимент с ложным гермафродитизмом, не ясно.

ПОЧЕМУ ЛЬВА ЦАРЕМ ЗВЕРЕЙ НАЗВАЛИ?

Лев — царь. Кто с этим не согласится!

«Достоверные охотники» вроде Тартарена из Тараскона в «помазанности» льва не сомневаются, но другие, как, например, Джон Хантер, вначале знаменитый истребитель зверья Африки, а затем не менее знаменитый его защитник и автор увлекательных охотничьих рассказов, достоинство льва умаляют, не признавая его самым опасным зверем.

Но Хантер может так думать. Он уничтожил полторы тысячи львов, он однажды за ночь восемнадцать львов убил, он, наконец, один из немногих живших на Земле был свидетелем того, как над львами одержали победу... ослы.

Вот короткое изложение факта. Сафари (караван с охотничьими грузами) двигался по Африке. Так получилось, что носильщики-туземцы несли тяжести, а несколько ослов были навьючены бидонами из-под молока. Из-за жары шли ночью. Ослами заинтересовался прайд львов. Готовилось нападение. Чтобы не подвергать превратностям случая людей, Хантер решил пожертвовать ослами. Развьючивать было некогда. Ослов пустили в рыкающую тьму в надежде, что несъедобные бидоны от них останутся. Но очумевшие от страха непарнокопытные, победно грохоча оцинкованной тарой, прорвали цепь ночных разбойников, обратив их в постыдное бегство.

Здесь не предпринимается попытка развенчать львов. Напротив. Незначительные пятнышки на репутации героического зверя — это как пятна на солнце... Кстати, молва утверждает, что льва называют царем за то, что он может, не моргая, смотреть на это уважаемое светило. Но ведь и многие другие кошки от прямых лучей Феба не слепнут: так уж у них глаза устроены.

Лев прежде всего обличьем царь. «Высок» взгляд его. Он смотрит куда-то выше ваших голов, словно не замечая вас. Выражение его морды величественно и сосредоточенно.

У льва грива. У львицы гривы не бывает. Стихи Лермонтова «И Терек, прыгая, как львица с косматой гривой на хребте » рассматривать как зоологическую информацию нельзя. Литературоведы давно уже оправдали великого поэта: сказали, что тут творческий вымысел, «индивидуальное виденье» и т. д. Хотя, право, лучше было бы объяснить досадную неточность отсутствием в России во времена Лермонтова справочной литературы, да и львов тоже. Подобные львам звери если и водились под Москвой, то значительно раньше — пятнадцать тысяч лет назад. Они в те времена жили на Урале и Украине. Теперь их называют «пещерными», но не за то, что жили в пещерах, а потому, что древние люди рисовали их на стенах пещер.

«Лютый зверь скочил ко мне на бедры и конь со мною поверже» (Владимир Мономах. Поучение детям).

Последнего льва в нашей стране в низовьях Дона убил, по-видимому, киевский князь Владимир Мономах. Но был ли этот «лютый зверь» действительно лев — достоверно неизвестно. Сейчас львы уцелели только в Африке (общим числом около 150 тысяч, не больше) да в Индии, в заповеднике (около 200).

Но мы отвлеклись. Нас интересует сейчас грива, в общем-то единственный внушительный атрибут, указывающий на власть зверя: он ему и скипетр, и бунчук, и держава.

Гривы бывают черные и светлые. Большие и не очень. То грива растет лишь вокруг шеи довольно скромным воротником, но бывает грива мощна и страшна: венчает спереди, как запущенная стрижка, широкий лоб, а затем окутывает шею и снизу по брюху топорщится. Ученые-систематики главным образом по разнообразным гривам отличают среди львов около 10—12 подвидов.

Черная грива у берберийского и сомалийского львов, у масайского, капского и персидского — гривы темно-бурые, у других — желтые. Самая пышная грива была у величественного берберийского льва, теперь уже истребленного. Она покрывала густо и плечи и холку и лохматой грядой росла по брюху. У небольшого сомалийского длиннохвостого и длинноногого льва гривы на брюхе нет. Нет ее и у масайского льва. У него вообще грива негустая, короткая, зачесана назад ото лба. Плечи без-

Лев'

гривые. Таковы же по части гривы львы Трансвааля и Мозамбика. Сенегальский лев чуть меньше берберийского, более рыжий и без гривы на брюхе. У абиссинского, капского и персидского львов грива и на брюхе и на плечах. А вот у индийского льва (из всех львов наиболее серого цветом шкуры) грива невзрачная, жидкая либо ее совсем нет.

Грива льва представляет. По тому, в каком она у него состоянии, охотники, бывало, определяли и возраст, и болезни, и даже настроение зверя. Шкура с хорошей гривой в начале века в Африке, в Момбасе, стоила... фунт стерлингов. (Львов истребляли много — «перепроизводство» шкур получилось!)

Если не царствен, то по крайней мере великолепен и хвост льва. Длинный, тонкий, тугой, он содержит в себе необъяснимую силу: может вдруг стать прочным, как из металла, может ударить, будто это чугунная палка или фантастически мощная плеть Но самое примечательное — кисточка, а в ней коготь, вернее, шип, пробившийся сквозь кожу последний позвонок. Кисточка — на конце хвоста (у льва и львицы).

У льва не рев — гром небесный! Но чаще львы обходятся рычаньем не в полную силу (тоже весьма впечатляющим) и странными звуками, которые издаются, кажется, не горлом, а зарождаются в брюхе, то есть чревовещательными. То обычные «разговорчики» в прайде.

Что такое прайд? Пора объяснить... Прайд — это львиная стая, говорят некоторые и тем самым приписывают льву качество, которое ему не свойственно и даже вроде неприлично: нечто вроде стадности. Нет, прайд — это не стадо, не стая, не гурт тем более. Прайд есть прайд, и если уж идти по

пути сравнений, то ему ближе другое определение: большая семья.

Несколько зверей: самец (обычно один взрослый, но иногда и два-три), самки, детеныши, молодые львы — в иных прайдах до 18 и даже до 30 львов. Разновозрастные дети — под всеобщим контролем и попечением. Общее руководство осуществляет старый лев — глава семьи. (Видели прайды из одних лишь львиц — своего рода клубы амазонок!)

«Только непонятно, кому принадлежат эти восемь львят. Трое из них примерно вдвое больше пяти остальных. Значит, они не могут быть братьями, у них должны быть разные матери. Но все шесть взрослых львиц одинаково ласковы со всеми малышами. Когда львенок проходит возле взрослой львицы и даже льва, жесткий язык непременно нежно пройдется по его мордочке или спине» (Бернгард Гржимек).

У прайда собственные владения. Обычно это десятки квадратных километров зарослей и открытых мест, и все, кто перебивается травкой, веточками, листочками, принадлежат львам. Если люди им не мешают, львы рационально ведут свое хозяйство: как-то умудряются сочетать рождаемость львят и стабильность пасущихся вокруг стад. Лишнюю антилопу никогда не задавят, добудут мяса столько, сколько могут съесть. Прайд из четырех львов, например, убивает большую антилопу или зебру обычно раз в неделю.

«Один лев за год уничтожает примерно пятнадцать крупных животных со средним весом сто десять килограммов. Естественно, он делит добычу со своими братьями по стае» (Бернгард Гржимек).

Когда придет время позаботиться о продлении рода — случается это в любой месяц года — лев уводит подругу подальше от прайда. Потом они в прайд возвращаются. Беременность у львицы — 100—108 дней. Рожать она из прайда уходит. Логово приглядит где-нибудь в гуще колючих кустов, в высокой траве или в расщелине скал. Трех, редко пять-шесть львят принесет она — слепых, пятнистых. Примерно шесть недель живет с ними в уединении, но контакта с прайдом, по крайней мере вокального, не теряет: перекликается ревом. Время быстро летит, и вот гордая материнством львица возвращается, ведет полуторамесячных резвых и очень на вид симпатичных потомков в большую свою семью.

К вечеру прайд выходит на охоту. Вначале идут важные, даже надменные, не спешат. Торопиться вроде бы некуда. Конечно, антилопы и зебры не жаждут выказать верноподданнические чувства, а, напротив, сообразив, что голодные львы идут по их душу, несутся в панике куда попало. Топот, треск ломаемых кустарников. (А ведь когда львы, лежа в тени, дремали и сибаритствовали, антилопы и зебры паслись невдалеке без страха.)

Ночь наступает. Странно действует темнота на охотников: они нервничают, движения их порывисты, быстры. Надо полагать, мир, освещенный луной и звездами, кажется им особенно прелестным. Соответственно улучшается и аппетит. Но звери никогда не забывают, что они львы. Подумайте, какому охотнику придет в голову подбираться к дичи с той же стороны, с какой и ветер дует? А лев делает именно так. Он еще и порычит, чтобы сильным голосом своим напугать жертву. Ибо привык, что его подобает бояться.

Пока один пугает, отвлекая внимание, его товарищи заняли место в засаде. Они отлично спрятались. Казачье искусство ползанья по-пластунски им известно: лев даже в невысокой траве, которая ему по колено, так скроется, что его не заметишь.

Кровавая роль отводится молодым львам и львицам (которые не всегда умело с этим делом справляются). Старый лев обычно только руководит охотой, подавая подчиненным чревовещательные указания. Вот бросок... В первые секунды скорость отличная — километров пятьдесят в час.

Но ведь те, кто обречен быть добычей львов, тоже общепризнанные скороходы. Поэтому иной раз эффектный номер заканчивается лишь холостым щелком огромных челюстей. А какие это челюсти! Они, например, если захватили человеческое плечо, прокусывают его без всякого усилия насквозь.

К утру, отяжелевшие, отправляются «домой». «Домой» — значит, куда-нибудь на опушку зарослей, чтобы, лежа в тени, прищуриваясь, глядеть вдаль и предаваться лени (на это уходит у них бóльшая часть жизни!). А там, где много носорогов и слонов, чтобы эти толстокожие их покой не нарушали, львы спят даже на деревьях, растянувшись на суках и свесив лапы вниз. Недавно в Танзании, привязав львам на шеи транзисторные передатчики, с удивлением установили, что один лев, например, спал в сутки по 20 часов! За три недели прошел он, охотясь и развлекаясь, лишь 90 километров.

«К шакалам львы, видимо, относятся снисходительно: в то время как львица ест из середины, два из них тянут за конец жертвы» (Бернгард Гржимек).

Львы на шакалов не сердятся. Но гиен... гиен презирают и душат при каждом случае, когда это удается. Неприязнь понятная: ведь лев, когда одряхлеет, станет добычей гиен... Увы, в лучшем случае — гиеновых собак.

«Однажды мы повстречали такого покинутого всеми «старичка». Он лежал в тени дерева. Губа у него отвисла и обнажила тупые желтые зубы, ребра можно было пересчитать все до одного. Когда животное двигалось, то по горбатой спине и негнущимся ногам было видно, что это причиняет ему сильную боль... Майлс Тернер однажды видел, как стая гиеновых собак окружила старого льва, они подпрыгивали и плясали вокруг него... «Старик» шипел и замахивался на них лапой, и они вскоре отстали» (Бернгард Гржимек).

Но пора в путь! Новые поиски, новая охота. Вон леопард убил антилопу импалу и, от греха подальше, втащил ее, наверное немало повозившись, на толстое дерево, втиснул меж суков и приготовился в уединении отобедать.

Слазь! Как смеешь? — это лев появился внизу. Делать нечего, ощериваясь и шипя, леопард удирает. Массивный лев совсем не изящно лезет на дерево. Застрявшую в ветвях антилопу нелегко стащить. Он, оторвав от нее половину, бросает вниз. Закон сильного соблюден.

«Лев сорвался с места и размашистым, широким прыжком кинулся вперед. Тогда один из юношей, прижав к себе копье, шагнул навстречу льву и ударил его. Лев упал у ног юноши. Бой вытащил копье из раны, вытер его о край набедренной повязки и сказал Рэнею:

— Видишь, господин, это дело впору ребенку» (Карл Экли).

Да, права сильного львы уважают: увидев еще издали воинов-масаев, идущих с копьями по степи, удирают поскорее. Масаи ради молодечества, окружив льва, пронзают его копьями так точно и быстро, что львы предпочитают с ними не связываться.

Уступают «цари зверей» дорогу и взрослым носорогам, буйволам, бегемотам и слонам, конечно. Уступали бы и большим крокодилам, но те предпочитают места встреч держать в тайне, чтобы схватить и утащить льва в реку, когда подойдет он в жаркий день воды напиться.

Вот тут и подумаешь: хорош «царь зверей»! Стольких своих «подданных» ему приходится обходить стороной. Но может быть, хотя бы хищных зверей льву остерегаться не надо? Всех он сильнее! Нет, опять тут неувязка с громким титулом: тигр определенно сильнее льва! Опыт зоопарков и цирков в этом убедил: если подерутся лев с тигром, почти всегда льву больше достается ранений и поражений. А может и насмерть загрызть тигр льва, если вовремя их не разнять.

Весовые категории у них все-таки разные. Львы на воле редко весят больше 200 килограммов (в неволе случалось вырастить львов и потяжелее: питаются они тут лучше, мало бегают, жиреют). А вот тигр весом в 200 килограммов не редкость. Случалось убивать охотникам тигров по 320 килограммов!

Кроме того, тигр, в прайде и товариществе жить не привыкший, лучше умеет постоять за себя в единоборстве: опыта у него такого больше. По всем этим причинам из Азии львов вытесняли не только люди, но и тигры.

А было время, когда львы обитали не только по всей Африке, но и на Аравийском полуострове, в Персии, Северо-Западной Индии и даже в Турции, Греции, на Кавказе и в низовьях Дона!

Рисунки и кости пещерных львов ученые нашли в гротах Испании, Франции, Англии, Бельгии, Германии, Австрии, Италии, Алжира и Сирии. В нашей стране тоже во многих местах обнаружены следы былого обитания европейского льва: под Одессой, Тирасполем, Киевом и даже на Урале и в Пермской области. Подумать только, несколько тысяч лет назад и в наших краях водились львы! Тогда климат в Европе был мягче.

Уже давно нет львов в Европе. А в Азии? В начале нашего века в Ираке они еще водились. Но после первой мировой войны в междуречье Тигра и Евфрата истребили всех львов. А затем и в Иране (между первой и второй мировыми войнами). Однако в 1941 году один зоолог видел льва в диких нагорьях Юго-Западного Ирана. Позднее последовало еще одно подобное же сообщение, и все...

АЗИАТСКИЙ ЛЕВ

В Индии примерно до середины прошлого века львы обитали в Пенджабе, Гуджаратс и даже в Западной Бенгалии. Вне полуострова Катхиявар (запад Индии) последний индийский лев убит в 1884 году. На упомянутом же полуострове львы еще живут. Но их мало — 177 животных (по данным на 1969 год).

В Гирском лесу (на юго-западе Катхиявара) набоб княжества Джунагадха, в территорию которого входила большая часть Гирского леса, охранял в нем около сотни львов. В 1900 году эти львы были взяты под охрану государством. Но набобу по-прежнему разрешалось устраивать охоты на львов для потехи своих гостей.

Что же представляет собой этот Гирский лес, последнее убежище азиатских львов? Большая его часть покрыта тиковыми деревьями, вокруг же них — непроходимые джунгли колючих кустарников, местами в них вклиниваются обработанные поля — «хозяйство» семи тысяч людей, жизнь которых связана с Гирским лесом. Во владении у них 57 тысяч всякого домашнего скота — тот тоже находит пропитанис в этом же самом лесу.

А велик ли лес? Примерно 125 тысяч гектаров: 20 миль в ширину, 40 — в длину... Опустошенный скотом и вырубками Гирский лес каждый год уступает пустыне Тар несколько сот метров своей территории. Если это будет продолжаться, то, по мнению специалистов, лес просуществует не более 20 лет. Надежды только на постановление, принятое в 1966 году: 1300 квадратных километров уцелевшего леса были объявлены Гирским резерватом.

Возможно, спасение плененным в Гирском лесу львам принесет их переселение в более благоприятные для них места Начало уже сделано:

«В 1957 году три льва были перевезены в резерват Чандрапрабха в штате Уттар-Прадеш. С тех пор эта маленькая группа успешно размножается» (Д. Фишер, Н. Саймон, Д. Винсент).

СКОРОХОД НА «ШИПОВКАХ»

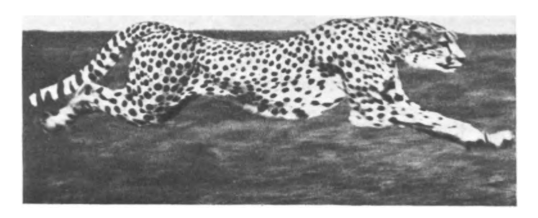
Лев высоко вознесся в людском мнении. Царь он лишь по названию или по натуре — спорить не будем, потому что и то и другое реально лишь в воображении людей. У льва 35 разновеликих родственников. Разделить их на категории лучше так: кошки большие, рыси и кошки малые. У всех больших кошек (и рысей) зрачок круглый, у всех малых — вертикальная чечевица. Большие кошки (кроме дымчатого леопарда, барса и пумы) мурлыкать не умеют. Малые — наоборот: не умеют рычать.

Крупных кошек восемь видов: лев, тигр, гепард, ягуар, ирбис, пума, пантера (или обычный леопард) и леопард дымчатый.

Средних (рысей) и мелких кошек — еще 28 видов.

Это звери хищные, ловкие, у всех, кроме гепардов, когти втяжные.

Гепард — самый быстрый зверь на Земле. Ни лошадь, ни антилопы не обгонят его. И даже не всякий автомобиль: 112 километров в час! Это по официальным данным. А неофициально некоторые охотники с секундомерами в руках измеряли скорость бега гепарда и говорят: 140 километров в час! Впрочем, едва ли так. Нет в такой резвости ника-

Гепард на резвом скаку он мчится со скоростью урагана — 30 метров в секунду' Это самый быстроногий зверь на Земле

кой биологической надобности: ведь все, за кем охотятся гепарды, скачут не быстрее 60—70 километров в час.

У гепардов-самцов небольшая, едва заметная грива. У детенышей серебристая гривка по всей спине. Через 10 недель после рождения теряют они гриву. После южноамериканского гривистого волка гепард — самый длинноногий хищный зверь. У него у единственного из всех кошек когти не втягиваются. Он поэтому бегает, как спринтер, в «шиповках».

Он странное производит впечатление: «собака с кошачьей головой» — эти слова вернее всего определяют его необычную внешность.

Стиль охоты у гепарда свой, особенный, не кошачьего образца. С холма, с какого-нибудь возвышенного места высматривает гепард пасущихся газелей (зайцев тоже не оставляет без внимания). Наметив жертву, подползает — прямо стелется по земле. За 20—100 метров до цели кидается в погоню, сразу же развивая поразительное ускорение: секунда — и 20 метров позади! Догонит — бьет передними лапами, валит с ног добычу и тут же вгрызается в ее горло. Не догонит на первых сотнях метров скачки — не преследует больше ускользнувшую дичь. Возвращается снова на наблюдательный пункт обозревать окрестности, высматривать новые цели для резвой атаки.

Прежде считали, что этот зверь живет и добывает пропитание в одиночку, не в совместных охотничьих рейдах с другими сородичами. Более точные наблюдения, однако, показали, что гепарды нередко объединяются в небольшие группы. Это самки с подросшими молодыми гепардами, иногда несколько взрослых самцов тоже охотятся вместе. В «мужскую» компанию принимают они и самок. Но объединений одних лишь самок (как порой бывает у львов) нигде не видели.

В укромном месте рожает самка-гепард от одного до пяти детенышей. Отец заботится о них, приносит корм. Даже если мать погибает, он их не бросает. Трехнедельные «котята» кроме молока едят уже мясо. Интересно, что в юном возрасте (почти до четырех месяцев) когти у них, как и у всех кошек, могут втягиваться в пальцы. С возрастом теряют они эту способность (впрочем, некоторые исследователи утверждают, что и у детенышей гепардов когти не втяжные).

Первые восемь месяцев — самые опасные в жизни молодых гепардов. Главные их враги — львы, леопарды, гиены и гиеновые собаки. Более половины подрастающего поколения гепардов гибнет, не прожив и года. Но основная причина вымирания гепардов — наступление человека на степи и саванны — места обитания этих зверей. Последние очаги жизненного пространства отнимают люди у гепардов. Внесение в списки исчезающих животных, в Красную книгу — такой печальной участи «удостоен» ныне гепард.

Прежний ареал гепарда обширен: почти вся Африка (кроме густых тропических лесов и центральных областей Сахары), Передняя Азия, Туркменистан, Индия. Теперь в Северной Африке лишь в некоторых районах Ливии сохранились немногие гепарды. В заповедных местах Восточной Африки их уцелело еще достаточно. Можно надеяться, что там при надлежащей охране этот зверь будет сохранен.

В Турции и Аравии уже в конце минувшего столетия доживали последние дни обреченные на вымирание гепарды. Теперь в Азии только кое-где у нас в Туркменистане и, возможно, в пустынных районах Ирана изредка встречаются еще гепарды. У нас охраняет их закон. В Индии тоже в 1952 году полностью запретили ловить и убивать гепардов. (Но было уже поздно. По свидетельству немецких зоологов И. Вайгеля и Г. Вендта, незадолго перед этим последних трех индийских гепардов застрелили к северу от Бастара.)

А ведь когда-то, в минувшие века, магараджи и другие владетельные князья Индии разводили в особых питомниках многие сотни прирученных гепардов. С какой целью? Тысячи лет был гепард своего рода борзой собакой в охотничьих сафари восточных князей и царей. Известно, что уже за три тысячи лет до нашей эры в Вавилоне охотились с гепардами на всякую копытную дичь, позднее также в Египте, Индии, Армении, Абиссинии и в странах, покоренных исламом и монголами.

Венецианец Марко Поло, совершивший в XIII веке небывалое по тому времени путешествие в отдаленные царства Востока, писал, вернувшись на родину, что в резиденции Кублай-хана в Каракоруме было около тысячи прирученных гепардов. Выезжая на охоту, надевали на голову быстроногих этих зверей особые колпаки, закрывавшие им глаза. Вблизи замеченного стада антилоп или оленей колпаки снимали, отстегивали поводки — и вихрем мчались гепарды, обгоняя всадников, в погоню за добычей. С Востока эта стародавняя охота распространилась далеко на Запад. В средние века некоторые австрийские и французские короли тоже охотились с гепардами. Нормандский герцог Вильгельм Завоеватель, когда покорил в XI веке Англию, привез на этот туманный остров любимых своих гепардов.

В XI и XII веках и русские князья гоняли с гепардами сайгаков по степному раздолью. На Руси охотничьих гепардов называли пардусами и очень ценили их в те времена. Царским подарком считался обученный охоте гепард. За него расплачивались «соболями и горностаими, и черными кунами, и песцы, и белыми волквы», и многим другим драгоценным, чем покупается роскошь, благополучие и все земные блага.

«Ростислав позва Святослава к собе на обед, и еха к нему без всякого извета... Да Ростислав Святославу соболями и горностаими, и черными кунами, и песцы, и белыми волквы, и рыбьими зубьями. На заутрие же позва Святослав Ростислава к собе на обед и тако быста веселясь паче вчерашнего дне. Да Святослав Ростиславу пардус и два коня борза и кована седлу» (Киевская летопись).

ПРЕСТУПЛЕНИЕ! ПРЕСТУПЛЕНИЕ!

Преступление! Преступление!

«Цвет — светло-соломенный. Волосы — короткие и хрупкие. Зубы — стертые и желтые, один клык сломан. Раны — одно свежее ранение в правое плечо; одно старое пулевое ранение в подушечку левой задней ноги; на той же ноге не хватает части пальца и одного когтя; несколько глубоких и частично заживших ран на голове; одна глубокая и частично зажившая рана на правой задней ноге; несколько частично заживших ран на хвосте; одна частично зажившая рана на коленном суставе левой задней ноги» (описание сделано 2 мая 1926 года Джимом Корбеттом, англичанином, охотником, подполковником в отставке. Рудрапраяг, Северная Индия).

Это о леопарде, который убил 125 людей. Восемь лет он терроризировал население на площади в пятьсот квадратных миль. «Свежее ранение пулей в правое плечо» оборвало бесконечную цепь жутких преступлений.

Он был неуловим и беспощаден. Иные верили: он — злой дух в образе леопарда. Он был знаменит, о нем писали газеты всего мира. На него ставили капканы и самострелы, в него стреляли из гладкоствольных и нарезных ружей, его травили мышьяком и цианидами. Но он обходил самострелы, вырывался из капканов, носил в себе куски свинца, как талисманы, а яды лишь улучшали его аппетит.

Вначале он подстерегал ночных пешеходов на лесных дорогах. Затем стал врываться в жилища.

Двери домов в деревнях во всей округе исцарапал своими когтями. То были результаты бесчисленных проверок: не забыли ли хозяева опустить засовы? Но и засовы не всегда помогали. Однажды людоед ухитрился отпереть хлев, где вместе со скотом ночевал мальчик-пастушонок.

Сила и ловкость этого зверя были таковы, что ему удавалось незаметно выхватить из комнаты одного или двух собеседников! Влезть в окно и не уронить вазу в его проеме. Он с шестипудовым капканом на ноге скакал резво! Он с жертвой весом 70 килограммов в пасти спрыгнул с четырехметровой скалы и не выронил того, кого нес.

Он убил женщину и перетащил ее через тела пятидесяти спящих вповалку людей, никого не разбудив.

Ни одно семейство зверей не пролило столько людской крови, сколько кошачьи. Тигры, леопарды, львы...

Да, и львы. На многих кладбищах Африки на надгробиях высечены разноязычные слова: «Под камнем сим... покоится... погибший от льва». Правда, даты под текстом старые, примерно времен колонизации и так называемого начала цивилизации. Строили, например, в 1898 году железную дорогу в Цаво (Кения) для вывоза сырья через саванну и кустарники, где веками прайды львов чувствовали себя хозяевами. Объявились там два льва-людоеда и убили несколько десятков рабочих, остальные разбежались, так что брошенное строительство девять месяцев было во власти львов. Инспектор железной дороги подстерегал их с ружьем, но тоже попал на обед львам: они вытащили его прямо из вагона.

В Африке хищнику, потерявшему чувство почтительности к человеку, разгуляться особенно не давали. Две-три жертвы, и он сам становился жертвой одного из охотников, съезжавшихся туда со всего света. В Азии — другое дело. Были такие годы (в конце XIX и в начале XX века), когда редкая газета в Индии выходила без заметки об очередном преступлении, совершенном тигром или леопардом. (Одна лишь тигрица из Кумаона убила 434 человека!)

«Новых достоверных сведений о неспровоцированных нападениях леопарда на людей на Кавказе нет... Достоверных сведений о нападении леопардов на людей в Средней Азии нет. Нет их и для Дальнего Востока... Так обстоит дело с вопросом о «людоедстве леопардов в нашей стране» (*профессор Г. П. Дементьев*).

Проста история того, как звери становятся убийцами.

Первая причина. Войны или эпидемии, оставляя на полях стран непогребенные трупы, дают хищникам возможность привыкнуть к человеческому мясу, и тогда рано или поздно нападают они и на живого человека. «Охота» нетрудная, и... лед сломан. Говорят, старая людоедка и детей своих учит иногда этому занятию, чтобы знали верный способ насытиться. Впрочем, очень редко приходилось убивать молодых здоровых зверей-преступников.

Причина вторая — разнородная, заключающая в себе много нетипичных случайностей и все же умещающаяся под кратким определением: вина человека.

«Частично зажившая рана» — эти слова звучат как рефрен всех историй о зверях-людоедах. Рана, с нее все начинается. Неумелый охотник осмеливается поднять несовершенное оружие на сильного зверя. Посланная дрожащей рукой пуля лишь ослепляет хищника бешенством. Нападающая и пострадавшая стороны меняются ролями.

Но даже тот случай, когда неудачная пуля послана из укрытия и зверь благополучно ушел, унося ее в своем теле, сулит печальные последствия. Лишенный всякой надежды избавиться от увечья и охотиться с прежней удачей на тех, кто его добыча по праву, зверь, замученный голодом, нападает на человека, поймать которого легче, чем оленя или антилопу.

Часто на разбойничью стезю приводит беззубая старость. Часто повинны тут... дикобразы. И тигры, и леопарды, когда голодны, нападают на дикобразов. Но леопарды умеют увернуться от их игл и схватить колючего за голову. А тигры почему-то неудачливы в этой охоте: глубоко в мышцах убитых тигров-людоедов находят обломки игл толщиной с карандаш и длиной четверть метра. У иных было до пятидесяти игл! Конечно, тигр, так отделанный дикобразом, на резвую дичь охотник никудышный. Лягушки, саранча, мыши... безоружный человек и его домашний скот отныне единственно доступная ему добыча.

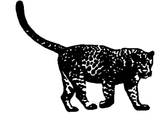
Таких зверей неписаные и писаные законы всех стран и народов не защищают.

Вы помните, Дерсу Узала из книги В. К. Арсеньева уж на что безмерно, до фанатизма уважал тигров, а когда один из них украл у землепроходцев собаку, то он заявил с уверенностью:

— Такой амба можно стреляй, греха нет.

Понимал старый гольд человеческую ответственность высокой должности — хозяин природы.

Здесь мы закончим о зверях-преступниках. Получилось так, что рассказанным выше мы предварили описание тигров и леопардов. Это повредит зверям в ваших глазах, но ничего не поделаешь, смолчать ведь тоже нельзя.

ЛЕОПАРД, ИЛИ ПАНТЕРА

Раньше спорили: леопард и пантера — два разных зверя или нет? Ученые доказали: зверь один. То, что пантера черная, — случайное явление меланизма. Иногда черная пантера родится от вполне пятнистой леопардихи, чья шкура напоминает игру солнца в листве.

«Ступайте прочь, не до вас! У нас графинюшка родила арапчонка, а вы лезете за милостыней» (А. С. Пушкин).

Однако, как ни черна пантера, обычно леопардовые пятна на ней все-таки проступают, едва, правда, заметные в ночной тьме ее меха. Родятся, но очень редко леопарды-альбиносы и так называемые флависты: для этих словно не хватило у природы черной краски — пятна блеклые, охристые, в лучшем случае шоколадные. Но и нормально пятнистые леопарды пятнисты не одинаково. У африканских пятна мелкие, у азиатских — более крупные. Фоновый тон у кавказских и среднеазиатских — песочно-сероватый, у дальневосточных — рыжевато-желтый. Очень яркие, сочные тона в окраске леопардов густых тропических лесов. Лесные леопарды — самые крупные в своем роду. А самый маленький — сомалийский леопард.

Итак, пантера или леопард — называйте, как хотите.

Это, пожалуй, самые красивые звери Африки и Азии. (У нас в очень малом числе живут на Кавказе, на юге Средней Азии и в Приморье на Дальнем Востоке — 40—50 особей.) Яркие, как вспышка. Черные, как тень под луной. Зубы у них белоснежные. Причем клыки размером с лезвие финки (десять сантиметров). И острые, как положено.

Тем, у кого шкура получилась черная, выгоднее держаться в лесах погуще — там и держатся. У пятнистых леопардов богаче выбор мест, но вообще те и другие любители нескучного разнообразного пейзажа: чтобы скалы были с удобными расщелинами и пещерами, чтобы рядом высились труднопроходимые леса или заросшие густым кустарником склоны и ущелья и, главное, чтобы протекала поблизости какая-нибудь речка или непересыхающий в жаркое время ручей. Последнее условие соблюдается обязательно, но не из-за любви к купанию — в воду, особенно холодную, леопарда можно загнать только силой, — а из соображений более практических: ведь разные копытные на водопои ходят...

В своей «вотчине» леопард — как добросовестный ревизор. Никакими проторенными маршрутами не пользуется, появляется то тут, то там, прекрасно понимая преимущества фактора неожиданности. Если сосед, нечаянно или намеренно, пожалует на угощение, которое ему никто не предлагал, встреча будет приготовлена жаркая. Клочья черной или желтой шерсти полетят, кровь прольется.

У леопардов самец и самка не только в пору размножения, но и в другое время живут нередко неподалеку и весьма почтительны и нежны друг с другом. Любят и поиграть и порезвиться.

«Тем временем два леопарда чепрачного шакала поймали и теперь играют мертвым животным, как кошки с мышью. Один делает бросок, хватает шакала за загривок и ударяет его лапой так, что он отлетает в сторону. В это время второй леопард, притаившись в траве, выскакивает и, как живого, ловит мертвого шакала» (Бернгард Гржимек).

Но папаша из леопарда, мягко говоря, неважный. Он, случается, не прочь съесть своих деток. Самка поэтому втайне от него строит логово (чаще всего в какой-нибудь пещерке).

Дети растут всем хороши: пушисты, пятнисты, игривы, драчливы. Один у них недостаток — обжоры. Никакой не знают меры; не останови их, наедятся так, что едва могут шевельнуться.

И наконец, выросли. Живучи, сильны Веса в каждом от 20 до 80 килограммов. И соответственно столько же мяса могут припрятать на высоком дереве, причем ступеньки в виде сучьев не требуются — и так поднимут нелегкий груз. Имеют привычки. Кое-что переняли у мамаши, другие унаследовали. Не любят воду и дождь: прячутся, если с неба капает (тигр и в дождь бродит). Помет свой,

как кошки, зарывают (тигр и лев — нет). Умеют спать на деревьях, укрываясь в листве так, что их и не заметишь. Правда, иногда хвост убрать забудут — висит он, предупреждая, что ходить здесь опасно. Спят днем, охотятся по ночам (африканские леопарды обычай этот нередко нарушают). Многие, особенно под старость, не брезгуют падалью (как и львы).

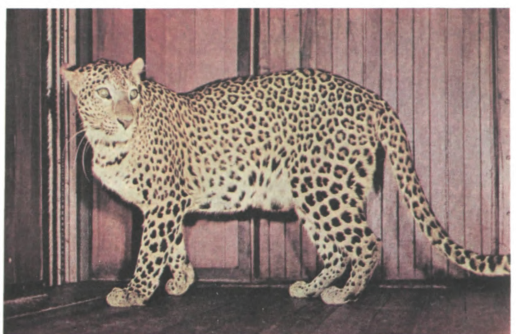
Великолепный слух и зрение. Обоняние очень слабое. Изумительные мастера подкрадываться! Чаща, лес, тьма, а зверь ни на сухой шуршащий листок не наступит, ни на ветку, которая может хрустнуть.

Леопард, если не голоден, не обидит и козленка, но есть у него слабость, которая ставит его на путь особого рода вражды с человеком. Собак не любит и душит их, как только это удастся. Был случай: унес леопард собаку прямо из-под стола на веранде на глазах у людей!

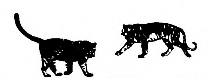
А в остальном зверь хороший и обязательно должен жить. Джон Хантер писал так:

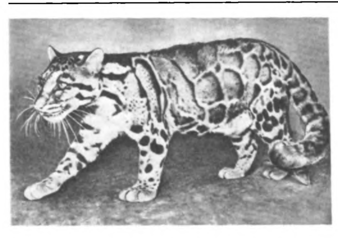
«В дни моей молодости мы придерживались того взгляда, что леопард хорош только в виде шкуры, вытянутой для просушки. Но теперь мы обнаружили, что леопард играл немалую роль в поддержании равновесия в природе. Леопарды, ока-

Черная пантера'

Леопард

Дымчатый леопард значительно меньше обычного. Средний вес его — 20 килограммов

зывается, убивали каждый год тысячи бабуинов, а теперь, когда леопарды почти полностью уничтожены, бабуины стали во многих частях колонии довольно серьезной проблемой».

Обнаглевшие обезьяны бабуины нападают теперь не только на овец, но даже и на людей. Пришлось закону взять в Африке леопарда под свою опеку.

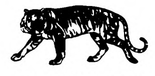
В горных лесах Непала, Сиккима, всего Южного Китая и Индокитая, на Тайване, Суматре, Калимантане (по некоторым данным — и на Яве) живут леопарды особого рода — дымчатые. Окрашены они очень красиво: черный мраморный рисунок по ярко-желтому или желто-серому фону. Ростом с небольшого обычного леопарда (вес — 20 килограммов)

Много споров было, к какому роду причислить этих леопардов, наконец решили, кажется, выделить их в особый род.

Дело в том, что дымчатые леопарды совмещают в своей анатомии некоторые черты как больших, так и малых кошек, занимая промежуточное положение между ними. Например, зрачок у них не круглый, как у больших кошек, а яйцевидный. Кроме того, и гортань устроена, как у малых кошек, поэтому хоть и велики ростом дымчатые леопарды, однако способны мурлыкать, как малые кошки. Но и рычать умеют.

Об их образе жизни известно немного, потому что видеть их в густых лесах, где они живут, почти не слезая с деревьев, мало кому приходилось. Днем спят на деревьях, охотятся ночами на крупных птиц, нападают иногда и на оленей сика.

Мраморная кошка обитает в тех же лесах, что и дымчатый леопард, — это его миниатюрная копия! Так же окрашена, так же длиннохвоста, близка к нему и происхождением, но почти вдвое меньше и охотится не столько за птицами, сколько за мелкими древесными зверьками, лягушками и ящерицами.

ТИГР-ДЖЕНТЛЬМЕН

Это самая большая из всех кошек на Земле. Особенно наш дальневосточный, уссурийский, подвид — до 270 и даже 320 килограммов (весовая категория льва — 125—250 килограммов).

«Тигр — джентльмен, пантера — невежа», — говорят охотники. Правда, иногда к великолепной этой характеристике прибавляют словечко «удачи», которое сильно изменяет смысл. Получается, что тигр «джентльмен удачи». Каждому ясно, куда намек направлен... Жители Забайкалья, где в старину тигр нередко появлялся, называли его «лютый». Твердо верили даже, что если набредешь на весьма внушительный след куда-то идущего зверя, то необходимо со следа не сходить, а двигаться задом в обратном направлении. И непрестанно класть поклоны. Иначе беды не оберешься.

Тигр благороден тем, что перед атакой рыком предупреждает охотника (пантера нападает молча, обычно сзади). Тигр падаль ест редко (пантера не так разборчива). Тигр чистоплотен: и в логове у него чистота, и добычу с потрохами обычно не ест, вытащит их и отнесет в сторонку. Шерсть сдирает тщательно, говорят, даже кролика или утку может ощипать, не повредив кожи.

Бродит тигр и днем и ночью (личные владения у него велики: сотни квадратных километров) и, чтобы все обойти, проходит зверь иногда 80—90 километров в сутки!

Он идет по джунглям, и птицы (фазаны, дикие куры, сороки), олени и обезьяны лангуры кричат тревожно, увидев его. В его большом теле, медлительном и величавом, 300 килограммов. В нем дикая сила и напряжение страстей. Недаром даже человек, еще не видя тигра, не ожидая его появления, чувствует особое странное беспокойство — его называют телепатией. Возможно, сдержанно бушующие эмоции зверя подсознательно волнуют человека.

Золото сверкает между темными полосами его шкуры. На шее муфта длинных волос. Небольшая грива. На морде бакенбарды.

«Его мелодичный, гортанный, протяжный стон с незабываемым «уу-уу-уунг» в финале далеко разносится под мрачной тенью гигантских деревьев» (Кеннет Андерсон).

Он охотится. Идет против ветра к известным ему водопоям, пастбищам оленей. А если притаился в засаде, то обязательно с подветренной стороны. Это несколько странное внимание к обонянию своих жертв: ведь у самого тигра нюх никудышный. Глаза и уши замечательные — видят и слышат отлично. В Индии говорят: тигр самый умный (после слона) зверь в джунглях. Он будто бы, подражая криком оленю, подманивает его. Но когда гоняет обезьян, рычит страшно. Они, пугаясь, прыгают с дерева на дерево и часто, ослабев от страха, падают на землю. Тут тигр не зевает и хватает их.

Убивает тигр смело, открыто, не таясь, часто при свете дня. Как убивает — до сих пор споры: многие утверждают, что, прыгнув на спину коровы, свиньи или оленя, лапой хватает их за морду и, рванув к себе голову жертвы, ломает шейные позвонки. Иногда, сжимая на горле могучие челюсти, душит зубами.

Велика сила у тигра. Дикого быка гуара, которого один тигр убил, он протащил по земле почти 12 метров (13 человек с места не смогли сдвинуть тушу этого быка). Другой тигр загрыз лошадь и волок ее по земле 500 метров. Редко, но и молодых слонов, отбившихся от стада, побеждают в нелегкой борьбе тигры. Наблюдали даже, пишет немецкий зоолог доктор И. Вайгель, как два тигра напали на взрослого слона и убили его. Обычная же их добыча — кабаны, олени, антилопы. Не упустят при случае они и таких непригодных, казалось бы, для пропитания тигра животных, как зайцы, лисы, барсуки, шакалы. Едят, когда голодны, грызунов, лягушек, даже ягоды. По наблюдениям и подсчетам исследователей получается: в среднем за день тигр съедает семь — девять килограммов мяса. В год, следовательно, около двух с половиной — трех с половиной тонн (почти вдвое больше, чем требуется льву!). Если же учитывать кости, шкуру и все прочее, что тигр не ест, то общий вес жертв, добытых им за год, приблизительно четыре с половиной тонны. Само собой разумеется, изо дня в день усредненного рациона — семь — девять килограммов — тигр не получает. При неудачной охоте он голодает (лягушками кормиться не брезгует!). При удачной — наедается до отвала.

Джим Корбетт, известный охотник на тигров и отличный писатель, об индийском тигре говорит: оленя замбара зверь съедает за два, а буйвола — за три-четыре дня. Насытившись, остатки добычи тигр прикрывает листьями, ветками, травой — прячет от глаз гиен, шакалов, леопардов и других расхитителей. Сам где-нибудь лежит невдалеке и отдыхает. Гиены и шакалы, добравшись все-таки до укрытой добычи, нередко нарушают его послеобеденный покой: приходится ему вставать и прогонять их.

Когда тигр ест (и после еды), если поблизости есть вода, он ходит к ней и много пьет. Погрузив всю пасть в прохладные струи, словно бы полощет ее. Он воду любит, как никто из больших кошек (кроме, пожалуй, ягуара). Там, где тигра не беспокоят, в знойный день часами он может лежать у воды, а то и в воде. Прохлаждается, спасаясь от жары. Плавают тигры хорошо и охотно. Большие реки, даже Ганг, переплывают без труда.

Тигрица не каждый год приносит тигрят. Обычно в одном помете два — четыре детеныша, редко один, еще реже — до семи. Казалось бы, не совсем уж плохой приплод. Но нужно учитывать, что два-три года, иногда и до пяти лет, живут молодые тигры с матерью. Да и из 10—20 ее потомков половина обычно погибает еще в юном возрасте. Прожить тигр может 40—50 лет, но в природе фактически погибает раньше.

Первые два месяца только на молоке растут тигрята. Потом понемногу привыкают они к мясу. И все равно долго еще (по некоторым наблюдениям, 13—14 месяцев) подкармливает тигрица своих детей молоком. Шестимесячных тигрят она оставляет одних уже на несколько дней. Примерно в этом же возрасте (иногда позже либо раньше) впервые выходят молодые тигры вместе с матерью на охоту.

Дж. Шаллер наблюдал за тигрицей с тигрятами (им было примерно четыре месяца). Пять дней они не уходили далеко от добычи — быка гуара, которого загрызла тигрица. Ночью ели и спали. Утром начиналась возня, резвые игры, исследования ближайших окрестностей. Услышав шорох в траве, тигрята, крадучись, подползали туда и в забавном прыжке ловили добычу — каких-то, скорее всего,

насекомых. Когда солнце поднималось высоко и жара наступала, мать уводила своих детей в тенистое место.

В первые выходы на совместную охоту тигрица уже учит тигрят, где и как надо подстерегать в засаде крупную дичь, как убивать ее. Метод обучения, например, такой: одна тигрица выследила буйвола, сильно ранила его, повалила на землю и отошла в сторону. Тигрята набросились на живого еще быка. Он отбился от них, встал, хотел бежать. Но тигрица опять свалила его, и молодые тигры на этот раз удачно справились со своей задачей.

«Детенышей, несомненно, впервые вели к добыче, и было чрезвычайно интересно наблюдать за стараниями матери внушить им, какая опасность таилась в том, что они делали... Они ступали только по следу матери, ни разу не сделав попытки обогнать друг друга... неподвижно застывали всякий раз, как она останавливалась...

Тигрица улеглась на землю так, что добыча оказалась прямо перед ней на расстоянии тридцати ярдов. Это послужило, по-видимому, сигналом для тигрят, и они направились туда, куда она указывала взглядом... По-прежнему соблюдая осторожность, тигрята приступили к поискам, всем своим видом показывая, что ищут нечто вполне определенное. Я всегда утверждал, что тигры лишены обоняния, и поведение тигрят лишний раз подтвердило мою правоту... Погода стояла невероятно жаркая, и именно запах помог нам с Маком в конце концов обнаружить труп животного. А два голодных тигренка сновали взад и вперед, десятки раз проходили в ярде от добычи и не могли ее найти... Тигрица следила за тигрятами не менее внимательно, чем я, и только однажды издала какой-то звук. Как только добыча была найдена, мать перевернулась на спину и уснула» (Джим Корбетт).

Пока тигрята совсем маленькие, мать к ним близко не подпускает отца. Но позднее, возможно, тигр-самец время от времени приходит к своему семейству. Дж. Шаллер видел однажды взрослого тигра, двух тигриц и четырех тигрят, которые вполне дружелюбно, без ссор ели одного быка. В другой раз тигрица и четыре тигренка «обедали», когда появился взрослый тигр. Он был явно голоден и алчно посматривал на добычу. Однако вежливо ждал в сторонке, пока не наелись малыши. И только тогда сам стал есть.

Тигр — зверь, занесенный в Красную книгу. Он всюду быстро исчезает под натиском человека, вторжение которого в девственную природу идет нарастающими темпами. Еще в 1930 году на Земле

Тигр очень любит воду и в жару часто нежится в прохладных струях реки

жили, ориентировочно, 100 тысяч тигров, 40 тысяч из них — в Индии. Теперь называют совсем печальные цифры: лишь около пяти тысяч осталось в мире тигров.

В Индии и Индокитае тигров сохранилось больше, чем где-либо еще на обширной территории, обитаемой прежде тиграми: от нашей Средней Азии и Закавказья до Индонезии, от Ирана до Дальнего Востока. В Индокитае, возможно, еще живет около двух тысяч тигров. Столько же в Индии. Впрочем, некоторые оптимисты называют и более значительное число сохранившихся на Индостанском полуострове тигров: в Передней Индии две — две с половиной тысячи и в Западном Бенгале — пять тысяч (мало в это верится, но если более или менее верен такой подсчет, тогда общее поголовье тигров всего мира повышается до десяти тысяч). На Суматре тигров, вероятно, несколько сот, на нашем Дальнем Востоке — около 200. В Северном Иране и Афганистане, очевидно, лишь 50

Тигр в снегах — согласитесь, зрелище необычное. Но наши амурские тигры отлично освоились с морозными зимами своего края. Они самые большие и сильные, крупнее львов: длина шкуры — до четырех метров, а вес — до 320 килограммов

тигров. В Маньчжурии и Корее — 50. На Яве совсем безрадостная статистика: от 6 до 14 тигров. На острове Бали (к востоку от Явы) — родине самой мелкой расы тигров — остались лишь воспоминания о полосатых кошках. Тигров там, очевидно, больше нет.

Международный союз охраны природы прилагает сейчас все усилия к спасению тигров в Индии. В этой стране издан закон, запрещающий продавать, покупать и вывозить за рубеж шкуры тигров. В местах с наибольшим числом сохранившихся тигров учреждено девять заповедников.

Это позволяет надеяться, что в Индии тигр будет спасен.

«Сохранить тигра как уникальный памятник природы есть обязанность нашего поколения» (профессор А. Г. Банников).

Что ж, попробуем... Уже давно запрещена охота, все меры приняты, но браконьер существует, и как от этого татя избавишься? Правда, на Дальнем Востоке у нас за последние десять лет тигров стало немного больше.

Было время, водились тигры даже на севере Сибири: до Якутска доходили. А десятки тысяч лет назад жили и на Новосибирских островах: нашли там кости древних тигров, которые от современных мало чем отличались.

Амурские тигры — самые большие, зимой мех у них густой и жира под кожей много (до пяти сантиметров толщина его на брюхе!). Морозы им не страшны, но в глубоком снегу тигры вязнут и потому любят ходить зимой по звериным тропам и по льду рек. Самые мелкие тигры — зондские, именно те, что жили прежде на острове Бали и ныне еще живут на Суматре. На островах Шри-Ланка и Калимантан тигров нет, а леопарды есть: на первом острове — обычные, на втором — дымчатые.

СНЕЖНЫЙ БАРС, ИЛИ ИРБИС

В старые времена у нас барсом называли леопарда (ныне вновь намечается такая же тенденция). И сейчас его так зовут на Кавказе. Но снежный барс не леопард, хотя и похож на него. Те же черные пятна на дымчато-серой шкуре (иногда встречаются и черные барсы). Но мех длинный и пушистый, особенно на брюхе, сантиметров до двенадцати длиной. Барс — житель гор (Алтая, Памира, Тянь-Шаня, Тибета, Гималаев и высокогорной Монголии). Высоких гор — до двух-трех тысяч метров. А летом, следуя за горными копытными, поднимаются барсы еще выше — до шести тысяч метров. В горах, как известно, и летом не жарко, а зимой и вовсе прохладно.

Барс (или ирбис, что одно и то же) часами караулит где-нибудь на скале или под скалой козлов, косуль, кабарог, горных индеек или баранов Но вообще охотник он универсальный: берет всех — от мышей до яков иногда. Людей не трогает, и нрав у него, по-видимому, более добродушный, чем у пантеры и тигра.

Барсы любят играть и валяться в снегу. Разрезвившись, съезжают с утеса на спине, а внизу быстро переворачиваются и падают в сугроб на все четыре лапы. Изрядные сибариты. После утренней охоты, после игр устраиваются где-нибудь поудобнее и греются на солнце.

Обычное местожительство — рододендроновые кустарники, а местами альпийские луга и голые скалы у границ вечных снегов. Здесь живут парами — самец и самка. Весной родятся у них два — четыре котенка. Логово — в уютной расщелине (бывает и в гнезде грифов на невысоком дереве[1]). Мать шерстью утепляет логово, вырвав ее у себя с брюха. Другие кошки, кроме еще камышового кота, на такое самопожертвование, кажется, не способны. Молоко у барсов жирное, впятеро питательнее, чем у коровы.

На шестой день открываются у малышей глаза, на десятый начинают неуверенно ползать, не поки-

Снежный барс, или ирбис, обитатель высокогорной Средней, Центральной Азии и Южной Сибири

дая, однако, логова. Двухмесячными выходят из него, чтобы на солнце погреться и поиграть. Встречают мать с добычей на пороге и ссорятся, вырывая друг у друга куски мяса. В июле — августе уходят с матерью на охоту. Зима придет — мать не бросит молодых барсов, живут они обычно вместе. Возможно, что и отец к ним присоединяется (в зоопарках во всяком случае он заботится о малышах).

Из-за красивого и густого меха всюду охотятся на барсов. У нас и в Индии их давно уже охраняет закон. Но шкуры барсов все равно попадают на мировой рынок, несмотря на принятое международными торговыми организациями запрещение продавать их.

Всего в СССР сейчас живет, очевидно, не более двух тысяч ирбисов.

В старом барсе 75 килограммов, крупным ростом и другими чертами близок он к большим кошкам, но есть у него и кое-что от кошек малых. В хорошем настроении барс, например, мурлычет (пума и дымчатый леопард тоже), но и рычать может. Некоторые зоологи дымчатого леопарда, барса и пуму называют гигантскими малыми кошками.

БОЛЬШИЕ КОШКИ АМЕРИКИ — ПУМА И ЯГУАР

Жизненное пространство ни одной кошки не раскинуто так далеко по меридиану, как у пумы: от Южной Аляски до Магелланова пролива. Так было во всяком случае еще в начале нашего века. Теперь во многих местах пума истреблена полностью или почти полностью. Нет уже, кажется, пум на Аляске, выбили их всех полвека назад и на востоке Канады и США (этих пум и называли кугуарами — имя, которым иногда и по сей день награждают всех пум вообще). В Канаде и в США уцелели пумы только на западе и кое-где в устье Миссисипи и во Флориде.

Одно время числилась пума в близком родстве со львом. Ныне приметы этой старой теории видим еще в названиях пумы: «горный лев», «серебристый лев», «лев Анд». Некоторые зоологи полагают, что генетически, я уже упоминал, пума близка к малым кошкам.

Самые мелкие пумы (весом около 30 килограммов) живут во влажных тропических лесах Южной Америки. Шерсть у них короткая и красно-бурая. Самые крупные (до 110 килограммов) — серебристо- или темно-серые — в Скалистых горах Северной Америки и на крайнем юге своего обширного ареала — Огненной Земле.

Охотничьи владения пумы велики: до ста миль в окружности. Даже если ее не тревожат, кочует пума в пределах этих миль, нигде долго не задерживаясь.

Какими-нибудь пятнами или полосами природа взрослых пум не наградила, хотя котята ее пятнисты. С первой же линькой этот атавистический дар исчезает. Лишь у некоторых вполне взрослых пум тропических лесов на шкуре едва заметны следы былой младенческой пятнистости.

«Пума — бедное дитя, ступившее, однако, на неверный путь» — эта туманная характеристика произнесена подлинным трампеадором (охотником) Франсиско Гарридо в книге А. Арлетти «Трампеадор». Франсиско Гарридо часто общался со зверьем, и поэтому его характеристику, как она ни загадочна, интересно расшифровать. Почему «бедное»? Почему «дитя»? Почему, наконец, «неверный путь»?

Трампеадор любил природу, и поэтому в сказанной им фразе звучит, видимо, сочувствие к подлинным бедам пумы. А такие есть. Беда первая обычна для всех зверей: вооруженный человек. Вторая — не совсем понятная ненависть соседа-ягуара.

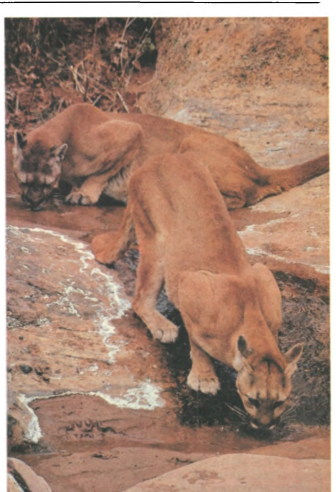
Ну, а почему «дитя»?

Пума любит позабавиться: резвясь, прыгает (а прыгун она феноменальный: пять-шесть метров в высоту, а с высоты вниз — иногда и 14 метров!). Скачет за бабочками, как малый котенок, кувыркаясь, ловит свой хвост, если не с кем больше

Пума почти настигла горного барана'

Пумы у водопоя. В роде фелис, к которому относят пуму многие систематики, это самая большая кошка. Ее вес — 35—105 килограммов

Самая большая кошка Америки — ягуар

поиграть. Ее большие спокойные глаза глядят ласково до наивности. Индейцы уверяют: пума — друг человека, сама не нападает на него никогда. А если встретятся эти двое в пустынных местах, она подбежит, подпрыгивая и роя лапой землю, словно приглашая человека поиграть. Увы, люди таких шуток не понимают и отвечают выстрелом.

На вопрос, что подразумевать под словами «неверный путь», ответить, кажется, нетрудно. Пума — крупный зверь. В Канаде она гоняет по глубокому снегу оленей, а в знойных прериях Аргентины охотится на страусов нанду. Человек, как известно, смотрит на все, что ему может пригодиться, как на свою собственность. Притом пума, к несчастью, не всегда разбирает, какой зверь или птица пользуется пока свободой, а какой для удобства человека «прописан» в загоне, хлеву или курятнике. Она иной раз нарушает относительный покой «цивилизованных» животных, чтобы ввергать их в покой окончатель-

ный и безвременный. А уж это и совсем непростительно.

Итак, «пума — бедное дитя, ступившее, однако, на неверный путь»...

У ягуара жизненное пространство, если измерять его в географических категориях, меньше, чем у пумы: от юго-запада США (Техаса и Аризоны, где он уже, кажется, истреблен) до Северной Аргентины. Ягуара от леопарда не всякий отличит. Очень похож, и пятна почти такие же, только покрупнее, и некоторые их розетки с маленьким черным пятнышком в центре. Голова у ягуара больше (череп массивный, почти как у тигра), хвост короче, и сам зверь относительно короче, но выше леопарда. (Весит в среднем больше 100 килограммов.)

Ягуар бегает, лазает и плавает отлично. Воду, как и тигр, очень любит. Амазонку легко переплывает, и был случай: напал ягуар на людей в лодке, они в воду попрыгали, а он сел в лодку и поплыл, посматривая по сторонам. Любит плавать, лежа на бревне, вниз по реке, так иной раз замечтается, что течение выносит его в океан. Рыболов ягуар искусный, часами караулит рыб у воды. У реки охотится на водосвинок, тапиров. Даже на крокодилов, которые поменьше (а большие крокодилы охотятся на него!). У моря ловит черепах. Выскочит из кустов и кидает вверх брюхом одну черепаху за другой. Черепахи перевернуться и уползти сами не могут, но и не умирают, не портятся. Потом ягуар приходит и когтями вырывает из панциря тех, которые устали лежать вниз спиной и высунули головы. Живут ягуары и в степях, и в сырых болотистых лесах (и нередко рахит там наживают!).

ПРОСТО КОШКИ?

Египтяне еще раньше, чем начали строить пирамиды, приручили дикую кошку. И вот живет она в нашем доме: вроде бы и с нами, но и сама по себе. Иной раз и не знаешь, чем лучше угостить ее, что ей больше по душе — мясо, молоко, свежий огурец или капли валерьяновые...

Одни кошки обожают сырую рыбу, другие — сырую... картошку! Есть такие, которые от сырой рыбы воздерживаются, а если им предложить сырую картошку, только фыркнут.

Кто из диких котов любит сырую картошку — неизвестно. Но никто не запрещает нам предположить, что любительница поесть рыбку имеет в себе кое-какие качества кота-рыболова, занимающегося своим ремеслом на берегах рек, впадающих в Индийский океан, да и на берегах самого океана, в мангровых зарослях. По деревьям лазает эта крупная кошка неохотно, но плавает великолепно. Говорят, даже ныряет за рыбой, как выдра, но это наукой еще не доказано, хотя и не отрицается.

Есть кошка плоскоголовая — ростом меньше кота-рыболова и похожа на виверру. В непроходимой гуще кустов и тростников Индокитая, Индонезии охотится на рыб, лягушек и крабов. Есть золотые кошки (в Африке и Южной Азии) — у них только на морде яркие белые пятна и полосы, а все тело однотонное — серое или рыжее. Довольно крупная (120 сантиметров общая длина), горная кошка пушиста, как снежный барс, и обитает так же высоко в горах (Кордильеры Южной Америки), у границ снегов. Пятниста, но пятна не черные, а ржаво-оранжевые! Несколько похожа на нее окраской кошка пампасов. Она в Южной Америке как бы заменяет нашу дикую степную кошку, а онсилла — нашего лесного кота. Видом онсилла — миниатюрный ягуар.

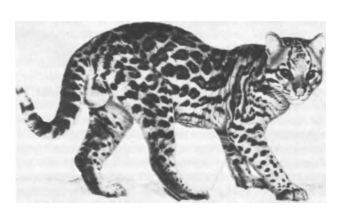
В тех лесах (и даже еще севернее — вплоть до Мексики и Техаса) живет дикий кот маргай, похожий на онсиллу (он лишь чуть покрупнее и длиннохвостее). Онсилла предпочитает прятаться и охотиться на земле, в кустах, а маргай — на деревьях. Он и плавает отлично. Бразильцы называют маргая малым оцелотом. К сожалению, о жизни этих кошек мы почти ничего не знаем. Лишь оцелот и ягуарунди изучены лучше.

Оцелот после ягуара и пумы — самая большая дикая кошка Америки (до полутора метров в длину). Мексиканское имя оцелота — тигрилло. Он довольно массивен, голова тяжелая, шея и хвост

Кошка-рыболов ловит рыбу не только с берега, как многие другие, но и ныряет за ней в воду

короткие. Охотятся всюду на оцелота из-за его красивого меха, который высоко ценится на мировых пушных рынках. Раньше обитал оцелот и в США (в Аризоне и Арканзасе), сейчас там, кажется, полностью истреблен. Но в Мексике, Боливии, Гвиане, Бразилии и Северной Аргентине еще живут оцелоты: в тропических лесах, пампасах и в нагорьях, поросших кустарником. По деревьям лазают и плавают отлично. Нападают даже на двухметровых удавов. По ночам, в декабре — январе, когда у оцелотов свадьбы, их громкие крики, похожие на мартовские концерты наших котов, оглашают леса Южной Америки.

Очень красиво окрашенный оцелот — третья по величине дикая кошка Нового Света

Ягуарунди — кошка во многих отношениях особенная. Коротконогая, длиннохвостая, голова маленькая и ушки тоже. На деревья ягуарунди залезают редко и невысоко. Несмотря на короткие свои ноги, бегают быстро и преследуют убегающую дичь долго — целую милю, что для кошек необычно. В Панаме в одной компании с обезьянами разоряют они плантации, забираясь на деревья и поедая зеленые фиги. В зоопарках охотно едят бананы и виноград.

В одних местах, в одних лесах живут ягуарунди и ярко-рыжие, лисьего цвета, и серые. Рыжих прежде считали особым видом и называли эйрами. Оказалось: эйры и ягуарунди — кошки одного вида, разные лишь цветом шерсти, как леопарды черные и пятнистые. Некоторые старые исследователи утверждали, что эйры охотятся небольшими стаями. Новейшие наблюдения, кажется, с этим не согласны. Знаток кошек А. Денис в книге «Кошки мира», изданной в 1964 году, пишет, что ягуарунди живут в одиночестве все время, кроме сезона размножения: тогда парами.

По-видимому, два раза в году (в марте и августе) родятся у ягуарунди котята.

«РЫСЬ ПЕСТРА СНАРУЖИ...»

Может быть, с легкой руки Александра Александровича Черкасова слово «рысь» утвердилось в русской литературе как слово женского рода? Это он писал: «...рысь довольно велика... голова ее чрезвычайно сходна с кошачьей... уши у ней коротенькие... одарена крепкими и мускулистыми ногами с довольно большими ступнями... тонка в животе» и т. д. А между тем старые словари рекомендуют слово «рысь» в мужском роде, как «барс» или «волк». И в иностранных языках оно обычно мужского рода.

В народе, впрочем, еще задолго до Черкасова наделили слово «рысь» женским родом. «Рысь пестра снаружи, а человек внутри», — говорили. И правильно делали! «Рысь пестр» — не звучит както. Слово «рысь» близко слову «рысить», то есть бежать, «рыскать». Оно прямо связано с качествами зверя, потому что за ними видишь и быстрый бег, и лазанье, и прочее «рысканье» по лесам.

С ручными каракалами охотились древние персы на разную дичь У некоторых народов Азии и сейчас еще каракал — ловчий зверь Эта степная рысь очень проворна и стремительна в нападении

Рысь шествует не спеша

Рысей на свете четыре вида. От других кошачьих отличают их короткие, словно обрубленные хвосты, кисточки на ушах и иногда бакенбарды на мордах. (Зрачки у всех рысей почти круглые.)

Северная лесная рысь живет в Европе, Азии и Северной Америке: Аляска, Канада и США у границ Канады. Рыжая рысь, или бобкэт (у нее кончик хвоста белый, у лесной рыси — черный), — в США и Северной Мексике. Каракал — зверь равнинный, обитает в пустынях и степях Африки, Аравии, Турции, Сирии, Ирака, Ирана, Северо-Западной Индии, а у нас — в Туркменистане, в Бухарской области. И наконец, африканец сервал — тоже степной зверь.

Пожалуй, самая ловкая и быстрая из рысей — каракал. Даже птиц ловит на лету! Подкрадется к сидящей на земле стае и прыгает над ней высоко вверх. Птицы с криками взлетают, и тут зверь цапает их в воздухе когтями. Прирученные каракалы на состязаниях, некогда очень любимых персами, хватали в одном прыжке несколько голубей сразу. В Азии местами с ручными каракалами охотятся на зайцев, фазанов, павлинов и даже на мелких антилоп и оленей. Теперь такая охота — редкость, но в древности была очень популярна на Востоке. Шерсть у каракала рыжая, без пятен, но детеныши пятнистые.

Сервал с рысями в близком родстве Это кошка средней величины, длинноногая, большеухая и короткохвостая Обитает в сухих степях и в сырых тропических лесах Африки

Наша северная рысь тоже ловка — и на деревьях, и на земле. Плавает хорошо. Смела: нападает даже на лосей, изюбрей, молодых свиней. Когда добычи много (главным образом зайцев), далеко от привычных мест не уходит. Когда мало, рыщет по округе, проходит десятки километров. Зимой волки, нападая стаей, рвут рысей. Я видел (по следам), как волк и волчица загнали в мелком осиннике рысь на дерево. Под тяжестью ее осинка согнулась, волки, прыгая, стащили рысь на землю, ранили ее сильно, она вырвалась, успела залезть на другую осинку, но повторилось прежнее: волки достали в прыжках рысь, стащили на землю и загрызли. Сама рысь живет в такой же вражде с диким лесным котом. Если встретит и поймает его, загрызет.

Охотится рысь скрадом и из засады. Если первое ее нападение неудачно, она упорно преследует, выслеживает жертву и день и два.

Мясо у рысей, говорят, вкусное. Прежде в Европе лишь людям высокого ранга разрешалось его есть. Это было лакомство владетельных князей, графов и баронов. В наш демократический век привилегии такого рода отменены, но и рысей в Европе почти не осталось, так что воспользоваться рыцарским лакомством по-прежнему не каждый может.

Еще встречаются рыси в Испании (особый яркопятнистый подвид — пардовая рысь), в Скандинавии, Сардинии, Греции, Болгарии, Польше, Чехословакии, Турции, на Кавказе, в таежных лесах нашего Севера и Сибири (на Камчатке, однако, рысей нет, а на Сахалине есть!) и в горах Средней Азии.

Камышовый кот хаус — тоже своего рода переходное звено от малых кошек к рысям Он житель тугаев, густых тростников и кустарников по берегам рек и озер

Сервал с рысями в близком родстве, и, наверное, по этой причине мясо его всюду в Африке, где он живет, очень ценится. Сервал — кошка средней величины, длинноногая, большеухая, короткохвостая и пятнистая. Обитает и в сухих степях, и во влажных тропических лесах.

Лесные сервалы более коротконогие, темные, и пятна у них мельче. Прежде лесных сервалов считали особым видом и называли серваловидными

кошками или сервалинами. Теперь доказано, что лесные и степные сервалы — лишь разные расы и экологические типы одного зоологического вида.

Хотя и длинноноги сервалы, однако за антилопами, подобно гепардам, резвым аллюром долго не скачут. Охотятся, как мелкие кошки, скрадом в высокой траве и кустах. По деревьям лазать умеют, но не особенно любят это. Только от диких собак ищут спасения над землей, в ветвях акаций и баобабов.

Манул внешне на рысей не похож, но в строении его черепа замечены некоторые рысьи черты (у него и зрачки такие же: почти круглые). Поэтому систематики говорят, что законное место манула — в подсемействе рысей. Другие сближают его с европейским диким котом, на которого манул похож и повадками, и внешностью, и рядом анатомических свойств. Хвост у манула длинный, уши маленькие, без кисточек, а мех… мех такой густой и длинный, как ни у кого больше из кошек. На спине несколько поперечных полос (но бывают манулы и без полос), а хвост украшен темными кольцами.

Обитают манулы в степях и нагорьях Закавказья, Средней Азии, Забайкалья, Монголии, Северо-Западного Китая, Ирана, Афганистана и Кашмира.

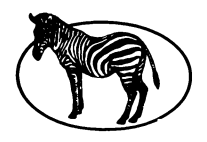
Камышовый кот хаус — тоже своего рода переходное звено от малых кошек к рысям. Он похож на рысей больше манула (опять-таки внешне). Высоконог, хвост недлинный, а на ушах небольшие черные кисточки. Цветом рыже-серый, ростом с небольшую рысь, весят старые камышовые коты около пуда (рыси бывают и двухпудовые).

Хаус — житель тугаев, густых камышей и кустарников по берегам рек и озер. Открытых мест избегает, да и по камышам ходит не тропами, а чащей непролазной. Охотится на фазанов, уток, лысух и других птиц. Гнездо строит из сухих стеблей тростника прямо на земле (и выстилает его шерстью), иногда в старых норах барсуков, лисиц и дикобразов.

Низовья Нила, Палестина, Восточная Турция, Закавказье, низовья Волги, поймы рек Дагестана и Средней Азии, Ирана, всей Индии и Индокитая — места, где живут дикие коты хаусы.

Мелкие кошки (не рыси!) еще четырех видов обитают в нашей стране: степная кошка (Закавказье и Средняя Азия), барханный кот (поросшие саксаулом пески Средней Азии), европейский кот (Закарпатье, Полесье, плавни Днестра, Кавказ) и дальневосточный лесной кот. Всего в фауне СССР 12 видов больших и малых кошек. Перечислю всех в порядке убывания их величины (длины тела): тигр, леопард, барс, гепард, лесная рысь, дальневосточный лесной кот, камышовый кот, каракал, европейский лесной кот, степная кошка, манул, барханный кот.

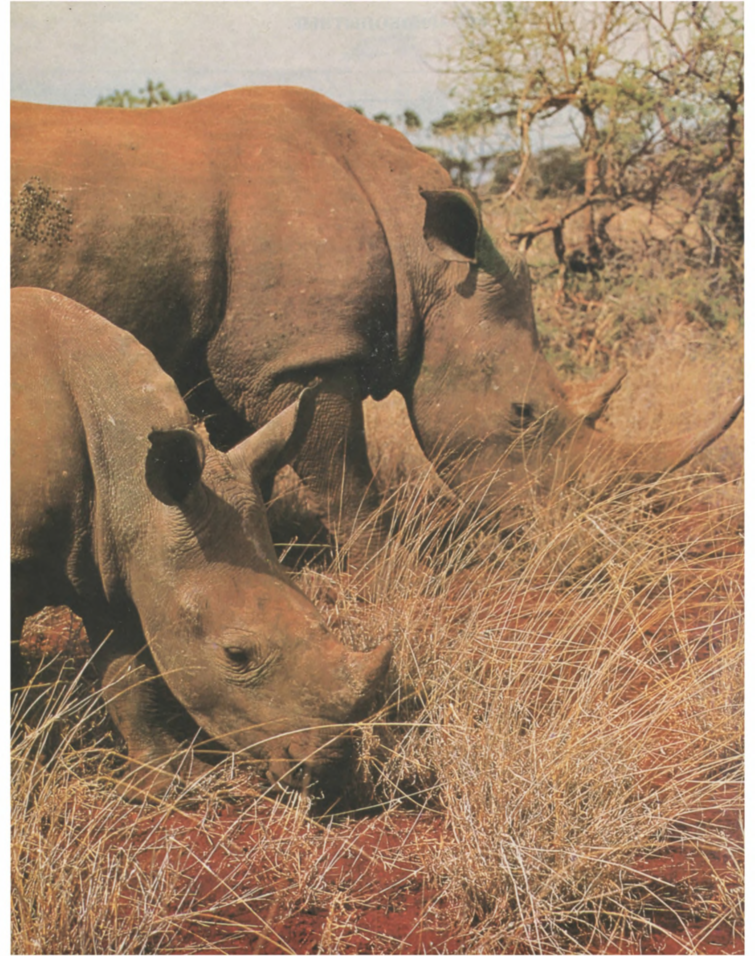
НЕПАРНОКОПЫТНЫЕ

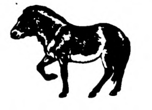

У непарнокопытных ось ноги (продольная) проходит через третий палец. А пальцев по три на каждой ноге (носороги), или четыре на передних и три на задних (тапиры), либо на каждой ноге лишь по одному пальцу (лошади, зебры, ослы). Желудок простой: однокамерный, как и у нас, но не как у коровы. Печень без желчного пузыря, а на черепе нет костяных выростов — основания рогов. Рог носорога — кожного происхождения, сложен из многочисленных вертикальных, плотно прижатых друг к другу фиброзных волокон. Индийские носороги периодически сбрасывают старые рога, и у них вырастают новые. Все непарнокопытные рождают только одного детеныша, очень редко (малайские тапиры) двух.

Обитают на всех континентах, кроме Австралии и Антарктиды, и на некоторых больших островах: Суматра, Ява, Калимантан (тапиры и носороги). В Южной и Центральной Америке — только тапиры. В Северной Америке жили в доисторические времена древние лошади, но все вымерли (мустанги — это одичавшие потомки лошадей, которых привезли в Америку люди). В Восточной и Южной Африке — носороги, зебры и дикие ослы. В Азии — дикие ослы и лошади.

Только 15 видов (и пять родов) диких непарнокопытных сохранилось на Земле. Но прежде, в доледниковое время, и многочисленнее и разнообразнее была фауна непарнокопытных. Лишь ископаемых их родов известно палеонтологам 152.

ДИКАЯ ЛОШАДЬ

Когда в 1814 году победоносные русские войска, разгромив Наполеона, вступили в Париж, то событие это, решительно изменившее судьбу Европы, оставило некоторый след и в истории зоологии. В том году английский полковник Гамильтон Смит познакомился в Париже с союзниками своими, казачьими офицерами, и они рассказали ему, что в Монголии, близко от границ России, живут дикие лошади.

— Нет, не одичавшие, сэр. Натурально дикие лошади!

Рассказ этот поразил Смита. Дело в том, что в науке в то время прочно пустила корни весьма пессимистическая, но, слава богу, ложная «теория», будто диких лошадей не осталось уже на планете. Они все давно вымерли.

Смит, когда вернулся в Англию, опубликовал все, что услышал от казаков. Дикие лошади, или, по-татарски, «тарпаны», писал он, держатся большими табунами. В табуне много разных косяков. Каждый косяк водит и стережет старый жеребец. Самые чистокровные тарпаны живут ближе к границам Китая. Они предпочитают простор степей и пасутся, выстроившись гуськом, головой против ветра. Жеребец-предводитель ревниво опекает свой косяк, бегает вокруг: высматривает врагов и гонит прочь молодых жеребцов. Они держатся в стороне, пока не повзрослеют и не обзаведутся собственным стадом.

Итак, Смит со слов своих русских корреспондентов составил довольно точное описание жизни диких лошадей. Но натуралисты, кажется, не придали этому серьезного значения. Все настоящие дикие лошади давно вымерли — таков был вынесенный ими приговор. Более полувека оставался он в силе.

В 1877 году Николай Михайлович Пржевальский вернулся из Джунгарии и привез шкуру дикой лошади.

Он и раньше, во время первого своего путешествия в Монголию, в 1870—1873 годах, много слышал о диких лошадях, «которых монголы называют дзерник-аду (дикий табун)».

Немного позднее Пржевальский в новых путешествиях в Центральную Азию прошел через пустыни Джунгарии, и там он увидел своими глазами неуловимых «дзерник-аду».

Лошадь Пржевальского — последняя дикая лошадь, дни которой сочтены

Пржевальскому не удалось приблизиться «на меткий выстрел» ни к одной дикой лошади, но череп и шкуру он все-таки добыл. Их подарил ему А. К. Тиханов, начальник Зайсанского поста (близкого к русско-китайской границе поселка, в котором Пржевальский закончил свое второе центральноазиатское путешествие). А к Тиханову

шкура попала от киргизов-охотников, промышлявших в Центральной Джунгарии.

В 1888 году Николай Михайлович Пржевальский отправился в новую экспедицию в Центральную Азию. Но случилось несчастье: недалеко от Иссык-Куля, в поселке Каракол, он заболел брюшным тифом и умер. Мир потерял одного из величайших своих путешественников и открывателей. Но ученики и последователи Пржевальского продолжали дело, начатое им. Русские исследователи Козлов, Певцов, Роборовский, Клеменц, братья Грумм-Гржимайло проникли в самый центр Азиатского материка по путям, разведанным Пржевальским. Они привезли еще несколько шкур и черепов диких лошадей и интересные рассказы об их повадках.

«Они... живут преимущественно в больших песках... покрытых... высоким саксаулом... встречаются местами плоские впадины, поросшие редким приземистым камышом и немногими солянками, которыми и питаются живущие в тех песках дикие лошади, верблюды, куланы и антилопы... Они выбивают ногами в наиболее углубленных местах впадин довольно большие ямы, наполняющиеся солоноватой водой, и приходят к ним на водопой. Из песков животные выходят нередко на север, в щебнедревесную пустыню, покрытую местами тощим кипцом, и там пасутся долгое время, если в этой безводной пустыне лежит кое-где снег» (М. В. Певцов).

Днем дикие лошади обычно держатся в глухих пустынных местах, а ночью, чутко принюхиваясь и тревожно всхрапывая, выходят на пастбища и водопои. Ходят гуськом друг за другом по протоптанным ими же тропинкам.

Кочуют обычно небольшими стадами, в которых от пяти до двадцати лошадей. Водит косяк старый жеребец. Он очень смел и предан своему косяку.

Заметив, что погоня приближается, жеребец бросается к табуну, «ржет, понукает отстающих, подталкивает мордой слабеющих жеребят и прикрывает тыл табуна».

«Он понукал маленького жеребенка, который не мог поспеть за всеми на своих слабых ножках. Сперва, когда жеребенок начал отставать, кобыла старалась его подбодрить тихим ржанием, но, видя, что ничто не помогает, она отделилась от табуна... Однако же жеребец не допустил подобного беспорядка: сильно лягнув кобылу два раза, он заставил ее догнать табун, а сам принял попечение о жеребенке. Он то подталкивал его мордой, то тащил, ухвативши за холку, то старался подбодрить, налетая и брыкаясь в воздухе» (Грумм-Гржимайло).

Но преследователи все ближе, настигают маленькую уставшую лошадку и ее отважного защитника. «На жеребца нападает раздумье»: то, полный ярости, он скачет к охотникам, то возвращается к отставшим от табуна лошадям. Дальше, об обычном финале этой драмы, расскажет Клеменц, который тоже принимал участие в охоте на диких лошадей:

«Когда же страшные звери-кони, с сидящими на них двуногими, наседают на табун, жеребец бросается на преследователей и первым попадает под пулю. Табун без вожака теряется, мечется, крутится из стороны в сторону. Охотники стреляют и ловят петлями жеребят».

Ловля диких лошадей не легкое дело. А сохранить едва живых от страха, загнанных в дикой скачке пленников и довести их целыми и невредимыми до места — дело еще более трудное. На Всероссийской нижегородской ярмарке 1896 года устроители ее хотели показать шесть диких лошадей из Джунгарии. Специально посланные за ними в пустыни Центральной Азии отряды после изнурительных трудов и лишений их поймали, но сохранить живыми не смогли. Все лошади пали в пути. Только шкуры и кости попали на выставку, а оттуда в музей.

К началу нашего века лишь три дикие лошади (две кобылы и жеребец) были благополучно доставлены в Европу: в Асканию-Нова, в имение Фридриха Фальц-Файна. Они паслись в просторных загонах в украинской степи, вызывая зависть всех владельцев зоопарков.

В конце концов герцог Бедфорд уговорил Карла Гагенбека, известного ловца зверей, поймать диких лошадей для основанного Бедфордом парка Воберн-Аббей, в котором жили уже многие редкостные животные, главным образом олени и зубры, но не было еще диких лошадей. Гагенбек после некоторых раздумий согласился.

Посланные им люди привезли в Гамбург 28 жеребят диких лошадей, которые, подрастая и плодясь в разных зоопарках и заповедниках, спасли свой род от вымирания. Эти 28 жеребят по существу (кажется, за одним только исключением) были последними, которых удалось привезти из Монголии. От некоторых из них произошли лошади Пржевальского, которые живут сейчас в зоопарках всего мира. На воле, в Центральной Азии, почти не осталось диких лошадей. Несколько десятков их

доживают свой век в пустынях Заалтайской Гоби, в Монголии, и в соседних районах Китая. Несмотря на запрещение охотиться на диких лошадей, по мнению профессора В. Г. Гаптнера, они обречены «на скорую гибель».

ДИКИЕ ОСЛЫ И ЗЕБРЫ

У зебр отличие от лошадей ясное· четкие черные полосы. У ослов таких ярких знаков нет, но знаменитые длинные уши и хвост с кисточкой на конце представляют осла достаточно хорошо. Кроме того, тот, у кого останутся еще сомнения — осел перед ним или лошадь, может взглянуть на задние ноги животного. Если на их внутренней стороне нет «каштанов», то это осел. У лошади «каштаны» на всех четырех ногах. «Каштаны» — рудименты, очевидно, каких-то кожных желез: округлые, безволосые бляшки сморщенной, словно запекшейся кожи.

Что касается ушей, то по-настоящему длинные они только у африканского дикого осла, родоначальника ослов домашних. У него и крик похож на неблагозвучный рев домашнего осла. Азиатский дикий осел кричит иначе, и уши у него короче.

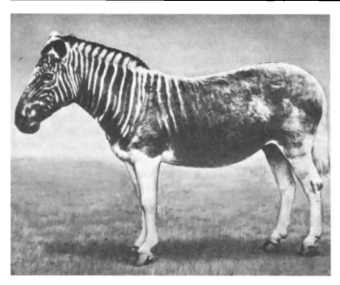
Дикие африканские ослы — родоначальникн всех ишаков мира

Африканские дикие ослы крупнее азиатских (иногда называют их серыми, а азиатских — желтыми). Живут в таких бесплодных глинистых и каменистых полупустынях Южной Нубии и Сомали (и в примыкающих к ним районах Восточной Африки), что просто удивительно, чем сыты бывают! Разные жесткие и колючие травы, которые ни один копытный зверь не стал бы есть, кормят этих длинноухих спартанцев.

Азиатские ослы так же нетребовательны к еде и питью (пьют даже соленую воду!), и одно время, в 3-м тысячелетии до нашей эры, древний народ Нижней Месопотамии — шумеры — приручили этих ослов, возили на них грузы. Но потом одомашненные лошади, более пригодные для этой роли, вытеснили ослов из сферы, так сказать, труда, оставив за ними лишь сферу гастрономическую: все века, с древности и по наши дни, мясо диких ослов считается весьма вкусным (римляне его особенно ценили).

По этой и другим причинам азиатский дикий осел всюду редок, почти истреблен, хотя территория, на которой он жил и местами еще живет, очень обширна: полупустыни и пустыни, равнинные и горные, от Северной Аравии, Сирии до Монголии и Тибета. В Монголии и Средней Азии дикого осла называют куланом или джегетеем, в Тибете — киангом, в Иране и Передней Азии с древности его имя онагр. Впрочем, разница здесь не только в названиях: они обозначают три разных подвида диких ослов. Кианг самый крупный, темный и высокогорный: по кручам и склонам ущелий кианги лазают не хуже диких коз. Онагр мельче кулана и кианга и светлее их.

Когда-то табуны куланов скакали по степному раздолью Украины, Крыма и Закавказья. В прошлом веке много было диких ослов в Казахстане,

Редчайшая фотография — квагга[1]

Узбекистане, Туркменистане. Но ряды их быстро поредели. Теперь стали возрастать: только на юге Туркменистана, в основном в Бадхызском заповеднике, в 1980 году насчитывалось примерно две тысячи животных. В 1953 году акклиматизировали куланов на острове Барсакельмес в Аральском море. Теперь их там не менее 200.

Дикий осел кулан — одно из самых быстрых (если не самое быстрое!) копытных животных: напуганные, скачут их табуны с резвостью, которую не каждая скаковая лошадь способна показать, — 70 километров в час!

Первое упоминание о зебрах в античной литературе появилось во II веке нашей эры, когда историк Кассиус Дил рассказал о «лошадях солнца, которые напоминают тигра».

Разные исследователи описали много видов зебр, но современная систематика признает наиболее реальными из них четыре: квагга, обычная зебра равнин, горная зебра и зебра Грэви.

Квагга внешним видом спереди вроде бы зебра, а сзади — лошадь, потому что полосы у нее были только на голове, шее и менее ясные на холке. Вся задняя часть туловища, от холки и до хвоста, без полос, однотонно-бурая или песочно-бурая. Ноги и хвост белые.

Многотысячные стада этих забавных полузебр, до того как европейцы появились в Африке, кочевали в бескрайних степях, простиравшихся от мыса Доброй Надежды до реки Оранжевой и дальше к северу почти до самого Лимпопо. Квагги (как и зебры сейчас) обычно паслись в компании с белохвостыми гну и страусами. Страусы лучше видят, а квагги и гну — чуют. Отличное получалось сочетание: львов и людей объединенные таким образом животные замечали скорее, чем в стадах, в которых соблюдается видовая сегрегация.

Но и дружеский альянс с гну и страусами не спас квагг от гибели. Бурам — голландским поселенцам в Южной Африке — потребовались шкуры для бурдюков: в них хранили зерно. А мясом квагг буры кормили негров, которых заставляли обрабатывать свои поля. Говорят, что вначале квагг было так много, что бурам не хватало свинца, чтобы в них стрелять. Из трупов они вырезали пули, заряжали ими ружья и снова палили в беззащитных животных, которые не успевали далеко убежать.

В результате через семьдесят лет после приобщения к науке квагги уже стали достоянием палеонтологических музеев: две последние квагги в Капской провинции были убиты на горе Тигерберг в 1850 году. В Оранжевой республике несколько животных в глуши полупустынных степей дожили до рокового 1878 года, когда последние дикие квагги навсегда расстались с жизнью.

Еще лет за сто до этих трагических событий шестнадцать квагг привезли в Европу. Квагга, которая двадцать лет пробыла пленницей Лондонского зоопарка, дожила даже до времен Дагера и была сфотографирована четыре раза. Это единственные фотографии единственной сфотографированной живой квагги!

Но и лондонская квагга не была последней в своем роде. Последней была амстердамская. К тому времени ни у кого уже не осталось сомнения, что эта квагга последняя. В Африке ни одной, в Европе их тоже не было. Полосатая лошадь в зоологическом саду Амстердама меланхолически доживала свой век, а натуралисты и те люди, для которых бурдюки не олицетворяют лучших ценностей мира, в бессильном отчаянии смирились с мыслью, что будущие поколения людей никогда уже не увидят этих прекрасных животных, что через год-два наступит смерть вида и эволюционные ресурсы нашей планеты понесут еще одну значительную потерю.

Это случилось 12 августа 1882 года: последняя на Земле квагга умерла.

А в 1917 году майор Мэннинг вернулся из путешествия по степям Каоко (в Юго-Западной Африке) с потрясающей новостью: он сам видел, уверял Мэннинг, целое стадо живых квагг! Во всяком случае зебры, которых он встретил, были необычного вида: бурые и с полосами только спереди.

Позднее и другие путешественники и охотники

клялись, что в Каоко-Фельде попадались им бурые полуполосатые лошади. И бушмены говорили, что такие зебры еще встречаются в их степях.

Может быть, немногие уцелевшие в глуши южноафриканских степей квагги расплодились и стали попадаться на глаза охотникам?

Но скорее всего, полагают знатоки, зебры Гартманна были причиной охотничьих миражей. Говорят, что в жаркий полдень, когда солнце немилосердно палит над головой и туманное марево струится над степью, зебры Гартманна кажутся издали темно-бурыми ослами: их черные и белые полосы сливаются в однотонный промежуточный колер.

Этот оптический обман и породил, по-видимому, легенду о воскресенных кваггах, которые навсегда исчезли с лица земли. Серьезные исследователи не нашли пока никаких достаточно веских доказательств, которые убедили бы нас, что это не так.

Зебра Гартманна считается ныне подвидом горной зебры.

Горные зебры готовы разделить судьбу квагги: только около 150 последних типичных их представителей живут под охраной закона на западе Капской провинции. Небольшие табуны зебр — в горах Юго-Западной Африки и Анголы.

Горные зебры равнинам предпочли возвышенности, с поразительной ловкостью бегают они по скалистым склонам и ущельям. Этих зебр (и зебру Грэви) называют ослоподобными. Уши у них большие, голова тяжелая, копыта узкие — стаканчиками. Но странное дело: при всей своей внешней ослоподобности ржут горные зебры почти как лошади, но на высоких тонах. Есть какие-то птичьи звуки в их ржании.

От других зебр отличить их легко. Полосы более узкие и «нарисованы» ближе одна к другой, однако до самого брюха не доходят, как у обычных зебр. Зато ноги отчетливо разлинованы до самых копыт. Примерно такого же типа полосы и у зебр Грэви, но рисунок их на бедрах и крупе иной.

Но самое приметное, что отличает горных зебр от всех других, — отчетливый «кадык» снизу на шее.

Зебра Грэви живет в Южной Эфиопии, Сомали и в соседних областях Восточной Африки. Из всех зебр у нее на единице, так сказать, живой поверхности наибольшее число полос: они еще у́же и ближе одна к другой, чем у горной зебры. Это самая крупная из зебр, самая, по-видимому, древняя и наиболее ослоподобная: голова у нее массивнее, чем у горной зебры, шея и хвост короче, уши шире, на концах округлые и красиво оторочены черными полосами. Крик ее — рев, скорее даже отрывистое рычание. Горная зебра, как уже говорилось, ржет,

Зебра Грэви — самая крупная из зебр и самая, пожалуй, древняя В природе ее легко отличают от других зебр крупные уши, отороченные черными волосами

а обычная будто лает, но очень ритмично. Жеребята зебр Грэви родятся с гривой по всему хребту — от холки до хвоста. И побежка у нее иная: не кэнтер (короткий галоп), а трот, то есть мелкая тряская рысь. (Но, спасая бегством жизнь, переходят зебры Грэви на более резвый аллюр — карьер, то есть на очень быстрый, стелющийся галоп.)

Зебры экваториальных и приэкваториальных равнин, или обычные зебры, носят унифицированную полосатую раскраску; у разных подвидов и рас (даже у разных особей) она своя. Однако все ее варианты объединяют нерезкие промежуточные переходы. В общем, чем севернее обитают зебры этого вида, тем отчетливее и ярче у них полосы.

У самого южного подвида ныне, как и квагга, истребленной бурчеллевой зебры, которая обитала в Южной Африке по соседству с кваггой, ноги были совсем без полос, полосы на теле более тусклые, основной фон шкуры не белый, а желтовато-бурый.

Второй подвид — зебра Чэпмана — живет севернее. На ногах полосы у нее нечеткие, до копыт не «дорисованы», а посередине вдоль некоторых белых полос проведены желтые штрихи. У еще более северных подвидов (Восточная Африка, Судан), например у зебры Гранта или зебры Бема, ноги отчетливо полосатые до самых копыт, а белые полосы без всякой желтизны.

В Африке обычных зебр еще довольно много. Но, как ни странно, мы мало знаем о них: травоядны, пасутся стадами, часто смешанными (в содружестве с другими степными животными), игривы: скачут, лягаются, кусаются незлобно Львы — их главные враги.

Недавно выяснили, что стада зебр состоят из отдельных семей, члены которых очень дружны и годами не расстаются, что память у зебр отличная: разные геометрические фигуры различают они без труда и помнят их почти год. Нет одинаково полосатых зебр даже в одном стаде, поэтому жеребята находят своих матерей по неуловимой разнице в их полосатости. Долголетие у зебр немалое. Одна прожила в Дублинском зоопарке 46 лет.

Скачут зебры резво: 50 километров в час без особого напряжения

Самая поразительная и довольно загадочная особенность зебры — ее полосатость. Споров о ее смысле и значении было много, и до сих пор вопрос этот не для всех исследователей решен окончательно Суть спора: для лучшей заметности или незаметности разлинована зебра, как верстовой столб. Именно эта аналогия заставляет некоторых зоологов утверждать: зеброидность не средство особой хитрой маскировки, а, напротив, «афиширование», помогающее их стадам лучше ориентироваться на пастбищах, лучше и равномернее рассредоточиться, не толпиться всем на одном месте, оставляя пустующими другие годные для прокорма участки степи. Полосатость их стад — будто бы своего рода пограничные знаки, отмечающие территорию каждого табуна.

«Я с этим совершенно не согласен. Как часто мы не могли отличить с самолета стадо ослов от зебр. Из окна автомобиля это тоже трудно сделать. С известного расстояния черные и белые полосы начинают сливаться, образуя однородный серый тон» (Бернгард Гржимек)

Смысл исключительной полосатости зебры вернее всего разъясняет, по-видимому, теория расчленяющей окраски. Ведь не только зебра полосатая: в природе принцип расчленяющей окраски осуществлен на многих живых моделях Резко контрастирующие черные полосы или пятна на светлом фоне шкуры (либо белые на черном) есть и у тигра, леопарда, ягуара, оцелота, жирафы, у антилоп куду, бонго, рыб, змей, бабочек. Словом, у многих животных.

Обычно полосы и пятна идут рядами более или менее поперек тела: достигая границ силуэта, они внезапно обрываются. Сплошная линия контура расчленяется чередующимися белыми и черными полями расцветок, и животное, теряя свои привычные глазу очертания, сливается с фоном местности. Этого добиваются и люди, когда раскрашивают военные объекты светлыми и темными пятнами, расчленяющими контуры маскируемого сооружения.

Если же черные и белые полосы идут не поперек, а вдоль контуров тела, то они не расчленяют, а, наоборот, подчеркивают их. Хорошо заметная окраска выгодна ядовитым или дурно пахнущим существам, чтобы хищники не хватали их по ошибке: например саламандре, скунсу, зорилле — у них действительно полосы продольные.

Того же оптического эффекта добиваются стрелки, раскрашивая мишени концентрическими черно-белыми полями: чередующиеся круги как бы подчеркивают черное яблочко в центре, усиливая его видимость. А разрисуйте круг поперечными (радиальными) полосами контрастных цветов, и вам трудно будет разглядеть такую мишень даже на близком расстоянии.

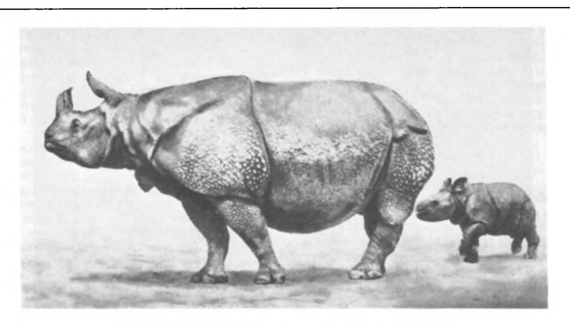

НОСОРОГ — «КУЗЕН» КОНЯ

С незапамятных времен рог носорога славился на Востоке как лучшая панацея от многих бед.

Древнекитайская медицина ценила его на вес золота. В античном Риме бокалы, сделанные из носорожьего рога и окрашенные в три цвета — белый, черный и красный, быстро и надежно нейтрализовали отравленные напитки: так верили те, кто из них пил. Богатые люди в Риме, которые, как повествуют историки, жили в постоянном страхе быть отравленными, всюду носили с собой кубки из носорожьих рогов.

Эта странная, ни на чем не основанная вера в

Индийский носорог Складки его кожи делают ее похожей на панцирь

магические свойства рога и погубила носорогов. Когда-то их было очень много во всех странах Южной Азии, а теперь осталось лишь несколько сот голов.

И, несмотря на охрану, носорогов продолжают уничтожать. Целые отряды хорошо снаряженных охотников прорываются через кордоны заповедников и убивают, убивают рогатых толстокожих, бьют, сколько могут. В 1958 году, например, большая банда браконьеров пришла в долину Рапти, последнее убежище непальских носорогов, и устроила здесь кровопролитную бойню: стреляли всякого носорога, которого только видели, и убили 500 животных.

Дело в том, что и в наши дни, которыми человечество открывает космическую эру, еще очень многие люди верят в чудодейственную силу носорожьего рога и платят за него большие деньги. (Он, кроме всего прочего, будто бы возвращает и молодость! Поэтому и цена такая большая: многим кажется еще, что юность можно купить за деньги.) На Суматре, например, большой рог стоит тысячу фунтов стерлингов, как первоклассный автомобиль. Когда речь идет о таких деньгах, некоторые люди теряют голову и покой, пока не раздобудут их, эти «деньги», гуляющие в джунглях. Поэтому никакая охрана не помогает.

К тому же кроме рога любую часть тела носорога можно выгодно продать — каждая в суеверном кодексе сулит либо богатство, либо любовный успех, либо избавление от недугов, либо еще что-нибудь, за что люди денег не жалеют. Даже моча носорога — весьма ходкий на Востоке товар: говорят, что избавляет она от разных болезней Поэтому в зоопарках Индии сторожа тщательно ее собирают и продают затем на рынке в Калькутте.

На Земле уцелело еще (пока!) пять видов носорогов: два африканских — белый и черный и три азиатских — индийский, яванский и суматранский, или двурогий азиатский. Азиатские носороги отличаются от африканских тем, что у них только по одному рогу на носу, а у африканских по два. Но у суматранского тоже два. Кроме того, кожа у азиатских носорогов в крупных складках. впечатление такое, будто животное одето в панцирную броню. У индийского носорога даже хвост, когда прижат, вмещается целиком в оставленное для него углубление брони. Как у черного носорога Африки, у него заостренная небольшим хоботком губа. Но самая замечательная его черта — острые и удлиненные резцы нижней челюсти. Атакуя, он обычно их пускает в дело, рогом бьет реже. Это крупное животное: весит две тонны и больше. Предпочитает уединение. У каждого своя строго охраняемая территория, свои тропы на ней и пастбища, даже специально избранные места для грязевых ванн.

Еще несколько столетий назад индийские носороги водились всюду в Индии, а сейчас уцелели только в Ассаме и Непале. В начале века в Ассаме

(Казиранга) их было около дюжины.

В 1908 году в Казиранге учредили заповедник, позднее преобразованный в национальный парк. Размеры его около 430 квадратных километров. Но успех дела превзошел всякие ожидания: число носорогов за 20 лет увеличилось вдесятеро, а в 40-е годы здесь жило уже 400 носорогов! Затем они стали гибнуть от каких-то заразных болезней, занесенных домашним скотом. Число их снизилось до 260 животных. Но потом поднялось. Так что теперь в Казиранге около 400 носорогов, а во всей Индии их 575.

Кроме Индии большой азиатский носорог сохранился лишь в Непале: 165 животных (по данным на 1966 год).

После того как стало ясно, что в Казиранге вымирание носорогам не грозит, их здесь стали ловить и отсылать в разные зоопарки мира. Первых — молодых самца и самочку — поймали в замаскированную яму в 1947 году. Один край ямы срыли — сделали покатый склон — и по нему с помощью ручных слонов вытащили упиравшихся «единорогов». И так, на буксире, их транспортировали в небольшой вагон. Самка вскоре умерла, а самец, его назвали Моханом, быстро привык к людям, стал совсем ручным. Потом его отправили в Уипснейд, в Англию. Пять лет он, бедняга, прожил здесь в одиночестве. Потом только привезли ему юную подругу Мохини. Боялись ее сразу пускать к нему: бывает, что носороги нападают на своих собратьев-новичков, которые появляются в обжитых ими местах. Но Мохан очень дружелюбно встретил Мохини, и вскоре они стали большими друзьями.

Другие зоопарки мира тоже получили молодых носорогов из Казиранги. Они начали размножаться в неволе: первого родила толстокожая парочка в Базеле, потом в Уипснейде, затем в других зоопарках. До этого времени по существу ничего не знали о размножении носорогов, теперь ясно стало: браки они заключают ранней весной, и после этого 477—486 дней самки носят детенышей в своем чреве.

Яванский носорог внешне похож на индийского, только ростом поменьше. Есть, правда, некоторые различия в форме передних складок кожи. А также и в том, что самки яванского безрогие (или с небольшим рогом). Его называют яванским, потому что сейчас он живет только на Яве. А когда-то, сотни лет назад, обитал на территории очень обширной: от Северной Индии и Южного Китая до Суматры и Явы. А его ископаемые кости найдены и на Шри-Ланке.

В 1921 году на маленьком полуострове, которым кончается западная окраина Явы, — единственном месте, где уцелели теперь носороги, был учрежден заповедник Уджунг-Кулон, в котором кроме носорогов охраняли еще бантенгов и тигров. В 1975 году здесь было 40 голов яванских носорогов. Численность их близка к критическому уровню: слишком мала вероятность встреч в пору размножения. Поэтому ученые опасаются, что, возможно, животным не удастся пополнить естественную убыль новорожденными и поголовье их стада будет не возрастать, а уменьшаться.

Третий азиатский вид, суматранский двурогий носорог, — самый маленький из всех носорогов: не выше полутора метров. Он тоже обитает не на одном лишь острове, именем которого его назвали. Раньше жил двурогий носорог и в Индии, и в Китае, а сейчас кроме Суматры — в Бирме, Таиланде, Кампучии, Малайе, на Калимантане. Но всюду только в очень небольшом числе. В Таиланде их 6, в Кампучии — 10, на Калимантане — от 10 до 30, в Бирме — 20—30, в Малайе — 30, на Суматре — 60.

В Африке дела с носорогами обстоят несколько лучше. Во всяком случае с черным носорогом, который довольно еще обычный здесь зверь (во всей Африке их 12—13 тысяч) и на него до недавнего времени разрешали даже охоту.

Белого носорога называют так не потому, что он белый: у него шкура грязно-серая, как и у черного носорога. Одни знатоки утверждают, что имя «белый» носит он по той причине, что, по обычаю всех носорогов, любит валяться в грязи, и когда уходит после «ванны» и грязь на нем подсыхает, то выглядит издали светло-серым, почти белым. Черный же носорог будто бы живет в более лесных районах, и либо цвет грязи там другой, либо он меньше валяется... Одним словом, черный носорог не так часто подкрашивается.

Другие говорят, что грязь здесь ни при чем: слово «белый» появилось в зоологической литературе о носорогах из-за созвучия английских слов «уайт» (белый) и «вайд» (широкий). Буры называли белого носорога «wijd», что значит «широкий»: у него верхняя губа очень широкая, оттого и ноздри расставлены значительно шире, чем у черного носорога. Голландское «wijd» превратилось в английское «wide», а затем в «white».

В 1900 году зоологи с большим удивлением узнали, что белые носороги водятся не только в Южной Африке, к югу от Замбези (так думали), но и в 3 тысячах километров к северу — в болотах Верхнего Нила, в Судане.

Белый носорог — второй по величине (после слона) сухопутный зверь: 180 сантиметров его рост (но бывают и повыше!). Вес — 3 тонны и больше. Один лишь рог у него длиной с небольшого человека — до 158 сантиметров!

Но зверь этот очень редкий. Еще в 1920 году на Земле жило всего лишь 3 тысячи белых носорогов:

Белый носорог У него широкая верхняя губа

26 в Южной Африкс, остальные в Судане. Через шесть лет в южном стаде уцелело будто бы только 12—16 животных (так пишет Инго Крумбигель).

Сколько их сейчас? Более 800! Вот что значит хорошая охрана! Еще 30 лет назад казалось, что белые носороги южного подвида исчезают безнадежно. А теперь они

«...стали многочисленными, поэтому и изъяты из Красной книги. Успех этих мер привел даже к тому, что численность животных стала избыточной для данной территории» (Д. Фишер, Н. Саймон, Д. Винсент).

Из национальных парков Южной Африки, где расплодились белые носороги, завезли их также в Зимбабве и Кению (не менее 330 животных). А в зоопарки отправлено, кроме того, 63 белых носорога. Но с северным подвидом белого носорога дела неблагополучны. Во всех странах, где он встречается или встречался до недавнего времени, — в Заире, Уганде и Судане, по данным на 1971 год, сохранилось лишь 250 голов.

Выживанию белых носорогов не благоприятствуют некоторые биологические и экологические обстоятельства. Уж очень малая у них плодовитость. Рождают лишь одного детеныша (как, впрочем, и все непарнокопытные). Это бы еще ничего, но беременность рекордно большая — 18 месяцев. Год кормит самка новорожденного молоком, а потом еще несколько лет не покидает его.

Белые носороги всяких зарослей избегают, предпочитая открытые саванны, и корм их — в основном трава (по этой причине будто бы и губа у них плоская: чтобы лучше траву щипать. Черный носорог ест много веток и листвы, и удлиненной небольшим хоботком губой срывать их легче). Из открытых степей изгоняет носорогов человек: и огнестрельным оружием, и распашкой полей.

Издалека, как страусы, не способны носороги заметить охотников, потому что видят плохо, хотя обоняние и слух у них отличные. Некоторую пользу в смысле сторожевой службы получают они от дружбы с зоркими красноклювыми птицами буфагусами, которые любят сидеть на их широких спинах. Заметив врага, буфагусы кричат, и носороги принимают немедленные меры предосторожности.

А у черного носорога верхняя губа узкая, заостренная небольшим хоботком или клином

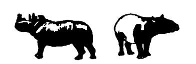
Как и другие большие и сильные звери, у которых в природе не было врагов, носороги оказались совершенно не приспособленными к эффективной обороне против новой опасности, явившейся на Африканский континент в виде белого стрелка со смертоносным оружием в руках. Особенно не тревожась, они подпускают стрелка шагов на тридцать — на верный выстрел — и падают, метко сраженные в голову или сердце. Если промах или рана не смертельны, обычно удирают, но бывает — и атакуют. Впрочем, довольно неточно: видит носорог плохо, на бегу неповоротлив, и стоит метра на два отскочить в сторону, как вся махина из мяса, костей и толстой кожи с фырканьем «промчится мимо, а затем остановится и будет удивленно озираться, куда же девался охотник». Тут уж и вторую и третью пулю нетрудно послать в носорога точно в убойное место.

И сон у носорогов крепкий, нечуткий. Масайские мальчишки в Серенгети, рассказывает Гржимек, учитывая эту малую бдительность спящего носорога, играют в такую игру. Один тихо подкрадется к носорогу и положит ему на спину камень. Второй должен подойти и этот камень забрать. Третий и четвертый начинают все сначала, и так до тех пор, «пока носорог не проснется. Игра эта отнюдь не безопасная, но и масаи не трусливы».

Губит носорогов и врожденная их привычка держаться одних и тех же мест, их исключительное «домоседство» (индивидуальная территория у черного носорога — около десяти квадратных миль). На пустующие земли, где перебиты все носороги, эти толстокожие из соседних равнин не переходят по своей доброй воле. А когда обитаемые ими земли поражает засуха и все другие копытные животные и, главное, слоны уходят искать лучшие пастбища, носороги остаются, даже если в округе нет уже ни капли влаги.

Слоны — единственные в саванне звери, способные терпеливо и умело рыть в земле глубокие ямы. В них набегает постепенно вода. Ее пьют потом все степные четвероногие и пернатые. Так что там, где естественных водопоев нет, жизнь возможна в значительной мере благодаря слонам.

Носороги добродушны, уверяет Гржимек, хотя многие до него утверждали обратное, наивно пола-

гая (как поведал о том Хемингуэй), что исключительная раздражительность носорогов проистекает по причине вечных запоров, которые мучают толстокожих.

Доктор Гржимек рассказывает: молодые львы любят, играя, дразнить носорогов. Окружат толстокожего, то один, то другой подбежит сзади и, увесисто шлепнув носорога «по заднему месту», отскочит. Тот, естественно, возмущен такой фамильярностью, круто и грозно разворачивается, но... сзади никого нет: львы притаились.

У львов отношения с носорогами взаимоуважительные и довольно мирные: зла друг другу обычно они не причиняют. Слон и носорог тоже соблюдают нейтралитет. Если встретятся на узкой тропе, то после несерьезного предупреждения с обеих сторон в виде угрожающих поз мирно расходятся. Обычно носорог первым уступает дорогу слону. Но бывает, что и слон уступит.

Еще о таком интересном происшествии с носорогами рассказал Гржимек (правда, с чужих слов): заметили трех носорогов, «не совсем обычным образом выходящих из леса кратера Нгоронгоро. Они тесно прижимались боками друг к другу». Это были три самки, и та, которую, поддерживая с боков, вели подруги, должна была скоро родить. «Когда носороги заметили, что за ними наблюдают, они остановились и стали настороженно озираться. Но одна из самок все же продолжала растирать головой и рогом бок роженицы».

ТАПИР — РЕЛИКТОВЫЙ ЗВЕРЬ

За последние тридцать миллионов лет внешность тапира почти не изменилась, и в наши дни он очень похож на древних прародителей — своих и лошадиных. Чем-то напоминает он носорога, но чем-то и лошадь. У тапира копыта на трехпалых (задних) и четырехпалых (передних) ногах почти лошадиные (похожи даже микроскопическими деталями). И мозоли есть на ногах, похожие на «каштаны» лошадей. У американского тапира небольшая грива на шее. Более подвижная, чем у лошади, верхняя губа вытянута в небольшой хоботок. Родятся тапиры в наряде, в котором расхаживали, по-видимому, предки многих зверей: светлые прерывистые полосы тянутся по темному фону шкуры вдоль от головы к хвосту. Так же расписаны и ноги.

В доледниковое время водились тапиры в Европе, в Северной Америке и в Китае. Но ныне уцелели лишь в Центральной и Южной Америке (три вида) и в Южной Азии: Малайя, Бирма, Таиланд, Суматра (один вид).

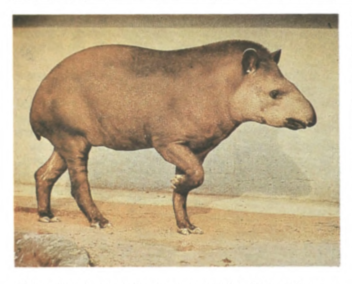
Тапиров много еще в низменных, заболоченных лесах Южной Америки. Густые заросли, проходимые только по запутанным тропам тапиров, скрывают этих пугливых животных. Больших рек они не боятся и плавают хорошо. Но в воде крокодилы портят им жизнь (и хищные рыбы пирайи), а на берегу — ягуары и охотники из индейских племен.

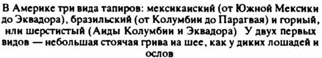
Одетый более густой шерстью тапир живет высоко в Андах Колумбии, Эквадора и Перу. Кое-где там же, а также в горах Центральной Америки еще не истреблен центральноамериканский тапир.

В 1919 году отец палеонтологии и некоторых других биологических наук, знаменитый французский исследователь Жорж Кювье опрометчиво заявил, что, по его мнению, уже все крупные животные наукой открыты. А через несколько лет ему пришлось добавить в свою «Естественную историю» описание нового вида крупного зверя — чепрачного тапира, которого совершенно неожиданно нашли вдруг в лесах Юго-Восточной Азии. До этого зоологи знали только южноамериканского тапира.

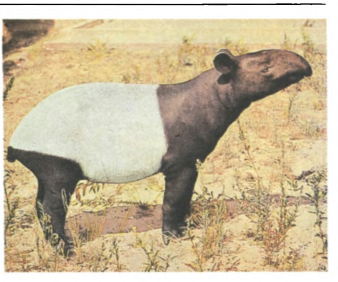
Окрашен чепрачный тапир на первый взгляд слишком заметно и ярко. Голова, шея, холка и ноги черные, а вся спина, бока, брюхо, круп и бедра в верхней половине чисто-белые — словно белоснежный чепрак накинут на зверя. Маскирующий эффект такой окраски разъясняет аналогия с зеброй: контрастирующие тона как бы расчленяют зверя на бесформенные пятна, и привычные для глаз очертания четвероногого сливаются с другими цветовыми пятнами окружающей природы. Особенно действен этот оптический обман в лунном свете, ночью, когда тапиры (и американские тоже)

В Америке три вида тапиров: мексиканский (от Южной Мексики до Эквадора), бразильский (от Колумбии до Парагвая) и горный, или шерстистый (Анды Колумбии и Эквадора) У двух первых видов — небольшая стоячая грива на шее, как у диких лошадей и ослов

У азиатского тапира — словно белый чепрак на спине Родина его — Индокитай и Суматра В предледниковое время тапиры водились и в Европе

в основном и бродят по лесам, кормясь листьями, ветками и сочными стеблями болотных трав.

Воду тапиры любят, много плавают и просто лежат, прохлаждаясь, на мелких местах. Беременность у тапиров больше года (13 месяцев), а новорожденных — один и очень редко два. Встав на крепкие ножки, полосатое дитя тут же бежит за матерью.

Если положение двух видов американских тапиров более или менее благополучно, то третьему виду — центральноамериканскому тапиру — грозит гибель, и он занесен в Красную книгу.

Это редкостное животное величиной примерно с осла (рост в холке 1 — 1,1 метра). Он бурый и от других местных тапиров отличают его белые пятна на морде, горле и груди. Кроме того, его уши и губы окаймлены белой шерстью, а вместо гривы у него жесткая щетина.

Центральноамериканский тапир наименее изучен, чем другие. Его ареал разорван: он обитает в некоторых районах Центральной Америки (на севере до штата Веракрус), а также на западных склонах Анд, в Эквадоре и Колумбии. Водился и на полуострове Юкатан, но был истреблен там во времена испанского завоевания. Всюду — во влажных тропических лесах.

«Девственный дождевой лес и вода — вот необходимые условия для жизни тапира. Это исключительно травоядное животное, много времени оно проводит в воде или жидкой грязи, отлично плавает и в случае опасности часто скрывается в реке, проплывая иногда под водой большие расстояния» (Д. Фишер, Н. Саймон, Д. Винсент).

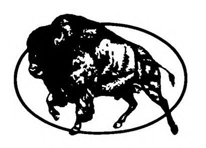
Близости человеческого жилья и его домашнего скота этот тапир не выносит — пуглив очень. А человек все усиливает свое наступление на девственный лес, расчищая его для посадок и поселений. В ареале обитания центральноамериканского тапира лишь кое-где сохранился девственный лес с обилием мест, богатых водой, без которой тапир жить не может.

Тапиры — единственные представители непарнокопытных на американской земле. Жаль будет, если эти еще почти не изученные звери погибнут.

Спасти их может только учреждение (и по возможности более скорое) резерватов для них.

Подыскиваются пригодные для этого места. Одно из них — северо-восточный склон вулкана Сан-Мартин в горном хребте Тукстла в южной части штата Веракрус. Называются и иные районы Мексики и других стран, где еще сохранился лес и тапиры.

ПАРНОКОПЫТНЫЕ

В отряде парнокопытных девять семейств и 194 вида. У парнокопытных ось ноги проходит между третьим и четвертым пальцами, а пальцев на ноге два или четыре (в последнем случае два боковых недоразвиты). Концы пальцев «обуты» в копыта. Только у верблюдов нет копыт. Желчный пузырь есть у всех, кроме оленей, желудок у всех, кроме свиней, многокамерный: в нем два, три или четыре разных отдела. Четырехкамерный желудок у жвачных: олени, оленьки, жирафы, вилороги, кабарги и полорогие. Жвачные (172 вида) вегетарианскую свою пищу сначала не жуют, а лишь срывают и быстро глотают: она попадает в первые два отдела желудка. Затем, отдыхая где-нибудь в укромном месте, в полудремоте отрыгивают малыми порциями непережеванный «силос», не спеша жуют его и опять глотают. Теперь уже попадает он в два задних отдела желудка. Эта интересная особенность жвачных позволяет им не задерживаться долго на пастбищах, где обычно караулят их хищники и охотники.

Свиньи, пекари и бегемоты представляют подотряд нежвачных, а верблюды — мозоленогих. У многих парнокопытных на черепе костяные выросты — основания рогов. Рога четырех разных моделей. У оленей они сплошные (без полостей внутри), ветвистые и каждый год заменяются новыми. Растущие рога покрыты кожей и шерстью, потом кожа лоскутами с них сходит, обнажая костяную основу. У жираф рога короткие, неветвистые, постоянные и всю жизнь покрыты кожей. У полорогих — полые внутри, как показывает название, неветвистые, никогда не сбрасываются и никогда не покрыты шерстью. У вилорогов тоже полые, но вильчатые и ежегодно, как у оленей, старые рога отваливаются и вырастают новые.

У оленей и окапи рога только у самцов (за исключением северного оленя), у жираф и вилорогов — у самок и самцов, у полорогих, как правило, тоже оба пола рогатые.

Все парнокопытные, кроме свиней, которые всеядны, кормятся только растениями. По происхождению близки они, однако, к злейшим своим врагам — хищным зверям.

КАБАН

Мгновение назад он готов был броситься вслед за всполошившимся от его тревожного «уханья» стадом, но выстрел грянул, и, почувствовав в себе смерть, он повернулся к врагу. Ощетинился. Трехгранные клыки торчали из длинного рыла, как боевые ятаганы.

Видел плохо. Но запах, ненавистный человеческий запах указал ему направление.

Они были один на один. Почти убитый вепрь и охотник, смотревший сквозь прицельную прорезь карабина.

Ноги кабана напряглись, как стальные пружины, и, вдруг распрямившись, метнули массивное тело. Шелестя опавшей листвой, оно, словно шипящая торпеда, устремилось через поляну.

Секунда разделяла их. Новая пуля, посланная навстречу вепрю, не заставила его даже дрогнуть. Его клыки опустились, чтобы поддеть человека. Но охотник отпрянул в сторону. Кабан пролетел мимо.

Он не успел ни остановить, ни изменить, ни замедлить своего движения. Черное тело, несшее в себе две смерти, встретило третью на другом краю поляны, в путанице корней вывернутого грозой дерева. Столб взметнувшихся листьев был прощальным салютом леса.

Так на восьмом году из отведенных ему природой двенадцати лет жизни погиб дикий вепрь, родиной которого могли быть и джунгли Явы и Суматры, и север Африки, и Индия, и Шри-Ланка, и Япония, и Тайвань, и вообще вся Азия градусов на пятьдесят к северу, а также и Европа.

«При локальных подъемах численности вредителей леса кабаны их настолько подавляют, что устраняют вспышку.

Взрыхляя большие площади земли, кабан способствует заделке семян, а тем самым возобновлению древесных пород. В этом отношении велика роль кабана в моховых ельниках, кедровниках и дубовых лесах» (профессор А. Г. Банников).

Их было десять. Почти столько, сколько сосков у матери. Старой свинье никогда не приходилось выкармливать так много поросят. Она еще задолго до родов по-своему начала к ним готовиться: в сучьях и прошлогодней листве вырыла великолепное логово со стенами и даже с крышей.

Это были дети — надо ли их расхваливать? В каждом верных граммов шестьсот, а один, пожалуй, потянул бы и на килограмм (если бы кто-нибудь изловчился взвесить). Они лежали, плотно сбившись, и из-за палевых полос, продольно разрисовавших их шкурки, походили на матрац (если бы кому-нибудь удалось взглянуть). Вообще же постороннее внимание к логову почти исключалось. Свинья соорудила его в лесной чаще, пробраться сквозь которую могла лишь она: ее крепкое коническое рыло обладало пронизывающей энергией снаряда. Когда мать уходила искать пропитание, она для лучшей маскировки накрывала поросят подстилкой.

Десять пятачков не давали соскам покоя. Поросята сосали с таким сокрушительным аппетитом, что свинья буквально таяла. Особенно ненасытен был тот, килограммовый.

Однажды (прошло уже около двух недель) мать, возвратясь, увидела, что ее «любимец» (слово, может быть, и слишком сильное, но он чаще других появлялся у ее рыла) расковырял в земле возле логова приличную ямку и, поймав дождевого червя, с наслаждением его ест. Это послужило свинье сигналом: скоро на подножный корм.

Дня через два она, соблюдая величайшую осторожность, повела свое полосатое семейство через завалы к большому дубу — месту, которое ей было хорошо знакомо. Но именно по этой причине желудей там осталось мало.

Тогда мать, решив, по-видимому, что грех устраивать бесцельные прогулки, стала учить поросят рыть под дубом — этому замечательному занятию, всем известному по басне И. А. Крылова. Поросята весело принялись за дело и мигом наковыряли вокруг дерева множество ямок. Работа показалась увлекательной: то червяк, то жук, то старый желудь попадались. На земле и в ней самой оказалась пропасть разных вкусных вещей!

Длинный уж куда-то, не торопясь, следовал, на него наступили и съели. Оказалось, вполне приличная пища. На берегу речки, куда ходили на водопой, нашли дохлую рыбу — попробовали: прелесть! Лягушки, ящерицы — все годилось. О зелени и говорить нечего, она была кругом! Но самые изысканные деликатесы скрывались все-таки в земле: нежные корешки, незрелые клубни, луковицы.

Тут откуда ни возьмись появились три добрых

молодца, по-юношески стройных и, что называется, среднего роста. Они имели порядочные клыки и поэтому ринулись в смелый бой, в исходе которого все семь сосунков были оттеснены от матки. Возмутительное беззаконие! Обездоленные поросята подняли истошный визг и носились вокруг как полоумные. А подсвинки, точнее, дети прошлогоднего опороса, несказанно обрадованные полузабытому уже угощению, затеяли небольшое междоусобие возле двенадцати кранов с манной небесной. Но мать сразу уяснила обстановку, и поросята смогли убедиться: есть справедливость на земле! Свинья гоняла подсвинков по кругу, по прямой и по всем мыслимым диагоналям. Они, бедняги, уже напустившие на себя чванливость взрослости, визжали, как обыкновенные домашние поросята, иначе добрая мать их бы не пожалела.

Однако полосатым малышам злорадствовать не следовало: в самом недалеком будущем их ждала такая же участь, ведь не вечна лактация: молочное материнское обеспечение — три месяца.

Некому было спросить у трех пришельцев: где четвертый и где пятый? Поэтому осталось неизвестным, чьей добычей стали двое из пяти подсвинков, которым мать, по обычаю своей природы, предоставила полную самостоятельность, удалившись для нового опороса. Где они шатались? Чем кормились? Маленькие клыки и слишком маленький опыт, как видно, были слабой защитой от лесных случайностей...

Пришельцы оказались неплохой компанией. Их резвость, неутомимость расширили стаду горизонты — уже на километр и на два осмеливалась мать отдалиться от защитной чащи, где скрывала гнездо.

Летняя жара заставила семью резко изменить распорядок суток: теперь жировали ночью, а днем старались отоспаться — типичный режим для диких свиней.

Однажды мать привела их к затерянной в глуши бочажине. Укромное тенистое место, но — странно — все вокруг носило следы загадочной деятельности. Влажная черная земля изрыта так, что на ней не росло ни травинки. Молодые березки, слишком рано почерневшие, без нижних ветвей, выглядели обреченными сиротками. Деревья, что потолще у комлей, начисто освобождены от коры и даже отполированы. О них, видно, терли чем-то, не жалея сил. Кто? Чем? Запах, насытивший здесь влажный воздух, частично отвечал на эти вопросы: то был крутой родственный дух.

Мать и подсвинки немедля показали, что надо делать: бросились в жидкую грязь, блаженно похрюкивая. За ними — поросята. В черном месиве они резвились и радовались так, будто достигли всего в жизни. Подражая старшим, временами вылезали на рыхлую сушу и терли бока о стволы.

Здесь, возле благодатной купальни, произошло воссоединение описываемого семейства с другим стадом. Встретились две мамаши и не смогли расстаться: в компании веселей. Всем гуртом они произвели ужасную сумятицу, не обошедшуюся без стычек. Брызги грязи летели кругом.

Гурт, взбивая пыль звериной тропы, с глухим топотом следовал в направлении, хорошо известном старым свиньям. Прогулка, впрочем, не была дальней и утомительной, ведь с поросятами особо не попутешествуешь. К тому же дикие свиньи вообще предпочитают держаться в знакомых местах. Летом они (даже без ненадежного в пути молодняка) лишь иногда (и только за хорошим угощением) преодолевают пяток — десяток километров. Тридцатикилометровые марши — редкость.

В пути было много развлечений, но недосчитались одного поросенка. Выказав задатки будущего аутсайдера, главный герой нашего рассказа решил продлить прекрасное мгновение и, когда родня его удалялась, еще нежился в благоуханной жидкости. Как только затих вдали шум свинячьей компании, смелый любитель одиночества замер — это была врожденная детская реакция на опасность и пугающую тишину.

Так бы, возможно, и сидел он, коченея, но вдруг перед ним возникло мрачное взъерошенное клыкастое видение. Оно, вздернув пятачок, с шумом вдохнуло воздух, но в обилии оставленных гуртом запахов не различило такой мелочи, как живой поросенок. Огромное (килограммов на двести, а может, и триста) тело плюхнулось в жижу. И конечно, согласно законам физики, вытеснило из нее начинающего аутсайдера, который тут же со всех ног бросился наутек.

Нарушение тишины и субординации (приветствовать старого вепря тылом — неслыханная невоспитанность) привело кабана в действительную (а возможно, показную) ярость, и он, выбравшись на берег, помчался в погоню.

Впрочем, набитый желудями желудок склонял его к благодушию, так что минутный гнев обернулся тем, что, припугнув молокососа, кабан вернулся к прерванной процедуре.

Это была встреча отца с сыном.

«В течение нескольких лет численность кабана может упасть в десятки раз и возрасти в два-три раза» (профессор А. Г. Банников).

Другая произошла в ноябре...

За лето и осень гурт потерял четырех поросят и

одного подсвинка. Две слабенькие и, видно, чем-то больные самочки (они вечно отставали) и слишком резвый подсвинок, который сломал ногу, достались на прокорм волчьему семейству. Два других поросенка пропали без вести. Эти, возможно, и не погибли, а, заблудившись, пристали к чужому стаду, где их приняли как своих. Правдивые охотники (А. А. Черкасов называет их «достоверными охотниками») рассказывают, что возле одной матки кормятся иногда по шестнадцать поросят. Вряд ли все они ее кровные.

Подсвинки-кабанчики ростом почти догнали матерей, и малыши-сеголетки, навсегда простившись с полосатостью, уже не были малышами. «Наш» поросенок далеко обогнал в необъявленном соревновании за лучшие нормы прироста братьев и сестер. Но даже самая плохонькая свинка потянула бы не меньше пуда.

Снег не выпадал. Приступы морозов сковали землю — явление весьма неприятное, затруднившее роющую деятельность свиней. В поисках желудей, орехов, опадышей диких груш и яблонь и прочей поспевшей снеди гурт рыскал ночи напролет, а при возможности и утром, и вечером, и днем. Опыт старших и врожденный инстинкт стимулировали великолепный темп в деле подготовки к зиме. Есть побольше и жиреть — для свиней действительно дело. И очень важное. Жир под кожей — первая линия обороны против зимнего холода и голода.

Холодным утром в конце ноября старая свинья, возглавлявшая гурт, наткнулась на разлитое по тропе нечто желтое. Она шарахнулась, странно возбужденная. Стадо, ломая сучья, понеслось прочь с привычного пути.

Но желтые, пенистые «любовные письма» попадались все чаще и в разных местах. Стадо, словно то, библейское, в которое вселились бесы, будто обезумело и блуждало, взбудораженное неведомым волнением, по самым бессмысленным и опасным маршрутам.

Поросята, ничего не понимавшие, тем не менее были заражены всеобщим беспокойством. Похоже, какие-то новые законы меняли привычное течение их жизни.

И вот явился гость, правда, пока лишь обыкновенный молодой секач, такой же, как и те, что и прежде нередко приходили к стаду на летних жировках, не вызывая при этом никакой встречной помпы. Но теперь он выглядел несколько страшновато. Шерсть на хребте топорщилась, глазки воинственно горели. Секач попытался отогнать от гурта кабанов-недорослей. Но конечно, никто не хотел расставаться с семьей, все жались к бокам матерей.

События развивались на болотистой поляне: по ее краям возвышался неплотный лес могучих деревьев, а в центре торчал небольшой островок кустарника, к которому преследователю удалось прижать стадо. Но только этим и ограничился его успех.

Вдруг откуда-то вынеслась темная ощетиненная туша. Молча летела она прямо на молодого секача, но тот словно ждал нападения, про себя удивляясь, почему оно до сих пор не свершилось, и, не медля ни секунды, не протестуя ни звуком, умчался.

Загнав молодого кавалера в лес, матерый вернулся к стаду. То был настоящий хозяин. Его деспотическую власть все тотчас почувствовали и приняли. Молодые кабанчики при первом угрожающем наскоке покинули поляну (отлучение постигло и свинок-сеголеток, хотя и не всех: те, что покрупнее, остались).

Так начался гон. Не день и не два предстояло молодняку маяться поодаль. Восьмерых избранниц вепря на это время ожидала перспектива полуголодного существования: свирепый кабан не дозволял им отлучаться далеко от поляны, пищевая ценность которой не была, к сожалению, неисчерпаемой.

«В 1954 году ниже Лонг-Пезо переплавлялось столько кабанов, что первые животные уже достигли противоположного берега, где их убивали охотники, а находившиеся в хвосте стада все еще продолжали входить в воду. Избиение длилось несколько недель, и тысячи уносимых Каяном кабаньих туш, с которых было обрезано сало, скопились перед Танджунгселором, где река расширяется и заметно замедляет свое течение. Но этот город населен малайцами-мусульманами, для которых свинья — нечистое животное; поэтому они отказались купаться и потреблять речную воду, загрязненную тысячами разлагающихся на солнце трупов, а их негодование было так велико, что они объявили войну даякам — виновникам резни» (П. Пфеффер).

Нескончаемые снегопады — то тихие и мягкие, то вьюжные и колючие. Голод и холод... Гурт уходил от зимы. Секачи, утратив вкус к одиночеству, прельщавшему их летом, воссоединились с малолетками и самками. Самый сильный шел впереди: задние ноги тащил волоком и ими пропахивал глубокую борозду. Все цепочкой следовали за ним.

Разве уйдешь от зимы?! Она повсюду. Она оставалась сзади, в пройденных за день десяти — двадцати километрах, но была и впереди, в глубоких сугробах и в тоске голодных волчьих глаз.

Чтобы, ослабев, не стать чьей-нибудь пищей, надо найти пищу себе. А как? Если земля цементно-

крепкая, если сквозь холодный снег не пробиваются запахи? Когда попадался шелестевший над замерзшим болотом тростник или камыш, его начисто обгрызали. Стог сена — находка: под ним ночевали, его же и ели. Не очень, впрочем, он вкусен.

Но лишь два стога разорили безнаказанно, третий... Когда приблизились к нему, встретили вспышки и гром выстрелов. Законное возмездие унесло обеих маток и одного секача: охотники целили в тех, кто покрупнее.

С этой минуты наше овеянное грустью повествование, задумай мы его вести, не опуская подробностей, должно и вовсе стать печальным, потому что зима еще только начиналась и осиротелых поросят поджидали волки, глубокий снег, рыси, гололедица, одичалые собаки, голод, морозы и охотничий сезон. Но при всем уважении к жанру трагедии не будем вдаваться в подробности, которые неминуемо нас в него втянут. Не сделаем попытки как-нибудь приукрасить, смягчить события или ввести сюда прелестные литературные случайности, выручающие зверей из самых затруднительных положений. Поищем повод для оптимизма в реальности.

Весна... На буграх — черные проплешины, в низинах — со вздохами оседающий снег. Молодой кабан пришел на родное пепелище. Мало что осталось после зимы от логова, которое покойная мать строила с таким усердием. И от семьи тоже никого не осталось, лишь он один — кабаненок.

Но он вернулся! И значит, не все потеряно! — вот источник нашего оптимизма.

...Прошло три года. За это время обширная площадь, по которой ходил и бегал наш герой, была объявлена государственным заповедником — причина того, что ни одному из нажимающих указательными пальцами на спусковые крючки не посчастливилось больше воскликнуть: «Вот обрадуется старуха, секача положил!»

И в этом тоже реальная причина оптимизма для тех, кто ценит в диких животных не только мишень для стрельбы и мясо для шашлыков.

Он, «наш» поросенок, уже настоящий секач, крепко стоял на мускулистых ногах, каждая из которых упиралась в землю всеми четырьмя пальцами. И боевые клыки содержал в постоянной готовности. (У него были еще клыки, поменьше, в верхней челюсти. О них он и оттачивал свое оружие.)

В тот день (стоял июль, и припекало изрядно) пораньше отправился он на жировку, чтобы успеть до жары перекопать опушку, где, как он чуял, много дождевых червей и лесных мышей. Ветра не было, и поэтому не было никакого смысла искать подветренную сторону, чтобы от нее приближаться к нужному месту. Кабан бежал напрямик и, лишь выскочив на опушку, разглядел медведя.

Тот ел тухлого, никому, кроме сорок, не нужного подсвинка, павшего здесь от неизвестной болезни дней пять назад. Сороки с березы поодаль с понятным вниманием следили, как исчезали в ненасытной пасти куски мяса. Этих голодных непосед завораживало чужое обжорство, они казались черно-белыми плодами, которые вдруг взрастила береза.

Сороки заметили кабана до неприличия поздно, и тем нелепее и неожиданнее спугнул тишину их предупреждающий тарарам. В нем они выразили испуг, досаду, которую до этого терпеливо хранили про себя, и главное — большую радость от представившейся возможности угодить косолапому хозяину леса.

Медведь зарычал, вздыбясь на задние лапы, а затем сделал вид, что хочет броситься на кабана. Но тот стоял перед ним и не отступал (он именно тут собирался рыть своих червей). Его клыки мелко-мелко дрожали — угрожающий жест, показывавший, что он их точит. Медведь вяло двинулся в атаку, однако, вместо того чтобы держаться прямого направления, забирал все левее и левее.

Когда он (на безопасном расстоянии) обогнул кабана, оказываясь тем самым у него в тылу, секач сдвинулся с места. Он тоже затрусил влево, пробежал мимо падали и, сделав крюк, ступил на след медведя. Медведь наддал, и вследствие этого оба зверя оказались бегущими на противоположных краях круга — так что было неясно, кто кого преследует.

Поглядев немного на эту карусель, сороки сделали правильный вывод и ринулись вниз, на подсвинка, ставшего бесхозным. Они клевали торопливо, перессорились. Медведь не вынес безобразия и сошел с круга.

Кабан преисполнился гордости. Как-никак это ведь была победа, хотя всего лишь моральная. Случилось даже, что дождевые черви, ведь, без спору, высококалорийные и приятные на вкус, исключились из гаммы владевших им желаний. Теперь как бы в награду, которая положена истинному герою, захотелось чего-то посущественней. И кабан углубился в лес по тропе, не однажды хоженной. В наступившей темноте вышел на кукурузное поле...

Морща пятачок, он долго принюхивался. Запах далекой деревни принес ветерок — слишком слабый, чтобы опасаться людей. Изумительно пахла кукуруза, шелестевшая вот тут, рядом. Кабан ринулся, хмелея от ее аромата. Высокие стебли под ним смялись, он нащупал рылом упакованный в зелень початок. Зерна хрустели и таяли во рту. Кабан ел и ел, вертя хвостом.

В конце августа или в сентябре (счет дням никто не вел) он почувствовал, что на боках под кожей у него наливается тугой тяжестью калкан — кабаний латный доспех, не из металла кованный, а фиброзный, которым природа защищает бока секачей от ранений. (Кстати, А. А. Черкасов и, по-видимому, многие из старинных «достоверных охотников» не раз убеждались, что пуля, посланная в бок осеннего кабана, отскакивает. Они обвиняли в этом слой смолистых веществ, который якобы «так собьется и так облепится», что станет непробиваемым панцирем. Но конечно, были не правы. Именно калкан — не смола — выручал кабаньи бока: пули ведь были тогда не те...)

«Конь убежал домой один, а кабан, увидев своего врага на дереве, но не имея возможности сдернуть его на землю, лег под тем самым деревом и только яростными глазами посылал месть и проклятье несчастному охотнику. Мусорин смекнул, что дело плохо, дело дрянь, кабан не отходит, видимо, дожидается его, а дострелить зверя ему нечем и спуститься на землю невозможно, значит, явно идти на верную смерть; сидеть же на дереве и дожидаться смерти кабана тоже невозможно — холодно. Он начал кричать, перекричал голос, охрип, не знал, что делать, к чему прибегнуть!..» (А. А. Черкасов).

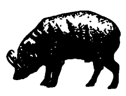
Кабану открывается многое. Он не кормится там, где все стадо. У него сильные ноги. Он знает, где кончается лес, куда течет река, кто живет в горах. Ему знаком мерзостный вид домашних свиней, он помнит, каков запах у отправившегося на охоту человека, он видел автомобиль, трактор, комбайн. Но без стада он жить не может. Он его оплодотворяет и хранит, а во время тяжелых переходов, раня ноги, пробивает для него путь в снегу.

Семь лет миновало, как родился он. Клыки пожелтели и не так остры теперь, но зато велики (у кабанов растут они постоянно), а крепкое рыло способно разрывать норы запасливых грызунов даже в пору, когда земля звенит, стиснутая свирепой силой мороза.

В тот год зима не торопилась овладеть лесом. Выпал снег, но, не пролежав и недели, растаял под натиском теплых ветров. Нет-нет и солнце проглядывало — обманчивое солнце ноября, располагавшее жирных вальдшнепов благодушно откладывать перекочевку на юг. Да и кабанов оно вводило в заблуждение: им пора было искать место для зимовки, но как уйдешь от великолепного шуршащего ковра дубовых листьев, который достаточно копнуть, чтобы найти свежеопавшие желуди?!

Широкие круги, которыми ходил кабан вокруг жирующего стада, натолкнули его на охотников-браконьеров. Он остановился как вкопанный, услышав за деревьями человеческую речь. Большие уши напряглись, повернувшись в сторону страшных звуков.

...И вот тут он встретил три свинцовые смерти.

СВИНЬИ НАСТОЯЩИЕ И НЕНАСТОЯЩИЕ

На Земле восемь видов диких свиней. Три — из рода обычных кабанов: карликовая свинья (Южная Азия), яванский кабан (Ява, Сулавеси, Филиппины) и калимантанский кабан (Калимантан и Филиппины). В Азии (на Сулавеси) живет бабирусса. В Африке — бородавочник, кистеухая и гигантская лесная свиньи.

Азиатские родичи нашего кабана (кроме бабируссы) во многом на него похожи. Африканские дикие свиньи в общем похожи тоже, но ряд морфологических и биологических черт говорит о известной их самобытности.

Бородавочник необычен тем, что его длинное рыло изуродовано (или, возможно, украшено, если взглянуть на сей предмет другими глазами) буграми и шишками, похожими на бородавки. По всей спине, от затылка до корня хвоста, тянется по хребту довольно длинная рыхлая грива. На морде светлые бакенбарды. А клыки у секачей очень велики — до 30 сантиметров и больше (рекорд — 67 сантиметров). У свиней, которые менее бородавчатые, чем секачи, только четыре соска, потому и поросят больше четырех обычно не бывает.

В Тропической Африке еще довольно много

бородавочников, живут они на заросших кустами равнинах. Пасутся обычно днем, склонны к бóльшему вегетарианству, чем другие свиньи. Ночью прячутся (от львов) в норах. Когда удирают, то высоко, как знамя, несут вздернутые вверх хвосты. Лев и леопард — вековые и злейшие их враги.

«Жилая нора бородавочника состоит из просторной камеры, в которой спят отец, мать и подросшие дети. Отсюда полого вниз идет ход в следующую камеру, где осенью, с сентября по ноябрь, появляются на свет хорошенькие поросятки. Если преследовать самку с поросятами, то малыши зачастую бросаются на землю и притворяются мертвыми. Но попробуйте поднимите хоть одного! Он завизжит как резаный, и тогда матка сейчас же бежит к нему... Леопард преследовал самку бородавочника с поросенком. Матка внезапно повернулась и напала на леопарда: он тут же удрал. В другой раз бородавочник чем-то прогневал слона. Слон громко затрубил и бросился в атаку. Бородавочник обернулся и пошел прямо на слона. Тот от неожиданности даже отступил» (Бернгард Гржимек).

Кистеухая свинья — ночное животное, избегает открытых пространств, селится в густых лесах (обычно у воды), плавает отлично. Клыки у нее меньше, чем у бородавочника: сантиметров до пятнадцати. На кончиках ушей кисточки из удлиненных светлых волос. Окраска очень разнообразна — от ярко-рыжей (у западного подвида) до черно-бурой и черной, но на морде, на щеках и на лбу большие светлые пятна. В норах прячутся обычно только свиньи с поросятами. Кабаны живут поодиночке в гуще леса.

Мадагаскарский подвид кистеухой свиньи, прежде считавшийся отдельным видом, — единственное копытное животное на этом острове (обитавшие здесь раньше бегемоты истреблены).

Гигантская лесная свинья открыта была в начале нашего века, в 1904 году, в сырых, горных по преимуществу лесах Кении и Конго. Из диких свиней она, пожалуй, самая крупная, у нее буро-черная щетинистая шерсть, редкая, довольно длинная, а пятачок очень широкий. Отличают эту свинью также выпуклый лоб и большие бугры перед глазами.

Кормятся лесные свиньи ранним утром и вечерами. Охотно пожирают мелких зверьков и птиц, умело их подстерегая и загоняя всем стадом.

У бабируссы, дикой свиньи Сулавеси, немало странностей. Прежде всего клыки: огромные, до сорока сантиметров, изогнутые вверх и назад Причем клыки верхней челюсти пронзают верхнюю губу! Зачем такое украшательство? Может быть, чтобы в гуще зарослей не поранить морду о ветки: клыки образуют своего рода решетчатое забрало над глазами. Тогда почему у самки нет такой защиты? Скорее всего нелепые клыки бабируссы — один из известных примеров (как и хвост павлина) адаптивной ненужности и нецелесообразности некоторых морфологических признаков животных.

Африканский бородавочник не так массивен, как европейские и азиатские кабаны, но верхние клыки у него, как сабли длиной бывают до 63 сантиметров

Далее: бабирусса совершенно бесшерстна, у самок только два соска и небывало малая для свиней плодовитость: один или два поросенка (неполосатых!) в год. Живут бабируссы в густых лесах, на болотах, у рек и озер. Прибрежная растительность — их корм. Плавают много и отлично.

Бабирусса обитает только на Сулавеси и некото-

Окраска кистеухой свиньи очень разнообразна — от ярко-рыжей до черно-бурой и черной

Гигантская лесная свинья, открытая сравнительно недавно, крупнее бородавочника вес ее — до 275 килограммов

рых малых островах (Буру, Сула, Согиан), весит не больше 90 килограммов. Ее парадоксальные верхние клыки породили немало легенд. Местные жители, например, рассказывают, что, уцепившись этими невероятными клыками за сук, бабируссы спят будто бы на весу.

Бабирусса, которая обитает только на Сулавеси и некоторых малых островах (Буру, Сула, Согиан), весит не больше 90 килограммов, но у нее парадоксальные верхние клыки они не только чересчур велики, но и растут вверх не снаружи от губы как у других свиней, а произают насквозь верхнюю челюсть Местные легенды рассказывают, что, уцепившись этими невероятными клыками за сук, бабируссы спят будто бы на весу

Ошейниковый пекари В Мексике и Южной Америке обитает еще белогубый пекари Пекари похожи на свиней и близки им по крови, но отличаются, например, тем, что верхние клыки растут у них не вверх, а вниз

Пекари — ненастоящие свиньи. Внешне похожи на свиней, но есть у них ряд черт, которые побу-

дили зоологов выделить пекари в особое семейство. Например, клыки верхней челюсти растут не вверх, как у свиней настоящих, а вниз. На задних ногах не четыре, а три пальца, желудок устроен более сложно, а на спине большая железа. Когда пекари чем-либо возбужден, шерсть, вздымаясь, обнажает железу и сильный запах распространяется вокруг. В густых зарослях у воды и на мелких местах в воде железа оставляет на ветках и камышах свой специфический аромат, который служит путеводной нитью другим пекари. Так что размещение ее на спине вполне оправдано жизнью в болотах: чем выше будут пахучие пометки, тем лучше сохранятся они, вода не зальет их в половодье.

Два вида пекари: воротничковый (с широкой желтоватой полосой в виде воротника на плечах) распространен от юга США до Аргентины: и белогубый пекари, более крупный и живущий более многочисленными стадами в лесах Америки — от Мексики до Парагвая.

ГИППОПОТАМ

Странно, что за всю историю человеческой цивилизации гиппопотам (он же бегемот) не стал домашним животным. У него на это есть права, и, пожалуй, не меньшие, чем у буйвола, слона, верблюда или кабана, с которыми он в довольно близком родстве. Они дают людям молоко и мясо, несут через пустыню поклажу, таскают на стройках бревна, а тот, кого по ошибке нарекли когда-то «речной лошадью», был вынужден всего лишь подставлять под выстрелы свою шкуру.

Справедливо ли это? Семья гиппопотамов голов в пятнадцать — это передвижной (или, сказать лучше, в меру подвижный) мясокомбинат, способный накормить небольшой город.

Вот некоторые цифры: высота в холке — до полутора метров, длина — до четырех с половиной метров, вес взрослого самца — до четырех тонн, самки — до трех тонн. Бернгард Гржимек опубликовал данные Ветеринарного управления Кении о весе частей, из которых состоит бегемот. «В туше оказалось 520 килограммов чистого мяса и 33 килограмма жира, 27 килограммов весила печень, семь-восемь — сердце, пять — язык, девять — легкие, 280 килограммов — кости. Кожа весила почти столько же, сколько кости, — 248 килограммов». Но разделанный гиппопотам был, по-видимому, «юношей» своего вида. Общий вес его — лишь 1456 килограммов. Каковы же будут цифры, если разделать четырехтонного зверя? Надо еще добавить, что зверь только с виду не в меру разъевшийся толстяк — жир у него внутренний, а вся масса — мякоть, по вкусу напоминающая телятину. Причем богатая белками (24,8 процента), что очень важно, потому что белки гораздо нужнее человеку, чем жир. И долголетие у бегемота подходящее — по 40—50 лет жили некоторые в зоопарках.

Лет сто назад почти все тропические лесные водоемы Африканского континента кишели бегемотами. Явившийся к ним белый стрелок редко сдерживал себя, увидев торчащее из воды глянцевитое чудовище. Нуждающиеся в мясе города далеко, а самому куда такую уйму? Бегемот оставался там, где был убит, и просто-напросто гнил, отравляя воду.

Еще в древности римляне обратили внимание на гиппопотама. Однако на что были умники, а настоящего значения зверя не поняли: на арену Колизея волокли толстых страшилищ и там убивали их для веселья почтенной публики. Зрелище получалось впечатляющее: крови лилось как раз столько, сколько надо, чтобы удовлетворить самых кровожадных.

Когда бегемот спустя почти два тысячелетия был принят в зоопарки Европы, то за свой нрав сразу же попал в общие любимцы. И директора, и служители, и даже дети его полюбили!

И тут вдруг узнали: есть у милого гиганта «меньшой братец» размером с крупную свинью. Он описан англичанином С. Мортоном в 1849 году по черепам, которые подарил ему один приятель-путешественник.

Знаменитый король зоопарков Карл Гагенбек послал в 1910 году экспедицию в Либерию. Ее возглавил Г. Шомбургк, и весьма успешно: в том же году он нашел следы бегемота-карлика, а на будущий год поймал шестерых мве-мве, другое назва-

ние — нигбве (так называли этих бегемотов африканцы).

«Меньшой» показал себя существом покладистым. Одному пойманному в ловчую яму нигбве Шомбургк протянул наколотый на палку корень кассавы. Он ожидал ярости зверя, лишенного свободы. «Но произошло чудо: словно обычная домашняя корова, гиппопотам спокойно обнюхал угощение и стал уплетать его».

Нигбве по многим приметам напоминает свинью. Длина тела 170—185 сантиметров, хвоста 15—17 сантиметров, рост 75 сантиметров, вес 250—275 килограммов. На нижней челюсти лишь пара резцов. Самки нигбве детей своих кормят, как наша домашняя хавронья, лежа на боку. И наклонностями нигбве напоминает свиней: любит рыть коренья и клубни, бродить по ночам (обычно в одиночку). Днем отсыпается в чаще кустов на суше или в норах, которые роет сам. В общем вполне милый зверь. Живет в густых лесах Западной Африки, однако на весьма малом про-

Это не драка, а скорее первый этап ее — устрашение

Такая вот странная дружба

Нигбве, или карликовый бегемот, значительно меньше обычного гиппопотама — вес до 230 килограммов. Живет в густых лесах Либерии и Сьерра-Леоне

странстве ее: от юго-востока Гвинеи до Кот-д'Ивуара (Берег Слоновой Кости), включая часть Либерии и Сьерра-Леоне. Попадается также в некоторых провинциях Нигерии.

Сейчас карликовый бегемот содержится во многих зоопарках мира — всего 85 нигбве (по данным на 1965 год). Он неплохо размножается в неволе: «особенно успешно его разводят в Базельском зоопарке, где уже родилось тринадцать животных».

У больших гиппопотамов нижних резцов две пары. И клыки... какие клыки! До 75 сантиметров! А в ненормальных случаях они достигают (так как растут всю жизнь!) одного метра восьмидесяти сантиметров! Величина несколько даже странная. Он в толстой коже, как в броне, и этот жуткий «кровавый пот», выступающий на ней, когда гиппопотаму жарко...

Почему животноводы не заинтересовались таким зверем? Не могли они усмотреть за столь «неблагообразной» внешностью характер «благонадежный». К тому же и случаи из жизни бегемотов, которые удавалось наблюдать людям, вели к весьма категоричным мнениям.

«Однажды на берегу озера я увидел, как встретились гиппопотам с носорогом. Оба были зрелыми самцами. Столкнувшись, они убили друг друга. Гиппопотам, по всей видимости, вышел на берег, чтобы попастись в роскошной траве. Здесь он повстречал носорога, спустившегося попить. Ни один из них не пожелал другому уступить дорогу. Произошло ужасное сражение. Спина носорога была порвана огромными челюстями гиппопотама. Гиппопотам же был в нескольких местах сильно пропорот рогом носорога. Оба зверя лежали в нескольких футах друг от друга, погибнув в результате совершенно бессмысленной дуэли. Несомненно, здесь был затронут вопрос чести» (Джон Хантер, охотник).

Или вот. Два безрассудных льва решили полакомиться нежным гиппопотамчиком. Его мать, рассвирепев, утопила одного из хищников в вязком иле.

«Грузовик угодил прямо на спину бегемоту. Перепуганный водитель прибавил газу, но не смог сдвинуть машину с места, потому что животное весом тридцать центнеров подняло задний мост грузовика и его колеса не касались земли» (Бернгард Гржимек).

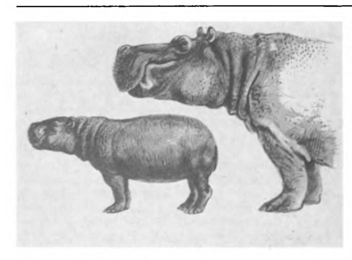
Но грузовику, так сказать, легче. Велосипедист, налетевший во тьме на гиппопотама, был перекушен почти надвое.

В свете этаких фактов (а читатель, конечно, понимает, что они в своем роде не единственные) вопрос о том, как гиппопотаму стать домашним, может показаться нелепым и наивным. Однако не торопитесь с выводами.

Первые животноводы мира, имея возможность богатейшего выбора, ведь не остановились же перед тем, что у вепря — секущие (и весьма опасные!) клыки, у буйвола — рога, у собаки — зубы, у слона — хобот, бивни и ноги, которыми можно шутя совершить любое убийство!

Теперь животный мир оскудел. Гиппопотам часто живет в вольных только с виду условиях. Люди давно уже владеют местами его обитания. Добродушные, вполне домашние голоса бегемотов раздаются поблизости от прекрасных асфальтированных дорог, туристских пансионов, гостиниц. С открытых веранд, завтракая или пируя, можно наблюдать за тем, как живут эти звери. Они держатся на мелководье охраняемых для них людьми водоемов. Лежат или прогуливаются по дну, а спины и головы — снаружи, как бы для удовлетворения любопытства туристов. «Нежная» кожа покрыта слизистым веществом красноватого цвета, что предохраняет от буйного воздействия воздуха, солнца и воды. И вовсе этот пот не кровавый, как думали раньше, а просто красный.

Гиппопотамы — домоседы. Целый день нежатся в воде, часто ныряют — пять минут не дышат под водой. Плавают прекрасно. Даже по морю: пролив в 20 миль между островом Занзибар и материком

Два бегемота большой и карликовый Рисуиок показывает, какова между ними разница и во внешности и в росте

они переплывали не раз.

Лишь ночью решаются отдалиться от берега. Размяться надо, да и рацион больше чем на половину состоит из трав, растущих на твердой земле. Для ночных прогулок у каждой семьи свои, строго определенные маршруты — небольшие (но иногда и 20—30 километров), которые, если нанести их на карту, напомнят абрис кое-как нарисованной груши: острый конец в воде, а расширяющийся овал или окружность — в прибрежных зарослях. Тропы служат годами и в результате превращаются в борозды и рвы (глубиной до полутора метров!). И вот замечательное достоинство гиппопотамов: эти тропы — единственный ущерб, который они наносят поверхности земли. Там, где пасутся, земля не превращается в пыльную полупустыню, как это бывает от воздействия копыт домашнего скота.

Некоторых бегемотов временами одолевает странное желание путешествовать по суше: не десятки, а сотни километров проходят они. Один (Хуберт) прошел 1600 верст!

«Он был в пути два с половиной года, проходя без особых затруднений в среднем полтора километра в день. Из-за того, что появление Хуберта несколько раз случайно совпадало с дождем, местное население стало его считать «богом дождя». Поэтому во многих районах ему устраивали самый торжественный прием, потчуя сахарным тростником и овощами. Газеты и радио беспрерывно сообщали о месте его нахождения, где его можно ожидать в ближайшее время. Как-то в большом городе Дурбане ему приготовили пышный прием. Он наелся там дорогих экзотических цветов, затем побродил по Вест-стрит, милостиво принял угощение от хозяев овощных лавок, а кое-где угостился и сам. Затем он обнаружил открытый городской бассейн для питьевой воды, в котором и решил выкупаться.

Спустя некоторое время он отправился в Ист-Лондон, расположенный на триста пятьдесят километров южнее Дурбана. Он прошел уже триста двенадцать километров, когда был прямо посреди дороги застрелен фермером-буром» (Бернгард Гржимек).

Наверное, европейскому крестьянину, умаявшемуся в заботах о пропитании коровы, покажется невыполнимой задача прокормить огромного гиппопотама. Но, как ни странно, аппетит гигантов сильно уступает аппетиту Гаргантюа. Лишь 40 килограммов корма в день нужно для того, чтобы поддержать жизнь и нормальное развитие туши. И какого корма! Гиппопотам удовлетворяется самой жесткой растительностью.

Такой у зверя желудок. Три больших и одиннадцать малых его отделов, как цехи химического комбината, извлекают из грубого сырья соки жизни. Кишечник у бегемота длинней, чем у слона. Таинственные процессы! Подобно заводской трубе, выбрасывающей в воздух ненужные газы, работает пасть зверя. Знаменитое зевание гиппопотама, умиляющее посетителей зоопарков, — это выход газообразных «отходов производства». Они не зловонны и поэтому не отпугивают людей, которые норовят положить на огромный язык что-нибудь вкусненькое.

Другое весьма удивительное приспособление, по-своему завершающее пищеварительный процесс, — это хвост. Его сравнивают с пропеллером: он с уплощением, как упомянутая деталь самолета, и приспособлен для быстрого вращения. Но если кабан вертит своим хвостом в минуты чрезвычайного увлечения едой, то гиппопотам делает это, когда выбрасывает экскременты. Он «пропеллером» измельчает их и рассеивает по сторонам. Они, как и газы, выходящие через пасть, не зловонны, но отличное удобрение для прибрежной растительности, а в воде содействуют развитию планктона — незаменимого корма рыб.

Как бы сознавая неотразимую эффективность этого действия, гиппопотамы пользуются им и в самых торжественных случаях своей жизни. Встретив на пути прелестную незнакомку, самец приветствует ее веселым и лихим разбрызгиванием. И незнакомка не обижается и, если рада его видеть, приветствует так же. Когда два соперника оказываются друг против друга, то этот же самый «жест» может стать выражением устрашения, вызовом на бой.

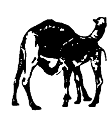

Гиппопотамы, однако, дерутся не часто. Обычно самка, когда приходит ее пора, покидает стадо своих подружек и детенышей и направляется к группе самцов, собравшихся по-приятельски вместе где-нибудь в отдалении, и сама выбирает себе «суженого». Но не всегда это мирно кончается. Бывают и драки. Два громадных рыла-ковша, вооруженные гигантскими клыками, с треском сшибаются (бывает, и клыки не выдерживают). Конечно, слабый удерет и скроется где придется, но равные бойцы скоро не разойдутся...

В мир бегемот появляется странным и необыкновенным образом. После семи-восьмимесячной беременности самка рожает в воде. О появлении новорожденного вначале знают только рыбы, но недолго: словно катапультированный пилот, вылетает он на поверхность. Мать ловко подхватывает его на голову, чтобы не захлебнулся, и — вот она, жизнь!

Вода — любимая родина. Малыш даже сосать умудряется в воде. Здесь же и единственный в сущности враг — крокодил. Взрослым он не страшен, но пока мал — смотри в оба. Утащит, а там — не в гостях у хорошего знакомого. Гиппопотамы ненавидят крокодилов. Случается, бросаются на рыбацкие лодки, сгоряча приняв их за своих исконных неприятелей. Однако, перевернув лодку и увидев, что из нее выпали лишь люди, гиппопотам отплывает пристыженный. Он, когда в воде, осознает свою силу и не злоупотребляет ею.

На суше — другое дело. Но, сколько люди ни наблюдали, все непорядки, которые ему случается там учинить, происходят не из-за какой-то особой агрессивности зверя. Как правило, они результат того, что он чем-то, часто неопасным, напуган. Наткнулся на него неожиданный велосипедист — кляцнул с испугу пастью. Самке показалось, что хотят обидеть ее детеныша. В результате — неприятность. Но это все случайности.

Гиппопотамов в Африке осталось мало. Но кажется, об их судьбе наконец-то заботятся. Кто знает, может быть, у них большое будущее?

«КОРАБЛИ» НА КОРАБЛЕ

В 1856 году экспедиция лейтенанта Портера (он командовал кораблем) и майора Вэйна (на его попечении были верблюды) купила у турецкого правительства три десятка дромадеров (одногорбых верблюдов). Через год американцы приобрели еще четыре десятка. Верблюды предназначались для военных надобностей, и оные через пять лет появились, когда Соединенные Штаты стали «разъединенными». Равным образом поработав на северян и южан, после окончания Гражданской войны некоторые животные продолжали службу в цирках и зоопарках, а некоторые разбежались.

И произошло то, от чего упомянутая экспедиция на корабле «Сэплай» стала событием в истории животного мира: дромадеры, разбежавшись, одичали. Ведь вернулись они на пепелище отцов. Когда-то водились в Америке древние верблюды — камелопсы. Возможно, еще тысячу лет назад они бегали по Калифорнии. У Сьерры-Невады раскопали «свежую» стоянку какого-то охотничьего племени и среди давно потухших углей нашли обглоданные черепа камелопсов — вероятно, последних. Говорят, даже теперь кое-где по пустыне в Аризоне бродят одичавшие дромадеры (потомки привезенных лейтенантом Портером из Турции).

Кому не приходилось, проснувшись утром, высунуть нос из спального мешка, стеганного из верблюжьей шерсти, и убедиться воочию, что весь ты полузанесен выпавшим за ночь снегом, тот вряд ли способен по-настоящему удивиться потрясающим свойствам волос, которыми природа покрыла и дромадеров, и бактрианов (двугорбых азиатских верблюдов), и лам (их американских родичей). Представьте, снаружи вас терзает колючая поземка, а вы спите спокойно, как в городской квартире: сухо, тепло, нигде не дует, и воздух свежий.

На ощупь шерсть верблюда обыкновенна — шерсть как шерсть. Но при внимательном рассмотрении можно заметить, что не совсем она обычная: вокруг длинного волоска толпятся волоски поменьше, и они не подпушь, какая вырастает для тепла у большинства зверей, они деталь совер-

шенно необыкновенной конструкции, к сожалению еще не исследованной учеными.

Так что примите как очередную тайну природы тот факт, что спина верблюда, которого сильно припекло в полдень, нагрета снаружи на восемьдесят градусов, а под шерстью — на сорок. Верблюд, так сказать, одет в тайну с ног до головы.

Впрочем, и внутри у него тайн порядочно. Лишь немногие из них разгаданы, да и то недавно. Скажем, знаменитая верблюжья «засухоустойчивость». Почти тысячу километров пройдет по жаркой пустыне — и ни капли в рот! Отчего?

Ряд причин уже выяснен. Вот они:

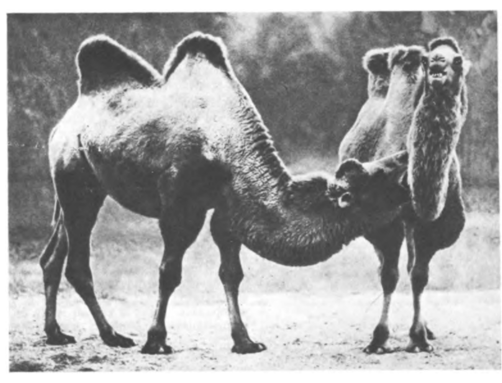
1. Пить умеет. Уж если дорвался до воды, то столитровую бочку осушит. А один верблюд на глазах у заинтересованных наблюдателей выпил два раза (через малый срок) по 92 литра да плюс еще два литра.

2. Почти не потеет. В этом ему помогают превосходная шерсть и умение «держать язык за зубами», то есть зря рта не раскрывать, чтобы влага не испарялась. Даже в самую жару он дышит лишь шестнадцать раз в минуту, а когда попрохладней, то хватает ему и восьми раз. Это ведь в сравнении, например, с дыханием запарившегося пса — самая малость, пес тогда по 300—400 раз дышит в минуту.

«Корабль пустыни» на закате дня'

Где родина диких одногорбых верблюдов — неизвестно Одни ученые считают, что диких дромадеров (или дромедаров) никогда не было, это особая порода двугорбых верблюдов Мнение других родина диких дромадеров — Аравия, но они там давно уже истреблены

А это обычные двугорбые верблюды, или бактрианы

3. Легко переносит колебания собственной температуры. Ночью у него 34 градуса, днем — 40. И ничего, не лихорадит его с такой «гриппозной» температурой, а идет себе вперед, даже не потеет, экономя пять литров воды, которые потребовалось бы испарить для охлаждения тела на шесть градусов.

4. Имеет горб (или два). Это сооружение не представляет собой запасной цистерны с водой в прямом смысле этого слова (как некоторые городские жители считают). Но в переносном смысле — да. В горбу — жир, «перегорающий» в пути и превращающийся в воду: из 100 граммов жира — 107 граммов воды.

5. И последнее, очень важное свойство: верблюд, если уж он воду теряет, то не слишком о том печалится — может до 30 процентов своего веса израсходовать на жизненные процессы, потребляющие воду, и все же кровь его не загустеет и он не умрет, как это случится в такой ситуации с любым зверем и с человеком.

ВОЛЬНОМУ — ВОЛЯ

Все, о чем говорилось выше, почерпнуто из «интервью» с одомашненными верблюдами, и если эта книга сейчас в руках у охотника, то, конечно, душа его, не унесшись ни на минуту в безлюдные просторы дикой природы, не насытилась. Что поделаешь, вольных верблюдов на Земле мало. Очень мало. Лишь двугорбые кое-где в Монголии. Дикие дромадеры давно все вымерли (если вообще существовали, так как некоторые исследователи полагают, что одногорбых, как особую породу, люди

вывели от двугорбых верблюдов).

Охотник — человек, как известно, с воображением — может составить компанию такому же, как и он, труженику «дикого поля», покинувшему родной аймак (лет пятьдесят или сто назад).

Сухая, холмистая, выжженная солнцем земля Гоби. Цепочка газелей дзеренов, живым пунктиром опоясавшая далекий холм, не интересует одинокого наездника. Хабтагай — дикий двугорбый верблюд — желанная, но почти недоступная добыча. Крутые склоны, узкие ущелья — места, кажется, пригодные лишь для цепких копыт архара, но хабтагаи обитают часто именно в таких угодьях. Пржевальский, первооткрыватель хабтагая для науки, в 1878 году восхищался его «альпинистскими» способностями.

Стадо в десять (а бывало, и до пятнадцати) красновато-песчаных серомордых животных замечено вдруг охотником на фоне щебнистой осыпи. Хабтагаи, не в пример своему домашнему собрату, весьма изящны, легки. Горбы у них меньше и не вызывают мысли о чудачестве природы, использовавшей для отливки одного из своих созданий испорченную матрицу.

И открывается состязание! С одной стороны, в нем участвует терпеливый, сообразительный и выносливый охотник на выросшем вблизи от юрты верблюде, а с другой — естественное вольнолюбие, подкрепленное быстротой ног, отличным слухом, зрением и обонянием: хабтагай даже воду чует за несколько километров. В беспримерном марафоне силы равны, а судья-солнце для поддержания жестких правил испарило влагу и иссушило все эти ковыли, полынь, горный лук, саксаул, караган — «горькую» и все же необходимую пищу верблюдов.

Они почти всегда на виду друг у друга. Если преследуемым удается оторваться от преследователя, то охотник, спешившись, разыскивает на твердой почве следы — почти гладкие отпечатки (из-за мозольной подушки на пальцах зверя, за что и называют верблюдов мозоленогими). Следы, оставленные хабтагаем, отличны от следов домашнего бактриана, они более узкие, как бы устремленные.

Охотник оттесняет косяк от водопоев. Утром и вечером — в часы привычной кормежки — усиливает свой натиск. В полдень и ночью, когда верблюды обычно лежат, заставляет их подняться. Силы у вольных верблюдов иссякают.

Заалайские хабтагаи летом держатся в высокогорьях, на альпийских сочных лугах, но преследователь гонит их оттуда в южные пустыни (их зимние «квартиры»), где растительность уже высохла, где ни капли воды. День за днем. Тысячекилометровый марафон. Каким одержимым надо быть, чтобы решиться на лишения, которые неизбежны! Вот последний глоток воды остался... Но сдались и хабтагаи.

Верна старая пословица кочевников: «Лег верблюд, так приехали». Верблюд ляжет лишь тогда, когда встать не сможет.

Выстрелы — один из ответов на вопрос: почему диких верблюдов на Земле мало? Однако выстрелы в этом случае, пожалуй, не единственное зло.

Верблюды выносливы. Почему же именно они, а не звери понежней столь малочисленны?

Они могут долго жить без воды. Их корм — такая растительная дрянь, которую никто из травоядных есть не хочет. У них, таким образом, мало конкурентов. И опять: почему же тогда их самих мало?

Они умеют переносить страшную жару и страшный холод. Да, и холод. В дореволюционное время на приисках Якутии, там, где стынут теперь моторы МАЗов, бактрианы по замерзшим рекам таскали для людей грузы. Почему же?..

Для начала надо, конечно, исследовать, не таится ли причина малочисленности диких верблюдов в самой системе их размножения. Возможно. Верблюды — полигамы, а у полигамов, как известно, процент яловости самок всегда повышенный. Между самцами бывают жестокие драки — это, понятно, тоже влияет на численность (на Востоке специально выводят «бойцовых» верблюдов и заставляют их драться с таким же ожесточением, как бойцовых петухов!). Самки редко приносят двойни. И ко всему время развития плода у бактриана 411 дней! У дромадера — 388. А при таком сроке от силы раз в два года самка принесет по верблюжонку. Так что прирост весьма замедленный.

И еще: выносливейший из выносливейших, оказывается, очень боится сырости, чуть что — и плеврит, а то и туберкулез с трагическим концом.

«В Монгольской Гоби численность устойчива, основная популяция оценивается в 400—500 животных... Насколько известно, в неволе содержится только одно животное, в Пекинском зоопарке (данные на середину 1965 года), пойманное молодым в 1959 году» (Д. Фишер, Н. Саймон, Д. Винсент).

По Панамскому перешейку потомки некоторых древних предков верблюдов Северной Америки прошли в Южную Америку, и здесь от них произошли четыре разновидности безгорбых «верблюдов», а точнее, четыре вида из семейства мозоленогих: ламы, гуанако, альпаки и викуньи.

До недавнего времени думали, что лама — при-

Гуанако — вольный американский родич верблюдов и возможный предок ламы

Шерсть у ламы окрашена довольно ярко и очень разнообразно

рученный людьми потомок гуанако, а альпака — потомок викуньи. Однако теперь многие зоологи склоняются к тому, что и лама и альпака, ныне известные только как домашние животные, имели когда-то своих диких предков, давно истребленных, но не гуанако и не викуний, поскольку некоторые очень специфические черты поведения у них разные (например, манера ухаживания самцов — весьма консервативный, мало изменчивый признак).

Гуанако крупнее всех других мозоленогих Нового Света. И в высоких Андах, и в равнинных прериях (но не в лесах) пасутся их небольшие стада: несколько самок с детенышами и один взрослый самец. Молодые самцы, которых старый не подпускает к своему стаду (плюет, кусает очень сильно), объединяются в более многочисленные стада.

Викуньи (самые мелкие из четырех безгорбых «верблюдов») также живут разделенными стадами: старые самцы — с десятком самок, молодые самцы — своей компанией. У каждого стада — охраняемая вожаком территория. Когда на нее вторгается чужой самец, хозяин скачет навстречу и плюет в него полупереваренной травой. Тот плюет в ответ, но обычно старается не попасть в противника, если видит, что враг его силен. Иначе дело дойдет до зубов — плевки лишь предупреждения, а зубы острые!

Викуньи пасутся высоко в горах, у границ снега, в Андах Перу, Боливии, Чили и Аргентины. Шерсть у викуньи по тонине и легкости превосходит шерсть любого другого копытного, которого люди когда-либо стригли. Впрочем, самих викуний стригли редко: домашними они никогда не были.

Однако индейцы в Андах умудряются, заманив стадо в загон, остричь одну дикую «овцу» за другой. Потом, стриженных, выпускают на волю.

У альпака шерсть качеством почти так же хороша, но несравненно более густая и длинная. Весьма шерстистой шкурой альпаки похожи на баранов-мериносов. Ради шерсти (и мяса) альпак и разводят сейчас в Южной Америке. Только в Перу их два миллиона!

Лам разводили (еще инки) и разводят (горные индейцы) из-за многих их незаменимых в примитивном хозяйстве ценных свойств.

«Они ткут одеяла и плетут веревки из их шерсти, шьют сандалии из кожи, мясо идет в пищу, жир — на свечи, а помет — на топливо» (Десмонд Моррис).

И еще: возят вьюки на спинах сильных лам — трехлетних самцов. Больше 50 килограммов лама нести решительно отказывается. Никакими силами заставить ее нельзя! Ляжет и не идет. А понукать будут — плюется, лягается, кусается. Лучше сбросить с ее спины несколько лишних килограммов — меньше хлопот. По 20—30 километров в день проходят вереницы вьючных лам по крутым горным тропам, где другого транспорта пока нет.

ОЛЕНИ

Семейство оленей — драгоценное ожерелье, которое носит природа Земли. Каждый олень, и малютка пуду (он величиной с зайца), и лось-гигант из Анадыря, каждый красив. Любое движение оленя, любая его линия кажется нам вершиной гармонии. Даже названия оленей, как правило, благозвучны. Вы только послушайте: «марал»! В нем слышатся перекаты горного эха Алтая и Саян, где обитает этот вид. Его американское название — «вапити» — слово, исполненное чуткости. «Изюбрь»! Сколько уважительной нежности! «Кабарга» — и ваше ухо воспринимает стук маленьких копыт в головокружительной высоте сибирских гор. Синонимы «лось» и «муз» вызовут у вас представление о могучести, и оно не исчезнет, если вы прибавите к ним эвенкское «моот», означающее в переводе «древоед». Слово «косуля» элегантно-скользящее, а в имени северного оленя — «карибу» — тихий вскрик восторга. К эпитету «благородный» комментарии, согласитесь, не требуются.

«Лани», «замбары», «мунтжаки», «мазамы», «гуэмалы»... 36—40 ныне живущих видов, разделяющихся на множество рас, часто несут еще и географические имена, тоже весьма звонкие, но главным образом ценные тем, что указывают на ареалы их обладателей. «Бухарский олень» — каждому ясно, где его искать. «Новоземельский», «гренландский», «лабрадорский», «баргузинский», «ньюфаундлендский», «охотский», «шпицбергенский», «сибирский тундряной», «сибирский лесной» — такой букет без лишних слов способен рассказать о расселении северного оленя.

Это об именах, а ведь бывают еще и отчества, причем вполне человеческие. Например, «карибу Пири» («папаша» — американский полярный исследователь, в 1909 году на собаках достигший Северного полюса). Или: «олень Пржевальского», называемый еще «беломордым тибетским оленем». Его точное и подробное описание занесено в научные анналы при содействии казака Калмынина, добывшего для Пржевальского в 1876 году старого самца.

По разным соображениям я опускаю здесь все великолепие латыни в применении к оленям, хотя и не могу о нем не упомянуть. Вместо него великолепие другого рода, так сказать, истинное, вещное — полезность, которую дарит олень человеку.

Снимите шапку перед этим зверем! Она... пыжиковая и выделывается из шкуры северных оленят — неблюев и пыжиков. Малицы, дохи, рукавицы, одеяла, ковры и даже стены жилищ — все это от оленя. В век синтетики, конечно, снизилось значение таких товаров, но раньше без них просто не

могли обойтись. Знаменитые лосины, в которые рядились некоторые полки русской армии со времен Петра I, — штаны и камзолы из лосиной замши. Для ее изготовления приходилось снимать шубы с десятков тысяч лосей, что едва не привело к их полному уничтожению. К концу всех царствований лишь один гвардейский полк, отдавая дань традициям, носил лосины, да и то не в расхожей, а в парадной форме.

Впрочем, замша — паритет для всех видов оленей. И благородный, и косуля, и северный, если только можно так выразиться, имеют на себе некий ее потенциальный запас. Правда, шкура северного оленя бывает иногда сильно попорчена личинками оводов, продукция кабарги не отличается прочностью, да и летняя лосина из-за свищей довольно неважная.

Мех оленей не обладает той стойкостью, какой хотелось бы. Доха из косули служит не больше пяти лет, а из других — и того меньше.

Лишь камус — мех, снятый с ног лося и северного оленя, — выдерживает высокие требования людей. Звери с его помощью борются с настом и глубоким снегом, а человек шьет из него обувь, рукавицы, им же подбивает лыжи.

Но какими бы теневыми качествами ни «страдал» олень (а таковые у него имеются и кроме перечисленных), его положительная роль в этом мире настолько значительна, что, право, я не погрешу против истины, если присвою ему почетное имя «благодетель человечества».

Потому что северный олень — это до 130 килограммов мяса (на крупе у самцов жира до восьми сантиметров); выход мяса у лося — до 300 килограммов. А от лосихи можно надоить за год 430 литров молока, такого жирного, что оно эквивалентно 1290 литрам коровьего. Косуля, которой в конце прошлого века только в Амурском крае добывали до 150 тысяч за сезон, дает лишь 20 килограммов мяса, но ее даже в наши годы в азиатской части СССР можно добывать по 60 тысяч в год без угрозы полного истребления.

И скажите, не самую ли жизнь сохранял олень так называемым «малым народам», расселенным по холодным окраинам Америки, Европы и Азии? Вот что Фердинанд Врангель писал в 1841 году:

«Время переправы оленей через Анюй составляет здесь важную эпоху в году, и юкагиры с таким же боязненным нетерпением ожидают появления сего животного, с каким земледельцы других стран ожидают времени жатвы».

И эта «жатва» кроме «хлеба насущного» приносит хорошее противоцинготное средство — кровь. Ее и по сию пору с величайшим наслаждением пьют жители Севера. Полупереваренное содержимое желудка — просто лакомство, хотя это уж, конечно, для кого как...

У кабарги-самки мясо невкусное: постное, жилистое, а у самца — с резким неприятным запахом. Но этот запах... Сколько горячих контрабандистских голов положено ради него на опасных горных тропах! Кабарожья струя — сорокаграммовый мешочек на брюхе, которым наделен самец кабарги для привлечения самки во время гона и пометок на границах своих владений. Мешочек наполнен красно-коричневым студенистым веществом — мускусом, из него китайцы изготовляют тонизирующее лекарство, а парфюмеры, добавляя в духи, сообщают им необыкновенную стойкость. Мечеть, построенная в Иране 600 лет назад на растворе с добавлением мускуса, «благоухает» и сейчас. Вот за эти-то качества фунт мускуса кабарги на международных рынках ценится как малолитражный автомобиль.

И наконец, позвольте взять быка, то бишь оленя, за рога. Эти фантастические украшения уместны не только на голове марала или там косули, но и на стене квартиры. Их привлекательность таинственна.

Рога служат для разных художественных поделок, из наиболее дешевых выходят отличные пуговицы. В начале века Дания, например, импортировала для этих целей по 30 тысяч рогов северного оленя в год. И хотя прекрасные безделушки и роговые пуговицы всего лишь предметы нерегулярной моды, моду эту следует благословлять: ведь для добычи сырья не надо убивать оленей — рога они ежегодно сбрасывают сами, только берите!

Хуже обстоит дело с пантами — неокрепшими рогами пятнистого и благородного оленей (из них вырабатывают пантокрин или хаулокрин). В конце солнечного июня у зверей нет никакого желания с ними расставаться. А приходится. И чаще всего вместе с головой.

Главным потребителем пантов всегда была изворотливая китайская медицина.

Итак, вот какими нужными предстают перед нами эти парнокопытные.

Многочисленное семейство часто мало похожих друг на друга зверей на самом деле в высокой степени гомогенно, то есть однородно, по своим признакам. Поэтому, если взглянуть на некоторых из них, станет понятной и общая картина.

Кабарга (горы Восточной Сибири и Центральной Азии). Бедняжка кабарга! Она и не знает, что постоянно живет под угрозой одинокого сиротства,

Еще не решено окончательно кабарга — олень или составляет свое особое семейство копытных

потому что ученые еще спорят, относить ее к семейству оленей или не относить.

Действительно, у нее странный вид. Передние ноги короче задних, и, вероятно, поэтому она горбатенькая. И ведь на кенгуру похожа! (А кто был свидетелем того, как ловко она встает на задние ноги, чтобы достать растущие высоко листья, тот и подавно так скажет.)

Длиной кабарга не больше метра, цвета приятного — шоколадного (иногда рыже-бурая, иногда черно-бурая). Маленькая голова светлее — сероватая, а сверху бурое пятно, как бы намечающийся берет. Снизу на шее пара белых продольных полос, а на боках и на спине разбросаны светлые пятна. Весьма ее красят! (Но у старых иногда их не бывает.) К тому же она, можно сказать, без хвоста (хвост вообще-то есть, сантиметров этак в пять, но он так плотно прилегает, что его и незаметно). Шерсть в основном из остевых волос (пуха мало): в воде — отличный «поплавок», на снегу — теплый матрац. Когда кабарга лежит, снег под ней не тает, как под лосем или косулей.

Рога? Рогов не ищите, их у кабарог не бывает. Зато есть клыки, да какие! Когда рот закрыт, наружу торчат (у самцов, не у самок). Говорят, у старых кабарог — в десять сантиметров длиной.

Мунтжаки, аксисы, замбары — не очень похожие друг на друга олени.

Мунтжак, несмотря на мощно звучащее имя, маленький олень (в плечах не больше 60 сантиметров). Он каштаново-бурый, белобрюхий, и рога у него простенькие, десяти — тринадцатисантиметровые шпильки с небольшим зубцом вместо развилки. Их «корни», покрытые шерстью, тянутся двумя резко выступающими длинными буграми по сторонам морды над глазницами до носовых костей. У самцов — клыки, острые и длинные, и видны из-за края верхней губы. Голос у мунтжака, которого в Индии называют каркером, резкий, похожий на лай.

Мунтжак — один из немногих примитивных оленей наделенных и рогами и клыками Мунтжак, кусая клыками, наносит довольно болезненные раны собакам, атакующим его

Для охотников на тигров и леопардов каркер незаменимый осведомитель: как только увидит большую кошку, кричит, оповещая джунгли и всех,

кто смыслит в их голосах, резким, как треск кастаньет, лаем.

Каркеры, или мунтжаки, рога сбрасывают в мае — июне. В сезон дождей рождают их самки одного или двух пятнистых детенышей.

Аксис, или читал, вполне приличного роста (в плечах до метра) и замечателен сходством с пятнистым оленем. Он, можно сказать, пятнистей пятнистого. Рога у него всего лишь трехконечные, но не малые.

Четыре вида оленей в роде аксис. Обитают они в джунглях и на лугах с невысокой травой в Индии, Шри-Ланке, в Индокитае, и один вид — на Филиппинах. Свиновидный аксис — самый мелкий из них.

Замбары — разные. Некоторые чуть больше мунтжака, а некоторые так и до 163 сантиметров в холке — роста, так сказать, выше среднего. Пятен на шкуре нет совсем (за исключением одного вида), хотя в детском наряде пятнисты, как почти все.

Подобно северному оленю, замбар щеголяет гривой, которая топорщится вокруг шеи, как жабо испанского вельможи XVI века. Грива, по-видимому, лишь украшение, потому что там, где живет замбар, особых холодов не бывает.

А живет он поблизости от мунтжака и аксиса: их ареалы хотя и не всюду совместимы, но если вы на маленькой книжной карте ткнете в них пальцем, то палец ваш прикроет и сами ареалы, и несовместимые места. Это нижняя часть Юго-Восточной Азии и кое-какие острова Индийского океана.

Мунтжак — один из самых древних оленей на Земле

Он, как и мы, сын кайнозойской эры, но значительно старше нас. Пятьдесят миллионов лет назад, в эоцене, благодатной эпохе, которую называют «зарей новой жизни», жило небольшое копытное, по прошествии указанных лет названное архиомериксом. Оно было безрогим и обладало клыками. Такими же, как у кабарги и мунтжака.

Вот от этих симпатичных зверюшек, может быть, и ведут свое начало олени. Развивались они быстро. Уже через несколько десятков миллионов лет, в середине четвертичного периода, когда разные антропоиды, весьма похожие на человека, разгуливали по планете, олени были оленями.

Они словно на парад к рождению первого человека готовились и достигли к этому знаменательному дню больших успехов: стали крупны, изящны и красивы, словно понимая, что наконец-то их кто-то оценит.

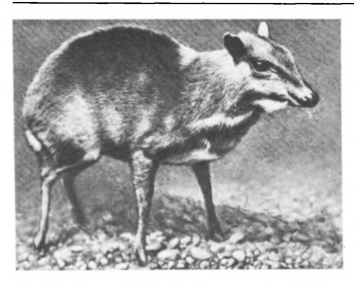
Живут на Земле оленьки, близкие к прародителям всех оленей. Ростом они с зайца. Индийский пятнистый оленек

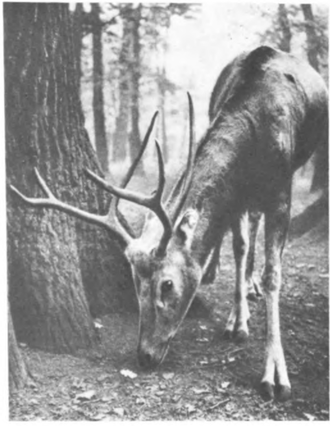
И человек разумный их оценил. .

Но о мунтжаках. Их судьба сложилась не так уж и плохо. Еще до четвертичного периода их предки распространились почти всюду. Но затем почти везде вымерли, оставив потомство, от которого, по-видимому, произошли все виды современных оленей. Праолени уцелели лишь в Индо-Малайской фаунистической области. Здесь флора и климат были относительно стабильными в антропогеновом периоде, и поэтому мунтжаки мало чем изменились. Если вы захотите нарисовать оживленный пейзаж, скажем, третичного периода, натура у вас под рукой. Но не забудьте о пятнах! Современный мунтжак лишь в молодости пятнист, предок его был, как полагают, пятнист и в зрелом возрасте.

Живут на Земле и оленьки, близкие к прародителям всех оленей. Их четыре вида: три — в Южной Азии и один — в Африке. Ростом они с зайца (и, как зайцы, сигналят об опасности топотом ног!). Прячутся в зарослях. Рогов нет, но клыки есть (как у безрогих кабарги и китайского водяного оленя). Индийский оленек пятнистый Яванский, или канчил, без пятен.

Олень Давида, или милу, по многим причинам очень странный олень. Прежде всего — диких оленей Давида нет. Французский миссионер Арман Давид, которому зоологическая наука обязана рядом крупных открытий (милу, большая панда, загадочный лебедь — утка-гусь Давида, или азиат-

А яванский оленек, или канчил, самое маленькое копытное животное, однотонный, без пятен

Прежде стада оленей Давида, или милу, свободно паслись на равнинах Северного Китая, теперь сохранились только в некоторых парках

ская коскороба, и пр.), еще в конце прошлого века увидел небольшое стадо милу в Императорском парке в Пекине. Позднее герцог Бэдфорд, известный коллекционер редких животных, получил из Китая несколько таких оленей, и теперь в его имении Вобурн-Аббей (Англия) пасутся они под охраной.

В зоопарках мира (есть и в Московском) около трехсот оленей Давида. Прежде, по-видимому, обитал этот олень в болотах Китая и Японии.

Хвост у милу для оленя необычно длинный (53 сантиментра), с кистью на конце. Отростки рогов направлены не вперед, как у других оленей, а назад. Кроме того, обычно меняет он их два раза в год — в ноябре и в конце января — в феврале. Ворс на спине и шее направлен в сторону, обратную отросткам рогов, — не назад, как положено шерсти зверя, а вперед! Копыта широкие, а «копытца» (боковые пальцы) длинные. Это выдает в нем ходока по трясине, зыбкой почве болот. Очень длинные и глубокие у милу подглазничные ямки: сходите в зоопарк (Московский), посмотрите — и эти ямки, и многое другое поразит вас в этом олене.

Прежде стада этих оленей паслись на равнинах Северного Китая, но давно уже все вольные олени Давида истреблены. Уцелели только в Императорском парке в Пекине. Здесь и увидел их сто лет назад аббат Давид и привез две шкуры редкостных оленей в Европу. Во время Боксерского восстания все олени Императорского парка погибли, но еще до этого герцог Бэдфорд стал разводить оленей Давида в своем имении Вобурн-Аббей, и это спасло их от полного вымирания. В 1960 году олени из герцогского парка были привезены в Пекин и разводятся теперь и там.

Лось (Канада, север Скалистых гор США, Европа, Северная Азия). Простите, что представляю его при свете пасмурного зимнего дня Этакую громадину все равно разглядеть нетрудно. в холке, бывает, и больше двух метров, а длина — три! Зато вы станете свидетелями волшебного зрелища: великолепное черно-буроватое тело с горбоносой головой будто плывет по воздуху Это впечатление происходит оттого, что высокие ноги лося цвета почти белого и в плавных движениях теряются на фоне снега.

Большие уши встрепенулись в нашу сторону Вздрагивает «серьга» — кожный вырост на шее лося. Он красоту зверя не портит, хотя, достигая иногда 40 сантиметров, болтается, как сосулька, а практического смысла, кажется, никакого не имеет, разве что к старости станет внушающей почтение бородой.

Он смотрит: глаза с мягкой печалью, верхняя губа пухлая, нависшая — добряк! К сожалению, раз

Крупнее лося нет в мире оленей Рост самых больших лосей — 190 сантиметров, а вес — до 825 килограммов

уж зима — лось без рогов (он их скинул, наверное, в декабре), и мы их пока не увидим...

«Глаза большие, зрачки косо поставленные (отсюда и название «косуля»)» (К. К. Флеров).

Косуля (Европа, Передняя Азия — на юг до Палестины, Северный Иран, Кавказ, горы Средней Азии, Сибирь, Северный Китай) лишь немного покрупнее кабарги. (Правда, самая рослая — сибирская косуля — в плечах до метра.)

Самец большеглазый, с белым подбородком, украшен рогами, про которые писать бы не прозой, а стихами, ибо они лирообразны. Понятно, струн на них нет, да и обработаны грубовато — усеяны шишечками, как срезанными сучками. На концах обычно три затейливо расставленных отростка. Он сбрасывает их в октябре — декабре, а в апреле — мае у него уже новые рога. Рога и у самок редко, но бывают.

Передние ноги у косули тоже короче задних — кстати говоря, признак того, что животное предпочитает передвигаться прыжками. И прыжки весьма примечательны — до шести метров!

Сзади у косули светлое пятно, так называемое «зеркало». Детеныши ее (обычно два) видят, как мелькает оно впереди, и не теряют мать в зарослях

Косуля Распространена довольно широко Самая рослая сибирская косуля — высотой в холке до метра

Кроткие видом самцы косули нрава, однако, крутого. До смерти, случалось, забивали самок в тесных вольерах зоопарков, где бежать тем было некуда.

Северный олень (тундры и северные леса Аляски, Канады, Европы и Азии). Глухой гул копыт, специфичное сухое щелканье. Плавная, текучая масса, ощетиненная невообразимым лесом рогов.

Северный олень самый стадный из всего семейства и, кажется, самый демократичный в распределении внешних признаков: рога здесь разрешено носить и самкам.

Идет стадо. Величественная и впечатляющая картина. У каждого оленя — грива, муфта снизу на шее. Теплоизолятор. К тому же и волос у северного оленя особый: в нем много пустот с воздухом. Уж тут ангине не подобраться! И на плаву держит хорошо — как надувной костюм. А северные олени

Только у лани и лося рога расширены небольшими лопатами

Пуду — самые крохотные из оленей, меньше их только некоторые оленьки Пуду два вида один обитает в Боливии Чили, второй — в Эквадоре Рост эквадорского пуду — не больше 35 сантиметров

переплывают немало рек, когда осенью уходят из тундры на юг, в тайгу, а весной бредут табунами обратно. Путь немалый.

Летом тундра может побаловать своих обитателей высокой плюсовой температурой, и это не на радость оленю: мало у него потовых желез. Приходится держать рот раскрытым и язык высовывать, как собаке, чтобы остудить себя испарением влаги изо рта.

Дикие лани уцелели лишь в лесах Северо-Западной Африки и в Турции (южное побережье Мраморного моря и Малой Азии). Но в заповедниках и национальных парках лани содержатся во многих странах Европы, у нас — в охотничьих хозяйствах Литвы, Белоруссии, Украины. Есть еще персидская лань, живет местами в Юго-Западной Азии: у нее рога не уплощены на концах лопаточками. А у европейской лани рога с «лопаточками», этим напоминает она лося. А всем видом — вроде бы пятнистый олень. Ибо лань пятниста. Зимой пятна, впрочем, почти незаметны. В заповедных парках люди развели белых, черных, серебристых, голубых ланей.

Китайский водяной олень (болотистые, тростниковые берега рек, стариц и озер Северо-Восточного Китая). Странный олень! Рогов нет ни у самок, ни у самцов, но есть клыки, как у кабарги. Однако родством ближе к косуле Желтовато-бурый, без пятен (даже новорожденные пятнисты неясно). Ростом невелик — полметра в плечах Кормится прибрежной травой и тростниками, спасение ищет не в быстрых ногах, а в гуще тростников. Самки рождают трех и больше детенышей. Они не бегут за матерью, а прячутся, как зайчата, — каждый поодаль в своем укрытии: мать, напитав себя, приходит и кормит их по очереди.

Американские олени. В Северной Америке кроме карибу (северного оленя), вапити (местного благородного оленя) и лося есть еще два вида оленей — олень-мул (запад США, Канады и Северная Мексика) и белохвостый, или виргинский, олень (юг Канады, почти всюду в США, кроме Дальнего Запада, Центральная Америка и север Южной Аме-

Благородный олень Он же — марал, изюбрь

Вапити — американская разновидность благородного оленя

рики). Кроме того, в Южной Америке 10 (по другим данным — 16) видов оленей, среди них горбатенькие, как кабарга, низкорослые (70 сантиметров в холке) мазамы и крошки-пуду (их рост всего 40 сантиметров). У тех и других рога простые, неветвящиеся.

В Африке, кроме ланей на северо-западе и благородных оленей, чудом попавших в Сенегал и Гамбию, оленей нет. В Азии же около трех десятков видов.

Проделайте теперь мысленное путешествие по ареалу японского пятнистого оленя по имени «сика» или «хуа-лу» (олень-цветок), столь славного высокой ценностью своих пантов. От Уссурийского края вы проследуете по многим восточным провинциям Китая, посетите Корейский полуостров, Тайвань и Японские острова.

Но только в воображении вы увидите хуа-лу, а не в природе Потому что почти повсюду этот олень истреблен. На территории СССР в конце 70-х годов «общая численность оленей аборигенных популяций несколько увеличилась и достигла 1200—1300 голов, что составляет около 2% общей численности вида в СССР» (Красная книга СССР, 1984). Он разводится во многих заповедниках и питомниках страны. По другую же сторону границы, где возрастания поголовья не наблюдается, голос цифр, вероятно, и совсем унылый.

Несколько оживленней выглядит ареал благородного оленя, хотя далеко этому оживлению до толчеи прошлых времен.

В Подмосковье на него не поохотишься, потому что он уничтожен там еще до основания Москвы (В царских угодьях, правда, появлялся и в более поздние времена, но то был завезенный.)

В Вологодской, Костромской, Горьковской областях засмеют, если спросите, есть ли в местных лесах олени. А ведь еще в 80—90-х годах прошлого столетия они там водились.

Редкостью стал карпатский благородный олень. Мало кавказских и крымских оленей. Мало маралов и бухарских оленей. Немного изюбря на Дальнем Востоке и в Забайкалье. В Китае благородный олень уничтожен полностью, если не считать немногих наиболее находчивых, которые догадались поселиться в священных рощах. В Америке ареал вапити (близкий вид или подвид благо-

родного оленя, как и марал, изюбрь и прочие названные здесь) какую-нибудь сотню лет назад представлял внушительную площадь, а теперь от него остались три небольших «куска» в Канаде и на западе США, отделенные друг от друга сотнями миль. На Британских островах, Корсике, Сардинии, в Скандинавии всех благородных оленей пересчитать можно...

Но и те олени, о которых упоминают сегодня без страха за их будущее, по сути малые остатки былого великолепия.

Говорят, северный олень в Киевской Руси водился. Две тысячи лет назад он упоминался в текстах Цезаря как обитатель Герцинского леса (в Средней Германии и Чехословакии), а еще в прошлом веке прекрасно вписывался в переславльские и новгородские лесные пейзажи. За последние сто лет и в тундрах северных оленей стало меньше в 15 раз! Исследователь Ф. Врангель видел стада длиной в 50—100 верст. Где они теперь?

Где кавказский лось? Еще в прошлом, жутком для диких зверей веке (таком же, впрочем, как и этот век), когда с недопустимой силой загремели на земле ружейные выстрелы, он жил на Кавказе. Теперь того лося нет. И никто, конечно, не помнит даже, какой масти он был.

Когда «как зубья выпадают из гребешка» (тут к месту патетика Маяковского) лучшие из «наших меньших братьев» (весьма точное выражение Есенина), надо бить тревогу!

ОХОТА!

«Король проворно спешился с охотничьим ножом в руке, ловко обошел дуб и сзади подрезал колени у оленя. Олень испустил какой-то жалобный свист и тотчас осел. В ту же минуту штук двадцать собак бросились на него. Они вцепились ему в горло, в морду, в язык, не давая пошевелиться. Крупные слезы текли из его глаз

— Пусть приблизятся дамы! — воскликнул король» (Мериме П. Хроника времен Карла IX).

Эпитет «королевская» издревле прирос к охоте на оленя. В переносном смысле его оправдывают красота, ценность и вес добычи, в прямом же — тот факт, что оленя всегда берегли исключительно для монарших забав.

Медведь, проснувшись на заре весны, высматривает, кого бы съесть. Не лося, так косулю. Не поймав ее, смиряет аппетит и готов проглотить хоть мышь. После его охоты на оленей часто можно сказать: «Убил время и ноги».

Волк лосю летом не страшен. Известно даже такое: лосиха с телятами преспокойно пасется в ста метрах от логова, и волки их не трогают. Но признано, что четвероногие хищники (как серые, так и красные, полосатые и пятнистые) — главные враги оленя. Они губят косуль и благородных оленей, угрожают заповедному благополучию пятнистых, а за северными стадами волки следуют, как нанятые пастухи.

Однако я позволю себе привести здесь две цифры потерь северных оленей в Лапландском заповеднике. Когда там не было волков, отход составлял пять процентов; когда волки появились — семь процентов. Вывод: добыча хищника — в основном больные и старые олени.

Бежать, как олень, значит, бежать очень быстро. Догнать оленя — дело не простое даже для волка. Тигр, бывало, ловил изюбрей из засады (теперь они слишком редко встречаются друг с другом). Гепард сумеет догнать пятнистого оленя Индии — аксиса.

На мелких оленей охотников, конечно, больше. Тут и харзы, и лисы, и гиены, и росомахи. Небольшая германская косуля, например, весьма слаба даже перед лисой. Около половины погибших (молодняк в основном) — ее жертвы. Но остальные (больше половины) падают от болезней, причиненных паразитами (в основном носоглоточным оводом). И невольно возникает сомнение: вполне ли здоровы были те из меньшей «почти половины», в

гибели которых обвиняют лисиц?

Росомаха рискует гоняться за стельной лосихой и иногда достигает цели: лосиха абортирует, и охотнице достается плод. Но случается такое редко. Следует ли причислить беркута и филина к гордому племени охотников на оленей лишь за то, что в их гнездах находили кое-какие остатки оленей?

Это у нас в руках ружье — «зауэр», «тулка», «ижевка», «винчестер», «маузер». Мы — главные губители оленей.

Впрочем, ружья недавно стали главенствующим компонентом «королевской» охоты. Карл IX, например, охотился на оленей с собаками и кинжалом. Такая охота, любимая в прошлом, была именно той спортивной охотой, о которой теперь столько говорят. Много оленей брали другими способами. Устраивали многоверстные загоны, рыли ямы, ставили на звериных тропах самострелы, капканы, ловили сетями. Кабаргу снимали со скал, куда она, спасаясь, залезала «на отстой», длинным шестом с петлей на конце. Во время оленьих кочевок на переправах через реки гудела весельем человеческая охотничья забава — «поколка на плавях»: били столько оленей, что об утонувших даже не жалели. На зиму готовили тонны мяса: не то что самим, но и собакам съесть не под силу. На Амуре на переправах через лед каждый мало-мальски охотник убивал по 50—100 косуль за сезон, а умножьте полтора-два пуда на сто...

Огнестрельное оружие облегчило охоту. Скрады, подходы, выслеживания — все приносит успех, когда ружье в руках.

К дикому северному оленю подбираются, прячась за домашних или толкая перед собой белый щиток. Если нужно, чтобы олень подошел сам, привязывают одного или нескольких «манчиков» (домашних оленей), и осторожный дикарь, повинуясь стадному инстинкту, приближается — только верней стреляй, чтобы не испортить шкуру на своей же собственности!

Самок косуль и кабарог подзывают «на пик»: подражают голосу косуленка и кабаржонка. Когда гон у лося, самца подманивают «на вабу», подражая реву другого самца. Лось идет на зов соперника и слишком поздно убеждается, что «соперник» ему не по рогам. Такую охоту почему-то называют «чисто спортивной», но я думаю, что это просто убийство из-за угла.

ПЛАТА ЗА ЖИЗНЬ

Осторожность, ловкость и быстрота не спасают. Безвременной смерти олень может противопоставить только жизнь. В осеннюю пору звучит сигнал ее продолжения:

— Еох-еох-еох, — сдавленные отрывистые вздохи, и вдруг, словно прорвав застоявшуюся в горле хрипоту, далеко несется трубный протяжный крик: — О-а-ууу!..

Призыв к самке. Угроза сопернику.

Гон. Торжественное и безудержное проявление страстей в природе. Его время в разных странах и у разных оленей неодинаково, но, как правило, сходится в одном: гон происходит в ту пору осени, когда до весеннего тепла остается срок, равный беременности.

Самка половозрела в полтора-два года. Самец — тоже. Но если самка сразу же признается полноправной, то самцы не допускаются к гону до трех, а иногда и до шести лет. Старый самец не даст им и близко подойти к самкам, и, наверное, правильно делает, потому что они еще не показали себя достойными продолжать род и вдруг окажутся от природы неполноценными, слабыми.

Матерея, молодой с каждой осенью все настойчивее заявляет о своих правах. Выбрав место, откуда его хорошо слышно, ревет, призывая самок и выражая готовность тотчас за них сразиться. Ломает сучья, трется рогами и шкурой о деревья, роет копытами землю и валяется в грязи.

Видя, что рев его напрасен, претендент устремляется на розыски. Ищут олени преимущественно нюхом. Осторожность забыта, и они так злы, что могут напасть на человека. Свиреп тогда самец кроткой косули: носом вниз он рыщет в поисках самок многие версты, бодает кусты и деревья и тут любого из нас может боднуть.

Представьте двух маралов: нагнув головы (а на головах-то у них от 7 до 20 килограммов рогов!),

выпучив налитые кровью глаза, не признавая никаких препятствий, они сближаются, и, если силы равны, ни один не свернет. Бывает, сцепившиеся рогами бойцы не могут разойтись и медленно умирают от голода. Бывает, но редко.

Сила старого оленя сохраняет жизнь другим самцам. Убедившись в несокрушимости этой силы, они держатся подальше, а исход несмелых (с их стороны) столкновений чаще ограничивается небольшими ранами и небольшой поломкой рогов.

Козел гуран (так в Сибири называют самцов косули) обычно долго и злобно преследует одну самку. Он бьет ее рогами, и иной раз до смерти. Она боится своего кавалера и, удирая, не раз обежит вокруг дерева или куста. В результате на месте гона образуется сильно выбитая круговая тропа — «точка».

Похожи повадки и у кабарог. Самец сутками по самым недоступным местам, распространяя запах мускуса, гонится за своей возлюбленной, и напрасно она пытается затаиться где-нибудь или забраться повыше — преследователь неутомим.

Безгаремные самцы, чуть отдохнув, вновь рыщут в поисках. А тем, у кого гарем, и вообще не до отдыха: вокруг бегают, «рехкая», соперники. «Паша» уже сам на себя не похож: с набухшей шеей, с взлохмаченной шерстью, с пеной на морде и боках. Он в беспрерывном лихорадочном движении. Ничего не ест, лишь пьет — откуда силы берутся для любовного марафона?

Гон обычно прекращается с наступлением холодов. Три-четыре недели напряжения дорого стоят самцам: 17, 20, 25 процентов веса потеряны, иной раз олени просто с ног валятся от усталости и истощения, а впереди зима. Впереди бескормица, глубокий снег, мороз, может быть, пятидесятиградусный. Хищные звери и голод вступают в свои права, а они умеют распорядиться! Вот почему соотношение полов у оленей далеко не равное. Лишь у лося, в некоторых ареалах склонного к моногамии, оно с натяжкой один к одному. А у других оленей самок в несколько раз больше, чем самцов, и это как правило.

Почувствовав, что скоро станет матерью, самка ведет себя осторожно: без надобности не побежит и на высоту зря не полезет. На горных пастбищах всегда заметно, что самки держатся несколько ниже самцов. Такие любительницы попрыгать, как косуля и кабарга, слишком резво прыгать теперь опасаются: а ну как случится что? На пастбище ищут и находят травки, в которых много витаминов (это экспериментально проверено[1]). И вот примерно в мае в укромном месте (и желательно, чтобы вода была поблизости) появляется на свет новорожденный. У лосихи он весит до 16 килограммов, у пятнистой оленухи — семь, у косули... просто страх говорить: заморыш — килограмм всего! Но эта косуля молоденькая, ей простительно; зато пожилая соседка трех косулят принесла. И удивляться все равно нечему: близнецы у косуль — обычное дело. Вот у благородных оленей — редкость.

Кабаржата и косулята, спрятанные в чащобах, вроде как не рады новому положению: трясутся — то ли от страха, то ли от холода. Беспомощны, смотреть жалко. Чтобы их кормить, мамашам даже приходится опускаться на колени.

Зато лосенок через 10—15 минут уже на ногах. На второй день он — приличный пешеход, на пятый — чтобы его догнать, надо быть рекордсменом по бегу, а на десятый он уже и от родительницы своей не отстанет.

«Пыжик» в первый день едва-едва стоит на мягких еще копытцах. Но уже через неделю способен переплыть такую реку, в которую мы с вами и вообще не полезли бы купаться

Но конечно, разговор о мужественности и силе новорожденных оленят не может быть серьезным, потому что на самом деле комочек жизни (пусть даже и в пуд весом) первые дни в весьма трудном и опасном положении. Ведь в сущности он беззащитный.

Косуля и кабарга (и мунтжак-самка), заметив врага, рискуя жизнью, отваживаются на опасную хитрость: притворяются немощными и больными и увлекают за собой погоню, отводя ложным маневром от малыша.

Но самая надежная защита олененка — умение прятаться. Он замирает, распластавшись, и терпение его феноменально. Он и не дышит почти, и хищнику, даже вооруженному хорошим нюхом, найти его нелегко.

Пятна на шкуре — адаптивный камуфляж олененка. Ведь ювенильный наряд почти всех оленей пятнист. Лишь теленок лосихи и, как правило, «пыжик» без пятен.

Дети, пока на одном молоке, растут медленно, хотя оно и жирное, как сливки. Но вот, глядя на мать, попробовал олененок вкусного кипрея. По случаю не миновавшей еще весны повсюду много цветов — отдал и им должное. Гриб-подосиновик поторопился высунуть красную свою голову — просто тает во рту! Ветки молодых деревьев, в особенности осины, тоже вкусные. Важенка показала сыну самое что ни на есть замечательное: ягель Пятнистая оленуха повела свое чадо в дубраву, и там они нашли много желудей.

И весь этот мир оказался чудо как съедобен! 200—300 (местами до 400) видов растений поедают олени, причем иногда и ядовитых. Прострел,

например, домашнему скоту противопоказан, а для оленя съедобен. Любят они и водоросли. На берегах морей собирают выброшенные прибоем водоросли и, случается, лезут за ними и в воду. Лось, заметили американские зоологи, ныряет за пищей в озеро на пятиметровую глубину.

На подножном корме дитя-олень растет буквально не по дням, а по часам. (Лосенок прибавляет в день по два килограмма — вот темп!)

Когда олененок немного окрепнет, он неотлучно идет за матерью, повторяя все ее движения, что в общем-то и есть учеба жизни. Мать ест — и он ест, мать насторожилась, услышав крик когонибудь из лесных «сторожей» (сойки, сороки, каркера или лангура), — замер и олененок. Мать побежала — он рядом. Тропинки к водопою, хорошие пастбища, крепи, где можно спрятаться от врагов, — словом, все, что было достоянием опыта матери, день за днем передается и малышу. А отец-олень? Он в этих делах не участвует. Впрочем, возможно, это не совсем верно, потому что «на пик» (когда охотник подражает крику олененка) под выстрел иногда выходит большой рогатый олень. Какое чувство его может вести, кроме родительского?

У видов, более или менее приверженных к стадности, самки с оленятами сбиваются в стадо (самцы ходят отдельно). Ну, а раз дети собрались вместе, значит, должны быть и игры!

А рога? Рожки... Не скоро увенчают они молодого оленя. У лосенка только месяцев через пять набухнут на голове «шишки». Но лишь на втором году, весной, прорастают из них «шилья» или «спички» — рога самые элементарные, просто детские. К концу лета они твердеют, и оленята получают право именоваться «шильниками» или «спичаками». Но нет правил без исключения: у «пыжиков» северного оленя к концу второй недели жизни уже маленькие рожки на голове!

Рога у молодого оленя — признак силы, мужества, успеха. У истощенного самца они к гону еще не твердые, и какой из него боец? А у слишком дряхлого деградируют вплоть до превращения в нелепую костистую массу, свисающую на глаза.

У оленьих предков рогов не было. Были длинные клыки: направление их роста эволюция словно бы изменила на противоположное, и вот выросло нечто твердое и боеспособное изо лба. Чем меньше от поколения к поколению становился клык, тем больше вырастали рога. И теперь, стоит нам взглянуть на оленя, мы сразу можем определить степень его эволюционной «молодости». Для этого нужно лишь сопоставить размеры рогов и клыков. У мунтжака (да и у косули тоже) клыки порядочные, а рога не очень. У лося и северного оленя клыки едва намечены (попросту говоря, рудиментарны), а рога большие. Значит, как живая модель мунтжак архаичен, а лось и северный олень — современны.

Рога растут весной по сантиметру в сутки (немного больше — немного меньше), растут несколько месяцев. Вначале мягкие, насыщенные кровью, покрытые шерстью бугры, весьма чувствительные к укусам комаров, и изуродовать их, задев за твердое, очень легко. Трудное для рогоносцев время! В одной художественной книге, которая недавно попала мне в руки, автор живописал... весенние бои самцов-косуль. Вероятно, писатель косуль с котами спутал, те действительно дерутся весной, а оленям в эту пору не до драк: они держатся подальше от возможных эксцессов. У косуль, в частности, гон и бои — с середины июля и весь август, а потом, второй раз, в ноябре (в иных местах и в сентябре — октябре).

За лето рога твердеют, и олень трется ими о стволы, чтобы сбросить кожу (у косули в мае они уже без кожи). Но гон прошел, лось, косуля и северный олень сбрасывают (вполне еще приличные!) рога и до весны ходят безрогими или с молодыми растущими рогами (косули). Но самки северных оленей теряют рога лишь после отела, в мае. Благородные и пятнистые олени — ранней весной, примерно в апреле. Аксис, житель Индии, может расстаться с рогами в любое время года. А олень Давида — дважды в году. Так что у всех по-разному.

ОЛЕНЬ ДОЛЖЕН ЖИТЬ!

Жизнь оленя — беспрерывное преодоление трудностей.

Помните грозу? Молнии одна за другой рвались с неба на землю, словно пытаясь ее расколоть. Гром грохотал.

На нас, под крышей, как говорится, не капало.

Но подумайте о косулях с малышами. Они сбились под большим деревом. Адский грохот, и животные испуганно вылетают под дождь, несутся напролом неизвестно куда. Еще удар, и они поворачивают, в панике натыкаясь на кусты. Случается, что обезумевшие от страха гибнут. А отставшие от матери и тем обреченные малыши?

Северный олень на диво приспособлен к суровым зимам. Но холода на Севере бывают такие, что мех против них бессилен. И опять гибнут олени.

Глубокий снег помогает от холода: лось и северный олень дают себя засыпать и лежат под его спасительным прикрытием. Но снег — жестокий враг, если слой его велик. Ни пропитания не достать, ни убежать, когда надо. Критическая высота сугробов для косуль — 40 сантиметров, для северных оленей и марала — 70, пятнистому оленю снег глубиной в 60 сантиметров — серьезная угроза.

К климатическим и погодным неприятностям прибавить надо еще напасти, именуемые общим словом «гнус». Комары в кровь поколют растущие под кожей рога. Мошка набивается в шерсть, выискивая доступные для укусов места. Слепни, оленья кровососка, мокрец, власоед — это далеко не полный список «мелких», но страшных невзгод, донимающих зверя. До дыр портят шкуру. Носоглоточный овод в ноздрях и во рту откладывает личинки, которые затем, проникнув в мозг, убивают оленя.

И все-таки жив курилка!

Лось в жару, погрузившись в бочажок где-нибудь на болоте, держит нос над самой водой, раскидывая дыханием брызги, через которые оводу не пробраться. Северные олени бегают взад-вперед по тропам, и гнус, тучами вьющийся над ними, отстает. Утомительно, но что же делать? Поднимаются на высоты, обдуваемые ветром. Пасутся возле снежников, где комарам холодновато. Купаются, чтобы смыть с себя насекомых.

Ведут по возможности разумный образ жизни.

В жару никто не пасется. В холод и бескормицу стараются больше лежать, чтобы зря энергию не расходовать. Когда не жарко и не холодно, пасутся почти круглые сутки с перерывами через два-три часа. Но для большинства все-таки сумерки привычнее и желаннее.

Кабарга на день прячется где-нибудь возле осыпей, угрожающих неприятностями всем, кто ее тут захочет искать. Косуля спит обычно днем, и, утомившись, спит очень крепко. Благородные олени тоже порой крепко спят, и иногда... стоя. Лось в жару выбирает для лежки сырое место и, когда оно под ним нагреется, переходит на другое.

При такой судьбе неплохо быть жвачным. На утреннем холодке нахватался травки или там еще чего и — в укрытие. Залег и пережевывай, что второпях съел.

Все это происходит на определенной, обитаемой территории, которую олени без нужды не покидают. Конечно, размеры ее разные, да и разное число оленей на ней проживает. В тундре площади большие, и держатся там олени стадами. Склонный к оседлости лось устраивается где-нибудь в путанице стариц, в молодом сосняке на верховом болоте. Кабарге положен участок в 200—300 гектаров. Его можно узнать по своеобразным уборным: ходит по нужде в одно и то же место (как гуанако, бегемот и носорог!).

Границы владений обычно «маркируются» запахами особых желез. Делают задиры на деревьях, поливают на границе мочу, что означает недвусмысленное заявление всем и вся, чтобы тут никакого гостеприимства не ждали. Злые косули особенно щепетильны: требуют от нарушителей сатисфакции. Лось — добряк и терпит посетителей спокойно, лишь лосиха в первое время после отела не выносит соседей.

Но есть у оленьего семейства и места, так сказать, общественного пользования. Не говоря уже о тропах, по которым ходят все, у кого в этом необходимость, и водопоях, где встречи самые разнообразные и неожиданные. Места эти — солончаки.

Превращение всеядных археомериксов в оленей-диетиков удалось не без некоторого ущерба: в растениях не хватает натриевых солей. Именно по этой причине все травоядные неудержимо стремятся на солончаки. Если таковой есть поблизости, на него наведываются по нескольку раз в день, но если путь дальний, до 10—15 километров, олени

остаются на солончаках подолгу.

Забавную картину субординации внутри оленьего семейства можно наблюдать на солончаках. Представьте: на несколько десятков гектаров прекрасной местности солончак (или солонец) один. И на нем два матерых лося. Пришли благородные олени. Будут томиться в сторонке, ожидая, когда лоси уйдут. Те, конечно, не торопятся «насолиться» и даже не снисходят до внимания к пришедшим. Но вот лоси ушли, олени заняли место, и тут приближается небольшое стадо косуль. Вся сцена повторится вновь, теперь уже с новыми участниками.

Соляной голод — жестокий голод. Он гонит оленей из надежно укрытых мест на берега морей пить невкусную морскую воду, заставляет выискивать гари с остатками золы, наледи с едва приметной примесью солей, минеральные источники.

Лось втягивает в себя жидкую солоноватую грязь болот, иногда по целому часу, без роздыха — велик ли в ней процент соли! — и затем запивает такое лекарство чистой водой. Северный олень, у которого долгую зиму рацион очень скудный, а вместо воды — снег без всяких соляных примесей (замороженный дистиллят!), вынужден поедать леммингов, птенцов, яйца, рыбу (а как ее поймаешь?), мышей, глодать сброшенные рога. Важенка иногда даже обкусывает рожки у олененка.

Жизнь животных взаимосвязана. Куропатка бесстрашно суетится возле ног копающего в глубоком снегу северного оленя, и это помогает ей добраться до земли, где есть что поклевать. Благородный олень ходит кормиться тонкими ветками к плотинам бобров, и те это терпят. Лось позволяет вороне выбирать из своей спины линялую шерсть для гнезда. Это избавляет его от излишнего чесания о деревья.

Оленя ноги кормят. Они не умеют хватать, рвать, но способны преодолевать расстояния. Кто в горах, у того два боковых пальца (паноготки) растут высоко и земли не касаются: так удобнее ходить по горным склонам. Кому приходится иметь дело со снегами и болотами, у того копыта широко раздвигаются, а паноготки приближены к основным копытам — служат дополнительной опорой. У северных оленей, для которых снега и расстояния уготованы самые изрядные, под копытом еще и подушечка из жестких волос.

Бухарский олень может прокормиться в любое время года на территории небольшой, уходить недалеко его заставляют лишь паводки. Мунтжаки тоже не стремятся в дальние путешествия. Кочевки кабарги ограничены обычно пятью километрами.

При первых снегопадах стада северных оленей начинают поход под защиту гор и лесов. Из тундры — в тайгу, с севера — на юг. Идут проторенными за века путями. Поднимаются в высокогорья, где меньше снега. (Кавказские олени, наоборот, спускаются с гор, где похолодней, в долины.)

Идут в погоне за летом. Скорость такая же, как и у надвигающейся зимы. Месяц-два длится переход, если зима не торопится, а бывает, что за сутки проходят больше сотни верст. В Арктике и Субарктике осенний поход их 500—750 километров, чем южнее, тем миграции короче. В пути стараются держаться против ветра (чтобы вовремя почуять запахи опасности). Если вдруг оттепель, то день уходит на отдых и кормежку, а идти приходится ночью, когда снег замерзнет коркой.

Весной направляются обратно, как только почуют начало тепла. Самки неудержимо стремятся к местам отела, самцы следуют неторопливо сзади. Но не только зима бывает причиной миграции. В 1951 году, в засуху, из нашей Беловежской Пущи ушли в Польшу косули.

Олени приносят вред! Они обламывают вершины молодых деревьев, ветви, сдирают со стволов кору. Они не прочь отведать продукцию сельского хозяйства.

Лоси уродуют посадки сосен.

Косули грызут осину, и от этого в ней возникает сердцевидная гниль.

Если зверей слишком много, потрава не возмещается ростом деревьев.

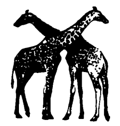
Но тысяча гектаров может без всякого ущерба для своей флоры прокормить десять благородных оленей. На одном гектаре тундры не во вред никому может прожить один северный олень. Поэтому человеку нет никакого смысла оставаться на Земле одиноким. Меры приняты. Почти все виды охоты, описанные выше, запрещены. Охотничьи хозяйства служат не для истребления, а для сохранения зверей. В парках, лесопарках и других культурных ландшафтах оленям созданы условия для размножения и жизни.

И вот некоторые результаты.

В РСФСР в двадцатые годы лосей осталось немного — наверное, лишь несколько тысяч. Теперь их в СССР больше 600 тысяч. В Швеции — 120 тысяч, в Канаде — 300 тысяч. В Швеции, чтобы не было ущерба лесу, добывается ежегодно более 20 тысяч голов.

В 1929 году в РСФСР средняя плотность популяции косуль в местах обитания составляла 0,67 головы на тысячу гектаров. Теперь в некоторых районах на такой же площади — 50 косуль! Вред, который они наносят осинам, компенсируется их собственной ценностью.

Других цифр приводить не буду. Но эти обнадеживают: олени будут жить!

САМОЕ ДЛИННОШЕЕЕ ЖИВОТНОЕ

В апреле 1901 года лондонская «Таймс» об одной зоологической сенсации писала примерно так: «В Конго живет хелладотериум».

Хелладотериумы и близкие к ним звери когда-то обитали в Европе, а в Африке — от Ливии до Трансвааля — еще совсем недавно, если судить по наскальным рисункам. Это были «жирафы», но с шеями не очень длинными. Жили и все вымерли...

И вот «Таймс» оповестила мир, что вымерли не все: губернатор Уганды Джонстон прислал зоологам в Лондон шкуру и два черепа хелладотериума. Шкуру и черепа внимательно изучили: оказалось, не хелладотериум, но зверь, близкий к нему. Назвали его «окапи».

Пигмеи бамбути в лесах Северо-Восточного Конго веками кормились мясом этого, по-ихнему, «о'апи» и одевались в его шкуры. Впрочем, последнее неточно сказано: в тропиках шкуры на одежды не нужны, там и так жарко, но красивые пояса из шкур окапи пигмеи носят. Цветом окапи буро-шоколадный, а на ногах у него поперечные белые полосы очень прихотливого рисунка. У каждого зверя свой индивидуальный их порядок, и бывает, что на обеих сторонах тела полосатый рисунок не одинаков.

Большие, настоящие жирафы живут в местах более или менее открытых, в саваннах, где акации, баобабы и другие деревья растут негусто. А окапи предпочли леса тропические, непроходимые. Не стадами, а в одиночку бродят они в чаще листвы и лиан, но всегда недалеко от воды — лесных рек и проток. Воду любят, по утрам обычно купаются: с разбегу прыгают в реку. Потом на берегу долго лижут и массируют свою лоснящуюся шкуру. Язык у окапи почти в полметра длиной и шея некороткая, поэтому, занимаясь туалетом, зверь может дотянуться языком до любого места своего тела.

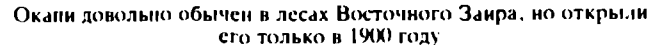
Языком же рвут с веток листья. Растения, которые окапи предпочитают всем другим, довольно ядовиты, но, видно, их яд зверю не опасен. Вокальные способности у окапи, как и у жираф, невелики: фыркают, когда сердятся, и глухо кричат, а крик похож на кашель с хрипловатым свистом. Детеныш, которого мать первые дни прячет в зарослях, когда ее увидит, негромко мычит. Чужих детей самки окапи усыновляют охотно. В неволе эти звери быстро привыкают к людям, смирны, послушны, и их также спокойно можно чистить щеткой, как и лошадь. Первый окапи своим странным видом развлекал публику в Антверпенском зоопарке еще в 1919 году. Сейчас они живут во многих зоопарках Европы и Америки.

Рога — вернее, небольшие рожки — только у самцов окапи. У самок лишь маленькие бугорки под кожей на лбу. У самцов, впрочем, рога тоже почти полностью покрыты кожей, но самые их кончики обнажены. По мере того как они снашиваются, нарастают новые.

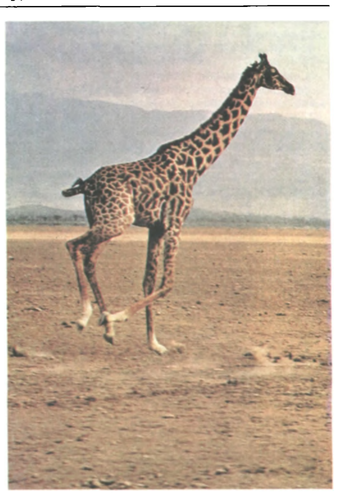
У больших, настоящих жираф рога (у самок и самцов) сплошь одеты кожей и шерстью. Их обычно два, но бывает и три. У масайской жирафы два рога на своем месте, а третий, небольшой, — посередине перед ними. В Уганде у старых жираф нередко пять рогов! (В современном мире это рекорд.) Три рога, как у масайской жирафы, и еще пара небольших перед третьим рогом.

Нужно ли говорить, что жирафа (или жираф, как вам будет угодно) — самое длинношеее животное на планете? (Позвонков в его длинной шее, однако, только семь, как у всех млекопитающих.) Жирафа и самое высокое животное на Земле. Старые самцы способны вознести голову на пять метров восемьдесят сантиметров! Обозревая окрестности с высоты своего превосходного роста, жирафа далеко видит врагов. Поэтому зебры, страусы, антилопы любят держаться поближе к таким наблюдательным «вышкам». Только голодные львы и люди опасны жирафам, других врагов у них нет. Львов, защищаясь, бьют они копытами задних ног. Удар очень силен: весит жирафа тонну! Между собой жирафы, когда дерутся, никогда не лягаются, а бодаются или же бьют друг друга длинными шеями, раскачав их. Это потрясающее зрелище, стоит его посмотреть (хотя бы в фильме «Барабаны судьбы»). В зоопарках, если жирафа невзлюбила сторожа, может его и лягнуть, а это смертельно опасно. Если же к нему благоволит, но чем-то он ей не угодил, то бодает.

Окапи довольно обычен в лесах Восточного Заира, но открыли его только в 1900 году

Невероятно длинную шею жирафа поддерживают только семь позвонков, как у всех зверей

Жирафы, как и все на земле, тоже спят. И спят лежа. Тут возникает интересный вопрос: куда девает жирафа свою длинную шею, когда спит?

Сейчас армии многих стран вооружены хитрыми приборами, испускающими инфракрасные лучи. С их помощью в темноте можно видеть, как днем. Зоологи с такими приборами подкрались ночью в Африке к стаду жираф, чтобы посмотреть, что делают они, когда засыпают, со своими нескладными шеями.

Оказывается, «нескладные» шеи отлично складываются: изогнув их дугой, жирафы кладут голову назад за свой круп, упирая морду в него (молодые) или в землю за ним (старые жирафы). Но некоторые вытягивают шею прямо в небо, как каланчу, и так дремлют. Особое устройство шейных костей и мышц позволяет им держать ее над собой без особого напряжения.

Жирафы, как известно, пятнисты, но попадаются и чисто-белые! Белая жирафа в саванне — зрелище, говорят, фантастическое, неземное, волнующее.

Про жираф иногда рассказывают и пишут, будто они вовсе не пьют и совсем немые. Но нет, пьют жирафы, и голос у них есть, хотя и редко приходится его слышать, он негромкий, свистящее какое-то ворчание.

ПОЛОРОГИЕ

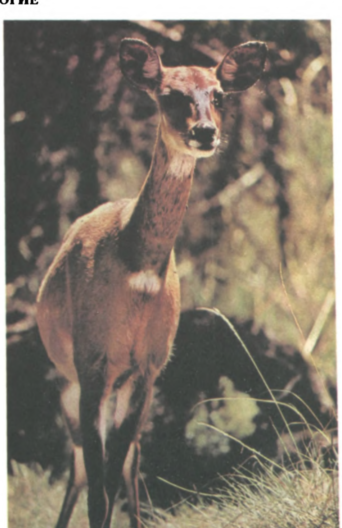
У полорогих и самцы и самки (за редкими исключениями) носят по паре, а то и по две пары рогов. То, что рога у них полые, то есть пустые внутри, вроде бы не должно вызывать сомнений, и, однако, это не совсем так: рога как бы «насажены» на стержни, выпирающие из лобной кости

Форма и размер? Тут, как говорили в старину писатели, «перо выпадает из рук». Бугорчатые, складчатые, гранёные, гладкие, витые, баранкой скрученные, извитые штопором, просто прямые — в общем всякие. Длина и ширина тоже различны от миниатюрных шпилек до огромных рапир Обхват рогов барана аргали у основания, например, около 50 сантиметров.

Рога полорогих растут всю жизнь, но никогда не ветвятся. Они состоят из вещества эпидермического происхождения, прекрасного материала для изготовления клея (китайцы, как водится, делают из них лекарства) Сильно цивилизованные охотники (например, те, что оскудили фауну Африки) применяют полые рога для.. Ну, на этот вопрос ответил одному африканцу Э. Хемингуэй: «Скажите ему, что, по обычаям нашего племени, мы дарим рога самым богатым друзьям. Еще скажите, что это очень волнующее событие и порой за некоторыми нашими соплеменниками гоняются люди с незаряженными пистолетами».

А зачем нужны рога? Казалось бы, праздный вопрос: для обороны и нападения. Всегда так думали. Но в последнее время появились сомнения.

Если для обороны, то почему у самок, которым в таком случае рога больше всего и нужны, часто их совсем нет или они небольшие? Прежде само собой разумелось, что самок с детенышами защищают сильные и рогатые самцы. Но самцы многих полорогих и не думают защищать своих самок и детей Если хищник силен и драться бесполезно, обычно они удирают первыми. Но даже если хищник невелик и рога могли бы пригодиться, чтобы отогнать его, замечали даже такие на первый взгляд странные вещи: самец бросается не на помощь самке, а на нее! Когда, например, самке газели Томсона случится ранить и прогнать шакала от своего детеныша и она кинется в погоню за хищником, самец тут же бросается за ней и заставляет повернуть обратно. Зачем? Да потому, что боится, как бы она не убежала из его гарема. Этот собственнический, точнее, сексуальный инстинкт и подавляет у самца инстинкт заботы о потомстве.

Бушбэк — небольшая антилопа (рост в холке около метра) — обитает в густых лесах и кустарниках почти всей Африки, за исключением тропиков Держатся бушбэки парами Это наиболее ночные из всех антилоп

Так поступают не все, но многие. Правда, у овцебыков и американских снежных коз при угрозе волчьего нападения самцы всегда объединяют свои

Гемзбок, или сернобык, один из ориксов Обитает в сухих пустынях или полупустынях Южной Африки Долго может обходиться без воды, получая ее вместе с растениями, такими, например, как дикие дыни

усилия для отражения хищников. Крупные быки, буйволы например, не пасуют и перед львами. Это верно. Но вот что интересно: и у буйволов, и у овцебыков, и у снежных коз, то есть у тех, кто наиболее активно действует рогами, они совсем не лучшего устройства. Либо малы, как у снежной козы, либо слишком изогнуты. А здесь были бы нужны прямые, острые, как шпаги.

Но может быть, рога необходимы для борьбы с сородичами за самок и территорию? Действительно, самцы газелей, например, и многих других полорогих раз десять на день бодаются друг с другом. Но рогами пользуются с большой осторожностью: не для нанесения увечий, а для противоборства ритуального. Конечно, бывает, и нередко, когда наносятся смертельные раны ударом в бок, в самое незащищенное место. Но это скорее исключение. Обычно самцы перед борьбой по правилам, которые эволюция заложила в их инстинкты, встают в определенную позу: голова к голове. Тут удары наносятся рогами плашмя. Такое фехтование — лучшего слова и не надо — в обычае у антилоп. При этом некоторые даже встают на колени (чалые антилопы и нильгау) и, напрягая силы, стараются оттолкнуть или повалить противника. Чалые анти-

Конгони из группы коровьих антилоп, но подвижность у нее совсем не коровья Прыгают великолепно, как можете видеть, и резвость отличная

У импалы тоже великолепные прыжки, и они любят играть, перепрыгивая друг через друга или через высокие кусты Рога только у самцов Обитают в сухих саваннах от Кении и Уганды до Южной Африки Рост — около метра

Геренук, или жирафовая газель, кормится листьями деревьев Там, где длинная шея не помогает дотянуться до свежей листвы, она встает еще на задние ноги Обитают в сухих полупустынях от Сомали до Кении

Саблерогий орикс Ориксов четыре вида или подвида гемзбок, орикс бейза (Восточная Африка), саблерогий орикс (южные окраины Сахары, почти истреблен) и белый орикс (небольшая территория на юго-востоке Аравии)

лопы упираются в этой силовой борьбе серединой изогнутых назад рогов, а нильгау — лбами. Нильгау, переплетя шеи, пытаются повалить соперника. И все это стоя на коленях!

Кстати, борьба шеями — одна из первоначальных ритуальных форм. Так же, как и укусы. В ходе эволюции у многих видов она была заменена фехтованием и противоборством сцепленными рогами. Интересно, что у самок и детенышей, у которых рогов нет или они небольшие, как своеобразный атавизм сохранилась более древняя ритуальная тактика борьбы: укусы, удары ногой, обхват шеей, удар лбом в бок.

Именно безрогие самки бьют чаще не в лоб, а в бок. Самцы почти никогда: иначе бы они в первых же стычках перебили друг друга. Ритуальные правила борьбы (конечно, не сознательно соблюдаемые, а инстинктивные), выработанные за миллионы лет эволюции, призваны уберечь бойцов от тяжелых увечий и гибели в стычках. Это замечательно!

Дуэли баранов на первый взгляд довольно опасны: они разбегаются и с треском сшибаются лбами.

Но это развлечение они могут себе позволить, потому что и рога, и шея, и лобные кости у них прочные и хорошо выдерживают такие удары. Но вот лбы козлов для тарана не годятся. Они дерутся, ударяя рогами по рогам сверху, и поэтому перед ударом встают на задние ноги. Нельзя держать козла в одной вольере с бараном. Козел заносчив, плохо рассчитывает свои силы, а у баранов бронированный череп. И если баран, разбежавшись, ударит козла прямо в лоб, то может убить, сломать ему шею или пробить череп.

Помимо определенных правил борьбы, ограничивающих увечья, у всех животных, и у полорогих тоже, есть особые позы подчинения и умиротворения, которые позволяют слабому избежать драки. У газелей Томсона — лежачая, с вытянутой по земле шеей. У некоторых — падение на колени. Поэтому бык на арене замирает и не кидается на матадора, когда тот, стоя на коленях у самой морды быка, проделывает свои трюки. Здоровые инстинкты животного парализуют его агрессивность, а человек со шпагой, нарушая мораль природы, поступает в данном случае как садист: продолжение ведь всем хорошо известно.

О рогах пока все. Теперь о тех, кто их носит на голове.

Это обширное семейство. Все в нем жвачные, все парнокопытные: 128 видов. Их делят по-разному и на разное число подсемейств. Возьмем для примера подразделение, пожалуй, наименее сложное.

Бычьи: 13 диких и одомашненных видов быков (буйвол, зебу, гаур, гайал, купрей, бизон, зубр, як и пр.), девять видов африканских винторогих

лоп (куду, ньяла, ситатунга, канна, бонго и др.) и два вида азиатских антилоп (нильгау и четырехрогая).

2. Дукеры: самые мелкие из антилоп — 17 видов; все африканские.

3. Лошадиные антилопы: водяные козлы, ридбэки, ориксы, бейзы, саблерогие и собственно лошадиные антилопы, коровьи антилопы (топи, конгони, гну) — 24 вида; все африканские, кроме арабского орикса, почти истребленного.

4. Газели: импалы, дик-дики, ориби, бейры, геренук (жирафовая газель), газель Томсона, джейран, дзерен — 37 преимущественно африканских и частично азиатских видов.

5. Козлиные: козы, бараны, серны, горалы, сэроу (или серау), сайгаки, такины, овцебыки — 26 в основном азиатских, европейских, частично североамериканских и африканских видов.

Начнем с последних: овцебыков и такинов.

ОВЦЕБЫК

В ледниковое время по всей Сибири водились овцебыки (к югу до Монголии), в Европе тоже — в Англии, Франции, Германии и в Америке — в Канаде и на территории Соединенных Штатов. А теперь? Только на северо-востоке Гренландии и Канады сохранились стада диких овцебыков (на Шпицбергене, в Норвегии и на Аляске тоже, но завезенные)

Сколько их осталось? Разные называются цифры. Пессимисты говорят, что не больше десяти тысяч. Оптимисты полагают: лишь в Канаде около 13 тысяч овцебыков да еще в Гренландии около 11 тысяч. Если и так, все равно это немного. Еще недавно овцебык был на грани вымирания, и, если бы не усилия решивших спасти его людей, он эту грань, безусловно, бы переступил.

Размножаются овцебыки медленно. Одного теленка рождают их самки раз в год в южных местах ареала либо в два года раз — в более северных районах обитания. Отел — в мае — начале июня, но иногда и в апреле. Тогда многие из рожденных так рано телят погибают, замерзают Приплод невеликий: редко в стаде из 20 овцебыков встречали больше трех-четырех телят.

Другая причина, которая отнюдь не способствует распространению овцебыков по арктическим островам и окраинам северных континентов, — стойкая привязанность этих животных к уже обжитым местам. Они не кочуют, никуда не мигрируют ни зимой, ни летом. «И случается, — пишет советский ученый С. М. Успенский, — что и год, и два стадо проводит в одной и той же долине, на одном и том же склоне горы».

Каков же овцебык? Каков его рост, сколько он весит, как живет?

Высота в холке — 110—145 сантиметров. Живой вес — 200—400 килограммов, иногда и больше. Масть темно-бурая. Рога на лбу разрослись вширь и в толщину, как у африканского буйвола; нечто вроде шлема получилось, который, говорят, и пуля

Овцебык, или мускусный бык, обитает в тундре на северо-западе Канады и в Гренландии Переселен на некоторые европейские северные острова и страны, в том числе и к нам на Таймыр

не пробивает. Хвостик короткий — семь — десять сантиметров. Зато шерсть необыкновенно длинна, более длинношерстного зверя нет на Земле! Посудите сами: даже на спине длина волос 16 сантиметров, а на шее, боках и брюхе — 60—90 сантиметров. Густым пологом свисают не продуваемые ветром пряди шерсти до самой земли. И малым телятам под брюхом у матери хорошее получается укрытие: как за теплой шторой, прячутся они за этой шерстью от вьюги. И самому зверю, когда лежит он на снегу, великолепная его шерсть — «и одеяло, и матрац»...

Но в сильные метели и мороз не лежат овцебыки. Плотно прижавшись друг к другу, они стоят и сутки и двое, пока не кончится пурга. Ветровой заслон образуют взрослые быки своими плотно сомкнутыми в живой круг телами. В середине его прячутся коровы с телятами. В такой же круговой обороне отражают овцебыки нападение волков и даже будто бы белых медведей.

Редко случается, чтобы овцебыки пытались напасть на человека. Обычно это лишь демонстрация устрашения. Довольно резво галопирует бык навстречу человеку, но, не добежав, круто поворачивается и, с угрозой оглядываясь, возвращается.

В августе—сентябре у них гон. Крупные овцебыки довольно агрессивны. Изгоняют из стада молодых, более слабых быков. До того «ревнивы», что даже песцов и птиц атакуют и гонят прочь. В это время распространяют они вокруг себя резкий запах. Из-за него и дано им второе название — мускусные быки.

Удивительно нетребователен овцебык в выборе пищи: прокормится и там, где северный олень будет голодать. Листья и побеги ивы, сосны, разные травы, лишайник, мхи — все он ест с одинаковым аппетитом. Зимой роет снег, добираясь до увядшей скудной растительности Заполярья. В большие снегопады голодают овцебыки.

От 17 молодых телок и бычков, завезенных в 1929 году на Шпицберген, ведет начало местное стадо овцебыков. В 1942 году в нем было уже 70 голов. В войну многих из них перестреляли. Уцелевшие продолжали размножаться: в 1960 году на острове Шпицберген жили 150 овцебыков.

В Норвегии акклиматизация овцебыков началась с 1932 года. Всего завезено было 38 телок и бычков. И случилось интересное: бычки покинули телок своего роду-племени и прибились к стаду домашних коров. Паслись с ними вместе, даже в одно стойло приходили ночевать. С трудом удалось вновь собрать их в одно стадо с мускусными телками, которое облюбовало красивую долину среди гор и поныне живет там.

Конгресс США выделил 40 тысяч долларов на акклиматизацию овцебыков на Аляске. Позднее это стадо поселили на острове Нунивак (в Беринговом море, у берегов Аляски). Там они отлично прижились: их уже больше 700.

Мясо овцебыков хорошего качества, шкуры — тоже, но самое ценное — пух, именуемый «гивиот». Это подшерсток. Он светло-коричневый и стоит дорого — 100 долларов за один килограмм. Прежде его начесывали с убитого быка: до пяти килограммов с каждого. Теперь выщипывают с полудомашних овцебыков, которых разводят на фермах в Норвегии, Канаде и на Аляске.

Осенью 1974 года в таймырской тундре случилось знаменательное событие — поселение овцебыков. Сто гектаров земли огорожено было здесь металлической сеткой. Десять бычков и телок, подаренных правительством Канады, выпустили в огромную эту вольеру. Позднее еще 40 овцебыков прилетели на самолете Ан-12 с острова Нунивак на Чукотку. Половину из них отправили на остров Врангеля, прочих — на Таймыр, к тем десяти овцебыкам, которые поселены были здесь раньше.

Эксперимент с акклиматизацией мускусных быков в СССР начался! Пожелаем удачи энтузиастам нелегкого дела, а длинношерстным поселенцам из Канады: «Плодитесь и размножайтесь» на нашей земле!

ТАКИН

Мало кто из неспециалистов слышал это имя, немногое о такине знают и специалисты. Это, пожалуй, самый малоизвестный крупный копытный зверь. Легендарное «золотое руно» загадало загадку зоологам: овец с золотистой шерстью не бывает, так у какого же зверя такая шерсть? Предполагали разное, а теперь думают, что шкура, снятая с такина, и была тем сказочным «золотым руном», которое Ясон привез с кавказского побережья в Грецию.

Лишь в 1850 году такин был впервые описан зоологами. Один из подвидов, такин Бэдфорда, или золотистый такин, обитающий в горных лесах на юго-западе Китая, стал известен науке совсем недавно — в 1911 году.

Кто он, такин? Не козел, не бык, не серна, хотя

Кто он, такин? Не козел, не бык, не серна, хотя и совмещает в себе черты и тех и других. Место такина в зоологической классификации еще менее определенно, чем овцебыка. Зачислен такин в одно подсемейство с овцами и козами, но в одной трибе (объединении близких родов) с мускусными быками

и совмещает в себе черты и того, и другого, и третьего. Место такина в зоологической классификации еще менее определенно, чем овцебыка. Зачислен такин в одно подсемейство с козами и баранами, но в особой трибе (объединении близких родов) с овцебыками.

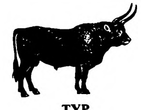
Довольно крупный зверь: рост в плечах до метра с четвертью. До 350 килограммов живой вес такинов. Они горбоносые, короткохвостые, с изогнутыми назад и вверх рогами. Замечательного, редкостного цвета у такина шерсть — золотисто-желтая! Но бывают и желтовато-серые и даже бурые такины. У всех шерсть точно какой-то смазкой покрыта, жиром обильно пропитана. Оттого не намокает она в сырую погоду. Отличная защита от утренних и вечерних туманов, которые на родине такинов явление обычное.

Живут такины в Бутане, Северной Бирме, на Тибете, в западных и южных провинциях Китая. Горные леса и кустарники — вот места их обитания. Летом кормятся травой, зимой главная их пища — побеги бамбука, ивы, рододендрона.

Немногие из зоологов видели такинов на воле, в природе. Лишь в некоторых зоопарках мира жили такины: в Рангуне, Пекине, Шанхае и Нью-Йорке. К людям, которые за ними ухаживали, привыкали быстро. Любили поиграть, попрыгать, разбежавшись, бодали рогами довольно болезненно.

Это, пожалуй, и все, что мы знаем о такинах.

В Южной Америке диких полорогих нет, так же как и в Австралии.

ТУР

Теперь о быках. Но прежде чем начать, немного отвлечемся для одного необходимого уточнения. Оно касается слова «антилопа», которое скорее литературное и обиходное, чем зоологическое в строгом научном значении. В общем антилопами обычно называют таких полорогих, которые не быки, не бараны и не козлы. Среднего роста антилопы именуются еще газелями, а самые маленькие — дукерами.

«Зверь подобен есть коню, страшен и непобедим, промеж ушию имать рог велик, тело его медяно, в розе имать всю силу. Подружия себе не имать, живет 532 лет. И егда скидает свой рог вскрай моря и от него возрастает червь; а от того бывает зверь единорог. А старый зверь бывает без рога не силен, сиротеет и умирает»

Так русские азбуковники рассказывали о единороге, слишком вообще-то «литературно» рассказывали, ведь прообразом единорога, как выясняется, был… бык.

Археологи, производя раскопки на месте древних городов Среднего Востока, нашли ассирийские

и вавилонские барельефы и письмена, из которых выяснилось, что древнееврейское слово «реем», переведенное составителями греческой библии как «единорог», в действительности обозначало дикого быка тура, вполне двурогого.

Итак, тур. Ростом он (в холке) до двух метров, весом до тонны! Мастью черный, коровы и телята — рыжие. Но о цвете можно и спорить... Помните былины: «Обернула Добрыню гнедым туром», «Где ходят гнеды девять туров»... Не были же наши предки дальтониками, чтобы путать черное с рыжим! И все-таки тура принято считать черным, вернее, «был он черным», где коротенькое «был» начисто лишает нас возможности узнать истинную правду.

Ибо быков этих сейчас уже нет. Их истребили. И хотя случилось это сравнительно недавно, тура основательно забыли всюду. Остался он в былинах, пословицах, некоторых старинных обрядах (например, на святках наряжались туром) и в названиях мест и фамилиях: Турово, Туры, Туров лог, Турова выть, Туржец, Туров. Кантон Ури в Швейцарии, гражданином которого назывался Ставрогин Достоевского, тоже обязан именем дикому быку: «урус» по-латыни, «ур» по-немецки — названия тура.

Но все же утверждение, что бык был черным, имеет серьезные основания. До нас дошли разные изображения тура, и лучшее из них — знаменитая аугсбургская картина. Ее нашел в лавке антиквара английский зоолог Смит. Нарисована она была в начале XVI века каким-то польским художником (и как раз около трехсот лет назад исчез с лица земли тур). Этот, выходит дело, «посмертный портрет» (он пропал, сохранилась лишь копия, которую сделал Смит) изображал тура черным — надо думать, не ради траура.

Но конечно, какое бы оно ни было, изображение не может служить достаточно серьезным доказательством, ведь художники и во все века были весьма склонны в своих работах к разным вольностям (ассирийские и вавилонские барельефы, например, на которых туры однороги, и лошадей «сдвуноживают»: у них лишь по две ноги).

Доказательство в другом. В 1921 году немецкие зоологи братья Лутц и Хайнц Хек, объехав Европу в поисках «туровидных» быков и коров (и найдя подходящих), начали замечательный эксперимент: методами обратного скрещивания они решили возродить тура.

У «восстановленных» туров — все как у вымершего: черная масть, большие острые рога. А коровы и телята — гнедые — значит, генетики добились самого трудного: полового и возрастного диморфизма, то есть разной окраски и внешности самок, самцов и детенышей. И наконец: «восстановленный» тур так похож на изображенного на аугсбургском рисунке, что кажется, будто и рисовали с него.

А ведь еще в прошлом веке даже некоторые серьезные натуралисты не верили, что был на земле такой бык — тур. Все, что древние рассказывали о нем, приписывалось зубру. Даже В. И. Даль слова «тур» и «зубр» отождествляет, хотя мог бы этого и не делать, потому что к тому времени, когда он составлял свой знаменитый словарь, французский анатом и палеонтолог Жорж Кювье уже доказал, что некогда жил длиннорогий крупный бык — тур.

В историческое время туры водились по всей Европе, даже в Англии и Южной Швеции, в Северной Африке, Сирии, Палестине, Месопотамии, Турции. У нас — в Литве и Белоруссии, по всей Украине, на Дону и в Предкавказье. А на севере — вплоть до Новгорода и южного берега Ладожского озера, в нынешних Ярославской, Московской и Рязанской областях.

Давно уже нет тура, а его потомки — везде, куда только их могли занести собственные ноги, товарные вагоны, корабли и даже самолеты. Обычная наша корова и бык-производитель с железным кольцом в носу — прямые потомки того, про кого говорили: «Зверь подобен есть коню, страшен и непобедим».

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЗУБРА

Зубр в тура нравом не вышел, хотя ростом, силой и быстротой не уступал ему. Если тур, как рассказывают, встретив человека, не уходил с дороги, то зубр в таких ситуациях всегда пасовал: увидев двуногого, спешил скрыться.

И между собой зубры дерутся не часто. Обычно поединок начинается и кончается лишь демонстрацией силы После первых затрещин слабый соперник предпочитает не доводить дело до крайностей и ретируется

Зубр — один из самых крупных быков мира: рост его — до двух метров, вес — до тонны. Могучее его телосложение не мешает ему быть очень быстрым и ловким в движениях. Зубр легко перепрыгивает через забор в два метра и ров в три метра По горам ходит по самым крутым, избегает только скал, и в движениях его нет ни вялости, ни грузности

Держатся зубры небольшими группами. Коровы, молодые бычки и телки по шесть — восемь голов. А быки бродят отдельно, и тоже обычно компаниями, по три-четыре быка. Только в августе—сентябре, когда приходит пора размножения, быки возвращаются к покинутым коровам (каждый обычно к своему излюбленному стаду) и изгоняют из стада молодых двухлетних бычков, которые всю жизнь от рождения и до этого злосчастного дня провели в женском обществе.

Телята родятся весной и в начале лета, через час уже встают, покачиваясь, на тоненькие ножки. А через полчаса бегут, спотыкаясь, за мамкой. Кормятся зубры многими видами растений: травами, ветками и листьями деревьев, гложут и кору грабов, осин, пихт, елей, рябин и едят даже грибы (опята и лисички).

Зубр Он менее горбат, чем бизон, и голову носит выше

На заре истории европейских наций зубры обитали повсюду: на родине галлов, германцев, шведов, даков (предков современных румын) и славян. Только в Греции, Северной Испании и Англии зубров истребили в доисторическое время

На Волыни еще 500 лет назад зубры были так многочисленны, что, когда литовский князь Витовт в 1430 году созвал соседних князей в Луцк, он мог каждую неделю подавать на пирах, которые продолжались семь недель, по 100 диких быков! «По пятисот яловиц, — пишет летописец, — по пятисот баранов, по пятисот вепров, по сту зубров, по сту лосей, а инших речей личбы нет».

В ту пору зубры жили в нашей стране и в лесах, и в степи; на севере, начиная примерно от Риги, всюду в Литве и почти всюду в Белоруссии. Южнее и восточнее: в области Курска и Воронежа (под Москвой и Рязанью в историческое время их, повидимому, не было). По всему бассейну Дона и Днепра тоже водились зубры. На юге доходили они до берегов Азовского и Черного морей. «О пребывании зубра в Крыму,— говорит профессор

В. Г. Гептнер, — данных нет». Не было зубров и в Поволжье (в историческое время). Но в каменном веке они обитали и за Волгой: их кости нашли близ устья Камы и на Южном Урале.

В средние века кавказские зубры не были оторваны от зубров европейских: они, по-видимому, могли «навещать» друг друга, пробираясь через степи Нижнего Дона и Предкавказья. Но уже к тому году, когда шведов разбили под Полтавой, они возможности такой лишились. Степных зубров, обитавших на Украине и Дону, к этому времени уже, кажется, всех перебили. И когда царь Петр I приказал воронежскому вице-губернатору Колычеву поймать и прислать в Петербург пять-шесть зубров, тот отвечал царю, что зубров видели на Дону в последний раз в 1709 году.

Зубры всюду стремительно вымирали. Во Франции уже в VI веке не стало зубров В Румынии последнего убили в 1762 году, в Германии (в Саксонии) — в 1798 году, а в Прибалтике (в бывшей Восточной Пруссии) — в 1755 году. Так что к началу нашего века зубры спаслись от людей только в лесах Беловежской Пущи и Северного Кавказа (в верховьях Кубани, там, где раскинулся сейчас Кавказский заповедник). Но и сюда за ними скоро пришли.

В «Полном собрании законов Российской империи» есть запись, имеющая отношение к кавказским зубрам:

«Именной приказ, данный из кабинета Ея Величества императрицы Анны Иоанновны Астраханскому обер-коменданту о ловле и присылке ко Двору и в Измайловский зверинец ежегодно разных живых зверей... Еще известно нам, что в Кабарде есть дикие быки и кдосы, которые по-тамошнему называются домбаи, того ради имеете из казны нашей денег, чтобы тамошние князья одного рода быков и телок молодых по пять или десять велели ловить и присылали в Кизлярскую крепость, а там оных несколько времени прикармливать к хлебу, а когда привыкнут, то присылать в Астрахань водою, а из Астрахани отправлять их с прочим зверьем в Москву».

Немало зубров было в Чечне и в Осетии. Но к середине прошлого века они сохранились только на самом западе северного склона Главного Кавказского хребта, в верховьях Кубани. Было их тут около двух тысяч. Но к концу столетия стало вчетверо меньше.

Перед Октябрьской революцией в горных пихтовых лесах и верховьях рек Белой и Большой Лабы жило еще, по-видимому, 500 зубров. После революции царские угодья никто не охранял. Пастухи, дезертиры, солдаты принялись со спокойной совестью добивать редчайших животных. Для них это были только горные буйволы, домбаи, дикие быки. Никто этим людям не разъяснял, как для науки, для всего человечества дороги домбаи Думали, что быков берегли только для царя, чтобы он, спасаясь от скуки, мог в них стрелять. Рассказывают, что браконьеры часто, убив зубра, вырезали из шкуры лишь хребтину, которая особенно ценилась у шорников, остальную шкуру и всю тушу оставляли гнить в лесу. А тут еще какую-то коровью эпидемию занесли на Кавказ. Много от нее пало и домашнего скота, и зубров тоже. Так что к 1920 году из 500 домбаев уцелело только 50, да и тех дни были сочтены Не спас их и государственный заповедник, учрежденный через четыре года на месте бывшей Кубанской Охоты. У молодой республики тогда было много более неотложных забот, и браконьеры этим пользовались.

В 1923 году (по другим данным — в 1924 году) убили последних кавказских зубров. Насколько известно зоологам, больше этих животных никто здесь не видел. На том история чистокровных домбаев кончается.

В 1940 году зубры снова появились на Кавказе. Но как и откуда, расскажем чуть позже.

Беловежские зубры крупнее кавказских и окрашены светлее. Вид у них более дикий, «бердеистый», борода длинная, косматая и шерсть не курчавая (у кавказского — вся в завитках). Есть и другие отличия — небольшие, однако достаточно существенные, — поэтому зоологи и выделили их в разные подвиды, то есть географические расы.

Кавказские зубры жили в горных лесах, поднимались на хребты выше двух тысяч метров, паслись и на альпийских лугах и забирались иногда так высоко, что даже летом бродили среди не растаявших полностью снегов. А зубры беловежские, спасаясь от людей, нашли последнее прибежище совсем в иных местах: в заболоченном равнинном лесу. В Беловежской Пуще небольшие холмы, поросшие сосняком, разделены ольсами — сырыми низинами с зарослями ольхи, ясеня, дубов. Кочки, топи, бурелом — вот куда люди загнали последних зубров. Вряд ли звери предпочли бы эти места, будь у них свобода выбора. Ведь в прежние времена они любили светлые лиственные рощи с большими полянами, пойменные леса и даже степи.

Десятого октября 1802 года царь Александр I издал указ (на французском языке), которым было положено начало охране зубра в России. «Ввиду особой редкости породы дичи, именуемой зубром, — говорилось в том указе, — запрещается рубить деревья в Беловежской Пуще». И никому из смертных не разрешено отныне стрелять зубров и

чинить им любой вред. На самого царя, его родственников и гостей такой запрет, разумеется, не распространился. Беловежская Пуща была объявлена царским заказником, охотничьим угодьем особого назначения. Не желая, чтобы убивали редкую дичь, наш самодержец преследовал совсем не научные цели. Но так или иначе, зубров теперь охраняли, и поголовье их стало заметно расти. За год, например, в 1829—1830 годах, родилось 70 зубров, и стало их тогда около тысячи.

В январе 1914 года в Беловежских лесах жили 727 зубров, а в августе того же года началась первая мировая война. Еще через год после кровопролитных боев русские войска отступили, и Беловежская Пуща на три года перешла во владение к немцам. В боях за нее понесли большие потери не только люди, но и зубры напуганные, рассеянные по окрестным лесам, они часто попадали в полковые котлы по ту и по эту сторону фронта.

Если в 1916 году их было здесь еще около 200, то через год стало 120, а через два... всего девять. До конца 1920 года дожила только одна корова. Она как-то ухитрилась еще два месяца не попадаться на глаза людям, но в феврале на следующий год ее выследил Бертоломеус Шпакович. Ирония ли судьбы или просто случайность: этот Шпакович был лесником в Пуще, когда она принадлежала России. Рука его не дрогнула и совесть в нем не заговорила, когда герострат-самоучка всадил одну за другой несколько винтовочных пуль в испуганное животное, которое долг его прежней службы обязывал охранять. Так погиб последний вольный беловежский зубр.

В Западной Европе в зоопарках и в частных владениях еще жили потомки беловежских зубров. Но немного их было. Одно из самых больших стад гуляло в Пшинском охотничьем парке князя Плесс, в Верхней Силезии, — 74 зубра. Они вели свой род от одного быка и трех коров, подаренных этому князю Александром II. Но когда началась война, браконьеры расстреляли этих зубров из пулемета. Побили почти всех. Удалось спасти только трех, и из каждого извлекли по нескольку пулеметных пуль. Раненые зубры выжили и вскоре даже обзавелись потомством.

История зубров, кроме всего прочего, поучительна еще вот чем: войны грозят катастрофой даже диким животным! Думали ли о каких-то там быках люди в чаду братоубийственных схваток? А когда залпы отгремели, страсти утихли, головы остыли, тогда поняли, как бессмысленно, безжалостно и глупо перебили редких и красивых животных.

И тогда рупором уязвленной человеческой совести, заговорившей в защиту зубров, стал Ян Штольцман, польский натуралист. На Парижском конгрессе в 1923 году он предложил, пока еще не все потеряно, создать Международное общество сохранения зубров. Предложение его приняли, и такое общество было организовано. Начали с того, что провели «инвентаризацию» хозяйства: 56 живых зубров в 15 различных странах, 80 чучел в музеях и 120 черепов. Из живых зубров — больше половины быки, многие из которых давно уже потеряли всякий интерес к вопросам пола и размножения.

Первое время работа продвигалась медленно. Появилась еще какая-то болезнь в германском стаде. Так что когда в 1930 году была опубликована первая «Племенная книга» зубров, в ней числилось только 40 чистокровных животных и шесть основных племенных центров: в Англии, Германии, Голландии, Швеции, Венгрии и Польше.

Тут на арене, где велась бескровная битва за спасение зубра, появляются немецкие зоологи братья Лутц и Хайнц Хек. Их энергичному вмешательству зубры обязаны своим возвращением почти с того света. Братья решили, что самым надежным и быстрым методом спасения зубра должно стать поглотительное скрещивание с американским бизоном. Во-первых, гибриды, как известно, более жизнестойки (генетики этот феномен называют гетерозисом). Во-вторых, сразу большое число маток, привезенных из-за океана, может принять участие в продлении рода зубров. Этот метод одно время сильно критиковали, говорили, что таким способом мы не настоящих зубров получаем, а метисов. Но, как показал опыт, гибридов уже нескольких первых поколений, к которым раз от разу прививалась кровь зубра, даже специалисты не могли отличить по внешности от чистокровных зубров.

И вот настал наконец знаменательный день, когда зубры вновь после 13-летнего отсутствия появились на Кавказе. В 1940 году. Пять зубробизонов (но с примесью крови настоящих домбаев) завезли в Кавказский заповедник. Через четыре года их стало 11, а еще через 12 лет — уже 106. Не все родились здесь, многих привезли из других мест нашей страны и из Польши. Под охраной конных пастухов звери каждое лето поднимаются высоко в горы, в альпийские луга, а зиму проводят в пихтовых лесах ниже по склонам гор, где для них заготавливают сено.

С 1946 года зубров стали разводить и на нашей территории Беловежской Пущи, еще через два года — в Центральном зубровом питомнике под Серпуховом (первую пару своих питомцев он получил из Польши), в 1955 году — в Хоперском заповеднике, а через год — в Мордовском.

Чтобы избежать вредных последствий инбридинга (то есть близкородственного спаривания) и

осуществить наилучший подбор пар из племенных линий, зубров-производителей часто перевозили из одного заповедника в другой. Хлопот с ними было много. Но зато и результаты получились отличные.

К 1975 году в Кавказском заповеднике поголовье зубров (считая и гибридных) возросло до 900, а в Беловежской Пуще — до 465. Всего в мире в 1979 году зубров было две тысячи.

Наибольшее число чистокровных зубров в СССР. На 1 января 1974 года у нас их было 436 (двух подвидов — беловежских и кавказских). На 1 января 1981 года уже 830. На территории СССР создано 19 вольных стад зубров, живущих в охотничьих хозяйствах, заказниках и заповедниках на вольном выпасе. Кроме вольных стад у нас еще три специальных питомника, где сосредоточено племенное поголовье Выращенный в питомниках молодняк используется для расселения в разных местах Союза.

Ряды зубров прибывают — радостно об этом слышать. От всех людей, живущих на Земле, хочется здесь выразить большую признательность ученым — борцам за спасение зубров и многих других прекрасных животных, редких и исчезающих С каждым годом возрастают надежды, что этот наш долг перед поколениями грядущих потомков будет исполнен.

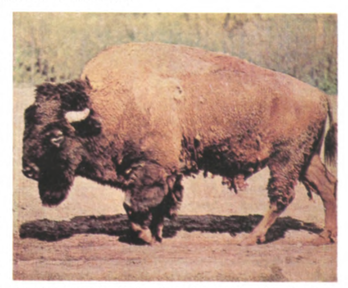
БИЗОН — СОЮЗНИК КРАСНОКОЖИХ

Дорогой древнейших переселенцев пришли бизоны в Америку: с Чукотки на Аляску и дальше на юг. Они нашли там обширные нетронутые степи и леса. Когда здесь объявились европейцы, бизонов в Америке было столько, что даже не верится: по-видимому, 60 миллионов!

«Насколько могли видеть мои глаза, страна чернела бесчисленными стадами», — вспоминает один из тех, кто первыми пришли на равнины Среднего Запада США. «К вечеру мы поднялись на холм и застыли, пораженные видом, который открылся нам с высоты: вся равнина до горизонта была сплошь покрыта буйволами», — рассказывает другой.

Бизоны — путешественники. К зиме они брели к югу, на лето возвращались в более северные страны. Миллионными армадами переходили замерзшие реки, и лед под ними не выдерживал. Говорят, будто многие острова на Миссисипи и Миссури образовались вначале из куч бизоньих скелетов. Тропы, проложенные бизонами, использовали топографы, намечая маршруты железных дорог, потому что не было удобней перевалов, обходных путей вокруг озер и рек.

Но железные дороги принесли бизонам смерть. В шестидесятых годах строилась трансконтинентальная Тихоокеанская железная дорога. Отряды строителей, охотников, бродяг, авантюристов устремились в прерии. За два месяца здесь убили 210 тысяч бизонов. И еще 100 тысяч — за зиму 1877/78 года. «Буйвол-Билл», небезызвестный Вильям Коди, за полтора года застрелил 4280 бизонов. Другой «чемпион» убил за «рабочие» сутки 250 бизонов.

До европейцев в Америке жило шестьдесят миллионов бизонов Сейчас их не больше двадцати тысяч

Животных, кочевавших к югу от центральной магистрали, именовали южным стадом, тех, кто к северу, — северным. Когда поезд приближался к пасущимся у полотна бизонам, машинист замедлял ход, и пассажиры начинали пальбу из всевозможного оружия. Некоторые любители-«спортсмены» даже специально ездили через равнины, чтобы пострелять. Поезд уходил, на съедение койотам оставались сотни трупов. Подсчитано, что за неполных три года было убито 5 373 730 бизонов.

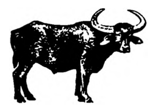
К началу девяностых годов прошлого века американский бизон как вольный зверь перестал существовать в США (в Канаде еще жили лесные бизоны). В наступившей тишине стал слышен крик немногих защитников: «Пощадите!» Тогда в США решили учредить законы, защищающие бизонов.

Собрались законодатели Техаса. Выступил генерал Шеридан. Охотники за бизонами, сказал он, заслужили награды. Им надо выдать медаль с изображением умиротворенного индейца: «Охотники на буйволов за несколько месяцев сделали больше для умиротворения индейцев, чем вся наша армия за тридцать лет». Ведь племена индейцев кормились бизонами.

Закон не прошел. И не только в Техасе. В конгрессе США была сильна партия, разделявшая мнение Шеридана.

В 1873 году индеец по имени Бродячий Койот поймал бычка и телочку. Он ухаживал за ними, прятал от бродяг и ретивых охотников. Через 23 года у него было стадо в 300 голов. Правительство США купило его и переселило в Йеллоустонский парк. Купили бизонов и у других людей (многие содержали их тогда на фермах и полувольных выпасах).

При Теодоре Рузвельте активную работу развернуло Общество спасения бизона. К 1910 году число бизонов увеличилось вдвое, а к 1933 году их было 4404. Сейчас 20 тысяч, может быть, уже и больше.

«СЕРЫЙ БЫК»

Еще в начале тридцатых годов до Европы дошли слухи, что в лесах Индокитая обитает совсем не известный науке дикий бык. Мало кто верил этим рассказам. Местные же охотники могли назвать все приметы загадочного быка. Они называли его коупрей — «серый бык».

Их спрашивали:

— Этот бык — бантенг?

— Нет, мы зовем его коупрей. Это бык-великан — выше самого высокого человека, и сзади нет у него белого пятна, как у бантенга.

— Может быть, это гаур?

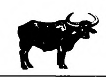
— Нет, не гаур. Другой бык. У гаура почти нет подгрудка, а у коупрея — большой подгрудок. Он безгорбый. А у гаура горб. У гаура быки и коровы темно-бурые. Коупреи-быки — черные, а коровы — серые.

И вот в 1937 году живой коупрей попал в Европу, в Парижский зоопарк.

А все началось с того, что профессор А. Урбен, директор зоопарка в Париже, путешествуя по Индокитаю, увидел в доме местного ветеринара, где он остановился, великолепные бычьи рога. Но рога не буйвола, не гаура, не бантенга и не гайяла — это ему было ясно. Но тогда чьи? Его любезный хозяин, ветеринар Р. Совель, организовал охоту на этих быков. Поймали молодого серого бычка и застрелили взрослого быка. Исследовав трофей, А. Урбен решил, что «серый бык» — новый бык. Он назвал его в честь Р. Совеля.

Но на этом история «серого быка» не кончается. Молодой коупрей или купрей — и так его называют на английский манер, привезенный в Парижский зоопарк, погиб во время второй мировой войны. В оккупационной неразберихе потеряли бесценные для науки кости и шкуру коупрея.

Но ученые теперь знали, что таинственный лесной бык не миф. На охоту за ним в горные леса Бирмы и Индокитая еще в начале войны отправились новые энтузиасты. В 1940 году в Кампучии добыли еще одного коупрея. Его кости и череп, вновь основательно изученные специалистами, хранятся теперь в Гарвардском музее сравнительной зоологии.

Коупрей выше азиатского буйвола, бантенга и дургих быков своей родины. Рост в холке — 1 метр 90 сантиметров. У него длинные лировидные рога и высокие, стройные ноги. Шерсть атласная, черная, а ноги от копыт до колен белые. Почему же называют его серым?

Серые только коровы и молодые бычки и телки. Один или два черных быка сопровождают обычно эту «серую компанию». Естественно, что чаще всего именно серые, а не черные животные в стаде обращают на себя внимание.

Живут коупреи в негустых лесах по склонам гор Кампучии, Лаоса и, по-видимому, других соседних стран.

Однако до сих пор ведутся споры: действительно ли коупрей — дикий бык? Может быть, одичавший? Может быть, сотни лет назад, когда процветала еще кхмерская культура, эти быки были домашним скотом у кхмеров? Погибло их государство, стада разбежались по лесам и одичали?

Некоторые ученые предполагают даже, не особая ли это южноазиатская раса обитавших еще в недавние времена в наших лесах вымерших теперь туров (родоначальников всех пород домашних коров и быков).

В тех немногих странах, где обитают коупреи, — а это примыкающие к реке Меконг области Лаоса, Кампучии и Вьетнама — еще в 1957 году, как приблизительно подсчитали, сохранилось их около 850 голов. В 1970 году в Кампучии жило не больше 40 коупреев. Последнее время о них сведений нет. Возможно, что война во Вьетнаме принесла гибель и коупреям.

В Южной Азии обитают еще пять видов настоящих быков: гаур, гайял, бантенг, як и зебу.

Гаур ростом, пожалуй, даже больше коупрея в холке старые быки до 2 метров 20 сантиметров и весят тонну. Быки и коровы темно-бурые, почти черные, с белыми ногами. На холке у гауров горб, не такой большой, как у зебу, однако изнутри его поддерживают длинные остистые отростки спинных позвонков (у зебу горб без костных, так сказать, подпорок). Стада гауров утром и вечером пасутся в густых горных лесах Индии, Бирмы и Малайи. В дневную жару отдыхают в гуще леса. Гауры отважны и сильны, умеют постоять за себя против тигра и человека.

Гайял — домашний бык Бирмы и Ассама. Диких гайялов нигде нет. Возможно, гайял — одомашненный потомок гаура. Рога у гайяла толстые, раскинуты прямо в стороны, не лировидны, как у гаура. Сам он приземист (ростом около полутора метров), широколоб, черно-бурой масти, с белыми ногами и белой кистью на хвосте.

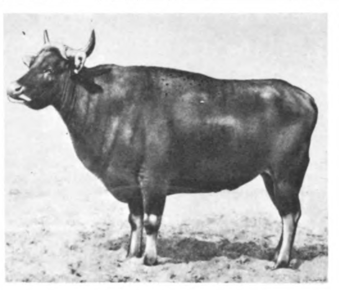

Гаур, пожалуй, самый высокий бык на Земле в холке старые самцы до двух метров двадцати сантиметров и весят тонну Быки и коровы темно-бурые, почти черные, с белыми ногами Гауры отважны и сильны, могут постоять за себя

Гайал — домашний бык Бирмы и Ассама Диких гайалов нигде нет Возможно, гайал — одомашненный потомок гаура

Бантенг — дикий лесной бык Бирмы, Малайи, Явы, Калимантана и Бали. От всех быков его отличает большое белое пятно под хвостом, похожее на «зеркало» оленей. Ростом он примерно с гайяла, темно-бурый, без подгрудка, без горба на плечах, и рога у него не изогнуты лирообразно Ноги ниже колен белые. Стада бантенгов в засушливый сезон года спускаются в долины. Когда муссоны прольют дожди, поднимаются в горные леса. Они обитают в более сухих районах, чем гауры, и могут подолгу не пить. Пасутся по ночам, днем прячутся в гуще леса. Когда бантенги отдыхают,

Бантенги осторожны, пугливы, далеко не так опасны и отважны, как гауры. Обитают в лесах Юго-Восточной Азии. На Яве и Бали есть домашние бантенги

Яки бывают домашние и дикие. Дикие значительно крупнее домашних, сохранились кое-где на безлюдных плоскогорьях Тибета

то, говорят, ложатся кругом, головами наружу, а в центре стоит на страже какая-нибудь корова. Ударом копыта предупреждает она об опасности, и стадо тут же уходит подальше от подозрительных шумов и запахов. Бантенги осторожны, пугливы, далеко не так отважны и опасны, как гауры. На Яве и Бали есть домашние бантенги.

Як — высокогорный бык. Дикие яки живут еще в Тибете на безлюдных плоскогорьях. Дикий як почти вдвое больше домашнего: в холке до двух метров, весом с полтонны. Черно-бурая шерсть яка свисает вниз с боков длинной бахромой. Телята, которые родятся осенью, прячутся от непогоды под брюхом у матери, спасаются под защитой этого шерстяного полога.

Зебу — «священные коровы» Индии. Они бродят по дорогам и улицам деревень и городов, и никто не смеет их беспокоить. Убивать и есть мясо зебу религия запрещает. У зебу большой горб на спине и большой подгрудок, масть палевая, серая, рыжая или черная. В Индии более тридцати разных рас и пород зебу. Некоторые из них вывезены в США, здесь их скрещивают с шортгорнами, герефордами и другими породистыми потомками тура. Зебу и их гибриды легко переносят зной и укусы насекомых. Диких зебу нет, и предки их неизвестны.

Из диких быков аноа — самый маленький. Около метра рост его, а вес — 150—300 килограммов.

Возможно, он, говорят зоологи, переходная форма от антилоп к настоящим быкам (как бы связующее их эволюционное звено). А возможно, лишь «островная раса» азиатских буйволов. Давно замечено, что многие звери, обитающие на островах, ростом меньше своих сородичей, живущих на материках.

Родина и единственное местообитание аноа — заболоченные леса Сулавеси, горные и низинные. Еще лет сорок назад аноа нередки были на этом острове. Теперь лишь кое-где попадаются здесь немногие уцелевшие из них. Но и тех добивают: мясо у аноа вкусное, нежное, а рога и шкуры идут на костюмы для ритуальных праздников местных племен. Расширяются культурные ландшафты на Сулавеси — мало остается мест, пригодных для обитания аноа. По-видимому, нет никаких уже надежд спасения этих животных на их родине. Единственный путь — разведение аноа в неволе. Они неплохо здесь размножаются. Например, в зоопарке Сан-Диего (США) за 22 года (с 1942 по 1964) родились 24 аноа. Заведена на них племенная книга, в которую записывают всех аноа, живущих в зоопарках мира.

Тамароу — тоже буйвол-карлик. Но другого вида. Он лишь немного крупнее аноа (рост в плечах — до 1,2 метра). Обитает на острове Миндоро (Филиппины). Впрочем, может, уже в прошедшем времени нужно употреблять слово «обитает». В 1957 году, по примерным оценкам, только 244 тамароу сохранились в лесах Миндоро. Жили они в разных, часто отдаленных друг от друга районах, поэтому возможность их встреч в период размножения очень ограниченна. К 1969

Аноа — карликовый буйвол Сулавеси Рост в плечах взрослых животных не больше метра Тамароу — тоже буйвол-карлик с острова Миндоро (Филиппины) Он лишь немного крупнее аноа и почти полностью истреблен

году уцелело на этом острове лишь около 100 тамароу.

Правительством Филиппин изданы строгие, охраняющие тамароу запреты, учреждены заповедные территории для этих редких животных. Но все равно и местные фермеры, и живущие в глубине лесов племена охотятся на карликовых буйволов (на теле одного из них, убитого охотниками-«спортсменами», нашли 167 пулевых ранений!). Так показало обследование, проведенное в 1964 году Международным союзом охраны природы.

Настоящих буйволов два вида — азиатский и африканский, которого называют часто каффрским. Домашних азиатских буйволов можно встретить во многих южных странах — от Египта до Филиппин, от Кавказа до Индонезии. На них пашут, возят грузы, молоко у них высокого качества, но мясо — не очень. Из шкур выделывают отличную кожу. Буйволы любят хозяина, очень послушны, и даже дети легко управляют огром-

Домашних азиатских буйволов можно встретить во многих южных странах от Египта до Филиппин, от Кавказа до Индонезии Дикие азиатские буйволы уцелели еще кое-где в Непале и Бенгалии Рога у азиатского буйвола огромные, лирообразно изогнутые назад, длиной до двух метров: самые длинные рога в природе!

Настоящих буйволов два вида азиатский и африканский, которого часто называют каффрским Стада буйволов, в которых бывает от десятка до двух тысяч животных, пасутся еще в саваннах Африки к югу от Сахары

Африканский, или каффрский, буйвол для охотников в Африке самый опасный зверь Он нередко нападает сам, не ожидая выстрела, а раненный, не успокоится, пока не убьет врага или не будет сам убит

ными быками. До самозабвения любят воду, плавают отлично, прохлаждаясь, часами лежат в воде часто выставив из воды лишь ноздри. Так спасаются от насекомых.

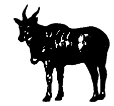
Буйволы ненавидят тигров и, почуяв запах полосатого зверя, кидаются на него всем стадом. Из схватки с тигром буйвол-бык обычно выходит победителем.

Дикие буйволы живут еще в Непале и Ассаме Общее число их невелико: около двух тысяч голов Рога у азиатского буйвола огромные, лирообразно изогнуты назад, длиной до двух метров· самые длинные рога в природе!

У африканского буйвола рога короче, но изогнуты сильнее, на лбу расширены и уплощены пуленепробиваемым «шлемом». Африканский буйвол ниже азиатского, полтора метра в холке, но массивнее, весит около тонны (азиатский — около 800 килограммов) Он темно-бурый или черный, шерсть у молодых густая, у старых ее почти нет Уши очень большие, вислые и лохматые. Хоть и массивен каффрский буйвол, но бегает очень резво до 60 километров в час. В Африке охотники считают его самым опасным зверем: он часто первым кидается в атаку, а раненный, почти всегда нападает, топчет, бьет рогами. Ни выстрелами, ни новыми ранениями его не остановить, и спрятаться за деревом или в кустах трудно, потому что взбешенный, наделенный отличным нюхом буйвол не успокоится, пока не найдет и не убьет врага.

Стада буйволов, в которых бывает от десятка до двух тысяч животных, еще пасутся в саваннах Африки к югу от Сахары. Днем отдыхают в перелесках и кустах, утром и вечером идут туда, где есть трава и свежая листва. Буйволы много пьют и отлично плавают.

Более мелкий подвид каффрского буйвола — карликовый лесной буйвол — живет в лесах Центральной и Западной Африки.

АНТИЛОПЫ

Разных антилоп, больших и малых, газелей и дукеров, около девяноста видов. Большая их часть обитает в Африке. Несколько видов в Азии и один вид из группы древних антилоп на западе Северной Америки. Это вилорог. Хоть и называют его антилопой, однако он принадлежит к особому семейству, не к полорогим, как другие антилопы (сайгаков, горалов и серн тоже иногда именуют антилопа-

Антилопа водяной козел ростом с оленя, но чем-то действительно напоминает козла. Рога носят и самки и самцы

ми, хотя систематики относят их к подсемейству козлообразных).

В отличие от настоящих антилоп Старого Света рога у вилорогов (самок и самцов) вильчатые, как у оленя. Каждый год (в октябре) зверь их сбрасывает, и к июлю вырастают новые. Они, как чехлы, сидят на костных стержнях — выростах лба. Зрение у вилорогов отличное: видят врага за несколько километров, но не убегают, пока не почуют его, поэтому к ним можно близко подойти. Испуганные, взъерошивают белую шерсть на «зеркале», да так, что их зады выглядят как пышные шары.

Из азиатских антилоп нильгау, или нильгаи, самая крупная: до полутора метров в плечах. «Нильгаи» — значит «голубая антилопа». Самцы действительно голубовато-серые, но самки рыжебурые. Короткие рожки носят только самцы, и еще отличает их от самок пук длинной шерсти снизу на

Вилорог — единственная антилопа Америки. Несмотря на свой зоологический статус антилопы, рога у него все-таки ветвятся — как у оленя

шее. У нильгау интересные правила дуэли: самцы бодаются, встав на колени. В центральных районах Индии еще немало нильгау: пасутся они в холмистых и низинных негустых лесах, заходят в джунгли, а иногда в открытую степь.

В Азии нет у нильгау близких родичей, кроме четырехрогой антилопы. В Африке есть: куду, ньяла, бонго, канна.

Гунтада — единственное четырехрогое животное в семействе полорогих. Цветом буроватая, ростом небольшая: 60 сантиметров. Живет (в одиночестве или парами) в негустых лесах на полуострове Индостан. Два небольших рожка на темени и два поменьше на лбу носят только самцы.

Куду и еще восемь других африканских видов (малая куду, бонго, ситатунга, ньяла, горная ньяла, канна, гигантская канна и бушбэк) — из группы винторогих антилоп. У большинства из них белые полосы на боках, у бушбэка — белые пятна. Большие куду обитают в каменистых кустарниковых вельдах. Рога у них носят только самцы. Малые куду живут на северо-востоке Африки.

Антилопа бонго внешне похожа на куду и канну, но живет не в саваннах, а в густых тропических лесах Западной Африки и в Кении. Это одна из самых красивых антилоп: яркого красно-каштанового тона с белыми поперечными полосами.

Канна — самая большая антилопа: в плечах около двух метров, а вес быков до тонны. Почти

Нильгау — самая крупная антилопа Индии

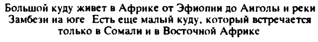
Гунтада — единственная в мире четырехрогая антилопа. Два небольших рожка на темени и два поменьше на лбу носят только самцы. Обитает в Индии

метровые, спирально извитые рога носят и самцы и самки. Еще крупнее обычной канны гигантская канна из Судана и Западной Африки, которая живет в более лесных районах. Канны незлобивые, легко приручаются. В Африке такие опыты делались не раз, а у нас в Аскании-Нова канн доят, как коров. Молоко очень питательно и как лечебный препарат «молокан» применяется уже против некоторых кишечных и кожных заболеваний.

Конгони — из группы коровьих антилоп, в которой, кроме двух гну, шесть живых и два уже истребленных вида (каама из Южной Африки и бубала из Северной Аравии). Топи похожи на конгони, но у них желтые ноги с иссиня-черными пятнами на ляжках. Самцы топи любят играть и бодаться, у каждого своя вытоптанная площадка для игр, на которую он других не пускает, а они именно и норовят это сделать. Про конгони рассказывают, что стада их, когда пасутся, выставляют сторожей, и те, чтобы лучше видеть, забираются на высокие термитники.

У антилопы гну есть что-то бычье, гривой и хвостом похожа она на лошадь, а странным и несуразным своим видом — на фантастического фавна. В Африке два вида гну — белохвостый, почти истребленный, уцелело их немного в Юго-Западной Африке, и полосатый, или голубой. У этого два

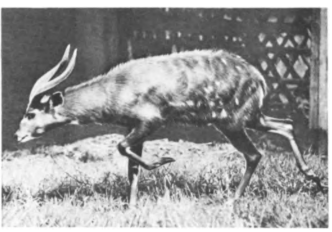

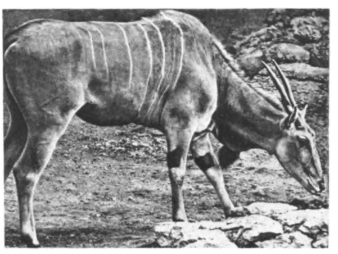
Большой куду живет в Африке от Эфиопии до Анголы и реки Замбези на юге. Есть еще малый куду, который встречается только в Сомали и в Восточной Африке

подвида: чернобородый (Южная Африка) и белобородый (Восточная Африка). Гну, как и сайгаки, природные иноходцы.

В группе лошадиных антилоп шесть видов: три орикса, североафриканский аддакс и (в Восточной и Южной Африке) саблерогая и чалая антилопы. У саблерогой и самцы и самки черные, у чалой — рыжие. У ныне редкого подвида из Анголы — гигантской саблерогой антилопы — рога длиной до полутора метров! Саблерогие антилопы сухим саваннам предпочитают богатые водой леса, весят до трех центнеров.

Ориксов три вида: белый аравийский орикс почти истреблен, саблерогий орикс (пустыни Северной Африки) и обычный орикс (Восточная и Южная Африка). У последнего два подвида — белоногая бейза (с узкой черной полосой на боках) и южноафриканский орикс (черноногий, с широкой черной полосой на боках). Воду ориксы почти не пьют, довольствуясь соками клубней и корневищ. Их самцы, сражаясь друг с другом, строго соблюдают рыцарские правила: не колют острыми рогами, а только фехтуют ими.

Три подвида антилопы ситатунга обитают в трех разных районах Африки: один — в речной системе Нигера, второй — в бассейне Конго и Замбези, третий — в области озера Виктория. Все любят воду и днем, обычно погрузившись в нее, едят листья лотоса и других водных растений. Ночью выходят пастись на твердую землю. Но при малейшей опасности спешат к воде

Канна — самая большая антилопа: крупные самцы в холке до двух метров, а весят до тонны. Почти метровые, спирально извитые рога носят и самцы и самки

Неотрагусы — самые мелкие антилопы, а из них королевская антилопа, или неотрагус-пигмей, самая крохотная, ростом с зайца: 25—30 сантиметров в холке. Ножки у нее не толще мизинца, а копытца с ноготь. Дюймовые рожки носят только самцы. О жизни королевских антилоп

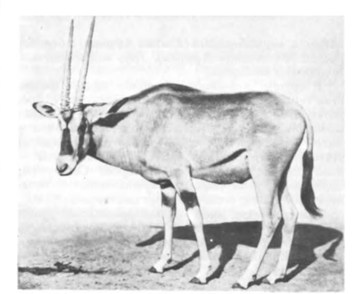

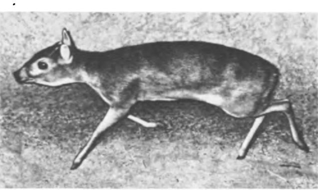
В Африке два вида гну голубой и белохвостый Последний почти истреблен Небольшие его стада находятся под охраной

Чалая антилопа, изображенная здесь, и настоящая саблерогая принадлежат к одному роду, и много у них общего в поведении Это большие антилопы высота в холке иногда до 1,65 метра Рога носят самцы и самки, длина их до полутора метров Окраска саблерогих антилоп от светло-коричневой до черной Чалая антилопа темно-серая Саблерогие антилопы пасутся небольшими стадами, а чалые живут в одиночку или парами, очень редко объединяются они в группы антилоп по шесть-семь

Бейза — один из ориксов Обитает в Восточной Африке

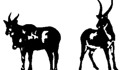
Королевская, или карликовая, антилопа — самая крохотная из антилоп рост не выше 30 сантиметров Прыжки ее великолепны — почти три метра в длину Обитают королевские антилопы в Западной Африке (Либерия, Нигерия). Второй, несколько более крупный вид — в Нигерии и Камеруне

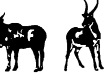
Дикдик тоже крохотная антилопа чуть выше королевской, 30—40 сантиметров Маленькие рожки носят только самцы Между рогами у них растет небольшой хохолок Окраска варьирует от желтовато-серой до красновато-коричневой Живут парами или небольшими семействами в двух оторванных друг от друга районах Африки от Сомали и Эфиопии до Танзании и Юго-Восточной Африки и Анголы

Хохлатый дукер

Дукеры — их, вероятно, семнадцать видов — встречаются по всей Африке к югу от Судана Рост разный, от 35 до 50 сантиметров У всех, кроме серого дукера, у которого самки обычно безроги, оба пола носят небольшие рожки Здесь изображен полосатый дукер

Ориби — антилопы небольшие: до 70 сантиметров у них рост в холке. Шерсть мягкая, шелковистая, окрашена в песочно-рыжий цвет Отличное на вкус мясо ориби привело к тому, что число их сильно сократилось

почти ничего не известно. Пасутся они по ночам в одиночестве или парами в густых лесах Западной Африки. Карликовая антилопа Бейра и суни — ближайшие ее родичи. Крошка дикдик и антилопа Бейра тоже из группы неотрагусов.

Дукеры, как и неотрагусы, маленькие антилопки, обитают в зарослях по берегам рек. Очень скрытны, и на открытое место их можно выгнать только силой. Кроме листьев и ягод едят также насекомых, улиток и лягушек. В Африке 16 видов дукеров, и один вид на Занзибаре. Они встречаются по всей Африке к югу от Судана. Рост в плечах у разных видов от 35 до 50 сантиметров, а вес — от пяти до 65 килограммов. У всех, кроме серого дукера, у которого самки обычно безроги, оба пола носят небольшие рожки.

Прежде в Тропической Африке, в местах с густой и высокой травой, водилось много антилоп ориби, которых систематики разделяют на три вида (другие говорят, что существует только один вид ориби). Сейчас ориби всюду редки. Живут парами, реже собираются в небольшие группы. От врагов таятся, распластавшись по земле и вытянув шею и голову с длинными ушами перед собой. И хотя антилопы не маленькие (до 70 сантиметров в холке), заметить их почти невозможно. Рога носят только самцы.

ГАЗЕЛИ

Последняя зима Великой Отечественной войны принесла дзеренам Монголии тяжелые испытания. На тихую страну, защищенную от непогоды плотными грядами гор, обрушились снегопады. Жители центральных аймаков увидели в декабре стада истощенных дзеренов, пробиравшихся сугробами на север. На пути животных встали леса, и дзерены, не задумываясь, вошли в них.

Это необычный случай. Лес и дзерен несовместимы. И вообще все газели, азиатские и африканские, не признают тесноты леса.

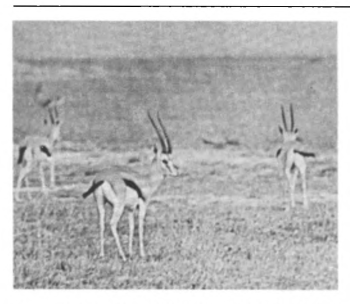
Газели Монголии в том трудном году проделали длинный путь. Их летние пастбища — на востоке страны, на зиму же они обычно передвигаются к югу, в широкие, поросшие ковылем степи. Они и на этот раз поступили так же, но в степях их встретили неожиданные снегопады, пришлось повернуть вопреки вековым традициям миграции.

Все черты газелей обличают в них обитателей открытых твердопочвенных мест. Окраска чаще всего однотонная, буроватая или желтоватая — «пустынная». Никаких поперечных или продольных полос, лишь иногда мордашки разрисованы белым узором. У многих сзади светлое «зеркало», в частности у газелей, обитающих у нас в Средней Азии, Закавказье (джейран), Забайкалье, Чуйских степях и Тувинской АССР (дзерен). У джейрана это «зеркало» только от корня черного хвоста и вниз, у дзерена — на крупе, выше корня светлого хвоста.

Копытца у газелей чрезвычайно малы. Газель на них, как на цыпочках, ходит. Бегуны на короткие дистанции отлично знают, что высокую скорость не разовьешь, если будешь бежать, отталкиваясь всей ступней. Так и газель, если уж помчалась, то касается земли кончиками копыт. А результаты такие: дзерен — 65 километров в час, джейран — 62. Причем дзерен, например, настолько вынослив, что может пробежать в таком темпе километров пятнадцать.

Такие качества немаловажны для того, чей дом — открытые пространства. Слух у газелей прекрасный: они узнают о приближении врага даже по колебаниям земли — конечно, частенько слишком поздно. Поэтому приходится бросаться с места в карьер. Отбежав метров на триста, газель останавливается и уточняет: не зря ли она испугалась? Если опасность реальна, рысит прочь, стараясь двигаться по кругу.

Местожительство большинства газелей — Африка. А между тем их родина — Азия, точнее, Передняя Азия. Но оттуда они миллион лет назад, в нижнем плейстоцене, начали двигаться на запад.

Томми — довольно обычная газель Африки. Отличает ее яркая, черная, продольная полоса на песочно-бурых боках

Такие же, как у этого томми, черные широкие полосы, ватерлинией отделяющие белое брюхо от песочных боков, есть и у более крупной южноафриканской антилопы — спрингбока

Как бы там ни было, совсем еще недавно некий Тимурленг (в XIV веке его многие знали) кормил своих солдат отменным газельим мясом; охотники убивали для этого 40 тысяч животных в год. Монгольский «рог изобилия» долго не истощался: в недавних сороковых годах потомки перещеголяли Тимура, добывая по 100 тысяч дзеренов ежегодно.

Одинокий кустик среди полыней и солянок. Казалось бы, кто тут, под этим бедным растением, может укрыться? Однако вмятинки в земле и кучки «орешков» по краям укажут, что именно здесь лежка газелей. Животное может только голову спрятать под тенью редких веток, но и этого, видимо, достаточно: оно по мере передвижения солнца перебирается вокруг куста. Здесь джейран «прохлаждается» семь—десять самых жарких часов, часто здесь же и ночует. Так же газели предохраняют себя от перегрева и солнечного удара — в тени деревьев, камней и развалин.

Взбитая копытами пыль — скачками удирают газели. Хвосты (у джейранов черные) вздыблены торчком, но не от радости негаданного свидания. Поднятый хвост — сигнал опасности. Между прочим, дзерен хвоста не поднимает (и он у него темный лишь на самом конце). Зимой и осенью джейраны сбиваются в крупные стада. Весной же под каким-нибудь кустом, видным издали, вы, возможно, увидите джейраненка.

Он лежит на голой земле и незаметен даже в нескольких шагах — такая у него окраска. Предосторожности не лишни. Потому что угрозу таит даже небо: беркуты, грифы, орлы-курганники, хищные птицы всех мастей — те, что покрупнее, рвут даже взрослых газелей. Четвероногие искатели мяса, конечно, не уступают крылатым. Правда, взрослых животных спасают быстрые ноги (догони!). Но для детенышей и лиса несет гибель.

Самое опасное время — первые дней пять. Потом газели-дети быстроноги. Два месяца кормят их мамаши молоком. А затем — самостоятельность. Двухмесячный джейраненок гуляет уже где хочет.

Гон у джейранов в ноябре — декабре. Самцы предварительно устраивают так называемые «гонные уборные». Соискатель выроет небольшую ямку, насыплет в нее «орешков» и закопает. Это означает, что тут он наметил границу своих владений и тут ожидает самок (он полигам, у него их до пяти). Но другой самец, найдя «уборную», в ярости ее разгромит, раскопает и «орешки» раскатает по пустыне. Дескать, я не согласен! Ну и, понятно, драки.

В Африке много разных газелей.

Томми (газель Томсона) отмечены яркой черной

продольной полосой на песчано-бурых боках (и на морде от глаз к носу — черные полосы). Хвост тоже черный, и, когда возбуждены, томми энергично крутят хвостами — сигнал «внимание!». Томми часто пасутся вместе с более крупными газелями Гранта и импала. В засуху уходят иногда и за сто миль, в места, где есть водопои и зеленые травы.

Такие же, как у томми, черные широкие полосы, ватерлинией отделяющие белое брюхо от песочных боков, у более крупной южноафриканской антилопы — горного скакуна. Эпитет «горный», которым наделили эту антилопу в некоторых изданиях А. Брема, — чистое недоразумение: не в горах, а в открытых степях и пустынях пасутся скакуны. Да и это последнее название тоже нехорошо: скорее не «скакун», а «прыгун», ибо «спрингбок», неудачно названный в русском переводе горным скакуном, знаменит великолепными прыжками. Обычный его прыжок в длину — семь метров, в высоту — три!

На спинах у этих антилоп кожа с белой шерстью собрана гармошкой в складки. При тревоге скакуны растягивают свои «гармошки». Они белыми гребнями вздымаются над их спинами. А чтобы сигнал был виден издалека, антилопы прыгают метра на три над землей, и саванна приходит в возбуждение. Зебры и гну, газели и буйволы прислушиваются, принюхиваются и спешат подальше от того места, где машут «белыми платками» скакуны.

ГЕРБ ГОРОДА САМАРЫ

Дракон, охранявший «золотое руно» Колхиды, был, по-видимому, страж все-таки ненадежный. Досадная утрата бдительности, в результате которой экипажу «Арго» удалось оную драгоценность похитить, впрочем, простительна, если учитывать всю его предшествующую добросовестную службу. Не дракону ли обязан Евразийский континент тем, что дикие козлы и бараны не разбежались по всему свету? Лишь очень немногие из 22—25 современных видов живут в Африке или в Америке. Большинство же — в Европе и Азии.

Впрочем, на одомашненных потомков утверждение не распространяется. С легкой руки аргонавтов 150 пород овец рассеяны ныне повсюду. Не отстали и козы. Но их движение повернулось, кажется, вспять. Вредная привычка выдергивать растения с корнем, превратившая многие ареалы козоводства в бесплодные пустыни, вынуждает людей все чаще прибегать к решительным мерам сопротивления. За дикими козами такого варварства по отношению к флоре Земли не замечено.

Итак, 22—25 видов. Этого вполне достаточно, чтобы на страницах книги образовалась порядочная толкучка. Чтобы ее не было, воспользуемся похожестью некоторых зверей друг на друга и разделим подсемейство на четыре трибы (как советуют нам современные систематики).

Триба первая: оронги и сайгаки.

Триба вторая: горалы, сернокозы, снежные козы, серны.

Триба третья: полукозлы (тары), козлы (винторогие, безоаровые, козероги, туры), нахуры, гривистые бараны, бараны.

Триба четвертая: уже известные нам овцебыки и такины.

Прямо сказать, когда смотришь на сайгачат, невольно ступаешь на путь сравнений и фантастических догадок. У них мордочки вытянуты с явным намерением превратиться в хобот. Кажется, задайся они (где-нибудь в третичном периоде) навязчивым вопросом: «А чем завтракает крокодил?», и это удобное хватающее приспособление им было бы обеспечено, как и любопытному слоненку из сказки Киплинга.

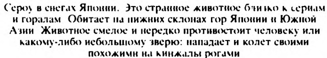
Однако ничего такого не произошло. Зато у сайгаков (только у самцов) выросли рога. (Китайские лекари добывают из рогов сайгака тонизирующие лечебные препараты.)

Раньше водился сайгак во многих местах. Считают, что ареал его простирался на всю Центральную и Западную Европу (даже в плейстоценовых слоях Темзы нашли кости сайгаков), на востоке — до Аляски. Ныне уцелел сайгак лишь в Монголии, Китае и у нас (от степей Предкавказья, низовьев Волги до полупустынь Средней Азии).

Современный запрет охоты привел к тому, что в

Сероу в снегах Японии. Это странное животное близко к серням и горалам. Обитает на нижних склонах гор Японии и Южной Азии. Животное смелое и нередко противостоит человеку или какому-либо небольшому зверю: нападает и колет своими похожими на кинжалы рогами

Гималайский тар в великолепной своей гриве. Он живет в горах Азии и не знает даже, что вокруг его имени ведутся жестокие споры среди зоологов: одни причисляют его к козлам, другие — к баранам, третьи — к полукозлам, не очень ясно представляя себе, что это значит

1958 году сайгаков в стране стало больше двух миллионов — приятная цифра! Лишь Астраханское промысловое хозяйство на правом берегу Волги без ущерба для роста стад добывает теперь по 200 тысяч голов в год.

Но вернемся к сайгачатам. По-видимому, начало истории о них следует отнести месяцев на шесть назад, то есть на тот самый срок, который понадобился их матери для вынашивания. Мы, таким образом, окажемся перед значительным в жизни сейгачьих стад событием.

Десять дней декабря. Метров на сто в диаметре утоптана степь плененным стадом самок. Их много (бывает что и пятьдесят). Самец один. Впрочем, вокруг несколько поверженных соперников.

При рождениях самцов-сайгаков столько же, сколько и самок, а после первого же гона на 80—90 процентов меньше! Рвут истощенных самцов волки, но немало, наверное, гибнет и в драках.

Гаремные стада не рассеиваются, не разъединяются, когда приходит время родов. Они не таятся, не ищут укромных местечек. «Роддом номер такой-то» расположен обычно на гладкой, открытой со всех сторон равнине, и благо для малышей, если тут найдется небольшое понижение почвы, чтобы хоть немного укрыться от неуемного весеннего ветра. От прочих опасностей защищают лишь дальние расстояния.

Пятнадцать—двадцать минут священных страданий, и мир приветствует своих новых обитателей. Сайга, еще не чувствуя себя матерью, поскорей убегает. Но она вернется: зов природы заставит ее стремглав примчаться назад и быть нежной.

Как она их находит, именно своих малышей? К ней со всех сторон тянутся одинаковые головки, но собственные дети ждут! И ведь найдет безошибочно, даже если они непоседы.

И вот время завидно стремительного роста. Пятидневными щиплют траву. Месячными к трем килограммам своего веса прибавили еще шесть и, если мужского пола, уже имеют рожки. Через шесть месяцев весят чуть ли не 30 килограммов. В семь месяцев, но большинство в двенадцать, — уже взрослые (самцы несколько позже, месяца на четыре).

Перед вами взрослый сайгак. У него рога длиной в 30 сантиметров — почти прямые, лишь изогнуты некрутой волной. Он в холке до 80 сантиметров. Рыжеват (изредка, однако, встречаются черные меланисты и белые альбиносы). Говорят, что сайгак похож на овцу на тонких ножках, но, пожалуй, это мнение слишком субъективное. Ранняя

склонность к хоботообразованию (если так можно сказать) оставила на нем неизгладимый отпечаток — он горбонос, вздутую морду венчает спереди небольшой хоботок «с широкими, трубкообразными, тесно сближенными ноздрями».

Его «следует считать животным степного ландшафта». В пустыню сайгак был загнан человеком. Таково мнение профессора Верещагина. Он считает также, что в доисторическое время, в плейстоцене и голоцене, сайгаки старались держаться поближе к лесу или по меньшей мере в зарослях и камышах, подобно некоторым африканским антилопам.

Но все в современном сайгаке выдает жителя широких просторов. Скоростные качества сайгака еще выше, чем у джейрана (70 километров в час). Зрение великолепное. За версту сайгак видит раз-

Горные области между 1000 и 4000 метров в Амурской области, Монголии, на Корейском полуострове, на большей части Китая до Северной Индии и Бирмы — родина длиннохвостого горала Второй вид обитает в Тибете, Ассаме и Бирме

Сайгак — типичный обитатель открытых степных и полупустынных пространств с твердым грунтом За последнее время у нас значительно увеличилась численность сайгаков Держатся стадами, в которых от нескольких десятков до нескольких тысяч животных

Серну можно назвать европейским горалом. Она искусный скалолаз Обитает в горах Европы и Малой Азии У нас встречается на Кавказе

ные не слишком мелкие предметы (например, крадущегося браконьера). А слух слабый. Такого рода способности (и неспособности!) хороши только в пустыне. И потому сайгак, оказавшись в местности с ограниченным обзором, старается в ней не задерживаться. И еще: стада у сайгаков, особенно зимой, велики — не для зарослей, где трудно сохранять их монолитность.

Странная горбоносость сайгака — результат особого устройства его носа: носовые кости высоко изогнуты, образуя весьма поместительную полость, в изобилии выстланную изнутри слизистыми железами. Рога сайгака, истертые в порошок, китайская медицина включает во многие лечебные смеси, и потому цена пары рогов на мировом рынке 250 долларов.

У склонов Монгольского Алтая, в Джунгарии, в низменности Зайсана мчится быстрый сайгак. Удивительная, редкая у него поступь-иноходь! Тело вытянуто струной, голова опущена, как у мотогонщика, чтобы уменьшить сопротивление встречного воздуха.

Таким жители Самары начертали его на гербе своего города.

ЖИЛ-БЫЛ...

Жил-был у старушки Земли нубийский, пиренейский, альпийский, винторогий, сибирский, кавказский и безоаровый... ну, конечно, козел!

По поводу того, что «вздумалось козлику в лес погуляти», на этих правдивых страницах утверждать не следует: все восемь видов козлов характерны для мест горных, у многих из них есть даже общий эпитет высокого научного (не литературного) значения: каменные.

Правда, обладая исключительной подвижностью, козлы регулярно спускаются вниз. Причины однообразны: неодолимые заносы снега, поиск пищи, воды, соляной голод.

«Козероги, гонимые неудержимым соляным голодом, мчались по ночам туда, куда бегали из года в год предки, — в степь, на солончаки» (Кияс Меджидов, лезгинский писатель).

Тут необходимо одно небольшое уточнение. Профессор В. Г. Гептнер считает, что астрономический «козерог» — название неверное: «Не козероги, то есть некие животные с рогами козла, но самые настоящие козлы».

Так вот, если даже и случается козлам обитать на лесистых склонах, то они, как правило, держатся вблизи крутых скальных обнажений: увереннее чувствуют себя, когда под копытами камень. У них пальцы, заключенные в твердый роговой башмак, эластичны, шероховаты и чутки в прикосновениях к твердым предметам.

Очевидно, постоянному соседству с жесткими «шрамами планеты» обязаны козлы и своей окраской: одноцветны, коричневатых и серых тонов, в тон камню.

История этих зверей проста и опять же определилась как результат их сердечной склонности к горным местам. Родиной козлов считают Азию. Оттуда весьма медленно, стараясь держаться поближе к вершинам, они двинулись на восток и на запад. Новые земли осваивали столь неторопливо, что успевали по пути эволюционировать, образуя новые виды и подвиды. Впрочем, ухитрялись даже расселиться в Англии (где их впоследствии уничтожили), а часть козерогов, то есть горных козлов ибексов, перебралась и в Африку. Так и по сей день осталось: одни живут в Евразии (в Пиренеях, Альпах, Центральной и Средней Азии, в Сибири), а другие там, на Африканском континенте, в Нубии.

Конечно, теперь, когда столько времени прошло, нарисованная картина расселения горных козлов может быть только гипотетической, но она удобна для того, чтобы провести цепь сравнений между остальными видами.

Прежде несколько слов о чертах общих.

Сходны весом (матерые самцы — 80—100 килограммов), ростом (до метра или несколько боль-

Козлы из подрода ибексов, именуемые козерогами и каменными козлами распространены очень широко: от гор Испании и Франции до Восточной Индии, Монголии и Сибири Они обитают также в Северной Африке, Аравии и на греческих островах

ше). Сложения плотного. Нос не голый, как у коровы. Самцы носят под хвостом железы, издающие запах, который называют «специфичным», но он просто-таки невыносим. (Эти железы — «по бокам анального отверстия» или «на нижней поверхности хвоста», как пишут другие специалисты Где именно — предоставим им самим разобраться.)

Безоарового козла (Крит, Турция, Кавказ, Южный Туркменистан, Иран) принято считать родоначальником домашних коз. У него рога длиной в человеческую руку, круто загнуты назад, как полозья старинных саней. Переднее ребро рога острое и усажено зубцами. Темно-бурая полоса по хребту и густая, поистине «патриаршая» борода дополняют облик зверя. Борода, кстати, принесла ему и дополнительное прозвище — «бородатый».

Но раз уж о прозвищах, то нельзя не сказать и о первом — старинном, книжном. Слово «безоар» означает нечто вроде шара из слипшихся волос, попавших в желудок копытных вместе с пищей (чем-то подобен он амбре из переработанных в кишечнике кашалота клювов кальмаров). Этот побочный продукт пищеварения копытных (в частности, у козлов) раньше считали чуть ли не волшебным, столько за ним числилось разных лечебных свойств. И от бесплодия он помогал, и от болезней желудка. На Руси, говорит профессор В Гептнер, его называли «безуй-камнем». Мнительный Никон жаловался царю Алексею Михайловичу, когда его, кажется, пытались отравить. «Едва безуем отлизался»

А Гекльберри Финн вот что рассказывает о «безуе»:

«У Джима, негра мисс Уотсон, был большой волосяной шар величиной с кулак, он его вынул из бычьего сычуга и теперь гадал на нем Джим говорил, что в шаре будто бы сидит дух и этот дух все знает. Вот я и пошел вечером к Джиму и рассказал ему, что отец опять здесь, я видел его следы на снегу. Мне надо было знать, чтó он собирается делать и останется здесь или нет. Джим достал шар, что-то пошептал над ним, а потом подбросил и уронил на пол. Шар упал, как камень, и откатился не дальше чем на дюйм. Джим попробовал еще раз и еще раз, получалось все то же самое. Джим встал на колени, приложил ухо к шару и прислушался. Но толку все равно никакого

У винторогого козла мархура рога — гигантские штопоры, как раз по руке Гаргантюа: длиной до метра с четвертью

Снежный козел Скалистых гор — единственный дикий козел Америки Но это не настоящий козел в его анатомии много черт, сближающих его с антилопами Новорожденные снежные козлята через десять минут уже встают на не окрепшие еще ножки, через двадцать — сосут, через полчаса резво прыгают по скалам

не было. Джим сказал, что шар не хочет говорить. Бывает иногда, что шар без денег нипочем не станет говорить».

Если следовать принятой нами примитивной схеме распространения козлов, то получится, что от какого-то древнего бородача к востоку отделился сибирский горный козел ибекс (самый крупный, но в той стороне и прочие звери всегда вырастали лучше), а к западу — альпийский и нубийский козлы (тоже из подрода ибексов). Рога у них, так же как и у безоарового козла, сильно загнуты назад, однако вместо острых зубьев округлые поперечные выступы, отчего сравнивать такой рог можно, по-видимому, с вальком, которым в старые времена баба белье катала у речки.

Винторогий козел, как полагают, никуда от своего «посаженого» (палеонтологами) предка не двигался. Он, может, и сам «предок»: очень у него стариковская внешность — бородища и, главное, большая грива снизу по шее, на груди и плечах. Рога — штопоры больше метра, как раз по руке Гаргантюа. Правда, одно из названий козла — «мархур» — трактует такую витиеватость рогов весьма романтично: «мар» в Кашмире — «змея» А по-персидски «маркхор» — «поедающий змей». Но никто еще не доказал, что этот козел, хоть изредка, ест змей.

Мархуры живут на севере Индии, в Афганистане, в горах Средней Азии (но не на Памире!) Немного их.

Снежный козел Скалистых гор — единственный дикий козел Америки. Но это не настоящий козел· в его анатомии много черт, сближающих его с антилопами. Новорожденные снежные козлята через десять минут уже встают на ножки, через двадцать — сосут, через полчаса резво прыгают по скалам

И наконец, туры. Они (дагестанский и кубанский виды или подвиды быку-туру лишь тезки) водятся только на территории Советского Союза, ареал их узок (лишь Главный Кавказский хребет с отрогами) Туры внешне немного похожи на баранов, рога раскинуты в стороны, издали смотреть — как будто два лепестка геральдической лилии на голове зверя. По производству молока турица на первом месте среди диких коз почти литр в день. Туренка на следующий день после рождения не поймать и спринтеру

В меню туров 130 видов растений (у сибирского козла только 80). Они пасутся и в нагорьях и в низинах. Причем с гор спускаются иногда весьма забавно: садятся на зад и катятся, как сорванцы. Кроме того, копытят корм из-под снега — умение редкое среди козлов.

В 1917 году в Крыму после четырехлетней неволи в загоне небольшое стадо муфлонов, эмигрантов с Корсики (у трех была примесь крови домашней овцы), получило свободу. Конечно, не манна небесная ожидала баранов, а ответственная борьба за существование. Звери, однако, смело углубились в горы, чтобы через 23 года обратиться в солидную отару (500 голов) почти чистокровных муфлонов.

Но это произошло потом. А вначале их изредка встречали на горных тропах и на яйлах (высокогорных лугах). Они держались вместе, вожаком была самка... дагестанского тура.

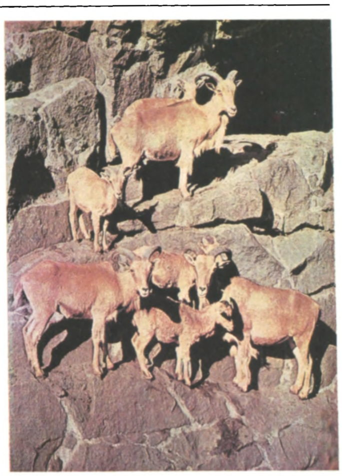
Заметьте, тура — значит, козла, а не барана!

Перед лицом столь многообещающего факта можно по меньшей мере предположить, что жизнь и повадки козлов и баранов весьма схожи. Нахур (он же куку-яман), давнишний обитатель Центральной Азии, столь равно похож на тура и барана что подтверждает былую родовую связь обоих.

Муфлон — родоначальник домашних овец и баранов

Гривастый баран, чудом попавший в Северную Африку. Здесь живет он в горных районах — от западного побережья Атлантики до Красного моря, на юг до Судана и верховьев Нигера

Семь видов диких баранов разделяют систематики на четыре группы, или подрода: настоящие бараны (архары, муфлоны), снежные бараны (они же толстороги и чубуки), гривистый баран (похож немного на тура, живет в горах Северной Африки) и упомянутый уже нахур, или голубой баран.

Чубуки водятся в Северной Америке и Северо-Восточной Азии. Муфлоны (два вида — европейский и азиатский) — в Центральной, Средней и Передней Азии, а также в Закавказье и на островах Средиземноморья. Муфлоны, кроме того, акклиматизированы во многих странах Европы, а у нас — в Крыму и Аскании-Нова.

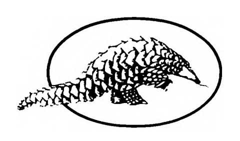
Архары — горы Центральной и Средней Азии, а также Алтая и Тувы.

В последнее время некоторые зоологи предлагают муфлонов и архаров объединить в один вид с множеством подвидов. Разногласия в классификации происходят вовсе не из-за каких-то важных различий между баранами. Нет, их удивительное, беспримерное разнообразие лишь в области весовых категорий. Например, самый маленький из этих баранов может весить 40 килограммов, а самый крупный — 200. Рога тоже не одинаковые: от 67 до 190 сантиметров. Это разница лишь в длине, а по объему рог одного больше, чем рог другого, в 12 раз!

Бараны — звери горные. Они любят сглаженные мореной долины, гладкие травянистые плато, округленные слоем почвы и растительностью сопки — в общем места такие, чтобы было где пробежаться на хорошей скорости, чтобы далеко было видно. Чубуки привычны и к скалам и к осыпям Питание себе они часто находят там, куда не всякий альпинист полезет. Муфлоны — соседи людей Чубуки — обитатели краев, долгое время не обживаемых. Оттого, видимо, чубукам не довелось принять участие в гигантской селекционной работе, которую вели скотоводы на протяжении тысячелетий.

Чубук — копытный зверь, для которого Полярный круг не магический круг. Чубук во многих отношениях очень «экономичен». Обходится сорока видами растений, причем лишайники, ветки карликовых березок, разные мхи отлично его кормят. Живет на горно-тундровых пастбищах, но хорошо себя чувствует и на уровне моря. С непогодой справляется. Американские ученые скрещивали снежных баранов с домашними овцами. Результаты благоприятны.

ЗВЕРИ В ЧЕШУЙЧАТОЙ БРОНЕ

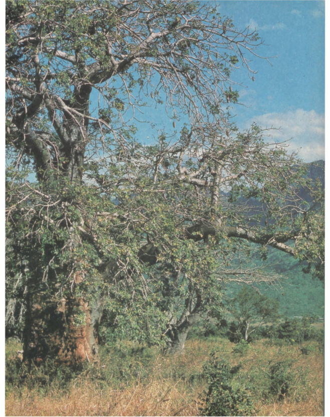

В отряде панголинов, или ящеров, — одно семейство и один род очень странных на вид животных: они одеты роговой чешуей. Только конец и бока морды, горло, брюхо, внутренняя поверхность конечностей не покрыты чешуями. Прежде панголинов объединяли в один отряд с неполнозубыми. Теперь полагают, что некоторое подобие панголинов и неполнозубых чисто внешнее, конвергентное, возникло под влиянием сходного образа жизни и питания.

Во рту у панголинов совсем нет зубов, но есть роговые зазубренные пластины в желудке (в пилорической части у выхода в кишечник), которые перетирают муравьев и термитов. Поскольку панголины челюстями не жуют, нет у них на черепе и костяных гребней, на которых крепятся жевательные мышцы. Мечевидный отросток грудины очень длинный и у некоторых панголинов вытянут далеко назад (в стенке брюшной полости) вплоть до уровня почек. На нем крепятся мышцы, выбрасывающие язык и втягивающие его обратно в рот: в особое влагалище, задний конец которого заходит в грудную полость. Язык шнуровидный, липкий, длинный, у крупных панголинов до 40 сантиметров. Большие слюнные железы (они разрослись вплоть до плечевой области) обильно смачивают его клейким секретом, к которому прилипают насекомые.

Ушных раковин у африканских панголинов нет совсем, у азиатских — лишь небольшой кожный валик вокруг наружного ушного отверстия, который у китайского панголина образует некоторое подобие ушной раковины.

Сорок — пятьдесят миллионов лет назад панголины водились и в Европе (их кости найдены в Южной Германии и Испании). Один вымерший панголин был до двух с половиной метров в длину. Возможно, панголины развились, эволюционируя, из общей с неполнозубыми ветви животного царства, а возможно, произошли независимо и прямо от древних насекомоядных зверей

КГВАРА

Речка была неширокая, но на перекатах пенилась и бурлила. Первым вошел в воду лев, за ним львица. Вздернув брезгливо хвосты, они сначала шли по дну, борясь с силой течения, потом поплыли.

Лекуле стоял за кустом, шагах в десяти от них, и, когда они поплыли, вошел в воду и он. И как только почувствовал ее холод у пояса, поплыл, подняв над головой палку с узелком. Так и плыли: лев, львица и Лекуле — метрах в двадцати за ними.

Раз львы вошли в воду, значит, нет поблизости крокодилов, потому и Лекуле отважился здесь на переправу. Львов он не боялся: он не дитя и знает, что одной чешуи кгвары, которая на тонком шнурке висит у него на шее, достаточно, чтобы их не опасаться.

Шип кгвары дала ему мать, когда уходил он на юго-запад, в Йоханнесбург. Но лучше о тех днях не думать... Черный костюм белого человека, купленный у миссионера за пять коз, не помог. А шип кгвары спасает, похоже, только от львов. Овчарок и полицейских его магическая сила не пугала...

Домой, домой возвращался он. Шел и степью, и перелесками, что росли у высохших и наполненных мутными потоками русл рек, плутал в камышах, когда обходил болота. Прошел двести миль по саванне, с узелком на палке, в котором лежал непригодившийся костюм. До деревни в стране Лобеду осталось немного

Выбравшись на берег, он запел. Львы оглянулись и ушли своей дорогой, а Лекуле пошел своей.

Шел и пел, радуясь. А солнце обжигало голую спину, и зимородки искрились над рекой. И буйволы паслись большим черным табуном — за редкими деревьями саванны. А там, где лес был погуще, с треском ломали сучья слоны. Он видел только хоботы, сокрушавшие ветвистую опору листвы, и огромные уши, чутко подвижные.

Он оглянулся, когда услышал, что слоны гневаются. Раскинув уши и хоботом ловя ненавистный дух человеческий, один уже бежал к нему. Тогда и Лекуле побежал. Бежал и смеялся, хотя дразнить слона не хотел. Просто смешно, что старый тембо думает здесь поймать Лекуле. Он перебегал от дерева к дереву, и, когда прятался за них, слон крутился на месте и зло кричал нелепо жалким для такого воплощенного в костях и мясе могущества голосом.

Слон ушел к слонам, а Лекуле снова запел.

И вдруг замер с занесенной для шага ногой...

Тот, кого он увидел там, куда хотел наступить, тот напугал и опечалил его больше слонов и львов, больше черной мамбы, которая вчера чешуйчатой молнией проскочила через тропу у самых его ног.

И зачем судьба свела их пути! О, Муджаджи, королева дождя, тяжела твоя ноша!

Лекуле стоял и думал: нелегок будет его груз в узелке. Он вздохнул безрадостно, снял с палки и развернул свой черный костюм, закатал в пиджак свернувшегося у его ног зверя, связал поверх брюками, вскинул на плечо негаданную ношу и зашагал дальше, уже без песни, сетуя на свою судьбу.

— О, кгвара, тяжелый ты. Почему не сидел в своей норе? О, бвана-мганга, я спешу домой! Встречу ли любопытного?

До деревни — день пути, но если не встретит Лекуле никого из своего народа и если никто не спросит его, что несет он в узле, то еще три дня идти ему с кгварой на плече до крааля главного вождя...

И путь показался дальним, и петь Лекуле уже не хотел.

Ночь проспал он на баобабе, а утром вчерашние тревоги рассеялись. Не знал он в своем народе нелюбопытных, а встретить земляка совсем не трудно. Так решил Лекуле и с легким сердцем и нелегкой ношей отправился в путь.

Когда подходил к холму, за которым была его деревня, повстречался ему человек. Они приветствовали друг друга, как у них принято. Они поговорили о том, о чем говорят при встрече. А потом, конечно, незнакомец спросил Лекуле, что несет он в узле. Лекуле, улыбаясь (потому что очень хотел домой), ответил: «Кгвара!» И развязал узел.

— Но мне не во что его завернуть, — сказал незнакомец, досадуя на свое любопытство.

— Возьми это, — сказал Лекуле и отдал пиджак (штаны были нужнее).

Разошлись они: Лекуле без груза домой, а незнакомец — в дальний путь с кгварой в узле и надеждой в сердце, что, быть может, скоро встретит и он любопытного, которых в их стране немало, и тот спросит, что он несет, и отдаст тогда ему кгвару. Без обиды разошлись — таков обычай на севере Трансвааля, в стране Лобеду.

БЕЗЗУБЫЕ И НЕМЫЕ

Кгвара, кхаха, инкаке, ксикхвару, гверексете, кака, нголоу, голоманга, накка, абу-кхирфа, бванамганга, праде, кокороко, олобе, йекпо, зоне, зе, гоули, салусами, сал-салу, байра-кит, бан-роху, силлу, алунгу, калунду, кашунду, кабал-лайя — много разных имен у панголинов.

Абу-кхирфа — значит «коровий отец», а бванамганга — «господин доктор». Верят в Африке — если сжечь живьем панголина в загоне для скота, то скоту будет обеспечено и здоровье, и долголетие, и плодовитость. Чешуя панголина — талисман, надежно страхующий от львиных когтей и зубов. Кольцо из нее — лучшее средство от дурного глаза. Чешуя, истолченная в порошок, спасает будто от сильного кровотечения, особенно из носа. Потому цена одной чешуи кгвары на рынках Йоханнесбурга — два с половиной шиллинга.

Чешуя, когти, шкура, волосы — все ценится в местной медицине и чародействе. И даже в военном деле: из панцирей панголинов шили в Индонезии, а местами и поныне шьют чешуйчатые доспехи. Стрелы, говорят, их не пробивают.

И нелепая вера в магическую силу панголина, и необычная утилизация его брони несут гибель редкостным зверям : еще недавно их тысячами убивали на одних лишь Зондских островах. В 1925 году вывезли оттуда около пяти тонн драгоценной чешуи, перебив не менее десяти тысяч панголинов. А сколько роговых панцирей пошло на местные нужды!

И все-таки живы панголины! Точно выходцы из давно минувшей эры динозавров, лазают по деревьям, цепляясь длинным чешуйчатым хвостом за ветки. Только два панголина, оба африканские, — степной (кгвара) и гигантский (кокороко) — живут на земле (первый лазает и по деревьям). А всего панголинов семь видов: четыре африканских и три южноазиатских.

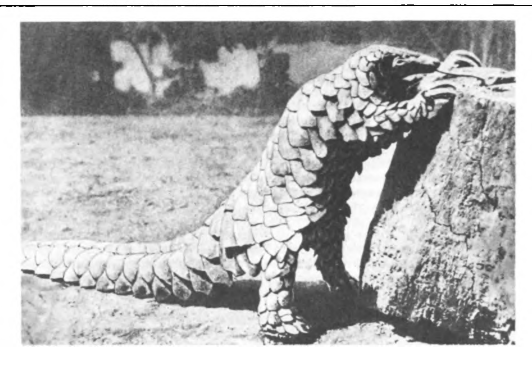
Африканские дарят миру обычно лишь одного потомка в год, азиатские — одного — трех. У древесных панголинов снизу на конце хвоста голая (без чешуи) осязательная «подушечка», у наземных конец хвоста сверху и снизу сплошь порос чешуями. Длиннохвостый панголин своего рода рекордсмен в мире зверей, у него в хвосте 46—47 позвонков. Первый тяжеловес среди панголинов — кокороко, или гигантский ящер: до 27 килограммов, а длина его вместе с хвостом до 180 сантиметров. Другие — от 70 сантиметров (белобрюхий) до полутора метров (малайский панголин).

Длиннохвостый панголин кормится днем, спит ночью, все прочие — наоборот (малайский тоже иногда бродит днем). Степной, гигантский и индийский панголины спят в норах, которые нередко уходят на три метра в глубь земли и там расширяются, образуя камеры до двух метров в окружности. Спальни других панголинов — дупла деревьев.

Из четырех видов африканских панголинов три (длиннохвостый, белобрюхий и гигантский) живут в тропических лесах Западной Африки — от Сенегала или Сьерра-Леоне до Северной Анголы и восточных границ Заира. А степной панголин — в саваннах Восточной и Южной Африки. Индийский панголин — в Индии и на Шри-Ланке, китайский, или ушастый, — в Южном Китае, Непале и на Тайване, а малайский — в Индокитае, Индонезии (на Сулавеси его нет) и на Филиппинских островах.

Одно из названий зверя — панголин — происходит от малайского слова «пенголин», что означает способность сворачиваться в шар. Панголины умеют так прочно свернуться, прикрыв лапами и головой небронированное брюхо, что некрупный хищник не в силах их развернуть. Даже человек с трудом справляется с этой задачей. Но удачное ее выполнение приносит одни неприятности: как только панголин поймет, что его развернули, он сейчас же обильно и метко прыскает своей едкой мочой.

«Еще неясно, каким образом смешивается при этом моча с выделениями анальных желез» (У. Рам).

Большой африканский панголин исследует в поисках съестного старый пень

Броня похожа на чешуйчатый доспех: ее пластины лежат одна на другой, как чешуйки на еловой шишке. Раньше думали, что это «слипшиеся» волосы. Но, внимательно исследовав чешуи панголинов, убедились, что они скорее напоминают ноготь, чем колтун из слипшихся волос. Если панголин потеряет хоть одну из них, на ее месте скоро вырастет новая

«Происхождение этого образования от чешуи рептилий еще не доказано. Подобные чешуи есть у многих животных на хвостах (опоссумы), а вперемежку с волосами — у большинства мышей, у муравьедов» (Инго Крумбигель).

Обремененные панцирем панголины тем не менее ловко лазают по деревьям, хватаясь за ветки и стволы острыми когтями и цепкими хвостами (цепкие хвосты еще у таких зверей: бинтуронг, кинкажу, средний и малый муравьеды, некоторые сумчатые, американские обезьяны и немногие грызуны — древесные дикобразы и мыши-малютки). А лазают панголины (по вертикальным стволам) на манер гусениц: сначала хватаются за дерево передними лапами, потом, изогнув тело дугой вверх, подтягивают под себя задние ноги. Хвост при этом упирается в кору острыми концами чешуй, как стальными «кошками», которые электромонтеры привязывают к ногам, залезая на телеграфные столбы. Особенно ловко получается — вверх-вниз по стволу и с ветки на ветку карабкаться — у белобрюхих и длиннохвостого панголинов.

По земле бегают не резво, но быстрее черепахи Белобрюхий в секунду одолевает лишь метр, это значит, что часовая его скорость — 3,6 километра Степной панголин (зверь наземный, не древесный) за то же время обгонит белобрюхого лишь на километр. Мешают ходить длинные когти на передних лапах, на задних они короткие. Поэтому панголины, согнув пальцы передних лап, поджимают когти и ковыляют по земле, опираясь на верхнюю поверхность ступней. Нередко они ходят, подобно кенгуру (конечно, не так быстро), лишь на задних ногах, балансируя в воздухе длинным хвостом.

Но вот в деле, которым панголины занимаются по ночам, эти когти незаменимы. Крушат прочные термитники и муравейники и в каждую дырочку, пробитую саблевидными когтями, суют панголины узкую морду. А дальше все закоулки вылизывают липким и длинным языком. Как только муравьи или термиты облепят язык, панголин тут же втянет его в рот и тянется за новой порцией. Муравьи и термиты атакуют, конечно, не только язык панголина, лезут в морду, в глаза, уши и под чешуи Но глаза зверь прикрывает толстыми веками, уши и ноздри смыкают особые мускулистые складки, а с

чешуи панголин сбрасывает муравьев, резко ею потрясая. Для обороны от коллективных насекомых предусмотрено все. Поэтому панголины отваживаются нападать даже на страшных бродячих муравьев из племени эцитонов, от которых бежит все живое и которые однажды съели живьем леопарда.

Кроме муравьев, термитов, их яиц и личинок некоторых других насекомых, панголины ничего не едят. Потому их так трудно содержать в зоопарках. Рассказывают, что иногда панголины залезают в гнезда к муравьям, чтобы почиститься. Усядется зверь среди кучи взбешенных насекомых и растопырит свои чешуи. Муравьи набьются под них, кусают, а он терпит. Посидит так немного, потом, прижав чешуи, давит муравьев. Такие же «муравьиные ванны» принимают и многие птицы. Муравьиная кислота, по-видимому, помогает птицам и панголинам избавиться от паразитов. Эту старинную дезинсекцию называют энтингом.

Любят панголины купаться под дождем и душем (в зоопарках) и пьют немало: лакают воду языком, вернее, даже не лакают, а просто, смочив язык, обсасывают его. Но проделывают это очень быстро, так что мелькающие туда-сюда, в рот и в воду, движения языка похожи на лаканис.

«Адамс нашел маленькую лужицу воды в углублении норы панголина, из чего заключил, что панголин преднамеренно заготовил этот разервуар, чтобы, когда опасно или плохая погода, не выходить «за дверь» своего дома, а пить в норе. Однако он не сказал, как была обработана почва резервуара, чтобы удержалась в нем вода, и каким образом наполнен он был водой. Возможно, необходимо иное объяснение происхождения лужицы в норе. Впрочем, панголин не единственный из зверей, кто, возможно, преднамеренно запасает воду в норе. Так, в каждой системе подземных ходов водяной крысы есть более или менее отвесно уходящие вниз «шахты», которые, например, в болотистых низинах у берегов Эльбы доходят до подпочвенных вод и там кончаются. В этих «колодцах» водяная крыса всегда может найти хотя бы капли воды. Также известно, что и крот роет собирающие воду отнорки» (Эрна Мор).

Живут панголины в одиночестве, реже парами. Обычно самки и самцы встречаются и поселяются в одной норе только в дни размножения. Детеныши появляются поздней осенью и зимой, с броней еще мягкой, но через несколько дней она твердеет. Забираются к матери на хвост и, крепко вцепившись, разъезжают по земле и по деревьям. У индийского и наземных панголинов основание хвоста — «седло», на котором у других видов сидят детеныши-наездники, — слишком широко, и малышу трудно его обхватить. По-видимому, самки этих панголинов (а иногда с ними и самцы), пока дети не подрастут, прячутся в норах, свернувшись и прижав малыша к груди, по бокам которой, под мышками, у панголинихи два соска.

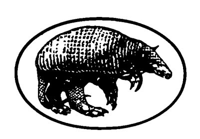
Странно, что у всех панголинов новорожденные детеныши ростом почти одинаковы (20—30 сантиметров) и весят чуть больше полфунта.

Панголины — животные немые. Все звуки, которые они издают, — сопение и треск трущихся друг о друга чешуй.

Психические способности панголинов невелики, так как мозг примитивен и мал: лишь 0,3 процента от веса животного. Впрочем, этот показатель относителен: у слона, например, относительный вес мозга еще меньше, а слон умен. Морской лев тоже не глуп, а мозга в его теле немногим больше, чем у панголина.

Дело здесь, значит, не столько в количестве, сколько в качестве мозга, в новейших его структурах: больших полушариях, их коре и извилинах. Всего этого панголинам не хватает.

НЕПОЛНОЗУБЫЕ

В отряде неполнозубых — три семейства (броненосцы, ленивцы и муравьеды), 14 родов и 21 вид древних зверей, родина которых — Центральная и Южная Америка. «Неполнозубые» — название неточное, и сохранили его по традиции: так в XVIII веке назвал Жорж Кювье группу животных, в которую включил кроме некоторых современных и вымерших неполнозубых также утконосов, ехидн, панголинов и трубкозубов. Среди ныне живущих неполнозубых только у муравьедов нет зубов. У ленивцев их от 17 до 30, а у некоторых броненосцев (у гигантского) больше, чем у любого сухопутного зверя: до ста! Однако зубы примитивны и однообразны, без корней, эмали и растут всю жизнь. Резцов нет, а зубы, похожие на клыки, только у двупалых ленивцев.

Когти на передних лапах очень массивные, длинные. Шейных позвонков у ленивцев не семь, как обычно у млекопитающих, а от шести до девяти. У грудных и поясничных позвонков дополнительные сочленения. Мозг невелик и примитивен, особенно большие полушария, на которых мало извилин. Обоняние хорошее у всех, но зрение и слух у муравьедов не первого сорта.

У муравьеда и ленивцев обычно лишь по одному детенышу, но самки «мягких» броненосцев рожают до двенадцати однояйцевых близнецов. Эта редкая способность — находка для генетиков и психологов, которые, наблюдая в разных условиях за идентичными близнецами-броненосцами, пытаются понять, насколько врожденные свойства определяют поведение и характер живого существа.

Температура тела неполнозубых понижена, когда холодно, и повышается в тепле: у ленивцев — на 11 градусов (от 24 до 33), у трехпоясных броненосцев — на 13 градусов.

ХРОНИКА НЕВЕРОЯТНЫХ СОБЫТИЙ

Год 1789-й. Около Буэнос-Айреса в прибрежных отложениях реки Луяны нашли кости огромного зверя ростом со слона. Маркиз Лорето, вице-король колонии, с первыми же кораблями, которые отплывали в Испанию, послал их королю Карлосу IV.

Год 1796-й. Хосе Гаррига сделал описание скелета загадочного гиганта, изучив его кости в королевском музее в Мадриде. Ученый мир был потрясен. Французский дипломат Меанвиль попросил у испанского ученого для Парижского музея пять гравюр с изображением скелета. Молодой Жорж Кювье по этим рисункам установил, что на берегах Луяны найдены кости гигантского ленивца, которого он назвал мегатерием.

Жил мегатерий не на деревьях, а на земле. Ходил на задних ногах, изредка лишь опираясь передними. Вытянувшись во весь рост, поднимал голову на пять метров. Ел листья. Объев те, до которых мог дотянуться, подкапывал корни дерева когтями, раскачивал, валил на землю и поедал зелень, оставшуюся на вершине.

Великий Гёте написал о невероятном монстре великолепное эссе, «в котором некоторые исследователи хотят видеть зачатки эволюционной теории». А король Испании Карлос IV немедленно приказал чиновникам своих трансатлантических колоний привезти ему мегатерия живым или мертвым. Над сумасбродной прихотью короля натуралисты немало потешались: в научном мире единодушно решили, что мегатерии вымерли миллионы лет назад. Однако дальнейшие события показали, что Карлос IV был ближе к истине, чем Жорж Кювье и его коллеги.

Год 1881-й. Странная палеонтологическая находка в Фонтесуэлас: почти полный человеческий скелет... под щитом от панциря глиптодона — гигантского броненосца, который прятался в своем четырехметровом панцире, как в переносном блиндаже. Позднее нашли еще несколько подобных панцирей, а под ними остатки древних очагов и скелетов. По-видимому, предкам индейцев щиты глиптодонов служили укрытием от непогоды или надгробиями. Один обугленный скелет глиптодона откопали в глубокой яме. Все четыре ноги зажаренного, по-видимому, живьем зверя были не тронуты, но средняя часть почти целиком съедена. Очевидно, поймав «живой танк» в замаскированную ловушку, индейцы не смогли его вытащить и развели в яме костер, чтобы вволю попировать, когда он потухнет, а зверь изжарится.

Год 1898-й. Профессору музея в Буэнос-Айресе Флорентино Амехино привезли из Южной Патагонии горсть костяных бляшек величиной с боб. Их вырезали из куска кожи толщиной около двух сантиметров. Кожа была покрыта этими бляшками, как мостовая булыжником, и редкими рыжесерыми волосами. Гигантские ленивцы, в том числе и мегатерий, носили на своей шкуре подобную броню. Амехино решил, что горсть косточек, доставленная ему, снята со шкуры милодона, родича мегатерия, который ростом был, однако, не со слона, а с быка.

В том же году Амехино написал заметку о «живом представителе древних ископаемых неполнозубых Аргентины».

Год 1899-й. Шведский ученый Эйнар Леннберг опубликовал исследование сенсационных находок в пещере Эберхарта. Капитан в отставке Эберхарт вблизи своей фермы на крайнем юге Патагонии, на берегу фиорда Последняя Надежда, нашел огромный, величиной с кафедральный собор, грот. В глубине пещеры лежал человеческий скелет, обработанные каменные орудия и какая-то странная, свернутая в трубку шкура. Эберхарт принес ее на ферму и повесил во дворе. Тут шкуру увидел знаменитый шведский путешественник Отто Норденшельд. Его поразила необыкновенная прочность шкуры, в которую сверху вросли костяные бляшки. Разрезать ее ножом было невозможно, только топором или острой пилой с трудом удалось оторвать от нее куски. Отто Норденшельд исследовал загадочную пещеру и нашел в ней огромный роговой коготь.

На Огненную Землю устремились экспедиции. Первыми приехали шведы во главе с Эрландом Норденшельдом, кузеном Отто Норденшельда. На месте, где Эберхарт нашел свернутую трубкой бронированную шкуру, раскопали много костей, мелкорубленое сено и помет какого-то большого животного.

Год 1899-й. Аргентинская экспедиция под руководством геолога Рудольфа Хаутхала установи-

ла, что в пещере Эберхарта за двумя сложенными из камней стенами жили гигантские ленивцы. В первой стене был узенький проход, через который едва удалось протиснуться в большой подземный зал. Метров через пятьдесят пещеру перегораживала вторая, очень толстая, как крепостной вал, стена. В ней проходов не было. Когда ученые через нее перелезли, то нашли в центре нового зала небольшой холмик, несомненно «кухонные» отбросы. Под толстым слоем пыли и камней — разбитые раковины моллюсков, обгорелые кости гуанако и оленей. Все это было перемешано с нарубленным сеном и навозом очень крупного травоядного животного. Рядом лежали черепа милодонов, проломленные ударами больших камней.

Единственное логичное заключение, к которому пришли исследователи, сопоставив все факты, таково: обитавшим в пещере людям задняя часть грота служила хлевом для домашних животных, остальная часть пещеры — жильем.

Первые поселенцы Патагонии ловили гигантских ленивцев еще детенышами и за толстой стеной в пещере растили и кормили рубленым сеном. Возможно, в подземелье, как в крааль, загоняли взрослых милодонов.

Когда все это было? Полагают, от семи до двенадцати тысяч лет назад, уже после того, как в Европе и Сибири вымерли все мамонты.

«ПРОВОРНЫЙ ПРОСТАК»

Говорят, что Жорж Кювье так хорошо изучил соотношение органов животных, что по одной лишь кости, по одному зубу мог сказать, как вымерший зверь выглядел, где жил, чем питался и какой у него был нрав — хищный или миролюбивый.

Станем и мы на время зоологическими детективами и попробуем определить повадки и образ жизни зверя, о котором известно гораздо больше, чем знал Кювье.

Итак, требуется доказать, где живет, как живет, что ест и кто «он», если дано:

1) зубы без эмали. Резцов нет. Цвет зубов темно-коричневый, почти черный;

2) губы твердые, ороговевшие;

3) желудок большой, многокамерный, с мускулистыми «жующими» отделами, выстлан изнутри твердой тканью;

4) на задних лапах три, на передних два или три длинных (до 7,5 сантиметра), изогнутых крюками когтя;

5) шерсть жесткая, серо-бурая с зеленоватым оттенком (от множества микроскопических водорослей, поселившихся среди волос). Много здесь и других поселенцев: жуки, клещи, яйца и личинки трех видов бабочек огнёвок, которые, по-видимому, питаются микроскопической зеленью, живущей в волосах;

6) ворс шерсти направлен не сверху вниз (от спины к брюху), как у всех «нормальных» зверей, а снизу вверх, так что «макушка», из которой, как из эпицентра, расходятся волосы, и волосяной «пробор» располагаются не на хребте, а на брюхе;

7) положение печени тоже необычное: сдвинута к спине, лежит между хребтом и желудком и нигде не касается стенок живота;

8) на мышцах конечностей — «чудесная сеть». густое переплетение мелких кровеносных сосудов;

9) ушки крохотные, морда...

Впрочем, достаточно и того, что мы уже знаем.

Начнем экспертизу с зубов. Нет эмали на зубах у китов, неполнозубых, трубкозубов. Здесь мы, кажется, можем сделать некоторый выбор. Так как зверь наш явно сухопутный, то, отбросив китов и исходя из «уравнения с двумя неизвестными» — нет эмали, нет резцов, — выбираем неполнозубых и трубкозубов, у которых обе эти недостачи, так сказать, в наличии.

Зубы почти черные... Темные зубы у грызунов и землероек-бурозубок (у этих лишь концы зубов), но, увы, причина здесь в темном цвете эмали, а у нашего «неизвестного» эмали нет совсем.

Однако у толстотелых обезьян из рода коло-

бус зубы чернеют от чрезмерного потребления всякого рода древесной листвы.

Может быть, и наш зверь стал чернозубым по той же причине. Запомнив это, перейдем ко второму пункту (твердые, ороговевшие губы), который, по-видимому, подтверждает наш предварительный вывод — «он» ест много листвы. Потому губы и ороговели, чтобы срывать ее, раз нет резцов.

Пункт третий вполне с этим согласуется: желудок, совершенно очевидно, приспособлен для переваривания и перетирания «силоса».

Пункт четвертый: когти — ну прямо крюки, на которых подвешивают туши в мясных лавках. Висеть на них можно отлично, но вот ходить с такими роговыми «кошками» на лапах едва ли возможно.

К самым странным заключениям приводит, однако, исследование шерсти: ворс направлен снизу вверх. У других зверей — в обратном направлении: от спины к брюху, за немногими исключениями, например на предплечьях обезьян. Такое положение ворса лучше защищает от ливней: вода, стекая по естественному уклону волос сверху вниз, под шерсть особенно не проникает.

Вывод может быть только один: большую часть жизни «он» проводит... вверх ногами! Но ни ходить, ни ползать ногами вверх практически невозможно.

Если... если только не передвигать их по какой-нибудь опоре вверху, за которую цепляются когти-крюки... Например, за древесный сук?

На ветках растут листья. Вспомним, что зубы, губы, желудок доказывают: «он» их ест. Зеленый оттенок шерсти — маскировка в зелени. Водоросли, жуки, клещи и бабочки, с комфортом поселившиеся на живом звере! «Он», значит, малоподвижен, ветрам и палящему зною недоступен, исключительный домосед. А дом его — в тени листвы и в климате теплом и сыром: иначе все водоросли засохли и погибли бы.

Пункт седьмой с этими выводами согласуется отлично: оттого и печень сдвинута к спине под желудок, чтобы своей тяжестью (орган весьма массивен) не давить на него, на сердце и легкие, когда зверь висит спиной вниз. Тогда и печень — внизу, под всеми органами, и те, освободившись от лишней нагрузки, функционируют без помех.

Но почти найденному уже решению противоречат, казалось бы, два последних пункта: 8) селезенка по структуре похожа на селезенки быстроходных и неутомимых в беге животных и 9) «чудесная сеть» переплетенных артерий, которая снабжает мышцы конечностей дополнительными дозами кислорода в минуты напряженной работы.

Кровеносные сосуды у нас и у зверей всюду замкнуты, один переходит в другой, нигде не обрываясь. Но вот селезенка, большой гладкий «боб» в левом подреберье, подчиняется закону замкнутого кровообращения лишь наполовину. Строгая замкнутость капиллярной сети в селезенке тоже есть, но местами она нарушается, и кровь свободно изливается в ткань органа. Селезенка впитывает ее, как губка, и приберегает для нужного момента. Такой момент может наступить во время физического напряжения. Тогда селезенка быстро сокращается (кто не чувствовал внезапную боль в левом боку, когда быстро бежишь?) и выбрасывает в кровоток дополнительную порцию крови. «Боб» при этом как бы производит переливание крови собственными силами. И чем большие резервы крови хранит селезенка, тем лучшую службу может сослужить она быстроходному зверю, когда потребуется ему «второе дыхание».

Вполне понятно, что для лошади, скажем, или собаки такая «оперативная» селезенка весьма необходима, а малоподвижному зачем она?

Решение, по-видимому, можно найти и здесь: селезенка типа лошади нужна и зверю типа улитки. В неподвижности или движении малом не требуется много крови для питания тканей. Излишки ее, вышедшие из игры на это время, и хранятся в обильных кровяных депо селезенки, чтобы, когда двигаться энергично, насколько позволяет природа, влить в кровоток нужные теперь резервы крови.

С селезенкой вопрос разрешился положительно. Что касается «чудесной сети», то тут дело, по-видимому, в наследственности, точнее — в атавизме. Скорее всего этот бесполезный дар получен от предков, которым он был нужен, так как им приходилось ногами двигать весьма энергично. Например, землю копать в резвом темпе.

Итак, к чему мы пришли? «Он» малоподвижен, висит вниз спиной, уцепившись когтями за сук, в море сочной листвы, которую, очевидно, рвет ороговевшими губами и прямым ходом отправляет в объемистый желудок. «Он», судя по зубам, из племени трубкозубов либо неполнозубых.

Путеводной нитью теперь послужит «чудесная сеть». Анатомы нашли ее у китов, тюленей, лемуров-лори, некоторых грызунов и неполнозубых — броненосцев, муравьедов и ленивцев.

Но броненосцы одеты в костяную броню, у муравьедов шкура не перевернута вверх ворсом, и ни те, ни другие вверх ногами по сучьям не лазают.

Значит, ленивец!

Он «ленив» непостижимо: купаясь в океане листвы, тянет к ней голову вяло, медленно, плавно.

Жует, едва ворочая челюстями. Чуть передвигая когти вдоль сука, ползет со скоростью улитки. Все его эволюции — какая-то пародия на движение, если оно вообще происходит, потому что большую часть суток он висит на ветке точно куль из мышц и костей, упакованных в серо-бурую шкуру. (Впрочем, мышц у ленивца удивительно мало — четверть от веса животного. У других зверей обычно не меньше половины.) Неторопливо крутит этот «куль» запрокинутой вниз головой, которую ухитряется повернуть на 270 градусов, точно шея у него на шарнирах. Или небрежно, тягуче, словно у него в жилах не кровь, а клей, помахивая лапой (со скоростью маятника старинных часов), почесывается.

Какая-то безысходная грусть во всех его движениях, бездумная покорность судьбе на карикатурно человеческой физиономии с курносым носом и без ушей внушили великому натуралисту Бюффону невеселые раздумья и странные рассуждения: будто бы ленивец наказан богом за какие-то неведомые нам прегрешения и потому жизнь для него — одно мучение.

«Медлительность ленивцев — прямое издевательство над словом «движение», какая-то сверхъестественная механика, мучительная для нервов замедленность. Протоплазма амебы двигается скорее, чем ленивец спасается от голодного удава» (Арчи Карр).

Все в ленивце замедленно и снаружи и внутри: кровообращение вялое, и дышит он не спеша — раз в три, а то и в восемь секунд. Пища через желудок и кишечник проходит рекордно долго. Корова, например, освобождает себя от непереваренной пищи раз тридцать в день, лошадь — десять, а слон через каждые два часа. Но ленивец, который «ленив» во всем, и здесь оригинальничает: удаляет из кишечника непереваренный балласт лишь раз, в лучшем случае три раза в месяц, а то и через сорок семь дней (мировой рекорд замедленной дефекации!).

Даже жуки-навозники приспособились к этому его «капризу» и, так как голод не позволяет им долго ждать, приходят за своей пищей в прямую кишку ленивца.

У ленивца и мочевой пузырь огромных размеров. Растягиваясь, он расширяется вплоть до диафрагмы и поэтому вмещает больше литра жидкости (сам-то ведь ленивец совсем невелик — немногим больше кошки). Он опоражнивает мочевой пузырь раз в несколько дней.

Всеми этими делами зверьки занимаются почему-то не в ветвях, а внизу, не ленясь спускаться на землю, чтобы оставить там основательную кучу помета (впрочем, раз в месяц сделать это, конечно, не очень утомительно).

Приходится ленивцам бывать на земле и по другим делам: если вся листва, почки, цветы и бутоны съедены, а лиан или веток, по которым можно было бы переползти, как по канатам, на соседнее дерево, нет. Но на земле это чудо замедленного действия совершенно беспомощно. Распростершись всем брюхом, оно цепляется когтями за неровности почвы и подтягивает себя вперед. Ползет со скоростью 20 сантиметров в секунду. Впрочем, и в листве темп его передвижения не энергичнее.

Но что удивительно — плавают ленивцы отлично! Хотя, казалось бы, зачем им это умение? В воде и показатели резвости у них высокие, больше, чем на суше и на деревьях: четыре километра в час!

Естественно, ленивцы любят спать. Пятнадцать часов в сутки спят, повиснув спиной вниз, уронив голову на грудь и уцепившись всеми четырьмя лапами за сук над собой или втиснувшись в развилку. Но и тогда одной когтистой лапой все-таки держатся за ближайшую ветку.

Зрение у ленивца незоркое, хотя и редкого для зверей качества: они наслаждаются цветными картинами, в то время как для большинства млекопитающих, по-видимому, вся природа вокруг лишь театр теней, сплошь серо-черно-белая (правда, в последнее время некоторые эксперименты этого не подтвердили).

Слух нечуткий, и нюх хуже, чем у братьев — муравьедов и броненосцев. Все чувства, которые работают на оборону, ненадежны. А единственное оружие — когти. Но ранят ими ленивцы довольно болезненно.

Однако и у гарпии («орла» тропических лесов), которая достигла высшего мастерства в охоте на ленивцев и обезьян, когти острые и сила большая. Ягуар и оцелот тоже весьма когтисты, а для удава ленивец — добыча прямо-таки удобная и вполне доступная: хотя сама в рот и не лезет, но и удрать особенно не спешит. Как случилось, что всех «проворных простаков» давно не съели?

Загадка? Есть отгадка. Неподвижность порой спасает лучше быстроходности. Это не парадокс, а экологическая реальность. Ленивцы наглядно ее демонстрируют. Замаскированные двумя видами водорослей-симбионтов в тон листвы, тихими, бесшумными, вялыми движениями они не привлекают понапрасну врагов к своей персоне.

А чтобы насытиться в полную меру, ленивцам совсем не нужно утруждать свои ноги, как, скажем, волку. Они буквально утопают в океане листвы и плодов, которые растут, куда ни повернись, у самого рта. За водой тоже далеко ходить не приходится: ее полно в сочных листьях и фруктах. Так

Двупалый ленивец

Трехпалый ленивец

что ленивцы почти не пьют, утоляя жажду соками зелени и лишь изредка слизывая с листьев капли росы или дождя.

И ко всему этому они очень живучи: их не губят ранения, смертельные для других зверей, всякие отравления переносят так же легко, как еж, а вынутое из груди ленивца сердце долго бьется, не умирая, как у лягушки.

Самки рожают, вися на суках, одного детеныша. В зоопарках видели, как другие ленивцы в клетке, вплотную подобравшись по веткам к роженице, повисали рядом с ней, очевидно, чтобы не дать новорожденному упасть вниз. Но дитя не беспомощно, крупное (почти фунт), глаза открыты с первой минуты, и, родившись, «ленивый» младенец сразу ползет по брюху матери ближе к груди, к соскам. Там у сосков и висит, не слезая, недели четыре. Мать все это время, словно неживая, почти неподвижна. Через месяц малютку уже интересует природа. Выпустив шерсть матери, он цепляется когтями за ближайшие ветки, учится висеть и карабкаться по ним без ее помощи. Пробует жевать листву.

Отец-ленивец малышом не интересуется, самке ни таскать его на себе, ни защищать не помогает. Да и она не очень-то внимательна и нежна: нередко так безответственно лезет в гущу ветвей, что детенышу грозят серьезные неприятности: встречные ветки бьют его и царапают. И он вынужден, если стал постарше, прибегать к ловким и, казалось бы, невозможным для ленивца маневрам: когда очередной встречный сук грозит спихнуть его с материнской груди, он, быстро отцепившись от нее, окольным путем обходит, вернее, обползает препятствие и, зайдя наперерез медленно «струящейся» вверх матери, снова устраивается на ее груди (резвость у молодых ленивцев на класс выше, чем у взрослых).

«Проворных простаков» («перико лихеро», как зовут их в Центральной Америке) два рода и пять видов: двупалые с двумя когтями на передних лапах и трехпалые — с тремя когтями. У трехпалых девять шейных позвонков, у двупалых — семь (унау) или шесть (ленивец Гофмана).

У трехпалых «лицо» плоское, морда «курносая» (рыло вперед не вытянуто), руки чуть длиннее ног, подошвы волосатые, хвост длиной около семи сантиметров, на спине своеобразный рисунок из золотисто-желтых волос, оттененный причудливой формы черными пятнами, вес четыре-пять килограммов. У двупалых «лицо» широконосое, морда чуть вытянута, ноги длиннее рук, подошвы голые, ороговевшие, хвоста нет, или он чуть приметен, спина без пятнистого рисунка, вес около девяти килограммов.

Подобно коала, который ограничивает себя диетой из листьев эвкалиптов, трехпалые ленивцы едят в основном лишь листья и цветы цекропии, по-местному «юмбахуба», — дерева из семейства тутовых и потому живут обычно там, где растут цекропии: на окраинах леса и у рек. Из-за этой их гастрономической (почти непреодолимой) склонности содержать трехпалых ленивцев в зоопарках трудно.

Самый обычный трехпалый ленивец аи назван так за своеобразный двухсложный крик (тропи-

ческие равнинные леса от Гондураса на юг до Северной Аргентины). У гривастого, или капуцинного, трехпалого ленивца удлиненные волосы на голове и плечах, расчесанные на пробор (Гвиана, Боливия и Северная Бразилия). Воротничковый ленивец — с черной полосой на затылке и плечах (Северо-Западная Бразилия и Перу).

Двупалых два вида: унау (от Никарагуа до Центральной Бразилии и Западной Боливии, по другим данным: Венесуэла, Гвиана и Северная Бразилия) и ленивец Гофмана (от Никарагуа до Северной или Центральной Бразилии).

Двупалые ленивцы крупнее трехпалых, с двумя когтями на передних лапах, на земле еще более беспомощны, чем трехпалые, которые передвигаются «ползком на полусогнутых ногах, словно разбитые ревматизмом глубокие старики». В зоопарках обычно живут только двупалые.

ЗВЕРИ В ЛАТНЫХ ДОСПЕХАХ

Латы изобрели не рыцари: за миллиард лет до того, как по пыльным дорогам Европы стали разъезжать закованные в железо воины, природа одела уже многих своих детей в прочную броню. Правда, не стальную, а известковую, кремниевую, костяную, роговую и даже... «сахарную». Ведь хитин, из которого построены панцири крабов, пауков и насекомых, — это полисахарид, вещество, состоящее из множества молекул простейшего сахара вроде глюкозы (но с азотом!). Около 90 процентов всех видов животных одеты в более или менее прочную броню.

Нет ни одной большой зоологической группы, в которой не было бы своих броненосцев. Только птицы (им ведь летать надо!) никогда не носили доспехов. Все другие — от амеб до млекопитающих — имеют своих «рыцарей».

Оружейное искусство достигло высшего мастерства в XIV веке, когда все изящно и тонко отделанное железо, которое рыцарь надевал на себя, — все эти наплечники, наколенники, налокотники, рукавицы, шлемы, кирасы, забрала — весило нередко... 60 килограммов! И все железки были так тонко пригнаны друг к другу, что закованный в стальной футляр воин не только в них ходил и в седле сидел, но и мечом махал. Правда, если падал с коня, то без чужой помощи на него снова сесть не мог.

Но взгляните на рака: броня его — копия рыцарской. Такие же хитроумные и отлично пригнанные друг к другу щитки. И даже кираса на груди! А как давно все это было изобретено!

Если мы от раков и крабов станем подниматься вверх по родословному древу животного царства, то где-то на более высоких его «ветвях» встретим странных зверей в костяной броне.

Мы пришли к ним, минуя многоножек, пауков, насекомых, рыб и рептилий, которые почти все закованы в более или менее прочную броню — чешуйчатую или сплошь «латную», как у жука или черепахи. Воины тоже сначала одевались в кожаные рубахи с нашитыми на них металлическими бляхами. Потом изобрели сплетенные из стальных колец кольчуги (с начала XII века все рыцари носили их) и, наконец, латы, которые весили уже пуда два. Но когда в конце XIV века на полях сражений загремели первые ружья, латы все утяжеляли и утяжеляли, пока они не стали весить 40, 60, а иногда и 80 килограммов (ведь под латы еще и кольчуги надевали!). Рыцари стали неповоротливы, как черепахи, и предпочитали, несмотря на грозные указы королей, возить свои доспехи... в обозе. Сначала латы снимали, преследуя разбитого врага, потом совсем от них отказались (сохранив ненадолго лишь защищавшую грудь кирасу и шлем).

Так и млекопитающие, животные наиболее современные, полагаются больше на быстроту своих ног, ловкость и хитрость. Броня у них не в моде Лишь у 21 вида броненосцев и семи видов панголинов — роговой или костяной панцирь на коже.

Все броненосцы, или, по-испански, армадилло, обитают в Америке, главным образом Южной, лишь один вид — на юге Северной. Едят они насекомых, червей, улиток, змей, ягоды, коренья и падаль. Самый крупный броненосец, гигантский, длиной до полутора метров и весит почти 60 килограммов; самый крошечный — малый пичисиего — лишь 15 сантиметров и весит 90 граммов Броня у броненосцев напоминает кольчатые латы. Прикрывают они спину, бока, лапы, голову спереди и хвост сверху, на животе растут лишь волосы. Родятся броненосцы с роговой броней, но через несколько недель костяные бляшки твердеют под ней и, сливаясь, образуют так называе-

мый кожно-костяной панцирь, подобный черепашьему.

Не все броненосцы, подобно ежу, могут сворачиваться в шар, пряча внутри его легкоранимое брюхо, а только два вида, именуемые «апара», «матако» или «болито». У апара три поясных кольца, и, свернувшись, он напоминает пушечное ядро с единственным отверстием, по которому враг мог бы забраться в его нутро, но и оно заткнуто головой с прочным лобовым щитом, выставленным наружу. Чтобы развернуть это «ядро», даже ягуар должен изрядно потрудиться.

Прочие броненосцы спасаются тем, что быстро, прямо-таки молниеносно, зарываются в землю. Даже гигантские армадилло, не доверяя особенно прочности своих доспехов, заметив врага, сразу прячутся в «окопы». Один из них так отчаянно работал когтистыми лапами, что за минуту пробил асфальтовую дорогу и ушел под землю.

Все в броненосце приспособлено для рытья: короткие, сильные ноги с длинными когтями, мощная мускулатура и сухожилия плечевого пояса, короткие широкие ребра и окостеневшая грудная клетка без хрящевых соединений между ребрами и грудиной. Многие грудные и крестцовые позвонки тоже срослись, образовав отличный упор для роющей мускулатуры. И эта «чудесная сеть» на ногах — густое переплетение ветвящихся кровеносных сосудов! В минуты напряженной работы они быстро насыщают мышцы кислородом.

Впрочем, потребность в этом животворном газе у броненосцев поразительно низкая. При самых интенсивных усилиях, роя, и в весьма ускоренном темпе, землю, броненосец способен на шесть минут задержать дыхание, чтобы фонтанирующая из-под когтей пыль и земля не набились в горло и легкие. Бронхи и трахеи у броненосцев весьма вместительны и служат дополнительным резервуаром для кислорода.

Эта достойная удивления «терпимость» к кислородному голоданию помогает броненосцам не только в конкуренции с кротами, но и когда приходится переплывать широкие реки. Все броненосцы отлично плавают, кроме, возможно, голохвостых и трехпоясных. Это умение помогло некоторым из них расселиться далеко за пределы первоначального обитания.

Когда тату — девятипоясные броненосцы — появились в Мексике, никто не помнит. Но в 1870 году они уже перешли северную границу страны и изрыли берега Рио-Гранде в Техасе. Через полвека добрались до Луизианы и перепахали там своими норами все поля с земляными орехами. Сейчас девятипоясные броненосцы живут и в других штатах на юге США. Путешествуют они обычно по ночам, соблюдая правило «тише едешь — дальше будешь». Неширокие ручьи переходят под водой по дну, задержав дыхание. Большие потоки переплывают, набрав в легкие побольше воздуха. Надувшись, броненосец скатывается в воду и шлепает лапами по воде, пока не переберется на другой берег.

«МЯГКИЕ» БРОНЕНОСЦЫ

Итак, тату — девятипоясные броненосцы. Рождаются они, как ни странно, всегда однополыми близнецами, а число близнецов кратно четырем — обычно четыре, редко восемь, но иногда и двенадцать. Происходит это потому, что оплодотворенное (обычно в июле) яйцо дробится, клетки расходятся и образуют несколько эмбрионов с идентичной наследственностью. После трех с половиной месяцев покоя «законсервированные» на время зародыши растут еще четыре месяца. Поэтому близнецы тату появляются на свет в феврале — марте. Сосут мать два месяца (у нее пара сосков на груди, как у других броненосцев, и еще пара в паху). Еще через полгода юные тату вполне созрели для продолжения рода.

Селятся девятипоясные броненосцы в лесистых местах, у болотистых берегов рек и ручьев. Норы длиной метров до семи роют у подножия деревьев и кустов. В глубине — нетесная спальня. На ее полу постель из листьев и травы. Броненосцы ее часто меняют, особенно в дождливую погоду. Свежие листья сгребают, пятясь задом, и задним щитом брони заталкивают в нору.

В жаркие дни вылезают из нее лишь по ночам, но в прохладные выходят погреться и днем. Расставшись с норой, тату тут же переходит к делу: то

быстрым шагом, то рысцой, ворча и сопя, все вынюхивает, тут и там копает, сует нос в каждый гнилой пень, в каждую ямку и кучу листьев — ищет червей, насекомых, лягушек. А попадется небольшая змея, и ее съест. Нюх у тату превосходный: червя чует в 20 сантиметрах под землей.

Не только в Северной Америке живут девятипоясные армадилло, но и в Центральной и Южной, кроме крайнего юга континента и высоких гор на западе.

«Девятипоясными» назвали тату за девять поперечных узких колец брони, которые разделяют два больших основных щита — грудной и крестцовый. У более крупного броненосца Каппера из Гвианы и Восточного Эквадора поясных колец семь-восемь, а у семипоясного (Бразилия, Северная Аргентина) — шесть — восемь, но обычно семь. У лохматого тату (горы Эквадора и Перу), панцирь которого густо порос буро-серой щетиной, так что и брони за ней не видно, одиннадцать поясных колец. Всего же «мягких» броненосцев (род дазипус) шесть видов. Панцири у них тонкие, легкие и сгибаются без труда.

Два самца, встретившись, иногда затевают драку. Но даже острыми когтями броню не пробьешь, поэтому бойцы стараются перевернуть друг друга на бок, поддевая мордами края панциря. Как только кому-нибудь это удастся, он сейчас же ложится на бок рядом с поверженным и быстро царапает когтями его незащищенное брюхо, стараясь «выпотрошить» неприятеля.

АПАРА И ТАТУ ГИГАНТЕ

Трехпоясный броненосец (он же апара и болито) ростом меньше тату, ушки у него короткие, поясных колец два — четыре, но обычно три. Панцирь тяжелый и толстый, по бокам с кожей не срастается, а свисает вниз, защищая брюхо и ноги, подобно латным доспехам рыцарских боевых коней. Апара, свернувшись шаром, прячет ноги и голову между телом и краями брони. Тогда лобный щит затыкает единственное отверстие, которое ведет знутрь шара.

Трехпоясных броненосцев два вида: ла-платский (Боливия, юго-запад Бразилии, Парагвай, Северная Аргентина) и бразильский, обитающий севернее и восточнее (до Гвианы). Называют их и «копытными» броненосцами, так как средние три пальца на задних ногах у них срослись, и получился большой общий коготь, похожий на копыто.

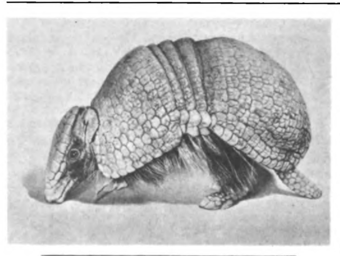
В Бразилии, Гвиане и на севере Аргентины, особенно в местах, поросших негустым лесом и кустами, многие твердые, как камень, термитники взломаны, подкопаны. Дыры такие, что в иные и человек свободно пролезет! И стволы деревьев разодраны чудовищными когтями. Изрыта бывает и земля, в которой толстые корни порваны, как непрочные прутья.

Самого деятеля, рвущего когтями постройки «белых муравьев», увидеть за работой или на прогулке трудно. Он осторожен и днем своего подземелья не покидает. А кто увидит, будет поражен и ростом, и мощью когтей, и незаурядной подвижностью громоздкого зверя.

Это тату гиганте, или татууку — гигантский броненосец, крушит термитники и древесину стволов. На «слоновьих» ногах, опираясь на когти передних лап и на все ступни задних или прыгая лишь на паре задних ног и волоча за собой толстый, окостеневший сверху хвост, в бурой броне с белой оторочкой по краям, рыщет он по ночам в густых лесах и там, где деревьев и кустов совсем немного. Росту в нем (точнее, длины от носа до конца хвоста) — метра полтора, но бывает и больше, а вес — все 60 килограммов. Пробив в термитнике дыру, армадилло-великан сует в нее узкую морду и выбрасывает изо рта длинный липкий язык. В общем метод добычи насекомых такой же, как у панголина. Ест тату гиганте и червей, пауков, змей и падаль.

Он трехкратный чемпион: среди своего племени — первый тяжеловес, среди сухопутных зверей — рекордсмен по числу зубов (минимум 65, в среднем 78, максимум до 100) и по величине когтей: длина самого большого когтя, на третьем пальце передней лапы, 203 миллиметра.

Там, где тату гиганте встречается с человеком,

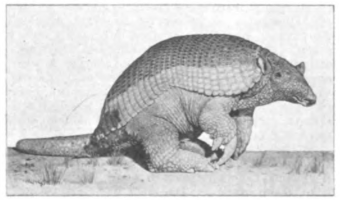
В семействе броненосцев двадцать видов, но только два из них — болито или трехпоясные броненосцы,— могут свернуться в плотный шар, спрятав в его бронированной «оболочке» незащищенное брюхо, ноги и голову

Вот он, этот шар Невелик — 10—15 сантиметров в диаметре, но собаки и некрупные кошки не в силах развернуть его

последний уничтожает первого. И не потому, что мясо у броненосца вкусное, напротив, его не едят (но костяная «трубка», снятая с хвоста татууку, годится в хозяйстве как... рупор).

— Вред от него большой! — говорят местные земледельцы: перекапывают поля тату гиганте своими ямами и поедают посевы.

Но претензии хозяйственного человека к тату гиганте несправедливы: от него, уничтожающего вредных насекомых и змей, больше пользы, чем вреда, а культурные растения на полях он и вовсе не ест, так как довольствуется пищей скоромной.

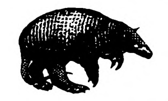

Сто зубов во рту у тату гиганте! Только дельфины побили этот своеобразный рекорд, больше никто из зверей Ни у кого нет таких огромных когтей, как у гигантского броненосца длина когтя на третьем пальце передней лапы 20,3 сантиметра Весит гигантский броненосец около 64 килограммов в отряде неполнозубых он самый крупный зверь

«К сожалению, многие факты говорят о том, что этот вид по разным причинам усердно истребляется. Важная задача защиты природы — сделать все возможное, чтобы такому единственному в своем роде гиганту сохранить место на земле» (Вольф Херре).

Большой голохвостый броненосец близкий родич тату гиганте и немного уступает ему ростом. Хвост у него не сплошь бронированный, как у других армадилло: редко разбросаны по нему тонкие мелкие чешуи.

Четыре вида голохвостых броненосцев в Южной Америке и один в Центральной. Не все так велики, как самый большой из них, но все отличные землекопы. Спасаясь, голохвостые броненосцы непостижимо быстро зарываются в землю либо ныряют в воду, чтобы, надолго задержав дыхание, отлежаться на дне ручья. А бывает, пройдут по дну и выйдут на сушу у другого берега.

ЩЕТИНИСТЫЕ И КРОТОВЫЕ АРМАДИЛЛО

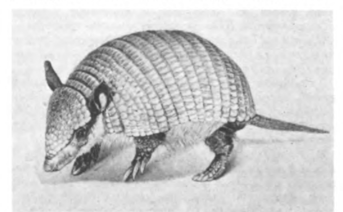
Лучший землекоп среди броненосцев — пелудо — «щетинистый» (его панцирь покрыт более или менее густо жесткими волосами).

Пелудо разных видов (всего их пять — из трех родов) водятся во множестве на сухих равнинах Аргентины, Бразилии, Уругвая. Местами и поля и степи буквально перепаханы их норами. Поэтому и земледельцы, и пастухи гаучо (лошади ломают ноги, оступившись в норе) не любят пелудо и уничтожают всеми способами: травят собаками, бьют палками, ловят в бочки, зарытые в землю и прикрытые сверху травой. Мясо едят, а панцирь идет на разные поделки.

Щетинистые броненосцы, или пелудо, еще довольно многочисленны в аргентинских пампасах. В зоопарках они обычные гости, но в тесных клетках сильно жиреют. На воле очень подвижны, активны, особенно по ночам. У пелудо такие же длинные, «ослиные» уши, как у девятипоясного броненосца, но хвост короче, и ростом они меньше

Долго в одной норе пелудо не живут, а, покидая ее по ночам (нередко и днем), роют к утру новые подземелья.

Чтобы вырыть небольшую ямку, пелудо когти не утруждает, а, вонзив в землю голову, боком-боком кружится вокруг центра, которым служит его нос. После нескольких таких кругов в земле образуется воронка. А чуткий нос все время не выпускает из «поля обоняния» вкусного червя или жирную личинку, и зубы рядом — готовы схватить добычу, как только над ней расступится земля.

Щетинистые броненосцы, или пелудо, еще довольно многочисленны в аргентинских пампасах В зоопарках они обычные гости, но в тесных клетках сильно жиреют На воле очень подвижны, активны, особенно по ночам У пелудо такие же длинные «ослиные» уши, как у девятипоясного броненосца, но хвост короче, и ростом пелудо меньше

Змей едят, расправляясь с ними по-своему: поджав ноги и прикрыв себя броней до самой земли,

Кротовый броненосец, или пичисиего Бурмейстера,— зверек редкостный, возможно, уже вымерший Открыт он больше ста лет назад, но о его образе жизни мы почти ничего не знаем

прыгнут на змею и стараются, царапая острыми краями панциря, перепилить ее, что почти всегда удается.

Карликовый щетинистый армадилло, или пичи, тоже своего рода уникум: когда в Патагонии станет очень холодно, залезает поглубже в нору и спит всю зиму, как наш еж или барсук.

В некоторых зоопарках щетинистые броненосцы жили по пятнадцать лет. Содержать их несложно, и нрав у них покладистый. Пускают их в вольеры к обезьянам, чтобы те поиграли с бронированными живыми игрушками, которые трудно поломать и разбить. Обезьяны таскают броненосцев за хвосты, лезут с ними на решетки и роняют нередко вниз, а то усядутся на зверя и катаются по клетке. До блеска, бывает, отполируют панцири «коней» лихие наездники. А броненосцам все нипочем — только отдуваются сердито, но, похоже, и сами любят такие забавы.

«Уже больше ста лет прошло, как Бурмейстер описал этот вид, однако до сих пор наши знания ограничиваются лишь признаками строения его тела» (Вальбург Меллер).

Маленький зверек, которого мы так плохо знаем, пичисиего Бурмейстера, обречен на вымирание наступающей на пампасы Боливии и Северной Аргентины цивилизацией. Плуги и собаки — злейшие его враги, и, похоже, все пичисиего исчезнут без следа раньше, чем наука успеет узнать о них еще что-нибудь.

Малый кротовый броненосец, или розовый пичисиего, обитает южнее пичисиего Бурмейстера, в сухих равнинах Западной Аргентины. Подобно кроту, он почти не покидает подземелий. Его тонкий розоватый панцирь, украшенный редкими белыми щетинками, прирастает к телу не по всей спине, как у других броненосцев, а лишь узкой полосой вдоль по хребту.

Малый кротовый броненосец изучен лучше, чем пичисиего Бурмейстера. Обитает он в поросших кактусами и колючими кустами жарких, сухих и песчаных равнинах Западной Аргентины, южнее тех районов, где еще сохранились открытые Бурмейстером более крупные кротовые броненосцы.

Этот стограммовый зверек вполне уместится иа ладони. Ушей (ушных раковин) у него нет, губы ороговели, негибкие, ноздри обращены отверстиями вниз, розовый тонкий панцирь только сверху на спине и морде. Бока и брюхо без брони, но «тыл» прикрыт особо для него предназначенным щитом, который от спинного панциря опускается круто вниз, под прямым углом, надежно защищая крохотный задик зверька. Из-за этого щита пичисиего не может поднять хвост вверх и, передвигаясь, вынужден волочить его по земле. Но зато лучшей тыловой обороны и желать не надо, да и дверь у норы получается неплохая. Забравшись в нее, пичисиего затыкает бронированным задом вход, словно пробкой бутылку.

Копаясь в горячем песке, жар которого рука едва выдерживает, армадилло-крот роет его быстро и своим особым приемом: напрягая палкой твердый и недлинный хвост, упирает его в землю — получается подпорка для приподнятого зада. В таком положении удобно бросать назад песок, который рыхлят и роют широкие передние лапы. Всадник, заметив у ног коня пичисиего, соскочив с седла, не успевает схватить зверька: пока человек слезает с лошади, тот уже закопался.

ТРИ МУРАВЬЕДА

Большой, средний и малый, или, по-местному, соответственно юруми, тамандуа и мико дорадо.

Для юруми прерии, поля и окраины дикого леса больше по душе, чем глубины сельвы. У тамандуа такие же экологические привычки, но он живет на деревьях, а большой муравьед — на земле.

Мико дорадо («золотая крошка», «сверкание ночи», «цветочек бальсы», «хвала богу», «шелковый муравьед» — фольклорная романтика прозвищ и имен!)... Этот мико золотистый верен сельве и редко покидает вершины леса. Он чуть больше белки, с голой «подошвой» на конце цепкого хвоста, чтобы удобнее хвататься за ветки. Не спеша, но с уверенной сноровкой лазает ночью по деревьям и острыми когтями разоряет гнезда муравьев, термитов, диких пчел и ос.

От врагов не ищет спасения в бегстве. Стойко отражает неприятеля: держась за сук хвостом и когтями задних ног, вытягивается вверх, молитвенно вскинув к небу передние лапы с готовыми к удару когтями.

«Но вот я вновь тронул его, и он вдруг ожил... всем телом упал вперед, разрубив воздух пере-

Большой муравьед, или юруми, что на языке индейцев гуарани означает «малый рот» Рот у него действительно крохотный, но зато язык длиннее, чем у любого сухопутного зверя,— полуметровый! И когти не маленькие на передних ногах — до десяти сантиметров Поэтому, чтобы когти не мешали при ходьбе, юруми поджимает их назад и опирается о землю тыльной стороной пальцев

Мамаша-тамандуа со своим малышом Большому муравьеду вершины деревьев недоступны, но средний муравьед, тамандуа,— ловкий древолаз Он по земле путешествует редко

«Жилетный», или чепрачный, тамандуа — не особый вид и не подвид, а цветовая фаза В одном помете родятся кремовые и бурые тамандуа Подрастая, одни из них сохраняют до старости однотонную детскую шерсть, другие с возрастом приобретают двухцветную окраску ржаво-палевую, оттененную бурым «жилетом»

дними лапами... Проделав это движение, муравьед выпрямился и застыл в прежней позе, неподвижный, как часовой, ожидая следующего раунда» (Джеральд Даррелл).

Размеры и вес муравьедов: большого — около двух метров, 18—36 килограммов, среднего — чуть больше метра, три—пять килограммов, малого — 33—40 сантиметров, 500 граммов.

Зубы... Нет зубов: ни во рту, ни в желудке.

Желудок — мускулистый, с твердой выстилкой, как у кур. В нем «зубы» — подобранные на дороге галька и песок — помогают перетирать, мять и давить проглоченных насекомых и ягоды.

Язык длинный и тонкий, как шнур, липкий и работает с поразительной быстротой, вытаскивая насекомых из разных закоулков в пнях и муравейниках. Большой муравьед выбрасывает и втягивает в узкую щель рта свой язык 160 раз в минуту! Длина этого языка 61 сантиметр (рекорд для обитателей суши!).

Обратную дорогу — изо рта — муравьям преграждают острые, ороговевшие шипы на нёбе и складки на щеках — «скребок». Он непреодолим: из 30 тысяч муравьев, проглоченных за ночь, на волю не возвращается ни один.

Большому муравьеду вершины деревьев недоступны, но средний муравьед, тамандуа, — ловкий древолаз и по земле путешествует редко. Он вдвое меньше большого муравьеда, и когти на его передних лапах вдвое короче.

Обороняясь, юруми бьет передней лапой, и его трехдюймовые когти способны выпотрошить собаку одним ударом. Даже ягуар и пума не спешат без особой нужды конфликтовать с большим муравьедом: сила в его двухпудовом теле не по росту велика.

Тамандуа, защищаясь, садится и раскидывает передние лапы в стороны. Кто эту угрозу не оценит, того метко поразят острые когти. Чтобы силу их удвоить, тамандуа падает на спину и отбивается всеми четырьмя лапами. При этом какие-то железы распространяют вокруг дурной дух. «Кагуаре» — «лесной вонючкой» — прозвали индейцы тамандуа.

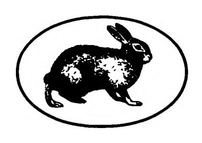
Малый и средний спят днем в дуплах и развилках ветвей. Большой — в небольших ямах, которые юруми роет у корней деревьев каждый раз на новом месте. Юруми (большой муравьед) на языке индейцев гуарани означает «малый рот». Рот у него действительно крохотный, но зато язык длиннее, чем у любого сухопутного зверя, — полуметровый! И когти не маленькие: на передних ногах до десяти сантиметров. Поэтому, чтобы когти не мешали при ходьбе, юруми поджимает их назад и опирается о землю тыльной стороной пальцев. Он кочевник: в безлюдных местах бродит нередко и днем всюду, куда заведут его вынюхивающий нос и косолапые ноги. Иногда нос и когти приводят его к реке, и тогда, не задумываясь, пускается юруми вплавь к муравьиным городам, которые чудятся ему на том берегу. Утомившись бродить и есть, спит в своей яме на боку, спрятав голову между передними ногами и укрывшись великолепным хвостом (волосяное опахало на нем в 40 сантиметров длиной, а под волосами — чешуя). Окраска так хорошо маскирует спящего муравьеда, что и в двух шагах его трудно заметить, хотя яма-постель неглубока: зверь ее собой заполняет вровень с краями.

Самка юруми рожает стоя. Затем ложится на бок, облизывает дитя и кормит молоком. Детеныш своими силами взбирается к маме на спину. Носит она его долго, хотя уже через месяц наездник и сам умеет неплохо галопировать. Через два года он забывает об инфантильных привычках и навсегда расстается с матерью. Шерсть его окрашена так хитро, что когда дитя-юруми сидит на спине у юруми-матери, то сливается с ее цветовым рисунком, как бы продолжая и заканчивая его. Заметить малого зверя на большом нелегко.

Самцы больших и малых муравьедов с детьми и самками не живут, но у средних не так. Мать и отец по очереди кормят подросшего малыша волчьим способом: отрыжкой из перемолотых в желудке насекомых. По очереди носят его на себе, а когда он еще слишком мал, устраивают из листьев гнездо в дупле.

Ареалы муравьедов: Центральная и Южная Америка — от Южной Мексики (тамандуа и мико дорадо) и Коста-Рики (большой муравьед) до Южной Бразилии (малый муравьед) и Северной Аргентины (большой и средний). На западе континента, в Кордильерах, муравьедов нет.

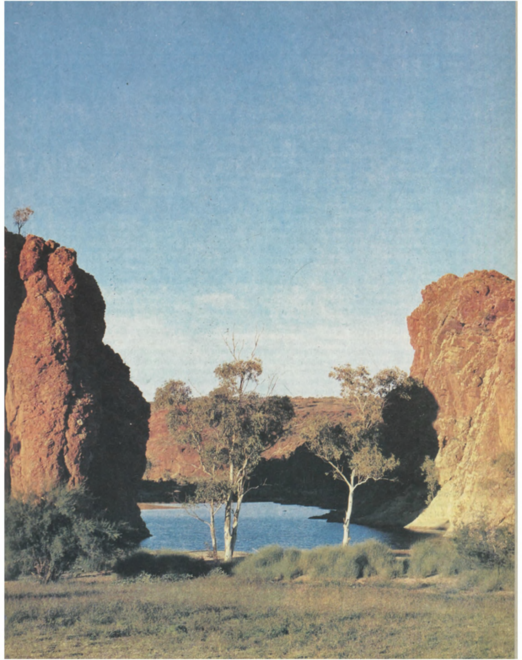
ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ

Зайцы, кролики и пищухи долго числились в отряде грызунов. Но накопились доказательства, которые заставили систематиков выделить упомянутых зверьков в отдельный, особый отряд.

Зайцеобразные обитают на огромных пространствах Земли — от Аляски до Парагвая, от азиатских тундр до тропических лесов Явы. Нет их только на Мадагаскаре, на многих островах Южной Азии, не было в Новой Зеландии и Австралии; ныне их завезли и туда, и на Калимантан. В Новом Свете два вида пищух и 24 вида зайцев и кроликов, в Старом — 12—14 видов пищух и 28 видов зайцев и кроликов. У всех очень короткие хвосты, зато у многих — длинные уши. Все кормятся лишь растениями — в основном травой, корой. Для восполнения недостатка солей зайцы часто гложут рога, сброшенные оленями, кости, землю и снег, политые мочой других животных.

Вес — от 100 граммов до 7 килограммов, длина тела и головы — от 12,5 до 76 сантиметров.

НЕТ, НЕ ГРЫЗУНЫ

Известие, что зайцы и кролики вовсе не грызуны, охотник-зайчатник и кроликовед встречают с радостным или гневным удивлением что зависит от личного отношения к великому отряду грызунов, но вполне оправданным, ибо факт этот новый и в широкую публику пробивается медленно

Зубы-резцы верхней челюсти повергли в сомнение еще пионеров систематики. у грызунов их одна пара, у зайцев, кроликов и пищух — две пары А при рождении даже три! Правда, по два резца зайчата быстро теряют, но дополнительный комплект в виде тонких четырехгранных стерженьков, крепко сидящих позади больших главных резцов (в верхней челюсти), остается.

Еще одна способность зубов: у мнимых грызунов они полностью покрыты эмалью. Как у копытных и хищных (и у нас с вами), и вовсе не так, как у бобра или белки и других грызунов настоящих, у которых на внутренней стороне резцов, «предназначенной» для постоянного подтачивания, никакой эмали нет И наконец, исследования состава крови зайцеобразных показали, что она никогда не текла в жилах грызунов. Более того, здесь замечено некоторое сродство с кровью разных групп копытных.

И тут вдруг обнаружилась другая сенсация. Давно замечали за кроликами и зайцами (впрочем, как и за некоторыми грызунами') неприятную склонность к поеданию собственных экскрементов. Поначалу ученые определили это явление, его называют копрофагией, как порок Но внимательные исследования показывают: копрофагия — законное и необходимое питание для зайцеобразных. Оказалось, что заяц, кролик и пищуха глотают не всякие экскременты, а только утренние и не сухие и почти не жуют их, принимая как таблетки. Открылись занятнейшие свойства пищеварительного тракта. На первом этапе пищеварения еда проходит через кишечник, и бактерии, поселившиеся в слепой кишке, насыщают ее отходы какими-то необходимыми для жизни веществами. Затем эти названные цекотрофами отходы, богатые бактериальной флорой и витаминами, вновь отправляются в путь, теперь последний... Зверьки, предоставленные самим себе, обычно устраивают две уборные, одна из которых одновременно и место трапезы.

Копрофагия, по эволюционной случайности необходимая ныне для лучшего пищеварения и выживания зайцеобразных, подчас для них губительна. Особенно для видов, живущих колониально. Любая эпидемия, возникнув, распространяется неудержимо Ведь цекотрофы, самой природой приспособленные для культивирования полезных бактерий, культивируют и болезнетворные.

В отряде зайцеобразных два семейства: пищухи и зайцы. У пищух один род с 14—16 видами. У зайцев девять родов, разделенных на полсотни видов.

Пожалуй, самый интересный и необычный род древесных зайцев. Их называют «рюкю» Это имя как нельзя лучше определяет и место их жительства. Рюкю — архипелаг в группе Японских островов. Рюкю — заяц чуть крупнее дикого кролика, коротко ухий и короткохвостый. Он бурого цвета с краснотой на боках, а вокруг глаз у него белый ободок, как очки. Изогнутые длинные — один-два сантиметра' — когти отличают рюкю от родственников по отряду и помогают ему сносно лазать по деревьям и даже селиться в дуплах. .

Род щетинистых кроликов более обилен и видами и индивидами. Болотистые леса, кустарниковые заросли и поляны обеих Америк, от Южной Канады до Аргентины и Парагвая, приютили тринадцать видов щетинистых кроликов. Но только у одного из них хватает терпения рыть собственную нору. Остальные обходятся и так. Даже ямка самки, в которой укрылись новорожденные (три-четыре раза в год щетинистая крольчиха бывает матерью от одного до семи малышей), настолько мала, что мамаша в нее не помещается и кормит детей, примостившись с краю. Ямка выстлана травой и пухом. Мать с детьми не остается: покормит, прикроет их листьями и уйдет. Многие щетинистые кролики хорошо плавают, и не только по необходимости, как наши зайцы в половодье, но и по своей воле: купаются. А болотный щетинистый кролик живет всегда у воды, строит несложные гнезда из камыша и спасается от врагов, ныряя в реку или болото.

Еще один род — южноафриканские кролики, северная граница их ареала проходит через Кению и Танганьику. Они похожи на всем известных домашних кроликов, только цвет у них необыкно-

Полосатый суматранский заяц

венный — красноватый. Это петрофилы, то есть любители скал. По ночам зверьки кормятся на травянистых лугах, а по утрам, прежде чем скрыться на отдых где-нибудь в щели меж камней, любят погреться в лучах раннего солнца. Лежат и перекликаются друг с другом визгливыми, пронзительными голосами — особенность, между прочим, очень редкая среди зайцев, которые в основном признанные молчальники и кричат лишь тогда, когда их хватают, от боли и страха.

Род ромеролагус — бесхвостые кролики, или, по-мексикански, тепоринго, по своей редкостности может соперничать даже с рюкю. Его ареал — в полусотне километров к югу от Мехико, всего около 40 квадратных километров. Да и сам он малыш, этот рыже-серый, похожий немного на пищуху кролик, — 30 сантиметров. Хвоста, как свидетельствует название, нет, ушки небольшие и кругловатые. Но главное — он бегает рысью! А ведь чем и славятся зайцеобразные, так это прыжками. .

Однако самые необыкновенные — полосатые зайцы. Их всего один вид (причем очень и очень немногочисленный), и живут они тоже в одном только месте земного шара — на Суматре. Зверь днем прячется в траве, а ночью — в норах, и поэтому мало кому удается увидеть его причудливую окраску. На палево-сером фоне от носа и от плечей к хвосту у него коричневые полосы.

Четыре рода зайцеобразных — обычные зайцы, жесткошерстные зайцы, кролики и пищухи — водятся и в СССР.

МНОГО И МАЛО

«Ближе к реке я спугнул небольшого зайца серого цвета с белым брюхом и темными ушами. Как угорелый он бросился от меня в кусты, испугался сам и заставил меня вздрогнуть и обернуться...» Так рассказывал Владимир Клавдиевич Арсеньев о звере, с которым, как видно, ему не удалось познакомиться ближе. Было это в нетронутой глуши Уссурийской тайги. Надо сказать, что встречи с представителями заячьего семейства повсюду скоротечны. Так было и так будет, недаром же в старину бородач охотник, сдвинув на затылок шапку и разводя руками, говаривал: «Цена зайцу две деньги, а бежать — сто рублев!»

По всей вероятности, серый паникер принадлежал к виду маньчжурских зайцев. Их у нас мало кто знает, хотя на белом свете они не такая уж редкость: десять видов жесткошерстных зайцев живут в лесах и кустарниках от Африки, Индии, Шри-Ланки, Индокитая, Китая до полуострова Корея и Японии. Акклиматизированы на Калимантане. (Другие систематики относят маньчжурского зайца и восемь других близких к нему видов к роду настоящих зайцев, оставляя в роде жесткошерстных лишь один вид — ассамского зайца.)

Так или иначе, в нашей стране их, этих «спорных» зайцев, встречается только один вид — маньчжурский, которого редко-редко можно увидеть в самых южных районах Дальнего Востока, где он ведет себя не как хозяин, а скорее как гость — пугливый и не в меру скромный, будто его и не приглашали.

Настоящая родина кроликов — юго-запад Европы и Северо-Западная Африка, но акклиматизированы дикие кролики в Англии, Южной Амери-

ке, США, в Австралии, на Новой Зеландии. В нашу страну завезены в прошлом веке и обосновались на юге Правобережной Украины.

Под Херсоном и Одессой, где-нибудь на пустыре или в забытом уголке загородного парка, на берегу моря, у пустынного обрыва балки, можно найти норы кроликов. Их всегда несколько, поблизости одна от другой, потому что у животных этих определенная склонность к коллективизму. Местами на двух тысячах квадратных метров поселяется 150 кроликов. Кормовой район такой колонии не превышает обычно одного гектара, кролики даже и по ночам далеко от нор не убегают, метров на 500, редко на 700. Норы уходят вниз и ведут к гнездовой камере, весьма уютному жилищу, аккуратно выстланному травой и самым настоящим кроличьим пухом, который самка, собираясь стать матерью, выщипывает у себя на брюхе. В норах кролики отдыхают днем, хотя и не всегда. Если место глухое и безопасное, кролик и днем частенько дремлет где-нибудь под кустом, в небольшом углублении, и тем самым уподобляется зайцу. Ночью — кормежка, которую было бы уместнее назвать пастьбой, потому что трава — почти единственное питание зверя. Правда, зимой он поневоле разнообразит свой рацион и вместе с высохшей к тому времени травой ест побеги кустарников, корни, семена. Когда поблизости есть огород, сад, бахча, зверей не остановить никаким забором — проникнут. В годы массового размножения во многих странах это хорошо знают: кролики — бич сельского хозяйства. Пример Австралии всем хорошо известен. Здесь кролики стали национальным бедствием. С ними ведут настоящую войну с применением авиации, отравляющих веществ, воинских подразделений и хитроумных «китайских стен» новейшего образца, которые оплели весь восток континента (в одном лишь Квинсленде семь тысяч миль антикроличьих изгородей).

Интересно, что у австралийского кролика за сто с небольшим лет проживания на новой родине изменились некоторые повадки. Крольчат рожают не в норах, а прямо на земле, как зайцы. Почти совсем отвыкли рыть норы, но научились зато, отрастив длинные когти, неплохо лазать по деревьям. Когда вся трава внизу и нижние листья ими съедены, забираются по веткам на несколько метров над землей.

Кролики удивительно быстро размножаются. Самка при хороших, конечно, условиях плодится пять-шесть раз в году, и в каждом выводке от трех до девяти крольчат. Рекорд — 18! (Правда, у домашних.) Беременность — всего месяц! За год приносит крольчиха в среднем 10—12 потомков. В сравнении с высоким темпом размножения это немного. Дело в том, что у крольчих часто случаются непроизвольные аборты, резорбции эмбрионов, много новорожденных гибнет от болезней и хищников.

Третий член заячьего семейства, обитающий у нас, — толай, или песчаник, житель пустынь и полупустынь, равнинных и горных степей. Ареал в СССР — от северо-востока Каспия через Южный Казахстан, Среднюю Азию, Алтай до Забайкалья. Вне СССР — Монголия, Китай, Северо-Западная Индия, Иран, Аравийский полуостров и Северо-Восточная Африка.

Жизнь у толая трудная, только посочувствуешь. Его хотя и не преследуют шумными, освященными традицией охотами с гончими и мало желающих таскаться по горячим пескам за трофеем, довольно сомнительным, но он всегда должен быть начеку. В Прибалхашье, где диких свиней много, и кабан опасен бедняге. Однако самые страшные враги — хищные птицы.

Местами толай поселяется иногда весьма плотно, бывают годы, когда эти зайцы повсюду, их встречаешь не только возле дальней юрты скотовода, но даже возле промышленных предприятий. Такие годы, «годы пик», повторяются в строгой периодичности. Эта интереснейшая особенность есть и у русака и беляка — соседей толая по ареалам и классификации (все они одного рода).

Русаков знают в ФРГ и ГДР, во Франции, Англии и Швеции, в Северной Африке и Турции, в Иране, Крыму и Закавказье, на Украине и юге Архангельской области, в прикаспийских степях — на восток до устья реки Урал. Знают и за Уральским хребтом, в степной полосе Западной Сибири до Омска. Похоже, что ареал русаков медленно, но верно расширяется в сторону Дальнего Востока. Знают их даже в Иркутской, Читинской областях, на Алтае и в Северной Америке, где они местами акклиматизировались. Русаки — жители полей, степей, вырубок и опушек. В глубинах леса их не увидишь.

В лесу другой заяц, беляк. Не беда, если летом вы его спутаете с русаком. (Надо надеяться, место встречи не позволит вам этого сделать, и еще смотрите на хвост: у беляка летом он сверху серый, у русака и зимой и летом с черным пятном!) Зимой же ошибка невозможна, заяц блистает ослепительной белизной, только кончики ушей у него черные.

Ареал беляка — лесные массивы севера Западной Европы, а в Восточной — от тундры на севере до Черниговской, Орловской, Саратовской областей на юге, Сибирь, Камчатка, Сахалин, Монголия, Северо-Восточный Китай, Хоккайдо, Северная Америка. Есть беляки и на западе Гренландии.

Несходство между русаком и беляком ограничивается в сущности свойствами шкуры и склонностью к разным биотопам. В остальном они как братья-близнецы. Есть, значит, основания пренебречь пословицей «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь» и в целях экономии написать один портрет на двоих.

Зайцы — это звери, чье имя с языка у нас не сходит. Но ведь, как ни склоняй слово, от этого его суть не станет ясней. И хуже того: от частого повторения оно ветшает и теряет свой первоначальный смысл. «Труслив, как заяц», «заячья душонка», «улепетывает, как заяц», «петляет, как заяц», «косой заяц», «прыгает, как заяц» — эти выражения (остроумные и знаменитые) должны бы, кажется, со всей полнотой вызвать в нашем воображении облик зайца со всеми его повадками, но, увы, их давно постигла участь всех идиоматических выражений.

Возьмем идиом номер один, касающийся пресловутой трусости зайца. Зверь, оказывается, не так уж безоглядно труслив и, если видит, что хищник за решеткой, на цепи или сыт, спокойно занимается своими заячьими делами в самой непосредственной близости от опасности. А если бы кто-нибудь увидел, подобно Петру Александровичу Мантейфелю, как заяц, расположившийся на лежке в степи, был потревожен пасущейся лошадью и, вместо того чтобы бежать, лениво поднялся, царапнул ее по носу (та очень испугалась) и снова улегся на старое место, то, может быть, и приберег бы свое вдохновение для другого случая...

Чем объяснить общую убежденность в трусости зайца? Может быть, тем, что, когда нам приходится поднять его с лежки, он «как угорелый» несется прочь. Едва моргнуть успеешь, а его уж нет. Но ведь тут есть еще одно обстоятельство. Лежащий заяц чаще всего знает о нашем приближении задолго до того, как мы подойдем, и не торопится потихоньку удрать, а, прислушиваясь, ждет, не свернем ли мы в сторону, ждет до последнего. О трусости ли это говорит? Конечно, нельзя забывать, что таким же и разными другими путями к зайцу приближаются и враги, слишком много врагов. Не говоря об охотниках и собаках, его преследуют лисы, волки, орлы, совы. Даже вороны и сороки, умные и смелые птицы, собираясь в бандитскую стаю, иной раз нападают на зайца. И хотя порой ему удается сильной лапой распороть преследователю брюхо, это не намного улучшает его положение, положение зверя, которому надо всегда быть начеку и «улепетывать, как зайцу», потому что победа в стычке ему ни к чему. Не говоря уж о поражении. Скачет он действительно быстро, но гончая, да и обыкновенная собака, обладающая достаточным упорством, хорошим чутьем и мастерством распутывать петли, скидки и прочие заячьи хитрости, его все-таки «загоняет», чему причиной, по-видимому, меньшая выносливость зайца. Борзая же поймает зайца без труда и быстро.

Длинные задние ноги позволяют зайцу сорваться с места со стремительностью катапультированного и мчаться трех-, а порой и пятиметровыми прыжками... Поэтому, когда про кого-нибудь с раздражением или восхищением говорят, что он, дескать, «прыгает, как заяц», то определенно преувеличивают.

Много говорят и пишут об упорной склонности зайца к запутыванию своих следов. Особенно замысловаты действия зайца перед тем, как устроиться на дневной отдых. Таких кренделей навыделывает, что распутать его следы на снегу сможет не всякий. Правда, при соответствующих знаниях в этой неразберихе можно усмотреть кое-какие закономерности. Заяц два — четыре раза пройдется взад-вперед по своему следу, потом «скинется» — прыгнет куда-нибудь в сторону и там, если сразу не затаится, что обычно делают лишь молодые зайцы, все начинает сначала. Охотник, который «тропит» зайца (есть такой бессобачный способ охоты), разобравшись в двух-трех хитросплетениях, может с полным основанием приготовиться к выстрелу, потому что вот-вот должен увидеть лежащего зверя или тот сам выскочит где-то рядом. Правда, часто, загадав охотнику загадку, заяц мощным прыжком вылетает из зоны, где так старательно наследил, и отправляется отдыхать в другое место.

От лисицы, волка, куницы заяц убегает заранее. Но когда заметит в небе ястреба, не бежит, а затаивается. Поэтому и человека близко подпускает, но рано или поздно заячьи нервы не выдерживают, он срывается и выскакивает часто почти из-под самых ног. Для зайца человек слишком высок, и мозг длинноухого автоматически реагирует на охотника, как на врага в высоте. Эта автоматика, которую создала эволюция задолго до изобретения людьми огнестрельного оружия, сейчас уже сильно устарела и губит многих зайцев, слишком близко подпускающих охотников. (Причем замечено, что самки лежат крепче самцов.) На этой врожденной реакции на хищника в высоте основан очень интересный способ охоты на зайца, впрочем не принятый у нас: охота с бумажным змеем! Его запускают метров на сорок в высоту, и напуганные мнимым ястребом зайцы еще ближе подпускают человека.

Охота с гончими основана на том, что заяц, поднятый собакой, как правило, возвращается на свой след. Остается лишь удачно выбрать место да не промазать. Путь зайца в этом случае, как говорят, — круг. Но если начертить его на бумаге, то

схема получится такая, что посторонний невольно усомнится в твердости руки, ее начертившей. «Круг», мягко говоря, будет не круглым. Множество петель, прерывистость («скидки»), неожиданные изменения направления, иногда на прямо противоположные, ненужные, казалось бы, повороты — все это заяц проделывает, чтобы сбить с толку идущих по следу гончих: вот и выписывает по лесу кренделя, прежде чем замкнуть свой круг, неизбежный и роковой. И если петли и все прочее можно отнести к оборонным мерам, то про выход к месту лежки или ее ближайшего района такого не скажешь. Так почему же заяц все-таки это делает? Объясняли по-разному. Лучшим представляется предположение о ревире — собственной территории (1—3 квадратных километра), нарушать рубежи которой он «не имеет права». Вынужденный уходить от преследователя на ограниченном участке, он волей-неволей возвращается на свои «законные» и знакомые места.

А некоторые «толкователи» с серьезным видом убеждают, что заяц кружит «скосу». Их мнение тоже заслуживает некоторого внимания, хотя дело тут не в глазах, а... в ногах. У многих зверей замечена не понятая до конца странная асимметрия в строении органов, которым по природе, казалось бы, полагалось быть симметричными. Например, правая и левая стороны черепа у зубатых китов развиты неодинаково, у морской свинки в левой половине челюсти больше зубов, левый рог у гаура и некоторых оленей длиннее и толще. Этим рогом они преимущественно и бодаются.

Правые и левые ноги у многих зверей не равны: у волков и лис левые часто длиннее правых и оттого на бегу проходят большее расстояние. А это приводит к постоянному искривлению пути вправо.

Возможно, и с зайцем происходит нечто подобное. По той же причине, наверное, и человек, заблудившись в лесу, плутает кругами.

Глаза у зайца крупные, причем настолько, что прикрыть их как будто и век «не хватает». Так и спит заяц с приоткрытыми глазами. Сон зайца (и кроликов тоже), так сказать, «многосерийный»: раз по двадцать на день они засыпают ненадолго, чтобы потом пробудиться, встать, оглядеться, прислушаться.

Глаза у зайца, как у всех почти «преследуемых» зверей, — по бокам головы (у хищников обычно смотрят вперед). Так лучше обозревают они фланги и тылы (угол зрения заячьего глаза почти 90 градусов). Но бинокулярности в этом обзоре нет, потому нет и точности в определении расстояния. Поэтому на быстром скаку заяц порой натыкается на кусты, на пни (были случаи, и на ноги охотника).

Род обычных зайцев (лепус) объединяет 22 вида (по другим данным, 26 или даже 30 видов). Распространены они почти по всей Земле. Обычные наши зайцы — русак и беляк — тоже принадлежат к этому роду. Всего в семействе зайцев и кроликов 11 разных родов (по другим данным, только 8). Многие из их представителей очень редки или владеют очень маленьким жизненным пространством. А всего на Земле зайцев и кроликов 52 вида.

Род обычных зайцев объединяет около 26 видов, которые обитают в Европе и Азии, от тундр до Японии, Тайваня, Индии, Индонезии, почти по всей Африке, за исключением тропических лесов Конго и Гвинейского залива, и в Северной Америке.

Люди завезли и расселили зайцев в Южной Америке, Австралии, в Новой Зеландии и на некоторых других островах. Все зайцы этого рода окрашены скромно: буровато-серые, только у индийского на затылке и шее черная «шапочка». Некоторые виды зимой белые.

Беляки и русаки принадлежат к тем животным, чье положение наиболее незыблемо в области... искусства. Не сочтешь сказок, мультфильмов, рассказов и стихов, в которых зайцы выступают как персонажи симпатичные, часто хитроумные и героические. Но не так безоблачно их существование на земле. То и дело слышишь горькие вздохи о том, что-де «в нашем краю на одного зайца по десять (а то и по сто!) охотников». К сожалению, эти соотношения подчас не так уж гиперболичны.

Зайцы могут обеспечить самый высокий прирост численности. Выводков бывает до трех (у толая и русака — до четырех), и в каждом до восьми детенышей (в первом — наименьшее число зайчат). Размножаться начинают рано, когда еще снег не стаял, отчего детей первого помета называют настовиками. Затем бывают пометы летом (зайчат тогда называют летниками, травниками), ближе к осени рождаются листопадники. Рождаются зайчата зрячими, крупными и в шерсти. Первые, самые трудные дни их спасает полная неподвижность. Они, как родятся, сразу же наедятся материнского молока, которое у зайчихи раз в шесть жирнее коровьего, и замрут. Трое-четверо суток пребывают в оцепенении. Не заметно, чтобы дышали. Но дрожат! Мышцы работают и, значит, выделяют тепло.

Мать в сущности ничего не способна сделать для защиты своих детей от сильных врагов. Если до детенышей кто-нибудь доберется, она обычно бегает невдалеке и стучит задними лапами по земле, отвлекает, приманивая к себе врага. Но это не всегда достигает желанной цели. Затаивание — лучшее, что есть в оборонном арсенале зайчат. Кому приходилось вечерком в весеннем лесу наткнуться на притаившегося зайчонка, знает, как трудно его заметить. С двух-трех метров и лишь после большого напряжения увидишь в старой листве и траве желтоватые глаза, а затем и всего зверька: он лежит, ничем не прикрытый.

Но и те, кто ищет чутьем, не в лучшем положении. Потовых желез на теле у зайцев нет, они на подошвах лап (смачивают их при беге и не дают зимой налипать снегу), и если затаившийся зайчонок лапы под себя подобрал, то его не унюхаешь.

И все-таки гибнут: уж очень много у них врагов. Я не говорю про тех, кто и со взрослым зайцем справится. Вороны, ласки, крысы, даже хомяки и кроты убивают и едят зайчат.

Растут зайцы быстро, за один сезон (за 6—8 месяцев) уже взрослые. Живут до 8—12 лет. Этот факт наряду с перечисленными выше оправдывает законность давно готового вопроса: почему же их тогда не очень-то много?

Причины разные. Численность зайцев подвержена цикличным взлетам и падениям, на которые мы, увы, пока повлиять не можем. Эти циклы в разных местах разные: в Европе они, например, пятисемилетние. В Сибири — до одиннадцати лет. В Калифорнии бывало так, что в один год тысяча зайцев на квадратной миле, а через несколько лет — лишь один-два! (Между прочим, разрешения на охоту неплохо было бы объявлять в соответствии с этими циклами, а не ежегодно, по принципу «была бы пороша».)

Что за тайна скрывается в периодических движениях численности зверя, долгое время не знали, да и сейчас здесь неясности хоть отбавляй.

Несомненна связь колебаний численности с запасами кормов В «год пик» зайцы подъедают какие-то виды растений, которые восстанавливаются полностью лишь к следующему «году пик». В Северной Америке, где существует десятилетний цикл подъема численности зайца, такова же цикличность и численности рыси, питающейся зайцами.

Второй фактор — болезни. А если уж заболевание появилось, его следствие — снижение плодовитости самок, частая гибель зайцев от хищников, смертность от самой болезни.

Заяц очень похож на кролика и близок ему по крови, но какое несходство в биологии и некоторых повадках!

Правда, манера ухаживания, так сказать, «токовые» игры у зайцев и кроликов подобны. Одну зайчиху во время гона преследуют несколько самцов. Стараются оттеснить друг друга, прыгают, бьют задними ногами, иногда боксируют и передними. В эту пору можно услышать особые крики женихующихся зайцев. Заяц, преуспевший больше других, распушив свой хвост (охотники говорят: «цветок»), играет с зайчихой «в догонялки». Они скачут друг за другом, порой увлекаясь, заводят такой «хоровод», что и лису, подбирающуюся к ним, не замечают. Кролик ухаживает примерно так же, и «цветок» исполняет здесь свою привлекающую роль, но главное — особая ритуальная «походка» на выпрямленных ногах.

Несходство в другом. Крольчиха рожает в норе, на подстилке из травы и собственного пуха, крохотных, чуть больше 30 граммов, почти голых и слепых крольчат. Глаза они открывают лишь через 10—20 дней. Она их почти не покидает первое время, отвлекаясь лишь за тем, чтобы немного поесть и для нового зачатия, к которому способна уже через 12 часов после родов. Она согревает их и кормит молоком лежа. Зайчиха приносит крупных, зрячих, опушенных и способных в первые же дни прыгать и кормиться травой зайчат. Рожает их не в норе, а в простой, ничем не выстланной ямке. Они

расползаются в разные стороны и затаиваются. Кормит она их сидя и, покормив, надолго оставляет. У нее и физиология приспособлена к этому: молоком соски наполняются лишь периодами, между которыми деятельность желез затухает. Рассказывают, что если чужая кормящая зайчиха найдет в траве малого зайчонка, то обязательно его накормит, не пробежит мимо (впрочем, проверить это нелегко). Молоко перепадает зайчатам, по-видимому, лишь несколько раз в первые три-четыре недели их жизни, а потом они кормятся только той молодой зеленью, что найдут вокруг.

В биологии размножения зайца, который веками прыгает у нас, что называется, под носом, еще много неясного. Не вполне ясна также роль зайца-самца. Одни исследователи утверждают, что он в меру своих заячьих сил оберегает затаившихся в траве малышей, всегда невдалеке от них, гонит смело малых врагов, отвлекает хитрыми маневрами крупных. Кролик-самец как будто бы никогда этого не делает. Но есть и такие наблюдения: видели, как заяц-самец бил зайчат, а зайчиха их защищала.

Доктор Инго Крумбигель обратил внимание, что беспомощность крольчат (а также детенышей хищных зверей) и самостоятельность, данная с рождения, зайчат (и детенышей копытных) имеют известную параллель с выводковыми и птенцовыми птицами: у первых птенцы достаточно самостоятельны, у вторых нуждаются в постоянных родительских заботах и беспомощны, как крольчата.

«ТРЕБУЮТСЯ КОСАРИ!»

В наш век не часто прочтешь или услышишь объявление «Требуются косари». Но медведю, жителю горных районов Центральной Азии, косари-сеноставки «требуются». Очень он их любит и, найдя колонию этих зверьков, впадает в настоящий охотничий азарт. Выдающийся исследователь Центральной Азии Петр Кузьмич Козлов добыл в одном из своих путешествий такого медведя, причем еще недообедавшего, и нашел в его желудке 25 сеноставок. А они ведь приличного для «грызунов» размера, хотя в общем вдвое меньше кролика.

Как ни смотри на сеноставок, или пищух, «броских» фамильных заячьих примет не увидишь. И тем не менее это самые близкие родственники. Впрочем, если считать почти полное отсутствие хвоста у пищух (он незаметен в шерсти) неким тождеством с куцыми хвостиками зайцев, то вот вам и сходство. Правда, очень относительное, мало ли у кого еще хвост короткий! Зато признаки более глубокие определенно подобны.

Когда-то в семействе пищух было 11 родов, а остался один. Его делят на 14—16 видов, из них семь-восемь — в СССР. Пищухи живут сейчас на огромной территории от Северной Америки на запад через Азию до Юго-Восточной Европы. Водились даже в Англии в историческое время.

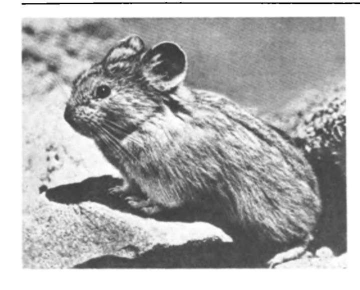
Чтобы изобразить пищуху, много красок не требуется. Зимой зверек серый, часто с рыжеватым налетом. Летом, естественно, оттенки побогаче, но вся их гамма легко поместится между охристым и коричневым цветами. Особых примет немного. Вот разве что уши круглые, похожие на лепестки, да усатость необыкновенная — у некоторых видов вибриссы прямо «тараканьи», 80 миллиметров, а может, и больше.

Задние и передние ноги примерно одинаковы. Передвигаются пищухи коротенькими, неловкими, даже наивными прыжками.

Пищухи — петрофилы. «Петра» — слово греческое, переводится как «скала, утес, камень»; «филия» — не что иное, как самая «нежная любовь», «верная дружба», «сердечная склонность». Получается, что пищухи — большие любители гор. Надо оговориться, не все. Два-три вида живут в лесах и на равнинах, но большинство — горцы.

Селятся у подножия горных гигантов, поднимаются в высокие долины, ущелья. Колонии пищух встречали на высоте до пяти тысяч метров! Малая, или степная, пищуха живет в степях у западных отрогов Уральского хребта.

Узенькая тропинка, петляющая возле камней, приведет к отверстию — небольшому, вряд ли рука пролезет. Таинственная обитель пищухи — иногда примитивно короткий ходик с гнездовой камерой на конце, иногда внушительные коридоры длиной до десяти метров, и не с одной, а с двумя и даже тремя камерами, выложенными травой.

Еще в прошлом веке некоторые ученые протестовали против объединения зайцев и пищух в одном отряде с грызунами Но лишь сравнительно недавно такое разделение было произведено Пищуха, изображенная на этой фотографии, обитает на западе США

К норе приближается непрошеный посетитель, зверек высунет голову и передние лапы и пристально, даже подозрительно, смотрит. Но потом, будто опомнившись, заволнуется, пропищит что-то, предупреждая соседей об опасности. Соседи не замедлят ответить таким же писком, и через несколько мгновений в колонии исчезнут все признаки жизни.

Когда очень уж холодно, пищухи замирают ненадолго в теплых гнездах. Если же мороз терпимый, то роют в снегу длинные ходы и даже, случается, здесь же, в снегу, строят гнезда (чаще шарообразные) и внутри этих конструкций прекрасно устраиваются до весны. Стенки, выложенные из травы, хорошо держат тепло, так хорошо, что уже в марте самочка может вывести первый из двух годовых выводков. Уважение к строительным способностям пищух возрастет, если добавить, что детеныши рождаются не только слепыми, но и голыми и не замерзают!

Не всякий даже смекалистый наблюдатель, оказавшись возле норы сеноставки, придаст значение груде камешков, будто бы случайно здесь валяющихся. А камни между тем не случайные. Зверек заготавливает их заранее и кладет рядом с норой, чтобы, когда начнется страдная пора, использовать по назначению.

Страдная пора приходит в месяц сенозорник, как называли июль наши предки. Лучшая трава в это время, жарко. Сеноставки принимаются за работу. Аккуратно выстригают растения на местах, недоступных ни косе, ни тем более сенокосилке. Прежде думали, что пищухи собирают только лучшие травы, но недавние подсчеты говорят о другом: до 70 видов растений попадает им на зубы, то есть почти столько, сколько может расти на ограниченном участке колонии.

Все знают, что косьба сама по себе — это даже меньше, чем полдела. Главное, правильно высушить сено и сохранить его. Недосушенное гниет, а пересушенное — малопитательно. Сеноставки — сушильщики непревзойденные. У них сено высушено, как говорится, «в самую точку»: сухое, зеленый цвет не потерявшее, душистое. Возьмешь пучок такого сена в руки — аромат необыкновенный! Волей-неволей подумаешь, что особая тут какая-то трава, отборная.

Скосив поутру готовый к сенокосу «лужок» и разложив траву для просушки на камни и просто на землю, четвероногие косари не спешат отдохнуть где-нибудь в холодке, заботу свою о продукции не прекращают. Нахмурилось вдруг небо — и в колонии аврал! Суетятся зверьки, рассовывают сено в укрытия. А когда день предстоит жаркий, сено может пересохнуть. И тоже аврал... Переместилось солнце в небе, сено оказалось в тени, несут его на солнцепек. Ветер поднялся, полезный для сушки помощник, но он развеет сено... У заботливых зверьков все предусмотрено. Помните о заготовленных камешках? Ими зверьки придавят скошенную траву, и ветру ее не сдуть.

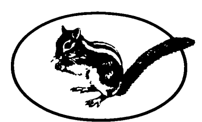
Но вот сено готово. Дальнейшие заботы маленьких тружеников мало отличаются от действий любого заготовителя: сено убрать надо — либо в стога, либо на сеновал.

Находят такие щели, в горах это нетрудно, где ни ручью, ни дождю не подобраться. Когда его занесет снегом, подкопают ход и позаботятся о том, чтобы ценные запасы не задохнулись без воздуха: вентиляцию наладят, проделав специальные отверстия в сугробе (в стожках и сами порой от мороза прячутся). Бывает, что и летние земляные норы используют как хранилища. Но и тогда вопрос о вентиляции не снимается. Если же часть запасов все-таки подгнила, ее выбросят, чтобы сохранить остальное.

Но самое занятное — это стожки и целые стога, сооружаемые сеноставками (высотой до метра!). Тут как раз мы и подходим к объяснению словосочетания «требуются косари», потому что эти стога и стожки — желанная находка для любого парно- и непарнокопытного. Одна монгольская пищуха складывает стожок, в котором до четырех килограммов сена! А у зверьков, работающих артельно, стог получается на 15—25 килограммов.

И встарь, и по сей день пастух и наездник кормили свой скот и коней плодами труда сеноставок.

ГРЫЗУНЫ

Нелегко найти такое место на земле, где бы не было грызунов. Ни один отряд зверей не распространен так широко по свету, как грызуны, и ни в одном отряде нет такого изобилия видов и особей: 1729 видов, по данным Десмонда Морриса, — две пятых класса млекопитающих, а в фауне зверей нашей страны — почти половина. По мнению других систематиков, грызунов почти три тысячи видов: больше половины всех видов зверей, обитающих на Земле.

У грызунов только по паре резцов в каждой челюсти, лишенных с внутренней поверхности эмали. Клыков, как и у зайцеобразных, нет. Сами челюсти и приводящие их в движение мышцы устроены очень хитро: когда грызун грызет, нижняя челюсть выдвигается вперед, резцы входят в соприкосновение друг с другом, но нижние коренные зубы не касаются верхних. Эта механика предотвращает преждевременное и ненужное их снашивание во время работы грызущих резцов, когда жевать еще не нужно. Мышцы втягивают губы внутрь рта и заполняют ими широкую диастему (промежуток между резцами и коренными зубами). Куски земли, коры, щепки и другие нежелательные и неизбежные отходы при рытье нор и прочих делах, совершаемых резцами, не засоряют глотку. Когда же грызун жует, нижняя челюсть отходит назад. Теперь нижние резцы лежат позади верхних, коренные зубы, верхние и нижние, входят в соприкосновение, необходимое для пережевывания пищи.

Многие грызуны наделены защечными мешками, в которых уносят запасы зерна или другие продукты. Защечные мешки бывают внутренние, в полости рта, и наружные, как бы «вмонтированные» в саму щеку. Последние выстланы мехом и могут выворачиваться наружу, как карманы, чтобы зверек мог их вычистить.

Грызуны в основном вегетарианцы, но некоторые всеядны. Желудок простой, но иногда сложный, как бы жвачного типа — у леммингов. Беременность от 16 дней (золотистый хомячок) до пяти с половиной месяцев (водосвинки). Вес от четырех граммов (мышь-малютка) до 50 килограммов (водосвинка). Продолжительность жизни от двух (мелкие грызуны) до 22 лет (дикобразы и шиншиллы).

В отряде грызунов около 30 семейств и больше 300 родов (опять-таки, напоминаю, подсчеты тут разные). В фауне зверей СССР — 11 семейств и 50 родов.

Сейчас обычно отряд грызунов разделяют на три подотряда: белкообразные (белки, сурки, суслики, бурундуки, гоферы, североамериканские кенгуровые крысы, бобры, долгоноги) — 366 видов; мышеобразные (мыши, крысы, хомяки, сони, тушканчики, лемминги, полевки) — 1183 вида; дикобразные (дикобразы, иглистые крысы, голые кротовые крысы и южноамериканские грызуны типа морских свинок, водосвинок, шиншилл, мара, агути) — 180 видов.

Некоторые систематики всех южноамериканских родичей морских свинок выделяют в особый подотряд, другие признают еще более дробные подразделения — до семи подотрядов.

НА ГОРАХ

Даже специалисты — у них есть на то основания — не признают сурков за истинно горных... Сам Сергей Иванович Огнев пишет, что это «типичные обитатели степи». Но, не рискуя погрешить против правды, скажу: они живут в горах...

Альпийский сурок. . Герой легенд, народных песен, стихов. Свободный, он живет в поднебесье, у самых границ ледников. Водится не только в Альпах. Пиренеи и Карпаты — тоже его родина.

Есть у альпийца родич, особыми почестями не пользующийся. Его именем клеймят ленивых людей. «Байбак» — говорят про какого-нибудь любителя лежачего образа жизни.

Байбак — зверь, чьи бренные останки находят в плейстоценовых отложениях некоторых стран (а это время наступавших и отступавших ледников, словно пытавшихся начисто обрить голову Земли), угрожает нарушить стройную направленность этой главы, посвященной обитателям гор. Как ни прискорбно делать исключение из правила, но придется: байбак — типичный степняк. Его вполне устраивают казахские, приуральские, приволжские, местами украинские, воронежские, ростовские степи. Он еще недавно в обилии водился на Украине, даже в Полесье и Подмосковье.

И все же байбак отнюдь не чужой ни повадками, ни родословием другим суркам, действительно горным, которых пора наконец и назвать.

Это красный, или длиннохвостый, сурок — житель Тянь-Шаня, Восточного Афганистана и ближайших к нему районов Индии. Алтайский сурок — вылитый байбак, только потемнее. Кроме Алтая и Саян обитает в горах Казахстана, Киргизии, Монголии, Северо-Западного Китая. Монгольский сурок, который помимо своей родины живет под именем «тарбаган» в холмистых степях Забайкалья. Сурок Мензбира (Тянь-Шань) и камчатский сурок-черношапочник, у которого нет, конечно, никакой шапки, просто голова сверху черная, так же как у тарбагана. Сурок-черношапочник обосновался не только на Камчатке, но и на хребтах Восточной Сибири, а несколько видов его собратьев расселились и по ту сторону Берингова пролива — на Аляске, в Канаде, США и дальше на юг до Северной Мексики.

Если поглядеть на сурков где-нибудь в районе Горного Алтая или Забайкалья, то легко убедиться, что путешественники они никудышные. Сурок — толстяк на коротких лапках. Правда, напуганный, он бежит довольно резво, так что человеку вряд ли угнаться за ним, но все это на каких-нибудь 20—30 метрах. Впрочем, когда в населенной сурками округе растительность выгорает, подсыхает, они уходят довольно далеко.

Сурок молодого пополнения, когда ему приходится рыть собственную нору, вряд ли выберет место где-нибудь в стороне от других нор. Он скорее выроет ее между ними. Поэтому порой колония сурков превращается в непроезжий для всадника участок.

Вообще эти норы — еще одно подтверждение удивительной приспособленности сурка к обитанию в горах. На склонах, где каменные осыпи спрессовывались миллионы лет, зверь умудряется вырыть себе жилье, сохраняя его традиционные размеры и архитектуру. Вспоминается один случай. Трое истомленных участников геологической экспедиции захотели убить сурка. Мясо этого грызуна вкусное, а о полезности и говорить нечего — уверяют, что будто бы лечебное.

Так вот. У наших героев оставался всего один патрон в мелкокалиберной винтовке, и поэтому они могли действовать только наверняка. Долго искали. Наконец зверь на мушке. Это был великолепнейший экземпляр. Толстый, лоснящийся, шкура на нем висела складками. Он выглядел разжиревшим от безделья рантье, выбравшимся на солнышко понежиться. Он жмурился, поворачивая к светилу то одну щеку, то другую, а временами даже засыпал и «клевал носом». Лучшей цели нельзя было придумать.

Стрелок удобно лежал за камнями. Выстрел грянул! Послышался характерный шлепок пули, возвестивший о точном попадании. Зверь вскинулся, быстро повернулся и исчез в норе.

«Ура!» подбежавших геологов было преждевременным. Заглянув в широкое темное отверстие, они зверька не увидели. Некоторое время в глубине слышались глухие звуки, затем все стихло: сурок умер. Голодным людям ничего не оставалось, как бодро приняться за раскопки. Кирка и лопаты заскрежетали о камни...

Нора была расположена внизу, у подножия довольно крутой скалы, изрядно потрепанной выветриванием, поэтому нечего было и ожидать здесь податливого грунта. Но то, что открылось геологам, превзошло все ожидания: гранитные глыбы и щебень, буквально сцементированные галькой и песком. Каждый камень приходилось чуть ли не вырубать, гнулись лопаты, кирка звенела. За час удалось лишь расширить вертикальное входное отверстие. Копали до вечера и здесь же заночевали. Утром у всех болели руки. Геологи с грустью взглянули на яму и груду камней и отправились в путь ни с чем.

Старый сурок победил. Подумайте только: три человека, вооруженные железными орудиями, оказались бессильны против строения, созданного короткими лапками!

Теперь об архитектуре. Она у сурков рациональна и не отличается особой вычурностью. Даже равнинный байбак, хозяин мягкого чернозема, не утруждает себя сложными конструкциями: дом должен быть удобным и безопасным.

Перед нами жилье сурка предстает лишь круглым, вертикально уходящим вниз отверстием и крепким холмиком грунта рядом, так называемым бутаном. Это важнейшая деталь общей конструкции, нечто вроде завалинки у фасада деревенского дома. Тут можно отдохнуть, поболтать с соседом... Сурки очень общительны и часто ходят в гости друг к другу, причем гостиной служит бутан. На бутане все можно. Можно порезвиться, хватая друг друга под микитки; можно посидеть в компании, можно просто выспаться на солнышке, и теплый бок друга согреет твой бок, оказавшийся в тени. Но если из-за холма показалась голова охотника, беги сломя голову к своей норе, дружба кончилась...

Трогательные идиллии на пролысинках бутана — это все приметы летних развеселых отпусков. И норы с бутанами — всего лишь дачи. Они обычно просты: вертикальный или почти вертикальный ход вниз (этак на метр), по которому зверь просто сваливается (весьма удобно при стремительном отступлении), затем узкий коридор, который часто соединяется с такими же коридорами близких родственников.

Сложнее устройство зимних убежищ, где сурки залегают в спячку. Впрочем, про остроумную идею главного входа не забывают и здесь. И основной коридор идет так же. Но он длиннее и глубже и в конце своем разветвляется. Пойдешь налево — попадешь в небольшую камеру, а в ней испражнения, всякий мусор, какая-то ненужная, линялая шерсть. Пойдешь направо — встретишь большое арочное помещение с хорошо выделанными стенами. Нет, нет, это не келья одинокого монаха. Здесь коллективная спальня. Зимой сурки спят все вместе, в некоторых иногда до двадцати зверей собираются — все как-то теплее. Да, вот еще: иной раз в главном коридоре можно найти несколько небольших отнорков, в которых едва-едва поместится зверь. Их назначение не очень ясно. Карцер для тех, кто на общей постели сильно ворочается? Убежище? Или специальная ниша, куда следует отойти, если встретился кто-нибудь из старших?

Остается сказать еще о том, как сурки выбирают место для своих поселений. Они знают, что солнце — благо, и неутомимый охотник зря будет искать их норы на мрачных северных склонах гор.

Солнце — друг; вода — враг. Когда дождевые потоки устремляются вниз — берегись, сурок! Если строитель был неосмотрительным, нору зальет. Вода в норе — сама смерть! Залегая на зиму, звери так заделывают входные отверстия, что не только вешним водам в них трудно проникнуть, никакая лопата их не берет. А уж когда случится беда... Были, говорят, такие случаи: сурок собственным телом заткнул нору! И вода не прошла!

Не от хорошей жизни сурки спят шесть, семь, восемь, девять месяцев в году. Но это выход. Разве смогли бы они выжить, если бы не умели пережидать времена сокрушительных морозов и бескормицы? К спячке готовятся заранее. Копят жир, он будет потом питанием. Все меньше и меньше бегают и ходят, а перед самой спячкой ничего не едят: желудок спящего сурка пуст И вот ушли в нору, заделали вход, сгрудились в келье-спальне...

Когда я говорил о странных нишах, годных якобы для карцерного заключения тех, кто, сильно ворочаясь, не дает соседям спать, то, конечно, шутил. В спальне царит неподвижность. Два-три вдоха в минуту. Ударов сердца — три, четыре, пять (а у сурков на летнем бутане пульс 88—140 ударов). Температура сурка снизилась до температуры воздуха в спальне — иногда до нуля! В общем не поворочаешься. И в таком положении всю зиму.

Как протопленная печь под слоем остывших углей и золы хранит жар, так и центральная нервная система сурков бережет энергию жизни. И между тем живучесть повысилась: если убить спящего сурка, его сердце будет биться три часа! Организм невосприимчив даже к нашествию страшнейших врагов — микробов. Здоровье сохраняется!

Нам остается кинуть прощальный взгляд на жизнь этих коротконогих, скромных, смирных и очень симпатичных зверьков. Представьте: мы в горных степях Забайкалья или Монголии, на отрогах Тибета или Алтая... Весна. Отдав влагу беснующимся рекам, прогреваются склоненные спины гор. Наливаются соками первые травы. Холмик земли, смешанной со щебнем и камнями, зашеве-

лился, посыпались комочки... И вдруг — голова! Сонная, удивленная, всклокоченная. Холмик, оказывается, не могильный! Зверь не сразу выбирается на бутан — сначала ведь надо убедиться, что безопасно кругом. Но вот вылез, сел столбиком, потешно держа у груди расслабленные коротенькие лапки-ручки. Утреннее солнышко греет, хорошо!

И вот у заброшенных, казалось бы, бутанов — в горах, на плато, на холмах, в мягких луговинах распадков — вырастают комичные фигурки, напоминающие пингвинов. Взглянешь в бинокль: в одном, другом, третьем месте — повсюду они. Кто спокойно греется, кто нагибается за пучком травы (в особенности любят острец), а затем, усевшись на корточки, жуют, быстро-быстро шевеля черными усиками.

Конечно, кто-нибудь да нарушит идиллию: человек, хищник. И тогда раздается молодецкий посвист. Свистит тот, кто первый заметит врага. Сосед подхватывает сигнал, передает дальше. Дальние сурки тоже насторожились и в свою очередь предупреждают еще более дальних. Так что о вас быстро узнают все. Вы продолжаете приближаться — тон посвистов меняется: дело не шуточное! И один за другим ныряют в норы. Вскоре нигде ни одного желтого пятнышка не видно. Человек, гулко топая, проходит над норой. Из подземелья слышится ворчание, брюзжание: чего тут ходишь?!

Но хватит о сурках. У многих охотников они все равно ведь за дичь не считаются (вот благодать для зверей!). Хотя, между прочим, в Монголии сурков промышляют усердно: экспортируют ежегодно два миллиона шкурок. А мясо, несмотря на обилие дешевой баранины, с удовольствием едят.

ДИКОБРАЗ, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ В ГОРАХ

Нет, мы пока еще не спускаемся с гор. У нас свидание с дикобразом. С наземным — не путайте его с древесным. Тот из другого семейства, и речь о нем впереди.

Зверь и некрасивый, и страшный. Оттого и зовется дикобраз. Он тигру сумеет всю жизнь искалечить!

Вначале оговорюсь: есть и другие недревесные дикобразы, не из рода обычных дикобразов, в котором около дюжины видов. Но о них — потом, когда спустимся вниз. Сейчас мы в горах. На «зеленых холмах Африки» или где-нибудь над Средиземным морем — в Италии, Сицилии, в Алжире — еще живет «гребнистый», или индийский, он же европейский, дикобраз. По правде сказать, в Европе встреча с ним затруднительна. В этой части света зоопарков, пожалуй, больше, чем вольных дикобразов. В Закавказье и Средней Азии эти звери еще есть. Поэтому мы в Туркменистане, а еще лучше — в Ираке.

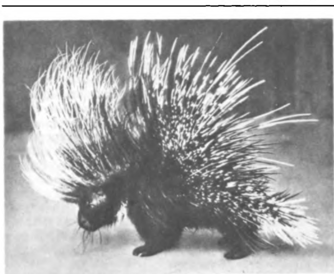
Горы. Камни раскалены так, что голыми руками лучше не трогать. Но дикобраз тепло любит. Он предпочитает одиночество, и, чтобы его увидеть, надо забраться повыше, к самым скалам, к опасным каменным осыпям, где он селится в трещинах и пещерах Однако бывает, что живет и в низинах, даже в песках, на мягком грунте, вернее, в нем самом, так как там зверь вспоминает, что он все-таки грызун, и роет норы.

Но вот и дикобраз. Его кто-то потревожил, иначе не вылез бы из своего укрытия. Обычно дикобразы бродят лишь ночью, неловко переваливаясь и гремя иглами. Обожают забираться в сады и огороды, где есть самая любимая пища — дыни и кукуруза. Иглы у дикобраза длинные, довольно толстые (иные с карандаш!), отточенные. В сущности единственное оружие дикобраза, хотя зубы его без особого труда способны прогрызть проволочную сетку.

Иглы держатся на специальной мышце и легко от нее отделяются, поэтому долгое время считали, что дикобраз может метать их. Предварительно погремев для угрозы иглами, дикобраз в коротком броске (задом вперед!) вонзает иглы в тело врага с такой силой, словно это стрелы, выпущенные из добротного лука. В Таджикистане молодому колхознику дикобраз «подарил» таким образом иглу, всадив ее в ладонь. Не сразу удалось эту иглу вытащить.

Недавно зоолог Дате и его сотрудники своими

Загадка, как североафриканский дикобраз попал в Сицилию и Италию? По-видимому, его привезли римляне мясо дикобразов они очень ценили, а позолоченные иглы римские дамы втыкали в свои прически

глазами видели в Берлинском зоопарке: потрясая шкурой, дикобраз бросал иглы с большой силой, они вонзались в деревянные планки. Вторая загадка: как северо-африканский дикобраз попал в Сицилию и Италию? По-видимому, его привезли римляне: мясо дикобразов они очень ценили, а позолоченные иглы богатые римские дамы втыкали в свои прически.

Слов нет, оружие у дикобраза сильное, но похоже, что зверь несколько преувеличенного о нем мнения. Он не уступает дорогу даже автомобилю. Встанет на дороге, топает короткими задними ножонками и хрюкает: не приближайся, заколю! И гремит ощетиненными иглами. Надо полагать, не от большого все это ума. А впрочем, оправдывали же себя такие повадки миллионы лет.

Современным тиграм или леопардам рекомендуется обходить дикобраза, вставшего на пути. Вопьется игла в морду или в лапу — кто вытащит? Доктор Айболит? Сколько раз последствия таких ран были более чем печальными: беспомощный, страдающий хищник становился людоедом — значит, подписывал себе смертный приговор.

Вот он какой, дикобраз.

Самка за лето приносит местами по два помета, в каждом два, три, а то и пять детенышей. Беременность, по-видимому, шести-, восьминедельная, детеныши родятся довольно смышлеными, с открытыми глазами, готовыми грызть резцами и с иглами. Иглы, правда, вначале мягкие, но растут и крепнут быстрее самих зверюшек. На десятый день так тверды и остры, что руку о них поранишь. Мать не очень чувствительна. Как заметит, что детки сами могут прокормиться, так и уходит. Куда? Наверное, искать супруга: в некоторых зоопарках через 90—100 дней после первого помета дикобразихи рожали второй раз.

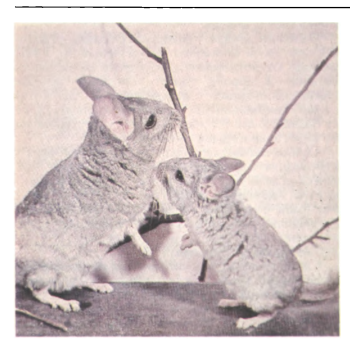

СТО ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ ЗА ШУБУ!

«Ванна из золота или шуба?» — нелегкий этот вопрос, возможно, задавали себе немногие, но зато очень богатые женщины. И шуба из шиншиллы, и ванна из чистого золота стоят одинаково дорого. Многие миллионерши купаются в золоте, но шиншилловые шубки услаждают тщеславие лишь трех из них. Так во всяком случае пишут в газетах (например, в «Комсомольской правде» от 16 марта 1965 года). Наверное, имеются в виду шубы из диких шиншилл, которые действительно стоят 100 тысяч долларов.

Шиншилла, маленький серенький грызун, на весь мир прославилась мехом, которым наделила ее природа. Этот изумительный мех очень прочный, густой, ноский, мягкий и легкий, чуть тяжелее толстого шелка. Цвет — серебристо-серый с голубизной и перламутровым переливом. Но бывают и буровато-серые шиншиллы. Очень элегантные получаются из шиншиллы шубки, и на каждую требуется приблизительно триста шкурок (некоторые уверяют, что хватит и 150).

До того как люди распознали превосходные качества их меха, шиншиллы процветали в Андах Перу и Чили, от прибрежных подножий гор до высот в пять тысяч метров. Только снег да лед останавливали их на высокогорьях. *Шиншиллы были*

Малая, или длиннохвостая, шиншилла — самый дорогой пушной зверек. Мех более крупной короткохвостой шиншиллы почти так же дорог

так доверчивы, что, как воробьи на московских улицах, шмыгали под ногами у коней. За день их можно было насчитать тысячи! Теперь это редкие высокогорные зверьки. Шиншиллы каждый день купаются в вулканическом пепле, чтобы содержать в чистоте свои шубки. Не мочить же дорогое создание природы в воде! Впрочем, там, где живут шиншиллы, и воды-то нет почти, эти зверьки никогда не пьют, уверяет доктор Д. Хайнеманн.

Горные индейцы племени чинчас тысячу лет назад первыми испытали редкие качества меха шиншилл. А когда несколько сот лет спустя их покорили инки, имя порабощенного народа унаследовали зверьки. С течением веков, кочуя из одного языка в другой, «чинчас» превратилось в «шиншилла».

Инкам тоже полюбился мех шиншилл, он согревал их в зимнюю стужу и украшал одежды высших жрецов и царедворцев. А потом пришли другие завоеватели, испанцы, и, разгромив с нечеловеческой жестокостью государство инков, стали грабить его. Отправляли в Европу караваны судов, груженных золотом, драгоценными камнями и... шиншилловыми шкурками. И в Европе шиншилл быстро оценили, спрос на серебристый мех был велик. Королям пришлось издать указы, запрещавшие людям простого звания носить одежду с мехом шиншилл. Шкурки грызунов, в которые индейцы чинчас одевались с ног до головы, теперь могли украшать одежду только богатых и знатных людей. (По другим данным, первые шкурки шиншиллы попали в Европу лишь в XVIII веке, но это маловероятно.)

В Андах на шиншилл охотились без всякой пощады, но их было так много, что лишь в начале нашего века маленькие серебристые зверьки стали редкостью. Еще в 1894 году из Чили вывезли 400 тысяч шкурок шиншилл и столько же примерно из Боливии и Перу. В то время первосортная шкурка шиншиллы стоила всего... 13 долларов. Еще в начале нашего века, в 1905 году, из чилийского порта Кокимбо вывезли 216 тысяч шкурок шиншилл, а через четыре года — лишь 27 тысяч. Цена на них сразу подскочила до 40 долларов. В 1930 году шкурка стоила уже впятеро дороже. В 1910 году в Чили и Перу был издан закон, запрещающий охоту на шиншилл и их экспорт.

Американец, горный инженер Мэтьюз Чэпмэн, когда работал в Андах, коротал время, изучая повадки диких шиншилл. И ему пришла идея разводить зверюшек на фермах, как норок и лисиц.

В 1923 году Чэпмэну разрешили вывезти в США одиннадцать живых шиншилл. Они хорошо перенесли дорогу и вообще оказались очень непритязательными и выносливыми зверьками. На фермах шиншиллы отлично прижились и стали быстро плодиться. Норвежцы, канадцы, а потом и англичане тоже стали разводить шиншилл.

Другие страны тоже заинтересовались этим прибыльным делом. После второй мировой войны на фермах Америки и Европы жили уже сотни тысяч, а возможно, и миллионы шиншилл — в основном потомки зверьков, пойманных в Чили Чэпмэном.

Шиншиллы — никто этого не ожидал — экономически и практически оказались более пригодными для клеточного разведения, чем многие другие ценные пушные звери. Они очень нетребовательны к пище и совсем непрожорливы. Содержание одной шиншиллы обходится всего лишь в фунт стерлингов в год — около двух с половиной рублей. Выносливы и плодовиты: приносят детенышей дватри раза в год, в каждом помете от одного до семи.

Беременность, правда, очень длительная для такого маленького зверька — 110 дней. Но зато самки, разрешившись от бремени, через двенадцать часов снова готовы стать матерями. Да и детеныши родятся на свет вполне приспособленными. В попечении родителей они почти не нуждаются: в пять—восемь месяцев уже половозрелы, живут в неволе до 20 лет.

Чтобы шиншиллы хорошо росли, им необходим свежий песок для купания. Каждый день перед едой шиншиллы принимают песочные ванны. Найти все это, конечно, нетрудно.

Только вот беда: в неволе у шиншилл изменилось (не в лучшую сторону) качество меха, и расцветка его стала слишком уж разнообразной. Трудно подобрать однотонные шкурки даже для одной шубы. Звероводческие фермы, поставляя на мировой рынок шкурки шиншилл, конечно, снизили на них цены, и все-таки они еще очень высоки.

Шиншилла совсем невелика: длина тех шиншилл, которых вывез из Чили Чэпмэн и которых разводят в основном на фермах, четверть метра. Это длиннохвостые, или малые, шиншиллы.

Есть и другой вид шиншилл — большие, или короткохвостые. Эти покрупнее — 30—38 сантиметров. Именно их вывез в 1934 году норвежец Холст из Южной Америки на свою родину. Их тоже разводят на фермах (в меньшем числе, чем длиннохвостых, и в основном в Южной Америке). Самки малых шиншилл крупнее самцов своего вида и в иерархии естественных поселений (живут шиншиллы колониями, как сурки) выше рангом, чем все представители «сильного пола». Некоторые систематики считают эти два вида шиншилл лишь подвидами: помеси между ними довольно часты. Самцы-метисы неплодовиты, а гибридные самки, напротив, приносят потомство и от длиннохвостых и от короткохвостых самцов.

Заканчивая рассказ о шиншиллах, хочу обратить ваше внимание, что впервые в нашу страну шиншиллы попали в октябре 1963 года в Узбекистан. Позднее их выпустили в горах Таджикистана, но сведений о них мы пока не имеем.

И ПРОЧИЕ, И ПРОЧИЕ...

Конечно же сурки, дикобразы, шиншиллы не единственные из грызунов, которых приютили горы. Рядом с шиншиллами, например, живут близкие их родичи — пушаки, или горные вискачи. Их три-четыре вида. Они очень похожи на длиннохвостых шиншилл, но хвостики и ушки у них подлиннее. Повадки сходные, но мех не очень ценный. И еще — без питьевой воды, как шиншиллы, жить не могут. Прометеева полевка, снежные и горные полевки и горные слепушонки, серые и даурские хомячки, многие гоферы, бамбуковые крысы и вездесущие мыши — даже таким не слишком коротким списком не перечислишь всех, кому милы разреженный воздух, безлюдье и обильные корма высокогорных хребтов и плато.

Или взять суслика. Казалось бы, он степняк, и только. Множество разных сусликов (а всего их в Восточной Европе, Азии и Северной Америке 20—30 видов) населяет луговые долины, степи, полупустыни и даже пустыни. Там им, казалось бы, и место. Но нет. Живут и в горах. Сони тоже живут и в равнинных и в горных лесах.

В ЛЕСУ

Лес... Ельник-зеленомошник и сказочное очарование берендеева царства сфагновых верховых болот, дурманящий аромат багульника, посеребренные пушицей, подкрашенные клюквой упругие кочки. Буки и грабы, шагнувшие в гору. Торжественные храмы кедровников, где деревья высятся, как могучие колонны, созданные трудом великанов. Джунгли, стиснутые в объятиях лиан, в пышных одеяниях орхидей — коварных дарах Медеи. Жарко, сыро. Перелески, урманы...

Виктор Гюго с раздражением называл леса отсталостью цивилизации! В его время человек еще враждовал с лесом. Теперь жизнь обязала людей беречь и растить леса.

Но даже в рукотворном лесу, радуясь цветению или зимнему покою природы, человек с тайной грустью сознает, что он здесь все-таки чужой, кому-то он мешает... Потому что в большом зеленом доме, именуемом ЛЕС, истинные хозяева — четвероногие, многоногие и пернатые.

Грызуны — признанные «акционеры» среди владеющих лесами. Они здесь всюду: сверху донизу и глубже — в земле. Иные, научившись парить, соперничают с птицами.

«Здешние простолюдины убеждены в том, что будто бы летяги несут яйца и выпаривают из них детей, как птицы... Летяги питаются преимущественно березовыми и осиновыми сережками; промышленники утверждают, что они едят также мелких птичек, которых ловят на деревьях и в гнездах, и что они нападают даже на белок и душат их тоже в гнездах» (А. А. Черкасов).

Верить ли этим рассказам? То, что летяга высиживает яйца, неправда. Но возможно, ворует их у птиц. Так делает ассапан, американская летяга. И самих птах, если поймает на гнезде, ест. Но о разбойничьих делах нашей летяги достоверных данных, по-видимому, нет.

Душит ли белок летяга? Тоже сомнительно. Но из гнезд выгоняет, чтобы поселиться в готовом доме, если дупла не найдет.

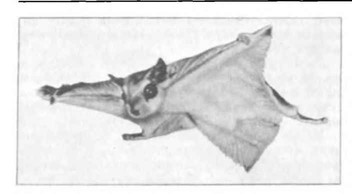
А про полет все правда. Летают эти грызуны, так же как и американская северная летяга (Аляска, Канада, крайний запад США), ассапан (восток США, Мексика, Гватемала), азиатские гигантские летяги и африканские шипохвостые белки. У них есть для этого специальное приспособление. Одни говорят — парашют, другие — крылья, третьи — летательная перепонка, четвертые — патагиальная складка.

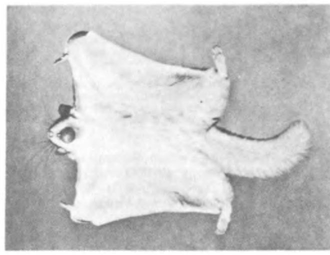
Она — перепонка (патагиум) — состоит из кожи, поросшей шерстью. Крепится на хрящевых выступах, имеющихся на лапках. Бывает вместо них и костный придаток, похожий на сабельку. Охватывает все четыре лапы, а у некоторых тянутся дополнительные складки и к хвосту.

Но мы отвлеклись, прервав знакомство с летягой — обитательницей лесов Сибири, средней и северной Европейской России и таких стран, как ГДР, Норвегия, Финляндия. Близкий или, возможно, тот же вид, китайская летяга, живет в Монголии, Северо-Восточном Китае и на Хоккайдо. На других островах Японии есть еще одна летяга — момонга. На Курилах, Камчатке, Чукотке летяг нет, но на Сахалине и Шантарских островах они водятся.

Летяга крупноглаза и миниатюрна: каких-нибудь сантиметров двадцать, на ладони поместится. Зимой она серебристая. В сумерках или ночами, когда парит, пролетает от дерева до дерева метров пятьдесят, если стартовала с достаточной высоты. На лету, управляя хвостом, как рулем, может развернуться на 90 градусов.

По земле летяги бегают редко и не так проворно, как белки, но по стволам деревьев скачут резвее. По тонким сучьям умеют лазать на манер ленивцев — вверх ногами, цепляясь когтистыми лапками за ветку, иногда ухватившись только задними лапами, и тогда повисают вниз головой Там, где летяг не беспокоят, они затевают свои сумеречные игрища, настоящие хороводы и догонялки вокруг деревьев, то облетая их, то карабкаясь по стволам. Зимой не спят, как, скажем, сурки или медведи, но на волю выходят редко, особенно если морозно. В дуплах у них теплые шары-гнезда и запасенный провиант — ольховые шишечки и березовые сережки.

Живой ковер-самолет отправился за добычей

Вот он возвращается с орехом в зубах Зверек весит всего пятьдесят граммов, а пролетает, планируя, пятьдесят метров Передние лапы действуют как рули высоты, а хвост — как тормоз

Ковер-самолет приземлился и закусывает Это ассапан, белка-летяга восточных штатов США, Канады, а на Аляске обитает другая северная летяга Летяга наших лесов похожа на ассапана

Обе североамериканские летяги внешне почти точные копии нашей. Но всеяднее и агрессивнее. Ассапан может напасть на небольшую птицу и победить. Обычная его добыча кроме орехов, зерен, ягод, грибов, фруктов — жуки, черви, кузнечики. Зелень ветвей, почки, сережки, молодые побеги, по-видимому, совсем не ест.

Летающих белок на земле много. Некоторым систематикам удается насчитать 50 видов, но, наверное, их не больше 37, как полагает Десмонд Моррис. Не считая еще 11 видов шипохвостых белок Африки, из которых, впрочем, один вид не летает. Род гигантских летающих белок — самых крупных «асов» среди грызунов — пять своих видов «раскидал» по обширной территории от Северо-Восточного Китая, Западных Гималаев, Японии, Тайваня до Шри-Ланки, Явы, Суматры и Калимантана.

...Восточная Индия, Бирма или Шри-Ланка. Полумрак тропического леса. И все же, чтобы встретиться с тагуаном, самым крупным летуном в отряде грызунов, надо ждать темноты. Днем тагуан спит в гнездах метровой ширины.

Он довольно лупоглаз, уши короткие и широкие. Со спины смотреть — черный с серым, а голова, бока, ноги и перепонка (сверху) — цвета каштана. Снизу перепонка серо-желтая с пепельной каймой. Длина с хвостом 120, размах «крыльев» — 60 сантиметров, вес — 1,4 килограмма.

Среди диких криков тропической ночи не просто услышать негромкое цоканье, похожее на звуки, которые мы издаем, когда подражаем топоту копыт. Это проснулся тагуан! Он робок, но в ночи, укрытый мраком от нескромных взглядов, планирует с дерева на дерево. Листья, немного орехов и фруктов — вот, кажется, и весь его корм. В планирующем полете он может опуститься почти до земли и, не коснувшись ее, плавно взмыть вверх. Он может выписывать в небе виражи и мертвые петли, умело, как парящая птица или планер, используя восходящие токи теплого воздуха, и тогда пролетает над лесными долинами почти полкилометра.

Тайванская гигантская летяга ростом не уступает королевской белке. Она того же рода, что и тагуан, такой же отличный планерист и, возможно, как и тагуан, кормится почти одними листьями.

Шипохвостые белки Африки — это не белки, и не летяги, и даже не близкие их родичи, а похожие на них грызуны особого надсемейства, к которому, кстати сказать, новейшие систематики относят и африканских долгоногов — зверей,

похожих на небольших кенгуру или крупных тушканчиков. Парашют у шипохвостых белок такой же, как у летяг. Только хрящевой стержень, растягивающий летательную перепонку, растет не от кисти, а от локтя, и длина его у больших шипохвостых белок до восьми сантиметров. Но главное и необычное у этих летающих грызунов — два-три ряда весьма крепких острых роговых чешуек. Они растут на нижней стороне хвоста, занимая у некоторых треть его основания, и остриями направлены назад. Когда белка лезет вверх, чешуйки оттопыриваются и цепляются за мельчайший выступ — не одна, так другая обязательно зацепится. Шипохвостой белке ничего не стоит залезть на самый гладкий и твердый ствол. А лазает она — как гусеница-пяденица: уцепится передними лапками, потом изогнет спину дугой, подтянет задние ноги и упрется шипами хвоста в кору. Проделывает все это очень быстро.

Днем спят шипохвостые белки обычно в дуплах, но иногда прицепившись к стволу шипы упрутся в какую-нибудь неровность коры, и белка сидит крепко, как заноза, даже во сне с дерева не падает

Живут шипохвостые белки в тропических лесах, местами в саваннах Редко кому из зоологов приходилось видеть их ночами, когда белки активны. Мало известно об их жизни Едят орехи, листву, фрукты, возможно, насекомых Пролетают, планируя, порой до ста метров. Кричат громко, отрывисто. Изредка их привозили в зоопарки, но довольно скоро шипохвостые белки там погибали

КОРОЛЕВА БЕЛОК

«Я наткнулся на куст, покрытый очаровательными маленькими созданиями. Своей резвостью они напоминали крошечных белок серо-коричневой окраски. Я сунул руку в куст Маленькие забавные существа метались по моей ладони, усаживались на ней, подобно зайцам, на задние лапки, проворно перепрыгивали с пальца на палец. Мне бросились в глаза их длинные хвосты с вертикально растущими волосами по обеим сторонам. Я попытался схватить за хвост одного, но он тут же переломился, настолько хрупкой была цепь мельчайших позвонков, обтянутых тонкой кожей»... (Ганс Шомбургк)

Карликовые пустынные белки Америки

По-видимому, старый зверолов имел дело с карликовыми африканскими белками. Они и в самом деле так малы, что похожи скорее на пышнохвостых мышат, чем на белок. Длина этих крохотных созданий всего шесть—семь с половиной сантиметров. Хвост лишь на пять сантиметров увеличивает мини-зверька. А вес меньше десяти граммов! Единственный их вид обитает в тропических лесах Камеруна и Габона.

И другие страны (Центральная и Южная Америка, Юго-Восточная Азия, включая Японию и Тайвань) имеют своих карликовых белок иных родов и разных видов. Пожалуй, самые крохотные из них —

Королевская белка из рода ратуфа раскрашена очень красиво. Ее гнезда — метровые шары. Днем отдыхает иногда в странной позе: передние лапы опираются на один сук, задние — на другой, а тело висит между этими сучками

бразильская и гвианская белки (девять-десять сантиметров без хвоста). Чуть крупнее белки рода микросцирус (12—16 сантиметров). Три, а по мнению других специалистов, так даже и 17 видов этого рода живут в густых лесах от Никарагуа до реки Риу-Негру.

Белок нет лишь в лесах Австралии, на Мадагаскаре, в Гренландии да на самом юге Южной Америки. Все они разные — большие и малые, в скромных нарядах и очень яркие.

Королевская гигантская белка из рода ратуфа. Сверху черная, снизу рыже-золотистая, очень красивая! Ростом больше куницы и весит два-три килограмма. Длина с хвостом около метра. Голос у нее пронзительный и громкий, а гнезда — метровые шары. Днем отдыхает иногда в странной позе: так, что передние лапы опираются на один сук, а задние — на другой, и тело висит между двумя сучками. Четыре вида и множество подвидов гигантских белок живут в лесах Индии, Шри-Ланки, Индокитая и Индонезии. Так что не удивляйтесь, если случится увидеть их в шубке с ярко-красной, серой или иной спинкой. Но, увы, этот мех не ценится на пушных рынках.

Ловка гигантская белка: с дерева на дерево скачет семиметровыми прыжками. И любопытна! Блеск металлического предмета заставляет ее, забыв об осторожности, спускаться с дерева. Строит из веток много гнезд, выложенных внутри зелеными листьями, и спит, обычно днем, по очереди в каждом из них. Крик ее — громкое «кудахтанье». Надо полагать, звание «королевской» она получила за свой рост.

В Индии и на Шри-Ланке на пальмах вблизи деревень часто увидишь серо-бурых со светлыми полосами на спинах пальмовых белок. Это существа нагловатые и вороватые: в поисках пищи без зазрения совести влезают в открытые окна домов.

От Ганы до Кении и Анголы живет зверек, который и в самом деле мог выполнить трудную задачу, возложенную на белку в сказке Александра Сергеевича Пушкина. Помните, белка там грызет орешки:

А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд

Масличная, или гигантская, белка Африки справляется с орехом нгали, скорлупа у которого очень крепкая, пожалуй, тверже золота высшей пробы. И сама приметна: чуть меньше азиатских гигантских белок. Пушистый хвост украшен белыми (иногда вместо них рыжими) и черными кольцами. Художники-иллюстраторы сказок Пушкина, как видите, не ту белочку рисовали!

Белки, белки, белки... Их рай — Индия, Индонезия. Лишь в этих странах можно насчитать 50—60 видов белок! А если прибавить сюда белок из Америки, Китая, Африки?

У нашей белки наряд скромный. Есть у нее еще полузабытое имя «векша». А наши предки называли зверька просто «бела».

Зверюшка малая, а поди-ка — столетиями кормила, поила, согревала. Что и говорить о северо-восточных областях старой России, где белка была первейшим объектом пушного промысла и торговли! Европа, благоустроенная и просвещенная, издавна одевалась и украшалась русским беличьим мехом да так к этому привыкла, что и название «обыкновенная» в обиход пустила.

Савва Михайлович Успенский утверждает, что «белка практически не встречается за пределами СССР». Ее главное место в сибирских (и монгольских) лесах. Русская белка была и остается одним из основных промысловых видов.

Первая причина этого — способность белки восстанавливать свою численность. Еще Черкасов, описывая зимнюю тайгу, так называемое «белковье», поражался тому, что выбитые, кажется, начисто белки (в феврале уж нигде и следочка на снегу не увидишь) к началу новой зимы появились повсюду, и казалось, что не убыло их, а прибыло.

Гон у наших белок с конца января до марта. А через 40 дней появляются бельчата, до десяти

штук. Вскоре опять гон, и опять от трех до семи новорожденных! В западных районах беличьего ареала случается и третий гон и помет. Наступившая весна встречает «племя младое» запасами, какие остались от осени: потерянной клестом или дятлом шишкой (зимой белка учует ее даже под метровым сугробом и разроет), желудем, собиравшимся прорасти, молодыми почками и побегами, весенними грибами. Да и кора, набухшая от влаги, и березовый сок вполне годятся на обед. Вообще же есть тенденция к всеядности. (Вы уже знаете, что она означает: «Берегись, малые пернатые!») Впрочем, не только пернатые, но и улитки, насекомые, а среди них муравьиные куколки и гусеницы.

Однако выжить все равно трудно. Лишь 75—80 процентов пополнения доживает до годовалого возраста. Остальные погибают в лапах хищников или становятся жертвами голода и болезней.

Но жизнь продолжается. Белка быстра, ловка, зорка. Прыгает на три-четыре метра, а по диагонали сверху вниз — на 10—15 метров. Почти полет, управляемый пушистым хвостом. От хищных птиц спасается, бегая по спирали вокруг ствола, от куницы — забравшись быстро на вершину и прыгая вниз. Характер не по росту задиристый. Умеет отвоевать себе место. Не задумываясь, займет сорочье гнездо, какое покрепче и побольше, и пустит хозяев по миру. Старые вороньи гнезда для нее находка: подновит, надстроит крышу. Если же таких возможностей не предоставляется, белка может сплести отличный дом из прутьев где-нибудь у ствола, на высоте 5—14 метров. Внутри дома отделка стен из мха, лишайника, травы, шерсти, даже из бумаги. А то не поленится и лыка надрать да нащипать его мелко, чтобы мягким стало. Снаружи шарообразное беличье гнездо — гайно — иногда замаскировано листьями. Кроме входа оставлен на всякий «пожарный случай» небольшой запасной выход в сторону ствола. Разных гнезд: для потомства, для сна или укрытия от непогоды — у белки обычно несколько. Зимой в одном гнезде, согревая друг друга и заткнув вход мхом, бывает, спят несколько белок. В сильные морозы они из своей спальни не выходят. А потом голод заставляет их рыскать в поисках опавших шишек и спрятанных с осени запасов.

Нежиться летом на солнышке белка не склонна. День-деньской — вверх-вниз и с ветки на ветку. Кормится, запасается: сушит грибы, нанизывая их на сучки. Некоторые белки собирают до двух тысяч грибов! Но шампиньонами почему-то пренебрегают.

В 1899 году Морган видел: бельчата, вынутые из гнезда слепыми, когда подросли, без советов матушки пытались «закапывать» орехи в ворс ковра!

Позднее Эйбл-Эйбесфельдт наблюдал, как бельчонок, получив первый в своей жизни орех, зарывал его в укромном углу в комнате. Действовал он, как взрослая белка.

А она в лесу поступает так: раскопав лапками небольшую ямку, кладет в нее орех, затем, надавив мордой и постукивая по ореху верхними резцами, загоняет еще глубже в землю. Лапками присыпает сверху землей и листьями и уминает их. Так же «закапывал» орех и бельчонок, но в воображаемую землю и листья, и поэтому все его действия «повисали» в воздухе, превращаясь в бесцельную пантомиму. Вообще манипуляции белки с орехами очень интересны.

Прежде всего: как находит белка (опытная!) лесные орехи? Она ведь не станет высматривать да выискивать, на какой ветке и за каким из тысячи листьев прячется обойма с орехами. Она поступает так: потревожит куст, и в сторонку: какая ветвь дольше качается, та и тяжелей, на ней и орехи!

Молодая белка грызет все орехи подряд, даже явно гнилые и червивые. Опытная сразу отличает негодные. Колет орех так: пробьет в нем дырочку нижними резцами, затем с силой раздвигает их в стороны. Особое устройство мышц и челюсти позволяет ей такое сделать без труда. Скорлупа ореха, словно раздвинутая пинцетом, лопается. Но ведь тоже надо знать, куда кусать, чтобы орех легко лопнул.

«Опытная белка захватывает орех так, чтобы начать работу с самого уязвимого места — неглубокой бороздки на скорлупе. Зверек быстро углубляет ложбинку, поворачивает орех своими «ручками», еще раз сильно вгрызается в него, и скорлупки падают на землю. Совсем иначе выглядят действия молодой белки... Сначала бельчонок ведет себя так, словно он самый искусный мастер беличьего племени. Схватив орех, он поворачивает его туда-сюда, грызет с большой живостью и спустя некоторое время раскусывает скорлупку. Однако затрачиваемые им усилия неэффективны, вместо того чтобы углублять зубами бороздку, неопытная белка грызет всю поверхность ореха, принимается за работу снова и снова в разных местах и тратит впустую массу энергии. Короче говоря, у белки внутренне запрограммированы такие действия, как умение манипулировать орехом, грызть его и раскусывать, но делать все это наиболее эффективным образом она должна еще научиться на собственном опыте» (Нико Тинберген).

При неурожае кормов белки массами уходят из обжитых мест. Идут не толпами, а обычно на известной дистанции одна от другой, иногда широким фронтом в 100—300 километров. При переправах через реки, даже морские заливы, сбиваются в более плотные стаи и плывут (представьте себе!), подняв хвостики. Многие тонут, но оставшиеся плывут. Благополучно перебравшиеся через водные и иные преграды (города, тундры) бредут дальше со скоростью три-четыре километра в час. Идут, стирая лапы в кровь, погибая в реках, в зубах встречных и преследующих их хищников и от рук человека. «Белка-ходок» — так ее назвали. От родного гнезда, из родного леса, где жить ей завещано вековым опытом предков, она, гонимая голодом или предвестием голода, идет. Но куда? Всем известно, как свято чтут звери свой участок обитания. А она ищет новый. И случается, находит. В двадцатых годах из Сибири на восток ушла большая группа белок. Многие погибли при переходе через весьма просторную прикамчатскую тундру. Но многие дошли до лесов Камчатки, где никогда раньше белки не встречались. И теперь там живут.

У признанной на пушных аукционах «королевы белок» и здоровье неплохое, хотя сама она «природный носитель возбудителей» разных недугов: энцефалита, туляремии, пасереллеза, рожистой инфекции и пр.

СОРОК ТЫСЯЧ ПОЛЕВОК И МЫШЕЙ

Столько грызунов, по некоторым данным переписи лесного населения, проживает на одном квадратном километре по-летнему зеленого массива. Цифра внушительная. Невольно вообразишь, что, отправившись на тот самый квадратный километр по грибы, то и дело будешь наступать на хвосты мышей и полевок.

Но если вы пойдете в лес, то скорее всего, проплутав полдня, даже не увидите ни одной мыши или полевки Приведенная пятизначная цифра вовсе не свидетельствует о «мышиной напасти», о коей не раз сообщали добросовестные Пимены русских летописей: «И всякий злак жрали, и шли везде, и был глад...» Сорок тысяч полевок и мышей на квадратный километр — это нормально и, может быть, даже маловато. Англичанин Элтон, к примеру, не теряя хладнокровия, доносит о 250 полевках на акр, что при соответствующем умножении даст 62 500 полевок на квадратный километр. А Эрнест Уолкер — даже о 12 тысячах полевок на акр — три миллиона на квадратный километр! Это, разумеется, уже сверхнорма; такое бывает в годы взрывной вспышки численности упомянутых грызунов.

Когда идешь по лесу, редко-редко ботинок слегка утопает на мшанике, завалив мелкую, сантиметров десять глубиной, норку полевки. Вообще же этот зверек скрывается понадежней: под какимнибудь корявым выворотом, куда вы не полезете, в дупле поваленного дерева, под сухой кочкой. Столь же нетребовательны вкусы и большинства лесных мышей, но те одарены некоторыми способностями к лазанью и поэтому, не пренебрегая земляными постройками, селятся порой и наверху: в птичьих гнездах и дуплах

Мыши-малютки тоже охотно живут в лесах, от Пиренеев до Японии, была бы трава густая и высокая. Эти пяти-, семисантиметровые и пяти-, семиграммовые карлики, лазая по тонким стеблям злаков, обвивают их гибкими хвостиками, как некоторые обезьяны, чтобы застраховать себя от падения.

На стеблях или на ветках, реже в трухлявых пнях и на земле сплетают мыши-малютки из травы шарообразные гнезда. Входа в них нет. Навещая своих мышат, которых выводят в гнездах тричетыре раза в год, мышка всякий раз «ломится», что называется, сквозь стену! Потом дыру заделывает. Легко обнаружить эти гнезда можно лишь тогда, когда они высохнут и цветом станут отличаться от окружающей зелени. Но к тому времени они пусты: мамаша-малютка успевает вывести и вскормить своих сверхкрохотных детенышей.

Войдя в лес, мы порой удивляемся тишине и неподвижности, которую нарушают лишь птицы. Ни писка, ни возни кругом. Не окаменела же в своих убежищах могущественная армия мышей и полевок! Ведь, чтобы есть, надо бегать, искать.

Но они и бегают. По данным Формозова и Барабаш-Никифорова, домовитая самочка рыжей

Мыши-малютки — крошечные, симпатичные зверьки. Длиной они пять—семь сантиметров и весят столько же: пять—семь граммов. Обитают в Средней полосе от Испании до Японии

полевки кормится на пяти сотых гектара, а ее супруг — на площади, впятеро большей. Бродят и мыши. Представляете, какая суета царит на нашем квадратном километре!

Однако тишина кругом... А они тут:

обыкновенная лесная мышь (не серая, как домовая, а буроватая, как полевая мышь, но без черной полосы вдоль хребта, как у полевок) — любительница солнца и света, легко порой расстается с лесом и тем не менее населяет его на огромных пространствах Северной Африки, Западной Европы, Крыма, Кавказа, Урала, Северного Казахстана и восточнее, до Тувы и, возможно, Саян. Кроме того, она живет еще и в горах Средней Азии;

малоазийская лесная мышь, которая живет в турецких, закавказских и балканских лесах и ведет себя смело и агрессивно: теснит свою «обыкновенную» соседку;

желтогорлая лесная мышь, которую все узнают по охристому пятну на груди, — исключительный европеец;

азиатская лесная мышь, ничем особенно не приметная, но живущая от Енисея и Алтая до Якутии, Сахалина и Японии;

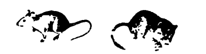
европейская рыжая полевка с двухцветным хвостом (сверху темный, снизу беловатый) мирно уживается с желтогорлой мышью, но земель имеет больше: от Шотландии и Соловецких островов до Турции, Енисея и Саян. Да и на Тянь-Шане, в горных лесах, живет она (ее подвид или близкий вид) под именем тянь-шаньской лесной полевки;

сибирская красная полевка и красно-серая полевка, их можно бы считать северянками, селятся по лесному северному ожерелью от Скандинавских стран до Северной Америки и на юге до Японии.

Если добавить сюда упомянутых мышей-малюток, кое-кого из 50 видов рода серой полевки и лесных мышовок из семейства тушканчиков, очень маленьких (семь сантиметров) и очень длиннохвостых (десять сантиметров) попадающихся в лесах и перелесках от Дании и Венгрии до Тянь-Шаня, то получится список, за которым скрывается могучее обилие грызунов, уместнее всего определяемое архаичным словом «сонм». Ибо пока еще ни один институт, вооруженный новейшими опытными счетными приспособлениями, не может взять на себя смелость назвать сколько-нибудь точную цифру «мышиного» населения Земли. А если бы кто и произнес эту цифру, то в следующее мгновение он был бы уже не прав, потому что колебания численности мелких грызунов семейства мышей и семейства хомякообразных грандиозны и неуловимы. Первое в числе ста родов и полтысячи видов населяет Африку, Европу, Азию, Австралию, Тасманию, Микронезию. Лишь в Америке, кроме завезенных человеком крыс и мышей, грызунов из семейства мышевидных нет. А хомякообразные (хомяк, лемминги, полевки, мыши и крысы Нового Света: 100 родов и более 600 видов) распространены почти по всему свету, кроме Австралии, Малайской области и некоторых северных островов, например Исландии и Ирландии.

Мыши и полевки плодовиты: приносят до четырех — шести пометов в год (и даже до 13 у американской луговой полевки), а в каждом помете — до 22 детенышей. Беременность короткая — от 18 до 42 дней. В месячном возрасте домовая мышь или рыжая лесная полевка уже готова стать матерью. Немного арифметики — и 40 тысяч на квадратный километр не покажутся фантазией экологов.

Множество мышей и полевок истребляет лиса

А совы, канюки... И даже такие птицы, как фазаны, аисты, чайки, сороки, вороны, цапли — птицы, которых и хищниками не назовешь, не упускают случая оскоромиться. А разные змеи, ласки, горностаи... Да и волк сыт не бараном единым...

Но, как ни странно, все эти любители мяса не могут, оказывается, серьезно уменьшить количество мелких грызунов. А ведь и кроме них есть еще много жестоких сил, способных вершить дело уничтожения.

Случалось ли вам по осени ночевать в стоге сена на лесной поляне или луговине? Вначале вы любуетесь звездами, а потом замечаете, что в глубине под вами постоянно слышится писк, деловитое шуршание и беготня. То мыши или полевки, а иногда те и другие вместе. Предчувствие морозов согнало их сюда.

Очень часто, явившись за сеном и разбросав стожок, хозяин находит под ним трупы. Эпизоотия. Она косит чисто. Если тут прошла туляремия, главный бич грызунов, то очень возможно, что на десять покойников останется лишь одна «плакальщица». Мыши и полевки принадлежат к той группе животных, которым, чтобы заболеть, не нужно принимать в себя миллион микробов — достаточно одного... А в хорошем коллективном убежище, как вы сами понимаете, есть все возможности для быстрого распространения инфекции. И хотя пути ее неисповедимы, факты утверждают: уже при плотности пять — десять тысяч животных на одном квадратном километре эпизоотия почти неизбежна.

Гибнут в морозы, нечаянно отдалившись больше, чем следовало, от теплого убежища.

Гибнут под коркой гололеда. Гибнут в половодье. Гибнут в сильный дождь. Гибнут даже от солнечного удара.

А могли бы прожить от двух до пяти лет. Однако средняя продолжительность жизни — от двух до шести месяцев. Популяция целиком обновляется меньше чем за один год!

Счетчики переписи населения грызунов, переждав зиму, придут в оголенный весенний лес и уж не пятизначные цифры впишут в графы отчета...

КТО СПИТ СЕМЬ МЕСЯЦЕВ В ГОДУ?

У сонь собственное семейство: с одной стороны, они близки к мышам и крысам, с другой — к селевиниям, или баялычным соням, и тушканчикам.

Внешне сони отличаются от мышей хвостами: у сонь они пушистые или с волосами, расчесанными «на пробор». Настоящие сони обитают в Европе и Азии. В Африке 21 вид сонь особого подсемейства, а в Индии и Китае еще два-три вида щетинистых сонь (особого семейства). В шерсти среди волос разбросаны у них упругие щетинки.

В СССР пять видов сонь:

полчок — самая большая, длиной сантиметров до 18 (без хвоста). Встречается в Западной Европе, от Северной Испании до Турции, Крыма, Кавказа и восточнее, до Волги. В Англии и Скандинавии ее нет (на юге этих стран живет только орешниковая соня). Северная граница примерно на уровне Латвия — Горький;

орешниковая соня — самая маленькая, длина тела от 6 до 11 сантиметров. Цвет охристо-ржавый, без черных пятен на мордочке. Живет по всей Западной Европе, кроме Испании, а на восток — до Волги;

садовая соня, после полчка самая крупная. Черная полоса на обеих сторонах морды, захватывая глаз, тянется до уха и дальше. Обитает по всей Западной Европе, кроме северных стран, на средиземноморском побережье Северной Африки, Палестины, у нас — в средней полосе Европейской России до Урала;

лесная соня немного поменьше садовой. Черная полоса на морде тянется лишь через глаз до уха, но не дальше. Живет в Европе от Швейцарии на западе до Волги на востоке, а также в Турции, Иране, на Кавказе, в горах Средней Азии и на Алтае;

мышевидную соню (единственный экземпляр!) нашли в Туркменистане. А в 1959 году неожиданно эта соня была обнаружена в Болгарии!

Сони — само очарование, но внешность часто обманчива, и хищности у этих малых грызунов достаточно. Мало им орехов, желудей, зерен, плодов разных. Жуки, мотыльки, куколки бабочек,

Лесная соня меньше полчка, и зимняя спячка у нее короче

Садовая соня похожа на лесную, но черная полоса, маскирующая глаз, простирается у нее дальше за ухо

минуту, позднее, отлучаясь, зарывает их в подстилку гнезда. Попробуйте сунуть руку, когда мать в гнезде: она незамедлительно пустит в ход острые зубы и когти. А если и самец здесь (первые две недели самка его и близко к гнезду не подпускает), то и он отважно бросится на врага.

Когда детеныши научатся лазать по веткам, они нередко уходят вместе с отцом в довольно продолжительные прогулки, и только голод заставляет их вернуться в гнездо к матери. Интересно, что подрастающее поколение садовых сонь возвращается из подобных прогулок в гнездо, следуя гуськом, тесно друг за другом и за матерью, которая ведет их. Эту плотно сомкнутую процессию, которую заметили еще только у некоторых землероек, называют «караваном».

Теперь историческая справка для гурманов. Древние римляне огораживали высокими, гладкими с внутренней стороны стенами массивы буков, дубов, каштанов и за этими заборами (в глиариях) держали множество полчков. Подросших сажали в специальные, похожие на бочки горшки и откармливали орехами и каштанами. На пирах жареные сони подавались как лучший деликатес. И поныне во Франции и Югославии мясо этих сонь ценится знатоками.

ПОЙМАЙТЕ БУРУНДУКА!

В вашей квартире он быстро приживется и, уверяю вас, вы получите веселого затейника.

Он никогда не оскорбит вашего эстетического чувства: его внешность, его движения безупречны. Серовато-рыжая шуба расчерчена пятью продольными черными полосами, а продольные полосы, как известно, придают фигуре подчеркнутую стройность.

Что касается движений, то они достойны учеников лучших балетных школ. То он летит прямо, как

пушистый снаряд, то в скачке замысловато меняет направление влево-вправо, вверх-вниз. И вдруг сел на задние лапки и приосанился, как дипломат. Он с удовольствием сидит у вас на руках, карабкается на плечи, на голову.

Прокормить его очень легко При особой склонности к кедровым орешкам он с удовольствием ест желуди, ягоды, семена хвойных шишек, разные растения, а также насекомых и моллюсков. Интересуется даже цветами.

К осени он начнет беспокоиться о гнезде и будет строить его из материала, который попадется, чаще из бумаги. Но это, так сказать, имитация. На воле бурундуки более практичны. Есть хорошая дыра под корнями — используют. Если нет — приходится рыть. Нора без особых излишеств: коридор, отнорки для кладовых, уборных, жилая комната. Все, что нужно одинокому холостяку. Впрочем, в северных европейских лесах СССР находили в одной зимней норе самца и самку

Бурундук — один из обладателей защечных мешков, очень удобного приспособления для переноски мелких грузов. Зверек наполняет их орехами и таскает куда-то, прячет. Даже если бурундук пойман малышом и ему вроде бы не у кого было научиться методам заготовки кормов на зиму, он все равно их запасает. Это инстинкт.

Чем богаче урожай, тем активней запасает бурундук орехи и семена. Носит их в кладовую, нередко за километр. Запасает три-четыре, а то и восемь килограммов.

Теперь о спячке. Спит бурундук не так беспробудно, как, скажем, сурок. Спит, как заботливый хозяин, помнящий о накопленном добре. Проснется, съест несколько зернышек и, словно убедившись, что все в порядке, воры не лезут, засыпает вновь. Кстати, совет для желающих завести бурундука: на зимний отдых ему лучше всего устраиваться между двойными оконными рамами, где не так холодно, но и не жарко.

В общем поймайте бурундука. В наших лесах, особенно сибирских, он не редок Есть, говорят, такие места, где полосатых зверьков по нескольку сот на квадратный километр. Впрочем, они водятся в дальних краях: от Холмогор и Северной Двины, Ветлуги, Камы и дальше по всей Сибири до Сахалина и Южных Курил, но на Камчатке их нет. В последние десятилетия натуралисты установили, что бурундук хотя и медленно, однако расселяется к западу. В Северной Америке живут 16—18 видов бурундуков иного рода. По мнению специалистов, род у наших и у американских бурундуков один

ЕЩЕ О ДИКОБРАЗАХ

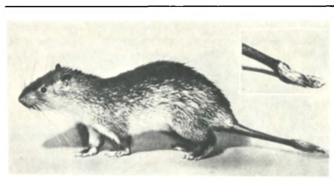
Кроме длинноиглого дикобраза, с которым мы уже знакомы, на свете есть и другие, в основном жители лесов: длиннохвостые и щеткохвостые дикобразы Старого Света из того же семейства, что и обычный дикобраз. Но американские, или древесные, принадлежат к иному, особому семейству.

Длиннохвостых два вида: один с Калимантана, второй из Малайи и Суматры. Иглы у них короткие, уплощенные, гибкие, тело приземистое, длинное, крысиного образца. И хвост напоминает крысиный. Он голый почти по всей длине, покрыт лишь чешуями, но на конце небольшая щетинистая кисть. Многие из этих дикобразов попадались в руки зоологов с оборванными хвостами. Из этого был сделан предварительный вывод, что,

Суматранский дикобраз или ландак

Длиннохвостый дикобраз Не правда ли, он больше похож на крысу, чем на дикобраза, каким мы привыкли представлять его себе?

Африканский щеткохвостый дикобраз

Малайский дикобраз

Число видов в роде древесных южноамериканских дикобразов коэнду очень неопределенно: одни называют восемь видов, другие — двадцать! Только у этих дикобразов — хватающий хвост с голой подошвой на нижней стороне, как у некоторых южноамериканских обезьян

возможно, их длинные хвосты обладают свойством, известным у ящериц, — автотомией.

Щеткохвостых четыре вида: три в тропическом поясе Африки, один в Южном Китае, Индокитае и, возможно, на Суматре. Внешне они очень похожи на длиннохвостых. Лишь голая центральная зона хвоста, покрытая чешуями, короче, а щетка на конце его длиннее и гуще. Днем они обычно прячутся в пещерах, расщелинах, дуплах. В холодное время в горах некоторые впадают в спячку. Хорошо плавают, как, впрочем, и многие другие дикобразы, и неплохо лазают по деревьям, хотя настоящими древесными назвать их нельзя.

Древесные — все американцы: один вид, колючехвостый, обитает в Северной (от Аляски и Канады до Северной Мексики), десять других — в Центральной и Южной Америке. Из них восемь принадлежат к роду коэнду. Только у этих дикобразов хватающий хвост с голой подошвой на нижней стороне, такого же примерно типа, как у некоторых южноамериканских обезьян. Североамериканский дикобраз, или урсон, хватать хвостом ветки, как коэнду, не может, но колючки на хвосте все-таки помогают лазать, упираются в кору. Помогают и защищаться: урсон бьет колю-

чим хвостом. Удар бывает порой смертельным· колючки со скоростью миллиметр в час продвигаются все глубже и глубже в тело и могут попасть в сердце или другой важный орган. Все другие древесные дикобразы таким оборонительным средством не наделены. Живут урсоны в основном на деревьях, кормятся растениями. Обычно лишь один детеныш в году, реже — до четырех.

В ТУНДРЕ

Тундра начинается не сразу. Редеющие на болотах ельники, стелющиеся у мшистых камней карликовые березки, кустарники... Это лесная окраина, решительно наступающая на Субарктику. За один год лес, подгоняемый потеплением климата, отвоевывает у тундры 500—700 метров.

Так что здесь, где мы стоим, раньше была каменистая (или, наоборот, хлипкая) холодная пустыня, населенная видавшими виды полярными животными. А теперь? Наши знакомые мыши и полевки, лисы и зайцы... Вот след лося, который никогда не был любителем тундры. Дятел тут, а с ним и сойка, и рябчик, и многие другие.

Есть и лемминги. Кроме истинно лесного лемминга, не упомянутого в предыдущей главе, в северных лесах, окаймляющих Арктику и Субарктику Старого и Нового Света, живут настоящие (от 4 до 10 видов), копытные (четыре вида) и болотные (два американских вида) лемминги. Живут не всегда и не везде, и их не считают здешними. Их место там, впереди, в тундре. И если в лесу их положение незначительно, малозаметно, малопонятно, то там оно почетно.

Александр Федорович Миддендорф, русский ученый и путешественник прошлого века, поразился: до чего же все просто в тундре! Небольшое число видов животных соединено ясными, удобными для понимания экологическими связями. Тундра — своего рода наглядное пособие для изучения взаимоотношений в животном мире.

Радужные сполохи северного сияния заливают замершую равнину. Крадется песец. Белый, он не виден, лишь косая тень причудливо струится по снежным наметам. Вдруг короткий прыжок, какая-то возня и звук, похожий на скрип ржавого замка, только потоньше...

Отощавший за зиму олень небрежно долбит копытом наст, но вдруг принюхался, фыркнул и — хлоп! — придавил. Подбирает что-то губами, хрумкает...

Скачет по сугробам горностай. И вот ринулся в снег, нырнул, как в воду. Там, внизу, возня, но скоро зверек снова на снегу, а в зубах — добыча..

А когда вечерело, белая сова, мягко махая крыльями, пролетела и пала... Поднялась, неся что-то в когтях...

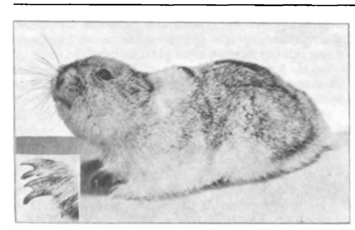
Что? Догадаться нетрудно: три хищника и один парнокопытный поживились леммингами Поживились и проиллюстрировали простоту тундровых взаимоотношений, основанную на одинаковости вкусов.

Да, лемминги нужны в тундре всем Когда много леммингов, много песцов, горностаев. И самка песца, случается, вскармливает по 18 детей! Когда мало леммингов, среди песцов меньше брачных игр, и многие не заводят детенышей. А бывает, что народившихся, слепых и беспомощных, мать бросает и уходит.

Когда много леммингов, и сова сыта. Когда мало леммингов, нет от нее покоя ни гусям, ни другим птицам. И охотник с ружьем, ожидающий пролетных уток, бывает, не выстрелит ни разу. Биологическая цепь уже оборвана: из-под когтистых совиных лап утиные летят перышки.

Такова роль леммингов. Невидными или незаметными их не назовешь. Тельце длиной с небольшую ладонь (лесные и болотные лемминги поменьше), с маленьким хвостиком, Желтоватые, ржавые, коричневые, черные пятна. Один из настоящих леммингов, норвежский, так и зовется «пеструшкой».

Некоторые из настоящих леммингов к зиме белеют, но немногие. Копытные лемминги зимой белоснежные, пушистые. Они и вообще более

Тундры Старого и Нового Света, приполярные острова — родина копытных леммингов. Они, подобно зайцу-беляку, линяя к зиме, регулярно меняют свою летнюю серо-бурую шерсть на белую. К зиме сильно разрастаются и когти на средних пальцах передних лап, образуются вильчатые «копытца», которыми с бóльшим успехом, чем другие, некопытные лемминги, роют ходы в мерзлом грунте и твердом насте

совершенны: у них копыта! Конечно, не настоящие, а все же копыта, разросшиеся к зиме и раздвоившиеся на концах средние когти передних лап. С таким вооружением рыть не в пример легче. Несмотря на малую величину, лемминг выглядит зверьком основательным, не то что прыткая мышь. Он оставляет на снегу изрядные следы, которые кажутся несоразмерными, но их секрет прост: шерсть вокруг ступни лемминга растет широко.

Глаза у него малы и невыразительны, ушей почти не видно.

Тундра и каменистые горбы сопок еще хранят зелень, но холодное небо уже раз-другой одарило землю истерической щедростью снежных зарядов: бешено вертясь, липкие хлопья летели, летели, летели... И вот явилась зима. Сильный ночной снегопад надолго укрыл землю. Угрюмый, холодный, враждебный мир остался наверху.

Зима для всех мачеха. Ей не рады даже такие прославленные полярники, как белый медведь, морж, тюлень, пингвин. Но лемминг — один из немногих на Земле зверей, кому зима — заботливая мать. Шубка у лемминга достаточно теплая, чтобы не замерзнуть под сугробом, отличное умение свободно там передвигаться и, наконец, запасы пропитания, которые не испортятся в природном холодильнике. Огромные грибы-подберезовики не сгнили, не упали, а заледенели, занесены снегом. И крепким листочкам морошки и их ягодам, мху, лишайникам что от мороза сделается? Они ничуть не теряют вкуса. В крайнем случае пригодна на обед и душистая кора березок.

Бесконечная полярная ночь. Свищет пурга над тундрой. Кто сумел уйти, улететь, тот ушел, улетел. А кто остался... Тощие, похожие на тени, звери. Редко когда удается раскопать глубокий сугроб и поживиться леммингом. А леммингам хорошо! В снеговом дворце бесчисленные ходы и галереи, каждая из которых как раз та сказочная речка с кисельными берегами.

В марте у леммингов уже выводки. Март на Севере не тот, что в Подмосковье. Морозы люты, и солнце неохотно и ненадолго кажет лик свой из-за линии горизонта. Под снегом, конечно, тоже не слишком тепло. Но для новорожденных готовы гнезда. До марта, на досуге, лемминги строили. Материал тут же: сухая осока и прочная трава, мох, лишайник, надранное лыко. Сплели под сугробом шар сантиметров двадцать в диаметре — внутри мягко и температура уже выше, чем наверху, над снегом. И довольно крепкий шар: тяжесть сугробовой толщи нескоро его сплющит. Тут примерно через месяц вырастают дети первого из тех двух—четырех пометов, которые лемминги приносят каждый год.

Весна. Ручьи первым делом устремляются в зимние норы леммингов. Приходится срочно эвакуироваться, но куда? Снег оседает, обвалы...

Хорошо, если тундра каменистая, она быстро подсохнет, а кто бедовал по весне в настоящей тундре, на вечной мерзлоте, тот знает, какая она бывает хлипкая и непроходимая. Кочка, сучок какой — всякая спасительная опора годится леммингу в половодье. Многие гибнут от воды, если раньше не успеет до них добраться хищник. Но многие целы. И опять тонкий писк откуда-то из-под корней — малыши!

Это «год пика» численности леммингов. Такие годы, когда грызунов бывает великое множество, повторяются периодически, с четырехлетним и другими интервалами. Не только ученые, но и охотники давно уверовали в эту цикличность и, зная с ней, составляют свои планы.

К концу лета леммингов столько, что, как говорят, ни пройти, ни проехать: они и человека порой встречают грудью, готовые биться до конца. Настоящие хозяева тундры!

Но уж очень много хозяев. Не выдерживает тундра. Местами видны выеденные начисто травы и мхи, словно пролысины на спине старого зверя. И тогда приходит беспокойство. Озабоченные зверьки, забыв об осторожности, снуют туда-сюда. И, будто сговорившись, все двигаются в одном направлении... Миграция леммингов. Загадочное и впечатляющее явление!

Идут. Сначала одиночки, потом редкие группы,

потом — разреженный поток. При небольших миграциях заселяют окраинные леса, горы. Но бывают миграции грандиозные, когда поток грызунов ничто не может остановить: ни подходящее для поселения место, ни река, ни деревья, ни город, ни речной залив. Гибнут, но идут. Куда идут? Неизвестно. Почти все участники большой миграции, как правило, гибнут. Но кто задал им это направление и приказ идти во что бы то ни стало?

...Не все лемминги ушли из тундры. Некоторые не оставили обжитых нор. И на бескормице готовятся к новой зиме.

В СТЕПЯХ И ПУСТЫНЯХ

У тундры две сестры — степь и пустыня. Многие находят, что они весьма схожи: у всех бескрайние горизонты, у всех трех то ледяная либо знойная скупость, то щедрость, граничащая с расточительностью.

Степь и пустыня, отделенные от своей суровой сестрицы лесами, горами, долами и морями, располагаются рядом, так что иной раз не отличишь, где кончается одна и начинается другая. Оттого у них много общего.

Во-первых, сухость. Нечего говорить о безводности пустыни, все ее и так за это проклинают. Но ведь и степь недалеко ушла: 20 сантиметров годовых осадков на просторах пампы, прерий, азиатских степей. Это ведь такая малость, воробью не напиться.

Во-вторых, жара. В Каракумах и в Сахаре почва разогревается до 70—80 градусов, что практичные путешественники издавна использовали для быстрого приготовления печеных яиц. В степях, правда, земля не столь горячая, но плюс 40 градусов в тени не редкость.

В-третьих, холод. В тех же самых раскаленных Каракумах зимой воздух охлаждается до минус 30, а в степях за Уралом бывает и минус 50 градусов.

А если к этому еще добавить коварные суточные колебания температуры — в Сахаре они до 30 градусов, — то невольно посочувствуешь беднягам бедуинам, которые, бывало, целый день парясь в своих бурнусах, ночью мерзнут, прижимаясь к теплым бокам дромадеров.

Но и это не все. Здесь есть где разогнаться ветрам. Какой-нибудь плохонький ветерок, с трудом выпутавшись из чахлого перелеска, попадая в степь, набирает силу и через сотню-другую километров норовит стать суховеем, самумом, ураганом.

Как видите, сестры взбалмошные, неуравновешенные. Сказывается это и при выборе нарядов. Если пустыню из-за скудости почв, безводности и резкости температурных колебаний можно считать особой декольтированной, то степь кидается из одной крайности в другую — от «макси» к «мини».

Впрочем, обе они раз в году бывают прекрасны. Весной — в Евразии и Америке. В африканских полупустынях и степях — в период дождей. Буйные эфемеры и эфемероиды щедрое набрасывают на них одеяние: разноцветье, травы растут не по дням, а по часам, зацветают кустарники. Это как улыбка красавицы.

Но как быстро наступающая сушь превращает эту улыбку в страшную гримасу! Еще борются некоторое время солянка и полыни, еще удерживает зелень в крепких своих листочках песчаная акация, но уже чувствуется огневое дыхание ветра. Все желтеет, сморщивается, превращается в тлен. Лишь степь — это зависит от ее географического положения — сохраняет наряд до зимы, но это чаще всего нищенская одежда — ковыль...

Степи и пустыни — кто с ними уживается?! Насекомые. Пауки Скорпионы Пресмыкающиеся. Птицы Звери.

Суслики, сурки, долгоноги, тушканчики, кенгуровые крысы, мышовки, хомяки, песчанки, степные пеструшки — эти грызуны нашли пристанище в пустыне и степи. Пожалуй, здесь уместнее всего поставить пресловутые «и т. д. и т. п.», ибо дальнейшее перечисление грозит сделать фразу чрезмерно громоздкой.

Большинство из них не назовешь типичными обитателями степей и пустынь. Они или, вернее сказать, близкие виды живут в лесостепной зоне, в горах, в лесу. Как наши знакомые сурки.

Терпеливые часовые равнин, не освоенных человеком, они выстаивают свои вахты у бутанов,

по нескольку часов готовы стоять! Они не требуют от природы многого. В пустыню их не заманишь, но со степью они дружны. Их привычки подобны привычкам их горных братьев: те же колонии, те же посвисты (беспроволочный телеграф!), передаваемые друг другу в минуту опасности, та же сибаритская лень и беспробудный сон на всю зиму. Одним словом — мармоты. Так называет сурков благородная латынь.

Другое дело — суслики. Эти и бегать, и строить, и запасать — на все горазды. Земли оккупировали всякие. За Полярным кругом попадаются. И в жаркой пустыне живут. Ленивыми не назовешь!

А между тем внешне — этакие сурки в миниатюре, особенно если перед глазами у вас экземпляр преклонного возраста, который уже отбегал свое и занят в основном едой. Та же посадка «столбиком» Но если сурок выглядит несколько мешковатым, то суслик стоит прямее и стройнее Он похож на гордого, подтянутого, резковатого молодого командира.

Двадцать — тридцать видов в Европе, Азии и Северной Америке (в СССР десять видов), да еще тонкопалый суслик, или среднеазиатская земляная белка, выделяемая обычно в самостоятельный род за некоторую оригинальность в строении зубов и черепа. Размеры от 25 сантиметров — малый суслик и до 38 — суслик-песчаник. Многие, включая и тонкопалого отщепенца, прижились в степях и пустынях. Удачливые и, по общему признанию, благоденствующие грызуны.

Степь, весна... Трава ударилась в рост, жаворонок ликует в небе. А небольшая птичка каменка деловито ныряет под землю. Тут ничего странного: опасаясь высоких летних температур, она справляет новоселье в брошенной норе суслика. Но, поднявшись в воздух, видит каменка: скачет по степи грациозный зверек. И прямо в ту же нору. Хозяин. И тут птица бросается на законного домовладельца! Цепкими коготками впивается в крапчатую спину, и суслик удирает. А каменка еще за уши треплет, быстрей!

Горюет суслик недолго. Найдет подходящее местечко, копнет, а через несколько минут его уже и не видно, только комочки земли вылетают из лаза. И уж если кто захочет вытащить его из норы, пусть и не пробует. Схваченный за задние ноги, суслик так цепко держится передними, что пополам разорвешь — не отцепится! Однако мало кому удается схватить суслика: он быстр, проворен, а нора его глубока, о чем можно судить по холмику выброшенной земли. Высота его с полметра. (У Сергея Ивановича Огнева есть данные подсчета объема всех этих холмиков на площади в один квадратный километр где-то в Калмыцкой степи — крае, богатом сусликами: 30 тысяч кубометров[1])

Конструкция норы, даже зимней, проста и практична: наклонный ход (рядом холмик выбросов, а сам вход на зиму забит землей), а затем вдруг от гнездовой камеры вертикально вверх идет отнорок, не доходящий немного до поверхности. Это, если вдуматься, поразительное изобретение: здесь зверек прячется, оставаясь в то же время у поверхности и слушая, что наверху делается. Если наводнение случится и все внизу зальет, отнорок останется сухим, да и выбраться из него легко — надо лишь покопать немного вверх, что весной и делается.

«Под лежачий камень вода не течет», — гласит народная мудрость Мобильность в прямом значении слова и, так сказать, экологическая обеспечила суслику жизненный успех. Его североамериканская кузина — луговая собачка, прозванная так за то, что «лает» (не столь, правда, громогласно, как цепные церберы. Сидя в подземелье, могут облаять незваного пришельца; друг с другом общаются, тявкая), так вот эта луговая собачка похожа и на суслика и на сурка. Подземелья луговых собачек, соединенные сотнями переходов с сотнями входов и выходов, тянутся на километры. Луговую собачку считают связующим звеном между сурками и сусликами, но... она не легка на ногу. Это послед-

Сурки у бутанов

нее качество отделяет ее от суслика и ставит рядом с сурком, на которого она и внешне больше похожа.

В прошлом веке верховой, ступив на улицу «деревни» этих зверьков где-нибудь у подножия Скалистых гор, за несколько дней не мог ее миновать: бугорки, бугорки, желтые фигурки, отрывистый лай... Теперь всего этого нет. Сильные машины распахали плодородные угодья: зверюшки, смешивая верхние и нижние горизонты почв, обогатили их минеральными солями. А в пустынях, полупустынях — в песчаных и каменистых? Там жить трудно Но можно.

Долгоног, или долгопят каффрский, — зверек с беляка, в шкурке приличного качества. Его мясо знают и ценят жители Южной Африки. Но он не заяц и не тушканчик, а представитель особого семейства, неопределенного систематического положения, где-то на полпути между шипохвостыми белками и крысами. Он живет безбедно на землях самых бедных.

Солнце в тех краях жаркое и нещадно преследует все живое. Поэтому днем долгоног спит в обществе себе подобных, каждая пара в своей норе, но в непосредственной близости с 10—15 другими парами. Выбравшись ввечеру из убежища, долгоног медленно бродит: где листочек подберет, где корешок или клубень из сухой почвы выворнет.

Но это не тихоход какой-нибудь вроде дикобраза. В местах с редкой растительностью, чтобы унять голод, надо преодолеть не километр, а больше. Долгоног на это способен. Как стальная пружина подскочил на длинных задних — прыг! И трех метров пути как не бывало. И вперед, прыжок за прыжком. Наблюдатель может усомниться, уж не в Австралии ли он: очень похожи прыжки долгонога, да и сам он, на кенгуру. Прыг да прыг... А когда торопится, например если кто за ним гонится, прыжки уже пятиметровые. Не бег — полет! Раньше думали, что он не пьет. Лишь недавно проследили, что пить он ходит, да порой за 32 километра!

Есть среди грызунов, жителей пустынь, такие, кто действительно может совсем не пить. Например, американские кенгуровые крысы, похожие на тушканчиков.

В Индии, в Международном институте по изучению и освоению пустынь, в опытах над песчанками установили, что и эти похожие на крыс зверьки (но из семейства хомяков и с волосатыми, а не голыми, как у крыс, хвостами) выживают на одном сухом пайке в среднем по 16 месяцев. А ведь некоторые из них умирают естественной смертью в двухлетнем возрасте.

Луговые собачки — их американские собратья

Африканский долгоног похож на большого тушканчика или маленького кенгуру Прежде его считали тушканчиком, потом породнили с дикобразом, а в последнее время сближают с шипохвостыми белками До сих пор положение долгоногов в классификации грызунов не совсем ясное Капский долгоног обитает в саваннах к югу от Великих озер, другой вид или подвид — к востоку от них

Собственно, песчанки здесь упомянуты не просто к слову. Это большой с десятью — тридцатью видами (из которых в СССР восемь) и множеством подвидов североамериканский и азиатский род подлинных победителей пустынь и полупустынь. Должен предупредить читателя, что, невзирая на все интересные сведения, которыми мы обязаны песчанкам, в рассказе о них трудно сохранить доброжелательный тон. Ибо эти жители пустынь — варвары. Точнее говоря, вредители. Песчанки расхищают сельскохозяйственные культуры, подрывают полотна железных дорог и рушат берега арыков, чем вызывают праведный и опасный человеческий гнев, подкапываются под корни кандыма, черкеза и акации и ведут пустыню к горькой бедности и бесплодию.

Но не копать эти зверьки не могут: под палящим солнцем, при сорокаградусной плюсовой температуре они погибают через несколько часов. Поэтому песчанка, да и не только она, суслик тоже, если выпустить его из клетки на волю в пустыню, не побежит прочь сломя голову, как почти всякий освобожденный зверь, а сразу же, выбрав где-нибудь невдалеке подходящее местечко, будет закапываться. Внизу спасение. На полуметровой глубине песок нередко уже влажный. Здесь ровная, почти без суточных колебаний, пригодная для жизни температура.

Если по справедливости, то всех песчанок вредными не назовешь. Одни из них слишком малочисленны, другие или роют мало, или живут в каменистых местах, иногда в старых развалинах.

По-настоящему вредна монгольская, или когтистая, песчанка, которая роет хоть и неглубоко, но денно и нощно и там, где не надо: в кюветах, под насыпями, под разными земляными постройками. Полуденная песчанка, приспособившаяся жить в едва закрепленных песках — прямо скажем, на горе этим пескам, — тоже роет много.

Однако приоритет в этом деле принадлежит по праву большой песчанке, или, как ее с лаской и не без сарказма называют, «заманчику». Этот зверек крупнее всех остальных песчанок. Заманчики — убежденные «урбанисты». На бугристых песчаных склонах, по балкам строят они настоящие подземные многоэтажные города. На двух-трех гектарах сотни входов, а внизу — бесчисленные коридоры, большие залы по нескольку метров длиной и сантиметров двадцать пять высотой, словно залы заседаний. Иногда поселения заманчиков, подобно бесконечным станицам наших южных областей, растянуты на многие километры.

Оттуда совершаются набеги. Среди бела дня. В любое время года. Почти в любую погоду. Заманчики подрывают корни бесценного для пустыни саксаула, да и всем другим растениям приходится плохо. Особое лакомство для маленьких грабителей — молодые ветки. Они срезают их, ловко взбираясь на кусты и деревья на высоту до трех метров. Запасают веточный корм, пряча его в подземных хранилищах или складывая, как сено, в стога. Да и сено запасают обычно в подземельях.

«Изредка в пустыне Каракумы и в Прибалхашье песчанки ставят стожки около нор и даже укрепляют их по краям, втыкая в землю веточки, чтобы ветер не унес их запасов... Раскопав только часть поселения песчанок, Камбулин вынул из пяти камер-сеноволов 27,5 килограмма запасов. Он наполнил ими два с половиной мешка из-под муки» (профессор А. Н. Формозов).

Перед архитектурными красотами подземных кварталов больших песчанок не могут устоять змеи, ящерицы, пауки, клещи и всякая летающая нечисть, обобщенно называемая «гнус». Все это шуршащее, шипящее, зудящее, шмыгающее — квартиранты заманчиков. Весной вы даже с закрытыми глазами догадаетесь, что попали в пригородную зону такого исключительного города, гнус вам об этом доложит. И если вы не приготовили себя к тому, чтобы отдать здоровье на благо науки, то уходите поскорее, ибо здесь рассадник лихорадок, возвратного тифа, лейшманиоза и так далее...

Надо сказать, что подобная система домовладения, назовем ее «общественной», в обычае также у южноамериканских грызунов вискач, жителей аргентинской пампы и самых ближайших родственников знаменитой шиншиллы.

Вискача — самый крупный грызун в семействе шиншилловых: длина с хвостом около метра, а вес до семи килограммов. Мясо у вискач вкусное, его продают и охотно покупают (под названием «шерстистый заяц») даже в магазинах Западной Европы. В Южной Америке вискач безжалостно истребляют: скот и лошади ломают ноги в их норах.

Звери безобидные, ночного образа жизни, а их запасливость выражается столь своеобразно, что невольно напоминает еще раз павловскую мысль о похожести коллекционирования у человека и запасания у животных. Вискача кроме действительно нужных ей стеблей чертополоха подбирает на просторах пампы все, что уронили, бросили, потеряли другие (или то, что сама украла!): консервную банку, полиэтиленовую упаковку от чего-то, пачку сигарет, кость, даже часы, кнуты, ботинки! Находки свои складывает возле входа в нору. «Выставка», говорят люди. Если выставка, то определенно поп-арт. И весьма объемистая, до двух мешков разного «добра».

Но разговор не об этом. Свои жилища — вискачеры — грызун-американец всегда строит по тому же замыслу, что и азиат-заманчик. Вискачеры — тоже обиталища разных животных. Утверждают, что их тут до семидесяти видов! Те же лабиринты, этажи, галереи со множеством довольно широких входов. Двадцать — тридцать вискач обычно под руководством одного старого самца роют не день, не год, а поколение за поколением. Естественно, на излишках площади появляются квартиранты. Местные лисы, ящерицы, змеи, земляные совы... Птице казарите приходится поработать и самой: она роет в высыпках и в стенках нор ниши для своих гнезд. Ласточки практичнее, они селятся в ямках, вырытых казаритой. А оставшиеся излишки площади? Живет в них тот же гнус, лишь имя у него экзотичное — москит. И блохи разные... Есть где разгуляться болезням... Да и человек, подъехав на автоцистерне с водой, с помощью шланга быстро разделается с вискачерой. Оттого и стали редки вискачи в пампе.

Вискача — самый крупный грызун в семействе шиншилловых длина с хвостом около метра, а вес до семи килограммов. Мясо у вискач вкусное, его продают и охотно покупают (под названием «шерстистый заяц») даже в магазинах Западной Европы В Южной Америке вискач безжалостно истребляют скот и лошади ломают ноги, ступая в норы этих грызунов

Горную вискачу называют также шиншиллоной или ложной шиншиллой. Зверьки живут небольшими колониями высоко в Андах. Ростом с кролика, серый мех мягкий и густой, но малоценный. Охотятся на них из-за мяса.

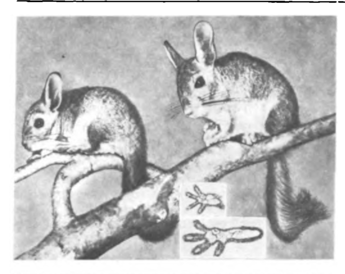
Раз зашла речь о вискачах, надо сказать несколько слов и о других американских грызунах из подотряда дикобразных, родичах вискачи. Например, золотые зайцы, или агути. Их 13 видов в Центральной и Южной Америке. Некоторые окрашены очень ярко, в золотистые тона! Шерсть настоящего агути, или золотого зайца, сверкает червонным золотом. А у зеленовато-черного агути Азара, или зеленого агути, отливает серебром. Прочие виды и подвиды агути окрашены по-разному — и скромно, и ярко. Зверьки небольшие, но живут долго, до 20 лет. Ушки короткие, хвостики тоже. Ростом с вискач, но стройнее, элегантнее. Живут и в низинных сырых лесах, и на сухих холмах, в лугах по берегам рек и в открытых степях. Норы роют несложные, каждый для себя. Бегают быстро...

Но из южноамериканских грызунов на зайца больше всего похож не агути, а мара. У него и посадка заячья, и ноги задние такие же длинные (трехпалые, с похожими на копытца когтями, как и у агути), и хвост заячий — короткий, и шерсть серая, и резвость такая же. Только уши покороче да морда массивнее, тупее. Рост и вес большие: у патагонских мара до 16 килограммов. Аргентинские, другой вид, поменьше. Мара — жители сухих степей. Ночи проводят в норах, в собственных, но чаще занимают чужие. Днем пасутся группами от трех до сорока разновозрастных зверьков или часами греются на солнце У самок мара очень интересные соски: их две пары, одна почти под мышками, вторая — далеко позади, у колена. Длинные, 3,5 сантиметра, и очень тонкие соски похожи на присосавшихся пиявок.

В пустынях и полупустынях Азии, а также в Северной Африке живут тушканчики Генетически они, пожалуй, ближе всех наших грызунов, кроме дикобразов, к американским грызунам, описанным только что, но входят в подотряд мышеобразных В засушливых районах Северной Америки обитают внешне очень похожие на тушканчиков кенгуровые крысы (22 вида). Правда, они не только из другого семейства, но и из подотряда белкообразных.

Немалое семейство у тушканчиков, до 10—14 родов и не меньше 25 видов, а сами невелики. Даже подлинный атлет семейства — большой тушканчик, прозываемый еще земляным зайцем, не длиннее 25 сантиметров. А самого маленького долгое время и не замечали вовсе, лишь в 1924 году Петр Кузьмич Козлов изловил его где-то в Монголии, и наука обогатилась такими сведениями: жирнохвостый, карликовый... Длина тела — четыре-пять сантиметров, хвоста — 9—10 сантиметров, задних ног — 2 сантиметра

Уже в тридцатых годах Борис Степанович Виноградов, осматривая коллекции Лондонского музея, нашел знакомого тушканчика в виде чучела с почтенным годом изготовления — 1820-м! Выхо-

Горную вискачу называют также шиншиллоной или ложной шиншиллой. Зверьки живут небольшими колониями высоко в Андах. Ростом с кролика. Серый мех мягкий и густой, но малоценный. Охотятся на них из-за мяса

Шерсть настоящего агути, или золотого зайца, сверкает червонным золотом. А у зеленовато-черного агути Азара, или зеленого агути, отливает серебром. Прочие виды и подвиды агути (их больше двух десятков) окрашены по-разному — и скромно, и ярко. Зверьки небольшие, но живут долго, до двадцати лет

дит, больше ста лет лежал экспонат незамеченным под боком у самых известных ученых.

Чтобы хоть немного загладить обидную невнимательность науки, эту часть рассказа, посвященного тушканчикам, начнем с него, с карлика, известного под латинским именем «сальпинготус». Тем более что ореол таинственности, уникальности с него недавно снят. Советский зоолог Николай Николаевич Воронцов, заметив сходство азиата-сальпинготуса с маленькими американскими кенгуровыми крысами, догадался, что и обитать он должен в таких же, как эти малютки, условиях. Поискал по карте, подходящие условия нашлись в Зайсанской котловине. Снарядили экспедицию. И точно: сальпинготусов возле Зайсана немало.

Карлик пушист, мал и быстро бегает. Задние трехпалые ноги намного длиннее передних пятипалых, с «щетками» из длинных волос, мордочка туповатая, а усы такие длинные, что некоторые, если их отогнуть назад, достанут до основания хвоста! Но главное и достойное всяческого удивления — сам хвост. Если разглядывать его отдельно от зверька, то не сразу догадаешься, что это за предмет такой. Иногда бывает он вроде морковки. Тут не бессмысленная фантазия природы. Подобно верблюду, запасающему в горбах жир на случай жажды (жир отлично перерабатывается в воду), маленький пустынник копит жир в хвосте.

Еще один — три вида сальпинготусов обитают в Центральной Азии. От других тушканчиков их отличают короткие уши, очень длинные «усы» и кончик хвоста без кисточки.

Хвосты тушканчиков — это начало ответа на вопрос об их высокой приспособленности к окружающей среде. Хвостами-кладовками кроме карликовых тушканчиков обладают еще три вида более крупных толстохвостых тушканчиков — зайсанский, приаральский и прибалхашский. Но ценность столь замысловатого подарка природы не исчерпывается. Он годится и еще кое на что...

Все знают: тушканчики — зверьки очень быстрые. Не всякая собака их поймает. И человек не на всяком скакуне догонит. Потому что скорость они развивают до 50 километров в час! Прыжками. Каждый прыжок — полтора — три метра. Вам, наверное, уже вспомнился долгоног. Систематически они далеки друг от друга, а внешне, да и многими повадками, — копии. Только тушканчик — этакий долгоног в миниатюре. Низкорослость — важное преимущество: за большим долгоногом охотятся, и, возможно, скоро их в Африке не будет — обречены. А тушканчик... Много ли в нем проку? Только шкурки «крупного» земляного зайца попадают иногда в Заготпушнину. Но цена им там — гривенник...

Пятьдесят километров в час! Как подумаешь... Обыкновенным ногам вряд ли под силу такое. У тушканчиков задние ноги длинные, тонкие, напоминают складывающиеся ноги-рычаги известного прыгуна — кузнечика. Сложились — выпрямились пружиной. Умеет тушканчик, не разбегаясь, подпрыгнуть на полметра, вцепиться зубами, а затем лапками в ветку акации, и вот он на суку! Были бы наверху вкусные молодые побеги...

На сухих равнинах Аргентины обитают грызуны мара Они похожи на короткоухих толстомордых зайцев У самок мара очень интересные соски. их две пары, одна — почти под мышками, вторая — далеко позади
Длинные — 3,5 сантиметра, они очень тонкие и похожи на присосавшихся пиявок

У земляных зайцев (все они обитают в Азии) по пять пальцев на задних ногах Четырехпалый только этот, египетский Самый крупный из тушканчиков, земляной заяц (длина с хвостом чуть больше 50 сантиметров), живет и у нас в степях, лесостепях и пустынях от Алтая до Днепра, а на севере до Оки Только после захода солнца покидает он свои подземелья

И вот теперь самое время еще раз вспомнить о хвостах. Они двух типов: толстые хранилища жира, о которых уже говорилось, и длинные, тонкие, с веселой пушистой кисточкой на конце, называемой «знаменем».

Без хвоста тушканчик уже не тот. Если зверьку его отрезать, он не может бегать так уверенно, спотыкается, падает. Легко понять, что длинный хвост с кисточкой — это балансир и руль, который помогает быстро менять направление на скаку. А толстый хвост? И он выполняет те же функции! Он и руль, и балансир, и толщина этому не мешает, потому что хоть толстые хвосты обычно короче, но зато тяжелее.

Мчится птица-зверь — не видно, как земли касается. Правда, далеко не убежит, сядет, затаится и смотрит на приближающегося преследователя. На ночную кормежку отправляется иногда километров за шесть. Шесть туда, шесть обратно, а сам в лучшем случае с белку.

Роет замечательно быстро. С зимними неурядицами борется сном, нездоровых сообществ не придерживается, чистоплотен. (Каждый волосок чистит, да еще с песочком!) Без воды живет долго, а когда до нее доберется, оригинальничает: мочит передние лапки и обсасывает их, как леденец на палочке...

Самый крупный из тушканчиков — земляной заяц (длиной с хвостом чуть больше 50 сантиметров) — живет у нас в степях, лесостепях и пустынях от Алтая до Днепра, а на севере — до Оки. Только после захода солнца покидает он свои подземелья.

Знаменитый сальпинготус — карликовый жирохвостый тушканчик — под кожей в передней половине хвоста запасает жир, тогда хвостик зверька разбухает морковкой Еще один—три вида сальпинготусов обитают в Центральной Азии От других тушканчиков их отличают короткие уши, очень длинные «усы» и кончик хвоста без кисточки

В Африке живет трехпалый тушканчик. Близкий его родич обитает и у нас в Туркменистане. Зверек невелик: от носа до кончика хвоста 25—40 сантиметров, и жизнь его коротка — пять-шесть лет, но плодовит: в глубине норы на подстилке из верблюжьей шерсти приносит два-три раза в год по три — пять потомков. Самец галантно ухаживает за самкой: кланяется, вытянувшись на ножках, потом нежно поглаживает ее мордочку крохотными передними лапками.

В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Грызуны — признанные землекопы животного мира. Мы уже удивлялись замечательному проходческому таланту многих из них. Теперь очередь за цокорами, слепышами, гоферами... Они и им подобные — первые среди землекопов.

Цокоры (пять видов в Азии) и слепыши (три вида в Северной Африке и Евразии) из подотряда мышеобразных, как и тушканчики. Гоферы (около 30 видов в Северной и Центральной Америке) из белкообразных, как сурки и суслики.

Цокор, зверек не больше белки, победил в честном соревновании с неленивым парнем, вооруженным хорошей штыковой лопатой. Раскапывая землю следом за стремительным соперником, парнишка не выдержал темпа, сошел с дистанции.

А слепыш, грызун покрупнее, когда на его пути встретился ручей, не стал искать каких-нибудь средств для переправы, а перебрался на тот берег по-сухому: под дном вырыл тоннель. Метростроевцы знают: трудное это дело.

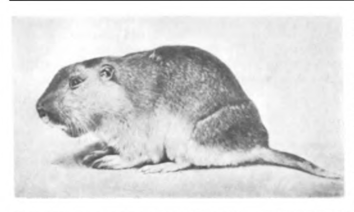
На просторах сухих равнин, лесостепей, от склонов Северной Африки и Восточного Средиземноморья, Украины, Закавказья до Зауралья процветает в подземельях особое (с единственным родом) семейство слепышей

Слепыш роет неутомимо в одиночестве, во всякое время года и суток, недалеко от поверхности горизонтальные тоннели без входов и выходов. Лишь выброшенные кучи земли, до полуметра в диаметре, отмечают его передвижение у нас под ногами (на ста квадратных метрах бывает до ста кучек!). Чтобы родить детей, одного — трех раз в году и приготовить кладовые для зимних запасов, он углубляется в землю порой до трех с половиной метров. Роет и кормится одновременно, добывая корни, клубни, луковицы. Иногда целиком все растение под землю затащит, чтобы объесть там с него листья. Горный, или белозубый, слепыш, путешествуя под огородами закавказских крестьян, запасает в своей кладовой до 18 килограммов одного картофеля! Можно себе представить, какие широкие возможности открываются перед его большим предкавказским собратом, обыкновенным слепышом, который, невидимый, владеет растениями на всех 250 метрах вырытых им кормовых ходов.

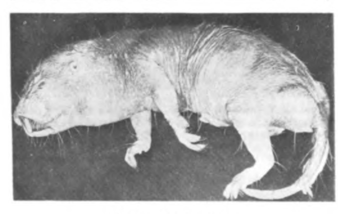
Слепыш роет резцами. Но вы ошиблись, если представили себе, как он непрерывно отплевывается землей. Земля слепышу в рот не попадает. Резцы у него торчат снаружи и ото рта изолированы внутренними выростами губ. Разрыхлив почву резцами, слепыш толкает ее вперед, на поверхность. Оттого и много кучек у него на фронте работ.

Пожалуй, не уступают слепышу наши сибирские, забайкальские цокоры, североамериканские гоферы, южноамериканские тукотуко, евразийские слепушонки да незокия, которая хотя и называется индийской пластинчатозубой крысой, но прекрасно освоилась также в Китае, Средней Азии, Египте, Сирии, Иране... Крысы на все горазды. Между прочим, эта крыса почти не покидает своих подземных нор и селится даже в стенах и полах глинобитных строений, в ирригационных дамбах. Прогрызает их в любом направлении. И случается, рушит. Словно законы эволюции не про нее писаны: эта тварь до сих пор не рассталась с длинным хвостом. А зачем он, спрашивается, землекопу?

А вот слепушонка (три вида ее живут в Евразии), пятнадцатисантиметровое создание, сделана, кажется, прямо по образу и подобию слепыша.

«Землепроходец» гофер

Тукутуко — южноамериканская земляная крыса — обитает в лесах и степях от Перу до Огненной Земли. Похожа на североамериканских гоферов, но наружных защитных мешков у нее нет. Зверьки любят сидеть у входа в нору, выставив лишь мордочки. Глаза у них почти на макушке, и поэтому тукутуко, не вылезая из норы, хорошо видят все вокруг

Голую кротовую крысу местные жители называют фарумом или фаранфаном, а в науке она известна под именем гетероцефалюса. Голые крысы живут под землей колониями до ста зверьков. Они никогда, во всяком случае днем, не покидают подземелья, лишь фонтанчики песка, которые каждые три—пять секунд извергаются на поверхность, обозначают места их обитания

Резцы такие же и так же действуют. При беглом знакомстве подумаешь, что это слепышонок, а не слепушонка.

Образом жизни гоферы подобны слепушонкам, от которых их отличают, кроме всего прочего, наружные защечные мешки. Зверьки выворачивают их, как карманы, когда чистят. Живут на территории от Канады до Панамы. Почву предпочитают влажную, мягкую. По величине и окраске разные. От маленьких, с мышку, до больших, с белку. От черных до белых. И вся эта разновидность вмещается в одно семейство с девятью родами и 30—40 видами.

Великий «философский спор» о том, что лучше: «работать, чтобы жить» или «жить, чтобы работать», гоферы решают в пользу второго тезиса. Роют столько, что обеспечивают просторными и, конечно, бесплатными жилищами пятнадцать из двадцати видов животных, составляющих их окружение (подсчитано в Колорадо).

Гофер-работник пользуется собственными методами. Разрыхляет почву, правда, так же, как и слепыш, затем передними лапами передает землю задним, ложится на спину и задними ногами выталкивает на поверхность. Но самое удивительное: по тоннелю он ходит назад и вперед с одинаковой скоростью. А у него ведь глаза не переместились к анальному отверстию, как у одной полихеты (многощетинкового червя), которая привыкла двигаться задом вперед. Но хвост, чтобы не мешал при маневре «задний ход», гофер закидывает на спину. Правда, стоит заметить, что в обоих направлениях гофер двигается очень медленно. И если налицо угроза быть схваченным, ему ничего не остается делать, как самому в бой ринуться. Даже с человеком. Зверек задирист и драчлив. Дерутся гоферы часто, лупят лапами друг друга по мордасам. Защечные мешки у них большие и болтаются свободно. Это и предохраняет от увечий.

Тукутуко, южноамериканская земляная крыса, обитает и в лесах и в степях от Перу до Огненной Земли. Похожа на североамериканских гоферов, но наружных защечных мешков у нее нет. Выбрасывая из норы землю, толкает ее тукутуко задними ногами. Зверьки любят сидеть у входа в нору, выставив лишь мордочки. Глаза у них почти на макушке, и потому тукутуко, не вылезая из норы, хорошо видят все вокруг.

У весьма неказистого гетероцефалюса, который никогда не покидает подземелий, красивые местные названия — фарум, фаранфан. Но отбросьте невольные ассоциации с именами восточных красавиц. Фарум — голая кротовая крыса из подотряда дикобразных. Она эфиопка. Дают ей приют также

земли Сомали и Северной Кении. Шерсть в жарком климате особенно и не нужна, да и все равно волосы от бесконечного трения о стенки нор истираются. Другим зверям, кроту например, приходится линять по три раза в год, чтобы сохранить шубу в исправности. У голой крысы небольшое складчатое тело (40—80 граммов весом) в красновато-желтоватой коже. Впрочем, если приглядеться внимательнее, можно заметить растущие кое-где тонкие светлые волоски. Живут фарумы колониями, иногда по сто зверьков, которые дружно пищат из-под земли, когда кто-нибудь над ними проходит. Они никогда, во всяком случае днем, не покидают подземелья, лишь фонтанчики песка, которые каждые три — пять секунд извергаются на поверхность, обозначают места их обитания.

В ВОДЕ И У ВОДЫ

Видели гофера, который бросился в волны реки стометровой ширины и переплыл ее.

Видели хомяка, который, надув воздухом защечные мешки, путешествовал по реке.

Видели плывущих сусликов!

Большие свирепые крысы бандикуты заселили все коралловые островки вдоль побережья Индийского океана. Никто их туда не отвозил. Сами приплыли на бревнах и корягах. А морские свинки — настоящие «морские волки»: побывали, наверное, во всех морях и океанах! За добродушие и безобидность они полюбились морякам, и те брали их с собой в плавания. Настоящая же родина морских свинок — Южная Америка, где в дикой природе встречается 13 их разных видов. Некоторых морских свинок инки в старину разводили как домашних животных.

Нельзя не вспомнить и пасюка, он тоже побывал всюду и тоже может быть назван «морским волком». Чего не случается...

Но конечно, ни гофера, ни хомяка, ни суслика, ни пасюка нельзя назвать водными грызунами. Они в общем-то с водой не в ладу. При необходимости плавают почти все звери, кроме человекообразных обезьян. Но есть грызуны, которых вода поит, кормит, дает жилье и убежище от врагов

Реки широкие, равнинные. Реки быстрые, горные. Ручьи. Пруды, озера, болота... Приходилось, наверное, вам где-нибудь видеть мокрую усатую голову над блестящей поверхностью воды. Быстро и плавно скользит, расходятся тонкие волны.

Ондатра, бобр, водяная крыса, нутрия — кто проплыл?

«Я знал людей, умевших читать и писать, которые были гораздо глупее старого опытного бобра», — признался однажды Соколиный Глаз.

Писатели, да и зоологи называют этих зверей «инженерами». Называют столь часто, что это уже надоело. Но лучше, пожалуй, не придумаешь.

Внешность зверя внушительна. В бобровой шубе ходит! Дорогая шуба, с теплым подшерстком и крепкой остью, а для большей эластичности и ненамокаемости смазана маслянистым веществом После каждого купания бобр тщательно ее чистит и напомаживает.

Прежде бобры жили по всей Европе, кроме Испании, в Сибири, Монголии, на севере Китая, в Северной Америке — от Аляски до Рио-Гранде. Истребляли их безбожно. Потом стали охранять и снова разводить. Ныне живут они в Америке, в пределах почти прежнего своего ареала, но лишь местами, разрозненно. В США и Канаде и в наши дни добывают до 175 тысяч бобров.

В Европе тоже восстановили бобров, расселяя местами и канадских, в разных районах Франции, Германии, Польши и Скандинавии.

В СССР к тридцатым годам уцелело, как полагают, около тысячи бобров. Сейчас во многих местах, и в европейской части и в Сибири, их поголовье и поселения восстанавливаются.

Один вид бобров или два — специалисты еще не решили. Во всяком случае у нашего бобра кроме некоторых особенностей черепа хвост у́же и длиннее, чем у американского, а шерсть на спине лишена красноватых тонов. Весят бобры от 9 до 32 килограммов. Живут лет до 25, во всяком случае в неволе. Молодых (трех — пятерых, реже до

В средневековой Европе бобра считали рыбой! Мясо его ценилось среди деликатесов, о ценности бобровой шкуры и говорить не приходится. Всюду истребляли бобров, уцелели они лишь в немногих местах. В последние десятилетия бобров расселили в Швеции, Финляндии, а в СССР — в пятидесяти разных местах. Канадский бобр, по мнению одних ученых, особый вид, другие его считают лишь подвидом нашего бобра

восьми) рожают раз в году, в апреле — мае. Те через день-два уже плавают, а через три недели едят растения, хотя мать кормит их молоком еще недели три. С родителями остаются до двух-трех лет. Едят бобры кору, побеги, листья, особенно любят осину и ивы, болотистые травы — тростник, ирис, водяные лилии. На зиму запасают ветки под водой, иногда до 50—80 кубометров!

Физиономия бобра, если взглянуть на нее спереди, поразит великолепными резцами, торчащими поверх губ, как и у многих героев предыдущего рассказа — землекопов. Но эти резцы еще совершеннее, чем у слепыша и ему подобных. Не говоря о размерах, которые, конечно, внушительны, сей инструмент рытья и резания еще более универсален. Им можно работать под водой, не раскрывая рта. Нос тоже поразит подвижными мясистыми ноздрями. Они такие не зря: плотно смыкаются, когда бобр ныряет. Под водой он может не дышать до 15 минут!

Мало кому доводилось видеть, как бобры орудуют резцами под водой, но на берегу их производительность фантастична: две-три минуты, и осинка толщиной с руку падает!

Во французском национальном парке Бруси зоолог П. Ришар наблюдал весьма занятные действия бобров-строителей...

Но, простите, прежде отвлекусь и коротко скажу, какие типовые постройки бывают у бобров.

Проект первый — норы. Их роют, когда есть берега высокие и крепкие, в обрывах. Вход — на глубине метра или двух под водой. Темное отверстие, в которое не возбраняется заплывать рыбам — бобры их не тронут, наклонно направлено вверх. Поднявшись выше уровня реки, нора ведет куда-нибудь под корни крепкого дерева. Там мрачноватая спальня, иногда такая большая, что двое людей, если им придет в голову такая фантазия, вполне могут в ней ночевать. Если река ненадежная, и вода в ней в сухое время убывает, то под первым входом по направлению к спальне копается другая нора. Вход должен быть под водой — это непременное условие. Иногда «крыша» над спальней (слой земли) не выдерживает, проваливается. Тогда сверху наваливают кучу хвороста.

Проект второй — хатки из ветвей и земли. Они возвышаются над водой метра на полтора — три, а диаметр их до 10—12 метров. Вход тоже под водой.

Проект третий — каналы. На болотистой местности в разные стороны от дома, если смотреть сверху, как лучи от солнца на неуверенном детском рисунке, расходятся неширокие, неглубокие полоски воды. Это водные пути на работу и в столовую. Возможно, что особых заслуг в сооружении каналов у бобров нет: ходят и ходят, и постепенно тропинки углубляются и заполняются водой. Может, и так... Однако внимательные наблюдатели говорят, что бобры определенно стараются содержать свои каналы в порядке, не любят, когда в них попадает мусор. По таким артериям они сплавляют обрубки деревьев и ветки. Это ведь легче, чем тащить их в зубах и в лапах.

Проект четвертый — плотины. Как раз тот проект, на который давно израсходованы все антропоморфические сравнения, все хвалебные эпитеты. В Америке, говорят, у бобров есть плотина высотой четыре с половиной, а длиной 652 метра!

Работая сообща, бобры сваливают посреди реки стволы деревьев, камни, ветки, ил, чтобы образовался островок. Потом по сторонам островка, по направлению к берегам, складывают годный для запруды материал, заплетают ветками, обмазывают илом, глиной, подпирают кольями, распорками из бревен, нередко уперев их одним концом в плотину, другим в дерево напротив. Складывают и плетут... Пока не достигнут берега. Вода идет вширь и вверх, переливается через край, делает промоины. Но упорны строители. Таскают, плетут, наваливают, замазывают... Глядишь, уровень воды поднялся, блистает спокойной гладью, а излишки

ее выливаются по надежному стоку из плотно сплетенных ветвей. Такой сток реке не размыть.

Одной плотины мало. Не могут бобры равнодушно смотреть, как бесполезно утекает куда-то драгоценная влага. Ниже по течению строят еще одну, потом еще, еще... В результате — целый ряд прудов, как ступени большой лестницы. А еще лучше сравнить их со шлюзами, со ступенями бьефов. Иногда, не соразмерив свои желания с планами человека, бобры захватывают под водоемы обширные луга с ценными покосами. В Америке подобные случаи настолько участились, что люди вынуждены были применять взрывчатку. Однако бобры быстро восстановили разрушенное. Тогда вместо динамита пробили плотины дренажными трубами, то есть дополнительно к стоку, достаточному, по мнению бобров, добавили еще один или два. На этот раз сказали фермеры «О'кей!» и возрадовались. Но...

Здесь самое время вернуться в национальный парк Бруси, к обещанному рассказу об опыте Ришара. По примеру американцев он пробил под плотиной дыру и пропустил сквозь нее дренажную трубу. Довольно длинную, так что входное и выходное отверстия оказались на порядочных расстояниях по обе стороны плотины.

Вода стала убывать. Бобры засуетились.

Вначале они кинулись надстраивать сооружение сверху, заделали все стоки, но вода все уходила. Тогда ненужную работу бросили.

И догадались-таки, что во всем виновата труба! Решили заделать входное отверстие. Но там оно было не одно. Кроме основного открытого зева Ришар просверлил в трубе несколько боковых дырок. Эти дырки бобры не смогли заделать. Большую заткнули, а все, что лепили на маленькие боковые, вода смывала. Работу бросили.

Зоологи наблюдали за животными из укрытий, смотрели и забавлялись: очень потешно ходили бобры взад-вперед, высматривали, что б еще такое сделать, точно прорабы на месте будущей стройки.

Сообразили бобры заткнуть и другой конец трубы. Но там течение, разогнавшись по трубе, было слишком сильным, и все, чем затыкали, сносилось моментально.

И эту работу бросили.

И все-таки вышли из положения! Выстроили плотину, которая обогнула нижний выходной конец трубы. Раз уж вода льется, так пусть льется в наш новый пруд!

Можно ли после этой истории сомневаться в том, что бобры действительно инженеры! Кстати, зимой бобры спускают часть воды из запруд, чтобы подо льдом образовались пустые пространства. Там, между льдом и водой, резвятся и кормятся.

И еще. Бобры одной семьи уживчивы, мирны, любят даже повеселиться, поиграть. Самец обычно всю жизнь живет с одной самкой, хотя порой и других, холостых, не упускает. Но с чужаками бобры бесцеремонны. В особенности если кормного участка и воды самим едва хватает. Или если все самки давно просватаны. Дерутся жестоко. И вот при такой-то, мягко говоря, непреклонности, когда наступает засуха и мелеют водоемы, бобры собираются вместе, где еще осталась вода. Не дерутся, и хозяева не гонят гостей. Засуха — беда общая...

Мясо у бобров съедобное. Ценится людьми и «кастореум», или «бобровая струя», помогавшая будто бы в старину от разных недугов. Поручик и кавалер К. Прутков, когда почувствовал себя нездоровым, вспомнил о ней:

Сегодня не поеду на развод,
У меня немного болит живот
Даже с трудом на ногах стою —
Принеси мне бобровую струю

А моряки уверяли, что «бобровая струя» помогает и от... страшных спрутов. Отпугивает, если растворить ее в воде. Ныне подобные легенды опровергнуты просвещенной наукой. Но в медицине, и особенно в парфюмерии, спрос на «кастореум» еще есть.

БУДЬТЕ КАК ДОМА!

Первое знакомство ондатры с нашей страной произошло в знаменательном для нее месте, на Соловках.

Туда, на Большой Соловецкий остров Белого моря, в 1928 году явилась она как эмигрантка из Северной Америки. Остров был для нее карантином, который полагается пройти пришельцу, прежде чем свободно ступить на земли большой страны. Но ондатра на Соловках, а затем на острове Карагинском близ Камчатки повела себя вполне благонадежно. Охотоведы обзавелись специализированными племенными фермами, расселили в разные края страны ондатр, и уже через семь лет появилась и новая охотничья специальность — ондатролов. Сейчас у нас в год добывают больше четырех миллионов шкурок. Во всем мире в иные годы — больше семи миллионов, а в прошлом веке только на лондонских рынках продали 160 миллионов ондатровых шкурок!

Весна на Соловках... Ночь отличается от дня лишь тишиной, молчанием озер и тенистых проток. Раздвинешь заросли и... один шлепок, второй, третий... Ондатры, ныряя в воду, шлепают хвостами, предупреждают товарищей. И неизвестно, кого предупреждает последняя, замешкавшаяся зверюшка. Шлепнула. Если же изловчишься подкрасться незаметно и бесшумно, то услышишь, как хрустят перегрызаемые стебли камыша или рогоза, осоки, тростника, услышишь шелест, чавканье и даже «скрежет зубовный». Шумно едят ондатры. Обычно на берегу или на кочке, но едят и лежа на воде, приподняв для равновесия кончик голого, сжатого с боков хвоста.

Ондатра, или мускусная крыса (в паху у нее мускусные железы), — из подсемейства полевок и внеине немного напоминает полевку. Размерами же далеко превосходит всех полевок. Она тридцатипятисантиметровая, а если сухая, да распушилась на морозе, то так и кажется, что хватит на целую шапку. Обманчивое, конечно, впечатление. Самое же большое отличие от полевок — оригинальный хвост и задние лапки с перепонками. В Америке ондатра обитает от Аляски до южных штатов США. На Ньюфаундленде — другой вид того же рода, а во Флориде — мускусная крыса из другого рода — неофибор. В СССР ондатра расселилась по всей стране, от западных границ до Дальнего Востока и Колымы. В Западной Европе, куда ее завезли в 1905 году, живет во многих странах.

Сходство бобра и ондатры в некоторых повадках немалое. Американские индейцы, народ наблюдательный, назвали ондатру младшим братом бобра. Но они не родственники, а если ветви их фамильных древ и цепляются, то где-то в палеонтологическом прошлом. Бобр из подотряда белкообразных, а ондатра — мышеобразных.

Ондатра, как и бобр, — строитель. Правда, она не воздвигает величественных плотин, но ее хатки определенно созданы по известному нам бобровому чертежу. Только поменьше. Однако если хатка старая, она весьма внушительна: высота больше метра и в диаметре не меньше. Материал, естественно, более легкий. В основном сухие травы, тростник, камыш, осока, скрепленные илом. Если дно не очень надежное, рады любому твердому предмету. Под ондатровой хаткой находили стоптанные сапоги, консервные банки, бутылки.

В тех местах, где есть высокие берега, ондатры роют норы. И тоже по бобровому принципу: вход под водой, а затем тоннель кверху, где гнездо.

Шестьдесят лет назад ондатре предложили непростую задачу. Выдали авансом корм, воду, землю. Предстояло преодолеть конкурентов, хищников, времена года...

И тут зверек показал, на что он способен. Повсюду — от полярных Соловков до Монголии и Китая — возникали их хатки и норы. Сколько ни измеряли исследователи температуру в этих жилищах, даже в самые сильные морозы ртутные столбики ниже нуля не опускались, а чаще показывали восемь-девять градусов. Это ведь совсем тепло!

...Иногда водоемы промерзали до дна. Но ондатры, предчувствуя суровую зиму, уходили из мелких водоемов, уходили еще осенью.

Лед не очень толстый — верный друг. Подо льдом ондатры путешествуют спокойно и беспрепятственно. Их шкурка хранит, как в кислородном баллоне, 200 кубических сантиметров воздуха. В воде воздух, естественно, пузырьками устремляется из волос вверх и собирается подо льдом. Ондатры потом находят его и дышат им. Самое же главное —

специальные отверстия во льду, продухи, воздухозаправочные станции на подледных маршрутах.

Но ведь самое страшное в нашей зиме не лед, не снег, не холод, а голод! Однако и он ондатре не очень опасен. Она не поленилась выстроить специальную хатку, в которой чего только нет. Рассортированы и уложены там в одну сторону сытные корни тростника, в другую — роголистник, лежат тут и моллюски, порой и мелкая рыба. Ондатры ведь и это едят, а еще лягушек, раков. Свои хранилища зверек устраивает в норах, а иногда в пристройке к жилой хатке — как подскажут обстоятельства. Во всяком случае ни мерзнуть, ни голодать ондатре зимой не приходится. По некоторым подсчетам, выходит даже, что для нее это благодатное время года: численность ондатр зимой самая стабильная.

Весной труднее. Весной реки выплескиваются из берегов. Пусть бережется тот, кто дом ненадежно строит! Вода прибывает. Но деловиты ондатры. Хатку того и гляди затопит, бежать надо, а они ремонтом занялись... Таскают со дна корни с грязью и укладывают на крышу. Через несколько часов у хатки вырос новый этаж, который вода уже не затопит. С весенней стихией справляются. Но тут властно заявляет о себе инстинкт продолжения рода.

В большой хатке зимовала большая семья, может быть, их было двадцать. Делились пищей, теплом, ласкались. Но что случилось? В семье склока, свара. Пришла пора гона, а с ней и необходимость покидать родной дом, который скоро может стать слишком тесным.

Прибылые зверьки — прошлогодние дети, — прямо скажем, выгоняются на все четыре стороны. Хорошо, если места вокруг не заняты и можно где-нибудь поблизости построить собственную хатку. Но часто блудного сына поневоле ждут не свободные кормные участки, а острые резцы соседей. И идет молодой грызун куда глаза глядят. Далеко уходит. И делает нужное для звероводов дело — расселяется.

Иногда удивительные встречи бывают: озерцо в полупустыне, вода для питья почти непригодная — соленая, но в зарослях тростника — знакомый купол хатки. Невольным уважением преисполнится человек к ее обитателям: ведь сколько верст прошли по негостеприимной земле, сбивая в кровь лапы и хвосты. И дошли! Впрочем, такие путешествия чаще кончаются гибелью. Гораздо успешнее они, если совершаются торными голубыми путями: реками, ручьями, каналами.

Весной обстановка в ондатровых поселениях напряженная. Мало того, что самцы бросаются по любому поводу в драку, — самки вдруг начинают выказывать нетерпимые характеры. Сергей Владимирович Мараков в книге «В джунглях Прибалхашья» пишет, что в дерущихся парах «всегда в роли преследователя оказывалась самка!». Следствие их гнева — расселение и предотвращение чрезмерной плотности популяции, а это одинаково выгодно и ондатрам и человеку.

Когда через 25 дней — таков срок беременности — в притихшей хатке послышится шесть-семь писков, мамаша становится воплощением доброты и самоотверженности. Если угроза реальна, она ныряет вместе с малышами, которые висят у нее на сосках. А отец, забывая о собственных нуждах, все тащит и тащит пищу в дом, чтобы не голодала семья. Вообще, начиная с этого времени, забот ему хватит надолго: самка, если климат подходящий, за лето принесет до трех пометов. Хатка превратится в детскую. Впрочем, бывает, что семья вырастает и до размеров небольшого детского сада. Это когда в хатке поселятся две дружные супружеские пары.

Ондатрята быстро вступают в пору неразумного детства, когда подвижность еще не контролируется жизненным опытом. Врожденные инстинкты побуждают их к первым неумелым попыткам ремонта и строительства, но детство есть детство: то молодой мускусный крысенок чрезмерно намок, и ему уже не выплыть, то шляется по берегу, и тень хищных крыльев уже опустилась на него...

Семья неизбежно редеет, но у тех, кто в ней остается, чем ближе к осени, тем яснее заметна привязанность к своему дому, к своему участку, то есть к довольно ограниченной площади, которая вряд ли бывает больше 50 метров в поперечнике. А здесь все четче проступают скрытые прежде буйной весенней зеленью тропинки, кормовые столики, площадки, где занимаются чисткой шкурки, уборные, своеобразные причалы — вытертые, округленные края берега, где обычно вылезают из воды, кочки, превращенные то ли в наблюдательные пункты, то ли в удобную мягкую мебель, так и манят к отдыху.

Приближение холодов зовет к труду. Строят. Запасают. Ремонтируют. Дети стали рослыми и сильными. Отлично роют, не ленясь. Вообще осень пора мира. По первой пороше притащится, бывает, зверек, потерпевший где-то жизненную неудачу, и его не прогонят. Чем компания больше, тем теплее в гнезде...

Ученые, затевавшие переселение ондатры, конечно, самым серьезным образом обсуждали вопрос о том, чьей жертвой ей суждено стать и насколько это опасно для сохранения популяции. Легко было предположить, что у нас, так же как и в Северной Америке, врагами ондатры станут

совы, лисы, рыси, куницы, орлы. Но все оказалось не так просто.

Само собой разумеется, болотный лунь хватал больших крыс, явившихся из-за океана. Но, попробовав разок-другой острых зубов сильного самца и расправляя потрепанные перья, все больше убеждался в том, что нападать на ондатр, пожалуй, не стоит. Лиса первое время была озадачена невиданным сооружением — хаткой: внутри полным-полно мяса, а попробуй возьми! Корябает обледенелую хатку снизу, а копать-то надо сверху, где от дыхания ондатр крыша размягчилась!

Зато обнаружились у ондатры совсем неожиданные враги. Например, кабан, вороны — черные и серые. Кабан, подобно бульдозеру, разрывает в поисках запасов ондатр (да и хозяев не щадит!) за одну кормежку по 20—25 хаток! При такой «производительности» небольшой гурт диких свиней быстренько разделается с местными поселениями ондатр.

Но ради процветания кабанов многое можно было бы вытерпеть. Другое дело — ворона. Эта птица, заклейменная в известной басне как очень глупая (сыр лисе отдала), на деле показала себя умней лисы. Повадки ондатр изучила, знает, когда их можно взять, и нападает часто целой шайкой. Звероводы ондатровых хозяйств жалуются еще на дворняг, которым не сидится на цепи. Эти преследуют ондатр даже в воде.

Что касается отношений ондатры с другими соседями, то тут обстоятельства складываются явно в пользу новоселов. Для рыбы она полезна: обогащает воду кислородом, делая во льду отдушины, производит бесплатную и добросовестную расчистку зарастающего дна, уничтожает жуков-плавунцов — губителей мелкой рыбы. Новоселы явно понравились полевкам и мышам, которые часто поселяются в стенках хаток. Иной раз даже серый гусь вьет гнездо на крыше ондатрового домика. Очень удобно: и видно далеко, и вода рядом.

Кое-кого ондатра потеснила. Во-первых, водяную крысу. Но этой, как говорится, так и надо. Во-вторых, выхухоль. Отдельные наблюдения говорят: ондатры нападают на выхухолей, гонят от водоемов. Если так — это плохо.

Пришла очередь рассказать о другом нашем новоселе, о нутрии. На этого грызуна в нашем климате несчастья валятся куда чаще, чем на ондатру. Он даже имя свое потерял. Испанские конкистадоры, когда принялись знакомиться с легко доставшимся им призом — Южной Америкой, увидели в болотах, в тихих заводях рек зверя, который плавал. Этого оказалось достаточно, чтобы

Акклиматизация нутрии в нашей стране лучше всего удалась в Закавказье (Ленкорань, низовья Куры, Риони и река Аракс с притоками), а также на юге Таджикистана (низовья Вахша) Нутрия заняла значительное место в пушном хозяйстве СССР Ее мясо тоже высоко ценится

завоеватели сказали: «нутрия», то есть «выдра». Потом, когда пришло время дать ей имя на иных европейских языках, не нашли ничего лучше, как «бобровая крыса» или даже «болотный бобр». А в пушной торговле нутрию называли также и... обезьяной!

Но нутрия не бобр, не выдра и тем более не обезьяна. Она сама по себе. Родом из Аргентины и Чили, из подотряда шиншилл, агути, морских свинок и других южноамериканских грызунов. Весу в ней полпуда, длиной она сантиметров шестьдесят, хвост у нее круглый, с чешуйчатой кожей и немного волосатый, на задних лапах перепонки.

В 1922 году нутрий стали разводить на фермах Южной Америки, позднее — в США, СССР и Западной Европе. Тысячи ферм продолжают разводить этих грызунов, выведены уже расы белых и кремовых нутрий. На воле более или менее удачно удалось акклиматизировать нутрий только в СССР и США.

В 1930 году нутрии, как и ондатре, предложили освоиться на широких просторах нашей страны. Но хотя за 50 лет нутрий в нашей стране стало около 200 тысяч, большинство из них живет на так называемом полувольном разведении. Лето проводят в водоемах, а к зиме многих из них забивают, а лучших производителей держат до весны в клетках.

Почему ондатру сейчас можно встретить где угодно, а нутрия, хотя их не раз выпускали в Средней Азии и Закавказье, прижилась не всюду? Для нее губительны морозные зимы и лед на водоемах.

Неуспех акклиматизации нутрии объясняется, по-видимому, и кое-какими ее повадками. Норы,

если берег крутой, она выроет, но неуютные: ни травы, ни шерсти не настелит — так на сырой земле и лежит. И выход в нору не под водой, как у бобров и ондатры, а над ней: большая дыра видна всякому любопытному, и никому не возбраняется сунуть в нее свой нос или палку.

Но и такую нору нутрия роет не часто. Она предпочитает гнездо. Согнет тонкий кустарник, рогоз или тростник так, чтобы получилась более или менее крепкая «подушка», натаскает листьев — и лоток, на котором спит нутрия, готов. Тут под дождем и на ветру до трех раз в год рожает от одного до десяти детенышей. К пяти месяцам они уже взрослые.

ПИРАТЫ — И ВСЕ ТУТ!

На родине нутрии по соседству с нею живет ихтиомис — рыбоядная водяная крыса. Она плавает и ныряет. Нор почти не роет, а прячется под камнями, в расщелинах скал. Ловит рыбу, травкой и сочным корешком соблазняется не часто. И в низинных болотах, и в горных стремительных реках умудряется охотиться за рыбой. В Андах, на высоте около трех тысяч метров, в бурных водах, где течение до 40 километров в час, плавает и хватает быстрых и немаленьких, с ладонь, рыбок. А сама невелика. Из семи видов, проживающих на Южно-Американском континенте, крупнейшая — с крысу.

С пиратствующим грызуном Евразии мы с вами познакомились давно, еще в детстве.

«В эту минуту из-под моста выскочила большая водяная крыса.

— Это кто такой? — закричала она. — А паспорт у тебя есть? Давай сейчас же паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и крепко сжимал ружье...» (Г. Х. Андерсен).

Водяная крыса, а точнее, полевка немного крупнее ихтиомиса, длина тела до 25 сантиметров. Но если ихтиомис — специалист узкий, то водяная полевка — универсал. В воде она ловит мелкую рыбу, моллюсков, насекомых, раков. На суше грызет травы, портит тополь, черемуху, иву, яблони, объедая кору, побеги и корни. Иногда так подгрызет, что небольшое плодовое дерево никнет и падает! Сносно лазая по стволам, разоряет гнезда. Мелкий собрат по отряду — полевая мышь — не попадайся на пути водяному разбойнику — съест! В огородах, особенно вблизи пойм, водяная полевка губит картофель и другие овощи. В Голландии зимой пожирает миллионы клубней знаменитых на весь мир тюльпанов! Да и полям от нее вред: бывало, в пору массового размножения с целыми урожаями расправлялась, подгрызая стебелек за стебельком.

Иногда водяные полевки так плодятся, что люди, ополчась на них, добывали их за месяц до четырех миллионов, например у нас под Томском. В ФРГ на лугу в 330 гектаров 34 человека убили 50 тысяч водяных крыс. Ведь селятся они не только у воды, но и в полях, огородах, заболоченном мелколесье, даже в сараях.

Темно-бурое, иногда очень темное, почти черное существо, с виду неловкое. И между тем классный землекоп. В десяти — пятнадцати сантиметрах от поверхности земли роет длинные тоннели, в которых кормится подземными частями растений. Под берегом копает направленные вверх норы: вход под водой, гнездо на суше. Роясь под землей и зимой и летом, выбрасывает на поверхность кучки земли, похожие на кротовые, но более плоские и с остатками растений в них. Часто бегает готовыми кротовыми ходами, чтобы добраться, не тратя сил, до корней и клубней. Садоводы, обнаружив у загубленного водяными крысами дерева или картофеля кротовые норы, часто обвиняют в своей беде кротов.

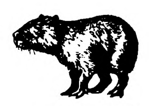
На зиму, когда промерзают берега, уходят водяные полевки в луговины, кустарники и сады. Запасают корневища тростника и картофель.

Водяные крысы очень плодовиты, приносят до шести пометов в год, а в каждом — до восьми детенышей, которые через месяц уже уходят от родителей. На наше счастье, высокие паводки, засухи и еще какие-то причины снижают «демографическое давление» в популяции этих полевок.

А кроме того, если помните, объявлена серьезная тяжба в споре за угодья: «ондатра против

водяной полевки». Будем надеяться на ее благоприятный исход.

Есть еще водяные крысы довольно обширного подсемейства (13 родов). Их родина — Австралия, Новая Гвинея, Филиппины. Встречаются среди них и крупные, до полутора килограммов. Большинство коричневого цвета. Мех некоторых, между прочим, ценится. Многие хорошо плавают, ноги у них с перепонками, хвост уплощенный, как у ондатры.

КРУПНЕЙШИЙ!

«Четвероногое было похоже на кабана. Когти лап, которыми животное сейчас отчаянно упиралось в землю, казались объединенными перепонками. Герберт узнал в этом животном водосвинку — одного из крупнейших представителей отряда грызунов» (Жюль Верн).

Это отрывок из фантастической книги. Поэтому, остерегаясь неточных знаний, повремените, не принимайте картину, нарисованную писателем, за подлинное представление капибары, она же водосвинка, действительно самого крупного грызуна, весом до 90 килограммов. Капибара на языке индейцев гуарана значит «господин травы».

Правды ради замечу, что капибара на Таинственном острове, волей автора расположенном в Тихом океане, просто невозможна. Слишком далека настоящая родина этих зверей — Южная Америка. Но на то и фантастика: остров, как вы помните, был богат многими животными, которые могли оказаться там разве что после оставшегося неизвестным акклиматизаторского порыва библейского Ноя, проплывавшего мимо на своем ковчеге.

Капибар два вида. Один населяет центральные южноамериканские районы к востоку от Анд. Другой вид или подвид почти вдвое меньше и водится только в Панаме. Они похожи как внешне, так и повадками. У нас поэтому есть повод сосредоточить свое внимание на первом — Голиафе племени грызунов.

Квадратная морда с большими надменными глазами, несколько горбоносая, на переносье немного возвышается большая пахучая железа. Хвоста почти нет, но зато сзади мощный огузок, увесистый, как курдюк. На лапах, как правильно заметили герои Жюля Верна, перепонки.

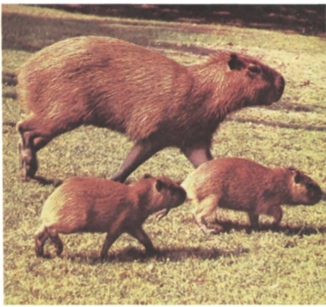
Как и все грызуны, приличным голосом капибара не обладает. При всей своей внушительности она не способна ни рявкнуть, ни взлаять, ни завыть и чувства свои выражает невнятным ворчанием, визгом, «скрипом», в котором некоторые слушатели улавливают что-то вроде «хи-хи» или «хе-хе», что дает им основание называть это странное звукоизвержение «хихиканьем».

Капибара — зверь флегматичный, а если сказать прямо — ленивый. Зоологи долгое время не могли найти и описать ее логовище, ожидали чего-то необыкновенного. Оказалось же, что она никакого логовища и не думает строить: спит прямо на земле, в лучшем случае разрыхлив под собой почву, чтобы образовалась неглубокая ямка.

Уединенные реки, озера, болота спасают капибар от пум, ягуаров и охотников. Правда, там же нередко встречает капибару пасть крокодила — пожалуйста! Но в воде капибара не беспомощна, плавает быстро, ныряет глубоко и надолго. Высунув над поверхностью ноздри и глаза и укрывшись за кучей водорослей или корягой, плывет совсем невидимая. Или погрузив массивный огузок в жидкую грязь, сидит дремлет, купается где-нибудь в уединении. Стоит по брюхо в воде, как обыкновенная домашняя скотина, и ест все сочное, что растет в воде. Случается, небольшое стадо капибар пасется вместе с домашним скотом где-нибудь невдалеке от реки.

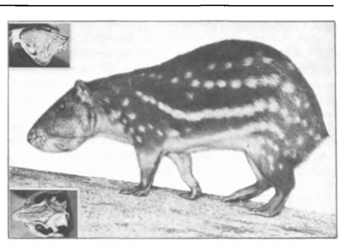
Там, где капибар преследуют, а преследуют их за вред, который они местами причиняют сельскому хозяйству, ради мяса, впрочем невкусного, и резцов, из которых местные ювелиры делают украшения, — там капибары осторожны и предпочитают пастись ночами.

Самый большой грызун мира — капибара, или водосвинка Она весит до 90 килограммов Похожа капибара на увеличенную во много раз морскую свинку

Семейство капибар на прогулке

Пака — крупный грызун — до десяти килограммов Живет в Центральной и Южной Америке от Мексики до Парагвая Это основная добыча хищников тех стран, где пака обитает Мясо у нее вкусное, и местные индейцы охотятся на пака с собаками Селятся пака около рек или на заболоченных землях Другой вид — горный пака — встречается только на высокогорьях Эквадора

Ложный пака, или пакарана, еще более крупный грызун Он обитает высоко в Андах и всюду редок. В отличие от пака у него небольшой пушистый хвост

По соседству с капибарой, в тех же лесах и обычно тоже у воды, живут грызуны по имени «пака». Они хорошо плавают. Похожи на водосвинок, но меньше, до десяти килограммов. Морды поострее, по бурому фону на спине и боках тянутся собранные в продольные ряды белые пятна.

Еще совсем недавно, по-видимому уже после Колумба, вымерли на Антильских островах грызуны, которые были так же массивны, как небольшие медведи. Их родичи еще живут в Андах. Это пакараны. Сто лет назад их открыли польские исследователи. После этого их видели и ловили всего несколько раз.

Пакарана — третий после капибары и бобра

среди грызунов тяжеловес, до 16 килограммов. Очень похож, даже окраской, на паку, но у него есть средней длины довольно пушистый хвост. (Пака бесхвостая, как и капибара.) Живет в Андах, всюду редок, почти истреблен.

Вот, собственно, и все о грызунах, живущих в воде и у воды. К сожалению, не всех удалось упомянуть, но и без того рассказ получился длинный.

ВОЗЛЕ НАС

Зрение у крыс весьма посредственное. Фотографии, сделанные с помощью хрусталика, извлеченного из крысиного глаза, доказывают, что фокусное расстояние у этого своеобразного «объектива» около 8 сантиметров. Следовательно, он обладает свойствами хорошо известного фотолюбителям объектива «Юпитер-9», предназначенного для портретной съемки и рисующего очень мягко, но дающего угол изображения лишь в 16 градусов. Надо еще принять во внимание, что в хрусталике и масштабы не те, поэтому пространство, которое крыса может окинуть взором, весьма и весьма невелико.

Правда, вращение головой фактически восполняет этот недостаток. У крысы всю жизнь перед глазами только серое, белое и черное. Голубовато-зеленые лучи она еще кое-как воспринимает, а на красный цвет реагирует, как на полную темноту. Обоняние у крысы не тоньше, чем у человека, а ведь мы о своем невысокого мнения: чувствуем запахи лишь самые сильные и даже не пытаемся отыскать что-нибудь по следу.

Слух у крысы тоже ограниченный. Представьте, оглушительный вопль сирены, непрерывно тянущей ноту «ми», крыса не слышит. Чистые тона она вообще не различает, только шорохи. Однако определить толком не может, откуда они исходят. Правда, к тонам ниже 8 килогерц крыса чувствительна лучше нас.

Казалось бы, обиженный природой зверь. Но погодим сочувствовать...

Звери невелики: длина тела от 13 до 26 сантиметров да плюс хвост с сотней-другой чешуйчатых колец, еще от 10 до 23 сантиметров. Цвета носят скромные: серый, черноватый, рыжеватый. Весят до полукилограмма.

Настоящие крысы (рот раттус) разделяются на 137 видов и 570 подвидов и рас. Населяют по существу весь мир, только в Америке их прежде не было да кое-где на островах. Но вслед за человеком крысы расселились почти всюду. В СССР три вида: туркестанская крыса (Средняя Азия), серая (почти всюду, кроме пустынь Средней Азии и некоторых районов Восточной Сибири) и черная (в европейской части СССР, местами в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Особенно много черных крыс на Курильских островах).

Черная — прирожденная высотница, поселяется в верхних этажах, даже на чердаках. Серая, наоборот, привержена к подвалам, а если случается ей заниматься «уборкой» урожаев, произрастающих вдали от селения, то роет там норы, строит гнезда или живет в дуплах. На севере вся жизнь ее связана с жилищем человека, на юге крысы обычно только на зиму переселяются в дома и другие постройки (даже в холодильники, где температура минус десять градусов!). Некоторые южные серые крысы и зимой и летом живут в природе.

Серая, она же амбарная, она же щур, карако, она же пасюк. Это, так сказать, некоторые клички, из них самая распространенная — последняя, присвоенная на Украине и принятая в лабораториях. Мы ею тоже воспользуемся. Это в основном пасюк совершает странные и часто необъяснимые деяния. Мамаша-крыса за год приносит до трех пометов, в каждом до 15 детенышей, в среднем семь. Через три-четыре месяца они уже размножаются, так что от одной крысы за год может «произрасти» сто!

Беременная крыса сразу же принимается за строительство гнезда. И самец помогает ей в меру своих сил. То соломинку принесет, то пушинку. Если холода близки или уже наступили, работа идет веселей и качественней. Интересный опыт проделал один польский ученый. Он удалил у крысы-созидательницы щитовидную железу. После этой операции крыса потеряла чувство меры и показала,

на что способна: гнезда строила огромнейшие, расходуя в сутки по 150 метров бумаги! У здоровой крысы, когда гнездо готово, строительное рвение пропадает.

Итак, двенадцать народившихся ртов — бывает, конечно, и меньше — занимают свои места у двенадцати сосков. Первые два-три дня они сосут непрерывно. Желудки у них сокращаются в постоянном ритме, как бы командуя: ешь! ешь!

На пятнадцатый день крысятам открывается серый, неприглядный мир. Уже в самом начале жизненного пути, еще ничего не зная, они проявляют кое-какую опытность. Ползти, например, стараются в ту сторону, где потемней, а если посадить крысенка на наклонную плоскость, взбираясь по ней, он выберет наикратчайшее расстояние. Это инстинктивное наследство предстоит обратить в комплекс умений и знаний, нужных путешественнику, гангстеру, авантюристу. Таинственные университеты ждут маленькое существо. Таинственные для нас, потому что крысы не любят делиться секретами.

Правда, ученые нашли способы приподнять завесу над крысиной «педагогикой». Лучший из них прост и остроумен. Они решили сами заняться обучением крыс.

Крыс учили находить дорогу в специально построенных лабиринтах. Ученым не удалось построить такого лабиринта, которым бы не сумел овладеть хоть один из подопытных грызунов. Учили лазать по лестницам с полки на полку. Крысы сами поднимали лестницу, соединявшую две нижние полки, ставили ее на вторую полку, прислонив верхним концом к третьей, где лежало угощение, и, проявив такие редкие дарования, добирались до него!

После 200—300 пробежек крысы научились безошибочно ориентироваться в лабиринтах. Задачу усложнили: завязали крысе глаза. Все равно нашла дорогу! Лишили ее обоняния — нашла! Сделали ее глухой — нашла! Произвели анестезию осязательных нервов лап — нашла обещанный гостинец! Выключили несколько органов чувств сразу — и тут не растерялась, нашла то, что требовалось. Но самое интересное: уж очень быстро приспосабливалась она к своим новым физическим недостаткам. Завяжут ей глаза — работает на ощупь, лапами и вибриссами. Вибриссы обрежут и лапы анестезируют — идет, касаясь стенок боками. Однако когда лабиринт развернули на 180 градусов, крыса заблудилась.

Крыс учили распознавать нарисованные фигуры, и тут они проявили немало сноровки: быстро запоминали рисунок, обещавший награду, узнавали его, если даже он был включен как составная часть в другой узор. Узнавали и когда изменялся его размер.

Выводы, сделанные учеными из опытов с крысами, таковы. У крыс есть некий высокоорганизованный нервный механизм рационального руководства. Он действует на основе показаний, собранных органами чувств. Запоминает эти показания и применяет в подходящих условиях. Вы не узнаете его?

«Это мыслящий мозг», — говорит кто-то. Может быть. Но утверждать рано. Молодая наука о поведении животных еще не располагает достаточными доказательствами.

О крысах рассказывают удивительные вещи!

Лежал Николай К. на печи. Вдруг слышит «топот». Появляется крыса. Николай не кинул в нее валенок и стал свидетелем того, о чем, клянется, никогда не забудет.

На полу неизвестно зачем стояла бутылка с топленым маслом. Крыса внимательно ее обследовала... Николай медлил, уверенный, что ей ничего не поделать с бутылкой. Ведь чтобы вылить топленое масло, надо его опять растопить. (Он, как видно, не знал, что крысы разгоняют закупоренные стеклянные банки до высокой скорости, чтобы они разбились о стену!) Исследовав бутылку, крыса повалила ее на пол и зубами выдернула бумажную затычку. Затем она втиснула в узкое горлышко хвост, окунула его в мягкое масло и, вытащив, облизала. Эта операция повторилась несколько раз.

Насытившись, воровка удалилась, оставив Николая в смятенных чувствах. Но через несколько минут явилась вновь. Теперь за ней чинно шла вся семья: восемь крыс, явный молодняк. Старшая крыса подвела молодых к бутылке, сунула в нее хвост, облизала его и отошла в сторону. Молодежь некоторое время бездействовала, но вот один крысенок лихо повторил мудреную операцию, за ним — другой, и вскоре все семейство облизывало смазанные маслом хвосты.

Потребность крысы в движении весьма значительна. Помещенная во вращающийся барабан подопытная крыса «накручивает» за день 8—16 километров, а рекорд — 43!

Серые крысы есть почти везде. Говорят, нет их в Антарктиде и Гренландии, я думаю, на Северном полюсе тоже...

До XIV века их не было и в Европе. И вдруг... Несметные полчища хлынули на города и мелкие населенные пункты. В пешем строю овладели Европой, а потом — айда на корабли! Даешь новые континенты и острова!

Может быть, кто-нибудь из читателей видел уникальные кинокадры: пасюк по причальному канату перебирается на судно. Плоская деревянная

муфта надета на канат, через нее грызуну не перелезть... А он и не пытается. Добравшись до муфты, отцепился и плавает, ожидая, когда канат ослабнет и коснется воды. Тогда он драгоценных мгновений не теряет, повиснет на канате по другую сторону муфты, и через минуту — уже пассажир. На что военные моряки любят чистоту, но и им приходится ходить в походы с такими тварями на борту. Казалось бы, порт — отличное местожительство, а вот лезут на корабль, и все тут.

Прибыв на новые земли, серый конкистадор ведет себя согласно законам всякого колониализма: перегрызает горло конкурирующим видам. И в общем везде таким образом нормально обживается. Но кажется, не повезло на Фиджи. Там местная рыжеватая крыса встречает пасюка постоянным отпором.

Нашествие началось, по-видимому, из Китая: на кораблях в Европу и пешком одновременно на север (из Китая) и затем на Восток (из Европы). В XVIII веке пасюки уже перешли Волгу. Раньше серые крысы водились только в Юго-Восточной Азии. Что толкнуло их перебраться через Великую стену и многомиллионными ордами устремиться на завоевание земель? Надо полагать, «демографический взрыв». Такое же завоевание мира было совершено и маленьким серым соседом крысы в наших поселениях — домовой мышью. Отправившись в вояж примерно из тех же стран, мыши, следуя за человеком, расселились по всему миру, даже на юг Гренландии перебрались, образовав более 130 разных форм и рас.

Они везде, мыши и крысы, и нигде. Мы порой забываем об их существовании. Недоумеваем и улыбкой встречаем навязчивый вопрос санитара: «Крысы не беспокоят?» — «Какие крысы? Мы их в глаза не видели».

Действительно, не видели. Ибо «в расчет» этих животных не входит появление перед нашими очами. Человек изобрел множество способов борьбы с крысами. Но среди них нет ни одного радикального. Причина — потрясающая приспособляемость крыс.

«Средний представитель этого вида грызунов способен пролезть в отверстие диаметром в среднюю монету, взобраться по кирпичной стене, как по лестнице, проплыть около километра и держаться на воде трое суток. Своими острыми, как долото, зубами, развивающими невероятное давление в 1688 килограммов на один квадратный сантиметр, крыса легко прогрызает свинцовые трубы и шлакобетонные блоки. Если ее спустить в унитаз, она выживет и может вернуться тем же путем. Если крыса упадет с пятого этажа, то останется целой и невредимой. Эти грызуны невероятно быстро размножаются! За год у одной пары может быть до 15 тысяч потомков» (Томас Кэнби).

Над атоллом Эниветок вздымались сеющие ужас и смерть грибовидные облака, земля сотрясалась от взрывов, горы волн смывали берега. Все горело, сносилось ураганом, пронизывалось проникающей радиацией... США испытывали атомные бомбы.

Такого кошмара местные крысы не пережили, но...

Через несколько лет на Эниветок приехали биологи. Обнаружили: еще радиоактивные растения, почва, рыба — всё! Поставили ловушки, и крысы скоро в них попались. Исследовали крыс и были потрясены: не уроды были они, как ожидали, а в отличном здравии и благополучии!

Чем их только не травят, какие только ловушки не изобретены, иные — чудо технической мысли... Норы окуривают газами, заливают водой, керосином, выжигают огнеметами, облучают крыс, чтобы стерилизовать, уничтожают электрическим током, заражают микробами... Виден ли крысам конец? Новую породу кошек решили вывести! Но пока в вековой войне человека с крысами нет победителя.

Вся беда в «универсальности» крыс. Как и человек, они всеядны. Не то слово! Они едят такое, чего человек при любой голодухе не одолеет. Они могут сожрать простыню, обувь, книгу, кожу, кости, кору деревьев. Конечно, при отсутствии сыра «рокфор», который особенно любят.

Они враги птиц. Ночные вылазки крыс по гнездам за яйцами и птенцами — бич пернатых. Они пробираются в стаи гусей и выгрызают у бедняг перепонки на лапах. Утят ловят прямо в воде.

Они враги домашних животных. У свиней и овец выгрызают мясо с боков, а от теленка могут оставить одни косточки.

Да это что! Гибель в одну ночь трех слонов знаменитого в свое время дрессировщика и торговца животными Карла Гагенбека — дело крыс. Они объели слонам подошвы ног.

Нападают крысы и на человека. Их жертвы — прежде всего дети. Но и взрослые страдают от крысиных укусов.

«Это случилось поздним вечером в помещении школы итальянского городка Бари. Трехлетняя Симона Джуско только-только задремала, как внезапно была разбужена нестерпимой болью. Мать, поднятая с постели пронзительным криком дочери, включила свет и замерла, потрясенная: у Симоны отсутствовала половина правого

ухa, а отгрызшая ее большая помойная крыса удирала прочь из комнаты.

...В Неаполе произошел еще один трагический случай. В один из дней февраля Ренато Мильоре был обеспокоен продолжительным отсутствием Виттории Чипула — своей 77-летней знакомой, жившей в одиночестве в ветхом домишке, и решил навестить ее. Там он стал свидетелем ужасной сцены: женщина лежала на кровати бездыханная, вся обглоданная серыми грызунами» (Панорама. Милан, 1979).

Крысы удивительно нетребовательны в выборе жилья. Где-нибудь на тихоокеанском острове они могут жить в кронах кокосовых пальм, не спускаясь на землю в течение многих поколений. И обладают удивительными способностями распознавать опасность и приспосабливаться к средствам, которыми их уничтожают.

В 1960 году пришло из Шотландии первое известие о «сверхкрысах». На одной из ферм нашли популяцию этих грызунов, на представителей которой не действовали обычные яды. Феноменальных крыс исследовали и установили: действительно, у них неизвестно откуда взявшаяся стойкость к антикоагулянтам.

У крыс «сверхъестественное умение отличать отравленную пищу от обычной даже и тогда, когда разведение яда одна часть на миллион».

«Крысам свойственна, — пишет Томас Кэнби, — почти шизофреническая подозрительность ко всему новому и необычному. Установите ловушку или даже бросьте безобидный кирпич, и крысы на одну-две ночи исчезнут».

Другой специалист по крысам, доктор Джексон из Лаборатории Боулинг-Грин, США, утверждает: «Говоря о крысах, следует помнить, что мы имеем дело с самыми многочисленными и наиболее преуспевающими млекопитающими на планете Земля, за исключением самого человека».

Вот какие они, крысы.

Но наши беды от них ничто в сравнении с тем, что творят они в тропиках, на своей родине, и в соседствующих с ней странах.

«Жителю умеренного климата никогда не понять до конца всю серьезность проблемы крыс в тропиках» (Майкл Фолл).

Такая вот, к примеру, бытовая зарисовка, сделанная Томасом Кэнби при обследовании одной деревушки на Филиппинах, на острове Лусон.

Катер шел по болоту, и крысы толпами бросались в разные стороны, распуганные шумом мотора. «Одни скрывались в густых зарослях водяных гиацинтов, другие прыгали в воду, как лягушки, с широких листьев лилий».

Но это было днем, когда крысы в общем-то не склонны к прогулкам. По-настоящему их можно увидеть на закате. Тогда они полчищами отправляются кормиться на рисовые поля. Трудно поверить, но расчеты показали, что черных крыс обитает на этом болоте величайшее множество: больше, чем в состоянии прокормить их все окрестные культурные и дикие растения, им и для жилья тут места не хватает. Плотность крысиного населения невероятно велика: одна крыса на 0,8 квадратного метра!

На восходе солнца исследователи отправились на рисовое поле, где велась жатва. И тут началось! Крысы десятками выскакивали из-под ног жнецов. Дети кидались за ними с палками, убивали, бросали в кучу, и неистовая охота продолжалась. «Крысы выскакивали из зарослей в толпу вопящих, размахивающих палками детей, к которым присоединились и взрослые. Жнецы придавливали крыс голыми руками и ногами, рубили серпами, временами вскрикивая от укуса...»

А перед этим, перед жатвой, крестьяне поочередно каждую ночь ходили по полям и били в консервные банки — пугали крыс. А урожай стали снимать на 10 дней раньше срока. И все равно собрали только треть того, что выросло. Соседние участки, которые никто не оберегал ночами, были уничтожены крысами начисто.

Интересно, что дети в перерыве между охотой снимали шкурки с убитых крыс. И крысиные тушки не бросали: позднее и то и другое шло на продажу: крысы стоили на рынке пять сентаво каждая. Во многих странах Тропической Африки и Азии бедняки едят крыс, добытых «в природе», то есть не в домах.

В Азии ежегодно крысы поедают 48 миллионов тонн риса — его хватило бы, чтобы накормить четверть миллиарда человек. В Индии крысы пожирают столько зерна, что если бы его погрузить в товарный поезд, то состав растянулся бы на пять тысяч километров! А всего в мире от крыс гибнет каждый год пятая часть всех посеянных зерновых!

Но это только одна сторона крысиной проблемы.

Главная опасность, которую несут человечеству крысы, не в том, что они пожирают наше продовольствие. О ней, об этой жуткой опасности, узнали только в начале нашего века.

Когда в 1347 году прибывшие из заморских стран корабли разгружались у причалов Генуи и крысы высаживались на берег, купцы и горожане

смотрели на них спокойно. Но крысы привезли с собой страшную беду. Скоро у многих жителей Генуи стали распухать лимфатические железы, кожа покрывалась темными пятнами — зловещие симптомы бубонной чумы! Из Генуи «черная смерть» пошла гулять по всей Европе. Из документов папской канцелярии известно, что вымерло тогда 200 тысяч городов. Через три года, когда чума кончилась, оказалось, что она унесла с собой 25 миллионов жизней — четверть населения Европы.

Но чума не ушла совсем. Она вспыхивала то тут, то там сотни лет спустя, навестив 70 раз Венецию, погубила в 1865 году 100 тысяч лондонцев, а в конце прошлого столетия добралась даже до Сан-Франциско.

Чуть позже, за год до смены века, были открыты возбудители чумы. Затем обратили внимание на давно известный факт: там, где свирепствует чума, находят много дохлых крыс. Навели на них окуляры микроскопа и обнаружили в этих крысах ту же чумную бациллу. К 1908 году все стало ясно: бацилла развивается в блохах, которые паразитируют на крысах. Когда крыса гибнет, блохи при каждом удобном случае норовят переселиться на теплокровное животное, в том числе и на человека.

Исследуя далее, установили, что кроме чумы крысы еще переносят не менее 20 опасных заболеваний: тиф, бруцеллез, рожистые воспаления, трихинеллез, сальмонеллез, лептоспироз, лихорадку Ласса — одну из самых опасных болезней — и многие другие заболевания.

«Болезни, занесенные крысами, надо полагать, унесли за последние десять столетий больше человеческих жизней, чем все войны и революции» (Эрнест Уолкер).

Болеет и сама крыса. Хотя в общем плане эта тема и неинтересна, но одна болезнь все-таки заслуживает внимания. Это так называемый «крысиный король». Несколько крыс (самая большая заактированная цифра, кажется, 27) срастаются хвостами или боками и в таком нелепом положении живут, не подыхают. Высвободиться из «короля» очень трудно и удается только самым сильным, да и то в порядке выкупа приходится оставлять кусок мяса или хвост. Полагают, что странное явление возникает в результате заморозков.

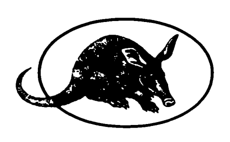
Считалось, что тому, кто найдет «крысиного короля», привалит счастье. Так оно часто и бывало, потому что никто не запрещал «счастливчику» показывать свою находку скучающей публике за деньги.

Наш рассказ приблизился к завершению. Остается ответить на традиционный вопрос: а какую пользу приносит описанный зверь?

Вот как понимал ее Том Сойер:
«Он спросил Бекки:
— Вы любите крыс?
— Нет, терпеть их не могу.
— Ну да, живых и я тоже. А я говорю про дохлых, чтобы вертеть вокруг головы на веревочке».

Однако этим практическое значение крыс, кажется, не ограничивается. Соответственно обработанные, их шкурки годятся для шуб, а на лабораторных крысах было проделано множество разных экспериментов.

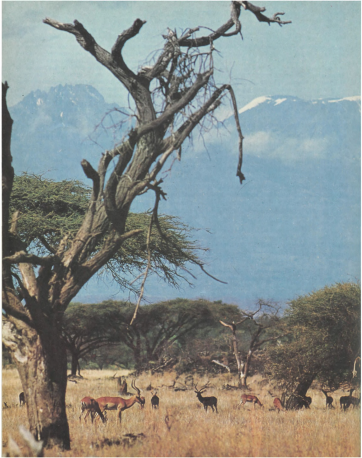
ТРУБКОЗУБЫЕ

Еще недавно их объединяли в один отряд с неполнозубыми, теперь полагают, что известное сходство неполнозубых и трубкозубых — конвергентное, не генетическое. Скорее всего трубкозубые близки к каким-то вымершим древним копытным.

Миллионы лет назад трубкозубые обитали в Северной Америке, Европе и на Мадагаскаре. Ныне уцелели лишь в Африке, к югу от Сахары (один, возможно, два-три вида). Животные массивные, вес 50—82 килограмма, высота в холке до 65 сантиметров. Спина горбатая, задние ноги длиннее передних, кожа толстая, прочная, с редкой щетиной (у эфиопских и центральноафриканских разновидностей) либо более густоволосая (у капских трубкозубов). Пять пальцев на задних и четыре на передних ногах соединены в основании небольшими перепонками и вооружены сильными прямыми и широкими когтями. Морда узкая, как у муравьеда. Уши большие — длиной до 20 сантиметров.

Зубы уникальные. Они без эмали и корней, растут всю жизнь, каждый похож на невысокую трубку с плоской вершиной. Он сложен из многочисленных вертикальных шестиугольных призм, окружающих трубчатое отверстие, заполненное пульпой. Молочные зубы скрыты в деснах и не прорезаются. У взрослых двадцать ложнокоренных и коренных зубов, которые не вырастают все одновременно. Резцов и клыков нет.

ТРУБКОЗУБ — ЗЕМЛЯНАЯ СВИНЬЯ

Трубкозуб — несуразный зверь: спина выгнута крутой дугой, морда вытянута трубкой, почти со свинячим пятачком, уши ослиные, свернутый часовой пружиной змеевидный язык торчит порой из пасти, хвост толстый, неуклюжий, как у рептилии, волочится по земле, когти массивнее, чем у льва (прозвище «абу-делаф» — «отец когтей» — из-за них), задние ноги на скаку опережают передние (как у зайца), оттого след ложится на след, и получается большой «синтетический» отпечаток, словно оставил его неведомый доисторический ящер.

Послушайте, что рассказывали о нем вечерами (под аккомпанемент хоровых песнопений цикад) в походных палатках, раскинутых в саванне.

— Этот ардварк — земляная свинья по-нашему — самая опасная тварь вельдов. Хоть жрет он только муравьев, и белых и всяких, а укусить может не больнее, чем беззубый младенец, но сколько людей из-за него пострадало! Сколько породистого скота поломало ноги. Охотясь верхом на буйволов, рискуете угодить не в одну, так в другую яму этого поросячьего муравьеда. А ведь бык только и ждет, когда вы свалитесь с лошади, чтобы подцепить на рога.

— Поверите, сэр, местами на гектаре по двадцать нор этих самых трубкозубов. Одна нора на пятьсот квадратных метров. Тут уж, в какую сторону вы ни пойдете, самое большее через тридцать пять шагов наткнетесь на нору. Но если случайно окажетесь к ней ближе, то и через три или там семь шагов можете в нее упасть и поломать ноги. Вот за что не любят у нас трубкозубов и убивают. Хотя твари они безобидные и в здешних местах даже очень полезные.

Термиты давно бы съели наши дома, и мебель, и книги — всю древесину, до которой добираются по ночам. Они подползают тайно по подземным ходам, но слух у трубкозуба превосходный: он слышит «топот» миллионов их ног и под землей. Разроет тоннели, идет следом и слизывает всех липким языком. Вы видели термитники? Они, пожалуй, выдержат человека, антилопу, да и слона. Но трубкозуб когтями без труда пробивает их, а то такую дыру сделает, что весь в этот блиндаж заползет, да там и уснет. Шкура у него толстая, кусают его, облепят всего белые муравьи, а он спит. Ардварк ест всяких муравьев, и тех зловредных, что воруют

Ростом трубкозуб со среднюю свинью, но роет землю не хуже крота' Этот крупный зверь прячется в глубоких (иные длиной в 20 метров) норах собственного производства Там, в прохладе, он спит в засушливый сезон, целыми днями не выходя на поверхность Около двух килограммов муравьев и термитов — ежедневный рацион трубкозуба

на полях зерно, и, представьте себе, саранчу ест' А уж она, когда налетит тучей, всю зелень сожрет, все опустошит. Термиты, те хоть портят мертвое дерево...

— Зачем же убивают трубкозубов, если от них столько добра?

— А вот из-за этих нор. И мясо у них прямо как поросячье. Особенно хороши копченые окорока. Однако, я слышал, не все любят его: жесткое будто бы и пахнет нехорошо. А кожа — лучшей кожи для ремней и сбруй не найти. Делают из нее и браслеты, а когти носят на счастье. Суеверие губит у нас много еще животных.

— Ведь трубкозуб охотится по ночам, днем спит и, наверное, осторожен, раз такой у него тонкий слух и нюх. Как же его поймаешь?

— Вы правы, днем его редко можно увидеть. Ночью он бродит много. Не спешит, но миль за

десять иной раз уйдет от норы, где спал днем. И осторожен: в норе всегда лежит головой ко входу, спит и ко всему прислушивается. Вход еще и землей завалит, чтобы не беспокоили. Когда выходит, прежде послушает, нет ли шума какого, морду высунет, все обнюхает вокруг.

Вот по земле, которой он нору затыкает, африканцы и узнают, что тут он. Да и запах у него какой-то странный. Слышал я, что если трубкозуб спит в норе, то мухи слетаются к ней роями, как на падаль, и пауки тогда не дремлют, сразу заплетут паутиной траву вокруг и вход в нору.

Эта паутина тоже выдает трубкозуба охотникам. Окружат нору. Если она не глубокая, то заколют спящего и тогда откопают. Но бывает нора и глубокая, метра три, тогда копьем до него не достанешь. Убедившись в этом, идут искать новую нору

— Почему же не раскопать, если охотников много?

— А это невозможно. Вы копаете, подбираясь к нему, а он еще быстрее роет и уходит глубже и дальше — ему ничего не стоит пройти под землей за полчаса ярдов двадцать и больше. Никогда до живого не докопаешься, даже если копать лопатами. А ухватить его за что-нибудь и вытащить совершенно невозможно. Я знал одного бура: он встретил трубкозуба и погнался за ним. Тот нырнул в нору, но бур успел схватить зверя за толстый хвост, уперся ногами в землю и держал изо всех сил. Но ардварк оказался посильнее: тянул и тянул за собой в нору и затянул почти всего, потому что бур был упрямый и не хотел расстаться с добычей. Но расстаться все-таки пришлось, потому что торчать вниз головой в норе ему не понравилось. Товарищи вытащили его за ноги, а трубкозуб зарылся так глубоко, что откопать его не смогли и лопатами.

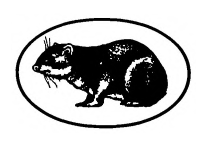
— Если он так силен, этот трубкозуб, то, наверное, никто из хищных зверей не захочет на него напасть?

— Молодых рвут гиены и дикие собаки. Самки приносят только одного, редко двух детенышей, осенью. Но говорят, что и весной. Право, не могу вам сказать точно, когда они родятся. Двухнедельного, еще крохотного, оставляет она своего младенца ночью одного в норе. Самая опасная в его жизни пора: тут его готовы сожрать разные хищники. Особенно питоны, если мать плохо закроет вход землей. Потом он с матерью выходит на ночные прогулки. Плохо приходится ему и тут. Сам закапываться еще не умеет, только, шестимесячный, роет землю уже не хуже взрослого. Мать, правда, рядом, защищает его, но ведь дикие собаки, вы знаете, даже льва не боятся...

Кстати, скажу вам, видел я, как трубкозуб (он ведь неуклюжий, не антилопа, догнать его, кажется, нетрудно) удирал от льва: прыгал, словно кенгуру, на задних ногах. Прямо стрелой промчался. И лев не догнал. Но львы ленивы, много бегать не любят.

От леопардов и собак защищается трубкозуб отчаянно. Упирается хвостом в землю и бьет когтистыми передними лапами. А то упадет на спину и отбивается всеми четырьмя. Говорят, земляная свинья может и леопарду ребра поломать...

ДАМАНЫ

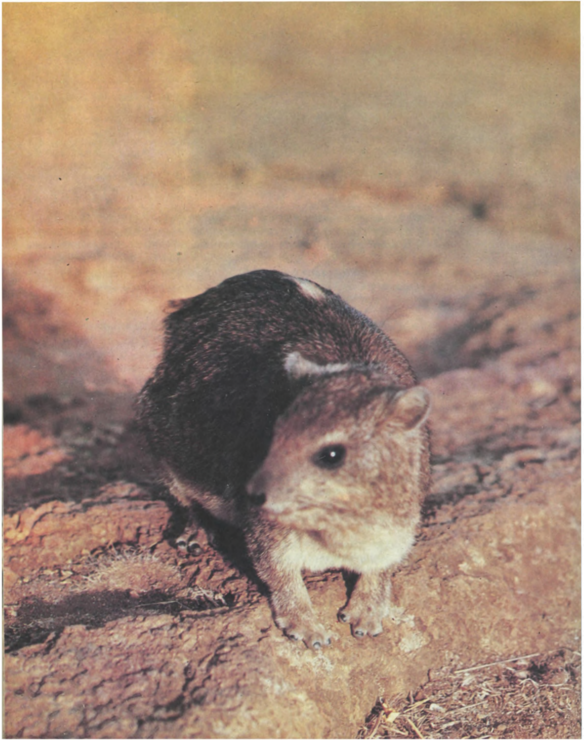

Отряд даманов, или жиряков, систематики объединяют со слонами и морскими коровами в один надотряд первокопытных. Какие-то древние звери, близкие к меритерию, родоначальнику слонов, десятки миллионов лет назад стали прародителями даманов. Некоторые из них были в то время ростом с небольшого медведя и жили не только в Африке, но и в Европе и степях Азии. С одной стороны, даманы близки к древнекопытным, из которых ныне уцелели лишь трубкозубы, с другой — к слонам и морским коровам.

Современные даманы — животные небольшие, ростом с кролика, и лишь некоторые виды примерно с барсука, весят от 0,5 до 20 килограммов. Живут в скалах или на тропических деревьях. Все питаются растениями, поедают и насекомых. Резцы (в верхней челюсти два, в нижней — четыре) без корней, растут всю жизнь, задняя их поверхность без эмали, как у грызунов. Коренные зубы с тремя корнями и похожи на зубы носорогов, что дало повод Кювье назвать даманов «особым сортом носорогов в миниатюре».

Даманы стопоходящи, поверхности ступней голые, всегда влажны от выделений особых желез, покрыты складками и подушечками: их сокращают особые мышцы, создавая вакуумные полости на подошвах, и поэтому животные могут прочно присасываться лапами даже к отвесным поверхностям скал, по которым ловко бегают вниз и вверх головой. Хвоста или совсем нет, или он очень короткий. Роговица глаз с выпуклостью над зрачком, как козырьком прикрывающей его сверху от попадания прямых лучей солнца.

В отряде даманов три рода, шесть — девять видов и больше 75 подвидов. Ареал — почти вся Африка, лишь некоторые виды обитают в Аравии, Палестине и Сирии.

«ВНУЧЕК СЛОНУ, ПЛЕМЯННИК НОСОРОГУ, ДЯДЮШКА ЛОШАДИ»

«— Да вот, — сказал он, — все хорошо знают слона, а про внука слона мало кто знает!

— Какой внучек слона? — удивился я.

— Есть тут такой зверь. Слон громадный, а внучек его меньше зайца... Абиссинцы зовут его «ашкоко»...

— Что? Значит, ашкоко не внучек слону? — сказал свирепо Артем Артамонович.

— Пожалуй, если вы так хотите родства, то он внучек слону, племянник носорогу, дядюшка лошади, ослу, зебре и вообще всем непарнокопытным» (А. Чеглок)

Горные даманы поселяются обычно высоко в горах — до пяти тысяч метров над уровнем моря. Во множестве обитают они в Африке, но встречаются кое-где в Сирии. Здесь обосновались они на меньших высотах, чем в Африке. Кормятся даманы травой, листьями, порой грызут кору деревьев

Хотя во всех переводах Библии даманы названы кроликами, тщательные исследования доказали, что их ближайшие родичи не зайцы, а... слоны! Даманы — самые крохотные из копытных и, пожалуй, самые искусные альпинисты: они быстро и ловко лазают по отвесным скалам и с легкостью прыгают через трех-пятиметровые расщелины.

Испания, где в историческое время даманов никогда не было, тем не менее обязана им своим названием. Несколько тысяч лет назад финикийцы впервые приплыли к ее берегам и увидели там множество диких кроликов. По ошибке или сознательно — теперь трудно установить — они назвали кроликов именем хорошо знакомых даманов, которые во множестве населяли тогда скалы их родины. По-финикийски даман — «шапан». Новооткрытый Пиренейский полуостров финикийцы назвали «Островом даманов» — «И-Шапан». Позднее «И-Шапан» в латинском языке превратился в «Гиспанию», а в русском — в «Испанию».

В Библии в пяти местах упомянуты даманы. Шафан — древнееврейское их имя. Переводчики Библии на европейские языки, в частности Мартин Лютер, долго ломали голову над тем, что за зверь шафан и как назвать его на своем языке. Решили наконец, что, по-видимому, это кролик.

В книге «Левит» шафан объявлен нечистым животным и есть его запрещено по той непонятной причине, что он хотя и жует жвачку, но копыта его раздвоены. Тут недоразумение: шафан, или шапан, иначе говоря, даман жвачки не жует, но у этих зверьков странное обыкновение постоянно двигать челюстями, подобно тому как делают это жвачные, когда пережевывают свой обед.

Обычные места поселения даманов — бесплодные скалы. Ловко лазают они по самым отвесным утесам. А когда заметит кто-либо из этой резвой компании дикую кошку, мангуста или питона, то сейчас же свистом, визгом и топотом лапок предупреждает сородичей, и все мигом прячутся в расще-

линах и дырах между камнями. Но зверюшки слишком любопытны. Скоро то одна, то другая серая мордочка покажется из укрытия и снова спрячется, если опасность не миновала. А если спокойно — ашкоко быстро покидают укрытия, и вновь их беспечная беготня оживляет унылые утесы.

С павианами, ящерицами и другими мирными тварями даманы живут как добрые соседи. Их поразительная зоркость (человека замечают за километр), чуткий слух и неустанная бдительность служат гарантией известной безопасности всем диким обитателям ближайших окрестностей.

Веками живут даманы на полюбившихся им местах, и эти места нетрудно узнать по залежам гуано, твердым «асфальтом» покрывающего камни, на которых даманы привыкли оставлять свой помет. Еще в прошлом столетии сухой помет и моча капского дамана, потребляемые для разных лекарств аптекарями, занимали видное место в мировой торговле. Они и сейчас еще находят некоторый спрос в парфюмерии.

В расщелинах, выложенных шерстью, самки скальных даманов приносят обычно трех, но иногда и шестерых удивительно крупных и зрелых детенышей. (Один, измеренный через несколько часов после рождения, был вполовину меньше матери.) Глаза у новорожденных открыты, и через несколько часов, как только шерстка подсохнет, они уже лазают со взрослыми ашкоко по скалам. Самки охотно усыновляют чужих детенышей, если матери их погибли.

На спине у всех даманов — большая пахучая железа с белой или желтой «отделкой» из длинных волос (только у рода прокавия, кстати самых крупных даманов, это пятно черное). Сами зверьки буро-серые, и потому их спинная железа очень заметна, особенно когда даман возбужден, испуган или настроен агрессивно. Тогда волосы, окружающие железу, взъерошиваясь, обнажают ее, и она испускает специфические «ароматы».

Недругам, соизмеримым по силе, даманы угрожают весьма странно: вздыбив волосы вокруг спинной железы и обнажив ее тем самым для лучшего обозрения, поворачиваются задом к врагу.

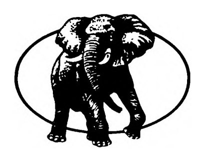

Все даманы хорошо лазают по деревьям, но только три вида предпочли скалам вершины деревьев тропического леса У древесных даманов, как и у скальных, на передних ногах по четыре пальца, на задних — по три Лишь на среднем пальце задних лап коготь, на всех других — крохотные копытца

Так во всяком случае поступают древесные даманы, те, что живут не на скалах, а на деревьях лесов Центральной и Южной Африки и на островах Биоко (Фернандо-По). Все даманы хорошо лазают по деревьям, но только три вида предпочли скалам вершины деревьев тропического леса. У древесных даманов, как и у скальных, на передних ногах по четыре пальца, на задних по три. Лишь на среднем пальце задних лап коготь, на всех других — крохотные копытца. Вниз, на землю, почти не сходят, днем спят в листве и дуплах (скальные даманы спят ночами). После захода солнца древесные даманы оглашают леса громкими отрывистыми криками.

Древесные даманы живут не колониями, а семьями: отец, мать и один-два детеныша. Они моногамы, а скальные — полигамы: у самцов гаремы из нескольких самок, как у «дедушки» их — слона.

ХОБОТНЫЕ

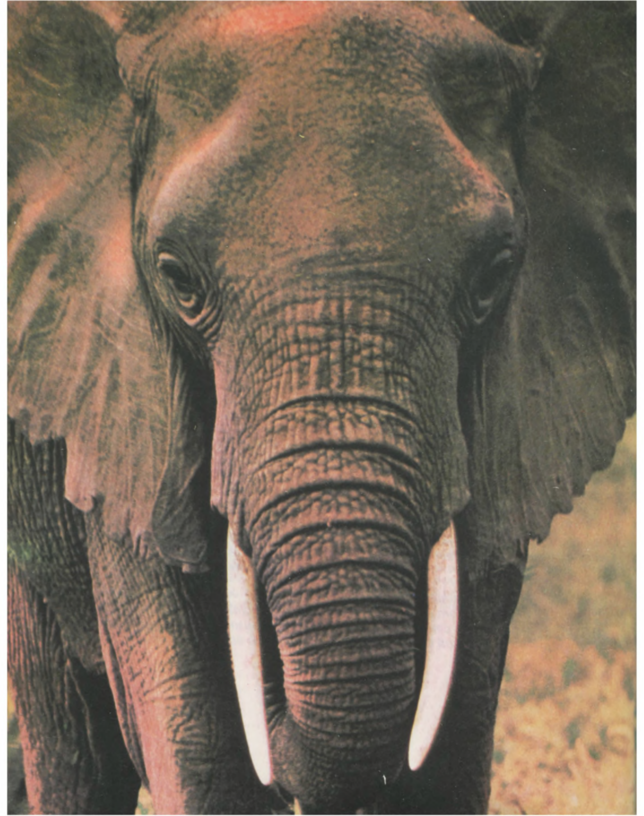

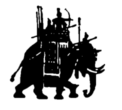
В отряде слонов, или хоботных, два вида, по мнению некоторых зоологов — три. Прежде слонов, мамонтов и мастодонтов было побольше: пять семейств и сотни видов. Некоторые вымерли совсем недавно: мамонты в ледниковую эпоху, десять—пятнадцать тысяч лет назад, а американские мастодонты, по-видимому, лишь перед самым приходом в Америку первых людей. Древние слоны обитали на всех континентах, кроме Австралии и Антарктиды. Водились даже в Англии. У иных было по две пары длинных и прямых бивней.

У современных слонов бивней только одна пара — удлиненные верхние резцы, эмаль покрывает только самые концы их и быстро снашивается. Нижних резцов и клыков нет. Ложнокоренных и коренных зубов по шесть в каждой челюсти. Но они никогда не присутствуют в полном наборе, и каждый новый зуб вырастает после того, как старый износится и выпадет, обычно по кускам. Растут новые зубы, вытесняя старые, не снизу вверх, как у других зверей, а сзаду наперед. Обычно функционируют примерно по шесть — десять лет только четыре жующих зуба (по одному в каждой челюсти справа и слева), иногда и второй, новый зуб, вытесняющий старый, частично принимает участие в пережевывании пищи. За жизнь смена зубов совершается шесть раз. Поэтому можно считать, что у слонов вместе с бивнями 26 зубов.

Скелет массивный, 12—15 процентов от веса зверя. Толстая кожа покрыта редкими волосами, в основании которых нет сальных желез, смазывающих волосы у большинства зверей. Слонята рождаются с более длинными и густыми волосами. Между глазом и ухом у слонов выводной проток особой железы, которая функционирует, по-видимому, как сексуальный стимулятор.

Самая удивительная морфологическая особенность — хобот: сросшиеся воедино нос и верхняя губа. Хобот сложен из одних мышц и сухожилий, ткань его так упруга, что нож разрезает ее с трудом. Сила в хоботе огромная: слон поднимает бревно весом в тонну и с такой силой выбрасывает струю воды, что может потушить костер.

ПОДВИГИ РАТНЫЕ

Почти до самого начала нашей эры и почти во всех крупнейших битвах древности участвовали слоны. Соответственно обученные, с металлическими щитами на лбах, с укрепленными на спинах башнями, в которых прятались стрелки из луков, предварительно разъяренные и опоенные алкоголем, всесокрушающей лавиной устремлялись они в бой. Боевой слон был своего рода живым танком древности. Управлял им один корнак. Он сидел на шее слона, прислонясь спиной к башне, и заостренной железной палкой с крюком у конца — ангом — гнал «танк» на прорыв вражеских фаланг или когорт. А на случай, если раненый и взбешенный слон выйдет из повиновения, что часто и бывало, корнак имел в запасе железный клин, который молотком вбивал в затылок слона, чтобы умертвить его и избавить своих солдат от разрушительной ярости потерявшего управление «танка».

Погонщиков часто называли «индами»: в этом видно прямое указание на ту страну, где слонов впервые ввели в боевые действия. Индийцы во все времена были лучшими корнаками. Их часто призывали на службу полководцы и цари других стран.

Долго велись споры между историками военного искусства: были ли все боевые слоны древности, даже в войсках африканских и европейских народов, родом из Индии или для военных целей приручались и африканские слоны. Окончательно этот спор еще, по-видимому, не решен. Однако скорее всего правы те, кто доказывают, что карфагеняне, например, да и римляне вывозили слонов из Нумидии и более близких окрестностей Карфагена. В ту пору слоны там еще водились.

Карфагеняне почти ни одной крупной войны не вели без слонов. В Карфагене было триста слоновников — больших отлично оборудованных помещений, где содержались боевые слоны. В войнах с Римом карфагеняне даже в Европу везли слонов. Но при переходе через Пиренеи все слоны Ганнибала, как известно, погибли от холода и голода, что, однако, не помешало ему побеждать римские легионы на их же земле.

А может быть, именно поэтому (без слонов!) он и побеждал? Вопрос, возможно, несерьезный. Но есть, однако, какая-то парадоксальная непонятность в истории боевых слонов: они часто наносили большой урон своим войскам, а не вражеским! И все-таки многие крупные полководцы древности стремились приобрести боевых слонов. Даже Цезарь, который отлично обходился и без них.

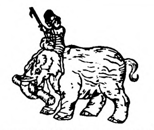
Слоны участвовали во многих крупных битвах. В сражении при Тапсе, у небольшого североафриканского города, в одной из последних войн Цезаря, живые «танки» предприняли свое последнее и опять-таки неудачное наступление.

Обычно в бой вводили несколько десятков слонов, но иногда и почти полтысячи: например, в сражении при Ипсе в 301 году до нашей эры, где слоны и решили исход битвы. Но не всегда так получалось. Чаще пользы от слонов для своих войск было мало, а вреда много: так решили историки.

«Ни в одном достоверном описании сражения мы не находим ничего существенного, совершенного слонами, наоборот, сторона, имевшая в своем распоряжении больше слонов, терпела в большинстве случаев поражение... Не указано ни одного примера, где бы слоны прорвали фронт сомкнутой пехоты» (Ганс Дельбрюк).

Слоны успешно действовали там, где встречались с солдатами, которые видели их впервые или плохо знали, как с ними бороться, были плохо обучены и недисциплинированны. Лошади, заранее не приученные к виду слонов, тоже их пугались, и потому конница, как правило, отступала перед слонами.

«Мне стыдно, что мы обязаны своим спасением этим шестнадцати животным», — сказал сирийский царь Антиох I, когда в его страну вторглись галаты и он в критическую минуту неожиданно ввел в бой шестнадцать боевых слонов. Кони врагов в панике кинулись на свою же пехоту и смяли ее колесницами. В честь слонов, героев триумфа, царь приказал на монументе победы высечь изображение слона.

ТРУДОВЫЕ ПОДВИГИ

Такова военная история слонов. Едва ли стоило бесцельно калечить их на полях сражений. Но в мирной жизни в сельском хозяйстве и даже в промышленности, на охоте помощь от слонов всегда была большая и весьма реальная. В Индии, на Шри-Ланке, в странах Индокитая слон приручен давно. Он умен и послушен, силен и добросовестен. Он складывает бревна в штабеля так тщательно и аккуратно, как редкий человек сумел бы это сделать. Он с одинаковой легкостью идет с тяжелым грузом по непроходимым джунглям, горам и болотам. На лесоразработках таскает бревна, которые не под силу и десятку людей. Запряженный в плуг, пашет не хуже трактора и, как недавно подсчитали индийские специалисты, экономичнее его. Он и как транспортное средство экономичнее, а главное, проходимее автомобиля. Одно только неудобство — тряская походка, и многих непривычных езда на слоне укачивает. Да и скорость невелика — шесть-семь километров в час. И еще беда: ночью на неосвещенных дорогах и улицах происходят столкновения автомобилей со слонами. Поэтому в Индии новые правила уличного движения обязывают «водителей» слонов зажигать в сумерках на своих толстокожих «вездеходах» яркие фонари.

Когда слону исполнится восемь лет, начинается его трудовая жизнь. Сначала на спину ему кладут небольшие ноши, и с ними он переходит вброд реки, взбирается на холмы (гимнастика и первые уроки производственной дисциплины). Учат собирать хворость и складывать в кучи. Помогает он, как может, и взрослым слонам: распутывает, например, цепи, застрявшие в кустах и бревнах. Подает человеку на слоне топор с земли. Он знает уже многие команды, которые рабочий слон не должен забывать. Потом наука будет сложнее, а работа тяжелее.

Примерно с девятнадцати лет и до самой смерти слон работает по восемь часов в сутки с небольшими перерывами на обед и купание. Не всегда эта работа изнурительна, особенно в небольших крестьянских хозяйствах, где слонов любят и берегут, как членов семьи. Но на лесоразработках и лесопильнях, например, труд тяжелый, принудительный и без всякого вознаграждения, потому что часто даже пропитание слонам приходится добывать самим (по ночам в окрестностях леса).

На лесопильнях Рангуна, Моулмейна, Мандалая слоны таскают бревна, подают их под пилы, уносят и очень аккуратно скадывывают штабелями распиленные доски, сдувают с них опилки. Но как только колокол возвестит о конце рабочего дня, ни один хобот не пошевелится ради производства. Свои трудовые права слоны знают точно и умеют их твердо отстаивать.

Обычно слонов содержат в огромных стойлах, подобных карфагенским элефантериумам, иногда сотнями, а бывало, и тысячами. У каждого слона выжжен особый знак или номер, на каждого заведена «рабочая книжка», в которую вносятся его трудовые заслуги.

Вот, например, краткий послужной список слона № 895:

1897 — Родился в ноябре.

1903 — Обучен. Выжжен знак «С» на обеих сторонах крупа.

1904—1917 — Работал как вьючный слон.

1918—1921 — Транспортировал бревна на Му-Ривер.

1922 — Переведен в леса Гонго.

1932 — Ранен в драке с диким слоном. Год не работал. Потом совсем поправился.

1933 — Переведен в леса Киндаб.

1943 — Переносил бревна для постройки моста.

1944 — Переведен в долину Сурум. Убежал и целый день где-то пропадал. Обнаружен на плантации ананасов, где съел приблизительно тысячу фруктов. Тяжелые колики. Выздоровел.

1945 — Переведен на лесопильный завод Витока.

1951 — 8 марта. Погиб. Застрелен неизвестным у Витока.

Нельзя сказать, что слонов на лесопильнях безжалостно эксплуатируют. О них заботятся здесь, пожалуй, больше, чем о людях. День слонов строго нормирован. После двух часов утренней работы —

Индийский рабочий слон зарабатывает себе на бананы

первый перерыв: купание в реке или озере, затем обед в стойлах — бананы, сено, сахарный тростник. Это в самую жару, которую слоны не любят. Потом колокол или сирена снова зовут их на работу, и так до темноты.

Слоны работают с июня по февраль, обычно лишь по двадцать дней в месяц и восемь часов в день. Три самых жарких месяца Бирмы — у них отпуск. В среднем рабочий слон трудится 1300 часов в год.

Это почти на 500 часов меньше, чем у человека в странах с нормированным рабочим днем. Прокормить слона стоит, казалось бы, очень недешево: в зоопарках он съедает больше ста килограммов разных растительных кормов в день, а на воле аппетиты у крупных слонов вдвое выше — 225 килограммов травы, листьев, кореньев, плодов, древесной коры. Когда слон работает, кормить его надо еще обильнее. Расчет примерно такой: 365 килограммов сена, бананов и прочего на каждого рабочего слона. Да и сам он стоит недешево — от 600 до 3000 долларов. Цены сильно колеблются, влияют на них местная и общая экономическая конъюнктура и рабочие способности живого товара. Напрашивается вопрос: рентабельно ли заставлять слона работать вместо людей и машин?

Оказывается, рентабельно. Тут важно учитывать следующие обстоятельства: дорогая в наших широтах пища в тех тропических странах, где трудятся слоны, растет вокруг в изобилии. Во-вторых, слонов-самцов, которые составляют основной рабочий контингент, специально держат на полуголодной диете, чтобы они были послушнее и, главное, чтобы никакие сексуальные мотивы не отвлекали их от труда, не раздражали, не ссорили друг с другом и с людьми. В-третьих, многих слонов, самых послушных, на ночь отпускают кормиться в окрестные джунгли.

Слон уходит обычно не дальше десяти километров от дома. Утром корнак (его действительный хозяин либо наемный, наиятый владельцем лесопильни) идет в джунгли по следу своего слона, который он не спутает со следами тысяч других. Он отлично знает все его привычки, вкусы и повадки и всегда направляется именно туда, куда слон ушел. Корнак знает и помет своего слона и, рассмотрев его, определяет по содержанию, что ел ночью слон и, следовательно, где его искать — в зарослях бамбука, в камышах у реки, в гуще лиственного леса или (это просто беда!) на плантациях ананасов. Когда человек чувствует, что слон рядом, он зовет его. И умный серый великан послушно и даже радостно, сокрушая растительные препятствия, идет к своему другу. Сгибает колени, чтобы тот мог забраться на него, или поднимает к себе на спину хоботом — как у кого принято. Тут не обходится, конечно, без обычных в таких делах упреков: «О, Гати, зачем так далеко ушел? Я изодрал все ноги, пока искал тебя, и очень беспокоился».

Грузный зверь на ласку его голоса довольно помахивает ушами, маленькие глазки излучают дружелюбие и добродушие. Они не сердятся друг на друга, просто один старый товарищ немного ворчит, другой слушает его с мудрой иронией умного существа — оба соскучились, и оба рады вновь обретенному соучастию в приятной компании.

Профессиональные навыки у слонов весьма разнообразны: они таскают бревна на лесоповалах тиковых деревьев в Бирме, и не по дорогам, а часто через, казалось бы, совершенно непроходимые джунгли. Тут слон в зависимости от местности то несет бревно в хоботе, поддерживая его клыками, то волочит по земле сквозь узкие проходы между деревьями. Нередко ему приходится вставать на колени и толкать лбом ствол тяжелого дерева, втрое более прочного, чем дуб, через завалы и сплетения лиан Слоны подносят свои ноши к ущельям и обрывам и точно сбрасывают вниз, чтобы потом по крутой тропе спуститься и, подхватив бревно, нести его дальше — к реке и лесосплаву. Работают и на лесосплавах: если случится затор, входят в воду и хоботами разбирают запруду, направляя бревна точно вниз по реке.

Они пашут. Собирают хворост для очага и фрукты для обеда. Возят людей. Для одних такая поездка — удовольствие, даже выспаться, говорят, можно, плавно покачиваясь в такт неторопливым шагам. Для других — чистое мучение: укачивает, как в шторм, и тряско.

«Между верблюдами попадаются хорошие и плохие для езды: слоны все плохие.

Поездка на слоне — самая несносная поездка в мире. Шкура слона никуда не годится. Она так широка для него, что скользит и свисает при каждом его движении. Кроме того, поступь слона — пытка для наездника. Поездка в маленькой лодке по бурному морю не так губительна для пищеварения. В цирке женщины, которые ездят на слонах, посылая публике воздушные поцелуи, требуют добавочной платы: они ее заслуживают» (Чарлз Майер).

Однако для охотника, особенно на крупного зверя, слон, укачивает он стрелка или нет, — отличный передвижной довольно безопасный махан.

В былые времена тысячи слонов отправлялись с магараджей на такие охоты. Да и сейчас еще охота на слонах не вышла из моды. Слоны идут через джунгли и луга широким фронтом, охватывая флангами в полукольцо особенно добычливые места. Охотники стреляют всех вылетающих и выбегающих из кустов и травы птиц и зверей: фазанов, павлинов, оленей, кабанов, леопардов. Но самая желанная добыча — тигры. Прежде на одной охоте их убивали десятками, и нередко охотничьи слоны всей своей мощью принимали и сокрушали яростные атаки раненых или загнанных, что называется, в угол полосатых хищников.

«Мне не приходилось наблюдать ни одного слона, который, заслышав рев тигра, остался бы на месте... Очень интересно наблюдать за самками с детенышами: торопясь убежать от тигра... они буквально несут малышей перед собой, поддерживая под брюхом» (Кеннет Андерсон).

Тигр — единственный естественный враг, которого слон если и не очень боится, то во всяком случае опасается и старается уйти с его пути. Поэтому для охоты на тигров слонов приучают заранее. Подводят к тигру на привязи или в клетке, понукают подойти ближе, добивают тигра на глазах у слона, чтобы тот воочию убедился в могуществе человека даже и над тигром.

Сражение при Тапсе было последним, в котором приняли участие боевые слоны. Однако события недавних лет внесли существенную поправку в эту историческую справку.

На вооружении 14-й британской армии, действовавшей в начале второй мировой войны в Бирме, было много сотен слонов. Они работали на строительстве дорог и мостов, перевозили военное снаряжение и пушки. Семьдесят километров пути по бездорожью в день и по полтонны груза на каждого слона, в горах не больше 350 килограммов, — такова была норма труда на оборону.

Когда началось отступление английских войск, японцы среди других трофеев захватили много слонов вместе с их корнаками. Из добычи они извлекли двойную выгоду: слонов использовали для перевозки военного снаряжения, а их бивни пустили для продажи. Отпилили их у самцов до самого основания, отчего, конечно, рабочие качества слонов понизились.

А когда британцы начали контрнаступление, впервые в истории на поле сражения встретились живые «танки» древности и боевая техника наших дней. Английские пикирующие бомбардировщики атаковали японские транспорты, и в одном из таких налетов погибло сразу сорок слонов.

Для захваченных в плен раненых слонов англичане, ценя прежние их заслуги и будущие выгоды, устроили полевой лазарет. Врачи, работавшие в нем, скоро убедились в исключительной способности слонов быстро излечиваться от тяжелых ран.

К концу войны подсчитали, что из множества слонов, мирно трудившихся прежде в Бирме, на востоке Бенгалии, уцелело только четыре тысячи

Одни погибли, другие разбежались и вернулись к вольной жизни в джунглях, присоединившись к стадам диких слонов. Тогда-то некоторые оставшиеся без слонов и, следовательно, без работы корнаки решились на смелый план: по двое, по трое на ручных слонах вторгнуться в стадо диких. А там, заметив слона с тавром на крупе, подойти поближе, быстро пересесть на его спину и затем управлять им по своему усмотрению, так как надеялись, что одичавшие слоны не забыли старых команд. Ведь память у них изумительная и дисциплина примерная.

«Об удаче или неудаче этой экспедиции в джунгли ничего не известно» (Ганс Бауэр).

Как ни абсурден на первый взгляд такой план, он в принципе возможен. Ведь ловят же диких слонов с помощью ручных.

«Но почему, когда загоняют дикое стадо, слоны не стаскивают людей с ручных слонов?

Этот вопрос я часто задавал сам себе. Я не могу на него дать ответа. Все, что я знаю, — это что человек, который сидит на спине ручного слона, остается посреди дикого стада в полнейшей безопасности» (Чарлз Майер).

Ручные слоны в неволе размножаются редко, поэтому, чтобы пополнить их число, приходится ловить диких, обычно полувзрослых, но нередко и вполне взрослых, которые, однако, как это ни странно, быстро привыкают к человеку и бывают так же послушны, как родившиеся в неволе.

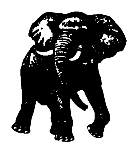
Ловят диких слонов разными способами. На больших охотах загоняют дикое стадо в крааль, заранее сооруженный из толстых бревен, связанных лианами. А затем въезжают в него на прирученных слонах: те стискивают с боков дикого слона и держат его, пока люди, накинув петли на ноги дикарю, привяжут его к дереву или врытому в землю столбу. Дикарь особенно и не сопротивляется. Возможно, тут играет роковую роль развитое у слонов товарищество и взаимопомощь. Ведь часто так, зажав с боков и поддерживая своими телами, уводят слоны раненых или больных товарищей. Это не охотничьи басни: многие заслуживающие полного доверия биологи видели своими глазами эти трогательные сцены звериного товарищества, которые особенно в обычае у африканских слонов. Но странно: самцам помогают самцы и самки, но самцы самкам, по-видимому, никогда.

Знакомство с трудовыми буднями слонов на Шри-Ланке побудило некоторых бельгийских чиновников заставить слонов работать так же производительно и на берегах Конго. Но первоначальный проект был такой: привезти из Азии и акклиматизировать в Африке индийских ручных слонов.

И вот в гавани Бомбея четырех слонов погрузили на корабль, а 1 июня 1879 года выгрузили в порту Дар-эс-Салам. Слонам предстояло пересечь поперек всю Африку.

«Но ни одно животное не достигло цели. Все погибли в пути на новую родину. Путешествие протекало при драматических обстоятельствах, которые дали бельгийскому писателю Бюрто материал для романа» (Ганс Бауэр).

Однако позднее, в 1909 году, сначала в Апи, на севере бывшего Бельгийского Конго, затем в Ару и других местах были основаны экспериментальные станции по приручению африканских слонов. Распугивая выстрелами и шумом стадо, ловили молодых слонов, связывали их, затем приручали, дрессировали. Станция в Ару функционирует и до сих пор, там около пятидесяти прирученных слонов, которые работают на плантациях. Но большой практической пользы из этого опыта пока не извлекли.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Европейское имя слона «элефант» с разными местными и национальными вариациями в произношении ведет начало свое от древнего санскритского названия слона «ифа». Семиты прибавили к нему свой артикль «эль», и получился «эль-ифа». В греческом языке свершилось новое небольшое преобразование — «элифас», а в латинском — «элефантус». В таком виде это слово и вошло в науку и европейские языки (с небольшими изменениями). В обиходной речи европейцев оно встречается очень часто, так же как слова «убивать», «исчерпать», «изготовить», «действие», «резина». Из названий неевропейских животных только лев превосходит слона по популярности в народном лексиконе, а из европейских — лишь лошадь и собака. Но слово «кошка» встречается реже, чем «слон».

Сколько раз был уже упомянут слон и на страницах этой книги. И с «расовыми» определениями «индийский», «африканский». Пора представить того и другого читателям, интересующимся зоологией.

Максимальный рост самцов африканского слона до четырех метров, вес до семи тонн. Средний вес три — пять тонн, а самок — две тонны. Самая высокая точка тела — плечи. Рост индийских слонов до трех метров и вес до пяти тонн. Самая высокая точка — макушка головы.

У африканского слона уши огромные: Карл Экли из одного уха сделал стол. Диаметр его был два с половиной метра, за ним удобно могли разместиться восемь человек! Уши у индийских слонов сравнительно небольшие.

У африканских слоних есть бивни, правда, менее крупные, чем у самцов. Бивни самцов огромны — двух-трехметровые. Рекорд — 4,1 метра (весили они 148 килограммов). Длина и вес бивней не всегда соответствуют друг другу: самые тяжелые бивни были у слона, убитого в 1898 году у Килиманджаро, — 225 килограммов в обоих клыках! У индийских слоних нет бивней, а если у некоторых есть, то снаружи они не видны. У самцов бивни длиной метр-полтора.

Два хватающих «пальца» на конце хобота африканского слона, у индийского — один такой «палец» сверху над ноздрями.

У степных африканских слонов обычно четыре пальца с копытцами на передних ногах и три — на задних. У лесных — на каждой ноге на один палец больше. На передних ногах индийских слонов пять пальцев с копытцами, на задних — четыре.

Во времена исторические, около двух тысяч лет назад, жили африканские слоны в лесах и степях всей Африки, от севера до юга, даже в Египте и других пограничных с ним странах. Сейчас в Южной Африке, кроме парка Крюгера, слонов нет, нет их и севернее Южного Судана.

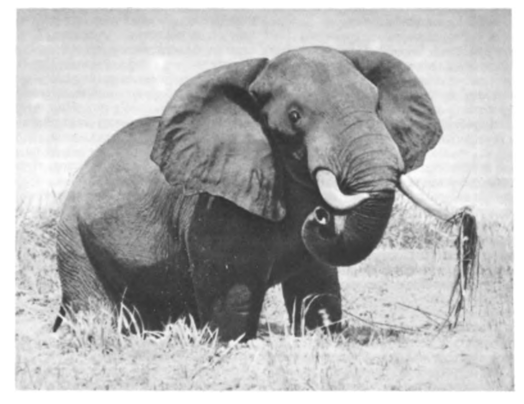
Дикие индийские слоны живут в джунглях Индии, Шри-Ланки (тут их осталось, по-видимому, не больше тысячи), Индокитая, Юго-Восточного Китая, а также на Суматре. Очень немного слонов на Калимантане — сюда завезли их, очевидно, несколько столетий назад. Обитали слоны и в Передней Азии, но давно там истреблены.

Живут слоны стадами. В стаде 15—30 слоних со слонятами, молодые слоны и обычно один старый слон. Вожаки, как правило, старые слонихи. Такое стадо — одна большая семья, в нем все близкие родственники. В Африке стада иногда собираются вместе до нескольких сот и даже тысяч слонов. Старые слоны часто коротают жизнь в одиночестве. А молодые иногда бродят — слонихи со слонихами, а слоны со слонами.

У индийских слонов определенного сезона размножения нет. Слонихи рожают в любое время года одного, реже двух слонят. Они очень крупные — весом около центнера, ростом в метр. Сосут молоко и пьют воду первое время ртом, а не хоботом. Растут долго: первые три года пять — восемь сантиметров в год, затем по 20—25. Это в высоту. Только в восемь — двенадцать лет они сами могут стать родителями. А полный рост и возмужание — к 25 годам.

У африканских слонов слонята появляются обычно в июле — августе. Стадо, окружив новорожденного, дня два ждет, не снимается с места,

Это тоже слон, сомнений нет, но какой? Смотрите на уши их диаметр — метр, полтора, а порой даже два метра Такие огромные уши бывают только у африканского слона

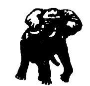
пока он не окрепнет. Первые дни слоненок ходит под брюхом у матери. Когда надо быстро убегать, она подхватывает его хоботом и несет. А если мать нерадивая, неопытная, малыша усыновляет старая слониха, у которой есть и свой детеныш. Так как сосут слонята до пяти лет, то в стаде всегда найдется кормящая опытная мать, если молодая не хочет или не может воспитывать свое дитя. Продолжительность жизни у слонов, как у человека.

Каждая слониха за 50—70 лет четыре-пять раз бывает матерью. Беременность у слоних 21—23, а то и 25 месяцев. Кажется, ни у кого дольше не бывает, даже у китов. Соски у слоних на груди, и, чтобы малыш мог до них дотянуться, матери приходится первое время кормить его, встав над бугорком. Ведь слонихи кормят и рожают стоя.

В обычае у слонов и спать стоя. Особенно у старых. Молодые нередко спят лежа на боку, вытянув ноги и хобот. Но индийские слоны спят или дремлют и лежа на животе, вытянув передние ноги вперед. Старый африканский слон, когда спит стоя, тяжелые бивни кладет обычно на суки деревьев или термитник. В неволе упирает их в стену или в проемы решетки. Спят слоны мало: два-три часа в сутки, обычно в самые жаркие полуденные часы, часто пробуждаются, чтобы принюхаться, прислушаться. Спит не все стадо: одни лежат — эти спят, другие дремлют стоя. Потом караульные ложаться, и на вахту встают другие, которые до этого спали лежа.

После человека и человекообразных обезьян, пожалуй, самое умное существо на земле — слон. Так утверждают многие. Но правильно будет, наверное, не делать категорических заключений, поскольку точных экспериментальных данных об испытании интеллектуальных способностей животных еще мало. Лучше зачислить слона, как это мы сделали с медведем, в первую пятерку самых умных зверей: обезьяна, слон, собака, медведь, дельфин (или кошка, свинья, лошадь, крыса вместо дельфина, как доказывают другие эксперименты).

Рассказов об уме слонов, равном или почти равном человеческому, очень много. Еще древний грек Элиан уверял, будто слоны способны изъясняться по-латыни и на других языках, изображая хоботом нужные знаки алфавита. Экспериментальных дан-

ных о психических способностях слонов, к сожалению, мало, в этом плане исследовали их значительно реже, чем собак, дельфинов, крыс, обезьян или даже кур и дождевых червей. Но то, что мы знаем о жизни слонов на воле и в неволе, бесспорно, доказывает: слон — животное умное. Цирковые трюки, которые они проделывают неуклюже, но умело (ездят даже на водных лыжах за катером!), трудовые навыки рабочих слонов (правда, здесь к уму слона следует прибавить ум дрессировщика), их товарищество и взаимопомощь, удивительная память и умение целесообразно действовать палкой или камнем говорят о многом.

Память у слонов великолепная. Даже музыкальная: из двенадцати чистых тонов, на которые его дрессировали, один слон и через год узнавал девять! Человека, который обошелся с ним плохо или хорошо, помнят всю жизнь. Помнят даже ситуации и местность, в которых с ними приключились несчастья или, наоборот, приятные происшествия.

Слоны, например, часто болеют расстройством пищеварения и простудой. В таких случаях в цирках и зоопарках их нередко лечат довольно крепким грогом с сахаром. Напиток этот им нравится, и, чтобы получить его еще раз, слоны симулируют отдельные симптомы болезни, при которых, они помнят, их поили сладким грогом.

Как-то, дело было перед второй мировой войной в Дрезденском зоопарке, у африканского слона Джамбо заболел живот. Его перевели на строгую диету, но он всегда ухитрялся вырвать лакомый кусочек у одной из индийских слоних, которые жили вместе с ним. Заметив это, доктор Ганс Пецш сделал так: в горбушку хлеба вложил горькое лекарство и протянул ее слонихе. Джамбо быстро подошел, вырвал горбушку, проглотил и... пришел в бешенство. С тех пор доктору нельзя было показаться злопамятному слону. Он сейчас же собирал хоботом камни и швырял их в своего обидчика удивительно метко и сильно.

Слоны любят купаться, плавать и нырять. Когда нет достаточно обширного водоема, способного вместить гигантскую тушу, слоны строят запруды, перегораживая ручьи камнями и корягами. А если нет поблизости даже маленького ручейка и в глубокие ямы, которые роют слоны, не набежала подпочвенная вода, а слону жарко, очень жарко, и огромные уши, которые он раскинул навстречу ветерку, не охлаждают, тогда слон рискует принять душ, «черпая» воду из своего неприкосновенного запаса. В носоглотке слона (полагают некоторые исследователи) есть особый резервуар, в котором на всякий случай хранится немало воды. Так вот, засунув в рот конец хобота, слон набирает из «запасника» воду и поливает себя.

Ямы, которые в засуху роют слоны в ложбинах и на дне пересохших озер, спасают от гибели многих диких животных Африки. Тут африканский слон — благодетель и спаситель страдающего от жажды дикого зверья саванны. Слоны пьют много: 100 — 200 литров в день (во всяком случае в зоопарках). Воду набирают в хобот, литров десять — двадцать, и выливают ее в рот. Но слонята первый год жизни хоботом пить воду не умеют и сосут ее ртом, встав перед водоемом на колени.

Реки слоны переходят вброд по дну, выставив над водой лишь концы хоботов, точно перископы. Но и плавают отлично.

В Индии ручных слонов нередко перегоняют с места на место не по суше, а вплавь по реке. Широкое устье Ганга они переплывают без труда, а вниз по реке плывут часами. Волны океана их тоже не страшат. Пролив между Африкой и Занзибаром слоны переплывали не раз. Одного такого пловца, сообщали недавно газеты, разорвали акулы.

В 1906 году старому слону, видно, наскучило развлекать дачников в парке курортного острова к югу от Нью-Йорка, и, отдавшись на волю волн, отправился он на континент и переплыл пролив шириной в 70 километров.

Большую часть жизни слоны проводят на ногах и почти всегда в пути. Неторопливо бредут, объедают ветви деревьев и кору (ее, обсосав, выплевывают). Только в полдень остановятся, чтобы провести жаркие часы дня под тенью баобабов и акаций. В полночь обычно отдыхают у водопоев. И опять идут. На ровном месте лошадь может обогнать слона: резвее 45 километров в час он не бегает. Но в местности, сильно пересеченной, никакой скакун не угонится за ним.

С удивительной легкостью этот неуклюжий на вид зверь идет по равнине, карабкается по крутым горам (слонят взрослые заботливо поддерживают хоботами!). Слон на «подбитых каучуком» подошвах — его ступни опираются на подушки эластичной ткани — пробирается через чащу бесшумно, как кролик (лишь громкое бурчание в животе часто выдает его). Горящая степь для него не преграда и снега Килиманджаро — тоже: видели, как слоны спокойно маршировали через то и другое. По болоту он ходит едва ли не лучше всех других животных. Ноги его устроены очень хитро. Когда слон опирается на ногу, она набухает, «полнеет». А когда он ее вытаскивает, освобожденная от тяжести тела нога сжимается и легко выходит из топи. Поэтому слон может погрузиться в болото хоть на метр: засасывание, страшное для других животных, не мешает ему идти.

Бесспорно, слоны — удивительные, умные и благородные животные. Но судьба их, кажется,

предрешена. По-прежнему убивают слонов! Сейчас в Африке немало заповедников, национальных парков; ограничена, а местами и запрещена охота на слонов. Но есть там и браконьеры. Драгоценные бивни — по 100 фунтов стерлингов в среднем за пару продавали их прежде — стали проклятьем рода толстокожих. Часто, убив слона, берут только бивни, а мясо остается гиенам.

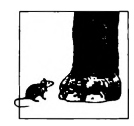
В умело организованном охотничьем хозяйстве с планомерным, без невосполнимых потерь для стада отстрелом старых самцов доход от слона был бы немалый. Чистого мяса — около двух тонн, слоновой кости — 30—50 килограммов, шкура — 35 квадратных метров отличного материала для шлифовки ювелирных изделий и деталей точных механизмов.

Старая английская статистика оценивала среднюю продолжительность жизни профессиональных охотников на слонов в два года. Слона стрелять нужно умело, метко, спокойно и с близкого расстояния. По существу у него только два убойных места: между глазом и ухом (мозг) и чуть за лопаткой (сердце). Стрелять в иные места — что в кучу песка: слон будет ранен, но успеет расправиться с охотником.

«Когда над человеком потрудится слон, врачу делать нечего. Впрочем, бывают исключения... Охотники предполагали, что животное убито наповал. Вдруг слон поднялся на ноги, обвил Кэтрама хоботом и швырнул его. Он кинулся вслед за Кэтрамом, но охотник забился в траву. Не найдя его, слон стал яростно топтать упавший с его головы шлем. Кэтрам воспользовался моментом и подобрался к самому хвосту слона. Слон стал кружиться на одном месте, охотник же старался не потерять этот своеобразный якорь спасения, пока не подоспели спутники Кэтрама и не пристрелили слона» (Карл Экли).

Однако и в древние времена, и в наши дни — всегда находились и находятся смельчаки, готовые, рискуя жизнью, добыть драгоценную слоновую кость. Тысячелетиями украшали ею инды и персы, троянцы и греки, римляне и китайцы свое оружие, дворцы, сбрую коней, статуи богов. Сейчас из слоновой кости режут различные безделушки, табакерки, ларцы, книжные закладки, ножи для бумаги, рукоятки для ножей, а главное — бильярдные шары и клавиатуру.

В двадцатые годы нашего века лишь в одной Германии было больше двух тысяч профессиональных резчиков по слоновой кости, которые перерабатывали в год 100 тонн этого материала, вся Европа — 250 тонн, а весь мир — 600 тонн. Чтобы удовлетворить сейчас полностью мировой спрос на слоновую кость, нужно убивать ежегодно около 45 тысяч слонов! Такие потери в своих рядах слоны не смогут восстановить.

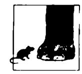

ЗАГАДКИ И ОТГАДКИ

Кроме человека, у слона почти нет опасных врагов. Тигр может убить лишь отбившегося от стада слоненка. Но и эта победа не всегда ему легко дается. В Бирме один привязанный к дереву совсем юный слон двадцать минут боролся с тигром и отбил все его атаки, пока не подоспели на помощь люди. Имя дали тому храброму слону многозначительное и почетное: «Его не смог победить тигр».

Случилось в Африке: гиены заели увязшего в иле годовалого слоненка. Гибнут слоны и от змей. Даже от укусов пчел! Один по ошибке, не разглядев толком, запихнул в рот вместе с ветками осиное гнездо и позднее умер с распухшим ртом. Другой сломал сук, а на нем было огромное пчелиное гнездо. Пчелы накинулись на слона всем роем, он с ревом кинулся в джунгли.

«Злейший враг слонов в наших зоопарках и цирках — серые крысы. Много уже здесь слонов погибло от крысиных укусов. Крысы грызут — слоны этого не чувствуют — кожу на подошвах у спящих на полу или стоя толстокожих... Из-за

этих крохотных ранок слон может умереть от потери крови, если служитель вовремя не обратит на них внимания. Карл Гагенбек за одну ночь потерял так трех африканских слонов» (Ганс Пецш).

Страх и ужас, паника и трубный рев — истеричная реакция слонов, оставленных один на один с мышами и крысами. Об этом написано много. Но странно, ни в Африке, ни в Индии — нигде как будто бы никто и не слышал о мышебоязни, приписанной молвой толстокожим исполинам. И некоторые эксперименты эту молву опровергают.

Серую мышь, привязанную за хвост, Бернгард Гржимек подсунул однажды прямо под головы пяти слонам. Паники никакой не случилось. Правда, слоны сначала от неожиданности слегка отпрянули назад. Подошли затем и обнюхали мышь. Потом одна слониха убила мышь. В другом случае слон, правда, осторожно и нерешительно, но без страха пытался раздавить задней ногой белую мышь, которую Гржимек пустил к нему во двор.

Молва уверяет, что мыши еще потому будто бы страшны слону, что способны заползти в хобот и натворить там разных неприятностей. Но ведь стоит слону посильнее дунуть, и мышь пулей вылетит из хобота, если ей вздумается испытать такое невероятное приключение.

Английский зоолог Бенедикт, желая проверить и эту версию, посадил мышь прямо на хобот слону. Не только страха — вообще никакой эмоции слона на эту диверсию он не заметил. Однако подметил другое: всякие шорохи и шуршание, которые производят мыши, бегая, например, по бумаге, пугают и настораживают слонов. Но такова их реакция на всякие подозрительные шумы.

Так опасны ли мыши и крысы слонам? Возможно, именно потому и опасны, что слоны не знают страха перед ними, и грызуны, пользуясь этим, калечат сонных богатырей, обгрызая подошвы ног.

Еще одна нерешенная загадка — внезапное безумие или просто бешеная ярость, которая порой одолевает слонов. И тогда такой слон-амок, или, как называют его в Индии, роуг, одержимый неукротимой жаждой разрушения и убийства, сметает все на своем пути. Он врывается в деревни, ломает дома, сокрушает заборы, убивает всех людей и животных, которые попадутся. Один бешеный слон бросился в лобовую атаку на паровоз и разбил свою буйную голову.

Прежде некоторые роуги буйствовали годами: жители тех мест покидали деревни, дороги пустели. Теперь слон-амок, объявленный вне закона, как и тигр-людоед, быстро сходит со сцены.

Бешеные слоны появлялись и в Африке, но гораздо чаще — в Индии и на Шри-Ланке. Действительное ли это бешенство, причиненное вирусом, опьянение некоторыми алкогольными или ядовитыми растениями, ярость ли от боли после укусов змей и пчел, или его вызывают иные причины — пока еще не ясно.

Белые слоны — еще одна тема для размышлений. Рассказов о них много, но науке белые слоны, что называется, неизвестны. Более светлые, телесного цвета, с пятнами блеклой окраски попадались на глаза зоологам, но чисто-белые никогда. Однако в храмах и королевских дворцах Таиланда и других стран Южной Азии жили, как уверяют, белые слоны. Издалека они действительно вроде бы белые. По-видимому, дело не обошлось здесь без разных подделок и ухищрений жрецов и других людей, кого быт и профессия обязывают поддерживать веру в мнимую белизну священных животных. Когда поймают в диком стаде светлого, «розоватого» слона, частично альбиноса, его припудривают, подкрашивают, «отбеливают» тамариндовой настойкой и другими способами. В этом, очевидно, и отгадка тайны белых слонов.

Две другие нерешенные загадки — реальные или мнимые кладбища слонов и слоны-карлики.

Животные редко умирают естественной смертью. Многие кончают жизнь в когтях у хищников, многих губят болезни. Редко кто доживает до глубокой старости. Но и тут ему не дают спокойно умереть: даже львов, когда они стары, бывает, рвут гиены, тигров — дикие собаки, а медведей — волки. Если лев еще силен, хотя и стар, и на живого гиены напасть не решаются, то они сидят невдалеке и ждут, когда он умрет. И грифы его уже заметили и давно кружат, требуя своей доли. Когда он умрет, вся эта веселая компания набросится на него и съест.

Вот почему и еще потому, что, умирая, они забиваются в чащу, ущелья, норы, трупы диких животных редко попадаются людям на глаза.

Потому-то и странно, что иногда находят целые, можно сказать, залежи костей, например, слонов. Не древние кости, не ископаемые, а именно свежие «залежи».

Впечатление такое, будто слоны умирают не где попало, а в определенных местах. О кладбищах слонов сочинено немало разных историй, легенд, былей и небылиц. Но что в них правда, а что ложь — я решать не берусь.

В 1900 году немецкий зоолог Пауль Мачи описал новый вид африканского слона, круглоухого. Уши у него были менее угловатые, без сильно вытянутой вниз «мочки», кожа темнее и не такая морщинистая, как у обычного африканского слона. Бивни небольшие, более темного, голубовато-серого

оттенка, направлены не косо вперед, как у длинноухого слона, а почти вертикально вниз: круглоухие слоны низко носят голову. И вообще они более «сутулы»: крестец у них выше переда. У обычного, длинноухого, или, как его еще называют, степного, слона плечи выше крестца. И сам степной слон заметно крупнее круглоухого, или лесного. Последний выше трех метров не бывает, а средний его рост два с половиной метра. Длинноухие слоны обитают в саваннах, степях, в камышах по берегам рек и озер, в перелесках — в общем на открытых пространствах и в негустых лесах.

Круглоухие — жители сырых, больших тропических лесов и не любят длинных путешествий: корм в изобилии растет вокруг. На границах больших лесов и саванн встречали и смешанные стада этих разновидностей слонов, но бывают ли между ними помеси — неизвестно.

На каждой ноге у лесного слона на один палец, вооруженный копытцем, больше, чем у степного слона. Но интересно: у эмбрионов степных слонов число этих пальцев такое же, как у лесного слона. Поскольку, следуя известному биогенетическому закону «филогенез — в онтогенезе», каждое животное в своем эмбриональном развитии как бы в сокращенном виде проходит некоторые стадии предшествующего развития своих предков, доктор Инго Крумбигель считает, что большие степные слоны произошли от низкорослых лесных. Он полагает также, что круглоухие и длинноухие слоны принадлежат к разным видам. Другие специалисты (их, кажется, большинство) эти два типа африканских слонов считают лишь подвидами одного вида.

Давно уже из Африки приходят сообщения о слонах-карликах, которые якобы водятся в глубине ее девственных лесов. Эти «игрушечные» животные еще мельче круглоухих слонов.

Палеонтологи установили, что на островах Средиземного моря — на Мальте, Кипре, Сицилии и Сардинии — миллионы лет назад действительно жили слоны-карлики.

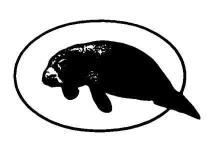
Звероловы не раз привозили и из Африки карликовых слонов в зоопарки Европы и Америки (например, в Берлинский, Антверпенский и Нью-Йоркский). Странные животные жили в неволе годами, и даже в самом зрелом возрасте рост немногих из них чуть превышал два метра.

В разное время и в разных местностях Африки было обнаружено и описано еще 12 видов и подвидов слонов. Разобраться в этой невероятной путанице круглоухих, длинноухих, лесных, болотных, водяных, южных, северных и прочих слонов стало не под силу и искушенным специалистам.

Нужна была серьезная, как говорят зоологи, ревизия, то есть пересмотр всех описанных видов. Инго Крумбигель в 1943 году произвел такую ревизию, которой доказывал, что в Африке лишь два вида слонов — слон степной, длинноухий, и слон лесной, круглоухий.

А как же слоны-карлики? Крумбигель считает их подвидами лесного слона. В западных и восточных районах зоны тропических лесов Африки образовалось два высокорослых и два карликовых подвида лесных слонов.

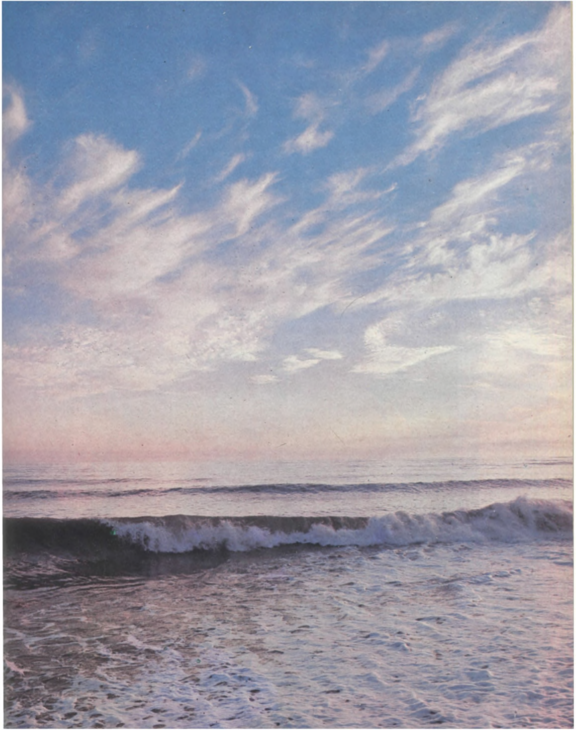
СИРЕНЫ, ИЛИ МОРСКИЕ КОРОВЫ

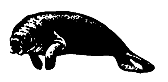

В отряде сирен два семейства, дюгони и манаты, два современных рода и четыре вида. Сирены — животные морские, обитают в теплых прибрежных водах Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Кормятся водорослями, морской травой, разными другими водными растениями и илом. На берег никогда не выходят, рождаются и умирают в воде.

Внешне сирены немного похожи на тюленей, но задних ластов у них нет, только передние, зато есть хвостовой плавник: округлый (у манатов) или с небольшой вырезкой (у дюгоней); лопасти его расположены не вертикально, как у рыб, а горизонтально, как у китов. Скелет задних конечностей редуцирован почти полностью. От крестца остались лишь две или четыре кости. Кожа толстая, до пяти сантиметров, складчатая, почти безволосая, лишь редкие щетинки разбросаны на ней.

Клыков нет (были у некоторых вымерших видов), верхние резцы, похожие немного на бивни (длиной до 20 сантиметров), лишь у самцов дюгоней. Коренных зубов у манатов до десяти в каждой половине челюсти, верхней и нижней, и обычно лишь по три у дюгоней. Как и у слонов, по мере износа передние выпадают, а сзади нарастают новые. У самок пара сосков на груди, как у слоних. Эти и другие морфологические черты, особенно выраженные у вымерших сирен, указывают на их общее со слонами происхождение от древних первокопытных зверей, в память о которых некоторые манаты и по сей день носят на передних ластах рудиментарные «ногти».

ДЮГОНИ И ИМ ПОДОБНЫЕ

В воде, в окружении морской флоры и фауны, ва́лики, самка-дюгонь, родила свое единственное дитя и тут же, чтобы поникшие стенки легких новорожденного раздвинули первые глотки воздуха, подхватив его на спину, вынесла на поверхность. Почти час плавала, держа его на спине и не погружаясь. А потом часа два осторожно ныряла, приучала младенца к той стихии, в которой ему суждено жить до смерти.

И кормила его молоком (под водой!). Отец-дюгонь тоже был поблизости, но детеныша на спине не катал, ничем не кормил, польза в обороне от недругов тоже от него была невелика, лишь привязанность и сентиментальные чувства, а не ответственность влекли его к семье.

крупного из точно измеренных самцов от носа до конца хвоста — 2 метра 90 сантиметров Вес самого упитанного — 200—300 килограммов Из такого толстяка можно вытопить 56 литров сала' И жир, и мясо, и «слезы» дюгоня (жировая смазка глаз, которая стекает в углы глаз, когда пойманного дюгоня вытащат на берег) — все в местных суевериях сулит удачу или выздоровление от разных недугов. Оттого на дюгоней охотятся повсюду — с копьями, сетями, оттого их теперь мало

Обитают дюгони в прибрежных водах Красного моря, в Индийском океане у восточного побережья Африки, вдоль азиатского побережья и у островов в Бенгальском заливе, у берегов Шри-Ланки, Индонезии, Северной Австралии и Филиппин

Манаты, обитатели атлантического прибрежья Америки, похожи на дюгоней Но отличает их округлый хвост у дюгоней он вильчатый, рыбьего образца

Дюгони — животные крупные, но безобидные и беззащитные. И довольно скучные, по мнению многих наблюдателей Целыми днями едят, насыщая себя морской травой, глотают ее, почти не пережевывая. Едят под водой, в которой они пребывают, не всплывая, минут десять. Длина самого

А по западному берегу Африки, в тропической зоне, живут ламантины — из иного, чем дюгони, семейства сирен. Заплывают из моря в реки, загадочным образом добрались даже до озера Чад и там обосновались. Родичи ламантинов — манаты нашли подходящее для себя местожительство по

ту сторону Атлантики, у восточных берегов Америки. Обычный манат (от Северной Каролины до северо-востока Южной Америки) и манат бразильский — реки бассейна Ориноко и Амазонки.

Внешне манаты отличаются от дюгоней лишь округлым хвостом и более раздвоенной верхней губой, обе половинки которой могут двигаться независимо друг от друга. Правда, манаты крупнее дюгоней. Старые самцы длиной до четырех с половиной метров и весят до 680 килограммов. Но такие теперь редкость, обычно двух- и трехметровые. Старые путешественники рассказывали и о семиметровых манатах, но в наши дни никто подобных не видел.

Отличает манатов и более короткая беременность — пять-шесть месяцев (у дюгоней — одиннадцать). Детенышей может быть и два, с родителями живут они около двух лет, из которых полтора года сосут мать. Она кормит малыша под водой, распластавшись горизонтально брюхом вниз, и не поддерживает его ластом, не встает по грудь вертикально из воды, как часто, говорят, бывает у дюгоней.

Странно, но именно эта приписанная сиренам молвой «человекоподобная» манера кормить дитя и породила, по-видимому, легенды, сказки и мифы о морских девах. Так считают исследователи этих легенд. Однако, возможно, и дюгони не кормят своих малышей, прижав к груди ластом и подняв голову из воды. Впрочем, точно это пока неизвестно. Но за кормящими манатами много раз наблюдали в аквариумах и зоопарках, и никто не видел ничего подобного.

«Сегодня один из членов нашей экспедиции заметил с борта русалку и позвал товарищей, чтобы они посмотрели на нее. Все время, пока русалка проплывала близко от корабля, она строго смотрела на людей. Потом поплыла в открытое море и перекувыркнулась несколько раз. Когда русалка нырнула, матросы рассмотрели ее хвост. Он напоминал хвост дельфина, но был крапчатый, как у макрели» (Генри Гудзон).

Естественная история морских коров довольно заурядная, поведение не блещет проявлением особого интеллекта, образ жизни однообразен. Но сверхъестественная, мифологическая их история весьма романтична, интересна и уходит первородными корнями далеко в глубь тысячелетий — в Древневавилонское царство. Оттуда мифы о рыбохвостых девах (первоначально — мужчинах!), попутно меняя форму и содержание, перекочевали в Финикию, Древнюю Грецию и затем в другие страны.

Двести лет назад и в наших морях водились сирены (не сказочные, а натуральные), сумевшие приспособиться к весьма прохладным водам севера Тихого океана.

СТЕЛЛЕРОВЫ КОРОВЫ

В четверг 4 июня 1741 года пакетбот «Св. Петр» покинул гавань Петропавловской крепости на Камчатке и взял курс на восток. Кораблем командовал капитан-командор Свендсен, датчанин на русской службе, которого царь Петр, когда бывал в хорошем настроении, ласково величал Иваном Ивановичем. Сам же командор называл себя Витусом Берингом. Его отца звали Ионой Свендсеном, но Иван Иванович предпочел девичью фамилию матери. Капитан и почти половина команды не вернулись из этого знаменитого и тяжелого плавания.

В конце своей деятельной жизни Петр I вспомнил «то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали», то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. За три недели до смерти он написал любезному Ивану Ивановичу монаршую инструкцию: «На ботах плыть с Камчатки возле земли, которая идет на Норд... искать, где она сошлась с Америкой... и самим побывать на берегу... и, поставя на карту, приезжать сюды».

В начале лета 1728 года экспедиция вышла из устья реки Камчатки. Медленно продвигаясь на север, прошла через Берингов пролив в Чукотское море... и вернулась обратно, не увидев даже американского берега.

И вот теперь, через тринадцать лет после первой неудачной попытки, шестидесятилетний и уставший Витус Беринг опять повел «на обыскание

американских берегов от Камчатки» новый, построенный в Охотске корабль и семьдесят восемь человек матросов и офицеров.

Второй корабль этой экспедиции — «Св. Павел» под командой «другого капитана, доброго, из русских» Алексея Чирикова — отплыл вместе с Берингом по тому же маршруту, но через две недели оба корабля навсегда разлучились.

Среди этих семидесяти восьми человек, связавших отныне свою судьбу с капитаном-командором Берингом, был молодой натуралист Георг Вильгельм Стеллер, который прославился описанием этого печального путешествия и мирных морских гигантов, открытых совершенно неожиданно в конце пути из Америки.

Стеллер родился в Германии. «Двадцатипятилетним юношей, — говорит наш академик Л. С. Берг, — он приехал в Петербург искать счастья». Здесь сначала работал врачом, а потом адъюнктом натуральной истории в Академии наук.

Это был натуралист даровитый, вспоминает о нем его коллега и современник Иоганн Гмелин, и путешественник прирожденный. Никакие трудности его не смущали. В пути обходился очень малым: возил с собой одну плошку, в которой и пищу варил, и ел, и пил. «Всякое платье и всякий сапог были ему впору. Всегда он был весел». Стеллер — наблюдатель «весьма точный». Но вот характер у него, говорят, был неважный: заносчивый и с «весьма неприятной склонностью вмешиваться в дела, которые его официально не касались». Впрочем, с людьми талантливыми такое случается нередко...

...И вот после сорока двух дней плавания по неспокойному и туманному морю люди Беринга наконец увидели на горизонте снежные вершины огромной горы. Это был хребет Святого Ильи на южном берегу Аляски. Большие кедры и пихты росли у его подножия.

«Св. Петр» повернул на запад и через два дня бросил якорь в бухте у небольшого острова Каяк. На берег послали за пресной водой ял, и на нем отплыл Стеллер (которого Беринг отпустил, впрочем, с неохотой).

«Но как я усмотрел, что со мною так непорядочно поступлено, — пишет возмущенно Стеллер, — и я в небрежении и презрении оставлен и что ласковыми словами ничего учинить не мог, употребил уже жестокие слова ему, капитану-командору Берингу», и тогда «меня с великим негодованием и вредительными словами с судна спустили».

Он пробыл на острове всего около десяти часов, но успел, однако, собрать интересные сведения о местных людях, животных и растениях (успел описать 163 вида растений!). Стеллер открыл даже новый, неизвестный науке вид сойки, названной позднее его именем.

Когда он вернулся на корабль, Беринг угостил его чашкой шоколада, чтобы достойно отметить столь знаменательное событие, как пребывание первого натуралиста на Аляске, но больше на берег не отпускал. Беринг был уже болен, тяжкие сомнения угнетали его, и он спешил поскорее вернуться назад. Стеллер с горечью записал в своем дневнике: «Десять лет Беринг готовился к великому плаванию... а исследование длилось только десять часов... якобы только для взятия и отвозу из Америки в Азию американской воды приходили».

Но и воды набрали недостаточно: не наполнили всех бочек на корабле — и поплыли дальше. А тут еще цинга стала валить с ног одного моряка за другим: треть команды уже болела. Когда миновали юго-западный угол Аляски, умер первый матрос — Никита Шумагин. Его похоронили на одном из открытых островов, которые с тех пор так и называются — Шумагинскими.

Отсюда пошли прямо на запад, на Камчатку. Но уже и не верили, что дойдут до нее. Море было бурное, швыряло бот, как колоду, пресная вода протухла, есть стало нечего, голодали сильно, и цинга свирепствовала. Люди обессилели совсем...

И вот 4 ноября вдруг вырос перед ними из тумана высокий берег. Камчатка! Слава богу... Пробовали стать на якорь, но не выдержали канаты. Налетела огромная волна и кинула корабль через буруны в мелкую лагуну поближе к берегу. Там было спокойнее. Стали пробираться на сушу. Только десять человек держались еще на ногах.

Вырыли ямы в земле, накрыли их парусами. А чтобы теплее было, больных засыпали песком вместо одеял. Измученный Беринг через месяц «за два часа до рассвета» умер в песчаной яме, заживо полузасыпанный землей.

А товарищи его обошли по берегу всю сушу вокруг, и горькая открылась им истина: попали они не на Камчатку, а на неведомый какой-то остров. Позднее назвали его островом Беринга. Они думали, что пристали к Камчатке, еще и потому, что увидели у берега лошадиный навоз — так спутники Беринга решили вначале. Потом оказалось, что это помет Стеллеровых коров, который похож по виду на лошадиный. Вот при таких печальных обстоятельствах и были открыты Стеллеровы коровы.

На другой день после высадки Стеллер заметил в море, недалеко от берега, какие-то странные бугры. Они чернели над водой, словно днища перевернутых лодок. Бугры плавали, ныряли. Но на берег не вылезали. Позднее, уже в июне следующего лета, когда увидели еще раз такие же бугры, моряки бросились к лодкам и поплыли к неведомым

зверям, которые сулили богатое угощение их голодным желудкам, но могли оказаться и хищниками, способными проглотить охотников вместе с их шлюпками.

К счастью, гиганты были мирного нрава. Когда подцепили крюком одного из них и вытащили на берег, Стеллер понял, что судьбой предназначено ему сделать большое открытие. Животное спереди было похоже на тюленя, а сзади на... рыбу.

С первого же взгляда Стеллер решил — это манат, один из представителей сирен, или морских коров. И не ошибся. Только уж очень большой, манат-гигант среди сирен: длиной метров до девяти и весом около четырех тонн.

Стеллер очень подробно описал и внешность и образ жизни прославивших его капустниц (или капустников) — так назвали русские Стеллеровых коров: ведь те объедались водорослями ламинариями, по-местному — морской капустой.

Несмотря на отчаянное положение, в котором оказались люди с бота «Св. Петр», молодой врач находил в себе силы не только лечить их многочисленные недуги, но и вести дневник, каждый день аккуратно записывая в него свои наблюдения. И записи его особенно ценны для науки тем, что Стеллер ведь был единственным натуралистом, который видел живых капустниц!

Животные любят мелкие и песчаные места у берега, писал Стеллер, особенно там, где реки и ручьи впадают в море и где дно покрывают густые заросли подводных трав и водорослей. Собираются они здесь стадами. Взрослые всегда заботливо охраняют малышей. Когда пасутся, пропускают детенышей вперед, чтобы лучше их видеть. Когда же отправляются на поиски новых пастбищ, малыши плывут в центре стада: тут гораздо безопаснее.

Во время прилива, продолжает Стеллер, сирены-гиганты так близко подходили к берегу, что их можно было не только достать копьем, но иногда даже и рукой погладить. Если люди причиняли им боль, они «от досады и битья» беззлобно удалялись в сторону. Но вскоре, забыв обиду, опять подплывали к берегу. Казалось, невинные создания понятия не имели о том, какой опасный враг это размахивающее длинной палкой двуногое существо на берегу. Наполнив животы, морские коровы отплывали подальше от берега и, переворачиваясь на спины, засыпали.

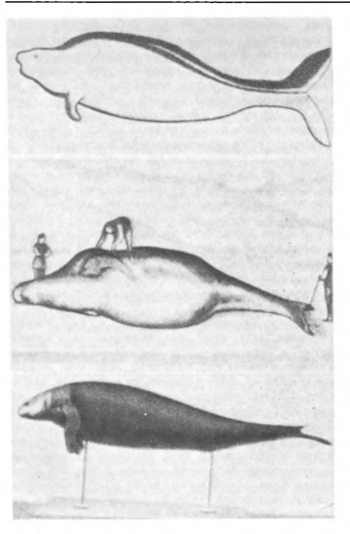
Я не могу удержаться и не процитировать здесь замечательный отрывок из великолепной монографии Степана Крашенинникова «Описание Земли Камчатки». Правда, заимствован он из Стеллера, но уж очень живописно изложен.

«Кожа на нем (на капустнике) черная, толстая, как кора на старом дубе, шероховатая, голая и столь твердая, что едва топором прорубить можно. Голова у него в рассуждении тулова не велика. Глаза весьма малые и бараньих почти не больше, что в столь огромном животном не достойно примечания. Бровей и ресниц нет. Ушей нет же, но токмо одне скважины, ибо тулово с головою нераздельным кажется, однако есть в ней позвонки, к поворачиванию принадлежащие, на которых и действительно поворачиваются, а особливо во время пищи, ибо оно изгибает голову, как коровы на пастве. Тулово, как у тюленя, кругловато, к голове и к хвосту у́же, а около пупа шире. Ластов у него два, под самою шеею, длинною около трех четвертей аршина, которыми оно и плавает и ходит, за каменье держится и, будучи тащено крюком, столь сильно упирается, что кожица с них отскакивает лоскутьями... У самок по две титьки на грудях против свойства других морских животных.

...Прожорливость примечена в них весьма странная, ибо они от непрестанного ядения головы почти из воды не вынимают и нимало не пекутся о своей безопасности, так что можно между ними на лодке плавать, по песку ходя, выбирать и бить которые угодно. Весь труд их во время еды состоит в том, что оне, через четыре или пять минут выставления из воды, как лошади, чхают. Плавают тогда тихо, один ласт по другом вперед двигая, так, как быки или овцы на пастве ходят. Половина тулова у них, то есть спина и бока, всегда поверх воды, и на спине тогда у них сидят чайки стадами и вши из кожицы их вытаскивают, так же как вороны у свиней и овец таскают... Сытые, спят вверх брюхом и во время морского отлива в море удаляются, чтоб на берегу не обсохнуть».

Первое время поселившиеся на Командорах моряки не охотились на морских коров. Не из жалости, а просто слабы они были еще слишком, чтобы отважиться на такое. Те, кто мог стоять на ногах, ходили по берегу с дубинами и убивали морских выдр — каланов, — которых на острове водилось великое множество, и все они были так доверчивы, что без страха подпускали человека. Даже сами приходили на огонь и только тогда разбегались, «когда их несколько штук перебьют». Мясо каланов ели, а дорогие их шкуры берегли для продажи: люди не теряли веры, что вернутся скоро на материк.

Потом, когда больные начали поправляться и уже многие окрепли, стали охотиться на капустниц. Действовали так: большой железный крюк привязывали к длинному канату. Один его конец держали

Старинные рисунки и реконструкции (внизу) Стеллеровой коровы

на берегу «человек больше двадцати», другие пятеро садились в лодку. Самый сильный матрос стоял на носу с крюком наготове. Подплывали тихо к стаду капустниц, выбирали самую аппетитную на вид корову, и гарпунер вонзал в нее крюк. Сразу же «бережные люди» (то есть люди на берегу) изо всех сил натягивали веревку, перехватывали ее и тянули снова. Раненое животное билось в воде, люди на лодке кололи его штыками, ножами, копьями, «всяким острым железом», добивали, как могли. Выбившись из сил и истекая кровью, оно в конце концов затихало, и тогда стопудовую тушу медленно, шаг за шагом, тридцать человек с трудом подтягивали к берегу. Тут набрасывались на еще живую морскую корову и ножами и саблями отрезали большие куски мяса и жира. Жарили их под веселые крики и прибаутки и тяжкие вздохи умиравшего зверя.

Другие животные в стаде не оставались равнодушными, когда их товарищ попадал в беду. Как только раненый начинал биться, все бросались к нему на помощь. Одни, подплывая снизу, старались перевернуть лодку, другие бросались на веревку, словно хотели порвать ее, колотили хвостами по крюку, и не раз случалось, что выбивали его из раны

Когда в плен попадала самка, самец всегда, презирая опасность и удары, которые сыпались на него, старался освободить ее. Он, потеряв голову, метался вокруг и, даже если она была уже мертва, все равно плыл рядом до самого берега. Даже на следующее утро, когда моряки, бывало, приходили на берег, чтобы отрезать от брошенной здесь туши куски мяса, они видели самца рядом с мертвой самкой.

Он не покинул ее и на третий день, когда Стеллер пришел с единственной целью исследовать кишечник его погибшей подруги. Такая трогательная преданность убивала у моряков всякое желание охотиться на морских коров. И все с радостью бросили это дело, когда плотники из остатков полуразбитого бота построили новое небольшое суденышко.

Постройка тоже не далась легко: никто из уцелевших офицеров и матросов никогда не строил кораблей. Мастера же, которые знали это дело, умерли от цинги.

Но умелец нашелся: красноярский казак Савва Стародубцев Без него «едва ли удалось бы справиться с делом», как писал Свен Ваксель, принявший после Беринга командование экспедицией. За эти способности и сноровку Савва Стародубцев получил позднее звание сына боярского, то есть дворянство.

Новое судно назвали тоже «Св. Петром». Оставшиеся в живых сорок шесть человек благополучно погрузились на него и отплыли 13 августа 1742 года. Через четыре дня увидели Камчатку и пошли вдоль берега на юг, в Петропавловск. Добрались до него без особых приключений.

Они привезли с собой около тысячи шкур морских выдр. Это был отличный товар. Мехопромысловики, как только услышали, что всего в каких-то двухстах километрах к востоку от Камчатки лежат острова — поистине сказочный край непуганых зверей, сейчас же начали снаряжать корабли с охотниками за пушниной.

Командоры стали главной сырьевой базой пышно расцветавшего на востоке мехопромышленного дела. А дело было нешуточное: за пять ближайших лет здесь только три охотника добыли, например, одиннадцать тысяч песцов и две тысячи каланов! Даже по тем временам немало.

Морские коровы особой коммерческой ценности не представляли, но и их во множестве истребляли: охотникам полюбилось мясо капустниц. «А той одной коровы, — писал Петр Яковлев, обергитенфорвальтер, побывавший в 1754 году на острове Беринга, — мясо всем тридцати трем человекам на один месяц с удовольствием происходило в пищу».

Капустниц часто били глупо и бессмысленно. Промышленники зимовали обычно малыми партиями по два-три человека и такими силами не могли, конечно, вытащить на берег убитую корову. Тогда они просто кололи их с берега или, зайдя неглубоко в море, длинными поколюгами (заточенными стальными полосами, привязанными к шестам). Животные уплывали в море умирать. А потом бывало, что иных приносило волнами обратно. Тогда из них вырезали куски мяса. Но «к рукам их ни одна свежая корова не приходит», говорит Яковлев, и зря лишь они «тем коровьим табунам, подле берега в море обретающимся, чинят сугубую трату и гибель».

Вернувшись на Камчатку, Яковлев советовал запретить «вредительный» промысел морских коров. Но кому до этого было дело... В результате через двадцать семь лет после того, как экспедиция Беринга покинула Командорские острова, всех морских коров здесь уже перебили. Не осталось ни одной. Последнюю, говорят, съел с товарищами некий Попов в 1768 году. С тех пор этих удивительных животных никто уже не видел ни у Командор, ни в другом месте.

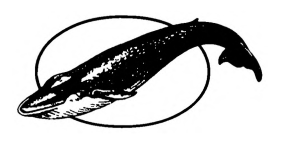
Георгу Стеллеру, одному из самых замечательных натуралистов, не суждено было самолично сообщить Академии наук о своем открытии. Он два года после возвращения с острова Беринга занимался исследованиями на Камчатке. Потом решил поехать в Петербург. Но ему не повезло: Стеллер долго, с нелепыми приключениями и осложнениями находился в пути. Был даже арестован по ложному доносу и под стражей отправлен обратно в Иркутск. Но по дороге его освободили. Наконец, тяжело заболел горячкой и умер в Тюмени в 1746 году, так и не увидев столицы.

Наблюдения Стеллера, описанные на латыни, были опубликованы лишь через три — пять лет после его смерти. Еще через два года перевели их на немецкий язык, потом и на другие языки мира.

Открытому Стеллером животному дал научное имя Rhytina gigas, снабдив его соответствующим описанием, немец Циммерман в 1780 году, уже много лет спустя после того, как последнюю Стеллерову корову съели охотники за пушниной. Сейчас это животное называется по-латыни Hydrodamalis stelleri.

Куски толстой сухой кожи, несколько скелетов и черепов и рисунки, скопированные с мореходной карты «Св. Петра», — вот и все, что осталось от самых представительных морских кузенов толстокожих.

КИТООБРАЗНЫЕ

Отряд китообразных систематики разделяют на три подотряда: древних (все вымерли 30 миллионов лет назад), зубатых и усатых китов.

Китообразные произошли 70 миллионов лет назад, по-видимому, от каких-то хищных, близких к предкам собак зверей (а возможно, и от насекомоядных!), все связи с сушей у них давно утеряны, а приспособления к жизни в морях, некоторых озерах и реках выражены лучше, чем у всех водных млекопитающих. Тело похоже на рыбье, но с горизонтальными лопастями хвостовых плавников. Передние конечности эволюция преобразовала в ласты, задние исчезли совсем, сохранились лишь рудименты костей таза, у гладких китов также и бедер, не связанных с позвоночником. У большинства китообразных есть спинной плавник, впрочем, без костной основы.

Тело бесшерстное, кожа гладкая, с очень толстым слоем подкожного жира, который и служит термоизолятором. У кашалота, горбача и полосатиков толщина его в среднем до 18, а у гладких китов — до 50 сантиметров! Немного щетинок уцелело лишь на морде. Некоторые киты, например нарвал, совершенно безволосы. Потовых и сальных желез нет. Слюнных желез тоже нет, или они недоразвиты.

Желудок велик (у крупных китов вмещает тысячу литров!), устроен сложно. Почки относительно вдвое крупнее, чем у наземных зверей, так как удаляют из организма много проглоченных с морской водой солей. Нет трубчатых костей, все пористые, сильно пропитаны жиром.

Зубатых китов отличают от усатых прежде всего зубы: их может быть и 272 (рекорд для зверей!) у амазонских дельфинов и только одна пара (клюворылы и ремнезубы) либо лишь один левый верхний клык — почти трехметровый, направленный прямо вперед сквозь верхнюю губу (у самцов нарвалов; у самок — недоразвитый зачаток этого клыка). Все зубы однообразны по форме, обычно конические.

У усатых китов нет никаких зубов, вместо них по бокам верхней челюсти растут роговые поперечные пластины с бахромчатыми изнутри краями — цедилка, которая,

когда кит закроет рот, выпускает лишь воду, а мелкие рачки, рыбы и кальмары остаются во рту.

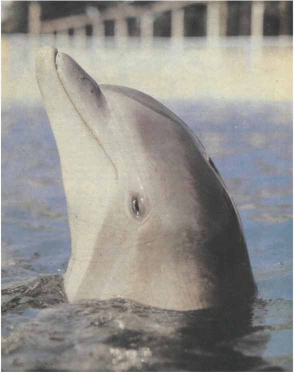
У зубатых китов череп по непонятной причине асимметричный и только одна ноздря, или дыхало; усатые сохранили обе ноздри и симметричный череп. Размеры зубатых китов — от метра с четвертью до 20 метров (кашалот), усатых — от 6 до 33 метров. У первых самцы крупнее самок, у вторых — наоборот.

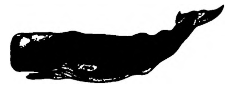
У китообразных нет обоняния, зрение относительно слабое, но слух отличный. Исследования последних лет показали, что эти животные сигналят друг другу, ориентируются в пути и эхолоцируют пищу с помощью ультразвуков, как летучие мыши.

Беременность дельфинов — 10—12, усатых китов — 11, а у кашалотов — 10 месяцев. Почти всегда один детеныш, двойни и тройни очень редки. Соски — одна пара снизу, у корня хвоста, в похожих на карманы складках — сокращением особых мышц впрыскивают в рот детенышу очень питательное молоко. В нем не больше 50 процентов воды. Полосатики кормят детенышей молоком полгода, дельфины-фоцены и горбачи — 8—10 месяцев, большинство других китов — почти год.

На превосходном молоке новорожденные киты растут очень быстро: китенок-блювал, например, в первые семь месяцев в среднем прибавляет ежедневно по 100 килограммов в весе и почти четыре сантиметра в длину! Большие киты половозрелы в четыре — шесть лет, а некоторые дельфины и в полтора года. Самки крупных китов рожают через два с половиной года. Поскольку живут они лишь 30—40 лет, едва ли больше, то каждая, наверное, только 10—12 раз бывает матерью.

Китобойные флотилии всего мира уничтожили за последние 70 лет около миллиона крупных китов. Некоторые виды истреблены полностью.

СПЕРМАЦЕТОВЫЙ КИТ

Кашалот — зверь необыкновенный И среди китов, и среди других созданий на Земле У него много редких качеств. Он обладатель многих относительных и абсолютных рекордов планетарного масштаба. Почти в любой детали строения этого кита есть нечто необычное.

Кишечник — орган весьма прозаический. Но у кашалота помимо веществ, полагающихся по законам природы, он нередко содержит нечто загадочное — драгоценную амбру. Само слово, ее обозначающее, звучит экзотически-сказочно. И, несмотря на непотребное местонахождение, цена амбры — на уровне золотого паритета валют.

Длина кишечника — 160 метров: абсолютный рекорд! Зачем плотоядному зверю кишки такой протяженности? Ведь добыча, которая питает его пятидесятитонное тело, хорошо переварима и усваивается без труда: кальмары, рыба. Первая загадка

Загадка вторая — ноздря кашалота. Точнее, ее топография на «местности», которую представляет собой кит. У всех его родичей, зубатых китов, единствённая ноздря на самой высокой точке головы — на темени. Ее пребывание там вполне обосновано: так существу, наделенному легкими, удобнее дышать, выставив из воды лишь верхнюю оконечность головы. Но у кашалота носовой проход в черепе устремляется не вверх, как у его родичей, а косо вперед и открывается узкой щелью в переднем левом углу морды, рыла или головы (как еще назвать это колоссальное, похожее на нос дредноута, сооружение на черепе спермацетового кита?).

Еще пять редких и в значительной мере таинственных свойств у кашалота, представляющих не только специальный, но и общий интерес. Первые три касаются поведения кита, два других — веществ, им производимых. По пунктам назовем их так:

1 Рекорды ныряния (разумеется, абсолютные)
2. Битвы со спрутами (гигантскими!).
3. Глотание людей (целиком, не разжевывая)
4. Спермацет («семя кита»).
5 Амбра (что это такое?).

Человек с аквалангом без особого вреда может погрузиться в пучину вод на 300 метров. А кит? Многие дельфины ныряют обычно не глубже 25 метров, афалины — до 300 метров. Киты-полосатики промышляют морских рачков и мелких рыб в десяти — пятнадцати метрах от поверхности, но ныряют порой, если судить по показаниям манометра на гарпуне, и на 350 метров. Бутылконос охотится на кальмаров и рыб на глубинах в 500 и больше метров А кашалот?

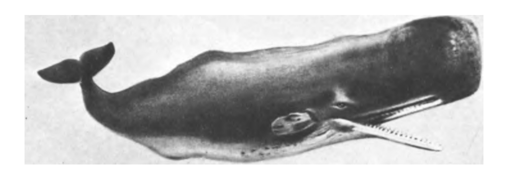
Известно, что кашалот способен пребывать под водой, не дыша, час и полтора. Но как далеко уходит он в глубины морского пространства?

Аварийные суда уже 14 раз поднимали со дна океана у берегов Перу и в других местах оборванные телеграфные кабели с... кашалотами, попавшими в них как в силки! Семь раз такие аварийные ситуации случались на глубинах от 120 до 855, а пять — от 910 до 1128 метров. Возможно, попавшие в беду кашалоты принимали кабель за щупальца спрута. Схватив его зубами и пытаясь вытащить мягкотелого, но неслабого противника из укрытия в подводных скалах, кашалот опутал петлями толстого провода нижнюю челюсть, а затем и хвост, которым усердно помогал себе в борьбе с мнимым чудовищем. И, не сумев освободиться от силков, которые сам на себя накинул, погибал, захлебнувшись.

Если эта догадка верна, то, следовательно, охотничьи рейды часто приводят кашалотов на глубины в километр и больше, где чудовищное давление соленых вод (в сто атмосфер!), казалось, должно было бы сплющить кита и раздавить. Но этого, как ни удивительно, не случается. Почему?

«Величавые киты, что плавают в море воды, в то время как море масла плавает в них» (Фуллер).

Это «масло» и другие жидкости, на 90 процентов наполняющие кита, под давлением, как известно, почти не сжимаются: расплющить кита ста атмосферами невозможно. Но ведь легкие, уносящие с поверхности многие кубометры воздуха, грозят глубоко нырнувшему киту опасностями прямыми (могут лопнуть) и косвенными (кессонной болезнью). Но тут мы наблюдаем парадоксальные отношения: оказывается, что у китов, ныряющих глубоко (кашалот и бутылконос), объем легких относительно вдвое меньше, а у китов, ныряющих неглубоко, напротив, в полтора-два раза больше, чем у сухопутных зверей.

Кашалот[1]

Парадокс в том, что, ныряя глубже, казалось бы, следовало обеспечить себя и большим запасом воздуха, ведь не дышать придется целый час. А мы наблюдаем обратное.

Оттого что легкие по отношению к общей массе кита невелики, эмболия, или кессонная болезнь, которая погубила многих водолазов, слишком быстро возвращавшихся с глубин, китам не опасна. Ведь тут что происходит: азот, захваченный легкими вместе с воздухом, под большим давлением переходит в кровь, из нее в ткани. При быстром подъеме на поверхность его микроскопические пузырьки, внезапно освобождаясь из пересыщенного раствора, так как давление резко падает, закупоривают мелкие кровеносные сосуды и промежутки между клетками. Вот вам и эмболия, тяжелые страдания и часто смерть.

Кашалот же уносит в легких относительно мало воздуха, а с ним и азота. Кроме того, кровь его, плазма и обильные жировые массы обладают, по-видимому, повышенной способностью растворять азот, не позволяя этому газу, так сказать, пузыриться.

Есть и такая гипотеза: в крови кашалота живут какие-то симбиотические микроорганизмы, интенсивно поглощающие азот. Один исследователь обнаружил их будто бы не только у китов, но и у свиней, которых корабельные повара держали на палубе. Но другие эксперименты ничего подобного не доказали.

Если воздуха в легких у кашалота относительно меньше, чем, скажем, у дельфина, как может он нырять глубже и продолжительнее, чем дельфин? Тут природа предусмотрела немало хитрых дополнительных конструкций.

Во-первых, запасной резервуар для воздуха кашалот носит в своей чересчур массивной голове. Больше трети всей длины этого кита приходится на нее! Правая его ноздря намертво заросла, но правый носовой проход, пронзающий насквозь спереди назад всю голову, не зарос, а, напротив, как бы разбух, сильно увеличив свой номинальный объем. В нем, утверждают некоторые знатоки, хранит кашалот на всякий случай почти столько же воздуха, как и в легких. Не только для дыхания, но и для звуковой сигнализации и эхолоцирования.

Во-вторых, мельчайшие бронхиоли легких кашалота, усатых китов и клюворылов снабжены кольцевыми сфинктерами — особыми мускулами, которые, сокращаясь, наглухо замыкают легочные альвеолы. Это увеличивает время соприкосновения воздуха с кровью в альвеолах и более полное, следовательно, насыщение ее кислородом. Киты вентилируют свои легкие при выдохе и вдохе на 85—90 процентов их объема, а человек, к примеру, и наземные звери лишь на 15 процентов.

В-третьих, не только в легких можно хранить кислород. Даже у человека его здесь лишь 34 процента, остальное: 41 процент в крови, в гемоглобине, 13 процентов в мускулах, в миоглобине, и 12 процентов в клетках тканей. У китов эти пропорции изменены не в пользу легких: в них лишь девять процентов, в крови — 41, в мускулах — 41, в тканях — 9 процентов кислорода. Миоглобина в мышцах кашалота в 8—9 раз больше, чем, например, в мышцах быка.

Крови у китов, особенно у кашалотов, очень много. Не вся циркулирует, когда в этом нет осо-

бой надобности, а, как говорят, депонирована, то есть хранится до поры в различных сплетениях «чудесных сетей», которыми в изобилии наделено тело кита: в венозных пазухах печени, в мешковидном расширении полой вены и в селезенке.

Чтобы все это обилие крови, когда требуется, из запасных депо перекачать (да еще под давлением!), киту нужен сверхмощный насос. И он у него есть: сердце весьма внушительное. Его параметры: метр на метр.

Спрашивается, а зачем кашалоту нырять так глубоко, разве у поверхности мало привлекательной добычи? Нет, не мало, даже больше, чем на глубинах. Но ведь и охотников до этой добычи на поверхности больше — разные киты, дельфины, косатки, акулы, тунцы, морские птицы... Ныряя поглубже и промышляя глубоководных рыб и кальмаров, кашалот там по существу вне конкуренции: ведь хищники глубин невелики, среди них нет таких, кто, поедая других, сам не опасался бы более удачливых охотников.

Лишь одного достойного противника встречает кашалот во мраке океанской бездны...

«Очень большой кашалот сцепился в смертельной схватке с кальмаром, почти таким же большим, как он сам. Казалось, что щупальца кальмара опутали все тело гигантского кита. Голова кашалота напоминала чудовищную сетку из извивающихся рук головоногого моллюска... Рядом с черной, похожей на колонну головой кашалота голова спрута выглядела таким ужасным предметом, который не всегда увидишь и в кошмарном сне. Размером она была по крайней мере с нашу винную бочку, которая вмещала 350 галлонов. Огромные выпученные глаза спрута на мертвенно-бледном фоне его тела смотрели глазами чудовищного призрака. Сражающихся окружали акулы, подобно шакалам, сопровождающим льва, готовые разделить пиршество с победителем» (Фрэнк Буллен).

Этот спрут — гигантский кальмар, головоногий моллюск (родич улиток — по дальней линии, каракатиц и осьминогов — по ближайшей). В мире беспозвоночных нет никого крупнее гигантских кальмаров: некоторые обладают десятиметровыми щупальцами и весят тонну. Сражения спрутов с кашалотами, которые немногие видели, — самые грандиозные битвы в природе. Ведь и кашалот гигант отменный: в мир он приходит четырехметровым, растет быстро, двадцатиметровые кашалоты прежде встречались нередко, теперь же самые большие — по 18 метров. Даже червь-паразит, который живет в плаценте кашалота, восьмиметровый.

Старый кашалот весит больше 50 тонн, иные и под 100 тонн. Его узкая трех-четырехметровая нижняя челюсть вооружена полусотней массивных зубов длиной сантиметров по двадцать и весом по килограмму, иные зубы — по три кило!

Кашалоты носят на коже отпечатки присосок спрутов, иногда и вмятины от сдавивших их щупалец.

Но не у каждого кита с боевыми шрамами на голове находят в желудке гигантских кальмаров. Мелких и средних много — тысячи, а большие, оставившие на теле кита свои чудовищные метки, по-видимому, не часто попадают на обед китам. Не всегда, наверное, кашалот может одолеть в единоборстве очень большого спрута. У Азорских островов однажды измерили и взвесили проглоченного кашалотом спрута: 10,5 метра — длина, 184 килограмма — вес. Притом сам кашалот был сравнительно невелик — 14,5 метра длиной. Случай этот не единственный.

И тем не менее все еще пока не совсем ясно: кто на кого нападает: кит на спрута или спрут на кита? Конечно, невероятно, чтобы спрут, даже и самый большой, мог съесть кита. А кит спрутов ест — в этом убедились, взрезая желудки кашалотов. Однако спруты агрессивны и, случалось, в непонятной ярости кидались даже на корабли. Рассказов таких много, хотя и не все, по-видимому, достоверны. Но с некоторыми считаться приходится.

«Я уверен, что нападающей стороной всегда является кальмар. Ведь головоногий моллюск может очень легко скрыться от кашалота, если пожелает, и кашалот не сможет настичь его. Я считаю, что кашалоты опускаются на глубины с широко открытой белой пастью, и моллюски приманиваются этим белым цветом» (Профессор Л. А. Зенкевич).

Вот как? Кашалот приманивает прожорливого жителя глубин блеском своих зубов! Теория эта родилась в середине прошлого века. В 1839 году судовой врач Томас Бил в «Естественной истории кашалота» описал слепого кашалота, который, несмотря на слепоту, был хорошо упитан. Значит, слепой кит не испытывал никаких затруднений с продовольствием. Т. Бил решил, что кашалоты, по-видимому, не гоняются за кальмарами, а ждут их с открытой пастью. Кальмары и хищные рыбы сами лезут к ним в рот, бросаясь на белеющие в сумраке глубин зубы. Киту остается лишь проглотить пойманную «на блесну» добычу. Эта остроумная гипотеза не нашла, однако, всеобщего признания у зоологов.

Хорошая упитанность слепого кашалота объясняется на уровне наших теперешних знаний иначе. эхолокацией Китообразные совсем не немые, как казалось прежде. Звуки, которые они исторгают из себя, очень разнообразны: писк, вой, кряканье, лай, мяуканье, визг, свист, кваканье, флейтовые трели, «выстрелы», «грохот», щелканье и прочее, и прочее. Причем в диапазоне частот очень обширном: от нескольких десятков герц до 200 килогерц — вдесятеро более широком, чем способно слышать наше ухо.

Ультразвуками киты и дельфины «ощупывают» окрестности так же, как это делают летучие мыши. Акустическое «осязание» и помогает им «видеть» там, где из-за мрака или непрозрачности воды ничего не видно, или когда они слепы от болезни, либо в силу генетических свойств своего вида (есть слепые от рождения речные дельфины).

«Крики» кашалотов совсем не так внушительны, как сила их и рост: короткие щелчки, стоны, похожие на скрип дверных петель, стуки «быстро печатающей машинки».

«Большеголовый великан кашалот круто погружается вниз на сотни метров, где царствует непроглядный мрак. Сухие трескучие импульсы его звуков прощупывают, словно лучом прожектора, темноту и, отражаясь от живых организмов и предметов, дают информацию об окружающем» (профессор А. Г. Томилин).

Исследования последних лет принесли нам сведения о максимальной скорости кашалота: 37 километров в час. Крейсерская же скорость его дальних передвижений — около десяти километров в час, на кормежках или когда зверь сыт и отдыхает — еще меньше.

Гладкие и серые киты плавают медленно: три — пять, максимально 11 километров в час. Горбач резвее их. Но самые быстрые пловцы — киты-полосатики и дельфины: от 22 до 50 километров в час.

«Ради бога, мистер Чейс! Что случилось?» Я ответил: «Судно столкнулось с китом, и корпус пробит» (Оуэн Чейс, старший помощник капитана китобойца «Эссекс»).

Год 1820-й: взбешенный кашалот дважды таранил китобоец «Эссекс» и потопил его вместе с командой, кроме тех немногих, что сидели в поврежденной шлюпке.

Небольшие деревянные корабли, соизмеримые по тоннажу с китом, на которых прежде охотились на кашалотов, часто погибали, пробитые головами исполинских зверей. Трудный это был промысел и опасный. Кашалоты таранили суда, разбивали шлюпки, моряки тонули. Но интересно бы узнать, съел хоть раз кашалот кого-нибудь из этих отважных людей?

Доктор Гаджер, неутомимый исследователь разных странностей в природе, нашел старые описания невероятного происшествия с Джемсом Бартли, китобоем со шхуны «Звезда Востока». Кашалот разбил шлюпку и проглотил Бартли. Позднее, когда кита убили и стали разделывать, в его желудке увидели несчастного матроса. Он пришел в себя и выжил. Только его кожа будто бы потеряла пигменты, стала бледной. Рассказывают, что Бартли, бросив китобойное дело, ездил по ярмаркам Америки и показывал себя за деньги, как нового Иону, явившегося из чрева кита.

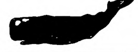
Много спорили о том, мог ли кашалот проглотить человека и мог ли проглоченный пролежать в китовом желудке несколько часов и не задохнуться. Проглотить человека кашалоту не стоит особого труда. Глотка его достаточно широка и для двенадцатиметровых кальмаров, и для трехметровых акул. Пожалуй, сгоряча и в ярости это может случиться. Находили в желудках кашалотов вещи, к пропитанию отношения не имеющие: резиновые сапоги, деревянные брусья «с гвоздями на обеих концах», капроновые сумки и прочие вещи, случайно, надо полагать, попавшие в пасть. Но чем дышал проглоченный Джемс Бартли? Может быть, бок и желудок кашалота были пробиты гарпуном? Может быть, через эту дырку и попадал воздух в чрево кита?

От этого сомнительного происшествия перейдем теперь к вещам вполне реальным, к пункту четвертому перечисленных в начале этой главы особых свойств кашалота:

«И хвалит мне спермацет
Как лучшее лекарство от контузий»

(Шекспир)

Этого спермацета в большом кашалоте 11 тонн. Спермацет и поныне хорошее средство для врачевания ран и ссадин и даже, как это было доказано недавно, ожогов и экзем. Врачебная статистика нашего китобойного промысла показала, что у раздельщиков китовой туши, которые работают у головы кашалота, гораздо быстрее заживают разные травмы и ранки. Ведь именно в голове носит кашалот свой спермацет. Верхнечелюстные и межчелюстные кости образуют здесь как бы неглубокое корыто, в котором лежат мощные «подушки» соединительной ткани, обильно пропитанные жироподобной прозрачной жидкостью. На воздухе она твердеет, образуя мягкую, белую, воскоподоб-

ную массу — спермацет, «семя кита». Прежде так и думали: это сперма кашалота, отсюда и странное название вещества, помещенного природой перед костяной «коробкой», в которой прячется кашалотов мозг. Но спермацет, ценный для медицины и парфюмерии, — продукт совсем иного свойства и назначения, однако, какого именно, пока еще не совсем ясно.

Не вполне ясно и что такое амбра. Прежде она ценилась на вес золота как средство от многих недугов и великолепный жизненный эликсир. Амброй лечили эпилепсию, бешенство, насморк, болезни сердца, добавляли ее в кадильницы для аромата и даже в вина! За последние 20 лет цена амбры резко упала, но все-таки в зависимости от спроса и добычи один килограмм стоит от 100 до 400 долларов. Ее находят в кишках кашалотов или в море, или на берегу.

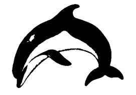
За более подробными сведениями обратимся к известному знатоку китов:

«Одни ученые принимают амбру за патологический продукт выделений желчного пузыря больных кашалотов, другие — за нормальную секрецию желез прямой кишки здоровых животных, третьи считают защитным образованием кишечника после раздражения паразитами или хитиновыми клювами головоногих моллюсков. Замечательно, что амбру извлекали только из кишечника самцов. Первоначально она пахнет землей, но, полежав в закупоренном сосуде, приобретает запах мускуса или жасмина. Она высоко ценится в парфюмерии как лучший фиксатор цветочных ароматов. Говорят, что смоченный амбровыми духами носовой платок пахнет годы... Томас Бил из высушенных экскрементов кашалота будто бы получил вещество, напоминающее амбру, однако его рецепт до нас не дошел. Сейчас вновь пытаются приготовить таким путем амбру, и, возможно, недалек тот день, когда на китобойных флотилиях будут собирать испражнения кашалота для переработки их в благовонный продукт. Вопреки прежним представлениям амбра не относится к исключительно редким находкам: наши китобои ее находили в толстой и прямой кишках четырех-пяти процентов просмотренных кашалотов. Крупнейшие куски амбры, обнаруженные когда-либо в этих китах, достигали 420 килограммов» (профессор А. Г. Томилин).

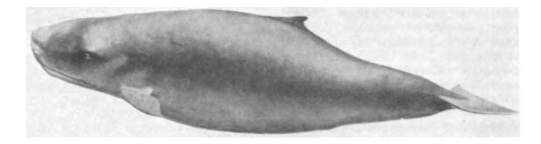
Кашалоты плавают во всех океанах, кроме Северного Ледовитого. Но летом они из субтропиков и тропиков мигрируют в умеренные и холодные воды. Самцы добираются до Шпицбергена, Баренцева и Берингова морей. Самки обычно не выходят за пределы сороковых широт. Летом кашалоты заплывают в Средиземное и Балтийское моря. Зимуют они у берегов Западной Африки, а в Тихом океане — южнее Японии и в других тропических районах. Кашалоты и еще горбачи, кажется, единственные киты, которые, как показало меченье, иногда переходят в своих ежегодных миграциях экватор.

Самцы-кашалоты большую часть года живут небольшими стадами, некоторые в одиночестве. Самки с детенышами и молодыми китами, нередко в сопровождении старого самца, — отдельно, в своей компании. Они дружны и помогают попавшему в беду товарищу, раненому или больному, окружают его, защищают и, если он тонет, подплыв снизу, выталкивают на поверхность

С мая по октябрь, в основном в июле — августе, рожают кашалотихи одного, очень редко двух четырехметровых, весом по тонне с четвертью детенышей. Кормят молоком 10—11 месяцев. Новорожденные растут быстро: в четыре — шесть лет (а не в 8—12, как слоны) молодые кашалоты уже половозрелы.

ПАРАД ЗУБАТЫХ КИТОВ И ДЕЛЬФИНОВ

Когия, или малый кашалот, много меньше своего большого собрата длина до четырех метров, вес — до 320 килограммов Обитает в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах

Семейство кашалотовых. С большим кашалотом мы уже знакомы. В семействе спермацетовых китов еще один или два вида карликовых кашалотов, или когий. Рядом с большим кашалотом когия действительно карлик: больше четырех метров не растет, а весит 180—320 килограммов. Но с большим собратом его, несомненно, роднят и спермацетовый мешок на голове, и 18—30 мелких зубов в нижней челюсти, зубы верхней недоразвиты, и единственная ноздря слева, но не на конце морды, а отступя от него, почти посередине головы. Живут когии парами, стаями или в одиночку — точно неизвестно, в тропических и субтропических водах Мирового океана, летом плывут на север, но лишь до широт Голландии и Хоккайдо. У нас, возможно, гостят с весны до осени у южных островов Курильской гряды.

Семейство клюворылых. Пять родов и приблизительно 14—15 видов. Клюворылые внешне несколько похожи на дельфинов, но отличить их можно: 1) по хвосту — он без вырезки по заднему краю (у дельфинов более или менее «ласточкин» хвост); 2) по дыхалу — оно, впрочем, как и у дельфинов, на самой верхней точке головы, но, когда закрыто, образует полулунную щель, обращенную выпуклостью назад (у дельфинов — вперед); 3) по зубам — они только в нижней челюсти и не больше двух с каждой стороны.

Некоторые клюворылые, как и кашалот, носят спермацет в голове.

Тасмацетуса, пятиметрового кита, наука открыла только в 1937 году. От всех клюворылых его отличают мелкие зубы, в обеих челюстях их до 90. В руки ученых попали кости только двух тасмацетусов, одного добыли около Новой Зеландии, в Тасмановом море.

Бутылконосы и берардиусы — лоб высокий, круто вздымается над узким рылом, две пары зубов, реже одна, длина взрослых китов больше семи метров.

Северный, или высоколобый, бутылконос — Северная Атлантика, заходит в Средиземное и Балтийское моря, в устья некоторых рек. Держатся небольшими стадами, но иногда собираются вместе и по тысяче бутылконосов. Ныряют, по-видимому, почти так же глубоко, как и кашалот, и остаются под водой по два часа. Кормятся кальмарами и рыбами.

Южный, плосколобый, бутылконос (моря южного полушария от Атлантики до Западной Австралии) — животное более редкое.

Берардиус, или плавун, — самый крупный из клюворылых китов (до 13 метров длиной). Два вида: плавун Бэрда (север Тихого океана) и южный берардиус (антарктические воды Тихого океана).

Ремнезубы — лоб некрутой, плоский и зубов лишь пара. Тело обычно короче семи метров.

Ремнезубов, или мезоплодонов, во всех океанах, кроме приполярных вод, восемь-девять видов: одни трехметровые, другие до семи метров. У всех лишь пара крупных, плоских, похожих на обрывки ремня зубов (в нижней челюсти), у неко-

У самца нарвала всего один зуб, но зато какой зуб! Длиной до трех метров! Он прямой и острый, как рапира. Живут нарвалы и зимой и летом в окружении льдов. На север заходят почти до полюса

торых видов есть и мелкие зубы. Кости рыла «плотномордого» ремнезуба так уплотнены и тяжелы, что их относительный вес на 34 процента больше, чем у бивней слона! Девятый вид ремнезубов открыли и описали японские исследователи в 1957 году! С тех пор, кажется, никаких дополнительных сведений о нем не поступало.

Семейство нарваловых включает два рода и вида: нарвал и белуха. Некоторые систематики объединяют их в одно семейство с дельфинами. Но у нарваловых, как, впрочем, и у некоторых дельфинов, нет спинного плавника.

Хвостовой плавник с едва заметной вырезкой по заднему краю — у нарвала и глубокой — у белухи. У белухи в верхней и нижней челюсти по 16—20 зубов, у нарвала-самца лишь один невероятной длины (до трех метров!) бивень слева в верхней челюсти. Он извитой, как мавританская колонна, прямой и острый, как рапира. В прежние времена этот «рыбный зуб» очень ценился как лучшее средство от ядов и болезней. Цена доходила до 100 тысяч талеров!

«Легко себе представить силу пробойного удара, если нарвал весом в одну-две тонны и при скорости 30—40 километров в час пробивает льдину бивнем снизу. Через пробитое отверстие дышат все члены стада... Спиральный орнамент на поверхности бивня придает ему исключительную прочность» (профессор А. Г. Томилин).

Живут нарвалы зимой и летом в окружении льдов: в Арктике, Америке и Евразии, на севере почти до полюса. Зимой редко, но можно встретить их и в Белом море, у Мурмана, Новой Земли, Норвегии и Исландии. Наверное, обороняются они своей рапирой и от косаток, которые при случае не прочь съесть нарвала. (Хотя таких наблюдений, кажется, и нет.)

Взрослые нарвалы пятнисты, словно леопарды, но белухи, или белуги, — белые с желтизной. Моряки называют их «морскими канарейками» не только за окраску, но и за «песнопения», нередко весьма музыкальные.

«Она может громко хрюкать, глухо стонать и свистеть, издавать звуки, напоминающие плач ребенка, удары колокола, женский пронзительный крик, отдаленный шум детской толпы, игру на музыкальных стеклах или на флейте с переливчатыми трелями, как у певчих птиц... Сравнивали ее голос со звуками струнного оркестра во время настройки, услышали в нем звуки, похожие на свист, визг, тиканье и клохтанье, а также мяуканье и щебетанье» (профессор А. Г. Томилин).

Такова белуха, прославленная в поговорке «реветь белугой», собрат и сосед меченосного нарвала. Живет она у берегов, обычно не заплывает севернее Земли Франца-Иосифа, в холодные зимы мигрирует в умеренные воды и устья рек: в Балтийское море, к Японии, в Амурский лиман, Обь, Енисей, Анадырь, в Юкон и даже в Рейн.

В мае 1966 года белуха объявилась в Рейне и устремилась на 400 километров вверх по течению этой мутной реки. Гостила в ней месяц. Немцы пытались ее поймать с помощью разных наркотических средств, но безуспешно, и в июне заблудившийся кит благополучно нашел дорогу обратно в море.

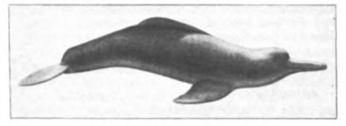
Семейство речных дельфинов. Четыре рода и четыре вида — гангский дельфин, или платаниста (Инд и Ганг с большими притоками), китайский дельфин (озеро Дунтинху в провинции Хунань).

Речной дельфин иния. В мутной воде рек зрение ему мало помогает охотиться за добычей, поэтому глаза у него недоразвитые и маленькие. Ориентируется он с помощью осязания и эхолокации

амазонский дельфин, или иния (Амазонка и Ориноко с притоками), и ла-платский дельфин (Ла-Плата и прилегающие прибрежные зоны Атлантики). Самые древние и примитивные из всех китообразных. В реках прозрачность воды малая, поэтому все речные дельфины плохо видят. А гангский и вовсе слеп — глаза есть, но хрусталиков в них нет. Рыло узкое, длинное, на нем всю жизнь растут осязательные щетинки: помогают нащупывать добычу в иле. Ориентируются эхолокацией. Длина от полутора до трех метров (рекорд — четыре метра: самка-платаниста). Зубы мелкие, и много их — у инии до 272 (рекорд для зверей!). В паводки амазонские дельфины вместе с водой, заливающей леса, по мелким протокам устремляются к подножиям деревьев затопленной сельвы, в озера и болота. Китайский «белый» дельфин — он

Иния во весь рост

серо-голубой сверху и белый снизу, — о котором наука узнала в 1918 году, весной в половодье плывет из озера Дунтинху в реки и там будто бы размножается. Ла-платский, самый маленький из речных дельфинов, обычное свое местопребывание — Ла-Плату — покидает зимой и мигрирует вдоль берегов Бразилии на север, в субтропики.

Семейство длиннорылых дельфинов. В некоторых тропических реках поселились и другие дельфины — длиннорылые. Генетически они ближе к настоящим морским дельфинам, но сохранили, однако, ряд примитивных черт. Это небольшие, как правило, светлые дельфины (один вид розовый!), с длинными челюстями. Их пять родов и восемь или одиннадцать видов. Не все живут в реках: многие в морях, солоноватых бухтах, устьях и заливах.

По великой Амазонке плавают соталии, к которым индейцы относятся очень уважительно, почитают местами как священных за то, что нередко эти дельфины спасают утопающих людей и отгоняют от них крокодилов.

Камерунская соуза, или белый западноафриканский дельфин (устья рек Камеруна и Сенегала), цветом вопреки названию серый, бурый, лишь снизу светлее. В роде соуза еще четыре вида, из них лишь китайский дельфин из прибрежных вод Южного Китая и калимантанская соуза по-настоящему, пожалуй, белые, но первый — с красноватыми плавниками, второй — с серыми пятнами.

Когда поймали первого «белого» камерунского дельфина, ученых поразило, что желудок его полон листьев, травы и плодов. С тех пор и думали, что этот странный дельфин — вегетарианец. Только в 1958 году в руки зоологов попало еще несколько дельфинов этого вида. Желудки их с нетерпением взрезали: полным-полны рыбой и ни одного листочка! Очевидно, первый, удививший ученый мир камерунский дельфин получил свою необычную вегетарианскую пищу из... желудков проглоченных им рыб. Впрочем, это еще не решено окончательно.

Семейство настоящих дельфинов очень обширное (15 родов и 31 вид), очень интеллектуальное (по мнению многих, не менее чем обезьянье племя!) и очень «говорливое» в весьма широком диапазоне акустических частот — от тех, что слышит наше ухо, до ультразвуков в двести килогерц. Странно тут то, что голосовых связок у китов и дельфинов нет: «звучат», очевидно, их воздушные носовые мешки, складки гортани, горловые мешки, у усатых китов вибрирующие перегородки ноздрей и прочие, казалось бы, к «шумовому оформлению» не относящиеся органы.

В последние годы много писали о выдающемся для зверя интеллекте дельфинов, о редких талантах в обучении даже английскому языку: дрессированные дельфины сносно будто бы говорят и «байбай», и «прекрати это!», «да, все отлично!», «брызни воды!», «дай еще рыбы!» или «нет» (когда дельфин сыт, а его кормят), считают до десяти и произносят «тонкими детскими» голосами небольшие фразы из британского лексикона.

Писали и о том, что дельфины — представители второй земной цивилизации и с ними можно будто бы наладить разумную и отнюдь не телепатическую, а разговорную связь, обучив человеческому языку или расшифровав смысловую логику их сигнализации. Тогда интересно и со знанием дела дельфины расскажут о своей жизни, о затонувших кораблях, полных драгоценностей, о вражеских подлодках и прочих нужных в мирное и военное время вещах. Некоторые исследователи всерьез верят в реальность такого.

Бесспорно, дельфины очень сообразительны, как и другие умные звери, в океанариумах они подают людям брошенные в воду предметы. Одна девушка уронила фотоаппарат — дельфин нырнул за ним и вернул ей! В морях спасают своих раненых собратьев, сообща или в одиночку выталкивая их из воды, чтобы пострадавшие могли дышать, и не раз спасали так людей. Они умеют выгнать из-под камней забившуюся туда аппетитную рыбу, взяв в пасть... колючую скорпену (другую рыбу!) и уколов ее иглами ту, что хотят съесть. Они, желая поиграть на просторе в мяч, тащат к стенкам бассейна морских черепах, которые им мешают. Много удивительных трюков проделывают дельфины самых разных видов: играют в баскетбол, прыгают в огненные кольца, буксируют лодки. Все это говорит об их уме, но, увы, не большем, чем у многих других зверей — собак, слонов, обезьян, каланов и прочих интеллектуалов дочеловеческого ранга. Но то, что ум и речевые способности дельфинов равны или почти равны человеческим, не доказано и едва ли будет когда-нибудь доказано.

Обо всем этом написаны интересные книги, их вы читали или прочтете (особенно я рекомендую книгу А. Г. Томилина «Дельфины служат человеку»). Здесь же я представляю настоящих дельфинов с другой стороны: пройдут они небольшим парадом в рядах, составленных для них учеными-систематиками по правилам зоологической классификации.

Продельфины, род стенелла. Одиннадцать видов продельфинов плавают по всем тропическим, субтропическим и умеренным зонам океанов до Гренландии, Канады и Японии. Они невелики: до трех метров в длину и до 165 килограммов по весу. Весьма зубасты — до 208 зубов. Одни пятнисты, другие продольно-полосаты. Корабли преследуют довольно резво — около 15 узлов, то есть 27 километров в час. Из них только сине-белый продельфин, возможно, заплывает в наши воды у Курильских островов и в Балтийское море.

Умеренно удлиненной мордой и формами тела похожи на продельфинов дельфины-белобочки (три-четыре вида: один в умеренных и теплых водах всех океанов, другие более привязаны к определенным местам — в Австралии, Южной Африке и Японии).

В Средиземном и Черном морях белобочка, пожалуй, самый обычный дельфин, собирается нередко тысячными стадами. Он сверху почти черный, снизу белый. Кормится в Черном море в основном хамсой, зимой стаи этих дельфинов кочуют к берегам Турции, а летом — к Крыму и Кавказу. Встречаются они в Охотском и Японском морях, попадаются и в Балтийском.

В неволе очень послушны, а на воле прославились как неутомимые спутники кораблей и самые быстрые из китообразных. Способны, устремившись вперед со скоростью 50 километров в час, обогнать любой корабль.

Серый дельфин, или грампус, — самый крупный в семействе настоящих дельфинов после косаток и гринд: длина три-четыре метра, вес полтонны. Удлиненного рыла у него нет, голова спереди обрезана тупо, как у белухи, нарвала, гринд и косаток. Верхняя челюсть беззубая, а в нижней от 6 до 14 зубов. В одиночестве или небольшими группами плавают серые дельфины в Атлантике, Тихом океане, в Средиземном и Красном морях. Один из этих милых дельфинов по кличке Пелорус-Джек, резвясь и играя, два десятилетия, с 1896 по 1916 год, сопровождал корабли, как лоцман, указывая им путь между двумя островами Новой Зеландии, от Нельсона до Веллингтона, за что новозеландский парламент даровал ему охранную грамоту, запрещавшую убивать и обижать любезного дельфина.

Афалина, или турзиопс, внешностью очень похожа на дельфина-белобочку. Игривостью и сообразительностью значительно, однако, превосходит его. В дельфинариумах, учрежденных в последнее время во многих странах, афалина обычный гость. Здесь за этими дельфинами много наблюдали и много с ними экспериментировали.

Афалины широко распространены в теплых и умеренных водах всех океанов и во многих внутренних морях, например в Средиземном и Черном. Заходят в устья больших рек и предпочитают прибрежья открытым водам океанов. Всюду — и в Черном море, и особенно у восточных берегов

США — весьма многочисленны. У нас часто их можно увидеть у берегов Крыма. В Черном море афалины сравнительно некрупные: полтора центнера по весу и длиной два — два с половиной метра. В Атлантике и Тихом океане — до трех с половиной метров и до 400 килограммов. Часто афалины темно-серые, почти черные сверху, а брюхо белое. Морда умеренно длинная, но лоб более крутой, чем у белобочки. Больше 100 с небольшим зубов.

Афалин два вида: афалина-космополит и красноморская (Красное море, Индийский и Тихий океаны). Другие специалисты полагают, что есть еще три вида афалин. Все они обитают в Тихом океане.

В дельфинариумах, наблюдая за афалинами, увидели много интересного. Здесь я расскажу о том, как рожают афалины и как они спят. По-видимому, все это типично и для многих других китообразных.

Самец, обычно весной, несколько суток подряд игриво, выпрыгивая из воды и резвясь, изгибаясь «в эффектных позах», ухаживает за самкой. Они обнимаются плавниками, касаются, «обнюхивают» друг друга. Он коротко и визгливо «лает», если она уплывает к другому самцу, которого он гонит прочь, довольно громко щелкая зубами. И вот результат: через год самка готова стать матерью. Перед ответственным моментом она много занимается «физкультурой»: изгибает раз за разом спину и хвост, «зевает». Эти ее упражнения магнетически действуют на других самок в стаде. Они окружают роженицу с боков и снизу, а когда новорожденный, хвостом вперед, выбирается в мир, роженица и ее эскорт плывут к поверхности. Там детенышу помогают вынырнуть и наполнить воздухом легкие. Дитя рождается крупное — в треть длины матери и весом 10—12 килограммов.

Мать и обычно еще две добровольные «няньки» чутко охраняют детеныша с двух сторон. Других дельфинов мать к нему не подпускает. Она строго следит, чтобы он не уплывал от нее дальше чем на три метра. Если малыш ослушается, она наказывает его, прижимая мордой ко дну, и держит так («в углу»!) полминуты. Есть и другой метод наказания — удаление из воды. Подплывает под него и, вытолкнув неслуха из воды, держит на воздухе недолго. Когда плывут, малыш всегда рядом с ней и чуть выше, на уровне ее спинного плавника.

Спят афалины и некоторые другие киты, распластавшись в полуметре от поверхности с опущенным вниз хвостом и на полсекунды закрывая глаза. Потом на секунду-две открывают их и вновь на мгновение закрывают. Часто спят «вполглаза»: один глаз смотрит, другой нет. Каждую минуту слабый удар хвоста заставляет спящего подняться к поверхности, и здесь дыхало его автоматически, точнее, рефлекторно открывается, и дельфин дышит, чтобы затем вновь дремотно погрузиться. Детеныш лежит возле хвоста или спинного плавника матери, и поднимаются дышать они вместе.

Короткомордые дельфины, или лагеноринхусы (пять — девять видов), общими контурами тела похожи на афалин и белобочек, но морда у них короче и без всякой границы, «перелома», постепенно и незаметно переходит в покатый и невыпуклый лоб. На боках светлые и темные отметины в виде косопродольных полос. Живут они небольшими или очень большими (тысяча-две) стадами: некоторые виды в морях южного полушария, другие — кто в Северной Атлантике, кто в северной части Тихого океана.

У дельфина Коммерсона (воды южного полушария) голова примерно такого же типа, как у лагенорингхусов. Окрашен он замечательно: пегий! Черные голова, плечи, плавники и хвост, все остальное белое. Еще два-три вида похожих на него дельфинов живут там же, где и он.

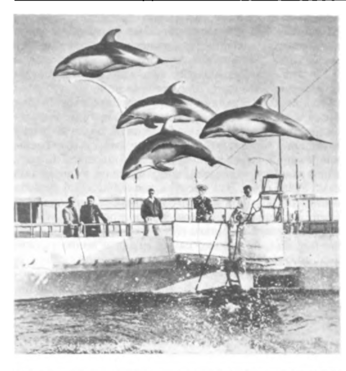
Гринды и косатки — самые крупные из дельфинов — объединены систематиками в одно подсемейство, хотя по характеру и поведению, казалось бы, они несовместимы: косатки — исполинские и свирепые хищники, подобных которым мир не знал со времен тиранозавров, а гринды весьма дружелюбны и миролюбивы.

У гринд круглые, тупые спереди головы без выступающего рыла (такого же в общем типа, как у белухи, нарвала, серого и иравадского дельфинов и некоторых морских свиней), спинной плавник сильно выдвинут вперед, а грудные необычно длинные. Цветом — черные, нередко с белой полоской на горле и брюхе, а ростом очень велики — самцы до восьми с половиной метров и весом до трех тонн.

Обыкновенная, или черная, гринда живет небольшими стадами в Северной Атлантике, в Тихом океане (тоже в северной его части), в Индийском океане и в субантарктических водах. У нас встречается в Балтийском и Баренцевом морях, но чаще у Курильских и Командорских островов.

У Ньюфаундленда ежегодно добывают три — пять тысяч гринд, мясо которых увозят в Канаду и США на корм собакам и лисам на зверофермы. У Фарерских островов за триста предшествовавших нашему столетию лет истребили 118 тысяч гринд.

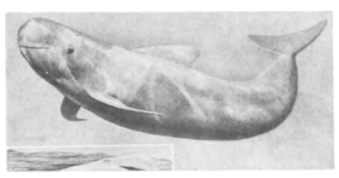
Иравадский дельфин головой похож на гринду, но маленький, двухметровый. Знаменит тем, что, обитая в прибрежных водах Южной Азии —

Дрессированные тихоокеанские короткомордые дельфины Средняя длина этих дельфинов два метра, значит, верхний дельфин летит над поверхностью воды на высоте более четырех метров

Странноокрашенный — пегий' — Коммерсонов дельфин Ростом невелик — до 1,8 метра Обитает в южном полушарии

У гриниды такая же тупая голова, как и у белухи без выступающего вперед рыла Это крупный дельфин: длиной до 8,5 метра, весом до тонны

от Бенгальского залива до Калимантана, постоянно и очень далеко, на полторы тысячи верст, поднимается вверх по реке Иравади в Бирме.

Наконец, косатки. Большая, черная и фереза — разных родов. От большой косатки в панике бегут многие пернатые, теплокровные и холоднокровные обитатели морей. Охотятся косатки на кальмаров и рыб, включая акул, но хватают и глотают дельфинов, тюленей, пингвинов. Редко, но нападают даже на не очень крупных моржей, сивучей, белух, нарвалов и даже — вообразить трудно! — на огромных усатых китов. На этих набрасываются, как волки, всей стаей и рвут острыми, массивными зубами куски жира и мяса из плавников, из губ, из горла кита, вырывают у него язык. Кит, теряя кровь, слабеет, и тогда косатки доедают его или, насытившись, бросают.

Заметив на льдине тюленя или пингвинов, ведут хитрую атаку: нырнув и подплыв под льдину, чудовищным ударом снизу вверх ломают ее, даже если толщина льда больше метра. Упавшая в воду добыча — в полной их власти Часами патрулируют косатки окраины льдов: время от времени прерывают патрульный обход и, выставив вертикально из воды тупые головы, внимательно осматривают ледяные просторы — нет ли на них какой живности, которую можно утопить, расколов лед.

В желудке у одной косатки нашли остатки 24 тюленей, у другой — остатки 13 дельфинов и 14 тюленей! И косатка эта была не очень велика — всего каких-то шесть метров. А бывают и побольше — десятиметровые и восьмитонные. У таких лишь спинной плавник, узкий и высокий, похожий немного на косу (но с широким лезвием!), вздымается над водой метра на два, когда косатка плывет у поверхности.

Окрашены косатки эффектно и контрастно: черные с белым брюхом, горлом и пятнами над глазами. Обитают во всех океанах, от тропиков до полярных льдов. Заходят даже в некоторые реки и моря: Средиземное, Балтийское, Баренцево, Белое, Карское (западные его районы), Берингово и Чукотское (южная часть). В отличие от других китов косатки, по-видимому, рожают детенышей каждый год, так как после родов самки их скоро опять беременны.

Этот прожорливый и огромный дельфин, глотающий целиком тюленей, опасен ли он людям? В морях — возможно. Но в неволе косатки очень послушны и миролюбивы. В океанариуме Сиэтла (США) четырехтонная косатка стала настолько ручной, что брала корм из рук сторожа, а он, чтобы

Косатки. Их острые, изогнутые назад плавники, словно косы, режут поверхность вод. Косатки несут угрозу даже большим китам

Рыло у косатки тупое, отлично приспособленное для хватания добычи

покормить ее, безбоязненно заходил в воду. Больше того, этот человек даже катался на спине «свирепого» дельфина в лагуне, в которой косатка жила.

Когда другую косатку привезли в океанариум Ванкувера (Канада), она сначала ничего не хотела есть в неволе. Тогда спустили воду, подошли по дну бассейна к дельфину-гиганту, раздвинули его чудовищную пасть толстой палкой, просунули в глотку и дальше в желудок пожарную кишку и насосом «перекачали» два пуда селедочной пасты. Так кормили косатку через день целый месяц, а потом она сама стала есть. Эта косатка жила в нежной дружбе с самкой короткомордого дельфина, которого в море, возможно, не задумываясь, проглотила бы. В океанариуме Сан-Диего (Калифорния) дельфин той же породы, но только самец играл и долго ухаживал, проявляя полное мужское расположение, за косаткой женского пола. Она терпеливо переносила его навязчивый флирт, порой переходящий границы дозволенного, но не разорвала и не съела кавалера-карлика. Так что нрав косаток, по-видимому, не так уж и свиреп, как часто об этом пишут.

Ложная, или черная, косатка похожа немного на большую, но вся черная, голова у нее не туповатая, а удлиненная. Длина до шести метров, вес до полутора тонн. В холодные воды, к кромке льдов, ложная косатка не заплывает, обитает в умеренных и субтропических водах Мирового океана. Встречается в Средиземном и реже в Балтийском морях.

Интересно, что в 1846 году известный британский зоолог Роберт Оуэн описал черную косатку как кита вымершего. Ее череп нашли в болоте Ланкашира, на востоке Англии. Только через 16 лет эти косатки вдруг неожиданно «воскресли» для науки. Целая сотня их оказалась на берегу Кильской бухты.

***Фереза**, называемая карликовой косаткой, нелегко дается в ученые руки: только четыре экземпляра этого дельфина были изучены зоологами. Добыли их в Тихом океане и у Сенегала, в Атлантическом. Цветом фереза темно-серая с белыми губами и длиной чуть более двух метров.*

Остается рассказать о китовидных дельфинах (лиссодельфисах) и морских свиньях.

Первые тонким и длинным двухметровым телом и общими очертаниями напоминают китов-полосатиков. Как и у гладких усатых китов, у китовидных дельфинов нет спинного плавника. Нет его также у серых китов, бесперых морских свиней, нарвалов и белух. Морда длинная и без выпуклого лба. Лиссодельфисов два вида — северный (Тихий океан от Берингова моря до Япо-

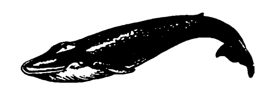

нии и Калифорнии) и южный (антиподная часть Тихого океана и, возможно, все южное полушарие)

Бесперой морская свинья рода неомерис названа потому, что спинного плавника у нее нет. Это, кажется, самый маленький из дельфинов: длина 1,6 метра, голова, как у гринд, круглая без рострума — выступающего рыла, а цвет кожи почти черный. По хребту тянется полоса мелких роговых бугорков. Живут морские бесперые свиньи на мелководьях у берегов Японии, Китая, Индокитая, Индонезии, Индии, Восточной Африки и в Персидском заливе. Часто заходят в реки: вверх по Янцзы на 1600 километров

Белокрылых морских свиней из рода фоценоидос отличает от настоящих морских свиней (род фоцена) прежде всего окраска, белые полосы или пятна по заднему краю спинного и хвостового плавников и белые бока, резко, без переходящих границ заметные на черном фоне тела.

Фоцен четыре вида. Самая обычная обитает на севере Тихого океана, в Северной Атлантике, в Баренцевом, Белом и изредка в Карском морях. Немало морских свиней и в Черном, Азовском и Балтийском морях. Держатся они у берегов, на мелководьях, кормятся бычками, хамсой и другими мелкими рыбами. Заходят нередко в устья рек, по Неве фоцены однажды поднялись в Ладожское озеро. Зимой из Азовского моря уплывают в Черное, а из Белого — в Баренцево. Мясо морской свиньи ценилось в Англии во времена Генриха VIII как лучшее королевское блюдо! Теперь его и нищие не едят — так переменчивы вкусы человеческие ..

ОБ УСАХ И ТРОПИКАХ

Пути эволюции зубатых и усатых китов разошлись очень рано. Произошли они, очевидно, от разных предков: усатые — от короткохвостых, зубатые — от длиннохвостых. Но каких «хвостых»? Копытных? Насекомоядных? Или хищных зверей креодонтов? Все названные возможные предки китов условно могут быть приняты до поры, когда наука лучше разберется в этом. Однако более вероятно, что китовыми предками были насекомоядные или креодонты, породившие также волков, медведей, гиен и кошек.

Усатыми названы киты за чрезвычайно полезное в их жизни оборудование: китовый ус — роговые, книзу клинообразно суженные пластины с волосовидной бахромой по всему внутреннему краю, обращенному в пасть. Они растут по бокам неба кита, сверху вниз, друг за другом, как кулисы, и ориентированы плоскими сторонами вдоль продольной оси кита. Высота пластин китового уса у разных видов разная: от четверти метра у малых полосатиков до четырех с половиной метров у гладких китов. А всего таких пластин, или усов, у кита 260—800.

Ус — отличная цедилка! Набрав в пасть-корыто морскую воду с рачками, мелкими рыбами и кальмарами, кит ее закрывает, поднимает низ рта и язык и выталкивает воду обратно в море, прогоняя ее между пластинами своей цедилки. Вода вытекает, а вся мелкая живность остается во рту, на бахроме уса. Эту живую кашу кит глотает.

Таков процесс фильтрации в общих чертах: на деле все более сложно. Местами море не так уж богато кормом: за один глоток из него выцедишь немного съедобного. Поэтому киту приходится долго плыть с открытой пастью, пропуская через нее многие кубометры воды и дожидаясь, когда во рту наберется побольше живности, прежде чем закрыть его. Киты-полосатики фильтруют планктон, возможно, иначе: «полосы» — складки на их горле и брюхе, — расправляясь и расширяясь вниз, позволяют им делать гигантские глотки. В одном таком «глоточке» пищи уже немало. Но у них другая проблема. Не очень-то легко, например, блювалу закрывать свою пасть: силы гравитации тянут чересчур тяжелую нижнюю челюсть, переполненную пищей, вниз. Кит ложится на бок, порой даже на спину переворачивается, и тогда под действием тех же сил его пасть сама захлопнется.

У берегов Антарктиды летом (антарктическим!) прежде кормились бесчисленные стада китов. Море там в эту пору кишит довольно крупными (в шесть сантиметров) рачками эвфаузиидами — крилем. Эвфаузииды, калянусы и другие мелкие планктонные рачки — главная пища усатых китов. Правда,

полосатик Брайда, а в некоторых морях, например в Северной Атлантике, и финвал кормятся в основном рыбой. Много рыбы и кальмаров поедают при случае и другие полосатики, но рачки все-таки их «хлеб насущный».

Осенью (южной, то есть в марте и апреле) плывут киты из Антарктики на север, в теплые воды, там плодятся, а весной, очень исхудавшие, снова возвращаются в царство криля.

Около Курильских островов, вдоль западного побережья Америки и по обеим сторонам Атлантического океана плывут весной (уже нашей!) на север, а осенью на юг большие стаи кальмаров, пелагических осьминогов, всевозможных рыб; рачков, медуз и других морских скитальцев. А за рыбами и кальмарами, за рачками и крылоногими моллюсками устремляются в далекий путь киты. Из года в год киты мигрируют одними и теми же путями, словно дорога их размечена невидимыми нам указателями.

И вот что интересно — зимовать плывут в тропики, но экватор крупные киты, кроме кашалота и горбача, как правило, не переходят! Почему? Жары и перегрева боятся!

«Несмотря на свое совершенство, указанные терморегуляторы у крупных китов не могут, по-видимому, справиться с перегревом тела в условиях тропиков: ведь этим массивным животным отдать избыток тепла куда сложнее, чем маленьким дельфинам, которые в тропических водах нередки. Затруднения в терморегуляции китов и сравнительная бедность тропиков кормами препятствуют проникновению их в экваториально-тропический пояс» (профессор А. Г. Томилин).

Плавники китов, богато наделенные кровью, как доказал А. Г. Томилин, и есть те отдушины, через которые кит отдает лишнее тепло. У горбача плавники очень велики, до десяти процентов всей его поверхности. Поэтому и в тропиках он неплохо остывает. А кашалот, когда ему чересчур жарко, ныряет глубоко, как никто из китов, туда, где вода всегда холодная, как у берегов Антарктиды.

ПАРАД УСАТЫХ КИТОВ

Три семейства: гладкие, полосатики и серые.

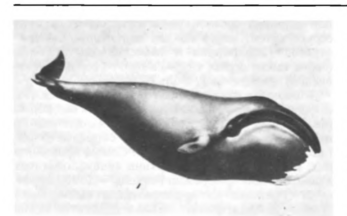
Балена, или гладкий гренландский кит, — это то «чудо-юдо рыба-кит», о котором рассказывают сказки, легенды, о котором писал еще Аристотель, предполагая в «нем» не зверя, а только рыбу, хотя и кормящую своих отпрысков молоком и наделенную не жабрами, а легкими. Только в 1693 году англичанин Джон Рей доказал, что кит не рыба, а зверь.

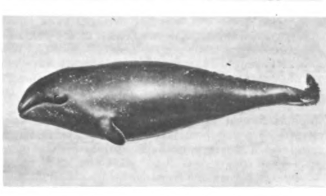
Тот стилизованный образ кита, который мы видим обычно на иллюстрациях к сказкам, скопирован более или менее точно с гренландского. У него, как и у других гладких китов, нет «полос» — складок на горле и брюхе, нет и спинного плавника. Голова огромная — треть всей длины, кверху куполом выпуклая; во рту с каждой стороны по 320—325 узких темно-серых роговых пластин, самые большие — три с половиной метра в длину. Длина самого кита — 18—22 метра, вес до 100 тонн. Родина — Арктика, зона дрейфующих полярных льдов. Следуя за ними, гренландские киты плывут летом на север, в высокие арктические широты, зимой — на юг и заплывают до Камчатки и северных Курильских островов.

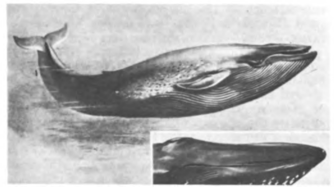
Сейчас гренландский кит взят под охрану Международным соглашением (так же как южный гладкий кит, горбач и блювал), убивать его разрешено только коренным жителям Чукотки и Аляски. Уцелели считанные единицы этих китов.

Много веков охотятся люди на бален. У берегов и заливов северных стран Европы еще триста лет назад их истребили. Китобойные суда (200—300 каждый год из портов одной только Англии!) уходили на охоту все дальше и дальше в открытое море, в холодную Арктику. Кита этого загарпунить было легче, чем других, потому что плавает он небыстро, ныряет неглубоко, а мертвый не тонет. Надувать компрессорами, чтобы не утонул, его не приходится, что для старых китобоев было очень важно, так как разделку туши тогда производили не на кораблях, они были слишком малы для этого, а прямо в море, у борта судна. Продавали и вполне съедобное мясо этого кита, и жир, и особенно китовый ус, из которого делали

Тот стилизованный образ кита, который мы видим на иллюстрациях к сказкам, скопирован с гренландского кита

Серый кит

Блювал, или голубой кит,— самое большое существо, когда-либо обитавшее на Земле

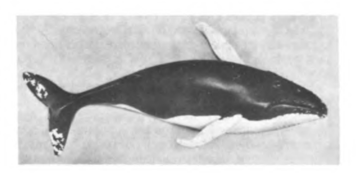
веера, корсеты, кринолины. Тонна китового уса стоила две-три тысячи фунтов стерлингов! И сейчас еще вся продукция, которую дает гренландский кит, оценивается в восемь тысяч долларов.

Южный кит — ближайший родич гренландского, но голова у него меньше — четверть всей длины, и ус не столь велик — до 2,6 метра, снаружи пластины не выпуклы, а прямые или даже вогнутые, на конце нижней челюсти нет обычного для гренландского кита белого пятна, но есть зато странной формы и происхождения роговой нарост вроде огромной бородавки.

Обитают южные киты в Атлантике и Тихом океане, южнее гренландских, но так же редки сейчас, как и те. Еще в XI веке баски охотились на этих китов у берегов Испании, где зимовали киты. Всемирно известное ныне слово «гарпун», кажется, заимствовано у басков.

Одни исследователи считают, что все южные гладкие киты (за исключением карликового) одного вида, другие — трех разных видов бискайский южный кит (Северная Атлантика), японский (север Тихого океана) и австралийский (умеренные воды южного полушария). Жарких тропиков все эти киты избегают. Когда выныривают на поверхность, узнать их легко по двухструйному фонтану, обе половины которого бьют на три-четыре метра из головы кита под углом в 45 градусов.

Финвал — второй по величине кит мира

Горбач поражает непомерно большими передними плавниками

Фонтан — это сгущенное в пар дыхание кита: воздух, вырвавшись под давлением из легких, тут же быстро расширяется и, расширяясь, охлаждается. Оттого и виден как «выхлоп» пара.

Карликовый гладкий кит — самый маленький из усатых китов — шесть метров в длину. Он черный, но, странно, с белым языком и пастью! Ус тоже очень светлый, цвета слоновой кости, а на спине небольшой плавник. Ребер у этого необычного кита больше, чем у всех других, — 34 пары. Только два позвонка непосредственно перед хвостом без ребер. Встречали китов-карликов у Южной Африки, Южной Америки, у Австралии и Новой Зеландии

Серый кит — странный кит! Некоторыми своими чертами он напоминает гладких китов, некоторыми — полосатиков, но в близком родстве ни с теми, ни с другими не состоит. На горле у него две — четыре недлинные полосы, но вместо спинного плавника несколько небольших бугров. Шейные позвонки не срослись воедино, как у гладких китов. Это единственный из крупных китов — длина его до 15 метров, — который кормится и размножается на мелководьях у берегов. Он, бывает, резвится, прыгая из воды и плескаясь там, где глубина всего четыре метра! Он нередко, как говорят, и обсыхает у берега. Тогда лежит спокойно, даже если «сел на мель», где глубина не больше метра. Ждет прилива и с ним уходит в море. На мелком месте серый кит ищет спасения и от свирепых косаток — прижимается ближе к берегу. А еще видели, как от страха, по-видимому, переворачивались серые киты вверх брюхом, как только к ним приближались косатки.

Еще в исторические времена серые киты обитали в Северной Атлантике, ныне уцелели лишь в Тихом океане. Тут их два главных стада, одно зимует и плодится у берегов Калифорнии и Мексики, второе — у Южной Кореи. Летом и те и другие плывут, следуя за очертаниями берегов, на север. Корейские серые киты — в Охотское море, калифорнийские — к Британской Колумбии, многие и дальше — в Берингово море, но и там не все остаются, часть через Берингов пролив выходит в Чукотское море. Большинство из них, мигрируя, проплывает лишь в трех — пяти километрах от берега. На севере, поедая много придонных рачков-амфипод, равноногих рачков, червей-полихет и даже водоросли, серые киты жиреют и, придя на свои зимние квартиры на юге, почти ничего здесь не едят.

В начале нашего столетия казалось, что серых китов истребили. Позднее небольшие их группы снова стали появляться то тут, то там. Перед второй мировой войной, когда осталось только 250 серых китов, охоту на них запретили. Сейчас у берегов Калифорнии и Мексики зимует около шести тысяч серых китов, а по ту сторону Тихого океана, по-видимому, лишь единицы.

Можно ли пройти мимо и не подивиться тому исключительному феномену, что серый кит кормит (не по своей воле, разумеется) самого длинного из известных науке паразитов — сорокаметрового глиста! Для червей это рекорд. Самый длинный из них, непаразитов, — немертина линеус, обитатель атлантических прибрежий Европы — до 30 метров.

В семействе китов-полосатиков шесть видов. Пять — блювал, финвал, сейвал, полосатик Брайда и малый полосатик — для наблюдателя со стороны как уменьшенные в порядке перечисления копии друг друга. Блювал, или синий кит, самое большое существо, когда-либо обитавшее на Земле. Средняя длина его около 24 метров, но попадались и тридцатитрехметровые блювалы. Вес до 160 тонн! Значит, один такой кит уравновесит собой 40 слонов, 180 быков, полк солдат с полной выкладкой или 2300 мирных людей без походного снаряжения. Язык синего кита весит четыре тонны — как большой слон! — а новорожденный семиметровый китенок — две тонны!

Финвал поменьше блювала — 18—20, максимум 27 метров, вес 50—60, максимум 100 тонн. Сейвал еще меньше — 15—18, максимум 21 метр, 12—16 тонн. Полосатик Брайда — 13 метров. Малый полосатик — семь — девять метров, пять — десять тонн.

У полосатиков на горле и брюхе 50—118 продольных борозд-полос. Только у горбача их не больше 40.

Эти киты, кроме полосатика Брайда, который не выходит за пределы субтропических широт и круглый год обитает около Южной Африки, Вест-Индии и на северо-западе Индийского океана, плавают по всем океанам, летом, особенно блювал, даже в высоких широтах Арктики и Антарктики. Синие киты встречались прежде и в Балтийском море, а малых полосатиков в прошлом веке дважды видели в Черном (этих миниатюрных китов отличают белые «перевязки» на грудных плавниках).

Синие киты теперь под охраной закона, но их осталось очень мало: две — пять тысяч, по подсчетам 1963 года, а в 1976 году будто бы лишь 600 голов. Финвалов в том же году, как предполагают, было 32 тысячи. Горбачей чуть больше десяти тысяч.

Горбач очень своеобразен, пожалуй, даже уродлив: головастый, на вид какой-то нескладный, с наростами вроде бородавок на губах, грудные плавники непомерно длинные, до трети общих

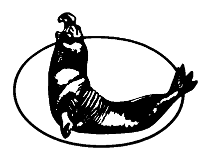
размеров кита (пяти-шестиметровые, поскольку сам кит длиной 15—18 метров). Привлекают его мелководья, бухты и устья рек, куда горбачи иногда заходят. Заходили прежде, когда их было много, в Балтийское море, в Финский залив. Весной горбачи южных стад мигрируют от берегов Австралии, Южной Африки и Южной Америки в Антарктику. А из северных субтропиков, тихоокеанских и атлантических, — в Берингово, Чукотское и Баренцево моря.

Горбач неуклюж лишь с виду, он ловок и подвижен, скачет нередко из воды, выписывая над морем настоящие мертвые петли, брюхом вверх, спиной вниз и с громким плеском плюхается сорокатонной тушей в океан, завершая свое умопомрачительное сальто уже под водой. С особым усердием все эти трюки осенью и зимой проделывают самцы-горбачи, когда ухаживают за самками. Затем следует ритуал более контактного ухаживания. Он плывет за ней, оба пускают к небу фонтаны. Он ее настигает, животные ложатся в воде на бок, брюхо к брюху, и хлопают друг друга плавниками, да так звонко, что, говорят, их игривые шлепки слышны за мили. Перевернулись на другой бок и вот встали в странную позу тет-а-тет: солдатиками, головами вниз, а хвостами вверх, выставив их над водой. Все пока игра.

Завершают ее самые настоящие объятия в вертикальной позиции, но головами теперь вверх и над водой.

В таких вертикальных объятиях зачинают детенышей и многие другие киты. Но не дельфины, которые совершают все это мимолетно, на ходу, но тоже после предварительного ритуального ухаживания.

ЛАСТОНОГИЕ

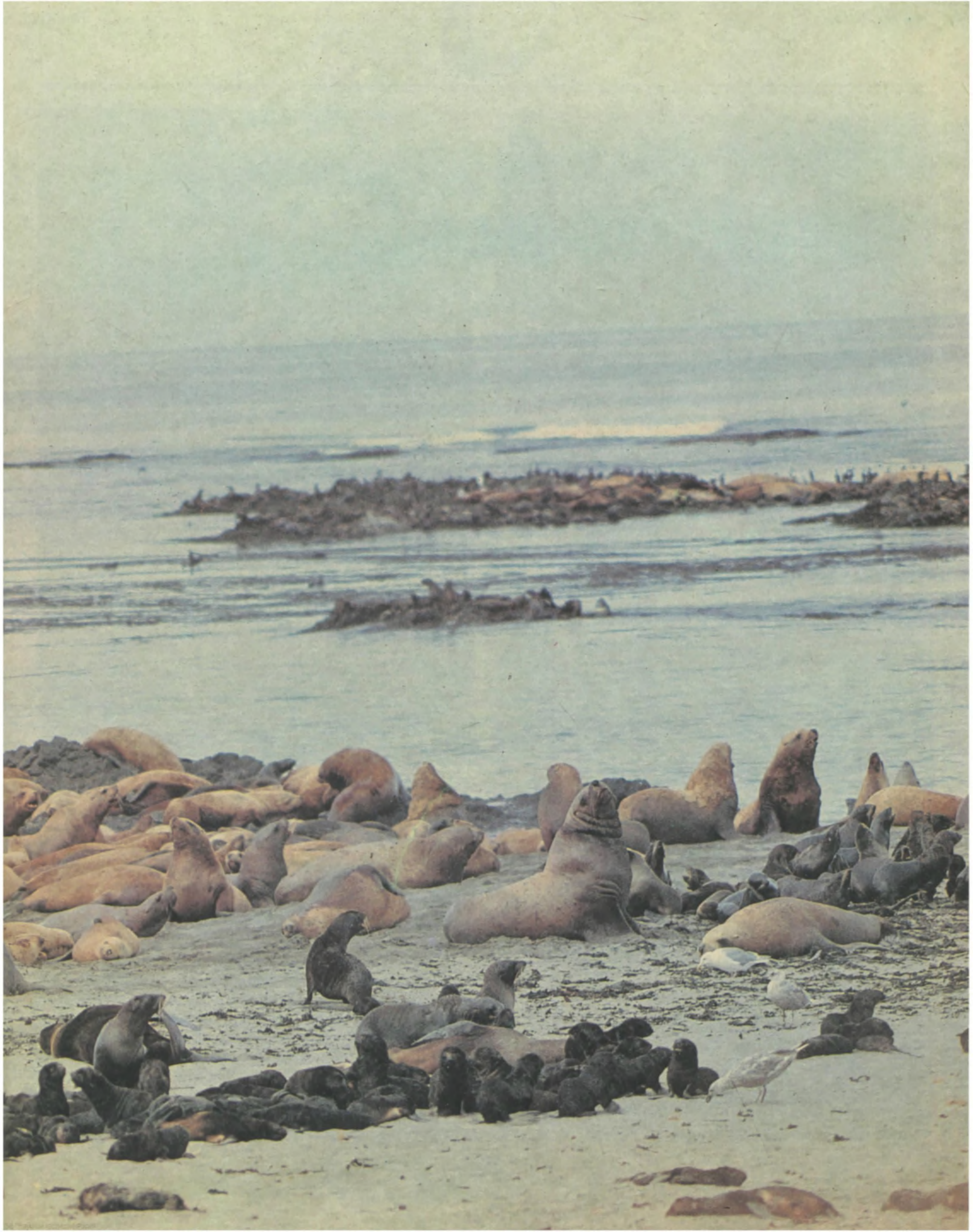

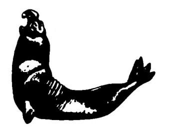
Ластоногие (моржи, тюлени) близки к хищным сухопутным зверям. Хвост короткий, ушных раковин совсем нет или они недоразвитые.

Распространены ластоногие по всем умеренным и холодным морям. Немногие, например тюлени-монахи, калифорнийские морские львы и некоторые южные котики, живут в тропиках и субтропиках. Животные в основном морские, но заплывают и в реки, обитают в озерах (Байкал, Ладожское, Каспийское и другие). На берег или на льды выходят главным образом лишь для линьки и размножения.

Беременность 8—12 месяцев. Настоящие тюлени — моногамы, кроме серого тюленя и морского слона, ушастые и моржи — полигамы; для размножения собираются на уединенных островах, куда плывут, например, котики, иногда за тысячи верст. Здесь в радиусе 50 километров собиралось порой больше миллиона разных ластоногих. Самки рожают одного, реже двух детенышей. Растут они быстро — в молоке около 50 процентов жира. Половозрелость в два-три года, живут до 40 лет. Плавают со скоростью около 30 километров в час. Ныряют до 110 метров (котики) и даже до 600 метров (тюлень Уэдделла).

Самые крупные из ластоногих — антарктические морские слоны (длина до семи метров, вес до трех с половиной тонн). Самые мелкие — арктическая раса кольчатой нерпы (70—75 сантиметров).

КОЕ-ЧТО О ЛАСТОНОГИХ

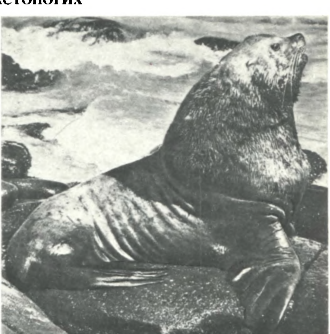
Колумб открыл Америку со всей ее весьма своеобразной флорой и фауной. Кого первого из этой фауны описали в науке? Тюленя-монаха! Множество их встретили испанцы в Карибском море во время своего «пришествия», в 1492 году. Колумбовы матросы тюленей ели, и все, кто пришел за Колумбом, их ели, и к концу прошлого века съели почти всех. Последнего карибского тюленя-монаха видели на Ямайке в 1952 году.

У тюленей-монахов новорожденное дитя не белое, а бурое или черное до блеска: отсюда, наверное, имя. Два вида тюленей-монахов еще обитают: один — у Гавайских островов, другой — у Мадейры в Средиземном море и в Черном, у берегов Турции, Румынии. Лет 70 назад встречался и у нас в Крыму.

У тюленей-монахов детеныши рождаются в черной шерсти

Три семейства ластоногих: ушастые тюлени, настоящие тюлени и моржи. У первых — небольшие ушные раковины, задние ласты подгибаются вперед, и животные на берегу опираются ими о землю. У вторых все наоборот: ушных раковин нет, задние ласты вперед не подгибаются, и, передвигаясь по суше или льду, эти тюлени быстро перебирают передними ластами, а задом юлят вправо-влево.

Самый крупный из ушастых тюленей — сивуч. Матерые самцы почти четырехметровые и весят до 1,1 тонны, самки — не больше 350 килограммов. До 150 тысяч сивучей обитает на севере Тихого океана

У моржей нет ушных раковин, но задние ласты сгибаются вперед, выполняя роль опоры. Кроме того, отчетливо выделяют взрослых и полувзрослых моржей всем хорошо известные большие верхние клыки — третий природный источник «слоновой кости», помимо бивней самих слонов и мамонтов. Клыки — метровые у самцов, до 60 сантиметров у самок.

Ушастые тюлени — это морские львы: патагонский, калифорнийский, австралийский, новозе-

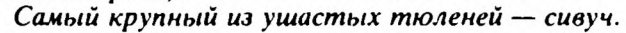
Ларга, или пестрая нерпа

Тюлень-крабоед — один из самых многочисленных тюленей на Земле

Эти странные гребни — зубы тюленя-крабоеда, весьма оригинальная модель цедилки, изобретенной природой. Когда тюлень закроет пасть, вода через щели в зубах вытекает наружу, а добыча — рачки и рыбешки — остается во рту

Свое странное сооружение на носу тюлень-хохлач способен раздуть до красного пузыря шестилитровой вместимости. У самок носовой пузырь меньше, и сами они не так велики, как самцы, которые вырастают нередко до 3,5 метра и весят до 400 килограммов

ландский. Это сивучи (северо-запад Северной Америки и северо-восток Азии) и морские котики — северный (сосед сивучей) и южные (другой род, шесть-семь видов — Южная Африка, Австралия, Южная Америка, Фолклендские (Мальвинские) и Галапагосские острова, юго-запад Северной Америки, Кергелен и некоторые другие субантарктические острова).

Самый крупный из ушастых тюленей — сивуч.

Матерые самцы почти четырехметровые и весят до 1,1 тонны, самки — не больше 350 килограммов. От 60 до 150 тысяч сивучей обитает на севере Тихого океана.

Настоящие тюлени — это нерпы, самые мелкие из ластоногих. Кольчатая нерпа — Ледовитый океан и северные окраинные моря Европы, Азии и Америки, Балтийское море, Ладожское и Сайменское озера. Байкальская нерпа — озеро Байкал, порой поднимается в Ангару, Селенгу и Баргузин. Каспийская нерпа — Каспийское море, заплывает в низовья Волги и Урала.

Ларга, иначе — пестрая нерпа (умеренные и субарктические воды Европы, Северо-Восточной Азии и Северной Америки, на юг до Корейского полуострова, Желтого моря и Калифорнии).

Крылатка (тюлень, изящно разрисованный белыми циклическими полосами) встречается чаще всего на юге Чукотского, Берингова и Охотского морей.

Лысун, или гренландский тюлень (взрослый — белый с двумя большими, в форме крыльев буро-черными пятнами на спине, до четырех-пяти лет — серо-пятнистый), живет в высоких широтах Атлантики и Арктики. Белоснежных (с желтизной) детенышей рожают в феврале — марте на льдах Белого моря, у Ньюфаундленда, на Ян-Майене (и больше нигде!)

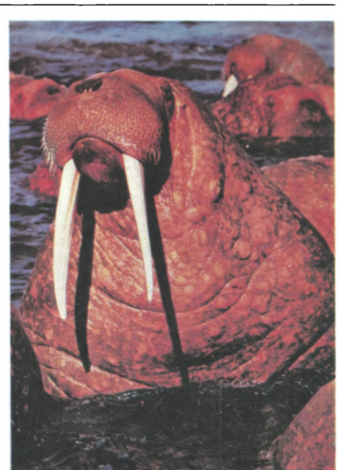
Тевяк, серый, или длинномордый, тюлень, — от залива Св. Лаврентия и Гренландии до Ла-Манша, Скандинавии, Балтийского моря, Мурмана, Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа.

Лахтак, или морской заяц, — моря Ледовитого океана на север до полюса, на юг до Лабрадора и Японского моря.

Четыре близких рода — крабоед, морской леопард, тюлени Росса и Уэдделла (все в Антарктике и ближайших морях).

Морской леопард пятнистый, как сухопутный зверь, именем которого назван, хватает и рвет пингвинов, других морских птиц и небольших тюленей. Зубы у него, как у настоящего хищника, и он грозит ими, разевая пасть, даже человеку, но первым никогда не нападает. Попадаются и темно-серые, почти черные морские леопарды, но обычно они сéрые с темными пятнами. Самки немного крупнее самцов, длиной до трех с половиной метра и весят до 400 килограммов. В Антарктике примерно 100—300 тысяч морских леопардов.

Его сосед крабоед — один из самых многочисленных на Земле тюленей и самый быстрый на суше: человек и бегом не догонит! — кормится в основном мелкими рачками-эвфаузиидами (крилем), как и усатые киты. Для такой пищи у него есть приобретенная эволюционным путем своя особая цедилка: коренные зубы прорезаны глубокими щелями и похожи на гребни. Глотнув побольше планктонного «супа», крабоед закрывает пасть и через зубы-гребни процеживает морскую воду, а рачки и рыбешки остаются во рту.

Бивни моржей — не удлиненные резцы, как у слонов, а клыки. У самцов они вырастают до метра и весят каждый по пять килограммов. У самок клыки короче и тоньше. По-видимому, 45—90 тысяч моржей уцелело в Арктике

Еще три вида тюленей: хохлачи, северные и южные морские слоны — все способны раздувать свой нос.

Хохлач обитает в арктической и субарктической Атлантике, мигрируя, заплывает на юг иногда до Флориды и Португалии. Правда, это очень редкие случаи: у Флориды видели хохлача только один раз. Свое странное сооружение на носу тюлень-хохлач способен раздуть до ярко-красного пузыря шестилитровой вместимости. У самок носовой пузырь меньше, и сами они не так велики, как самцы, которые вырастают нередко до 3,5

метра и весят до 400 килограммов. Самцы серые, пятнистые, самки палевые, с менее четкими пятнами, новорожденные детеныши белые.

Северные морские слоны встречаются у побережья Калифорнии. Закончив там репродуктивные дела с осени до весны, многие плывут на север до Британской Колумбии. Южный морской слон населяет субантарктические воды, на север доходит до Южной Аргентины и Южных Шетландских островов. Эти, закончив размножение, плывут на север до широты острова Св. Елены. Нос свой морские слоны не раздувают так интенсивно, как хохлачи. Однако небольшой «хобот» у их самцов надувается и исторгает сдержанный свистящий рев, не очень громкий и неблагозвучный.

Моржи — один вид. Зона обитания прерывистым кольцом охватывает «прибрежные и отмельные районы Северного Ледовитого океана и смежные участки Атлантики и Берингова моря». Однако видели моржей и у самого полюса. Размножаются весной, беременность и лактация продолжаются около года. Это почти годовое кормление молоком примечательно: многие ластоногие детей поят молоком недолго — десять дней, четыре недели, три месяца (котики, сивучи и байкальские нерпы). Но ведь и это немного, если сравнить с другими крупными зверями.

Моржей два подвида, восточный и западный. У восточного ноздри, если смотреть спереди, прямо во фронт, не видны, у западного видны.

Питаются рыбой, ракообразными, головоногими и другими моллюсками. Моржи иногда убивают и едят тюленей, поедают и водоросли. В желудках моржей находили куски кожи и мясо китов — нарвалов и белух, но немного. Возможно, моржи не сами их убили, а съели мертвых. Главная же пища моржей — морские моллюски, реже — морские черви (гефиреи) и голотурии.

Бивни моржей — не удлиненные резцы, как у слонов, а клыки. У самцов они вырастают до метра и весят каждый по пять килограммов. У самок клыки короче и тоньше. По-видимому, лишь 45—90 тысяч моржей уцелело в Арктике.

Морской слон'

В неволе ластоногие едят и пресноводную рыбу, но без жирной морской долго прожить, по-видимому, не могут. Жирная пища необходима ластоногим для теплоизоляции, для пополнения слоя подкожного сала. Толщина его — до восьми сантиметров (у моржей — до 15 сантиметров). Но жирная «шуба» (в ней четверть веса тюленя) местами тонка — это отдушины. На отдушинах — у морского слона их по три на каждом боку — кожа нагревается до 29—34 градусов. Всюду на теле только 18 градусов. Эти «радиаторы» быстро подсыхают и на серо-буром фоне еще сырой шкуры смотрятся золотисто-желтыми пятнами. Морской слон может и прекратить теплоотдачу, очевидно сокращая приток крови к коже, и тогда всего за пятнадцать секунд ртуть в термометрах, приложенных к «желтым пятнам», с отметки в 34 градуса падает до 21 градуса!

У молодых морских слонов этот необходимый для жизни во льдах термомеханизм еще не функционирует: тепло они отдают всем телом и так много, что лед тает под ними, и несчастные малыши постепенно, медленно, но неуклонно погружаются в ледяные ямы. А так как они долго лежат на одном месте, то ямы получаются довольно глубокие, из которых малыши не в состоянии вылезти и матери вытащить их оттуда не могут. До пяти процентов молодых морских слонов погибает в таких жутких ледяных могилах.

Некоторые ластоногие, тюлень Уэдделла например, ныряют за рыбами и кальмарами так глубоко, как не всякий кит может (до 600 метров!) и, не дыша, промышляют под водой четверть часа и больше. Рекорд — 43 минуты 20 секунд!

Едят тюлени немало — до 16 килограммов в день. Едят все, что в зубы попадется. Но и

поститься умеют долго: тюлени-монахи голодали в неволе по четыре месяца, а морские слоны — по сто дней! Морские слоны и на воле, когда у них родятся малыши (весьма полновесные, кстати сказать, — полцентнера!), месяца два лежат с ними на берегу и ничего не едят.

ГАРЕМЫ НА ОСТРОВАХ

Зимой вы едва ли увидите котиков у Командорских островов. Они охотятся за рыбой и кальмарами далеко на юге, в открытом море, семь месяцев в году плавают (а молодняк, по-видимому, все первые два года жизни). Только старые самцы, кажется, далеко не уплывают от своих летних резиденций, зимуя на юге Берингова моря, около Аляски, и у побережья Британской Колумбии.

Но вот приходит май, и котики (северные) плывут к Командорам. Плывут и к Тюленьему острову в Охотском море, к островам Прибылова, Командорским и к некоторым Курильским.

Первыми появляются здесь старые самцы. Дня два-три плавают около берега: приглядываются, все ли спокойно. Потом осторожно вылезают на сушу, взбираются на камни там, где прибой с яростью бьется о скалы. Отряхиваются, осматриваются, принюхиваются — лежат, подняв высоко головы, прислушиваются. Это разведчики. Они пришли узнать, годится ли по-прежнему место, можно ли здесь справлять свадьбы и плодить детей. Все спокойно, и тюлени ныряют в море. Опустели скалистые берега.

Немного позже большой отряд котиков штурмует с моря черные камни. Приплыли опять только самцы: и старые, и молодые. Но старики секачи гонят молодых прочь, не дают им даже на берег выйти. Если места мало, то на берегу молодые лишь ночуют, прикорнув где-нибудь в сторонке. А на рассвете секачи снова их сталкивают в воду. До шести лет молодому котику нечего и думать о свадьбе. А станет повзрослее, тоже найдет на берегу подходящее местечко, очертя взглядом круг площадью метров в двадцать пять. В этом незримом кругу на голой скале поселится со своей семьей. А она большая: одних жен у старого секача десять — пятнадцать, а то и пятьдесят миловидных пушистых самочек жмутся в тесный кружок поближе к самцу, который грузным монументом возвышается над ними. Каждая родит ему по сосунку. Но все это будет позже. Сейчас самок нет еще на острове. Только самцы дерутся за места для своих будущих гаремов.

Каждый секач спешит обычно на ту скалу, где он и в прежние годы жил с семьей. Один котик семнадцать лет подряд возвращался из дальних плаваний на полюбившийся ему камень. Узнать этого котика было нетрудно: акула, наверное, откусила ему передний ласт. Наконец стихает суета на побережье: котики разобрали все свободные места и лежат лениво, ждут невест. Те не скоро еще появятся.

В середине июня прибывают первые самки. Как и самцы, они плывут стадами. Многие ищут старых «мужей», влезают на утесы, смотрят, кричат и прислушиваются, не отзовется ли знакомый голос. Часто он отзывается. Но часто и нет ответа: погиб где-нибудь в море. Она, ковыляя, бежит на другое место и там зовет и высматривает в суетящейся на берегу толпе ластоногих милого сердцу друга.

А молодые котики, которым рано еще заводить свои семьи, плавают вдоль берега и, можно сказать, силой заставляют холостых самок вылезать на сушу. Тут сразу попадают они «в ласты» к старым секачам. Те ласково «клохчут», кивают, пыхтят, заигрывают с ними, зазывая в свой гарем. Если уговоры не помогают, «морские коты» применяют силу: рычат на самок, скалят зубы, кусают иногда.

Через несколько дней как прибудут самки на остров, у них родятся детеныши. Новорожденные котики не родные, значит, «султану», который вперевалку ползает на брюхе вокруг своих жен и ворчит на других морских котиков. Родные дети родятся у грозного секача лишь на следующий год в это же примерно время и, скорее всего, в чужом гареме.

Лежбище морских котиков

Забота у созерцающего небо секача по существу одна: караулить жен, чтобы сосед не утащил, чтобы сами не убежали. Малыши шаловливы, любят порезвиться, погулять и, ковыляя, уходят далеко.

Матери беспокоятся и, если ребенок долго не возвращается, тоже ковыляют — ищут его. А секачам это не нравится. В заботах о полном комплекте своих жен перессорились они с соседями, в вечной с ними вражде.

«Надо сказать, что чаще всего повинны в этом бывалые самки. Как только им начинало казаться, что муж не наблюдает за ними, они, грациозно извиваясь, отползали к соседней группе и усаживались там, томно поглядывая на чужого самца... Но прежде чем успевала свершиться измена, законный супруг вдруг быстро пересчитывал своих жен и обнаруживал, что одной не хватает. Он высматривал, где она, и тотчас бросался следом, разбрасывая громадным телом гальку... Догнав самку, он хватал ее за холку и начинал свирепо трепать. Потом, мотнув головой, он пускал ее кубарем в сторону своего гарема.

К этому времени другой самец уже окончательно выходил из себя... И начинался бой. Чаще всего эти драки были чисто символическими, и после нескольких наскоков самолюбие самцов удовлетворялось. Но иногда оба самца приходили в бешенство, и тогда происходило нечто невероятное и страшное — два массивных и на вид отечных существа превращались в быстрых, ловких и беспощадных бойцов. Галька разлеталась во все стороны, два громадных зверя рвали друг другу могучие шеи, и кровь хлестала струей на восхищенных жен и детей» (Джеральд Даррелл).

В августе самцы уже покидают самок, один за другим ныряют в море. Вскоре уплывают и полусекачи, молодые котики, самки и котики-сеголетки. В октябре на острове остаются лишь немногие звери. Приближается зима. Котики спешат на юг, в теплые широты Тихого океана. Плывут далеко. Иные за тысячи километров от небольших, затерянных в холодном море островков, где плодились они коротким северным летом.

Родичи котиков, морские львы и сивучи, тоже ищут сушу, когда их самкам приходит пора родить детенышей. Как и котики, плывут они на уединенные острова или побережья, где собираются стадами.

Все лето лысуны — гренландские тюлени — охотятся за рыбой, кальмарами и рачками далеко на севере Атлантического и Ледовитого океанов, у кромки вечных льдов — на восток заходят до Карского моря. Осенью плывут на юг. В декабре уже

Гренландский тюлень и его детеныш — белек

тысячи их копошатся, точно черные слизняки, если посмотреть с самолета, на льдах Белого моря.

В феврале — марте родятся у тюленей белоснежные (с желтизной) детеныши — бельками у нас их называют. Месяц мать их кормит молоком, потом учатся сами рыболовству. А в мае — пора, весна пришла[1] — плывут за родителями на север, к Ледовитому океану.

В полярных льдах Шпицбергена встретятся они со своими собратьями, зимовавшими у Ян-Майена. Гренландские тюлени довольно странно поделили между собой зимние «квартиры». Одни зимуют у острова Ньюфаундленд, другие — на Ян-Майене (на полпути между Гренландией и Норвегией), а третье стадо облюбовало плавучие льды в Горле и Воронке Белого моря. Кроме этих трех лежбищ, нигде больше гренландские тюлени зимой не встречаются.

СОН В ВОДЕ

На суше тюленю спать просто, но в воде как спят те, которые месяцами из моря не вылезают? У них два способа. Первый: просто лежат, распластавшись на поверхности, так что лишь верх спины торчит над волнами, а голова в воде. Временами голова дремотно поднимается, ноздри автоматически открываются, тюлень делает несколько вдохов, и голова опять падает вниз.

Второй способ оригинальный. Впервые описал его английский зоолог Р. Локли в 1937 году, потом видели и другие. Локли наблюдал за парой тюленей, самцом и самкой, в одном из аквариумов Германии. Глубина в бассейне была около двух метров. Самка уснула первая: закрыла глаза и медленно стала опускаться на дно. Самец плавал вокруг, но она не просыпалась. Потом задремал и он.

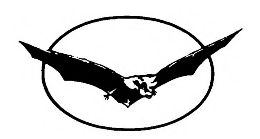
«Я увидел, что самка поднимается вверх, слегка шевеля ластами. Ее глаза были плотно закрыты, когда она показалась на поверхности и начала шумно дышать. Сделав около шестнадцати глубоких вдохов, закрыла ноздри и опять опустилась на дно. Дышала она примерно минуту, не раскрывая глаз. Нет никакого сомнения, что тюлениха все это время спала. Она опускалась на дно, дремала там минут пять и снова поднималась дышать. Глаза не открывала. Ее партнер поступал так же.

Оба тюленя спали полчаса, всплывая и опускаясь каждые пять минут, пока какой-то шум не потревожил их» (Р. Локли)

Опускались на дно и всплывали они хвостом вниз, головой вверх, то есть держали тело вертикально. Такой же «вертикальный» сон наблюдали однажды у моржей и манатов (американских морских коров).

Морские львы спят совсем иначе: подобно человеку, который без движения лежит в воде на спине. Ласты, передние и задние, и конец морды морские львы поднимают над водой. И в дремоте, инстинктивно и ловко балансируя ими, не тонут.

РУКОКРЫЛЫЕ

Рукокрылые единственные из зверей овладели истинным, машущим полетом. Происхождения древнего: миллионов 60—70 назад у каких-то первобытных древесных насекомоядных развились вначале летательные перепонки по бокам тела, подобные тем, которые мы видим сейчас у кагуана и которые затем были преобразованы эволюцией в настоящие машущие крылья.

Крылья ящеров-птеродактилей натянуты были помимо плеча и предплечья на очень длинном мизинце. У рукокрылых перепонку крыла поддерживают кости четырех очень длинных пальцев «рук». Третий палец равен обычно длине головы, тела плюс ноги! Лишь конец первого, то есть большого, пальца свободен, выступает из переднего края перепонки и снабжен острым когтем. У большинства крыланов свободен и крохотный коготь второго пальца. Пальцы задних конечностей — с когтями и от перепонки свободны. Ими рукокрылые, отдыхая днем или в зимней спячке, цепляются за ветки и другие предметы: повиснут вниз головой, плотно прижав к телу свои эластичные крылья, мускулатура которых, сокращаясь, стягивает и уменьшает их поверхность.

На мускулы, приводящие крылья в движение, приходится лишь 7 процентов веса животного (у птиц в среднем 17). Однако на грудине у рукокрылых вздымается небольшой, подобный птичьему киль, к которому крепятся главные из этих мышц.

Все рукокрылые днем спят, активны в сумерках и ночью. Обитают во всех странах света, за исключением Арктики и Антарктиды, за Северный полярный круг проникает лишь один вид. Новорожденных — один, редко два, сосков у самок одна пара на груди. Только у рода лазиурус четыре соска. Детеныши растут быстро. Живут летучие мыши сравнительно долго, 15—20 лет.

Длина тела рукокрылых от 3 до 40 сантиметров, размах крыльев от 18 до 150 сантиметров, вес от 4 до 900 граммов. В отряде рукокрылых два подотряда: летучие мыши и крыланы. Первые все без исключения наделены ультразвуковыми эхолотами, у вторых, по-видимому, лишь немногие виды.

ИЗ ЛЮБВИ К БОГУ...

На суде Святой Инквизиции в Толедо утром 17 августа 1796 года перед сеньорами инквизиторами, лиценциатом Антонио де Лоренсана и доном Сесаром Альваро, в присутствии лиценциата Саррия, главного викария, предстал Хоаким Рикардо, и когда он явился, ему сказали, что он ввиду единогласия в его деле должен сознаться и покаяться для облегчения совести. Рикардо согласился и попросил их милости поскорее покончить с этим делом.

Ему сказали, что по его признаниям относительно святых, и обедни, и насмешек над монахами есть основания считать его лютеранином и что из любви к богу и его святой матери ему советуют сказать и объявить правду о том, что он сделал и сказал против нашей святой католической веры, и назвать лиц, внушивших ему это и помогавших в волшебстве. Потому что он обвиняется также и в черной магии. Семь свидетелей под присягой и пятеро под пытками признали, что видели в его доме друзей сатаны, имя которых и назвать мерзко. (Имена свидетелей сеньоры инквизиторы решили не разглашать, дабы не было угрозы их жизни и имуществу от друзей и соучастников Хоакима Рикардо.) Свидетели видели, как он, Хоаким Рикардо, в компании с этими богопротивными тварями, волшебством обратив себя в их образ, в полночь на 1, 3, 5 и 8 июля с. г. вылетал из своего окна.

Свидетель... показал, что утром 3 июля с. г., войдя в кладовую, закрытую на прочные запоры, нашел, что приготовленные для продажи копченые свиные окорока попорчены и покусаны, несомненно, зубами дьявола. Его жалоба и счет на убытки поданы в Святой Трибунал.

Свидетельница... показала, что лекарство, которое ей дал врачеватель Хоаким Рикардо, было настоено на крови упомянутых богомерзких тварей. Она убеждена, что это было дьявольское любовное зелье, потому что трижды, после того как она его выпила, к ней являлся по ночам козлоногий инкуб.

Когда ему все это сообщили, Хоаким Рикардо сказал в свое оправдание, что демоны, которые живут в его доме, безобидные божьи создания. Простой народ по невежеству называет их одним именем с чертом. Он наловил их на колокольне, чтобы, ослепив, узнать, будут ли они летать. Еще он показал, что сделал это по примеру одного прелата черного духовенства родом из Италии, который якобы поступал так же.

Вышеназванные сеньоры инквизиторы и судья ему ответили, что он говорит неправду и возводит хулу на католического прелата, что усугубляет обвинение, вследствие чего они пришли к убеждению, что необходимо пытать Рикардо. Однако его предупредили, что из любви к богу ему предлагают до начала пытки сказать правду, ибо сие необходимо для облегчения его совести.

Он ответил, что уже сказал правду.

«Ввиду сего по рассмотрении документов и данных процесса мы вынуждены присудить Хоакима Рикардо к пытанию водой и веревками по установленному способу, чтобы подвергался пытке, пока будет на то воля наша, и утверждаем, что в случае, если он умрет во время пытки или у него сломается член, это случится по его вине, а не по нашей, и, судя так, мы провозглашаем, приказываем и повелеваем по сей грамоте, заседая в суде».

ЧУДО НАТУРАЛЬНОЕ

«В котел положи мясо и кровь змеи. Вари жарко! От крота возьми ноги. Положи летучих мышей, мех и блох от скунса, кусочек хобота тапира. Вари, чтоб шел густой пар! Всех злых духов он прочь прогонит!» (Рецепт колдовского зелья негров Вест-Индии).

В поверьях почти всех времен и народов названы летучие мыши друзьями черта и прочих злых духов и нередко одним с ним именем (но только не у буддистов, австралийцев, китайцев и майя — у них летучие мыши в почете!). На иконах и росписях церквей черти и драконы (аллегорические символы сатаны) намалеваны с кожистыми угловатыми крыльями летучих мышей (у ангелов крылья оперенные, голубиные!). Редкая картина с изображением колдовской кухни ведьмы или бабы-яги обходится без летучих мышей, и редкое колдовское варево — без их греховных тел и крови.

О них и в Библии сказано: животные нечистые, ловить и есть запрещено!

Их древние греки посвятили Персефоне, супруге Аида, властелина загробного царства теней.

В Индии они — «болотные духи»: подстерегают по ночам одиноких путников, чтобы заманить в трясину.

В ночное время летучие мыши — удобное средство сообщения для нечистой силы. Души грешников для путешествия в ад тоже предпочитают этот вид транспорта.

Старое финское поверье, очевидно полагая, что все люди грешны, утверждает: душа всякого спящего человека покидает его тело в образе нетопыря, чтобы к утру вернуться и упасть перед пробуждением в свою грешную оболочку. Убить летучую мышь — значит убить уснувшего человека (вывод, несмотря на нелепые исходные постулаты, весьма полезный!).

Летучие мыши — предвестники несчастья, гонцы смерти и беды, крылатое уведомление о близком шторме на море и нападении бандитов...

Много-много подобных и еще худших сказок суеверная фантазия нагромоздила вокруг доброго имени нашего большого друга, которого народ римский назвал «Веспертилио». Но чудо не мистическое, а естественное, которым наделила природа летучих мышей, долго разум человеческий не мог постичь и разгадать.

Проникновение в тайну началось ранним утром летнего дня 1793 года, когда ученый-аббат Ладзаро Спалланцани забрался на колокольню собора в Пауле. Он собрал там в мешок уснувших на рассвете летучих мышей, спустился с колокольни и пошел домой.

Там он их выпустил в зале. От потолка к полу в нем были натянуты тонкие нити, много нитей, всю комнату они опутали. Выпуская каждую мышь, Спалланцани заклеивал ей глаза воском. И вот по старому залу заметались крылатые тени.

Но ни одна слепая летучая мышь не задела за нитку! Ни одна. Словно глаза им и не нужны были, чтобы видеть.

Спалланцани отпустил потом этих мышей на волю. А рано утром на следующий день опять полез на колокольню, снова наловил летучих мышей. Среди них были и старые его знакомые — слепые зверьки. Он вскрыл их — желудки полны комаров! Значит, чтобы продуктивно охотиться, крылатым зверькам совсем не нужны глаза. Спалланцани решил, что летучие мыши наделены каким-то особенным, неведомым нам шестым чувством, которое и помогает им ориентироваться в полете.

Швейцарский натуралист Шарль Жюрин узнал об опытах Спалланцани. Он повторил их: да, слепые мыши летают не хуже зрячих. Тогда Шарль Жюрин заткнул их уши воском.

Результат был неожиданным: летучие мыши перестали различать окружающие предметы, стали натыкаться на стены точно слепые.

Не могут же они видеть ушами?

Спалланцани, когда узнал об опытах Шарля Жюрина, подумал вначале, что произошла какая-то ошибка. Он решил проверить, так ли это.

Спалланцани изготовил тонкие медные трубочки точно по размеру ушных отверстий летучих мышей. Кропотливая это была работа: ведь приходилось отливать трубочки толщиной около миллиметра. Медные втулки вставили летучим мышам в уши, зверьки отлично летали и на препятствия не натыкались. Когда же трубочки заткнули воском, мыши «ослепли».

В чем же дело? Спалланцани знал об этом не больше своих критиков. А критиков объявилось много, и все дружно высмеивали аббата-фантазера.

Жорж Кювье, знаменитый французский анатом

и палеонтолог, крупнейший авторитет в биологической науке того времени, тоже не хотел поверить, что слух имеет какое-то значение в ориентировке летучих мышей. Кювье выдвинул довольно остроумную гипотезу, которая должна была иначе объяснить таинственные способности летучих мышей.

Летучие мыши, говорил Кювье, обладают очень тонким осязанием. Особенно чувствительна у них кожа крыльев. Настолько чувствительна, что, приближаясь к препятствию, летучая мышь воспринимает сгущение воздуха, возникающее между ее телом и встречным предметом. Это служит сигналом: впереди препятствие! И «пилот» изменяет курс.

Больше ста лет продержалась в научных представлениях гипотеза Кювье. Лишь в середине нашего столетия с помощью новейших приборов удалось установить наконец истину.

Звук, как известно, — это колебательные движения, распространяющиеся волнообразно в упругой среде. Одно колебание в секунду называют герцем, а тысячу — килогерцем. Человеческое ухо слышит лишь звуки с частотой колебаний от 16—18 герц до 20 килогерц. Более высокочастотные акустические колебания — уже ультразвук, нам не слышный. Ультразвуками летучие мыши, «ощупывая» окрестности, и наполняют окружающее их пространство, сокращенное мраком, до самых ближайших обозримых глазом предметов.

В гортани летучей мыши в виде своеобразных струн натянуты голосовые связки, которые, вибрируя, производят звук. Гортань ведь по своему устройству напоминает обычный свисток. Выдыхаемый из легких воздух вихрем проносится через нее — возникает «свист» очень высокой частоты, до 150 тысяч герц (человек его не слышит).

Летучая мышь может периодически задерживать поток воздуха Затем он с такой силой вырывается наружу, словно выброшен взрывом. Давление проносящегося через гортань воздуха вдвое больше, чем в паровом котле. Неплохое достижение для зверька весом от 5 до 20 граммов!

В гортани летучей мыши возбуждаются кратковременные звуковые колебания — ультразвуковые импульсы. В секунду следует от 5 до 60, а у некоторых видов даже от 10 до 200 импульсов. Каждый импульс, «взрыв», длится обычно всего две — пять тысячных долей секунды (у подковоносов пять — десять сотых секунды).

Краткость звукового сигнала — очень важный физический фактор. Лишь благодаря ему возможна точная эхолокация, то есть ориентировка с помощью ультразвуков.

От препятствия, которое удалено на 17 метров, отраженный звук возвращается к зверьку приблизительно через 0,1 секунды. Если звуковой сигнал продлится больше 0,1 секунды, то его эхо, отраженное от предметов, расположенных ближе 17 метров, зверек услышит одновременно с основным звучанием.

А ведь именно по промежутку времени между концом посылаемого сигнала и первыми звуками вернувшегося эха летучая мышь инстинктивно получает представление о расстоянии до предмета, отразившего ультразвук.

Поэтому звуковой импульс так краток.

По-видимому, летучая мышь каждый новый звук издает сразу же после того, как услышит эхо предыдущего сигнала. Таким образом, импульсы рефлекторно следуют друг за другом, а раздражителем, вызывающим их, служит эхо, воспринимаемое ухом. Чем ближе летучая мышь подлетает к препятствию, тем быстрее возвращается эхо и, следовательно, тем чаще издает зверек новые эхолотирующие «крики». Наконец, при непосредственном приближении к препятствию звуковые импульсы начинают следовать друг за другом с исключительной быстротой. Это сигнал опасности. Летучая мышь инстинктивно изменяет курс полета, уклоняясь от направления, откуда отраженные звуки приходят слишком быстро.

Действительно, опыты показали, что летучие мыши перед стартом издают в секунду лишь пять — десять ультразвуковых импульсов. В полете учащают их до тридцати. С приближением к препятствию звуковые сигналы следуют еще быстрее — до 50—60 раз в секунду. Некоторые летучие мыши во время охоты на ночных насекомых, настигая добычу, издают даже 250 «криков» в секунду.

Эхолокатор летучих мышей — очень точный навигационный «прибор»: он в состоянии запеленговать даже микроскопически малый предмет — диаметром всего 0,1 миллиметра!

И только когда экспериментаторы уменьшили толщину проволоки, натянутой в помещении, где порхали летучие мыши, до 0,07 миллиметра, зверьки стали натыкаться на нее.

Летучие мыши наращивают темп эхолотирующих сигналов примерно за два метра от проволоки. Значит, за два метра они ее и «нащупывают» своими «криками». Но летучая мышь не сразу меняет направление, летит и дальше прямо на препятствие и лишь в нескольких сантиметрах от него резким взмахом крыла отклоняется в сторону.

С помощью эхолотов, которыми их наделила природа, летучие мыши не только ориентируются в пространстве, но и охотятся за своим хлебом насущным: комарами, мотыльками, жуками и прочими ночными насекомыми.

Роузеттусы Летучие собаки этого рода наделены эхолокаторами

В некоторых опытах зверьков заставляли ловить комаров в небольшом лабораторном зале. Их фотографировали, взвешивали — одним словом, все время следили за тем, насколько успешно они охотятся. Одна летучая мышь весом семь граммов за час наловила грамм насекомых. Другая малютка, которая весила всего три с половиной грамма, так быстро глотала комаров, что за четверть часа «пополнела» на десять процентов. Каждый комар весит примерно 0,002 грамма. Значит, за 15 минут охоты было поймано 175 комаров — каждые шесть секунд один комар! Очень резвый темп.

Сначала думали, что природными эхолотами обладают только мелкие насекомоядные летучие мышы вроде наших ночниц и нетопырей, а крупные летающие лисицы и собаки, пожирающие тонны фруктов в тропических лесах, их будто бы лишены. Возможно, это так, но тогда, значит, роузеттус представляет исключение, потому что летающие собаки этого рода наделены эхолокаторами.

В полете роузеттусы все время щелкают языком. Звук (рожденный не гортанью, а языком!) прорывается наружу в углах рта, которые у роузеттуса всегда приоткрыты. Примитивный эхолот летучей собаки работает, однако, достаточно точно: миллиметровую проволоку он засекает с расстояния в несколько метров.

Все без исключения мелкие летучие мыши из подотряда микрорукокрылых наделены эхолотами. Но модели этих «приборов» у них разные. В последнее время исследователи выделяют в основно. три типа природных сонаров[1]: шепчущий, сканоирующий и стрекочущий, или частотно-модулирующий тип.

Шепчущие летучие мыши обитают в тропиках Америки. Многие из них, подобно летучим собакам, питаются фруктами. Ловят также и насекомых, но не в воздухе, а на листьях растений. Их эхолотирующие сигналы — очень короткие и очень тихие щелчки. Каждый звук длится тысячную долю секунды и очень слаб. Услышать его могут только очень чувствительные приборы, так как его звуковая энергия в тысячу раз меньше, чем у наших летучих мышей. Иногда, правда,

[1] *Сонаром был назван изобретенный в конце тридцатых годов подводный эхолокатор Он успешно применялся в последней войне для обнаружения неприятельских подводных лодок*

летучие мыши-шептуны «шепчут» так громко, что и человек их слышит. Но обычно их эхолот работает на частотах 150 килогерц.

Знаменитый вампир тоже шептун. Нашептывая неведомые нам «заклинания», он отыскивает в гнилых лесах Амазонки измученных путешественников и сосет их кровь. Заметили, что собаки редко бывают искусаны вампирами: тонкий слух заранее предупреждает их о приближении кровососов. Собаки просыпаются и убегают. Ведь вампиры нападают только на спящих животных. Были сделаны даже такие опыты. Собак выдрессировали: когда слышали они «шепот» вампира, сейчас же начинали лаять и будили людей.

Скандируют подковоносы. Некоторые из них обитают на юге нашей страны — в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии. Подковоносами они названы за наросты на морде, в виде кожистых подков двойным кольцом окружающих ноздри и рот. Наросты — не праздные украшения: это своего рода мегафон, направляющий звуковые сигналы узким пучком в ту сторону, куда смотрит летучая мышь. Ультразвуки подковоносы посылают в пространство, не через рот, а через нос (так же — и мегадермы, и никториды, хотя эхолот у них иного типа). Обычно зверек висит вниз головой и, поворачиваясь (почти на 360 градусов!) то вправо, то влево, ощупывает звуком окрестности. Тазобедренные суставы у тропических подковоносов очень гибки, поэтому и могут они проделывать свои артистические повороты. Как только в поле их локатора попадает комар или жук, самонаводящийся летательный аппарат срывается с ветки и пускается в погоню за горючим, то бишь за пищей.

И этот «летательный аппарат», кажется, в состоянии даже определить, используя хорошо известный физикам эффект Доплера, куда летит пища: приближается ли к суку, на котором висит подковонос, или удаляется от него. Сообразно с этим меняется и тактика преследования.

Подковоносы пользуются на охоте очень продолжительными (если сравнивать их с «криками» других летучих мышей) и однотонными звуками. Каждый сигнал длится десятую или двадцатую долю секунды, и частота его звучания не меняется — всегда равна ста или ста двадцати килогерцам (иногда и 85 килогерцам в зависимости от вида животного).

Но вот наши обычные летучие мыши и их североамериканские родичи эхолотируют пространство модулированными по частотам звуками, как и лучшие модели созданных человеком сонаров. Тон сигнала постоянно меняется, значит, меняется и высота отраженного звука. А это в свою очередь означает, что в каждый данный момент высота проникаемого эха не совпадает с тоном отправляемого сигнала. И неспециалисту ясно, что такое устройство значительно облегчает эхолотирование.

Американская малая бурая ночница начинает свое «стрекотание» звуком с частотой около 90 килогерц, а заканчивает его нотой в 45 килогерц. За две тысячные доли секунды, пока длится ее «крик», сигнал пробегает по шкале частот вдвое более длинный диапазон, чем весь спектр воспринимаемых человеческим ухом звуков! В «крике» около пятидесяти звуковых волн, но среди них нет и двух одинаковой длины. Таких частотно-модулированных «криков» следует десять или двадцать каждую секунду. Приближаясь к препятствию или к ускользающему комару, летучая мышь учащает свои сигналы. Теперь уже стрекочет она не 12, а 200 раз в секунду.

Частотно-модуляционный эхолот и у летучих мышей-рыболовов. Пробив толщу вод, их «стрекотанье» отражается от плавательного пузыря рыбешек, и его эхо возвращается к рыболову. Поскольку в рыбе больше 90 процентов воды, она почти не отражает подводных звуков. Но наполненный воздухом плавательный пузырь — достаточно «непрозрачный» для звука экран.

Когда звук из воздуха попадает в воду и, наоборот, из воды в воздух, то теряет более 99,9 процента своей энергии. Значит, сигналы летучей мыши, совершив двойной поход через границу «воздух — вода», должны потерять из-за высоких тарифов, которые здесь существуют, так много энергии, что сила звука станет в полтора миллиона раз слабее!

Кроме того, будут и другие потери: не все звуковые волны отразятся от рыбы и не все, пробившись вновь в воздух, попадут в уши эхолотирующего зверька.

После этих рассуждений не очень-то верится, что эхолокация «воздух — вода» не миф, а реальность.

Однако Дональд Гриффин подсчитал, что рукокрылый рыболов получает обратно из-под воды лишь вчетверо менее мощное эхо, чем обычная летучая мышь, эхолотирующая насекомых в воздухе. Это уже не так плохо. Больше того, если допустить, что эхолоты летучих мышей засекают насекомых не за два метра, как он предполагал при своих расчетах, а уже с двух метров восьмидесяти сантиметров (что вполне возможно), то интенсивность возвратного сигнала будет одинаковой и у рыболова, и у охотника за насекомыми.

Подобно людям, летучие мыши тоже могут ошибаться. И такое нередко случается, когда они устали или еще толком не проснулись после проведенного в темных углах дня. Это доказывают изувеченные трупы летучих мышей, еженощно разбивающихся об Эмпайр-Билдинг и другие небоскребы.

Если низко над рекой натянуть проволоку, то летучие мыши обычно задевают за нее, когда спускаются к воде, чтобы утолить жажду несколькими слизанными на лету каплями. Зверьки слышат одновременно два эха: громкое от поверхности воды и слабое от проволоки — и не обращают внимания на последнее, оттого и разбиваются о проволоку.

Летучие мыши, привыкая летать по давно испытанным трассам, избирают гидом свою память и не прислушиваются тогда к своим эхолотам. Исследователи провели с ними такие опыты. Соорудили разного рода препятствия на проторенных веками путях, которыми летучие мыши каждый вечер вылетали на охоту, а на рассвете возвращались обратно. Зверьки наткнулись на эти препятствия, хотя их эхолоты работали и заранее подавали пилотам сигналы тревоги. Но они больше верили своей памяти, чем ушам.

Нередко ошибаются летучие мыши еще и потому, что многие насекомые, за которыми они охотятся, обзавелись «антиэхолотами».

Ночные мотыльки, например, густо покрыты мелкими волосками. Дело в том, что мягкие материалы: пух, вата, шерсть — поглощают ультразвук. Значит, мохнатых мотыльков труднее запеленговать.

У некоторых ночных насекомых развились чувствительные к ультразвуку органы слуха, которые помогают им заблаговременно узнавать о приближающейся опасности. Попадая в радиус действия эхолота летучей мыши, они начинают метаться из стороны в сторону, пытаясь выбраться из опасной зоны. Ночные бабочки и жуки, запеленгованные летучей мышью, применяют даже такой тактический прием: складывают крылья и падают вниз, замирая в неподвижности на земле.

У этих насекомых органы слуха воспринимают обычно звуки двух разных диапазонов: низкочастотного, на котором «разговаривают» их сородичи, и высокочастотного, на котором работают эхолоты летучих мышей.

К промежуточным частотам (между двумя этими диапазонами) они глухи.

МИР КРЫЛАТЫХ ЗВЕРЬКОВ

Обязательные обследования каждого нового помещения, в котором впервые оказывается летучая мышь, создают в ее мозгу из разрозненных «эхокусков» достаточно полную, хотя, очевидно, и мозаичную картину окружающего пространства, но картину не зримую, а услышанную! И в дальнейшем, ориентируясь в обследованном месте, этот удивительный зверек с крыльями полагается в первую очередь на свою превосходную память, доверяя ей, кажется, больше, чем позволяют изменчивые условия нашего непостоянного мира.

Дрессированных летучих мышей кормили из рук, держа их на определенной высоте. Привыкнув к этому, зверьки отлично запоминали положение кормящих рук и, когда человек вдруг опускал руку с кормом, проголодавшись, устремлялись к тому месту в пространстве, где, как помнили, прежде была пища, и летали, явно недоумевая, куда девались постоянно ждавшие их тут раньше мучные черви.

Привыкнув жить в клетке с открытой дверцей, летучие мыши, всякий раз возвращаясь из ночных полетов, безошибочно находили вход. Но стоило чуть переставить клетку или передвинуть вход в другую сторону, как они первое время не могли его найти, хоть был он рядом, и кружились у прежнего места, куда направляла их память, словно не веря в реальность сигналов от эхолотов.

У крыланов взмахи крыльев плавны и не так часты, как у небольших летучих мышей. Ширококрылые летучие мыши, например ночницы, так сказать, степенны. Полет у них спокойный, небыст-

рый, 15—16 километров в час. Узкокрылые вечерницы в резвом темпе одолевают за час 50 километров. Набрав достаточную скорость, летучие мыши могут и парить немного, а крыланы по ветру длительно скользят на распростертых крыльях.

Стартуя с ветки или иного какого предмета, одни летучие мыши просто падают вниз, а потом, расправив крылья, летят. Другие еще в положении вниз головой машут крыльями, с силой вздымают свое тело вверх, быстро разжимают лапки и летят. Не всегда летучие мыши спят, повиснув вниз головой. Многие, например, в пещерах лежат на горизонтальных выступах и карнизах. С них взлетают, как с земли, если случится на нее сесть: прыгнув в воздух.

По земле многие летучие мыши (но не подковоносы!) вопреки ожиданию бегают неплохо, а некоторые и весьма проворно. Опираются при этом на мозоли кистевого сгиба крыльев и подошвы задних ног. Лазают по вертикальным плоскостям тоже ловко, цепляясь когтями больших пальцев, которые торчат спереди из перепонки крыла, и когтями задних лап. И вода, если упадут в нее, зверькам не страшна: хлопая крыльями и прыгая вроде бы по воде, довольно быстро выбираются из нее на берег.

Летучие мыши, это всем известно, днем прячутся по разным щелям, дуплам, чердакам, колокольням, пещерам, погребам, а ночами охотятся за насекомыми. Правда, вечерницы и некоторые другие вылетают на охоту за майскими и прочими жуками рано, еще засветло, сразу после захода солнца. Ночью у них перерыв, отдых в дуплах, а перед рассветом они опять охотятся над вершинами деревьев.

На некоторые удобные ночевки, обычно в пещерах и гротах, собираются прямо-таки умопомрачительные множества летучих мышей разных пород. В Карлсбадских пещерах (Нью-Мексико, США) ночуют девять миллионов этих зверьков! В сумерках они 20 минут вьются над выходом из пещеры семиметровым в поперечнике столбом, издали (за две мили!) похожим на дым пожара.

Обычно, когда самки беременны или кормят детенышей, самцы ночуют отдельно от них, мужскими компаниями, в других укромных местах. Но у некоторых (у южного подковоноса) правило это не соблюдается. Семейственные это «мышки», и, больше того, у них, кажется, самки кормят детенышей сообща!

Многие летучие мыши улетают, как и птицы, зимовать на юг, юго-запад, где нет больших морозов. Одни сравнительно недалеко, километров за 100—150, другие за 300 — прудовые вечерницы. Большие ночницы с Украины «эмигрируют» осенью в Венгрию. А североамериканские летучие мыши из рода лазиурус зиму проводят на лазурных берегах Флориды и Бермудских островов, до которых тысяча верст пути над бурным в осеннюю пору океаном! Впрочем, не все лазиурусы переселяются так далеко: некоторые, особенно самцы, предпочитают зимовать в летаргической спячке у себя на родине или немного южнее.

Рыжие вечерницы в южных районах нашей страны зимуют в дуплах толстых деревьев, на чердаках, в нишах и за оконными рамами заброшенных и полузаброшенных домов. Из Прибалтики они улетают в Чехословакию, из-под Воронежа — в Крым, на Кавказ и даже в Болгарию. А один крошечный нетопырь-карлик, длиной несколько сантиметров и весом три — пять граммов, окольцованный под Днепропетровском, через 70 дней, осенью, объявился уже в Южной Болгарии, пролетев 1150 километров!

Летучие мыши, зимующие в пещерах, висят, завернувшись в крылья, под потолком и на карнизах, вниз головами, иные лежат на горизонтальных выступах стен. Одни плотно прижимаются друг к другу — в тесноте теплее, другие, малые подковоносы например, спят поодиночке. Но все холодные, если пощупать их. Температура тела падает порой до нуля. А в лабораториях понижали ее даже до минус четырех-пяти градусов, и летучая мышь после этого не умирала. Кто еще из теплокровных на такое способен? Дышат они в зимнем сне лишь 5—6 раз в минуту, а сердце бьется 15—16 раз в минуту. В движении, летом, ритм дыхания и сердцебиения совсем другой — соответственно 96 и 420 раз в минуту.

Спят не все: призрачные тени мечутся тут и там по пещере. Иных влечет что-то на волю, из пещеры в пещеру. Что ищут они среди зимы? Толком мы этого не знаем. Правда, возможно, просыпаются те из них, кто осенью по той или иной причине не успел справить свадьбы.

Оплодотворение произойдет только через несколько месяцев, весной (всю зиму сперматозоиды хранятся в половых путях самки). Беременность, которая, впрочем длится по-разному в зависимости от температуры воздуха, у ночниц приблизительно 54 дня, у ушанов — 56—100, у вечерниц — 73 дня. Детеныши, слепые и голые, рождаются в июне — начале июля. Месяца через два они на вид почти взрослые, а до тех пор матери сначала носят их на себе. Днем, когда спят, прикрывают, чтобы согреть, крылом.

Новорожденный летучий мышонок не выпускает изо рта материнский сосок, позднее молочными зубами держится за ее мех. Это у гладконо-

сых летучих мышей. У новорожденных подковоносов молочных зубов нет, и держаться им вроде бы за мамку нечем. Но тут предусмотрено другое: внизу на брюхе, в паху, есть особая пара так называемых анальных, или ложных, сосков. Они дают не молоко, а опору детенышу, который держится за них, присосавшись ртом, и висит, следовательно, на матери не вниз головой, как она, а вверх.

Позднее крылатые мамаши, улетая ночью на охоту, оставляют своих чад в убежищах, и те сами уже умеют, зацепившись задними лапками, висеть вниз головой. Когда на рассвете родители возвращаются, малыши попискивают, каждый как-то, по-видимому, по-своему, потому что матери узнают голоса своих детей и летят к ним, если у них не в обычае, как замечали у некоторых видов, кормить сообща и своих и чужих младенцев.

А позднее подросший мышонок отправляется на своих уже крыльях в ночные рейды. Обычно ультразвуками мать сигналит ему, и он летит следом. Если потеряет акустический ориентир, то кричит, и она возвращается. И он за ней, стараясь больше эхопеленг не потерять.

Летучие мыши умеренных широт размножаются лишь раз в году, но тропические — раза два-три. Бывает, мать одного детеныша еще кормит молоком, а второго или двух других уже носит в чреве

Врагов у летучих мышей немного: хватают их по ночам совы, а в сумерках — хищные птицы. В тропиках некоторые змеи наловчились охотиться на спящих в дуплах летучих мышей, иные крупные рукокрылые поедают более мелких, а один тропический сокол (в Африке и Индонезии) приспособился кормиться почти исключительно летучими мышами!

В наших широтах летучие мыши страдают больше не от хищников, а от паразитов: блох, клещей, бескрылых мух из семейства никтербиид, клопов, но не наших постельных, хотя некоторые исследователи утверждают, что есть у летучих мышей и они, унаследованные от былого совместного с человеком обитания в пещерах Губит многих и быстро наступающая на пустоши и леса цивилизация. Мало осталось мест, пригодных для зимовок и дневного сна летучих мышей, оттого кое-где число их сильно сократилось.

ИЗБРАННЫЕ РУКОКРЫЛЫЕ

Числом видов рукокрылые уступают только грызунам. О многих из них рассказать невозможно. Ограничимся избранными: интересными или типичными.

Прежде всего — наши летучие мыши. Три семейства — подковоносы, гладконосые и бульдожьи. Последних представляет в нашей фауне (Кавказ и Средняя Азия) один вид — широкоухий складчатогуб. Верхние губы у него собраны гармошкой в мясистые складки, уши козырьком нависают над мордой, хвост длинный, мышиный, торчит из перепонки больше чем наполовину. Складчатогубы попадаются редко, у нас их немного. Но в тропиках и субтропиках — несколько десятков видов. Поселяясь в гротах и искусственных башнях в США, они дарят предприимчивым людям превосходное гуано. (Больше 100 тысяч тонн его вывезли из Карлсбадских пещер в Нью-Мексико.)

У нас складчатогубы прячутся в расщелинах скал, летают поздно, в полной темноте, без резких поворотов, прямолинейно, быстро, как стрижи.

Подковоносы, напротив, медлительны, но курс их тоже прямолинеен. Хвост короткий, наружу из перепонки не торчит, а морда украшена голыми наростами, которые спереди и вокруг ноздрей образуют подкову, над ней — седло (кожаный гребень), за ним — ланцет — торчащий вверх кожистый лепесток. В СССР подковоносы живут только на юге Украины в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии. В тропиках и в странах Старого Света с умеренным климатом их больше 50 видов. Ползать по горизонтальным плоскостям, как другие летучие мыши, не умеют и потому спят в убежищах с широкими входами, в которые можно влетать, а не с узкими щелями и дырами, в которые надо вползать.

Гладконосые — без подков и прочих наростов на морде — самые обычные наши летучие мыши. Их много, и они разные: ночницы, вечерницы, ушаны, нетопыри, кожаны, трубконосы, длиннокрылы...

Если летучая мышь охотится в сумерках, сразу после захода солнца (в лесах лиственных и смешанных), и летает быстро, высоко, на уровне верхних крон деревьев, сама довольно большая, узкокрылая, рыжеватая, ловит хрущей, майских жуков и других крупных насекомых, то скорее всего это рыжая вечерница.

Нетопырь-карлик тоже не ждет полного мрака, отправляется на охоту рано, после захода солнца, но летает у опушек, в парках, на улицах деревень невысоко, у низа крон, вертко, с частыми поворотами. Сам невелик — размах крыльев около 20 сантиметров. День проводит на чердаках, за наличниками окон и в дуплах. Родич его — крохотный африканский банановый нетопырь, как правило, спит в молодых, свернутых кульком листьях бананов.

Ночницы (в СССР — 11 видов, а во всем мире — 70) летают поздно, в полной темноте, небыстро, спокойно, прямолинейно, без резких бросков и поворотов. Лишь некоторые — быстро и беспорядочно. Крылья широкие. Прудовая и водяная ночницы охотятся низко над прудами, реками и озерами. Ночница Неттерера тоже любит промышлять у воды или среди листвы, летает небыстро, плавно, невысоко. Хвост опускает вниз, не подгибает к телу, как другие ночницы.

Ушаны (с огромными не по росту ушами: их длина около четырех, а тела и головы — пять — семь сантиметров) отправляются на промыслы в полной темноте. Полет у них медленный, порхающий. Трепеща крыльями, повисают порой у листвы или стен на одном месте в воздухе, высматривают насекомых, чтобы схватить с листа или со стены и съесть. Спят ушаны в дуплах, на чердаках, в развалинах, положив уши на спину и спрятав их под крылья. На юг осенью не улетают, зимуют там, где жили летом, но в местах более теплых — в погребах, пещерах, на утепленных чердаках, в дуплах толстых деревьев и в колодезных срубах. Забираются туда поздно, в октябре — ноябре, а весной вылетают рано, в марте — апреле. (Более подробно написано о наших летучих мышах в прекрасной книге профессора А. П. Кузякина «Летучие мыши».)

А теперь отправимся в страны экзотические. Тут разнообразие рукокрылых превеликое.

Сначала несколько общих замечаний о размерах и нарядах.

Минимум 3,5 сантиметра длина головы и тела бананового нетопыря-карлика, одного из самых маленьких млекопитающих. Весит он четыре грамма. Меньше лишь некоторые землеройки, и самая крохотная из них — средиземноморская сункус этрускус — два грамма! Максимум: в размахе крыльев — 45—50 сантиметров, а вес — 100 граммов: это южноамериканский большой ложный

Ушан в полете Конструкция крыльев летучих мышей видна здесь, как на рентгене

Портрет того же «красавца»

вампир и австралийская мегадерма, именуемая тоже ложным вампиром. Немного уступают им в весе и росте малайские голые бульдоговые летучие мыши. Они действительно голые — уцелели лишь немногие волоски. У большинства других летучих мышей голые только уши, кожные наросты на морде, если они есть, и почти вся перепонка крыльев. По бокам тела у бульдоговых летучих мышей образуемые складкой кожи карманы, в которые, отдыхая, прячут они крылья, запихивая их туда задними ногами! На шее еще пара складчатых карманов для пахучих желез.

«Их запах так же поразителен, как и вид: напоминает интенсивный смрад давно не мытого человека. Если крепко держать животное в руке и открыть пальцем его странные шейные карманы с железами, то вонь становится невыносимой» (Десмонд Моррис).

Красочными нарядами летучие мыши обычно не блещут: бурые, серые, кто посветлее, кто почти черный. Но есть и красно-бурые, и оранжево-красные, и кремовые, и даже белые! Совсем неподходящий, казалось бы, для полуночных прогулок наряд.

У некоторых южноамериканских ложных вампиров белые продольные полосы на голове и спине. У африканца энтезикуса крылья белые, но тело бурое. А у одной африканской ночницы крылья черные, как ночь, а шерсть на теле желтая или оранжевая — отличный контраст!

Бывает, что самки бурые, а самцы оранжево-красные, или у тех и других разные цветовые, как говорят, фазы — светлые и темные.

Насекомые — исконная и обычная пища большинства летучих мышей. И не только комары, как часто думают, для многих даже главным образом не комары, а жуки, пойманные на лету, на земле и в листве (навозники, жужелицы, хрущи), сверчки, мотыльки, даже гусеницы, пауки и... скорпионы! Хватают добычу широким ртом, а если схвачена она неудобно, подгибают под живот перепонку, натянутую между задними ногами. Сунут туда голову, как в чашу, положат на секунду жука в образовавшийся сзади карман и, перехватив его поудобнее, съедят. Проделывают все это и на лету и сидя.

У большинства летучих мышей хвост на всю или почти на всю длину обтянут летательной перепонкой, у иных, как у наших складчатогубов, торчит из нее на полдлины или около того. У некоторых вообще нет хвоста.

Но вот у ринопомы хвост! Тонкий, длинный, равен длине головы и туловища и торчит целиком из перепонки. Заползая в щели и пятясь задом, ринопомы хвостом прощупывают дорогу. Глаза у ринопомы большие, ноздри с клапанами, морда — ну прямо поросячья. Сзади тело голое, а под голой кожей на крестце, в основании хвоста и на брюхе спрятаны богатейшие запасы жира — они равны почти половине веса самого зверька.

Ринопом четыре вида (на Суматре, в Индии, два других — от Египта и Судана на восток, один — до Ирана, другой — до Таиланда). Все предпочитают сухие, открытые, безлесные пространства. Египетские ринопомы пользуются как квартирами пирамидами фараонов и тысячелетиями устилают их переходы и погребальные камеры своим гуано.

В Передней и Южной Азии, Африке и на Мадагаскаре обитает десять видов щелемордых никтерид. У всех морды прорезаны двумя странными, довольно глубокими продольными каналами, в передних углубленных концах которых лежат ноздри. По-видимому, это рупоры для ультразвуков. Никтериды, подобно подковоносам, кричат не ртом, а «носом». Но издают звуки модуляционного типа, как у гладконосых летучих мышей. Именно эти щелемордые едят в Африке скорпионов.

Хвосты у них прямо небывалые! На концах разветвились, «Т»-образно раздвоились, и получилась из хвоста вилка, как ни у кого больше в мире. Обе половинки ее поддерживают задний край летательной перепонки.

К щелемордым близки мегадерматиды, или ложные вампиры, Старого Света. Их пять видов (в Африке, Южной Азии, Австралии). Они бесхвосты, как и многие южноамериканские ложные вампиры, и, как и те, совершили естественный и несложный переход от чистого насекомоядства к хищничеству. Достаточный рост и сила челюстей позволили им хватать и есть мелких птиц, ящериц, лягушек и маленьких собратьев своих — летучих мышей. Четыре больших ложных вампира за девять дней пути из Тринидада в Нью-Йорк начисто обглодали двух голубей, которыми их кормили в пути. Родич их и земляк, филлостомус, за одну ночь съел трех мышей. Другой филлостомус, когда его посадили в клетку с бульдоговой летучей мышью, вдруг раскинул свои почти полуметровые крылья, упал на нее сверху, «аки демон», прокусил голову и спину, а потом всю сожрал.

Ложные вампиры едят и фрукты (даже цветы рвут и глотают!), но многие предпочитают оставлять вегетарианские продукты, так сказать, на закуску, если есть возможность поймать некрупного теплокровного или холоднокровного.

Мелкие родичи южноамериканских ложных вампиров, трепеща крыльями у цветка, как колибри

или нектарницы из мира пернатых, длинным тонким языком вылизывают нектар и пыльцу. В неволе их кормили сахарной или медовой водой, зверьки лакали ее на лету прямо из плоской чашки. Нередко эти летучие мыши садятся прямо на цветок, обхватив его крыльями и лапками, и сосут, вернее, лакают сладкий сок. Едят они, как и колибри, также и насекомых.

Бесспорное приспособление крылатых зверьков и цветов друг к другу доказывает, что их взаимные услуги практикуются в природе давно. У рукокрылых «нектарниц» морды узкие, языки длинные с щетинками на конце, среди которых застревают капли сока. А цветы у растений, которые опыляют летучие мыши, прочные, большие, колокольчатые, с широким входом, распускаются по ночам, и к этому же времени в них больше всего нектара. Запах у них обычно какой-то кислый, затхлый, но летучих мышей он привлекает. Растут эти цветы на концах самых длинных веток либо прямо на стволах, внизу под кроной, чтобы рукокрылым опылителям удобнее было до них добраться.

Фрукты, орехи и семена едят многие листоносые. Названы они так за причудливой формы нашлепки на морде, иногда вытянутые вверх в виде длинных стилетов, например у лонхорины: стилет — два, а все тело лишь четыре сантиметра длиной! Фруктовые вампиры — это стенодермы, кароллии, артибеусы. Последние — мировые рекордсмены: через их пищеварительный тракт растительная пища проходит за 15—20 минут. Прямо поточный метод! Конечно, за столь короткий срок семена фруктов перевариться не успевают, и поэтому роль летучих мышей как сеятелей велика.

Когда Колумб и последовавшие за ним привезли в Европу рассказы о крылатых демонах ночи, сосущих кровь человека, то Карл Линней скорее под их впечатлением, чем следуя обычной своей распорядительности, толком не разобравшись, назвал вампиром-призраком самую большую и довольно страшную на вид (со стилетом на носу!) американскую летучую мышь, с той поры именуемую большим вампиром. К этому незаслуженному имени необходимое ради точности и справедливости слово «ложный» не всегда даже и прибавляют. Так совершена была досадная ошибка, ибо истинные вампиры, сосущие кровь (а такие есть!), совсем не листоносы и не так огромны, как фруктоед и охотник за всякой живой мелочью большой ложный вампир. В размахе крыльев они втрое меньше, а весом так и вчетверо. Впрочем, в семействе кровососов три разных рода и три вида. Все американские (от Мексики до Уругвая плюс остров Тринидад), у всех морды бульдожьи, курносые, у всех нет хвоста, резцы с острыми краями, клыки с отточенными (толщиной в волос!) вершинами, чтобы молниеносно наносить деликатные порезы глубиной один—пять миллиметров, желудок длинный, кишковидный, много раз изогнутый, тонкостенный, растяжимый — весьма пригодный для обильного наполнения жидкостью. Такого же типа желудки и у других кровососов — пиявок и комаров.

И так же как у пиявок, в слюне вампиров, разумеется истинных, — особый фермент, который не дает крови свертываться, и какое-то еще, по-видимому, обезболивающее, анестезирующее вещество!

Анестезия нужна, чтобы люди, лошади, коровы, козы, свиньи, собаки, куры и другие домашние (как правило) или дикие (что не исключено) теплокровные (обязательно) животные не проснулись, не почувствовали бы раньше времени диверсии и не прогнали бы кровососа.

А вампир жаден и прожорлив: не улетит, пока не насосется крови так, что едва может двигаться. Один вампир в неволе за 20 минут вылакал полную миску крови! С трудом поднимается в воздух, и летит он куда-нибудь в дыру в скале, в пещеру, реже в дупло или под крышу и, забившись туда, висит, дремлет несколько дней в одиночестве или в сообществе с тысячей таких, как он, или других летучих мышей, пока свою жуткую пищу не переварит и голод снова не выгонит его на охоту. Тогда вампир летит низко, в метре над землей, прямым курсом, эхолот зверька работает слабо, в тысячу раз слабее, чем у насекомоядных сородичей.

Атакуя кого-либо, вампир садится на спящего или дремлющего зверя тихо, осторожно, тот не чувствует прикосновения. Специально для этой цели служат мягкие подушечки на подошвах задних лап и кистевых суставах, которыми вампиры опираются при посадке. Не чувствует и молниеносного укуса — анестезия, видно, помогает. Но обычно вампир опускается около жертвы и проворно ползет к ней. Тогда он похож на огромного бурого паука. Рассказывают, будто трепетом крыльев вампир убаюкивает спящих и, чтобы не разбудить их, на лету, паря на месте, лижет кровь. Но зоологи этого не видели, и поэтому полной уверенности, действительно ли такое бывает, у нас нет.

Я сказал, что вампир лижет кровь, говорил, что и сосет, лакает. Как же все это совершается на самом деле?

«Процесс происходит скорее всего таким образом, что животное с помощью своих зубов делает в коже глубокую ранку. Обильно вытекающую

Вампир'

кровь затем вылизывает языком или, возможно, также высасывает» (Мартин Эйзентраут).

«Язык кладет на рану так, что с глубокой бороздкой в центре нижней губы он образует трубку, по которой течет кровь. Боковые края языка отогнуты вниз, так что нижняя его поверхность получается вогнутой. Язык неторопливо то втягивается, то вытягивается, отчего во рту возникает неполный вакуум, и кровь, заполняя его, течет в рот» (Эрнест Уолкер).

Сами по себе раны, причиненные вампирами, не страшны. Опасны порой кровотечения: они длятся по восемь часов после укусов и нередко обильны. Одного ребенка, случилось это в Панаме, вампир укусил за большой палец ноги. Он не проснулся, только сильно беспокоился во сне. Это разбудило женщину, которая спала рядом, она посмотрела и ахнула: ноги ребенка буквально плавали в крови, а кровать пропиталась кровью насквозь. После нападения вампиров люди от потери крови не умирают, но щенки в индейских деревнях местами погибают. Взрослые собаки редко страдают от вампиров, так как тонкий слух помогает им вовремя услышать ультразвуковой шепот кровососа. Скот же домашний — мулы, лошади, коровы, из ночи в ночь питая вампиров своей кровью, худеют, беспокоятся, мечутся по пастбищам, плохо едят и гибнут. Мухи заражают личинками кровоточащие раны, всевозможные бактерии не отстают от них. Где вампиров много, скотоводство под угрозой, а местами и вообще невозможно. Ведь вампиры не только изнуряют животных, но и заражают их бешенством и тяжелой болезнью муррина.

Наиболее обычны большие вампиры, или десмодусы. Они, скажем так, компанейские упыри: селятся в пещерах тысячами или сотнями, висят там плотно друг к другу, самцы и самки вместе. Или ползают быстро и проворно по вертикальным и горизонтальным стенам. Их поселения выдает весьма противный запах аммиака, исходящий от луж переваренной крови. Самки рожают детеныша, а затем в том же году еще одного. Детей не носят ни на груди, ни на спине, а, улетая за свежей кровью, оставляют висеть в подземельях.

Мохноногий вампир внешне похож на большого, но обычно меньше его. Нападает этот вампир на ослов, лошадей, коров, но предпочитает куриную кровь. Кусает кур в ноги. Большой вампир впивается в гребни и, повиснув на курином хвосте вниз головой, в клоаку.

Такие же вкусы у белокрылого вампира (края крыльев белые). В неволе он никак не хотел пить бычью кровь, а куриную пил. Напал и на морскую свинку. На воле атакует кроме кур коз.

Во рту у белокрылого вампира, внутри на щеках, большие вздутые железы. Угрожая, он открывает рот, выдвигает их вперед и злобно шипит, распространяя адское зловоние серы (и грибов). Ну прямо черт!

Некоторые летучие мыши, макродермы например, при случае ловят и едят рыб, но только ноктилио и пизоникс достигли совершенства в этом деле.

Ноктилио два вида: более мелкий рыб не ловит, и о нем говорить не будем. Большой ноктилио живет от Мексики до Северной Аргентины, на Антильских островах и Тринидаде. Самцы у него с оранжево-рыжей спиной, самки серые или бурые. Задние лапы сильные, длинные, а когти на них острые и кривые, как у скопы, только, конечно, не такие большие.

В сумерках, ночью (а иногда и после полудня, к вечеру, в компании с пеликанами) летают эти крупные летучие мыши низко над водой озер и морских прибрежий. Вдруг окунают в воду лапки, выхватывают рыбешку и тут же отправляют ее в рот. Там либо спрячут ее в защечных мешках, чтобы съесть позже, в пещере или дупле, либо едят на лету. Ловят и морских рачков, сухопутных жуков, крылатых муравьев, но рыба — их главная пища. В неволе ноктилио пожирали за ночь по 30—40 небольших рыбешек каждый.

Рыболов-пизоникс — родич ночниц. Днем он прячется в расщелинах скал по берегам Калифорнийского залива, в кучах камней, в пещерах. Даже в панцирях мертвых черепах и среди гнезд буревест-

ников! «На рыбалку» вылетает вечером, еще засветло, и перед заходом солнца обычно возвращается в свои странные места уединения. Лапы у него такие же длинные, с острыми когтями, как у ноктилио, и, наверное, он так же, как тот, эхолотирует рыб под водой.

Второй подотряд рукокрылых — крыланы (летучие собаки, или летучие лисицы) — повадками похож на летучих мышей, особенно тех, что едят фрукты. У большинства крыланов головы прямо собачьи, морды длинные, глаза большие, уши остренькие, вполне соразмерные, не гипертрофированные, как у многих летучих мышей. И нёт на мордах у них этих неописуемой формы наростов — радарных мегафонов.

Только трубконосые крыланы, ноздри которых небольшими рупорами вытянуты в стороны, и роузеттусы, по-видимому, владеют эхолотами.

Латинское название крыланов «мегахироптера» означает по-русски «гигантское рукокрылое», что не совсем соответствуст истине. Самые маленькие из крыланов не больше средних по величине летучих мышей, крупные — яванский калонг — не больше полутора метров в размахе крыльев и весят около килограмма. Цветом крыланы в общем бурые: одни светлее, другие темнее, почти черные. В подсемействе эполетовых крыланов почти все самцы носят на плечах или на шее (или там и тут) пышные пучки волос, желтые либо белые. Эти знаки мужского достоинства, по-видимому, испускают соответствующие ароматы, так как под «эполетами» и «жабо» лежат железы.

Ноктилио удачно охотится за рыбой

Зоогеографическая загадка — распространение крыланов по странам мира. Они не живут в Америке, а только во влажных, обильных фруктовыми деревьями тропических и субтропических областях Африки, Передней Азии, на юге Аравийского полуострова, Ирана, в Индии, Южном Китае, Индокитае, Индонезии, на Филиппинах, на островах Полинезии, Микронезии, на севере и востоке Австралии. Далеко ли от Австралии (а тут крыланов четыре вида!) до Тасмании и Новой Зеландии? Но там крыланов нет. Далеко ли от Западной Африки до Восточной Бразилии? Прямиком приблизительно 2500 километров. Для обладателя сильных крыльев не так уж и много, но в Америке крыланов тоже нет. Больше того, крыланы птеропусы, заселив Полинезию, Индонезию, Австралию, Индию, а на западе — Маскаренские, Сейшельские, Коморские острова, Мадагаскар и остров Пембу (в 35 морских милях от африканского берега), в самой Африке почему-то не живут. Роузеттусы (немногие из крыланов, населяющие пещеры и наделенные эхолотами), всюду от Африки до Индонезии пожирающие тонны фруктов, плантации в Австралии и Полинезии не разоряют — нет здесь роузеттусов, и тоже непонятно почему. Крыланы гарпии обитают только на Филиппинах и Сулавеси. И такая привязанность некоторых видов к небольшим странам и районам у больших рукокрылых не редкость.

Летающая лисица «средний птеропус»

Леса и плантации тропиков с дикими и культурными бананами, апельсинами, разными манго, гуавами, папайями, панданами, финиками, момбинами, авокадо, плодами баобабов и мангров — обильный стол для крыланов в любое время года. Повиснув вниз головой на одной лапе, другой подносят сорванный плод ко рту и едят. Многие (если не все) даже не глотают мякоть плодов, а пожуют ее, высо-

Трубконосые крыланы Они тоже, по-видимому, как и роузеттусы, владеют эхолотами

прохладно, летучие собаки плотно со всех сторон укрывают себя, как одеялом, крыльями. Совсем холодно (ниже десяти градусов) — еще и морду сунут под крылья и дышат там воздухом, согретым собственным телом, и ногу одну туда же упрячут, а на другой висят. Когда тепло, крылья сжимают неплотно, чтобы ветерок обдувал. Если солнце печет жарко, совсем их распустят и крутят ими, изображая вентилятор А если жара немилосердная (под сорок и более градусов), то лижут свою грудь, живот и крылья. Влага, испаряясь, охлаждает зверьков.

Эполетовые крыланы склонны к уединению: для отдыха выбирают невысокие деревья, иногда кусты и спят в одиночестве или небольшими компаниями. Среди них один крылан (эполетовый по роду-племени, но без эполет) ни на кого из всей собакоголовой своей родни не похож, ибо голова у него «дикая карикатура лошадиной морды, изображенной в профиль»! Ноздрястая, губастая, массив-

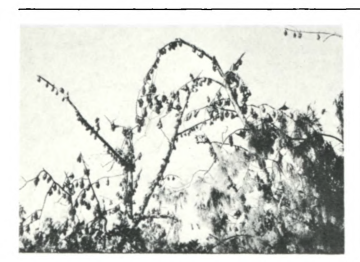

Для крыланов виноград никогда не зелен до бананов и других лакомых фруктов они легко добираются с помощью крыльев, которые очень пригодились бы лисе-философу в известной басне

сут сок и выплевывают вместе с семенами и косточками. Некоторые прямо из плода сосут сок. Едят и цветы, а трубконосые иногда и насекомых. Длинноязычные крыланы, или макроглоссусы, присев на цветки тропических бегоний, баобабов, акаций, агав и сунув в них острые мордочки, подобно известным уже нам летучим мышам, сосут нектар.

Кормятся по ночам и в сумерках, днем спят на больших деревьях, как большинство крыланов, в густых непролазных кустах (австралийские сероголовые и африканские эполетовые крыланы), в пещерах (роузеттусы, некоторые макроглоссусы и птеропусы, иногда и молотоголовы) или даже в свернутом листе (карликовый макроглоссус). Тысячами висят крыланы на гигантских деревьях, сплошь усыпав их кроны. И порой их собирается так много, что сучья, не выдержав чрезмерной тяжести, с треском ломаются, крыланы с криками летят и виснут на новых. Крик и гам такой, что там, где летучие собаки поселяются на деревьях городских парков, даже уличного транспорта из-за шума не слышно.

Деревья выбирают большие, прочные и высокие, чтобы удобнее было к ним подлетать. Если

Странные плоды, которыми усеяно дерево,— крыланы, или летучие собаки рода птеропус. Спят днем, повиснув на суках. Распространение птеропусов по странам мира загадочно: они обитают в Юго-Восточной Азии, Восточной Австралии и на Мадагаскаре, но в Африке их нет. Почему? Летуны отличные: видели их в море за двести миль от берега. Яванский калонг, самый крупный из крыланов (1,5 метра в размахе крыльев), тоже из этого рода

Жарко! Крылан распустил крылья. Машет ими и охлаждает тело

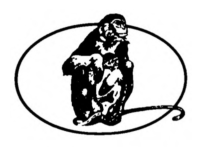
Нет, не лошадь! И не карикатура на нее: молотоголовый крылан

ная — молотоголовом называют обладателя этого «сюрреалистического» сооружения. Родина его — Экваториальная Африка. Захватив губастой мордой плод, молотоголов высасывает из него сок, а потом бросает.

«Ланг и Чэпин в «Летучих мышах Бельгийского Конго» (1917) пишут: «Ни в каком другом звере не подчинено все так полностью голосовым органам». Взрослые самцы обладают парой воздушных мешков, которые открываются по бокам носоглотки и могут быть по желанию надуты, а также огромной, увеличенной гортанью и голосовыми связками. Гортань «почти равна по длине половине позвоночного столба», заполняет большую часть грудной полости и оттесняет сердце и легкие назад и вбок. Крик, из всего этого возникающий, продолжительное кряканье или кваканье, поистине замечателен и, по-видимому, привлекает самок. Объединенные хоры напомнили Лангу и Чэпину «пруд, полный горластых лесных лягушек, увеличенный многократно и транспортированный на вершину дерева» (Эрнест Уолкер)

Молотоголовые самцы, в груди которых сердце уступило место духовому инструменту, ночи напролет через короткие интервалы квакают на деревьях. Плененные громкими признаниями, которые эхо разносит по лесам, подруги летят к ним, раскинув в ночи свои почти метровые крылья. Поскольку у молотоголовов нет определенного сезона размножения, хоралы квакающих серенад ласкают уши крылатых дам в любое время.

ПРИМАТЫ

В отряде приматов 194 вида: человек, 70 видов обезьян в тропических лесах Нового Света, 70 — в Старом Свете и здесь же 53 вида полуобезьян.

Произошли приматы от насекомоядных, сохранив некоторые их черты. С каждым новым исследованием наука убеждается, что резких границ между приматами и насекомоядными нет.

Тупайи, или древесные землеройки, — переходное, связующее звено между насекомоядными и приматами. Прежде тупай относили к насекомоядным (некоторые исследователи и ныне поступают так).

Нелегко дать общую характеристику всему отряду приматов, так как он объединяет животных очень широкого морфологического и экологического диапазона — от почти типичных насекомоядных тупай до человека. У приматов хорошо развиты, лучше, чем у всех зверей, большие полушария мозга и соответственно психические способности. Конечности, задние и передние, хватающего типа, с длинными, обособленными (редко частично сросшимися) пальцами, вооруженными, за немногими исключениями, не когтями, а плоскими ногтями. У всех, кроме тупай, большие пальцы (если они есть) на руках и ногах более или менее противопоставляются остальным пальцам, облегчая захват веток и других предметов.

Сосков у тупай одна — три пары, у руконожек — одна пара в паху, у всех других — два соска (у лемуров иногда и четыре) на груди или под мышками. У большинства обезьян определенного сезона размножения нет, а 27—52-дневный менструальный цикл, подобный человеческому.

Все обезьяны ведут дневной образ жизни, кроме южноамериканской дурукули; полуобезьяны — ночной, кроме тупай, лемуров катта, индри и некоторых других. Поэтому обезьяны различают краски, а полуобезьяны — нет (опять-таки кроме тупай и катта). Все американские обезьяны лесные и древесные. Большинство обитающих в Старом Свете — тоже. Но некоторые макаки и павианы перешли жить в травянистые саванны и в скалы (однако ночуют многие из них на деревьях). На земле в основном живут также гориллы, некоторые тупайи и лемур катта.

Самая маленькая обезьянка — мышиный лемур микроцебус. Ее длина без хвоста 12—13 сантиметров, вес — 45—85 граммов. Чуть крупнее карликовая когтистая южноамериканская обезьянка чичико (цебуэлла).

Самая большая — горилла. Ее вес 200—350 килограммов, рост два метра и больше, размах рук почти три метра, обхват груди до 175 сантиметров.

ЖИВОЙ ПРЕДОК

«Мы думаем, однако, что можно согласиться с тем, что загадочные тупайи действительно представляют живую модель того раннего предка, который когда-то сделал первые шаги от насекомоядных к приматам и, значит, принадлежит к ряду наших предков» (доктор Курт Коллар).

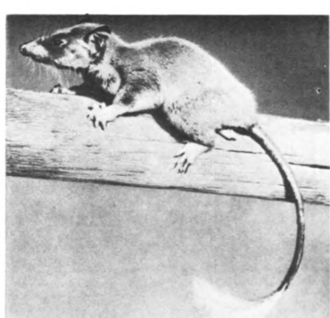
«У тупай немного признаков, общих с приматами, немного общих с сумчатыми, с грызунами и зайцеобразными. Наверняка тупайи не представляют собой никакого связующего звена между насекомоядными и приматами» (доктор Роберт Мартин).

Обычная, или крысиная тупайя обитает в лесах Юго-Восточной Индии, Южного Китая и, возможно, на некоторых островах Индонезии. Ученые впервые познакомились с тупайями в конце XVIII века, когда один из спутников капитана Кука во время его третьего, и последнего, путешествия подстрелил в Индокитае тупайю. Вильям Эллис описал ее как новый вид белок («тупайя» по-малайски — «белка»). Позднее тупаи зачислили в отряд насекомоядных. Лишь в 1938 году у них обнаружили морфологические черты полуобезьян

Таковы эти путаники тупайи. Чем-то они и в самом деле напоминают белок: так же непоседливы, проворны, оживляют своей на первый взгляд бестолковой беготней леса и кустарники. Так же резко дергают хвостами, когда возбуждены, и едят, сидя на задних лапах, а в передних держат пойманное насекомое или какой-нибудь фрукт. На этом сходство с белками, пожалуй, кончается.

Родина тупай — Индия, Индокитай, Южный Китай, Индонезия и Филиппины. Их здесь 18 видов: 17 пышнохвостых и один перохвостый.

Перохвостая тупайя — очень редкостный зверек. В зоологических музеях мира хранится всего лишь несколько экземпляров. В зоопарках перохвостые тупайи, по-видимому, никогда не жили. Два подвида обитают: один — в лесах Малайи, второй — на Калимантане

О последнем почти ничего не известно. Серобурый зверек с небольшую крысу, хвост длиннее тела, голый, но на самом конце неожиданно вдруг опушен: длинные белые волосы растут почти в одной плоскости, но в разные стороны. Получается некое подобие пера. Спят перохвостые тупайи в дупле, выстланном листьями, прикрыв мордочку кончиком хвоста. Малейшее прикосновение или даже дуновение, которое чуть пошевелит волосы хвостовой опушки, сейчас же будит зверька. И тут в зависимости от причин тревоги он или быстро удирает, или так же проворно хватает насекомое, если оно своей неосторожной возней разбудило тупайю.

Перохвостые тупайи спят днем, все остальные — ночью. Хотя они и названы пышнохвостыми, есть среди них два вида гладкохвостых, у которых хвосты тонкие, поросшие короткими волосами.

«Встреча с тупайей в лесу всегда служила для

меня источником неиссякаемого удивления. Казалось, что эти маленькие животные страдают каким-то хроническим нервным заболеванием. Часто можно было видеть, как они с головокружительной быстротой взбираются и спускаются по одной и той же ветке по двадцати раз кряду и останавливаются, только совершенно выбившись из сил. Или же они внезапно прекращали свои бешеные гонки и принимались трястись всем телом, словно заводные игрушки» (Пьер Пфеффер).

Живут тупайи на деревьях, на земле или невысоко в кустах. У каждой пары своя территория, которая охраняется весьма ревниво. Несколько раз на день самец обходит дозором свои владения: подновляет старые метки, оставляет новые. На горле у него, как у некоторых насекомоядных, особые пахучие железы. Пышнохвостый хозяин куста прижимает горло тут и там к веткам в пределах захваченного ревира (индивидуального участка). Трется горловой железой о камни и другие предметы. Но и этого ему мало: прохаживаясь или пробегая туда-сюда мелкими, нервными шажками, зверек прыскает на ветки каплями своей мочи (экономно, как и волк, чтобы не сразу весь запас истратить). Смазывает лапки той же жидкостью, и, снарядившись таким образом, отправляется в турне по своим владениям, автоматически их маркируя.

Вот почуял или увидел незнакомого сородича и поднимает такой крик и шум, такой писк и визг, что хоть уши затыкай! Если вокальная атака не устрашит незваного гостя, хозяин вцепится ему в хвост, и так крепко, что, удирая, тот долго волочит его. Иногда тупайи-дуэлянты боксируют, как кенгуру: встают на задние лапы, колотят друг друга передними и кричат. Не получив в боксе никакого преимущества, даже по очкам, хозяин падает вдруг на спину и верещит так пронзительно и противно, что противник бежит без оглядки.

Насколько сильно бьет этот визг по нервам, показали опыты. Зоологи записали на магнитофон боевые крики тупай и через усилитель заставили зверьков их прослушать. Что тут было! Безудержная паника, а у некоторых даже нервные судороги.

Энергии у тупайи хватило бы на многих: ничего не делать не может. Когда соперники изгнаны, а все пограничные пахучие «столбы» раскиданы где надо и желудок полон, зверек бегает, очевидно, для того, чтобы не сидеть. Но и тут ни одного насекомого не упустит: хватает лапами и ртом. А почует какую живность под камнем, перевернет его и быстро слизнет ползающую мелочь. Набьет полный рот, потом жует. Мышь попадется, молодая крыса, лягушка — их молниеносным укусом в затылок убьет и съест. (Одна ручная тупайа вытащила тритона даже из аквариума.)

Придет пора родиться детям (случается это несколько раз в году с промежутками месяца в три) — беготни и забот прибавляется. Самец готовит гнездо в дупле, выстилает листьями. Самка приносит двух-трех голых и слепых детенышей и кормит молоком два-три раза в день. Через месяц молодые тупайи друг за дружкой выбираются из гнезда, а мать их уже через неделю опять беременна.

Однако с распорядком кормления новорожденных тупай не все ясно. Доктор Роберт Мартин наблюдал за ними в неволе и заметил: новорожденные детеныши, напившись в первый раз материнского молока, зарывались глубоко в листву гнезда. Мать приходила к ним только через 48 часов. Такой же ритм питания заметил он и у тупай-сирот, вскормленных людьми. Лишь раз в два дня детеныш пил молоко: немного — 10—20 граммов и недолго — 4—10 минут, а потом зарывался в листву и спал.

Современная наука полагает, что место тупай — в отряде приматов, подотряде полуобезьян и инфраотряде лемурообразных. Еще два инфраотряда входят в подотряд полуобезьян. Все вместе объединяют 53 вида, из которых, как я уже упоминал, 18 тупай.

К лемурообразным относятся тупайи и мадагаскарские лемуры (20 видов плюс один вид руконожек), лориобразные (три южноазиатских вида — тонкий лори, толстый лори, малый толстый лори), восемь африканских видов (ангвантибо, потто и шесть галаго) и три вида долгопятов (филиппинский, целебесский и зондский).

НЕМАДАГАСКАРСКИЕ ЛЕМУРЫ

Тонкий лори почти бесхвостый, круглоухий, большеглазый (среди зверей лишь у долгопятов относительно крупнее глаза!), желто-серый или бурый, медлительный, на длинных паучьих ногах...

«Бесшумной походкой скорее напоминает хамелеона, а не примата. Потревоженный, качается из стороны в сторону, ворча и вереща» (Десмонд Моррис).

«Тише едешь — дальше будешь» — такой девиз, возможно, избрал бы тонкий лори. В ночных набегах на мелких птах и всех других малых обитателей леса он нетороплив. Лишь когда зоркие глаза заметят во мраке жертву, лори тайно и тихо подкрадется к ней почти вплотную с вытянутыми вперед руками и быстро хватает ими добычу

«Походка» — только в шутку можно так сказать о лори! Медленно, осторожно передвигает он лапу за лапой — пока не ухватится за сук одной, вторую не отпустит. Он не прыгает, как лемуры. Никогда! И никогда, кажется, не гуляет по земле, даже низко не спускается. А если ухватится за что, так оторвать этого цепколапого крошку (в нем и весу-то меньше фунта!) даже человеку нелегко. Легче разорвать, если тянуть без жалости. Тут нужны две руки, чтобы разжимать упорные лапки зверька. Но пока одну разожмешь, вторая снова вцепилась.

И эти глаза! Совиные, круглые, их взгляд вызывает невольную дрожь. На базарах Индии их продают и покупают как средство от глазных и любовных недугов. Проклятое суеверие! Скольких животных, которые ни в пищу людям, ни на мех не годны, губит оно.

Ночью видит лори, надо полагать, не хуже совы. Ведь ночь для него полна приключений. Днем он спит в ветвях, изогнув спину дугой и спрятав голову меж бедер, и тогда совсем неприметен: комок мха.

Проснувшись на закате, первым делом чистится, долго тщательно причесывая шерсть нижними резцами и особым гребнем-когтем на задней ноге. И вот пополз, отправился на охоту за насекомыми, ящерицами, лягушками, мелкими сонными птахами, их птенцами и яйцами. Ест, наверное, и листья, и цветы, и фрукты. Правда, такого в природе никто за тонкими лори не наблюдал, но в неволе они не отказываются от растительной пищи. Вот толстые лори — вегетарианцы (оттого, возможно, и «толстенькие»?).

К добыче, которую высмотрели глаза-плошки, лори подбирается медленно, как хамелеон, словно струясь по веткам. Но не стреляет, как тот, языком, а хватает ее обеими руками и убивает быстрыми укусами в голову. Осторожен. Никогда не схватит такого, в чем не уверен.

Всякая новизна, необычность, шум и яркий свет, даже солнечный, пугают зверька, нервируют до паники. В новой клетке, пока она не надушена собственными «ароматами», прячется в углу, в тени, а ночью выходит на разведку со всеми предосторожностями, готовый тотчас ретироваться. Обследуя, метит клетку так же, как и тупайи, галаго и капуцины, смоченными мочой лапками. Только тогда обретает уверенность и сноровку.

Все время, исключая период размножения, который бывает дважды в год, самцы и самки живут в одиночестве. А встретившись, быстро расстаются. Один-два детеныша рождаются в ноябре—декабре и еще раз в апреле—мае. Мать долго, больше года, носит вцепившегося в шерсть на брюхе детеныша. Если его отнять, она быстро о нем забывает и обратно не принимает. Правда, одна самка усыновила чужого детеныша, когда к ней его подсадили. Но родной, который был постарше, все теснил и теснил приемыша, пока вскоре не столкнул со своей мамки.

Иное дело — толстые лори. Живут в верном

Толстый лори массивнее и крупнее тонкого, но так же медлителен и так же разбойничает ночами. У тонкого самцы и знать не хотят детенышей, а у толстого заботливы и часто носят их на себе, путешествуя по ночному лесу в паре с подругой

супружестве, парами, а когда малыши подрастут, отцы носят их на своих животах.

Толстый лори пушистее, на десять сантиметров крупнее, массивнее, вдвое — вчетверо увесистее и медлительнее тонкого.

«Когда лори ползет, его позвоночник слегка извивается. Это движение и еще потерянное, чудаковатое выражение широко открытых глаз и цветовой маски на морде породили его имя, которое происходит от голландского loeris, что значит «клоун» (Десмонд Моррис).

По хребту у толстого лори, от корня хвоста до ушей, тянется темная полоса, и когда он, плавно извиваясь, лениво перебирая короткими лапами, карабкается по веткам, то кажется, особенно в темноте, будто удав ползет! Подобие поразительное (посмотрите хотя бы в фильме «Тропою джунглей»)! Беззащитному животному это «опасное сходство» все равно что охранная грамота.

Хватка у толстого лори еще мощнее, чем у тонкого: его лапы смыкаются вокруг ветки почти так же «автоматически», как и у птиц. В этом помогают особые мышцы и сухожилия, а чудесная сеть кровеносных сосудов обеспечивает их обильным питанием и кислородом. Оттого лори способны часами висеть вниз головой, уцепившись лишь одной ногой за сук.

Толстые лори маркируют границы своего ревира или клетку, в которой живут, иначе, чем тонкие: рук и ног не марают, а просто, проползая, прыскают мочой, где считают нужным. Они более общительны, мирно уживаются компаниями, чего про тонких сказать нельзя. В обычае у них взаимные услуги: причесывают они друг друга, как обезьяны.

«У этого животного очень длинные шейные позвонки, на седьмом позвонке торчит шиповидный остистый отросток, выступающий на спине как спрятанный в шерсти рог. Лори, угрожая, прижимает голову к животу и выставляет противнику свою роговую шпору» (Жан-Жак Петтер).

Другие авторы о таком вооружении толстого лори умалчивают, утверждая, что им обладает только потто.

Тонкий лори обитает в Южной Индии и на Шри-Ланке, толстый — в Восточной Индии, Индокитае, Бирме, Южном Китае, Индонезии (но не восточнее Калимантана), на Филиппинах (по другим данным, на Филиппинах лори нет). Малый толстый лори, который похож на большого, но ростом с тонкого, встречается только в Индокитае.

Ареалы африканских лориобразных: ангвантибо — Камерун и Южная Нигерия; потто — тропические леса Западной Африки от Республики Кот-д'Ивуар (Берег Слоновой Кости) до Конго и дальше на восток до Уганды; разные виды галаго — в лесах, саваннах и кустарниках почти всей Африки к югу от Сахары, к северу от Оранжевой и на некоторых ближайших островах, например на Занзибаре и Биоко (Фернандо-По).

Повадками и внешне ангвантибо похож на толстого лори, но поменьше его, с небольшую кошку. Почти бесхвостый, круглоухий, пушистый, буроватый, с золотистым оттенком. Зверек очень редкий: около дюжины его шкурок хранится в Британском музее, и до Даррелла лишь однажды он жил у натуралистов в неволе. Джеральд Даррелл после второй мировой войны поймал в лесах Камеруна нескольких ангвантибо и привез их в Англию.

Поведением это лори. Правда, с некоторыми чертами индивидуальности. Большую часть жизни ангвантибо проводит вниз головой, повиснув на ветке на одной или двух задних лапах. Даже ест в этой позиции и спит иногда. Во время сна лапы его

Повадками и внешне ангвантибо похож на толстого лори. До Дж Даррелла лишь однажды он жил у натуралиста в неволе. Джеральд Даррелл после второй мировой войны поймал в лесах Камеруна и привез в Англию нескольких ангвантибо

Потто тоже медлителен в движениях, как собрат его ангвантибо и азиатские родичи лори

коченеют, их температура значительно понижается, а чувствительность падает. Окоченевшие лапки кололи иголками, зверек не чувствовал уколов, не пробуждался.

Ходит, передвигается, ползает (как лучше сказать?) ангвантибо нередко спиной вниз, подобно ленивцу. И, проделывая все это, демонстрирует чисто акробатические трюки: шествуя по ветке спиной вниз, вдруг остановится, извернется, протиснет передние ноги и голову между задними и, опять перебирая руками, движется по тому же суку назад. Затем новый акробатический разворот — и вот уже зверек ползет обратно.

Потто похож на ангвантибо, но крупнее, хвост пять — десять сантиметров, мордочка покороче, а главное — вооружен колючками.

Это его экстраординарное вооружение (пожалуй, единственный в мире образец!): остистые, направленные вверх отростки последних шейных и двух первых грудных позвонков длинны и остры настолько, что пронзают насквозь кожу и торчат поверх нее острыми шипами (покрытыми сверху роговыми чехлами). Обороняясь, зверек пригибает голову к груди и пытается уколоть врага своими шейными иглами в глаза и нос. Но, увы, эффект от такой обороны незначителен: главный истребитель потто — виверра нандиния — умеет ловко обойти его, медлительного, с фланга или тыла.

Полагают, что первоначальное назначение шейных шипов потто — фиксировать его во время сна. А спит потто обычно, уцепившись всеми четырьмя лапами за сук и спрятав голову между ними. Тогда шипы на шее впиваются в кору и образуют крепкий упор о дерево.

Ангвантибо поселяются на верхних ветвях исполинских деревьев, которыми изобилуют тропики. Потто — на нижних. Лишь негромкое, почти кошачье мурлыканье и шипенье слышал Даррелл, наблюдая за ангвантибо. Но потто вопят громогласно. Дважды в году, как и лори, потто размножаются. Детеныша мать носит на брюхе, но как долго — неизвестно.

От других африканских лемуров галаго отличить легко: они не переползают, а прыгают по веткам несоразмерно большими трех-пятиметровыми скачками. По земле скачут, как кенгуру, на задних

Самые маленькие галаго уместятся на ладони, самые большие — с кошку

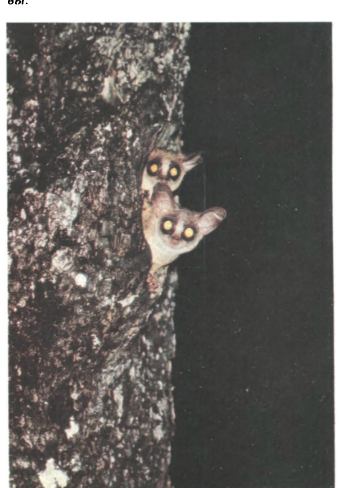
ногах. У галаго длинный хвост и большие уши. Засыпая (в гуще кустов, дуплах, гнездах птиц и белок), галаго сгибают свои уши, прижимая их концы к голове. Тончайшие уши в жару подсыхают, и галаго постоянно увлажняют их мочой. Шея у галаго подвижна, как у ленивца или совы; он способен повернуть голову на 180 градусов.

Галаго селятся не только в густых и сырых тропических лесах, как ангвантибо, потто, лори и многие другие лемуры. Напротив, предпочитают сухие перелески, саванны, кустарники в степи. Второе их имя — бушбэби — «кустарниковый бэби». «Бэби» — потому, что ночные вопли галаго созвучны с плачем капризного и крикливого младенца.

Нелегко увидеть галаго, призраками скачущих в ночи. Только глаза их желтыми опалами горят во мраке, и громкие звонкие крики будоражат лес. Кричат обычно в испуге. Все необычное их пугает: заметят змею или кошку на весьма безопасном расстоянии, сейчас же вся компания бушбэби вопит без удержу. Соседи тут же вторят им.

Самые крошечные галаго уместятся на ладони, самые большие — с кролика. Гигантский, или комба (почти черный, многие другие серебристо-серые), агрессивен, больно кусается и не скоро привыкает к людям. Толстохвостый тоже агрессивен и предпочитает жить в одиночестве.

Сенегальские галаго, напротив, любят сообщество, самцы, самки, детеныши часто спят вместе. По вечерам, проснувшись, уважительно чистят друг друга нижними резцами и языком. Эти и к людям привыкают легко, и очень привязчивы.

Сенегальские галаго во мраке ночи'

Саранча, другие насекомые, улитки, древесные лягушки, ящерицы, птицы, мыши — словом, все мелкое и живое, а также цветы, плоды, листья — пища галаго. Правда, галаго Аллена, самый превосходный в своей родне прыгун, кормится, по-видимому, в основном продуктами растительного

Сенегальский галаго, сфотографированный во весь рост

происхождения, ест даже смолу акаций, но и насекомыми не брезгует.

Размножаются дважды в году. Детенышей один-два, редко три. Матери галаго оставляют детей в гнездах, когда сами уходят в ночь: прыгать с лишним весом на животе совсем не просто. Если случается переносить детеныша, то берут его обычно в зубы за загривок или за спину, реже малыш виснет на брюхе у матери. Кормят молоком недолго: от полутора до четырех месяцев (лори — больше года). Двухнедельный детеныш уже неплохо прыгает, месячный — ест сам. Четырехмесячный — вполне взрослый.

Сенегальский галаго первым в своей родне попался в ученые руки: в 1796 году. Поймали его в Сенегале, потому именем этой страны и назвали. Но позднее выяснилось, что обитают эти бушбэби по всей Африке (к югу от Сахары и к северу от Лимпопо), но в местах сухих — саваннах и степных кустарниках, избегая сырых тропических лесов, лесов Камеруна и Конго например. Даже в Эфиопии, Сомали и на Занзибаре живут «сенегальские» галаго.

«Роды длились только тридцать секунд. Голову детеныша уже можно было увидеть, однако мать вела себя так, будто родовой процесс ее нисколько не беспокоил. Она проделала еще несколько метровых скачков, уселась на стенной полке и стала вылизывать голову детеныша. Вскоре затем малыш появился на свет. Мать схватила его ртом и прыгнула к ящику с гнездом» (Курт Коллар).

Малыш весил 15 граммов, и от носа до корня хвоста было в нем 58 миллиметров. Шерстка на спинке редкая, а брюшко голое. Как только шум какой случался в помещении, где жила длиннохвостая мать со своим сосунком, входили ли незнакомые люди или приближались к гнезду другие взрослые галаго, она сейчас же хватала ртом свою голенькую драгоценность за спинку и скачками уносила на стенную полку, где родила младенца. Он при этом поджимал лапки, а хвостиком «обнимал» ее за шею. Через две недели был уже пушист и вместе с мамкой вылезал из гнезда. Через месяц скакал полуметровыми прыжками, но мать, не очень доверяя его умению передвигаться, часто хватала его и несла во рту.

«Любовь галаго к алкогольным напиткам впервые была обнаружена не нами... туземцы обычно ловят лемуров, ставя перебродивший сок кокосового ореха около деревьев, на которых живут эти твари. Когда под действием алкоголя они теряют способность лазать и бегать, поймать их бывает уже не трудно» (Франко Проспери).

МАДАГАСКАРСКИЕ ЛЕМУРЫ

Странный остров Мадагаскар! В каких-то трехстах милях расположился он у юго-восточного бока Африки. Казалось бы, и животные, его населяющие, с этого «бока» и должны были перебраться на «Остров лемуров». Но нет. Фауна Мадагаскара прежде всего самобытна. Время словно остановилось здесь или, точнее, замедлило свое течение: в мадагаскарских лесах уцелели (или до недавнего времени жили) многие древние виды, исчезнувшие почти всюду. Эволюция, вначале одарившая их разными приобретениями, затем будто забыла о них, позволив сохранить им многие древние черты. Впечатление такое, что местные животные Мадагаскара (и ближайших островов — Коморских, Альдабра) развились из немногих родоначальных форм, общих на протяжении десятков миллионов лет с африканскими, азиатскими, даже европейскими и американскими. Но затем пути их эволюции разошлись.

На Мадагаскаре нет обезьян, копытных (кроме кистеухой свиньи, вымерших уже ныне бегемотов и одичавших быков), нет носорогов, слонов, хищников (кроме нескольких видов виверр), зайцеобразных, настоящих крыс и мышей, некоторых рептилий (например, агам и варанов), многих африканских птиц.

Зато есть местные, нигде больше не обитающие, как говорят — эндемики. Прежде всего (помимо хамелеонов, которых тут 35 видов!) это лемуры: две пятых всех мадагаскарских млекопитающих. Остальные, почти три пятых, — танреки. Золотые летучие мыши — один вид, представляющий особое семейство, — тоже только мадагаскарские. Итого пять эндемичных звериных семейств: три — полуобезьян, одно — танреков и одно — золотых летучих мышей. Четыре эндемичных семейства птиц, два подсемейства лягушек, одно питонов и два рода игуан, которые, как известно, обитают только в Южной Америке, кроме одного рода на островах Фиджи.

Сходство с фауной отдаленных континентов демонстрируют не только эти огромные ящерицы игуаны, но и лягушки, типичные для Индо-Малайской области, грызуны, родственные американским, танреки — «кузены» антильских щелезубов и, наконец, сами лемуры, которые кроме Африки встречаются еще в весьма удаленных южноазиатских странах.

Как мог собраться на Мадагаскаре такой зоологический коктейль?

Самое вероятное объяснение: когда-то все эти далекие ныне острова и материки соединяла суша. Этот предполагаемый гигантский континент, 150 миллионов лет назад совмещавший в себе Африку с Мадагаскаром, Южную Америку, Австралию, Южную Азию и, возможно, Антарктиду, называют Гондваной или Гондванией. Он раскололся, образовав современные континенты и острова. Первой уплыла на юго-восток Австралия и, по-видимому, Антарктида. Море стало наступать на ту область Гондваны, которая затоплена сейчас Индийским океаном. Но еще значительная часть континента соединяла Африку с Азией через острова Мадагаскар, Коморские, Амирантские, Мальдивские, Лаккадивские и прочие. Ее называют часто Лемурией, так как, возможно, этот материк послужил центром развития лемуров. И по сей день наибольшее число их видов сохранилось на Мадагаскаре, этом «трепещущем сердце» погибшей Гондваны. С Африкой Мадагаскар был соединен очень давно и, по-видимому, еще раз в ледниковое время через цепь промежуточных островов (Коморских и других). Тогда, наверное, и перебрались на него бегемоты, позднее здесь вымершие, и кистеухие свиньи.

Все мадагаскарские полуобезьяны — из инфраотряда лемурообразных. Три семейства: **настоящие лемуры** *(16 видов, из них 6 карликовых лемуров),* **индри** *(4 вида),* **руконожки** *(1 вид).*

У всех настоящих лемуров пышные длинные одноцветные хвосты. Лишь у катта хвост исчерчен поперечными черно-белыми кольцами. В роде настоящих лемуров еще пять видов, все живут на деревьях, а катта — на земле и вообще лесов и деревьев избегает, предпочтя им скалистые районы Южного Мадагаскара. Образ жизни его преимущественно дневной, как, впрочем, и у других представителей его рода, кроме лемура вари,

Лемур катта. Единственный лемур с черно-бело-полосатым хвостом

который, кажется, также единственный из них, кто строит гнезда.

Хвост у катта — главный информационный орган: точно черно-белый полосатый флаг, задранный вверх, он приводит в возбуждение сотоварищей катта. Когда катта направляет свой «флаг» в их сторону, те мурлычут, мяукают удовлетворенно. Но обычно началу «собеседования» предшествует ароматизация хвоста. Подогнув его под себя и пропустив под брюхом между всеми четырьмя лапами, катта прижимает конец хвоста к внутренним сторонам правого и левого предплечья. Трет о железы, отмеченные роговыми шипами. Надушив хвост, поднимает его сначала над головой и, помахивая им, словно развевая по ветру приобретенную хвостом отдушку, попискивает, мурлычет, жалобно мяукает.

Затем следуют довольно загадочные манипуляции, смысл которых еще не совсем ясен. Встав на задние лапки, катта выносит хвост вперед и, прижимая к нему то правую, то левую переднюю руку, опять трется о них хвостом. Подбирает с земли листья, кусочки коры и прижимает их к тем же железам. Потом трется о ветки железами предплечий, подмышек и анальными, которые у катта тоже есть.

Очевидно, он так маркирует границы своего ревира. Но натирание хвоста менее объяснимо. Если это «косметика», смазка шерсти, то почему только шерсти хвоста?

По земле катта шествует, элегантно изогнув над спиной свой шикарный хвост. Дикие бананы и фиги ест аккуратно, чтобы не запачкать шерстку. Взяв в лапки, сдирает зубами кожуру, а затем, запрокинув голову, чтобы сок тек прямо в рот и не пачкал мех, ест очищенный фрукт. Любит греться, «загорать» на солнце, усевшись на камень и раскинув широко в стороны четыре конечности и хвост. Прыжки зверька изящны и превосходны: на три метра вверх он скачет как резиновый мяч, без труда.

Спят катта в расщелинах скал, иногда и на деревьях, голову и руки подогнув вниз и спрятав между задними лапами, а хвост под брюхом направив в обратную сторону и конец его перекинув через плечо на спину. Иногда хвост, как шарф, обвивает шею уснувшего лемура. Когда прохладно, сбившись плотно вместе, спят катта, согревая друг друга.

Зверьки вообще компанейские: детенышей носят и ухаживают за ними не только родившие их матери, но чаще даже другие самки в стае. Носят первые три недели на брюхе, но не как другие лемуры: малыш цепляется за шерсть самки, лежа не поперек ее живота, а вдоль, как у обезьян. Затем, трехнедельный, он уже и сам неплохо бегает, но обычно ездит на спине какой-нибудь взрослой катты — самца или самки. Месячный, предпочитает передвигаться своим ходом, но ест и спит все еще с матерью (родной или приемной).

«У гапалемура («изящного лемура»), обитающего в восточных лесах Мадагаскара, тоже есть две кожные железы в тех же местах, что и у катты. На предплечье у гапалемура вместо рогового шипа несколько похожих на щетку роговых сосочков. Этой щеткой гапалемур часто трет свой хвост, но цель и смысл этой манипуляции остаются для исследователей загадочными. У других видов лемуров, близких к катта, таких желез нет» (Жан-Жак Петтер).

Все лемуры так или иначе метят границы своих владений. Одни делают это, как галаго и тупайи.

Черные лемуры самец и самка

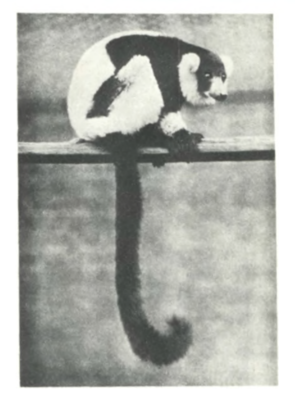

другие — иначе. Например, черный лемур. На ладонях и запястьях у него много потовых желез, и он усердно натирает лапками ветки деревьев.

У каждой стаи черных лемуров свои кормовые территории. Если соседи их нарушают, все законные владельцы сейчас же кидаются на защиту своих границ. Шум, вопли, грызня обычны в таких пограничных конфликтах. Но места ночевок у многих таких групп, днем враждовавших между собой, всегда общие и на одном определенном месте. Каждая стая приходит туда своей дорогой, по пути оглашая леса дикими криками, а на заре той же дорогой уходит. Впереди идет белоусая самка старшего ранга, за ней гуськом все другие. Темп движения колонны то убыстряется, то замедляется; отставшие, а такие всегда находятся, сердито кричат, требуя подождать их. Отстают обычно малыши. А с малышами все в стае нежны и заботливы. Свои ли они, чужие ли — их ласкают, лижут, причесывают.

Из-за белоусых самок случилось зоологическое недоразумение. Самцы у этих лемуров буро-черные, а самки рыжие с белыми усами, точнее, бакенбардами. Поначалу решили, что и те и другие — животные разных видов.

По деревьям черные, или макаковые, лемуры скачут восьмиметровыми прыжками и носятся в листве, словно птицы! Когда же их самих преследуют хищные птицы, черные лемуры спасаются, как мотыльки, уходящие от эхопеленга летучих мышей: падают с высоты дерева вниз, молнией проносятся сквозь нижние ветви и подлесок, затем по земле через гущу кустов к отдаленному дереву и дальше по вершинам.

Лемур вари весь зашелся в громогласном крике

Таков он, когда спокоен

Мышиные лемуры — лилипуты среди приматов. Самые крошечные из наших родичей: вес 45—85 граммов, длина с хвостом — четверть метра

Девять десятых лесов Мадагаскара уничтожено лесоразработками. Это грозит гибелью многим видам лемуров. Карликовый мохноногий лемур уже, кажется, вымер. Такая же судьба ждет, по-видимому, в скором времени и лемура вари.

А лемур интересный. У него пышные баки и густой воротник на шее. И шерсть, удивительно густая для жителя тропиков, так плотна, что ливневые потоки не пробивают ее. Окрашен очень красиво: у одних рас пегий, черно-белый мех, у других — рыже-черный. Живет в высокоствольных лесах на севере острова.

Вари — единственный ночной зверек в роде настоящих лемуров. И единственный, кто строит гнезда. Самка, перед тем как родятся детеныши, рвет шерсть у себя на боках и выстилает ею гнездо. Малыша мать носит, как пояс, поперек живота, позднее на спине. Он долго не расстается с ней. Но двухмесячный, уже прыгает и играет с отцом.

Вари, как и катта, мурлычет, мяукает, когда душевный покой его не нарушен. Но, возбужденный или испуганный, исторгает такие жуткие и оглушительные вопли, что мороз по коже пробирает даже дальнего слушателя. Когда вари вдруг вздумают кричать в зоопарках, с нервными посетителями случаются неприятности. В диких горных лесах усиленные многократным эхом хоровые вопли вари звучат особенно жутко.

За эти душераздирающие крики и манеру греться на утреннем солнце с раскинутыми руками и мордой, обращенной к солнцу (в молитвенной позе), мальгаши прежде считали эту полуобезьяну священным солнцепоклонником. Боялись и не обижали вари. И те привыкли не пугаться людей. Ныне цивилизация и образование освободили многих от старых суеверий, и вари лишились вековой «охранной грамоты». Так странно и по-разному зависит благополучие или гибель животных от древней веры человека в сверхъестественное.

Пока речь шла о мадагаскарских полуобезьянах из подсемейства настоящих лемуров. В последнем кроме родов лемуров и гаполемуров есть еще один или два вида «резвых» лемуров из рода лепилемуров. Интересны они тем, что по деревьям скачут стоя, солдатиком, отталкиваясь от ветвей лишь выпрямленными задними ногами и балансируя раскинутыми в стороны руками и хвостом (так же, скажу забегая вперед, прыгают и индри). Подобной акробатикой лепилемуры занимаются по ночам, так что и увидеть эти цирковые номера невозможно. Но недавно на Мадагаскаре провели большое исследование лемуров и рассмотрели все это в телескоп в инфракрасном свете.

Новорожденный детеныш лепилемура так слаб, что первые дни сам держаться за мать не может, и она носит его во рту.

В семействе настоящих лемуров, но в подсемействе карликовых, еще шесть видов, и среди них самый крохотный из приматов — мышиный лемур.

Он с крупную мышь. Серый сверху, беленький снизу, на мордочке вдоль по переносице белая полоса. Ночной зверек кормится насекомыми, немного фруктами. Днем спит в дуплах, выстлав их листьями. Нередко строит в развилках деревьев гнезда из прутиков, похожие на птичьи, и выстилает их шерстью.

И еще: мышиный лемур запасает жир и в жаркий сухой сезон года, с июля по сентябрь, спит, не пробуждаясь ни днем, ни ночью.

Новорожденные детишки (два-три в одном помете) также крохотные — в тысячу раз меньше, чем у человека. Мать носит малышей, ухватив зубами за шкурку на боку, и они никогда не виснут на ней ни снизу, ни на спине.

Семейство индриевых особое. В нем четыре вида: индри, диадемный сифака, сифака Верро и аваги.

Самый большой — индри, когда стоит на задних ногах — 93 сантиметра. Но хвостик у него крохотный. У всех мадагаскарских лемуров хвосты длинные. Длинные и у всех других индри-

Индри — самая большая полуобезьяна Выделяет его среди лемуров и то что он совершенно бесхвостый

евых (правда, почти без мышц и потому вроде бы бесполезны). Встречаются и черные индри, и почти белые, но обычно сочетание тонов, как у сиамской кошки: беж с темно-коричневым. Морда безволосая, черная. С гортанью соединен горловой мешок Очевидно, это резонатор· голос у индри мощный, «с жалобными интонациями и гармоничными модуляциями». В его криках слышатся и человеческие вопли муки и ужаса, и что-то собачье, потому и прозвали его «лесным псом». А «индри» — по недоразумению: от мальгашского «индри изю» — «вот так так». Восклицание, к делу не относящееся, и было принято за местное название животного.

Прозвище индри «амбоанала» (лесной пес) старая легенда объясняет еще и так: в прежние времена приручали будто бы индри для охоты на птиц. Много легенд о нем на Мадагаскаре: и то, что он родной брат человека, и то, что на него опасно охотиться. Во-первых, потому, что индри брошенное копье хватает на лету и тут же метко кидает в охотника. Во-вторых, он солнцепоклонник. На восходе, в утренние часы, индри и сифака, повернувшись к востоку и воздев руки к небу, греются в лучах солнца. Поза на человеческий взгляд молитвенная, отсюда и суеверный страх перед мнимыми жрецами солнца.

Сифака

У сифаки морда удлиненная и безволосая, как у индри, но хвост длинный и ушки маленькие, спрятанные в шерсти. Окраска изменчива, с желтыми, рыжими, белыми тонами. У сифаки лучше, чем у всех индриевых, развит так называемый патагиум: удлиненная кожа по бокам рук вплоть до подмышек и груди. Это зачаток парашюта, который в совершенной форме мы наблюдаем у белок-летяг и других зверей-планеристов.

Аваги в общем-то похож на сифаку, но меньше, морда округлая и поросла шерстью, будто аваги, единственный в своем семействе, всегда не брит Буровато-серый с рыжим хвостом. Ночной зверь, прочие индриевые — дневные.

Все четверо вегетарианцы. Все прыгают по деревьям, подобно лепилемурам, вертикально, отталкиваясь и цепляясь после прыжка лишь

Авиги

Ай-ай

задними ногами с такой силой, что сифаки, например, нередко пролетают десять метров. Лазают, спокойно перебирая лапами. По земле скачут на задних ногах, вытянув руки перед собой. Прыжки великолепны — четырехметровые!

На северо-востоке и кое-где на северо-западе, в уцелевших густых лесах и бамбуковых джунглях Мадагаскара, живет ай-ай. По-русски называют его еще руконожкой, хотя «рукоделец» подошло бы больше.

Вот он проснулся на закате. Вылез из дупла и первым делом, как заведено у лемуров, причесывается. Чистит старательно свою черную шерстку, и уши, и глаза, и нос. Пальцы у него длинные до удивления, а третий особенно тонок, точно усох, кажется, одни лишь длинные-длинные косточки остались в нем.

Покончив с этим делом, скачет по деревьям. Найдет старое дерево, изъеденное личинками жуков, и сухоньким пальчиком постукивает по коре, словно дятел клювом. Стучит и, приложив большие чуткие уши к стволу, слушает: не обнаружится ли где пустота под корой, не выдаст ли себя глупая жирная личинка трусливой возней?

Как только такое случится, ай-ай сейчас же вводит в действие свои удивительные зубы. Они у него, как у белки: клыков нет, а резцов сверху и снизу лишь по два. И резцы ну прямо как у грызуна: без корней, растут всю жизнь. Эмаль только спереди, сзади ее нет, и потому зубы самозатачиваются. Из-за них и считали прежде, что ай-ай ближе к грызунам, чем к приматам. Учредили для него одного особый отряд. Но знаменитый английский биолог Ричард Оуэн, изучив молочные зубы руконожки, установил, что по всем признакам это зубы примата. С возрастом они очень изменяются. А изменяются потому, что руконожка хоть и не грызун, но зубы нужны ему, чтобы грызть.

Так вот, установив точную дислокацию разветвленных ходов короедов, ай-ай грызет кору. Прокусив в ней дырку, сует в отверстие длинный третий палец и извлекает личинку.

Ест ай-ай сахарный тростник, грызет прочную скорлупу кокосовых орехов, плоды мангров. А дайте ему яйцо, так он прогрызет в нем аккуратненькую дырочку, затем все тем же своим незаменимым пальцем, не поломав скорлупы, извлечет по частям желто-белое содержимое и съест.

А знаете, как пьет ай-ай? Пальцем. Быстро-быстро макает его в воду: обмакнет и обсосет, обмакнет и обсосет.

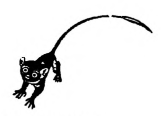
Искусные, похожие на беличьи, шары-гнезда (полметра в диаметре) ай-ай плетет из листьев весьма известной пальмы «дерево путешественников» и укрепляет сухими ветками.

Ай-ай молчалив. Редко слышат его голос, похожий на звук трущихся друг о друга кусков металла. Но в страхе он кричит «ррон-тзит!», а не «ай-ай», как думали вначале.

Людей не очень-то боится и нередко, вместо того чтобы бежать, царапается и кусается. Веками охраняли его людские суеверия. Убить руконожку, утверждало старое поверье, — значит подписать себе смертный приговор, который войдет в силу не позже чем через полгода. Если уснет человек в лесу, а руконожка его увидит, то соорудит ему подушку из веток. Если, проснувшись, человек найдет подушку у себя под головой — быть ему богачом. Если под ногами — скоро погибнет, несчастный.

Но многое изменилось на Мадагаскаре, и, главное, леса, в которых жили руконожки, вырубаются. Зверьки очень редки, вымирают. Правда, правительство Мальгашской Республики решило спасти руконожек. Для их жительства отведен небольшой островок у северо-восточного побережья Мадагаскара.

«До 1966 года переселили туда девять руконожек. Это, конечно, только первые мероприятия, которые должны обеспечить спасение вида» (Курт Коллар).

ДОЛГОПЯТЫ

Глаза у долгопята — диаметр их 16 миллиметров — лишь вдесятеро меньше самого зверька (такое рекордное соотношение лишь у каракатицы!). Зрачки от крохотной точки в одно мгновение расширяются во весь глаз, если свет вдруг померкнет. Долгопят — ночной зверь, и подобная адаптация к мраку ему очень полезна.

Долгопятов три вида: зондский (Калимантан, Суматра), целебесский (Сулавеси) и филиппинский (Филиппины).

Триста лет назад один иезуит-миссионер описал долгопята. Линней поместил его в своей знаменитой системе животного мира сначала среди обезьян, потом — опоссумов. Бюффон полагал, что он тушканчик. До сих пор дискуссии о долгопятах продолжаются среди ученых. Правда, их мнения не расходятся так далеко. Одни специалисты учредили для долгопятов особый отряд. Другие отвели им менее значительный ранг в зоологической классификации, поместили в инфраотряд полуобезьян. Некоторые доказывают, что долгопяты должны числиться среди настоящих обезьян и даже где-то рядом с человекообразными, усмотрев в морфологии и физиологии долгопятов черты, близкие предкам человекообразных обезьян.

«Голову может поворачивать на все 180 градусов, обратив лицо прямо назад» (Ганс фон Беттихер).

«Долгопят может поворачивать свою голову почти на 360 градусов» (Эрнест Уолкер).

Умение цепляться после прыжка за отвесную и гладкую поверхность тоже не в наших возможностях. А долгопят его демонстрирует: достаточно одному пальцу с присоской «прилипнуть» к стеклу, и зверек уже висит, не падает. Зверюшка с цыпленка, 80—150 граммов, а прыгает двухметровыми скачками.

Увидит ящерицу, кузнечика, лягушку, уставится на них немигающими глазами, затем прыжок — и добыча в руках! Быстро-быстро кусает ее острыми зубами (закрыв глаза, наверное, чтобы в схватке не повредить их).

Долгопят угрожает

Охотятся долгопяты и за крабами, рыбами и потому любят селиться в лесах по берегам рек и озер. По ночам промышляют парами, реже втроем-вчетвером. Гнезд не строят, в дуплах тоже, по-видимому, не спят, а прицепятся к тонким вертикальным веткам и подопрут себя снизу хвостом.

У самки две, а то и три пары сосков, но детеныш всегда один. Уже в первый день умеет лазать

Долгопят в прыжке

по веткам, но прыгает лишь через месяц Он висит на животе у матери сначала на обезьяний манер — вдоль живота, потом поперек, как принято у лемуров. Мать часто хватает его ртом и переносит туда, где безопаснее.

Миллионы лет назад подобные долгопятам животные обитали даже в Европе и Северной Америке. Из ныне живущих зверей, по-видимому, ближе всех к долгопятам лемуры, с одной стороны, а с другой — американские, или широконосые, обезьяны, о которых сейчас и пойдет речь.

АМЕРИКАНСКИЕ. ИЛИ ШИРОКОНОСЫЕ, ОБЕЗЬЯНЫ

В ранний третичный период, в эоцене, жили обезьяны в Европе и Северной Америке. Тогда климат там был более им подходящий. Теперь населяют лишь Центральную и Южную Америку, Африку и Южную Азию.

У разделенных ныне океанами обезьян много общего. У всех уши округлые, человеческого типа. Голое или немного волосатое лицо. Череп относительно велик, даже в сравнении с лемурами. Например, карликовый галаго и когтистая обезьянка одинаково малы, но мозг у первого почти втрое меньше!

А эти знаменитые линии «жизни», «сердца» и «ума», бугры «Юпитера», «Меркурия», «Аполлона», равнины «Марса» и прочие «мистические» знаки на ладонях рук, по рисунку которых хироманты предсказывают судьбу, богатство и прочие штуки! Если они правы, то, значит, и каждой обезьяне уготовлены судьбой те же самые удачи и неудачи в жизни. Ведь их безволосые ладони и стопы ног исчерчены таким же сугубо индивидуальным рисунком линий и борозд, как и у человека. Настолько индивидуальным и неповторимым, что у обезьян, как и у людей, судебная экспертиза может брать отпечатки пальцев.

Больше того, даже голые хватающие и осязательные «подошвы» снизу у конца хвоста исчерчены так же.

Заговорив о хватающих хвостах, мы подошли к тем морфологическим пунктам, которые разделяют обезьян Старого и Нового Света. Ибо хвосты, превращенные эволюцией в пятую руку, есть только у обезьян американских. Но не у всех: у четырех родов и примерно 14 видов — ревунов, паукообразных и шерстистых обезьян. Обезьяны капуцины тоже могут, схватив хвостом, подтянуть к себе или тащить за собой разные предметы (например, миску с едой!). Но голой «подошвы» снизу у конца хвоста у капуцинов нет.

Среди обезьян Старого Света только молодые гвеноны и взрослые мангабеи могут повиснуть, обхватив хвостом сук.

Американских обезьян многие зоологи называют широконосыми, а обезьян Старого Света — узконосыми. У первых ноздри разделены широкой перегородкой и смотрят немного в стороны. У вторых — носовая перегородка узка, ноздри сближены и направлены вперед. Но разделение это недостаточно четкое, потому что есть виды с промежуточным устройством ноздрей: например, дурукули — широконосая по зоологическому рангу обезьяна тем не менее узконоса, а гиббоны достаточно широконосы.

У американских обезьян никогда не бывает седалищных мозолей, которые так безобразят «тылы» павианов, мартышек, макак и гиббонов. Нет у них и защечных мешков, которые хорошо развиты у павианов, мартышек, макак и недоразвиты у тонкотелых обезьян.

Американские обезьяны в основном вегетарианцы, но едят насекомых и мелких позвоночных. Ревуны — исключительно листоеды. И этим напоминают колобовых обезьян Старого Света, а среди лемуров — индри.

Большие пальцы на руках — но не на ногах — американских обезьян (за исключением немногих видов, например саки и уакари) не способны так широко оттопыриваться, как у обезьян Старого Света, противопоставляя себя другим пальцам и образуя прочно хватающие «клещи».

Широконосые обезьяны, кроме когтистых, более зубасты. У них 36 зубов, у узконосых — 32 зуба. У первых беременность шесть месяцев, а у вторых — шесть — восемь, у человекообразных — 230—290 дней.

В надсемействе широконосых обезьян два семейства: капуцинообразные (с шестью подсемействами):

мирикины и тити — девять видов,
саки и уакари — семь видов,
ревуны — шесть видов,
капуцины и саймири — шесть видов,
коаты и шерстистые обезьяны — восемь видов,

Так долгопяты спят: прицепятся к вертикальным веткам или стволам дерева и упрутся снизу в кору хвостом

прыгающие тамарины — один вид;

когтистые, или игрунковые, обезьяны (мармозетки, игрунки, тамарины) — 33 вида.

Мирикина, или дурукули, — единственная в мире обезьяна, которая уподобила свой образ жизни совиному: ночами терроризирует сонных птиц, лягушек, ящериц, пауков, насекомых. И фрукты ест, и сосет нектар. Видит во тьме превосходно, а ее ночные атаки так безошибочны, что она хватает в акробатическом прыжке даже пролетающих мимо насекомых.

Охотятся мирикины парами, самец и самка, и вместе спят днем. Ночами и особенно в утренних

Дурукули, или мирикина,— единственная в мире ночная обезьяна: днем спит, ночью промышляет

сумерках джунгли Амазонки и Ориноко оглашают разноголосые концерты мирикин. В них слышится и собачий лай, и кошачье мяуканье, и даже рев ягуара, а иногда тихое, мелодичное щебетанье и чириканье. Более пятидесяти звуков разного тона и характера насчитали исследователи в голосе этих обезьян, акустическая мощь которого совсем не пропорциональна силе и росту животного: вес дурукули — 500—1000 граммов, длина без хвоста — 24—37 сантиметров.

Причина в резонаторах — расширенной трахее и воздушном мешке под подбородком у дурукули. Кроме того, обезьянка складывает губы рупором, когда кричит.

Родичи дурукули — обезьяны тити — кричат по утрам так же громко.

Тити — четыре, восемь или даже десять видов, по мнению разных авторитетов. Сколько в действительности — установить трудно, так как южноамериканские леса еще плохо исследованы, а внутривидовая изменчивость многих обезьян слишком велика. Ногти у тити удлинены когтеобразно, как у когтистых обезьян, но все другие черты и образ жизни (но дневной) — как у дурукули.

У тити интересная манера караулить добычу.

Белоголовый саки видом необычен

сидят поперек сука, ноги и руки подобрав вместе, а длинный хвост опустив вниз. Из этого неудобного, казалось бы, для атаки положения в молниеносном броске хватают пробегающую или пролетающую добычу.

Саки — обитатели сырых крупноствольных лесов внутренних областей Южной Америки. Многие места, где они живут, на долгое время заливают воды разлившихся великих рек Амазонии. А ведь обезьяны сырость не любят. Поэтому большая часть их жизненного пространства ограничена вершинами леса. И поэтому жизнь заставила их научиться прыгать так далеко и ловко, как не всякая обезьяна умеет. Но если случается спуститься на землю, а спускаются они всегда хвостами вперед, осторожно и без лишней торопливости, то обычно ходят на задних ногах, балансируя передними, которые поднимают вверх.

В зоопарках заметили, что саки любят натирать свою шерсть кусками лимона. А пьют так: окунут руку в воду и потом облизывают.

Уакари из того же подсемейства, что и саки. Это самые короткохвостые американские обезьяны. Лишь у большого уакари, а их три вида, хвост длиннее одной трети тела. У других он сантиметров 9—15. Уакари и самые «человекоподобные» из всех американских обезьян. Печальным, потерянным выражением голого, апоплексически-красного лица и лысым лбом они напоминают рано состарившегося и потерявшего все надежды ипохондрика.

Однако нрав уакари живой и веселый. Внешность, как нередко бывает, и здесь вводит в заблуждение. Они совсем не апатичны, часто приходят в ярость и тогда энергично и сильно трясут сук, на котором сидят, а угрожая, громко чмокают губами

Даже громоподобный львиный рев не так громогласен, как крик ревуна — обезьяны хотя и самой крупной в Америке, но сравнительно небольшой Длина ее тела без хвоста — метр, а вес — в лучшем случае восемь килограммов Обычно «запевает» старый самец, затем второй по рангу. Тут вдруг вся стая начинает исторгать такие вопли, что, и заткнув уши, рискуешь оглохнуть Ближайшая стая немедленно вторит соседям, и дикий концерт звучит порой часами. В нем слышится и львиный рев, и рык тигра, и крики «а-хю, а-хю», и до восьми иных менее громких вокальных «фраз». Кричат ревуны обычно по утрам и вечером, а также днем и даже ночью, так как нередко не спят и ночами.

В гуще леса за два километра слышны крики ревунов, а на открытом месте и за пять!

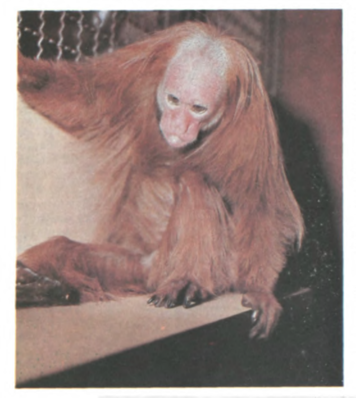
Конечно, у них мощные голосовые связки, но этого мало: нужен еще рупор и резонатор. Рупор — гибкие губы обезьян, которые ревуны складывают воронкой. Вот вам и мегафон. А резонатор — вздутая, полая... подъязычная кость; совсем необычная модель среди всех резонаторов, изобретенных природой за миллионы лет.

Разные виды ревунов обитают от Южной Мексики до Парагвая. Цвет шерсти сильно варьирует, но обычно преобладают три типа· черный, желтовато-бурый и ярко-рыжий. Цепкий хвост так силен, что ревун, ухватившись им за ветку, без помощи рук и ног может перескочить на ближайший сук.

Прыгать они не любят, а бегают и лазают по веткам, но так быстро, что человек, по земле преследуя их, не угонится, отстанет.

Один молодой ревун, который жил у воспитавшего его человека, очень любил морковь. Забавно было наблюдать, что он вытворял, когда ему показывали разные ботанические книги с иллюстрациями. Многие неаппетитные, на его взгляд, овощи и фрукты он игнорировал, но стоило ему увидеть морковь, как сразу пытался выхватить ее рукой из книги. Это, естественно, не удавалось, тогда он тянулся к ней ртом. Лизал рисунок и в этом находил, как видно, какое-то удовлетворение.

Уакари — самые короткохвостые из американских обезьян. Хвост длиной 9—15 сантиметров. Они часто лысы, и вид у них (но не нрав) мрачных ипохондриков

Ревун, пожалуй, самое громогласное животное на свете. Резонатор, усилитель крика, необычен: два полых окостенения, образованных переднее — из подъязычной кости, заднее — из щитовидного хряща. Черные ревуны обычны в Центральной Америке и Парагвае, медно-красные — в лесах Амазонки

«Из всех американских обезьян капуцины внешне и поведением напоминают мартышек Старого Света. У них нет особых образований, как, например, огромных глаз ночных обезьян, лохматой шерсти саки, когтей тамаринов, чрезмерно длинных конечностей паукообразных обезьян и голой хватающей «подошвы» на конце хвоста или мощных, усиливающих крик приспособлений ревунов. Капуцины в известной степени совершенно нормальные обезьяны в усредненном понимании этого слова» (Дитрих Хайнеманн).

Капуцины — самые «интеллигентные» из американских обезьян, которые в этом смысле очень уступают обезьянам Старого Света. Живут капуцины, их четыре вида, от Гондураса до Северной Аргентины.

Не все даже человекообразные обезьяны умеют, как капуцины, взяв в руку камень, колоть им орехи. У капуцинов врожденная повадка бить твердыми предметами по всему. Если нет под рукой твердых орехов, колотят камнями по решетке, по стеклам вольер.

Капуцины, подобно панголинам и многим птицам, натирают свою шерсть муравьями и, подобно ежу, смазывают ее слюной. Их привлекают пахучие вещества. Луком, апельсинами, лимонами и даже одеколоном, если доберутся до него, натираются усердно.

Немного похоже на капюшоны монахов-капуцинов топорщится на голове шерсть у некоторых видов капуцинов, образуя «прически» в виде хохлов, чепчиков, рогов и гребней. Капуцины с «прической» обычно бурые, без каких-либо ярких пятен. Без «причесок» — с белой отделкой вокруг морды или на плечах, горле и сверху на руках, например, белоплечий капуцин. Впрочем, у разных подвидов, рас, возрастов окраска сильно изменчива, что часто ставит систематиков в большое затруднение.

Дальних странствий капуцины избегают: владения стаи ограничены всего несколькими сотнями метров и сильно «надушены» маркировочными запахами. Придя на место, богатое плодами или насекомыми, члены стаи часто разбредаются кто куда, и довольно далеко. Но звукового контакта друг с другом не теряют, постоянно выкрикивая им одним понятные сигналы и сообщения. Среди дня — время отдыха, и тогда они опять собираются вместе. Старые дремлют, но молодежь обычно веселится и скачет вокруг, так что старшим нередко приходится громкими окриками призывать ее к порядку.

Один капуцин, по кличке Пи-Уай, прославился своей неуемной страстью к рисованию и высоким качеством рисунков, орудийной деятельностью и тем, «что умел решать механические задачи, которые не по силам большинству шимпанзе». Его (вернее ее, так как капуцин этот был самкой) прозвали обезьяной-гением.

Когда к Пи-Уай приближались экспериментаторы с набором предметов, необходимых для опытов, она с радостью кидалась к ним навстречу. Сразу же принималась с довольным видом за работу. Если задача была сложная, она часами сосредоточенно трудилась над ней, забывая обо всем на свете, даже о еде, даже о любимых своих бананах.

Рисовать она начала гвоздем на полу лаборатории. Это не было простое царапанье. Нет! Получался упорядоченный абстрактный рисунок. Решив, что он закончен, Пи-Уай переходила в другой угол комнаты и рисовала там.

Позднее ей дали разноцветные мелки. Пи-Уай изменила характер рисунка: центр его она закрасила ярко-красным цветом, вокруг которого располагались зеленые, синие и желтые плоскости. «Этот рисунок обладал полноценной формой, удивительной для человекообразного существа».

Одну задачу она решила таким сложным способом, о котором и не каждый бы человек догадался. В лаборатории обезьянку привязали цепочкой к металлической стойке. Затем положили на пол банан, но на таком расстоянии, что дотянуться до него обезьянка не могла. Вместо палки, которой сделать это было бы не трудно, ей дали живую крысу, привязанную к веревочке.

Как поступила Пи-Уай? Раньше она в такой ситуации никогда не была. Никогда не видела, чтобы кто-нибудь доставал банан тем способом, который она сама употребила.

Пи-Уай стала бросать крысу, целясь ею в банан (противоположный конец веревки обезьяна, разумеется, держала в руке). Наконец крыса вцепилась в банан. Пи-Уай тотчас же потянула веревку и подтащила к себе крысу, а вместе с нею и банан!

Из обезьян Нового Света к капуцинам ближе всех саймири.

Окрашены они ярко. У саймири-белки на морде белый рисунок, несколько похожий на то жуткое изображение черепа, которое мы видим нередко на столбах линий электропередачи как предупреждение о смертельной опасности. Поэтому и называют порой эту обезьянку «мертвоголовой».

Густые леса по берегам рек — излюбленные места поселения саймири. Как и капуцины, они редко ходят по земле и натирают себя пахучими соками; прежде чем съесть какой-нибудь фрукт, мнут его, давят, зажав между листьями, или колотят по нему хвостом. На разные выдумки, забавы, игры саймири горазды. Резвы и очень любопытны.

«Веселые, разбитные, болтливые малыши ворвались вдруг в палатки, открыли все ящики и коробки, перевернули каждый предмет, прошмыгнули в кухню, вытащили свежеиспеченный хлеб из горячей еще формы. Хотя пять мужчин пытались метлами и прочим неопасным оружием прогнать их, они стащили все съедобное. Они не боялись. Они не обращали внимания на людей, конечно, лишь потому, что еще не знали двуногих» (Айвен Сэндерсон).

Так саймири разграбили лагерь исследователей. В одиночку эти обезьяны не ходят, всегда десятками, сотнями. Сэндерсон насчитал как-то в Гвиане 550 саймири, которые одна за другой в нескончаемом ряду скакали через узкую просеку леса.

Крик саймири звучит почти как флейта. Но когда ссорится вся стая, особенно по вечерам, за

центральные места на деревьях, где они спят (никто не хочет оставаться с краю!), то поднимают такой шум, что издали кажется, будто волны прибоя плещут о берег

У самцов саймири странная и, на наш взгляд, непристойная манера угрожать противнику: они, поднимаясь на ногах, выставляют напоказ то, что люди, даже на картинах, обычно прячут хотя бы под фиговым листком.

Саймири во многом похожи на капуцинов Так же смазывают себя мочой, но предпочитают «ароматизировать» не руки, а тело, и особенно конец хвоста, который у них по этой причине всегда мокрый. Как и капуцины, они заинтересовали зоопсихологов. Только вот содержать в неволе их трудно (капуцины переносят ее легко).

Мозг у саймири относительно еще более крупный, чем у капуцинов Это самые «мозговитые» из приматов и, пожалуй, вообще из всех живых существ, включая человека. Вес их мозга $^1/_{17}$ веса обезьяны, у человека — только $^1/_{35}$!

«Мертвоголовая» саймири — обезьяна удивительная! Даже не странным рисунком на лице, который наводит на некоторые мрачные сравнения, не хвостом, который хоть и не хватающего типа, но способен, однако, обвивать ветки, а феноменом более загадочным для науки. В одной стае, в одной семье у этих обезьян порой вместе с обычными маленькими родятся самцы-великаны: они вдвое крупнее своих братьев, а весят во много раз больше. Самцы плодовиты, но потомство у них мелкое, обычное. Подобный феномен замечен также у некоторых землероек-белозубок.

Саймири «мертвая голова»

«Обезьяны сделали живой мост... одна свесила хвост с ветки вниз и обхватила им голову другой, и таким же образом пять последующих обезьян образовали висячую цепь. Затем раскачали эту цепь вперед и назад, пока нижняя обезьяна, перекинутая, как на качелях, через лесной прогал до другого дерева, не ухватилась за него. Другие обезьяны, включая двух самок с малышами на шеях, прошли по мосту. Тогда первая обезьяна, составлявшая мост, отпустила сук, живая цепь устремилась через прогал к новому дереву Там, расцепившись, обезьяны последовали своим прежним курсом. На все им потребовалось меньше времени, чем мне, чтобы описать это» (Карл Ловелас).

Давно уже, со времен Аристотеля, рассказывают люди такие неправдоподобные, как считалось, да и считается, истории про обезьяньи мосты.

Скорее всего, если подобное вообще возможно, сооружают живые мосты паукообразные обезьяны, или коаты.

Паукообразные! Часто черные, хотя есть и серые, бурые, а панамская — рыжая, ноги и руки тонкие и длинные, тело тощее, несоразмерное с длиной «паучьих» конечностей и особенно хвоста, который относительно длиннее, чем у любой обезьяны вообще. Он такой сильный и цепкий, что легко держит да еще, раскачав, бросает почти полупудовую обезьянку с сука на сук.

Хвост у коат в буквальном смысле пятая рука. Выпрашивая и принимая лакомство в зоопарке, его, а не руку протягивает она из-за решетки.

Ухватив за ручку, открывают хвостом двери. Просясь обратно в дом, хвостом нажимают кнопку звонка! Это ручные.

А дикие? Дикие, увидев с дерева человека, ягуара или другого врага, рвут хвостом (и руками тоже) ветки потяжелее и бросают вниз. Такие «бомбы» весят порой килограммов пять!

Четыре вида коат рода ателес обитают от

Коата, паукообразная обезьяна, хвостом владеет так же ловко, как и руками

Одна из цепкохвостых обезьян — шерстистая

Южной Мексики до Парагвая. Еще два рода и четыре вида близких к коатам, так называемых шерстистых обезьян, — главным образом в Амазонии. Они многим похожи на коат, но не так ловки в прыжках, и не так проворен в разных проделках их цепкий хвост. У них густой, плотный, богатый подшерстком мех. У коат шерсть грубая, без подшерстка.

В 1904 году директор одного музея в Белене (Бразилия) получил в подарок странного вида маленькую черную обезьянку. Когда она умерла, ее шкуру послали в Британский музей. Так был открыт новый вид обезьян — прыгающий тамарин. Но поскольку шкуру в Лондон послали без черепа, британские специалисты сначала зачислили прыгающего тамарина в одно семейство с когтистыми, или игрунковыми, обезьянами. Только в 1911 и 1914 годах еще пару таких обезьянок привезли на пароходе с верховьев Амазонки в портовый город Белен. Там их изучила Миранда Рибейро и доказала, что если решать вопрос о родственных связях прыгающих тамаринов лишь по шкуре (и коготкам на пальцах), то они действительно близки к когтистым обезьянам. Но, исследовав череп и зубы, Миранда Рибейро нашла в них много черт, обычных для обезьян из семейства капуцинообразных. Прыгающие тамарины — промежуточная форма, связующее звено между теми и другими.

Прежде, до открытия прыгающих тамаринов, в зоологии преобладало мнение, что игрунковые — древнейшие из обезьян не только Америки, но и всего мира. Теперь, когда найдено связующее звено, вопрос решился иначе: когтистые обезьяны лишь боковая специализированная ветвь широконосых обезьян, и ветвь скорее молодая, чем древняя. Специализированная, то есть приспособившаяся к жизни в самом сердце «леса лесов» — амазонской сельве. В листве гигантских деревьев, увитых лианами, поросших орхидеями, в сырости, в полумраке, среди обилия муравьев, пауков, зреющих круглый год фруктов и орехов нашли они себе пристанище и пропитание. На землю когтистые обезьяны почти никогда не спускаются

Они крохотные — с крысу, белку, редко больше. Лилипут среди обезьян, карликовая когтистая обезьянка чичико весит всего 85 граммов[1] Она чуть крупнее мышиного лемура. Вид многих презабавный: у одних длинные «седые» усы, как у кайзера

Прыгающий тамарин — обезьяна, которой долго удавалось сохранить свое инкогнито в сырых лесах Верхней Амазонки Открытие прыгающих тамаринов помогло зоологам пересмотреть гипотезы о происхождении некоторых групп американских обезьян

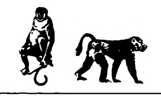
Усатый тамарин

Чичико чуть крупнее мышиного лемура, однако весит вчетверо больше Самец и самка носят малышей на себе до полного их возмужания, которое случится лишь через год с небольшим после их рождения

Вильгельма, у других прическа, как у Бабетты, которая ходила на войну, у многих гривы на шее и плечах, а уши с пышной оторочкой из длинных белых волос. Жабо, да и только, но не на шее, а на ушах. Окраска яркая, многоцветная. Мех мягкий, шелковистый. И у всех только 32 зуба! Как у «старосветских» обезьян.

«Мармусет» — называли так вначале карликов. Затем, примерно с XVI века, — всякую маленькую гротескную фигуру, скульптурную карикатуру человека, карликового манекена и, наконец... когтистых обезьян. Отсюда — английское «мамозет» (или мармэзет), немецкое «мармозете», которое по-русски обычно переводится, как «игрунка», реже «мармозетка».

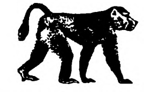
Тамарины (которых по-русски тоже называют игрунками) в отношении своего названия более загадочны. Одни утверждают, что будто бы таково их местное гвианское имя. Другие производят его от тамариндов — тропических деревьев, на которых, как в старину полагали, живут эти обезьянки. Но наверное, ни то, ни другое неверно. Тех, у кого нижние клыки равны или чуть больше резцов, называют обычно мармозетками. У тамаринов, наоборот, нижние клыки много длиннее резцов.

Обезьянки игривые, красивые и, если так можно выразиться, экстравагантные. Даже безжалостным конкистадорам эти «мартышки» не побилились. Шелковистых обезьянок давно привезли в Европу. Дамы высшего света, особенно в эпоху мадам Помпадур и последних Людовиков, променяв ручных ласок, мода на которых ушла вместе с Возрождением, на когтистых обезьянок, держали их в своих салонах, как в наши дни болонок и сиамских кошек.

Американские широконосые обезьяны в зоологической классификации стоят рангом ниже узконосых и неамериканских обезьян. Но некоторые из них нарушают это правило. Например, капуцины. Они порой, как мы уже знаем, совершают действия, доступные только высшим обезьянам.

•

Мармозетка Листа названа в честь Ференца Листа потому, что волосы у нее на голове похожи на прическу этого композитора.

МАРТЫШКИ, МАКАКИ, ПАВИАНЫ И МАНГАБЕИ

Приматов Старого Света систематики разделили на три семейства:

мартышкообразные с двумя подсемействами:

мартышковые (мартышки, макаки, павианы, мангабеи — 37 видов),

тонкотелые и толстотелые обезьяны, или колобовые (лангуры, хульманы, носатые обезьяны, толстотелы, гверецы — 21 вид);

человекообразные с двумя подсемействами:

гиббоны (7 видов) и настоящие человекообразные (4 вида), гоминиды (1 вид, человек).

Мартышки — небольшие обезьяны весом до десяти килограммов, стройные, легкие, длиннохвостые, короткомордые, череп округлый, без сильно развитых надбровных дуг, задние ноги заметно длиннее передних, седалищные мозоли небольшие, окраска яркая — черных, рыжих, белых, даже зеленых тонов. Живут почти исключительно на деревьях, обычно в тропических лесах, реже встречаются в саваннах, вблизи рек. Обитают только в Африке, к югу от Сахары.

Макаки более массивны, их вес до 13 килограм-

Зеленые мартышки

Совоголовая мартышка

мов, приземисты, с сильными ногами и руками, морды удлинены на собачий манер, с более мощными, чем у мартышек, челюстями и зубами, хвосты короткие. Живут на земле, на деревьях, в лесах, на голых скалах в мангровых зарослях. И все, кроме одного вида, в Южной Азии (от Западного Пакистана до Японии, Тайваня, Филиппин и Сулавеси). Единственный североафриканский (Марокко, Алжир) и европейский (Гибралтар) вид — бесхвостый магот

Павианы — еще более собакоголовые, клыкастые, массивнее, чем макаки (мандрил весит 54 килограмма). Живут почти исключительно на земле, в сухих саваннах, на скалистых плато, но некоторые и в лесах. У павианов большие ярко-красные седалищные мозоли. Хвосты очень короткие или средней длины. Все, кроме гамадрила, обитающего и в Аравии, африканские.

Итак, настоящие мартышки, род церкопитекус. Сколько их — девять, двенадцать, больше или меньше видов? Трудно решить. Очень изменчивы и географически, и индивидуально, и в разных возрастах.

«Сколько видов мартышек в действительности, зависит от того, какой специалист их считает» (Вальтер Фидлер).

Возьмем в руководители систему, разработанную британским специалистом О. Хиллом.

Группа первая. В окраске преобладают зеленые тона. Брюхо светлое: з е л е н ы е м а р т ы ш к и, около 20 подвидов. Саванны Судана, Эфиопии, Восточной и Южной Африки.

Группа вторая. Зеленые тона в окраске если и встречаются, то далеко не преобладают Ноги и руки книзу от локтя и колен черные.

А. Брюхо темно-бурое или черное, бакенбарды белые. На спине заметны рыжеватые тона: б о р о д а т а я м а р т ы ш к а, два подвида —

Белоносый гвенон

Голубая мартышка

один в Южной Нигерии и Камеруне, второй — в Восточном Заире и Уганде. Горные леса.

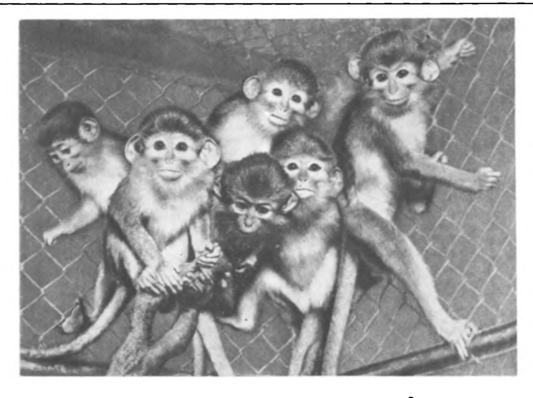
Б. Брюхо светлое, бакенбарды темные На лбу, на подбородке у разных подвидов, которых около 20, могут быть светлые полосы, а на спине рыжие и зеленоватые тона диадемная мартышка. Горные леса, прибрежные рощи, бамбуковые заросли, иногда саванны Эфиопии, Восточной и Центральной Африки.

Группа третья. Зеленые тона в окраске могут быть, но не преобладают, как и у второй группы. Однако ноги и руки книзу от локтя и колена не черные или не чисто-черные, а с примесью других оттенков, пятен и полос.

А. Лицо черное с белыми «бровями» (пучками волос на надбровьях), с белой более или менее длинной, типа эспаньолки (или «козлиной») бородой, от которой белый цвет распространяется книзу на горло, грудь и передние поверхности рук. Окрашена очень ярко: задняя поверхность ног до колена или даже ниже желто-оранжевого тона, спина с рыжими и зелеными тонами. Белые продольные полосы на бедрах: мартышка диана. Верхние ярусы леса прибрежной зоны в Сьерра-Леоне, Гане и местами в Заире. Три подвида.

Б. Лицо в верхней части черное, но в области ноздрей, рта и вокруг них белое. Белая же борода. Надбровная поперечная полоса красновато-бурая. На бедрах, как у дианы, продольные белые полосы: бразовская мартышка. Горные и равнинные леса от Камеруна до Катанги и Кении. Часто охотится за пропитанием и на земле. Более «насекомоядна», чем все другие мартышки.

В. Лицо сверху в общем черное, а вокруг рта и губ — телесно-мясного цвета. В остальном окраской похожи на диан, но без ярких оранжевых оттенков на задней стороне бедер: марты ш-

Талапуэны, или карликовые мартышки, из рода миопитекус. Они немного больше белки и обитают в лесах по берегам рек и озер Западной и Центральной Африки

к а м о н а. Семь подвидов. Верхний ярус леса от Сенегала до Заира. Очень похожи на них, но с руками и ногами менее черными — ч у б а т ы е м а р т ы ш к и. Четыре подвида — в Камеруне, Габоне, Заире.

Г. На носу сердцевидное белое, желтое или красное пятно: м а л ы е б е л о н о с ы е г в е н о н ы. Леса Гамбии, Ганы, Заира. У рыжебрюхого гвенона из Южной Нигерии живот соответствующего названию цвета. У прочих беловатый.

Д. Белое носовое пятно овальное, обезьяна довольно крупная (полтора метра вместе с хвостом): б о л ь ш о й б е л о н о с ы й г в е н о н. Леса Западной Африки от Либерии, возможно, до Заира.

Е. Верхняя губа со светло-голубой оторочкой, переносица голубая, желтые бакенбарды: г о л у б о л и ц а я м а р т ы ш к а. Образом жизни похожа на малых белоносых гвенонов, редко можно увидеть ее на земле. Тропические леса Западной Африки.

Этот достаточно длинный, но, по мнению некоторых специалистов, еще не полный список настоящих мартышек демонстрирует нам, каким разнообразием расцветок наделила природа этих обезьян, и, возможно, он поможет вам узнать некоторых из них, которые довольно обычные гости зоопарков. Но поскольку бирки с названиями нацепить на каждую нельзя, а общие указатели на клетках мало что говорят, так как часто в общих вольерах содержатся разные мартышки, трудно бывает понять, к какой из них относится то или иное название, вывешенное снаружи на решетке.

Живут мартышки стаями, семейными группами, иногда в компании с мангабеями, колобами, но никогда с павианами и шимпанзе, бродят днем по лесам в поисках фруктов, орехов, насекомых, улиток, пауков, мелких птиц, ящериц, лягушек, что попадется съедобного. Правда, у некоторых вкусы более определенные, но в общем они всеядны.

У некоторых видов, например у голуболицых гвенонов, замечена такая же иерархия в стаях, как у павианов и макак, о которых речь будет дальше. Но многие, по-видимому, живут более «демократично», без строгого разделения на ранги. Одни охраняют свою территорию и кочуют лишь в ее пределах (голуболицые и большие белоносые гвеноны), другие таких правил не придерживаются.

Ни одна мартышка не любит так много и охотно бродить по земле, как гусар. Взрослого гусара редко можно увидеть днем на дереве

Большинство мартышек — жители густых тропических лесов, иные перебрались в сухие саванны, степи и кустарники. Это зеленые мартышки, которые, подобно макакам, много бродят по земле

Еще больший любитель открытых пространств, богатых травой, но бедных деревьями, — гусар, или патас. Его тоже часто называют мартышкой, но он из другого рода, чем настоящие гвеноны. Имя «гусар» получил, вероятно, из-за красновато-рыжего цвета своей шерсти. Есть два подвида гусаров: черноносый, или патас (от Сенегала до Эфиопии, на юг до Танзании и Заира), и белоносый, или ниснас (Восточный Судан, Нубия, Сомали). Это одна из первых обезьян, которых описали древние авторы, в частности Элиан.

Ни одна из мартышек не любит так много и охотно бродить по земле, как гусар. Взрослого гусара редко можно увидеть днем на дереве. Больше того, спасаясь от врагов, он часто не спешит к дереву, как другие обезьяны, чтобы забраться повыше, а удирает по земле резвым галопом со скоростью 50 километров в час. По плохой дороге ни один автомобиль не угонится за гусаром! Это, пожалуй, самая быстроногая из обезьян.

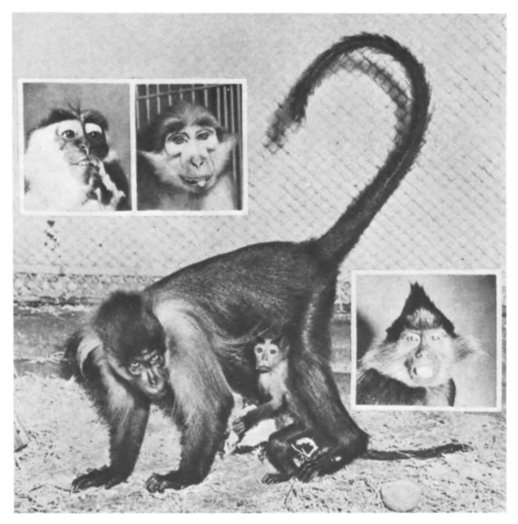
Живут гусары стаями. У каждой индивидуальная территория около 20 квадратных миль. Днем кочуют по степи, в ее пределах проходят от нескольких сот метров до 12 километров. Ночуют обычно на деревьях. В стае 7—12 самок и молодых обезьян и всегда только один взрослый самец, который ростом и весом (25 килограммов) вдвое больше любой самки. Он очень чуткий дозорный и охранитель своего гарема и совсем не так деспотичен в обращении с женами, как самцы павианов. Среди самок заметили строгое разделение на ранги: высшие в иерархии всегда сидят ближе к самцу, а с ними и их детеныши. Из-за этих центральных мест — вечные склоки.

Еще два вида обезьян особых родов (не церкопитекус) дополняют группу гвенонов: карликовая мартышка (самая крохотная из обезьян Старого Света — длина без хвоста 35 сантиметров) и черно-зеленая, или болотная, мартышка. Первая обитает в заболоченных лесах и манграх в устье Конго, в Северной Анголе и на две тысячи миль восточнее, на склонах гор Рувензори. Вторая была открыта только в 1907 году в Заире. Внешне она похожа на мартышку, хотя ряд морфологических признаков сближает ее с мангабеями. По-видимому, это переходная форма между ними и мартышками, а через мангабеев она замыкает родственные связи гвенонов с макаками и павианами.

Мартышки довольно легко переносят неволю, и многие долго живут в зоопарках (рекорд — 26 лет!) Их, так же как и резусов, держат в лабораториях для разных медицинских и биологических экспериментов.

«Только из Кении для этих целей вывезли в 1962 году 25 тысяч мартышек» (доктор Вальтер Фидлер)

Мангабей похож на мартышку, но морда подлиннее, типа макаки. И зубы тоже как у макак: третий нижний коренной с пятью бугорками (у мартышек с четырьмя). У самцов седалищные мозоли тоже скорее типа макаки, чем мартышки, а верхние веки «подкрашены» белым, как у павиана гелады.

Мангабей — как бы переходное звено от мартышек к макакам

Эти белые пятна как бы подчеркивают напряженный взгляд вожака, которым он угрожает сопернику или низшему рангом. Когда два самца вознамерятся напугать друг друга, они поднимают надбровья, чтобы яснее обозначились белые пятна на веках, и долго стоят нос к носу, словно их увлекла детская игра в «гляделки». Потом еще начнут мигать белыми веками, вытянут нижнюю губу, шлепают губами, «болтают», дразнят друг друга, то высовывая язык, то пряча.

Название «мангабей» происходит от мадагаскарского города Мангаба, откуда впервые привезли этих обезьян в Европу. Но родина их — Тропическая Африка: сырые, болотистые леса и мангры от Либерии до Анголы, а на восток — до Кении. Здесь, почти не слезая с деревьев, обитают четыре вида мангабеев: воротничковый (серо-бурый с белым воротником вокруг шеи и нередко с красной «шапкой»), черный, или хохлатый (с длинным, устремленным вверх в виде косицы пучком волос на темени), гривистый (с небольшой гривой на шее и плечах) и резвый (буро-оливковый с пышным «чепчиком» волос на голове).

Много лет подряд японские биологи изучали жизнь макак, которые местами обитают на их островах. Одна стая макак жила на горе Такасакияма, «отрезанной от мира с трех сторон морем, а с четвертой — горными хребтами». Сидели и ходили по ней обезьяны не как попало, а в строгом порядке и в зависимости от «чина» каждой обезьяны. В центре всегда были самцы и самки самого высокого ранга. Только малышам разрешалось здесь рез-

виться. На Такасакияме жило шестнадцать взрослых самцов, но лишь шестеро из них обладали столь высокими прерогативами, что могли гулять «по центру». Всем другим вход был воспрещен. Они, тоже строго по чину, располагались с краю вокруг привилегированного центра. Порядок был такой: первую круговую орбиту, ближайшую к вожакам, занимали самки более низкого ранга. А вторую за ней — молодые и слабые самцы. Только совсем молоденьким обезьянам разрешалось переходить как угодно границы всех рангов.

Вечером обезьяны шли спать. В авангарде — дозор молодых самцов, затем самцы-вожаки, с ними самки высшего разряда с детенышами. Когда они покидали свою центральную резиденцию на холме, туда уже без страха приходили подчиненные им самцы и уводили самок чином пониже. Процессию замыкала молодежь, которая обычно задерживалась, чтобы порезвиться у «трона» вождей.

Утром обезьяний караван возвращался на гору и располагался строго по сферам влияния.

В Японии зоологи зарегистрировали сейчас около тридцати подобных обезьяньих сообществ, которые объединяют 4300 макак разных возрастов. У каждой стаи своя территория от двух до 15 квадратных километров, в пределах которой обезьяны кочуют днем в поисках фруктов, съедобных листьев и прочего провианта. В стае от четырехпяти до 600 макак. Но обычно от 30 до 150. Ночуют обезьяны в густых лесах или на отвесных скалах, на деревьях.

Ранг самцов определяется возрастом и силой, но у самок иной порядок. Возраст сам по себе не играет особой роли, больше значит личное влияние на самцов высшего ранга и симпатии, которые те к ним проявляют. Поэтому среди самок происходят постоянные перемещения, что не обходится без ссор и драк. Дочери и даже племянницы самки высшего ранга «автоматически» включены в центральный круг, так как мать всех их защищает и опекает. Иное дело — сыновья. Как только им исполнится полтора-два года, они уходят во внешний круг и собственными силами борются за ранг и влияние в стае. Среди семидесяти макак, которые живут на небольшом островке Кошима, самая влиятельная — семейная группа старой обезьяны, у которой больше, чем у других, потомков женского пола!

Когда приходит пора размножения (в ноябре — декабре), вожаки претендуют отнюдь не на всех самок в стае, а только на избранных. Взрослые самцы низшего ранга тоже находят самок, но из своего «внешнего» круга.

«Осенью 1953 года полуторагодовалая самка, которую мы назвали Имо, нашла однажды в песке батат (сладкий картофель). Она окунула его в воду — наверное, совершенно случайно — и смыла лапками песок» (М. Каваи).

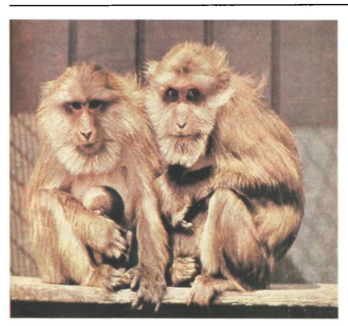

Японские макаки купаются в море

Так малышка Имо положила начало необычной традиции, которой знамениты теперь обезьяны острова Кошима.

Через месяц подруга Имо увидела ее манипуляции с бататом и водой и тут же «собезьянничала» культурные манеры. Через четыре месяца мать Имо делала то же. Постепенно сестры и подруги переняли открытый Имо способ, и через четыре года уже 15 обезьян мыли бататы. Почти всем им было от года до трех. Некоторые взрослые пяти — семилетние самки научились от молодежи новой повадке. Но из самцов никто! И не потому, что они менее сообразительны, а просто были в иных рангах, чем группа, окружавшая Имо, и поэтому мало соприкасались с сообразительной обезьянкой, ее семьей и подругами.

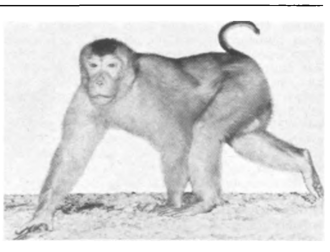
Постепенно матери переняли у своих детей привычку мыть бататы, а затем сами научили более

Бородатый макак резус. Этой обезьяне и обычному резусу человечество обязано разгадкой тайны резус-фактора и спасением жизни многих детей, которые умирали от несовместимости крови родителей

Макак силен, или львиный макак, как называют его англичане

Лапундер или свиной макак

молодых своих потомков, рожденных после того, как этот способ был изобретен. В 1962 году уже 42 из 59 обезьян стаи, в которой жила Имо, мыли бататы перед едой. Только старые самцы и самки, которые в 1953 году (год изобретения!) были уже достаточно взрослыми и не общались с проказливой молодежью, не усвоили новую повадку. Но молодые самки, повзрослев, из поколения в поколение обучали своих детей с первых дней их жизни мыть бататы.

«Позднее обезьяны научились мыть бататы не только в пресной воде рек, но и в море. Возможно, подсоленные, они были вкуснее? Я наблюдал также начало еще одной традиции, намеренно научив этому некоторых обезьян, но другие и без моей помощи ее переняли. Я заманил нескольких обезьян земляными орехами в воду, и через три года у всех детенышей и молодых обезьян стало в обычае регулярно купаться, плавать и даже нырять в море. Они научились также мыть в воде специально для них рассыпанные в песке пшеничные зерна. Сначала терпеливо выуживали каждое зерно из песка. Позднее, набрав полную горсть песка с зернами, окунали ее в воду. Песок опускался на дно, а легкие зерна всплывали. Оставалось только собрать зерна с поверхности воды и съесть. Между прочим, и этот способ открыла Имо. Как видно, способностями наделены обезьяны по-разному. Среди ближайших родственников изобретательной Имо почти все научились этой повадке, но из детей обезьяны Нами только немногие» (М. Каваи).

Наконец, заметили, что макаки стали ходить на задних ногах! Иногда метров тридцать несут в руках

пищу, чтобы помыть ее. Шимпанзе тоже вынуждены идти на двух ногах, когда что-нибудь несут в руках. В этой повадке мы замечаем новые доказательства той известной теории, что именно труд вывел обезьяну в люди. Чтобы освободить руки для простейшей деятельности, приходилось вставать на ноги и так ходить. Умение это в свою очередь давало простор и лучшие возможности «рукоделию». А оно развивало сообразительность и мозг, который изобретал новые идеи для приложения рук и труда. Так совершенствовался род предлюдей.

Одна из самых обычных обезьян зоопарков, ее человек первой послал в космос, — макак-резус. Он частый гость и в исследовательских лабораториях. Человечество обязано ему открытием особого резус-фактора, определяющего несовместимость крови некоторых супругов и губившего прежде многих детей.

Резус, как и все макаки, короткохвост, крепкого, коренастого сложения. Житель лесов и скалистых холмов от Афганистана до Индокитая и Южного Китая. В Индии это священная обезьяна.

Еще два близких вида (из подотряда резусов): ассамский макак, или горный резус, и короткохвостый тайванский резус — обитают соответственно в Ассаме и на Тайване.

Резусы — отважные обезьяны, самцы много крупнее и сильнее самок, справляются с собаками и атакуют нередко даже гималайского медведя, если тот забредет во владения макак и слишком приблизится к самкам с детенышами. Не раз нападали они и на невооруженных людей, пытаясь напугать и прогнать их наскоками, оскаленными зубами, быстрыми укусами, стремительным отступлением и новой атакой.

Силена англичане называют львиным макаком: его хвост увенчан небольшой кисточкой, а серые бакенбарды очень пышны. Сам он темно-бурый или черный. Живет в гористых лесах на крайнем юго-западе Индии. Ближайший родич силена — свиной макак, или лапундер, — внешне на него похож мало. Нет у него пышных баков, а хвост короткий и непропорционально тонкий, прямо поросячий. Сходство дополняет манера носить хвост всегда изогнутым. Бирманский подвид лапундера с небольшой кистью на конце хвоста, и немцы именно его (а не силена, как англичане) называют львиным макаком (или макакой — в русском языке употребляются оба рода).

Обитают лапундеры в Восточной Индии, Бирме, Индокитае и Индонезии. Кое-где их приучают собирать с пальм кокосовые орехи. Дрессируют обычно самок и молодых лапундеров, так как взрослые самцы, самые крупные из макак вообще, слишком сильны и опасны.

Обезьянка лезет на пальму и тут из 10—40 орехов должна по своему соображению выбрать только зрелые. Если сбросит вниз неспелые, ей за это попадает. Силенок у нее немного, а орехи-то большие и стебельки у них прочные. Лапками порвать их она не может, а потому быстро крутит орех туда-сюда, пока не лопнут почти все волокна стебля. Оставшиеся подгрызает зубами. Немало приходится ей повозиться, прежде чем орех упадет на землю. За первым следует второй, третий — сколько нужно. Обычно пускают ее на дерево на привязи, и, слезая, она сама следит за тем, чтобы веревка, которая опоясывает ее поперек живота, не запуталась в ветвях. Некоторые обезьянки собирают за день пятьсот орехов!

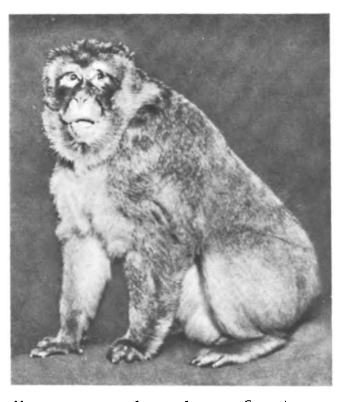
Еще пять видов рода макак обитают в Азии. Тибетский, или медвежий, макак (Тибет, Китай, Индокитай) — бурый, почти бесхвостый, краснолицый, когда тепло, и голуболицый на холоде. Холод переносит легко и нередко бродит даже по снегу. Макак Боннета интересен тем, что в Южной Индии, где резусов нет, он как бы замещает их, занимая ту же, как говорят специалисты, экологическую нишу. Но нравом на резуса не похож: пуглив и удирает даже от шакала. Когда в обрубленных стволах бамбука собирается дождевая вода, эти макаки пьют ее, запуская руку внутрь ствола и облизывая. Близкий вид обитает на Шри-Ланке.

А в Индокитае, Индонезии (но не на Сулавеси) и на Филиппинах — яванский макак, или крабоед. В мангрух на морских побережьях и в зарослях около рек и озер яванские макаки охотятся на рыб, крабов и раков. Хорошо плавают и ныряют. На Бали их почитают как священных и выносят для них на опушку леса вареный рис и другие продукты.

На Сулавеси два макака: черный, или болотный, который внешне похож на магота, и хохлатый, которого тоже называют черным. Хохлатый не настоящий макак, он иного рода. Длинной мордой, крутыми надбровными дугами напоминает павианов и, по-видимому, переходная форма к ним.

Таким образом, добрались мы наконец и до павианов, но, прежде чем рассказать о них, познакомимся с маготом.

Когда появились маготы на скалах Гибралтара — неизвестно. То ли это остатки последних европейских стай (ископаемые кости маготов най-

Магот — единственная обезьяна, обитающая в Европе (на скалах Гибралтара)

дены в разных местах Европы), то ли их завезли сюда финикийцы либо римляне?

В начале VIII века арабский полководец Тарик ибн Сияд застал уже на Гибралтаре этих обезьян. В 1856 году, когда Гибралтар перешел во владение англичан, там жило 130 маготов. Британский губернатор особым указом повелел охранять их. Потом какая-то болезнь погубила всех обезьян, кроме трех. Опять губернатор издал приказ: привезти маготов из Северной Африки и поселить их на Гибралтаре. Дело в том, что старое предание утверждает, как только все обезьяны исчезнут с Гибралтара, англичане потеряют эту твердыню!

Вскоре обезьяны так расплодились и обнаглели, что целыми бандами спускались с гор, опустошали городские сады, воровали, кусали детей и женщин.

«Когда затем одна обезьяна стащила во время праздника украшенный пером шлем губернатора и, усевшись с ним на зубце крепости перед большой толпой зевак, пародировала его превосходительство, чаша терпения переполнилась. Все обезьяны из округи города были выселены и изгнаны на уединенные скалы. Однако приказ об охране остался в силе» (Вальтер Фидлер).

Обезьяны подчинены военному министерству. Особый офицер, «ответственный за обезьян», на канонерке охраняет скалы, где живут маготы. Каждой обезьяне, а их больше двухсот, выделено содержание: четыре пенни в день.

Как только по той или иной причине число обезьян на Гибралтаре сокращается, сейчас же англичане, не жалея средств, привозят новых из Северной Африки. В 1942 году, например, сам Черчилль телеграфировал командующему британскими войсками в Африке: «Немедленно поймайте несколько обезьян для Гибралтара!» И генерал послал отряд солдат ловить обезьян.

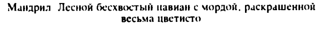
Две стаи маготов на Гибралтаре: одна живет высоко на недоступных скалах — эти довольно дики. Но обезьяны другой стаи, обосновавшиеся на полпути от вершины скалы до порта, совсем потеряли и страх и уважение к людям. Быстро прыгнув в открытые окна автомобиля, они тащат из карманов туристов платки, кошельки и прочие вещи и стрелой удирают прочь. Краденое рвут, если оно несъедобно, и бросают. Угнаться за ними совершенно невозможно, да и небезопасно. Стоит схватить одного магота, как он поднимает такой крик, что вся банда тут же спешит на помощь и без страха нападает на людей. Приходится удирать, так как, по закону, обижать обезьян не разрешается.

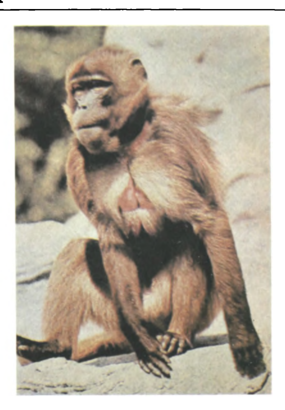
После полудня «обезьяний канонир» привозит маготам ежедневный паек: фрукты, хлеб. Он уже много лет служит в этой должности и знает каждую обезьяну по имени. Только к этому человеку гибралтарские маготы относятся уважительно.

Зимние холода Средней Европы маготы переносят неплохо. Они однажды двадцать лет жили и плодились в Германии. История такова. В 1763 году граф Шлиффен привез из Северной Африки несколько маготов и поселил их в парке своего имения близ Касселя, на севере Гессена. Для укрытия от стужи обезьянам построили хижины и гроты. Двадцать лет жили и плодились они довольно мирно. Как верные псы, всей стаей провожали графа до границ имения, когда он уезжал в Кассель, и ждали тут его возвращения. Но потом стали безобразничать. У соседа, другого графа, украли кассу с деньгами и спрятали ее на крыше, в желобе Потом один магот унес из люльки трехнедельного ребенка управляющего имением и залез с ним на фронтон дома. С большим риском повар графа забрался на фронтон и, приманивая обезьяну инжиром, спас ребенка.

Но когда вожак стаи напал на девочку, разодрал ее платье и вырвал волосы, граф с тяжелым сердцем приказал перестрелять всех обезьян, а было их уже шестьдесят. По другим сведениям, причиной их буйства и гибели было бешенство, которое зане-

Мандрил. Лесной бесхвостый павиан с мордой, раскрашенной весьма цветисто

Гелада. Он и павиан и вроде бы не павиан

сла в стаю покусавшая обезьян собака. На могиле «германских» маготов поставили памятник, который существует и поныне.

Север Африки, откуда англичане привозят маготов на Гибралтар, — это Атласские горы Марокко и Алжира. Но в Сахаре и южнее макаки не водятся. Там живут павианы. Их восемь видов.

Два почти бесхвостых и лесных:

мандрил (Нигерия, Северный Камерун) — самым странным образом раскрашенная обезьяна: морда голая, переносица, ноздри, губы ярко-красные, бороздчатые вздутия на боках переносья голубые. Огромные голые седалищные мозоли тоже ярко-красные с голубизной по краям. Это у самцов. У самки красного на морде нет, а только голубые вздутия;

дрил (Южный Камерун, Габон, Конго (Браззавиль)) — очень похож на мандрила, но поменьше и не так ярок: без голубого и красного на черной морде, лишь нижняя губа и подбородок с красным оттенком.

Хвостатые павианы — жители открытых пространств (саванн, степей, кустарников, скал);

гелада (горы Эфиопии) — почти черный с гривой на плечах, с продольными бороздами на переносице, как у дрила, щеки странно впалые, нос укороченный, спереди на груди голые красные пятна. У самок соски так сближены, что детеныш сосет их, взяв оба в рот;

гамадрил (скалистые холмы Восточной Эфиопии, Сомали, прибрежные скалы Южной Аравии, а по другим данным — также и Восточный Судан), самцы с пышной серебристо-серой гривой на плечах и спине и с большими красными седалищными мозолями.

Четыре вида очень похожих друг на друга бабуинов:

бурый гвинейский (степи и кустарники Сенегала и Гвинеи);

зеленый, или анубис (такие же ландшафты, но восточнее — от Нигера до Эфиопии);

желтый бабуин — саванны, степи, кустарники Восточной Африки, Замбии, Зимбабве, Анголы;

чакма — те же ландшафты, но южнее до самого Кейптауна.

После человека и человекообразных обезьян павианы — самые крупные из приматов (самцы мандрилов весом до полцентнера). А когда-то, еще

Желтый бабуин — один из самых распространенных в Африке павианов

сравнительно недавно, в ледниковое время, в Южной Африке жили павианы-гиганты ростом почти с гориллу.

Из всех обезьян павианы самые собакоголовые и самые недревесные. Большую часть жизни проводят на земле, ищут разные коренья, ворошат листья, переворачивают камни: улиток, насекомых, найденных здесь, тоже едят. Только на ночь, чтобы выспаться в безопасности и спастись от врагов, залезают на деревья.

А врагов, которых они боятся, немного. Это прежде всего вооруженный человек (невооруженный их не пугает), лев и леопард. Слонам и носорогам они уступают дорогу лишь в последнюю минуту. С другими копытными и хищными обитателями саванны живут в мире или соблюдают нейтралитет. Среди буйволов, зебр, жираф, антилоп ходят спокойно. Шакалов, гиен игнорируют. Гиеновых собак опасаются. Десяток или два взрослых самцов сейчас же заслоном выступают навстречу их стаям, оберегая самок с молодежью.

На марше построение у них такое же, как у японских макак: впереди молодые самцы, в центре самки с детенышами и вожаки высшего ранга, в арьергарде опять молодежь под предводительством нескольких взрослых самцов. С флангов обычно идут дозорные отряды самцов. С какой бы стороны ни объявился враг, его встречают самые сильные в стае.

Павианы часто поселяются рядом с человеком и грабят посевы и плантации. В Южной Африке в 1925 году давали премии за каждого убитого павиана. За два года перестреляли 200 тысяч, не считая погибших от ран и ядов. Но число бабуинов сократилось не намного.

Полагают, что причина их изобилия — в уменьшении числа леопардов. Тех перестреляли еще раньше и ради шкур, которые стали модны, и просто так, как хищников. А леопарды — главные враги павианов. Так было нарушено вековое равновесие природы, и павианы, лишившись самых опасных своих врагов, расплодились как никогда.

Каждая стая павианов (30—40 голов, самое большее 100—200) кочует в своих владениях, протяженность которых 5—15 километров. На водопои — места общего пользования! — мирно сходятся соседствующие стаи павианов. На некоторых водопоях собирается до 400 обезьян. Молодежь разных стай, пользуясь случаем, затевает игры, но, когда уходят старики, за ними спешат и молодые — каждый в свою стаю.

Сначала, как у всех обезьян, молодые павианы висят у матери на животе, вцепившись в шерсть, потом перебираются на спину. В возрасте нескольких месяцев павиана принимают в какую-нибудь группу молодые обезьяны. Он играет с однолетками и с некоторыми заводит прочную дружбу, обычно на всю жизнь. Они кочуют вместе, даже если обзаведутся семьями, и часто сообща дают отпор сильному и высшему в ранге самцу.

Если малыши слишком расшалятся, кого-нибудь больно укусят и тот закричит, сейчас же один из взрослых павианов направляется к ним и, наградив кого следует шлепками, прекращает игру. Один молодой павиан как-то неудачно прыгнул с дерева и упал в реку, старый павиан тотчас же бросился в воду и спас его. Вожак не терпит драк между взрослыми. Он сейчас же устремляет на драчунов свой пристальный взгляд — первое предупреждение. Второго обычно не требуется. Этот взгляд обладает какой-то телепатической силой: обезьяны, даже в свалке и гвалте, сразу чувствуют его и смиренно прекращают возню.

У степных павианов — бабуинов — настоящих семей, так же как и строго разделенных гаремов, нет. Самки в известной мере «общие». Но у жителей скал и нагорий — гамадрилов — семьи, в которых обычно лишь один сильный самец. Днем бродят семейными группами, но на ночь собираются в большую стаю на отвесных скалах. Так же, по-видимому, ведут себя их соседи — гелады. Некото-

Молодой чакма нашел страусиные яйца и решил поиграть ими

Павиан гамадрил. С таким вооружением в пасти и леопард не страшен!

рые исследователи считают их даже не павианами, а особой ветвью макак. Замечены у гелад и некоторые морфологические черты мартышек. Так что родственные связи гелад с обезьянами своего подсемейства еще не вполне ясны.

Павианы нередко нападают на дукеров, молодых антилоп и свиней, на домашних овец и ягнят. У ягнят, прокусив желудок, любят пить его содержимое (молоко). Тем удивительнее случай, описанный зоологом доктором Хешем. Одна фермерша в Южной Африке решила приучить молодого бабуина чакму по кличке Ала пасти коз. Сначала Ала жила в загоне с козами и очень к ним привязалась. Когда козы шли на пастбище, и она уходила с ними. Охраняла, отгоняла от чужих стад, собирала в гурт, если они слишком разбредались, а вечером пригоняла домой. В общем вела себя как лучшая пастушья собака. Даже больше! Она знала каждую козу и каждого козленка. Однажды с криком прибежала с пастбища домой. Оказалось, что двух козлят забыли выгнать из загона! И Ала это заметила, хотя в стаде было восемьдесят коз[1]

Когда маленькие козлята уставали идти, она брала их и несла, а затем отдавала блеющей матери, подсовывая под самое вымя. Если козленок был слишком мал, она приподнимала его и поддерживала, пока тот сосал. Ала никогда не путала, чей козленок, чужой козе не отдавала. Если рождалась тройня и козленка забирали, чтобы подсадить его к козе с одним сосунком, Ала распоряжалась по-своему и опять возвращала его матери.

Она следила даже за тем, чтобы молоко у коз не перегорало, если козленок всего не отсасывал. Пощупав набухшее вымя, сосала молоко сама. Такую высокую ответственность в выполнении порученного им дела замечали и у других обезьян. Некоторые шимпанзе, если поставленная перед ними задача оказывалась не по силам, даже страдали нервными расстройствами, впадая в глубокую депрессию.

В зоопарках наблюдали, как без всякого кровопролития решают павианы вопрос о первенстве в стае. Один сильный гамадрил долго был вожаком, постарел, облысел, его пышная грива вытерлась, поредела. Однажды молодой гривастый павиан занял его место, и старик мирно уступил, ушел, так сказать, на второй план и больше не претендовал на первое место. Но молодежь и самки низшего ранга по-прежнему уважали старика, любовно причесывали, ухаживали за его шерстью, как принято у обезьян.

Другому самцу, который был стар и зубы его притупились, зоолог Хайнеман решил показать нарисованную в натуральную величину картину — оскаленную пасть гамадрила с огромными клыками

Как только старик через стекло увидел эти зубы, он сейчас же отпрянул назад и забился в самый дальний угол клетки, словно говоря: «Не тронь меня, с такими клыками первое место — твое по закону!»

ЛАНГУРЫ, НОСАЧИ И КОЛОБЫ

Подсемейство колобовых (или даже семейство, по мнению других систематиков) включает обезьян трех групп: похожих на мартышек длиннохвостых лангуров (13—14 видов), носатых обезьян (три рода с 4—6 видами) и собственно колобовых: 2 вида толстотелов, 1—2 вида гверец.

Часто их разделяют и так: тонкотелые обезьяны (лангуры и носатые) и толстотелые (толстотелы, или колобы, и гверецы). Первые — все южноазиатские, вторые — африканские. Но поскольку носатых обезьян тонкотелыми назвать можно, лишь помня об их родстве с действительно стройными лангурами (на самом же деле они более «толстотелы», чем африканские колобы), логичнее принять разделение на три группы.

От мартышковых отличают колобовых обезьян коренные зубы, приспособленные для перетирания листьев, недоразвитые защечные мешки и тоже недоразвитый большой палец на руках, если он вообще есть. Но главное — желудок! Очень вместительный — втрое больше, чем у других обезьян сходного размера, и многокамерный, похоже, как у жвачных. В нем под действием бактерий бродят и перевариваются листья, почки, цветы и фрукты. Колобовые обезьяны — вегетарианцы. Не всеядны, как мартышковые. И не так подвижны и резвы: переваривание «силоса» требует известного покоя и «созерцательной» жизни.

«Когда хульманы при восходе и закате спокойно сидят и греются в лучах солнца, вид у них такой, будто они погружены в молитву. Возможно, также поэтому индусы объявили их священными» (В. Фидлер и Г. Вендт).

Хульман — священная обезьяна Индии

Хульман — самый крупный из лангуров и самый обычный на Шри-Ланке, а в Индии живет от Гималайских гор до южной оконечности полуострова Индостан. Хульманы живут часто в храмах и в парках, без страха заходят в селения и города. Порой тащат съедобное со столов и разоряют сады: обижать хульманов индусам не позволено, и в Индии строго следят за тем, чтобы чужеземцы тоже не обижали священных обезьян. Но вред от хульманов небольшой.

Основное свое пропитание они находят в лесах. Живут стаями по 20—30 обезьян, территория стаи — примерно восемь квадратных километров. Иерархия у них — как у макак и павианов, но с той разницей, что самцы меньше заботятся о малышах, а самка, если у нее родится детеныш, тотчас оказывается в центре внимания всей стаи. Ее окружают старые, высшего ранга самки, они принимают самое деятельное участие в воспитании и охране малыша.

Повзрослев, на четвертом году жизни самцы уходят во «внешний круг», но самочки остаются с матерью, чтобы помогать ей воспитывать маленьких сестер, братьев и кузенов. Это их главная обязанность в юные годы.

Десятиметровые прыжки хульманов великолепны. По земле, куда они спускаются чаще других лангуров, бегают тоже резво — 35 километров в час!

На юге Индии водится еще один лангур — красномордый, или нильгири-лангур. У него золотисто-рыжая голова и баки. На Шри-Ланке другой красномордый лангур — белобородый (тоже с рыжеватой головой, но белыми баками и бородой). В Восточной Индии, в Индокитае и Индонезии обитают хохлатые лангуры, но большинство видов живет в лесах и манграх восточнее ареала хульмана (Индокитай, Южный Китай, Индонезия, но не Сулавеси). Многие из них так же пестро и ярко окрашены, как и мартышки· золотистых, красно-рыжих, зеленых, черных тонов, многие с «прическами» — хохлами, баками, зачесами и прочее

Носатых обезьян три рода: китайские (ринопитекус), ментавайские (симиас) и калимантанские (назалис).

Китайских два, возможно, четыре вида. Один из них — золотистая носатая обезьяна, или рокселана, с блестящей золотисто-рыжей густой шерстью на брюхе, горле, вокруг «фиолетовой» морды и на внутренних сторонах рук и ног. Сверху она темная, серо-бурая. Уже больше четырех тысяч лет на древних китайских вазах красовались странные хвостатые, с золотыми животами и вздернутыми носами человекоподобные существа. Только в 1871 году, когда первая такая обезьяна попала в руки зоологов, европейцы убедились, что изображения на старых вазах не мифические, а натуралистические.

«Когда французский зоолог Альфонс Милн-Эдвардс описывал золотую носатую обезьяну, вспомнил он о другой картине из XVI столетия, на которой была изображена известная русская куртизанка Рокселана. У нее были такие же красно-золотистые волосы и точно такой же привлекательно вздернутый вверх носик. Поэтому дал Милн-Эдвардс новой китайской обезьяне имя „Ринопитекус рокселана"» (В. Фидлер и Г. Виндт).

Живут золотые носатые обезьяны в горных лесах и бамбуковых джунглях. Редко кто видел их на воле. Удивительно, что многие места, где обитают эти обезьяны, зимой заносят глубокие снега. Очень плотная и густая шерсть спасает обезьян от холодов.

Кахау, или калимантанская носатая обезьяна. Нос у нее поистине грандиозен. И чем он больше, тем выше в ранге самец

Ментавайские носатые обезьяны ныне сохранились только на некоторых островах архипелага Ментавай, к западу от Суматры. У них вздернутый, «курносый» носик, как у рокселан, но хвост короткий, тонкий, как у лапундера. Это единственная обезьяна с коротким хвостом среди подсемейства колобовых, и, кажется, единственная, которая кроме листьев и плодов ловит и ест крабов и других мелких водных животных в лесных болотах, где и живет.

Но вот у кого на носу «сооружение» поистине грандиозное — у калимантанской носатой обезьяны, по-местному «кахау»! Вислый огурец длиной до десяти сантиметров! Это у старых самцов. У молодых и самок носик вздернутый, чуть подлиннее, чем у китайских и ментавайских носатых обезьян. Но у самцов лет примерно с семи нос быстро начинает

А эта красотка — подруга носача с острова Калимантан Примерно такие же не очень большие вздернутые носы и у китайских и ментавайских носатых обезьян

расти. И чем старше самец, тем длиннее у него нос висит, закрывая рот, и, чтобы есть, носачу приходится рукой отодвигать в сторону нескладный знак своего мужского достоинства. Чем больше у кахау нос, тем громче звучит его крик «хонк-кихонк» — как контрабас! У самок с их короткими носами и звуки получаются негромкие, похожие немного на гусиный гогот. Нос самца — резонатор. Поэтому чем он больше, тем громче крик и тем выше ранг крикуна. Самцы, начиная спор за лидерство или за место на дереве, усаживаются нос к носу и орут. Кто кого перекричит, тот и победитель. Тогда посрамленный противник вмиг слетает с дерева.

Старые самцы массивны, весят 24 килограмма, самки только восемь килограммов. Любимые места носачей — мангровые деревья, особенно по топким берегам реки Сангей-Рандау. Листву в манграх они едят, но особенно любят листья зоннераций, на которых обычно и устраиваются ночевать. Но прежде чем уснуть, все едят и едят, не слезая с «постели», пока могут дотянуться хоть до какого-нибудь листа. Поэтому к утру все голо вокруг ветвей, на которых они спали, и поэтому каждую ночь носачи спят на новом дереве.

Вильям Биб видел носача, который переплывал реку. Когда лодка приблизилась, обезьяна нырнула и, пробыв под водой 28 секунд, поплыла дальше.

«Плавательные перепонки на лапах, видимо, вводят в заблуждение многих исследователей, считающих, что носатые обезьяны — отличные пловцы и плавают ради собственного удовольствия. Это не совсем так. Пловцы они действительно отличные, но в воде лишь спасаются от слепней. Причем, глядя на их физиономии, нельзя заметить и тени удовольствия. Если им все-таки нужно пересечь реку, они стараются по ветвям, нависающим над водой, добраться как можно дальше, пока ветки выдерживают их вес, после чего, преодолев часть пути по воздуху, шлепаются в воду и плывут до другого берега» (Джеймс Керн).

Африканские толстотелы, или колобы, красная и зеленая (тропические леса Западной Африки — от Сенегала до Анголы и остров Занзибар), внешне, абрисом тела, похожи на мартышек и лангуров. Особенно ничем не примечательны, и о их жизни мало что известно. (Зеленая колоба переносит новорожденного детеныша во рту, что для обезьян совершенно необычно!)

Но гвереды (один или два вида, живущие в лесах Эфиопии, Западной, Центральной и Восточной Африки) выглядят необычно. В общем они черные (хотя раскраска разных подвидов и особей сильно варьирует), с белой пышной опушкой волос по бокам тела и на хвосте. У некоторых подвидов белый хвост пышнее, чем у лисы.

Каково назначение этой опушки? Возможно, белый хвост, перекинутый через тело, маскирует обезьяну, когда она спит: так называемый «расчленяющий» метод камуфляжа, нарушающий привычные глазу очертания животного. Возможно также, что хвост — хорошо заметный сигнал, необходимый для лучшей ориентировки членов стаи в зеленой гуще листвы. Но скорее всего, главная роль — стабилизация и рулевое управление в двадцатиметровых прыжках с дерева на дерево. Оторочка из

длинной белой шерсти по бокам тела тоже «парусит» и помогает обезьяне в планирующем полете.

Когда зоологи впервые увидели гверец, их поразило, что больших пальцев на руках у них нет. Вначале решили, что к ним попали обезьяны с отрубленными пальцами, потому и назвали их «колобус», что значит «изуродованный». Но больших пальцев

Гверецы Мех их когда-то был моден Сотни тысяч гверец истребили, чтобы одеть модниц

у них нет от рождения. Гверецы, как и гиббоны, коаты, орангутаны, шимпанзе и гориллы, передвигаются по веткам «брахиоторным» способом: в основном на руках. У ног лишь вспомогательная роль.

Гверецы — единственные обезьяны, за мехом которых охотились специально. Перед первой мировой войной обезьяний мех, именно гверец, вошел в моду. В 1892 году на мировых рынках были проданы шкуры 175 тысяч гверец Наверное, погибло столько же или вдвое больше подранков Поэтому во многих местах прежнего обитания гверецы теперь истреблены.

У новорожденных гверец шерсть белая. Детеныша мать носит на брюхе, придерживая одной рукой, голова малыша покоится у нее на груди.

У гверец строгой иерархии внутри стай, как у макак и павианов, не наблюдали Но заметили некое подобие иерархии между ними и другими животными, которые живут рядом Главенствуют здесь павианы Потом... птицы-носороги! Затем — гверецы, еще ниже в ранге — мартышки

Такую «биологическую иерархию», которую в отличие от внутривидовой называют «социальной», наблюдали и среди других животных. Например, в смешанных стаях синиц. Здесь все большие синицы рангом выше лазоревок, а те выше черноголовых гаичек.

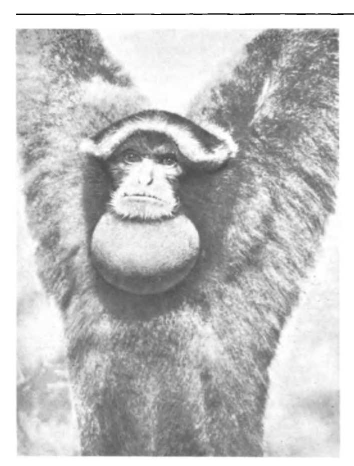
Гверецы, подобно маготам, золотым носатым обезьянам и хульманам, легко переносят резкое похолодание: в некоторых горах, где они живут, температура воздуха падает от 40 градусов днем до трех градусов ночью.

ГИББОНЫ

Гиббоны — и человекообразные и не совсем человекообразные. Древние гиббоны, которые в середине третичного периода жили также в Африке и Европе, возможно, даже были хвостаты. По-видимому, от них-то и произошли древние обезьяны, которые от мартышкообразного типа совершили эволюционный переход к человекообразным.

Нынешние гиббоны, бесспорно, группа, уклонившаяся с пути, который ведет к человеку. Уклонившаяся в сторону специализации, приспособления к жизни на вершинах леса. Их необыкновенно длинные руки, большие пальцы, слишком плоские, без всякого свода подошвы ног, малопригодные для длительного передвижения по земле, сравнительно небольшой мозг, круглый, без костных гребней череп, более широкая, чем у других обезьян Старого Света, носовая перегородка, направленные в стороны большие ноздри, слишком длинные клыки, седалищные мозоли (хоть и

Самый крупный из гиббонов — сиаманг. Хорошо виден его раздутый горловой мешок-резонатор

небольшие) и, наконец, повадка ночевать просто сидя на суках, а не строить «гнезда» — все это отдаляет гиббонов от настоящих человекообразных обезьян. Поэтому современные систематики рассматривают гиббонов как особое семейство, правда в надсемействе человекообразных, либо как подсемейство в семействе человекообразных.

Есть разногласия и в родовом делении гиббонов: одни систематики полагают, что род один с семью видами, другие выделяют два рода — сиаманги и настоящие гиббоны.

Сиаманги, самые крупные из гиббонов, всегда черные, у них нет черепного гребня, который у настоящих гиббонов иногда бывает, а горловой мешок у самок и самцов сиамангов всегда голый. У настоящих гиббонов, кроме самцов хохлатого, горлового мешка нет.

Сиаманг живет в лесах Малаккского полуострова и Суматры, а карликовый сиаманг (вид или подвид — вопрос не решен) на островах Ментавай. Повадками и образом жизни сиаманг похож на других гиббонов, только кричит и «поет» громче — его слышно за три-четыре километра — и умеет плавать. Другие гиббоны, как и человекообразные обезьяны, обычно не плавают. Правда, в зоопарках некоторые молодые шимпанзе и гиббоны любят купаться и умеют немного плавать. Но у старых

Хохлатый гиббон

гиббонов густая шерсть быстро намокает и тянет их на дно.

У настоящих гиббонов окраска очень изменчива, молодые иной масти, чем взрослые, а самки долго сохраняют детский наряд.

Черные гиббоны:

хулок — самцы всегда черные, самки бывают бурые и серые, надбровья белые, мех очень густой и длинный, из-за него не видны седалищные мозоли (Восточная Индия, Бирма, Южный Китай, Индокитай);

хохлатый — самцы обычно черные с белыми бакенбардами, самки бывают бурые, рыже-желтые. На темени хохол, особенно заметный у самцов (Индокитай и остров Хайнань);

лар, или белорукий гиббон, — нередко черный, но бывает и бурый, желто-серый. Руки, ноги и

«оторочка» вокруг лица белые (Южная Бирма, Малайя, Суматра).

Нечерные гиббоны:

унгка — темно-бурый, рыжий, светло-рыжий, лицо иногда окаймлено белым, как у лара (Малаккский полуостров и Суматра);

вау-вау, или серебристый гиббон, — обычно

Лар, или белорукий гиббон

серебристо-серый с черным лицом (Ява и Калимантан).

Прыжками гиббонов можно любоваться долго. Зрелище захватывающее и красивое. Отталкиваясь и хватаясь в конце прыжка только руками, они буквально летают между деревьями. Прыжки то плавны и грациозны, то стремительны. Настолько точны и быстры, что нередко в полете гиббоны рвут плоды с ближайших веток и даже ловят птиц. В вершинах леса это, пожалуй, самые быстрые из обезьян. А на земле, пожалуй, единственные, которые ходят главным образом на задних ногах, приподняв согнутые в кистях руки вверх и балансируя ими. И другие обезьяны могут так ходить, но все-таки больше предпочитают бегать на четвереньках. А гиббоны даже по горизонтальным сукам, на головокружительной высоте, бегают на двух ногах.

За прыжками гиббонов можно с интересом следить часами

Порой падают, и, наверное, нередко: одно обследование костей гиббонов показало, что у 70 гиббонов из 100 (в другом случае — у 33) были сросшиеся переломы рук и ног.

В руках у гиббона сила удивительная! Уцепившись одной рукой за решетку, второй он может по гладкому полу подтащить к себе взрослого человека! А ведь весу в гиббоне всего пять — восемь килограммов, только сиаманг вдвое-втрое тяжелее.

Пьет гиббон, повиснув на ветке над водой и окуная руку в воду, а затем облизывая ее. Реже пьют они прямо ртом, но не с берега, а опять-таки с ветки.

Живут семьями: один взрослый самец, одна, реже две, взрослые самки и их дети. Вполне взрослых самцов и самок из семьи изгоняют. Но бывает, что мать и молодая ее дочь, которая тоже стала матерью, долго не расстаются. Тогда одной семьей живут и восемь, и даже 14 гиббонов. На местах, особенно богатых плодами деревьев, иногда встречаются и мирно кормятся разные семьи. Но обычно территория семьи (от 12 до 40 гектаров) строго охраняется. Драки случаются редко, зато криков, возмущенных и злых, много.

Как только первые лучи солнца коснутся вершин леса, гиббоны начинают свои песнопения.

«Все гиббоны от мала до велика, от пискливых детских взвизгиваний и до низких голосов самцов,

пели одну и ту же песню. Это была настоящая мелодия, начинавшаяся с ноты «ми» и возраставшая до полной октавы, после чего голоса гибко выводили трели. Звуки постепенно снижались, каждый раз на четверть тона...

Гиббоны... способны петь чистыми тонами, они единственные по-настоящему поющие звери» (С. Керригер).

И на воле и в неволе молодые гиббоны любят много и весело играть. В некоторых зоопарках они жили по 30 лет. Холода переносят легко, даже при морозе в 15 градусов часами резвятся под открытым небом: хорошо согревает густая шерсть. Гиббоны (и некоторые молодые лангуры) нередко играют в «кошки-мышки»: бродят по клетке с закрытыми глазами, ловят удирающих товарищей и лишь тогда откроют глаза, когда кого-нибудь поймают. Легко заводят дружбу с другими зверями. Один гиббон неразлучен был с собакой боксером, другой — с золотистым хомячком.

В лесах молодежь тоже резвится большую часть дня, даже когда взрослые спят или лениво греются на солнце.

А распорядок дня взрослых гиббонов приблизительно такой (узнал о нем зоолог Карпентер, с часами в руках наблюдая за белоруким гиббоном в Таиланде):

5.30—6.30 — гиббон просыпался

6.00—8.00 — криком оповещал окрестности о границах своих владений, затем занимался туалетом и утренней зарядкой; прыжки с ветки на ветку

8.00—9.00 — гиббон отправился в «столовую»: на деревья, на которых ел плоды

9.00—11.00 — завтрак (он же и обед!)

11.00—11.30 — путь к месту послеобеденного отдыха

11.30—15.00 — послеобеденный отдых, почти никаких движений, потом чистка шерсти

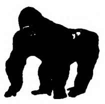
15.00—17.00 — ужин на новом месте (не там, где был завтрак)

17.00—18.00 — путь к месту сна

18.00 — и до захода солнца — приготовление ко сну

18.30—5.30 — сон.

Райская жизнь! Если б только не люди с ружьями, леопарды, харзы, питоны и хищные лесные птицы, которые в нирвану жизни гиббонов вносят страх и гибель.

ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

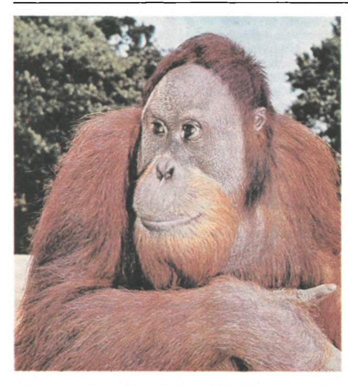
Человекообразные обезьяны (орангутан, шимпанзе и горилла) — кровные наши родственники в прямом смысле слова. Еще недавно кровь этих обезьян не умели отличить от человеческой. Здесь те же группы крови, почти те же белки плазмы. Орангутан несколько раньше уклонился в своем развитии от наших общих с человекообразными обезьянами предков. В последнее время установили, что ближе всего нам по крови гориллы и шимпанзе, а из них — карликовый шимпанзе, или бонобо. Его кровь можно переливать человеку (с соответствующей группой) без всякой предварительной обработки. Кровь других шимпанзе и гориллы — только после удаления некоторых антител.

Британский исследователь Артур Кейт, выбрав для сравнения 1065 разных анатомических признаков, подсчитал, что общих с человеком их больше всего у гориллы — 385, у шимпанзе — 369, у орангутана — 359, у гиббонов — 117, у других обезьян в среднем — 113. Чисто человеческих — 312.

Все человекообразные обезьяны (и гиббоны тоже) бесхвосты, как и человек. Мозг большой и развитый, но в среднем вдвое менее объемистый, чем у человека: 685 кубических сантиметров (у человека — 1200—1500). Но у наших недавних предков мозг был меньше: 450—900 «кубиков».

Бесспорно, человекообразные обезьяны — самые умные из животных. Они легко дрессируются, и обучить их можно очень многому. Отпирать и

‹Лесной человек» — орангутан Усы, борода, баки у него почти человеческие

запирать двери ключом, складывать пирамидой ящики, чтобы достать лакомые фрукты под потолком, работать рубанком и пилой, рисовать карандашом и красками, приносить предметы, названные человеком, различать монеты разного достоинства и опускать их в автомат, чтобы получить нужное: скажем, за одну монету автомат выдает банан, за другую — виноград. И обезьяны не путают жетоны и деньги, когда хотят получить желаемое лакомство. Даже управлять трактором их можно научить!

Некоторые слова шимпанзе произносит отчетливо и со смыслом. Но не все звуки человеческой речи даются им легко. Возможно, трудность в обучении обезьян человеческой речи в том, что мы говорим выдыхая, а обезьяны норовят произносить слова при вдохе, как разные «уханья» и другие звуки собственного «языка».

««Орангут» — малайское слово... Его принято писать через черточку, оно составлено из двух малайских слов: оранг — что означает «человек» и утан — «лесной». Широко распространенное неверное написание «орангутанг» отдает не столько невежеством, сколько невежливостью, ведь это слово означает по-малайски «должник». Но даже самый бессовестный бухгалтер от современной биологии не смог бы доказать, что орангутаны перед кем-то в долгу» (Барбара Харриссон).

Орангутаны живут только в тропических лесах Калимантана и Суматры. Как полагают супруги Харриссон — немногие из тех (если не единственные), кто изучал жизнь орангутанов на воле, — в 1961 году на Калимантане и Суматре осталось лишь около пяти тысяч этих обезьян. Теперь, пожалуй, вдвое меньше. В Сараваке, например (на севере Калимантана), на восьми тысячах квадратных километров живет меньше тысячи орангутанов. На 1972 год цифры такие: всего орангутанов сохранилось на воле не более пяти тысяч, из них — около двух тысяч в Сабахе, примерно тысяча на Калимантане и Суматре и семьсот — в Сараваке. Зоопарки платят большие деньги за орангутанов. Несмотря на запрет властей на бесконтрольный лов и вывоз этих обезьян, торговля идет в основном через контрабандистов. Ловят молодых орангутанов, но, чтобы поймать их, надо убить мать.

Если не будут приняты срочные меры, вольные орангутаны, так толком и не исследованные, не доживут до конца нашего века.

Что мы знаем о них?

Рыжая, или бурая, обезьяна. Шерсть длинная, на плечах до полуметра. У старых самцов почти человеческого образца борода и усы, а также «бакенбарды», но не из волос, а кожные (укрепленные изнутри соединительной тканью полукруглые валики на щеках: до 10 сантиметров шириной и до 20 длиной). Горловой мешок, усиливающий крик резонатор, особенно велик у самцов и вмещает несколько литров воздуха. Руки длинные, способны обхватить пространство в два метра с четвертью. Ноги относительно короче, чем у других человекообразных обезьян. Вес самок около 40 килограммов, самцов — до 100. Но в неволе некоторые орангутаны сильно жиреют, грузны и тяжелы от неподвижности. Такие весят 150 килограммов, рекорд — 188!

Живут на вершинах леса, почти не спускаясь на землю. Передвигаются по ветвям силой мощных рук. Едят плоды, листья, мелких птиц, их яйца, улиток. Пьют, обсасывая мох, орхидеи или свою руку, предварительно опущенную в воду, либо сосут большие чашевидные цветы, наполненные смешанными с нектаром дождевыми каплями. Днем бродят семьями, в одиночку или в компании молодых сверстников. Ночуют на деревьях, соорудив из веток платформу-постель. Если ночь дождливая, укрывают себя большими листьями.

Не видели, чтобы самцы дрались из-за самок. Но боевые шрамы от укусов, замеченные у многих

орангутанов, говорят о том, что драки бывают.

Самец начинает свои ухаживания с пения серенады: сначала негромкий вибрирующий рев, затем усиленный на полную мощь горловым резонатором крик. Заканчивает «песню» басистое ворчание.

После восьми-девятимесячной беременности самка рождает совершенно беспомощного детеныша весом около полутора килограммов. Он сейчас же всеми четырьмя лапами цепляется за шерсть на ее груди. Она кормит его сначала молоком из сосков, которые у нее почти под мышками. Потом основательно пережеванной зеленью: оттопырив губы, из своего рта отдает пюре в его рот. Прохладными ночами она согревает свое дитя, в жаркие дни чистит и причесывает его, даже купает под теплым дождиком!

Она учит его многому. Прежде всего лазать по деревьям. В зоопарках видели, что уже на десятый день после рождения мать стала приучать своего ребеночка цепляться ручонками не только за ее шерсть, с которой он ни за что не хотел расставаться. Она отрывала от себя его руки и ноги и пыталась заставить схватить прутья решетки. Но и в три месяца он не умел делать это как следует. Тогда она изменила метод обучения: положила дитя на пол клетки, а сама забралась повыше. Он раскричался, однако попытался кое-как ползти. Тогда она опустилась, подала ему палец, в который он тут же вцепился. Так, на пальце, протащила его немного по полу клетки.

Обучают и так: оторвав от себя, держат детеныша в одной руке и лезут на дерево. Малыш, пытаясь обрести более устойчивое положение, волей-неволей вынужден хвататься за все, что под рукой, за ветки в первую очередь.

Не все матери заботливо и умело ухаживают за детьми. Некоторые, особенно молодые, не знают, что с ними делать, потерянно таскают по клетке из угла в угол. даже, похоже, боятся их, как чего-то непонятно откуда взявшегося и чужого. Одна такая неопытная в делах материнства орангутаниха испуганно вздрагивала, когда детеныш цеплялся за ее шерсть, и пыталась разжать его пальчики. Решив наконец от него избавиться, она протянула дитя отцу-орангутану, но тот, тоже молодой, с криком отпрянул, бросился на решетку, пытаясь бежать из клетки.

В стае на воле и в зоопарке, если есть рядом другие кормящие опытные матери, отвергнутый детеныш не пропадет: его усыновит другая самка. Но если ее не будет, дитя нерадивой матери погибнет.

Но порой, наблюдая за обезьянами, видели просто чудеса материнства! В американском Институте по изучению человекообразных обезьян однажды засняли на пленку поразительный эпизод. Новорожденный детеныш шимпанзе не дышал. Тогда мать положила его на землю, раскрыла ему губы и вытянула пальцами язык. Потом прижалась ртом к его рту и стала вдыхать в него воздух. Вдыхала долго, и детеныш ожил!

У человекообразных обезьян этот метод искусственного дыхания, который нередко применяют и врачи, по-видимому, давно в обиходе. Несколько лет назад в Дрезденском зоопарке самец-орангутан таким же способом спас жизнь своему новорожденному сынишке. Акушерству обезьяны, конечно, нигде не учились и поступали так скорее всего безотчетно, инстинктивно, а не сознательно. Ведь они не понимают, что дышат воздухом и что воздух насыщает кровь кислородом именно в легких. Этого еще совсем недавно и люди не знали.

Старый орангутан по кличке Мариус в Мюнхенском зоопарке завел особый порядок соблюдения чистоты в клетке. Стальной солдатский шлем использовал в целях весьма мирных и бытовых — как ночной горшок. Усевшись на шлем и сделав свои дела, осторожно нес к решетке и выливал содержимое через прутья в водосток! Мариус вообще был очень чистоплотен: если, обедая, насорит в клетке, сейчас же все выметет прочь под решетку в тот же водосток. Служителям почти не приходилось за ним убирать.

Растут молодые орангутаны медленно. До четырех лет они еще живут с матерью, потом самостоятельно, обычно в небольшой компании с одногодками, где тоже учатся друг у друга многому. Некоторые исследователи полагают, что обучение, жизненный опыт значат в их жизни больше, чем врожденные инстинкты.

Вполне взрослыми орангутаны становятся только к десяти годам, а живут на воле лет до тридцати. Поэтому, полагают Барбара и Том Харриссоны, только четырех или пятерых детенышей рождает орангутаниха за всю свою жизнь. А так как почти половина из них погибает еще в молодости или детстве, то в среднем потомство каждой самки, доживающее до зрелого возраста, — всего лишь два-три орангутана.

Орангутан — единственная азиатская человекообразная обезьяна. Все другие — африканские. Сколько их — два, три, четыре вида? Вопрос этот не решен окончательно. Считалось, что горилл два вида, с карликовой гориллой даже три. Сейчас полагают, что вид скорее всего один, но подвида два — береговая и горная гориллы. Шимпанзе — один вид с несколькими подвидами. Но в последнее время многие специалисты выделяют карликового шимпанзе в отдельный вид, а некоторые — даже в особый род бонобо.

История, так сказать, «возвышения» бонобо до родового (или видового?) ранга такова.

В Хеллабрунне, Мюнхенском зоопарке, после налета авиации в 1944 году, напуганные грохотом артиллерии и бомб, погибли от страха человекообразные обезьяны.

Научные работники зоопарка, подсчитывая наутро свои потери, обнаружили, что все погибшие обезьяны — карликовой разновидности шимпанзе.

А почему обычные шимпанзе пережили бомбардировку, по-видимому, без особых потрясений? Вопрос этот заставил зоологов задуматься.

Стали внимательнее приглядываться к обезьянам: обратили внимание на их крики. Сторож зоопарка уверял ученых, что мелкие и крупные шимпанзе не понимают друг друга, они, по его словам, «разговаривали» на разных языках.

Мелкие шимпанзе очень подвижны, дружелюбны и общительны. Они постоянно «болтают» друг с другом. В их криках слышатся гласные «а» и «е». Свою «речь» обезьяны сопровождают оживленной жестикуляцией.

Крупные шимпанзе более угрюмы и нелюдимы. Голос у них глухой, и другие гласные звуки слышатся в их криках: «о», «у». В ярости пронзительно кричат. Бросаясь друг на друга, кусаются, стараясь сильными руками притянуть поближе противника и вцепиться в него зубами.

Карликовые шимпанзе редко приходят в ярость, редко ссорятся и дерутся друг с другом. А в драке они никогда не кусаются, а лишь награждают друг друга тумаками, «боксируют». У обезьян слабые кулаки, поэтому они предпочитают наносить удары пятками ног.

И вот в 1954 году немецкие ученые Эдуард Тратц и Хайнц Гек опубликовали интересную работу. В результате своих наблюдений и исследований других зоологов и анатомов они пришли к выводу, что обезьяны, погибшие во время бомбардировки Хеллабрунна, — не карликовый подвид шимпанзе, а совершенно особый вид и род человекообразных обезьян, настолько отличаются они от всех других человекообразных обезьян и своей психикой, и поведением, и анатомией. Ученые дали новому роду название «бонобо» — так называют этих обезьян на их родине в Конго. Конголезцы отличают бонобо от шимпанзе и других местных представителей обезьяньей породы.

Самое удивительное, что бонобо по ряду признаков, особенно по составу крови, строению черепа, человеку ближе всех других обезьян!

У бонобо череп округлый, вместительный, без сильно развитых надбровных дуг и гребней, которые уродуют голову гориллы и шимпанзе. У бонобо и лоб более развитый, его выпуклости начинаются сразу за надбровными дугами, морда мало выдается вперед. Затылок тоже округлый и плавно выпуклый.

У бонобо еще и такие «человеческие» черты: маленькие уши, узкие плечи, стройное тело и не разлапистая, а узкая аккуратная стопа. У бонобо, пожалуй единственного в животном царстве, губы не черные, а красноватые, почти как у человека.

Человекообразные обезьяны передвигаются по земле на полусогнутых ногах, опираясь при этом на руки. Бонобо ходят так же, однако ноги, как и человек, они совершенно распрямляют в коленях, чего большие шимпанзе не делают.

О жизни бонобо на воле почти ничего не известно. Ареал их ограничен тропическими лесами запада Африки — к югу от реки Конго.

Большие шимпанзе, не карликовые, в числе трех-четырех подвидов обитают севернее реки Конго. Но тоже в основном в зоне тропических лесов — от Гвинеи до Камеруна и от западного побережья Африки до Уганды на востоке. Окраска и внешность шимпанзе даже одной и той же популяции очень изменчивы. Рядом живут и бурые и черные, и очень крупные и помельче, бородатые и безбородые, с «бакенбардами» и без них. В последние годы исследователи, наблюдая за шимпанзе в природе, пришли к выводу, что прежнее представление, будто эти обезьяны почти исключительно древесные, неверно. Много времени проводят шимпанзе и на земле. Некоторые их стаи, поселившиеся на окраинах леса, обычно лишь спят на деревьях.

Заметили также, что в зависимости от местожительства повадки и способности владеть орудиями (палками и камнями) у шимпанзе неодинаковые.

Доктор Андриан Кортланд из Амстердамского университета со своими сотрудниками много раз и в разных местах проделал интересные опыты. Чучело леопарда с особым электрическим устройством, которое заставляло «зверя» вертеть головой и хвостом, выносили в лес и в саванны, чтобы посмотреть, как будет реагировать на него шимпанзе. В некоторых опытах в лапах леопарда лежала кукла — подделка под детеныша шимпанзе, и тогда обезьяны вели себя особенно смело и агрессивно.

Лесные шимпанзе с воплями, уханьем наступали на «леопарда». Трясли деревья, ломали сучья, вырывали с корнем небольшие стволы и, размахивая ими как дубинами, всеми способами пытались напугать зверя. Окружили чучело полукругом. Некоторые залезли на деревья, чтобы лучше видеть. Казалось, «леопард» представлял для них

Познакомьтесь — наш новый родственник, карликовый шимпанзе бонобо

большую проблему. Человек, решая сложную задачу, в задумчивости почесывает голову: так и обезьянами овладел внезапный зуд. Они энергично стали чесаться, но скребли не голову, а все тело. Беспокоила их, наверное, судьба детенышей. Самых маленьких шимпанзе, нападая, несли на груди или спине. Молодежь постарше держалась сзади. Матери то возвращались к ним и брали на руки, то, оставив, вновь шли в атаку.

Между приступами агрессии, когда обезьяны дружно штурмовали врага, были паузы относительного покоя и отдыха. Тогда они сидели, безмятежно посматривая на вертящее головой чучело, и ели бананы. Через полчаса после первой атаки пришло время заката, и шимпанзе удалились в кусты, оставив на поле сражения «двенадцать сломанных и вырванных деревьев папайи».

Годом позже там же зоологи наблюдали такую интересную сцену. «Леопард» с куклой в лапах заранее был выставлен на тропе шимпанзе. Когда обезьяны его увидели, они дружно ринулись в нападение. Прежняя сцена повторилась с той только разницей, что одна старая самка подошла совсем близко к «зверю» и обнюхала с достаточно безопасной дистанции куклу, потом вернулась к другим обезьянам, которые ждали в стороне, и несколько раз «отрицательно» покачала головой, словно говоря: «Детеныш не наш» или, возможно, «Он уже мертв». И все шимпанзе молча удалились.

Ни в одном из подобных опытов с лесными шимпанзе Заира и Гвинеи «леопард» не был как следует побит палками. Это был не настоящий бой, а только демонстрация устрашения.

Иное дело шимпанзе саванны. Эти ополчились на «леопарда» всерьез, дубины вырывали здоровенные, длиной до двух метров и больше. Подходили в упор (даже самки с детенышами на спинах!) и били с размаху с такой силой, что вполне могли переломить хребет живому леопарду. Скорость ударяющей дубины, как показал расчет на кинопленке, 90 километров в час!

Наконец вожак схватил избитого «зверя» за хвост, рванул к себе и оторвал туловище от головы. Все — враг мертв! И обезьяны уже без страха подошли к «дохлому леопарду», и даже детеныши потрогали его.

Лесные шимпанзе, по наблюдениям Кортланда, мясного не едят — только фрукты, листья, цветы, почки, насекомых, улиток. Мертвые обезьянки и карликовые антилопы не возбуждали у них никаких признаков аппетита, только отвращение и даже страх. Птичьи яйца едят немногие. Но шимпанзе саванн, как Танзании, так и Гвинеи, — большие любители яиц. Вкус к мясу и хищнические наклонности замечали у них многие исследователи. Ловят шимпанзе дукеров и мелких свиней и, убив, едят Один молодой шимпанзе ухитрился схватить красную колобу. Шесть взрослых тут же присоединились к его «каннибальской» трапезе и съели своего собрата.

Термитов добывают так: прочный стебелек или ветку, предварительно очищенную от листьев, суют в отверстие в термитнике. Когда солдаты-термиты вцепятся в ветку, шимпанзе быстро выдергивает ее и слизывает термитов. Если конец «удилища» согнется и в дыру не лезет, прутик обламывают и снова суют в термитник (еще и полижут, чтобы насекомые лучше прилипали!). Иногда такие заранее заготовленные ветки за версту несут к ближайшему термитнику.

Так же, соломинками и веточками, добывают мед из пчелиных гнезд, а в зоопарках ловят, высунув свое орудие из-за прутьев, проползающих за

решеткой муравьев. Умеют приманивать цыплят или воробьев поближе к клетке, рассыпая зерна или крошки хлеба. Птицы, не подозревая засады, их клюют, а обезьяны, изловчившись, хватают свою добычу. Так же, впрочем, подманивают птиц орангутаны и даже малайские медведи.

Шесть — восемь часов в сутки уходит у шимпанзе на поиски пропитания. Поскольку в основном это сочные фрукты, пьют они мало. Лишь однажды, рассказывает Рейнольдс, он видел, как пил шимпанзе. Нашел дупло, полное воды, окунул в него руку и, запрокинув голову, глотал капли, стекавшие с ладони. На ночь шимпанзе строят гнезда на деревьях, реже на земле. В гнездах у них всегда чисто, не то что у горилл, которые нередко спят на собственном помете. Сильному уступают и дорогу в лесу при случайной встрече, и лучшие куски при дележе добычи. Высшим в ранге самцам, по-видимому, принадлежит привилегия громко барабанить по стволам деревьев. Чем громче удары, тем сильнее барабанщик и тем меньше желающих приблизиться к его резиденции и рвать плоды на выбранных им деревьях.

Но не только физическая сила определяет положение шимпанзе в иерархии окружающих его собратьев. Иногда безудержная агрессивность или какая-нибудь случайно изобретенная «хитрость» побеждает силу.

Джейн Ван Ловик-Гудолл, которая прожила несколько лет в лесах Африки в большой дружбе с дикими обезьянами, рассказывает, что перед ее отъездом из заповедника на берегу озера Танганьика самец-шимпанзе Майк «был весь какой-то съежившийся от страха, нервный. Он вздрагивал от любого звука, от любого движения».

Когда они вновь приехали в заповедник, то «нашли Майка совершенно другим. Он внушал страх всем шимпанзе». Причина его неожиданного возвышения заключалась в... пустых бидонах из-под керосина, которые экспедиция оставила в лагере. Майк научился извлекать из них оглушительный грохот.

Он «мог устраивать представления сразу с тремя бидонами, кидая их один за другим. Шимпанзе не любят громких звуков — исключение делается для собственных воплей. Поэтому Майк просто-напросто запугал всех сородичей своим необыкновенным развлечением».

Джейн Ван Ловик-Гудолл наблюдала удивительные сцены.

«Шимпанзе, как и люди, обычно приветствуют друг друга после разлуки. Некоторые их приветствия до изумления сходны с нашими. Когда приближается великий Майк, все спешат ему навстречу, чтобы отдать дань уважения, кланяясь или протягивая руки. Майк или небрежно прикасается к ним, или просто сидит и таращит глаза. Приветственный «поцелуй» мы впервые увидели, когда Фиган еще подростком возвратился к матери после дневной отлучки. Он подошел к Фло с обычной для него самоуверенностью и прикоснулся губами к ее лицу. Как это походило на тот небрежный поцелуй в щеку, которым часто одаривают матерей повзрослевшие сыновья!

Пожалуй, самое эффектное из приветствий — это объятия двух шимпанзе. Гуго и я наблюдали однажды классическую встречу, продемонстрированную Давидом и Голиафом.

Голиаф сидел, когда появился Давид. Он устало брел по тропе. Увидев друг друга, приятели побежали навстречу один к другому. Они постояли лицом к лицу, слегка переминаясь с ноги на ногу, а затем обнялись, тихонько вскрикивая от удовольствия. Это было восхитительное зрелище!»

Дважды Джейн Гудолл видела так называемый «танец дождя», который полчаса под проливным дождем в бешеном темпе, срывая суки и размахивая ими, взбираясь на деревья и прыгая вниз, исполняли самцы-шимпанзе. А самки и молодежь сидели вокруг и смотрели, не отрываясь, на это представление.

Странные, почти человеческие по манере танцы шимпанзе видел и описал доктор Инго Крумбигель. Этими танцами прославилась одна группа обезьян на научной станции на Тенерифе. Когда их привезли в Европу, они некоторое время танцевали и там. Самцы становились в круг и, ударяя в ладоши, более или менее ритмично топали ногами. При этом одна нога много раз, но легко касалась сверху другой ноги. А самки только кружились, довольно неуклюже, но не без кокетства.

Похоже, говорит Крумбигель, танцуют иногда и гориллы. Но чаще развлекают они себя ритуалом «биения в грудь». Георг Шаллер, который 20 месяцев жил бок о бок с дикими гориллами в лесах Африки и 314 раз встречался с ними лицом к лицу, заметил в их танце девять разных «па», которые исполняются по отдельности или в различных комбинациях.

И молодые гориллы, прожив на свете три-четыре месяца, уже пробуют по частям изучить этот ритуал, но привилегия на его полное исполнение принадлежит старым, матерым самцам с седыми спинами. Представление разыгрывается обычно при встрече с другим самцом или с человеком и начинается отрывистыми криками. Потом танцор срывает с дерева ветку, сжимает ее между

Почти все шимпанзе очень любят рисовать Но способности у них разные, у одних просто мазня, но у некоторых — упорядоченный, отмеченный удивительной симметрией законченный рисунок Замкнутый круг — вершина художественного творчества обезьян На таком же примерно уровне находятся и художественные способности трех-четырехлетнего человеческого ребенка Дальше, подрастая, он начинает изображать человеческие фигурки Это обезьяне уже недоступно Ни одна еще обезьяна в живописном своем творчестве не пошла дальше изображения круга

губами, встает на ноги, в исступлении рвет листья и бросает их вокруг. И вот кульминация «танца»: горилла, сгибая руки в локтях, попеременно то одной рукой, то другой бьет себя ладонями в грудь. Одна нога обычно приподнята, а ярость, может быть и театральная, этого страшного на вид, черного, лохматого, огромного зверя, кажется, не знает предела. Затем горилла быстро отскакивает в сторону, на бегу рвет листья, ломает сучья. И в финале колотит ладонями по земле.

Думают, что это «танец» угрозы, но впечатляющие сцены «биения в грудь» разыгрываются в диких лесах и в мирное время, когда врагов и близко нет. Может быть, это репетиция? Или просто развлечение? Когда горилл узнают получше, тогда и вопрос этот решится. Пока можно только гадать.

Обычно гориллы угрожают пристальным взглядом, сурово сдвинув брови и сжав губы. Если вы его выдержали и глаз не отвели, значит, приняли вызов. И тогда — о ужас! — горилла бросается на вас. Черная, взъерошенная, страшная, как дьявол, быстрая, как ветер, и сильная, как лев! Бежит, ломая сучья, и вдруг... не добежав трех метров, останавливается, в бешенстве колотя себя в грудь. Либо, пыхтя и сопя, горилла проносится мимо. Ведь это только угроза, а не нападение, которого обычно не бывает. Храбрые охотники на горилл, цепенея от страха, не выдерживали демонстрации силы лохматого гиганта и метко стреляли в «нападающую» гориллу. А потом в выражениях, леденящих кровь, расписывали пережитые «опасности».

Но гориллы, которых гнев их вожака совсем не развлекает, не подвергают свои нервы таким испытаниям. Они под пристальным взглядом высшего в ранге покорно отводят в сторону глаза. И даже голову поворачивают вбок, чтобы уж никаких сомнений не было, что ему в глаза они не смотрят, драться не хотят и подчиняются. Если этого мало, кивают головой. Кивок вообще дружелюбное приветствие у горилл.

Когда горилла низкого ранга хочет выразить «высокопоставленной» горилле полную свою подчиненность, она падает перед ней на живот и лежит на земле, поджав под живот руки и ноги, а совсем юные гориллы одной рукой прикрывают еще и затылок. Такая сверхпокорность сразу ликвидирует ярость вожака, и он великодушно прощает провинившемуся его слабости.

Если поза покорности выражена недостаточно ясно или когда более слабый противник долго не отводит взгляда и терпение старого самца иссякает, он бросается на наглеца. Бежит за ним (галопом) и кусает за ноги, руки, спину — за места наименее уязвимые. Укусы никогда не бывают смертельными и даже серьезными.

Живут гориллы семейными группами — в каждой от пяти до двадцати разновозрастных животных. Если в такой группе несколько взрослых самцов, то в высшем ранге — те из них, у которых спина уже серебрится «сединой». Это не настоящая седина, а особый возрастной «знак», который появляется у самцов горилл после десяти лет жизни, а живут они, во всяком случае в зоопарках, до 35 лет. Второй ранг занимают самки, и в первую очередь те, у которых есть дети, и чем меньше детеныш, тем выше в ранге самка. «Подростки»-самцы — на третьем месте после самок, а в самом низу иерархии — юные гориллы обоих

полов, которые уже не живут с матерью, но еще и полувзрослыми не стали.

Георг Шаллер наблюдал, например, сцену, которая хорошо иллюстрирует порядок соподчинения в семьях горилл.

Шел дождь, и один молодой самец, выбрав сухое место под деревом, уселся там, прижавшись к стволу. Как только к нему подошла самка, он тотчас встал, уступил ей место и ушел под дождь. Едва горилла-мадам устроилась на сухом месте, как явился самец с серебристой спиной и уселся с ней рядом. Потом лениво, не грубо, но настойчиво стал толкать ее рукой и вытолкнул из укрытия, заняв сухое место.

А дождь гориллы не любят. Сидят, выбрав место посуше, сгорбившись, опустив головы и скрестив руки на груди, ладонями прикрывая плечи. Матери прячут детей под грудью. Апатичны и ни на что не реагируют. Георг Шаллер однажды прошел прямо через группу скорчившихся под дождем горилл, и те не обратили на него внимания.

Но солнцу очень рады. Часами лежат на солнцепеке, греются самозабвенно, как курортники на пляжах, так что даже пот выступает на мордах. И всегда, отдыхая днем, выбирают местечко солнечное, если только оно есть в гуще дикого леса. Сумрачных высокоствольных лесов избегают, предпочитают бродить в долинах, вдоль рек, у дорог, вокруг деревень.

Где живут гориллы, и много ли их осталось?

Подсчитать трудно, но полагали, что не меньше пяти тысяч и не больше 15 тысяч. Это ориентировочные данные на 1969 год. Через два года профессор А. Г. Банников писал, что всех горных горилл осталось едва ли больше тысячи.

Береговая горилла живет в тропических лесах Западной Африки: в Камеруне, Габоне, Заире — в общем в междуречье Нигера и Конго. Хотя и называется этот подвид береговым, однако обычно ближе 50 километров от побережья гориллы не селятся. А в глубь континента ареал их простирается местами на 500 километров. Второй подвид — горная горилла — обитает в тысяче миль восточнее: в Западной Уганде и пограничных с нею районах Заира, тоже в тропических лесах, на высоте двух-трех тысяч метров (в районе гор Микено и Карисимби, Високе — около озер Киву, Эдуарда и северо-западнее берега Танганьики). Но больше всего горных горилл в низинном тропическом лесу, западнее упомянутых гор и озер.

«Около трех четвертей всех горных горилл живут не в горах, как, казалось бы, следовало из их названия, а в жарком, влажном бассейне реки Конго, на высоте менее пяти тысяч футов.

...На каждую из 85 горилл, находящихся в Соединенных Штатах, приходится по крайней мере пять горилл, которые погибли или пока их ловили, или на пути в зоопарк. Вот в каком неприглядном свете предстает не только «деятельность» звероловов, но и сами зоопарки, которые в большинстве случаев не интересуются, каким образом были добыты купленные ими животные... Горная горилла стоит пять тысяч долларов» (Георг Шаллер).

Жизнь горилл спокойная, мирная, вегетарианская: сон да ленивые поиски всякой съедобной зелени. Гориллы, как однажды довольно удачно определил их Петр Петрович Смолин, это «коровы» среди приматов.

Едят они только зелень, в основном листья и молодые побеги (а не плоды, как шимпанзе). Почти всякое растение, которое попадается им на пути, если оно сочное и свежее, гориллы попробуют. Более ста видов растений насчитал Георг Шаллер в их меню. Но ни разу не видел, чтобы гориллы ели насекомых и вообще любых других животных. Не видел, чтобы они когда-нибудь пили воду: соков растений вполне хватает для утоления жажды. И в воду, даже в небольшой бочажок или неглубокий ручей, никогда не заходят: либо перепрыгнут, либо, повалив дерево, как по мосту, переходят по нему.

После восхода солнца, проспав тринадцать часов, пробуждаются и часа два едят свою зелень. Часов в девять-десять завтрак кончается и начинается полуденный сон и отдых. Группа располагается в непринужденных позах: кто лежит на спине, кто на животе, на боку, иные сидят, прислонившись спиной к дереву, или лежат на суках. Некоторые и для дневного сна строят гнезда, сгибая ветви кустов или деревьев снаружи внутрь — получается пружинистая постель. Но днем такое строительство редкость.

Не все дремлют или спят: иные чистят и вылизывают своих детей, лениво жуют листья. Обычное у других обезьян взаимное расчесывание шерсти у горилл не очень-то принято. Пока взрослые часа три сибаритствуют, переваривая в полуденной сиесте свой малокалорийный завтрак, молодежь играет и резвится вокруг. Игры у них — как и у наших детей: догонялки, катание с «горок» — стволов деревьев, борьба за пригорок или куст и «поезд»: положив руки друг другу на плечи, малыши бегают цепочкой.

Потом вожак, главный «папа», встает, и все идут кормиться. Бредут не спеша по лесу — три — пять километров в час, едят, дремлют, греясь на солнце, опять едят. За день проходят то метров сто, то пять километров, как душе угодно или смотря по

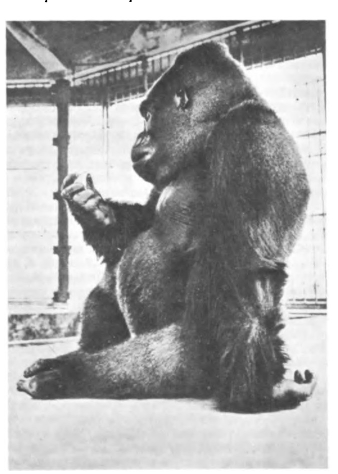
Гориллы в своей среде обитания

тому, насколько местность удовлетворяет их аппетиты. У каждой семейной группы владения от 25 до 40 квадратных километров. Но границы их часто нарушаются соседними семьями. Если встретятся, расходятся без драк. Правда, самцы-предводители обязательно разыгрывают друг перед другом уже известные нам пантомимы с бросанием ветвей и биением в грудь. Потом сходятся и смотрят с угрозой в глаза друг другу. Затем опять поедят, посидят и снова, угрожающе скрестив взгляды, сойдутся в бескровном поединке. Кто первым не выдержит войны нервов, тот обычно и удаляется, а семья следует за ним.

С наступлением сумерек (в тропиках это случается сразу после захода солнца, обычно часов в шесть или в пять, если небо облачное) все гориллы собираются вокруг вожака, и он начинает сминать и сгибать в один центр ветки какого-нибудь куста. Тут все, словно подана команда, которой нельзя не подчиниться, строят гнезда для ночлега. Самцы обычно на земле, реже на дереве, самки и молодежь — на деревьях. И спят до рассвета.

С детьми гориллы нежны, заботливы и многотерпимы. Даже украшенные «сединами» самцы самого высокого ранга разрешают им прыгать и лазать по себе и вокруг. Если неопытная мать боится своего первенца, что у горилл тоже бывает, другая, старая самка обязательно его усыновит: кормит и заботится о нем, как о своем собственном.

Беременность у горилл восемь месяцев. Двойни очень редки. Новорожденный весит два кило-

Горная горилла — знаменитый Бобби

грамма с небольшим. Развивается он примерно вдвое быстрее человеческого младенца. В два с половиной месяца уже ест растения. В шесть — лазает по веткам, в год — весит 16 килограммов. Самки половозрелы в шесть-семь лет, самцы — в девять-десять. Годам к двадцати — тридцати весят первые килограммов 100—140, вторые — 200—275, а в зоопарках, разжирев от неподвижности, так даже и 350! Росту в такой горилле, когда она стоит, метр и три четверти, а если измерить ее от темени до пят, разогнув в коленях ноги, то и два метра тридцать сантиметров.

Никто не видел, чтобы дикие гориллы, как шимпанзе, с какой-либо особой целью — в драке или добывая пищу — брали в руки палки, камни или другие предметы. В неволе они этому легко обучаются! Не видели и драк из-за самок. Вообще гориллы почти никогда не дерутся ни между собой, ни с другими животными. Шимпанзе, например, спокойно вторгаются в их владения, не вызывая ни гнева горилл, ни протестов. Со всяким зверем и птицей гориллы живут в мире. Только леопарды иногда нарушают ночами их покой, нападая на малых и слабых.

Даже людей гориллы никогда сами не трогают. Хотя местами они ночуют буквально в 30—70 метрах от человеческих поселений, людей, пострадавших от горилл, очень мало. Обычно это неопасные укусы в ноги, руки, ягодицы, нанесенные тем людям, которые ранили гориллу, а потом пытались убежать.

В Камеруне считают за стыд признаться, что кого-то укусила горилла, потому что здесь все знают: эти обезьяны кусают только тех, кто, испугавшись, удирает.

Когда гориллы повадятся разорять банановые рощи, люди окружают их, загоняют в сети, бьют дубинами и колют копьями «все, что движется в этих сетях».

«Я видел, как туземные охотники, убив «старика», окружают самок и бьют их по головам палками. Самки даже не пытаются убежать, и невыносимо жалко смотреть, как они закрывают голову руками, чтобы защититься от ударов. Они даже не пробуют обороняться» (Фред Мерфильд).

Старые, но еще недавно распространяемые в печати рассказы о лохматом и свирепом «лесном демоне», глаза которого «буквально излучают пламя», не больше как миф и клевета на мирного вегетарианца.

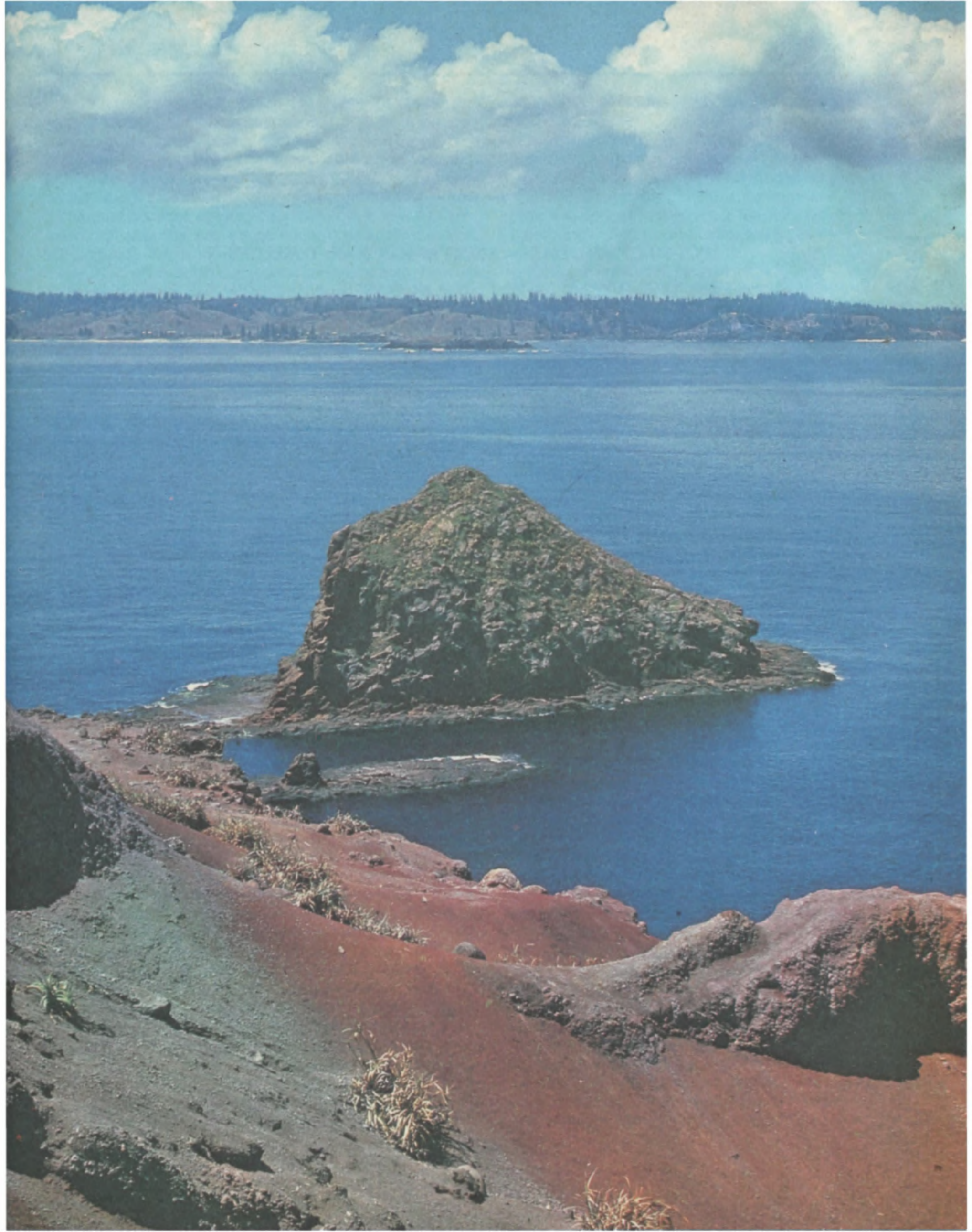
«Возможно, и мы, люди, жили бы друг с другом более мирно и дружно, если бы были в более близком родстве с гориллой, а не шимпанзе» (Бернгард Гржимек).

ЗООГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ

Как вы заметили из предыдущего описания, животные имеют определенную область распространения. Она может быть большой или маленькой, но за ее пределы они не выходят. Эта область (ареал) бывает сплошной или разорванной. Например, леопарды обитают в Африке, а еще в Индии и у нас в Амуро-Уссурийском крае — то есть за тысячи верст от Африки. И те и другие леопарды — одного вида. Значит, когда-то у них была единая область распространения, неразорванная. Кто же ее, так сказать, «разорвал»?

Наука, изучающая эти и другие закономерности распространения животных по земному шару, называется зоогеографией. Специалисты этой науки разделили всю сушу Земли (океан поделен особо) на зоогеографические области, каждая со своей специфической фауной, распределение которой по этим регионам зависит от климата, флоры, рельефа и истории ее развития как геологического образования.

Я счел необходимым в конце этой книги привести характеристики каждой зоогеографической области, рискуя наскучить читателю, так как материал этот довольно-таки суховат. Но он необходим, чтобы лучше понять жизнь и происхождение животных. В упомянутый раздел вошли и те группы существ, речь о которых пойдет в следующих двух книгах, так что пришлось дать для наименее известных из них краткие характеристики.

ЦАРСТВО СУМЧАТЫХ — АВСТРАЛИЙСКАЯ ОБЛАСТЬ

Сотни миллионов лет назад вольготно было океану. Широко разливал он воды свои. Континенты не рассекали его безбрежные просторы. Суша единым массивом возвышалась над солеными водами. Этот пока еще гипотетический материк назвали Пангеей (или Мегагеей). В нем в одно общее сухопутье были «спаяны» все современные континенты. Так продолжалось до конца триасового периода мезозойской эры — до времени около 200 миллионов лет назад Потом раскололась Пангея, и первой двинулась на юг Гондвана — конгломерат материков: Антарктида, Австралия, Индия, Африка и Южная Америка Затем и Гондвана распалась Южная Америка устремилась, отделившись от нее, на северо-запад, Индия и Африка — на север. Австралия, соединенная еще с Антарктидой, — на юг. Примерно 60 миллионов лет назад Австралия отделилась от Антарктиды, и с тех пор существует как особый материк, наиболее удаленный от всех прочих континентов.

Этой ранней и совершенной изоляцией и объясняется чрезвычайное своеобразие фауны Австралийской области. Помимо самой Австралии она объединяет также и близлежащие острова: Тасманию, Новую Зеландию, Новую Гвинею, Полинезию и Гавайские острова (загадочная фауна которых выделена в особую подобласть).

Австралийская область — царство сумчатых. Какова природа, какие ландшафты достались им? В основном пустыни, сухие степи и саванны. На востоке и юго-востоке, отделенные зоной пустынь от лесов и кустарников Запада, растут вечнозеленые эвкалипты (высота которых порой достигает ста метров). На юге весьма обильны акации, а на крайнем севере континента — влажные тропические леса. Эвкалипты, буки, бамбук и кокосовые пальмы здесь не редки.

Климат на севере Австралии экваториально-муссонный, жаркий, влажный. В центральных районах тропический пустынный, на юго-западе субтропический с преобладанием зимних осадков. На большей части восточного побережья климат тропический морской с летним максимумом осадков.

В Тасмании относительно прохладный климат. На западе и юго-западе острова — влажные горные леса из эвкалиптов и хвойных, древовидных папоротниковых. Все это — в сочетании с альпийской растительностью. В центре и на юго-востоке — влажные эвкалиптовые леса, травяные луга и моховые болота. На северо-востоке тоже влажные, местами сухие эвкалиптовые леса. И тут и там альпийские луга.

Новая Гвинея на большей части покрыта влажными тропическими лесами. Мангровые заросли окаймляют побережье. Климат здесь экваториальный и субэкваториальный. По этим причинам и животный мир значительно иной, чем на Австралийском континенте.

Новая Зеландия тоже богата лесами. Удивительно, что из 600 видов эвкалиптов, произрастающих в Австралии, нет здесь ни одного! Климат Новой Зеландии на севере субтропический, на юге — умеренный.

Сумчатые животные, как мы уже знаем, уцелели пока еще только в Австралии и Южной Америке (некоторые обитают и в Центральной Америке, а обычный опоссум — так и в Северной Америке).

Иная картина в Новой Гвинее: там сумчатых всего 47 видов, три вида яйцекладущих, прочие — несумчатые: 56 видов грызунов и более 45 видов летучих мышей. Многие сумчатые звери вымерли (например, такие гиганты, как вомбат ростом с носорога и кенгуру, трехметровый в длину). Но наибольший урон самобытной фауне Австралии наносят сейчас завезенные европейцами кролики (поедают всю траву), кошки и лисы. Дикие собаки динго, прибывшие на Австралийский континент еще с первобытными племенами людей, уничтожают сумчатых не в меньшем числе, чем прибывшие позже их европейские собратья.

Сумчатые, как известно, получили свое немного странное название из-за выводковой сумки-колыбели. Она помещается на брюхе и покрыта густой шерстью. Ее выходное отверстие открывается вперед, как у кенгуру и многих других, либо назад — коала и сумчатый волк[1].

---

[1] *Впрочем, бывают сумчатые без сумки (или лишь с ее недоразвитыми зачатками) Это прежде всего мурашееды, интересные зверьки, с кото*

Поскольку в дальнейшем не раз нам будут встречаться слова «ареал» и «эндемик», лучше с самого начала разъяснить их значение.

Ареал — это все страны на Земле, в которых обитают животные какого-либо вида. Например, наши белки живут в Европе и Северной Азии — это их ареал. В то же время они считаются эндемиками этого ареала, так как нигде вне его не встречаются. Некоторые эндемики обладают столь малым ареалом, что обозначить его можно буквально уколом булавки на карте. Таков кротовый броненосец — пичисиего Бушмейстера. У многих других зверей ареал очень обширен. Например, у пумы: от Аляски до Огненной Земли. Он захватывает частично две зоогеографические области (Неотропическую и Неарктическую), поэтому эндемиком той или другой пума считаться не может.

Но вернемся к Австралийской области.

Помимо млекопитающих своеобразен и мир ее пернатых обитателей.

Австралийской областью ограничено распространение восьми семейств птиц. Среди этих эндемиков такие, например, весьма внушительные или редкостные представители своего класса, как казуары, моа (ныне вымершие), киви, сорные куры, беседочницы, лирохвосты и райские птицы.

Местные попугаи разнообразны и расцветкой и образом жизни. В Австралии более пятидесяти видов попугаев, больше, чем в какой-либо еще зоогеографической области. Некоторые из них кормятся орехами, плодами, семенами, другие — корневищами растений, третьи — нектаром цветов, а небольшие какаду заменяют (имеется в виду их способ добывания пищи) дятлов, которых здесь нет. Новозеландский же «озверевший» попугай кеа в выборе корма и вовсе поразил всех: он нападает на овец и острым крючком-клювом вырывает из их спины куски мяса!

Водятся в Новой Зеландии и ночные, так называемые совиные, попугаи (днем спят, ночью бодрствуют) и попугаи, не умеющие летать. Полностью наземные обитатели.

Какаду — почти исключительно жители Австралийской области (17 видов). Самый обычный — розовый какаду. Их перелетающие с места на место стаи насчитывают тысячи и даже десятки тысяч птиц. Не менее многочисленны волнистые попугайчики, обычные и в наших зоомагазинах.

Медососы (160 видов), за исключением одного-двух африканских «аутсайдеров», все — эндемики Австралийской области. Размером они с воробья или сойку. Клювы загнуты вниз, язык — с «кистью» на конце. И то и другое помогает высасывать, выуживать из цветков нектар, пыльцу и попавших в цветок насекомых. Медососы — главные опылители эвкалиптов и других деревьев.

Всего на Австралийском континенте (за исключением морских) гнездится 531 вид птиц. В Новой Гвинее даже 566 (цифра увеличена за счет местных эндемиков).

Климат царства сумчатых вполне благоприятствует обитанию в нем наряду с кенгуру и многочисленных пресмыкающихся (или рептилий). На Австралийском континенте их приблизительно 380 видов, в Новой Гвинее — 240 и в Новой Зеландии — 20 видов. Новозеландские острова отстоят от ближайшего континента, Австралии, на две тысячи километров. Разделяет их океан, а он, как известно, почти абсолютно препятствует распространению наземных пресмыкающихся. Многие острова вообще лишены этих животных. Так что 20 видов рептилий для островной системы — число немалое.

Черепах в Австралии десять разных видов (и четыре вида водных). Почти полными эндемиками Австралийской области можно считать змеешеих черепах, у которых шея длиннее туловища. Представители этого странного семейства в числе немногих видов обитают еще только в Южной Америке.

В Новой Гвинее — два вида черепах, в Тасмании и Новой Зеландии их вовсе нет.

Из крокодилов три вида можно встретить в царстве сумчатых. Один — мощный, пяти — восьмиметровый гребнистый крокодил, широко распространенный в Юго-Восточной Азии. Он обитает в солоноватых водах и проплывает по морю обширные пространства. Обычен также и у островов Фиджи, Самоа и у Филиппин.

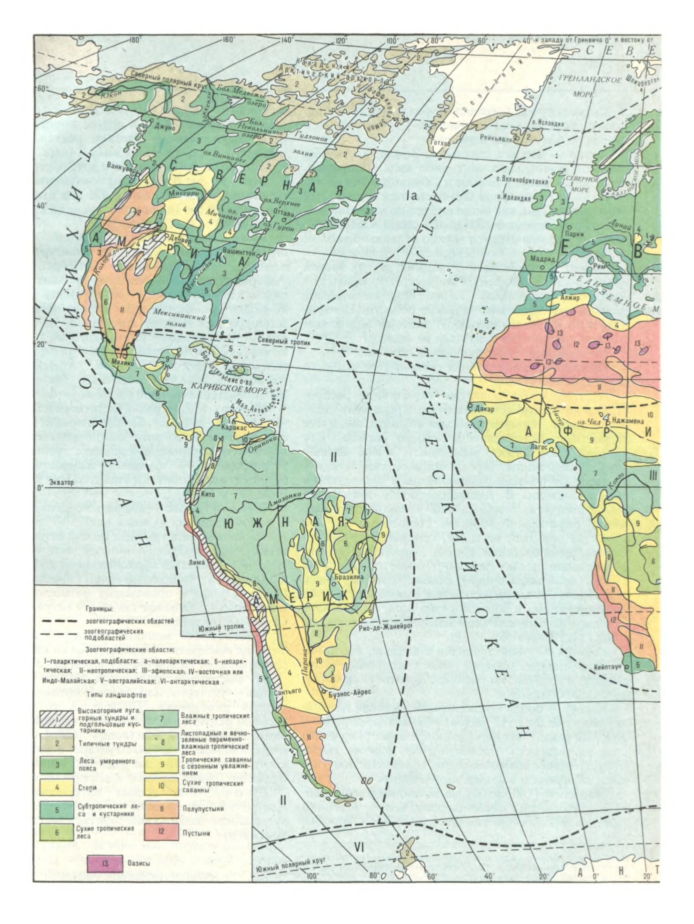
Много более мелкий крокодил Джонсона — эндемик Австралии. Новогвинейский крокодил распространен от Новой Гвинеи к северу до Филиппин.

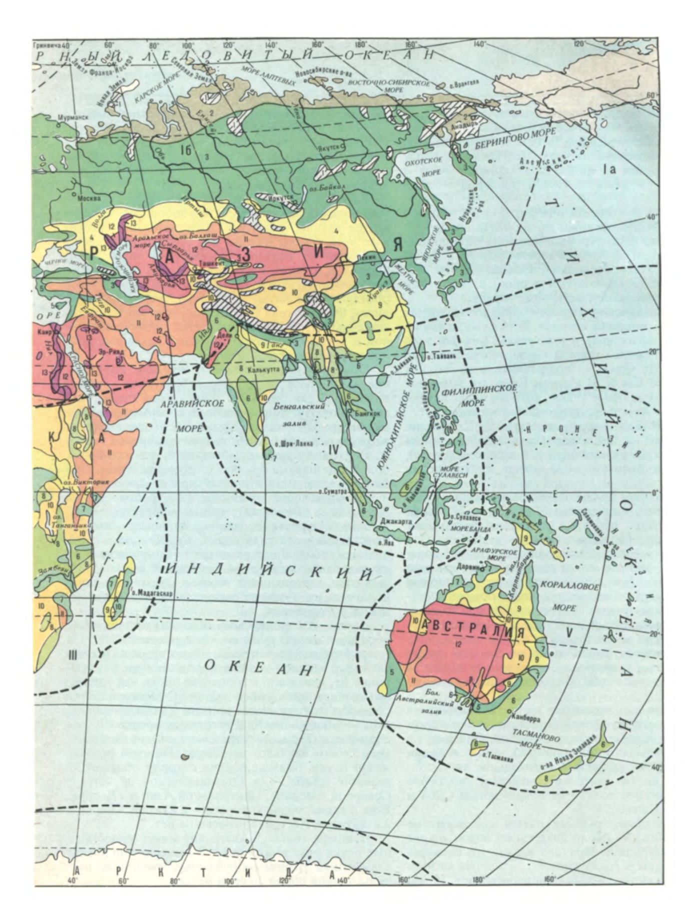
Из ящериц Австралийской области самая интересная — гаттерия, или туатара, эволюционная «тетушка» динозавров. Прежде, в те дни, когда гиганты рептилии топтали землю мощными колоннами-ногами (этак миллионов двести назад), пресмыкающиеся, подобные туатаре, обитали на всех континентах. Ныне же уцелели только в Новой Зеландии (самое крупное здесь пресмыкающееся).

Другой, тоже весьма интересный эндемик Австралийской области — молох, ящерица, вся «утыканная» колючками, обитает на самóм пятом континенте.

рыми мы уже познакомились, затем карликовая мышевидка (Marmosa), шерстистая сумчатая крыса (Caluromyr), сумчатая землеройка (Monodelphir) и ценолестовые сумчатые (Coenolestidae)

Зоогеографические области →

Границы:
зоогеографических областей
зоогеографических подобластей
Зоогеографические области:
I–голарктическая, подобласти: а–палеоарктическая; б–неоарктическая; II–неотропическая; III–эфиопская; IV–восточная или Индо-Малайская; V–австралийская; VI–антарктическая
Типы ландшафтов
1 Высокогорные луга, горные тундры и подгольцовые кустарники
2 Типичные тундры
3 Леса умеренного пояса
4 Степи
5 Субтропические леса и кустарники
6 Сухие тропические леса
7 Влажные тропические леса
8 Листопадные и вечнозеленые переменно-влажные тропические леса
9 Тропические саванны с сезонным увлажнением
10 Сухие тропические саванны
11 Полупустыни
12 Пустыни
13 Оазисы
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА
ЮЖНАЯ АМЕРИКА
АФРИКА
ТИХИЙ ОКЕАН
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
Северный полярный круг
Северный тропик
Экватор
Южный тропик
Южный полярный круг
Мексиканский залив
КАРИБСКОЕ МОРЕ
Гудзонов залив
ГРЕНЛАНДСКОЕ МОРЕ
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
о. Гренландия
о. Исландия
о. Великобритания
о. Ирландия
Юкон
Джуно
Ванкувер
Миссури
Денвер
Колорадо
Миссисипи
Вашингтон
Оттава
оз. Виннипег
оз. Верхнее
оз. Мичиган
оз. Гурон
Бол. Медвежье озеро
Бол. Невольничье озеро
Мехико
Бол. Антильские о-ва
Мал. Антильские о-ва
Каракас
Ориноко
Кито
Амазонка
Лима
Бразилиа
Рио-де-Жанейро
Парана
Сантьяго
Буэнос-Айрес
Готхоб
Рейкьявик
Париж
Мадрид
Рим
Дунай
Алжир
Дакар
Нигер
оз. Чад
Нджамена
Лагос
Конго
Кейптаун
40° к западу от Гринвича 0° к востоку от

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
Земля Франца-Иосифа
Новая Земля
КАРСКОЕ МОРЕ
Северная Земля
МОРЕ ЛАПТЕВЫХ
Новосибирские о-ва
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ
о. Врангеля
Анадырь
БЕРИНГОВО МОРЕ
Алеутские о-ва
Мурманск
Енисей
Лена
Обь
Якутск
ОХОТСКОЕ МОРЕ
Москва
Волга
Иркутск
оз. Байкал
Иртыш
Курильские о-ва
Аральское море
оз. Балхаш
Сырдарья
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Амударья
Ташкент
А З И Я
Пекин
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
о. Хонсю
ЖЕЛТОЕ МОРЕ
Хуанхэ
Тигр
Евфрат
Каир
Нил
Эр-Рияд
КРАСНОЕ МОРЕ
Инд
Дели
Ганг
Калькутта
о. Хайнань
о. Тайвань
ФИЛИППИНСКОЕ МОРЕ
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ
Бенгальский залив
Бангкок
ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
Филиппинские о-ва
о. Шри-Ланка
МИКРОНЕЗИЯ
оз. Виктория
о. Суматра
о. Калимантан
МОРЕ СУЛАВЕСИ
о. Сулавеси
МОРЕ БАНДА
Джакарта
о. Ява
оз. Танганьика
Замбези
АРАФУРСКОЕ МОРЕ
Дарвин
п-ов Кейп-Йорк
МЕЛАНЕЗИЯ
Новая Гвинея
Соломоновы о-ва
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН
о. Мадагаскар
КОРАЛЛОВОЕ МОРЕ
АВСТРАЛИЯ
ТИХИЙ ОКЕАН
Бол. Австралийский залив
Канберра
ТАСМАНОВО МОРЕ
о. Тасмания
о-ва Новая Зеландия
АРКТИДА
АНТАРКТИДА
Гринвич
I а
I б
III
IV
V

Из других ящериц разнообразием форм выделяются многочисленные (120 видов) сцинки. Ящериц агам — вчетверо меньше (в Новой Зеландии и на островах Полинезии их нет). Что касается всюду многочисленных в тропиках гекконов, то их в Австралии 35 видов, в Новой Зеландии — пять видов.

На пятом континенте обитает более половины всех известных науке видов варанов, а именно — 15. Эти полутора-двухметровые ящерицы хорошо плавают и лазают по стволам деревьев, даже начисто лишенных сучьев. Раскопки показали, что еще совсем недавно (в ледниковый период) в Австралии обитали огромные пятиметровые вараны.

В Австралийской области немало ядовитых змей: все из семейства аспидов. Есть и ужи, и земляные змеи (тифлопиды), и даже удавы! Как они сюда (в Новую Гвинею) попали — зоогеографическая загадка. Ведь удавы — представители гигантских змей Нового Света. В Старом Свете их заменяют питоны. Тем не менее удавы, хотя и в числе немногих видов, в Австралийской области здравствуют.

В Новой Зеландии и на островах Полинезии змей нет (за одним странным исключением: на Фиджи обитает эндемичный род аспидовых змей). В Тасмании тоже нет змей, как и крокодилов и варанов.

Значительные площади Австралии заняты аридными (сухими, маловодными) землями. И удивительно поэтому, что этот континент располагает сравнительно большим числом амфибий (112 видов). Это в основном лягушки (тритонов и саламандр нет). Многие из них наделены особого рода резервуарами для сохранения воды: обширные мешки в брюшной полости, в лимфатических сосудах и мочевом пузыре. В сухое время года запасенная в них в дождливый сезон вода постепенно расходуется по мере исчезновения ее в природе.

Эти странные амфибии не из близкой родни нашим речным и прудовым лягушкам рода рана, а из семейства свистунов, обильного видами в Америке.

Удивительные хвостатые лягушки обитают на Северном острове Новой Зеландии, на котором вообще нет больше никаких амфибий. Они живут в горах, откладывают яйца прямо на землю, и из яиц выходят не головастики, а готовенькие лягушата. Подобные им (из того же семейства) хвостатые лягушки обитают только на северо-западе США и юго-западе Канады.

Пресноводными рыбами пятый континент не богат (морских — около двух тысяч видов вокруг берегов Австралии). Причина в том, что больших речных систем в Австралии нет, а многие из имеющихся рек в сухое время года пересыхают. И тем не менее эта страна обладает удивительной рыбой с легкими. Двоякодышащей! Имя ее — неоцератод. Ископаемые остатки таких рыб найдены на всех континентах. Ныне же сохранились они (но других видов и родов) помимо Австралии еще только в Африке и Южной Америке.

Европейский энтомолог чувствует себя в Австралии более уверенно, чем зоолог, изучающий другие группы животных. Действительно, насекомые этой страны похожи или родственники своим собратьям из Европы. Эндемичных видов мало. Однако и чуждых Европе насекомых достаточно: все они иммигранты из тропических стран. Здесь обитают знаменитые кузнечики «странствующий лист», формой тела удивительно похожие на настоящие листья, богомолы, термиты. Песни цикад весной и летом составляют обычный аккомпанемент ночных звуков леса и саванны.

Обитают здесь и зеленые муравьи экофилы, прославившиеся тем, что пользуются своими личинками как орудиями труда: строя гнезда, они склеивают паутинными нитями, которые выделяют личинки, края листьев. Кроме Австралии экофилы встречаются еще в Южной Азии и Африке.

Водятся и муравьи, запасающие мед в раздутых большими шарами брюшках, словно в бочках. Они известны еще лишь в теплых странах Америки.

Из настоящих эндемиков (Австралии, Новой Зеландии и Тасмании) чудные «представления», любимые туристами, дают светящиеся комары. Собственно светятся не сами взрослые комары, а их личинки, обитающие в пещерах. На мрачном фоне их сводов или отраженные в темной воде подземных озер, сгрудившиеся огоньки комариных личинок очень напоминают сияние звезд на небосклоне южного полушария.

Пауки Австралийской области весьма своеобра́зны: много древних, четырехлегочных. Но самое интересное — немало общих видов с Индонезией. Это в общем-то понятно: расстояния, разделяющие их, невелики, в минувшие эпохи эти районы объединяли сухопутные «мосты». Менее понятна общность пауков австралийских и южноамериканских — много близких и идентичных родов. Другая странность: Тасмания поражает знатоков своеобразием своего паучьего населения. На этом острове живут пауки, близкие родичи которых обитают на далеком севере — в Голарктической области: в Северной Америке, Центральной Азии и в Европе. Есть и такие, родня которых — в Южной Америке, а в соседней Австралии совсем ее нет.

Наконец, только в Австралии живут общественные пауки рода амауробиус. В пещерах они плетут совместным трудом сооруженные полотна из паутины длиной порой до семи метров.

Так далеко отстоящие от Австралии Гавайские острова тоже включены в Австралийскую область (хотя некоторые зоогеографы и выделяют их в самостоятельный регион).

Из автохтонных (то есть имеющих местное происхождение) сухопутных млекопитающих на Гаваиских островах обитает лишь один вид летучих мышей. Тут нет рептилий и амфибий и ни одной действительно пресноводной рыбы. Фауна птиц (90 видов) тоже бедна и состоит в основном из эндемичных видов.

Много улиток нигде, кроме как на Гавайях, не обитающих (два эндемичных семейства!). Среди 428 видов жуков 352 — эндемики.

Наибольшее влияние на формирование фауны Гавайских островов оказала Америка. Много, но более поздних вселенцев и из Полинезии. Высокий эндемизм животного населения Гавайской подобласти доказывает, что ее фауна сформировалась уже очень давно и новейшее воздействие на нее других зоогеографических регионов было слабым.

«Новейшее» — это когда речь идет об естественном расселении животных. В настоящее время люди завезли на Гавайские острова много чуждых им прежде птиц, млекопитающих, рыб, лягушек и жаб (и один вид змей!).

«Даже животный мир прибрежных вод выглядит сильно европеизированным» (Ульрих Зедлаг).

БЕЗМОЛВИЕ ВЕЧНЫХ ЛЬДОВ — АНТАРКТИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ

Когда раскололась Гондвана, Австралия позже всех материков отделилась от Антарктиды (примерно 60 миллионов лет назад). Но как непохож животный мир этих двух ныне отдаленных друг от друга континентов!

Скалы Антарктиды, почти сплошь покрытые двух-трех-, а то и пятикилометровым панцирем вечных льдов, безжизненны. Даже летом свободна от снега и льда лишь прибрежная узкая зона гальки. Здесь есть кое какая скудная растительность: мхи, лишайники, водоросли, а местами и травы.

Из млекопитающих Антарктический материк посещают летом только четыре вида тюленей. Летом же гнездятся здесь семь—девять видов птиц, в основном буревестники (из пингвинов на самом материке — лишь пингвины Адели). В теплую пору в вечных своих странствиях залетают на Антарктический материк альбатросы, поморники, кочурки, чайки и другие птицы общим числом около 30 видов.

По-настоящему антарктическим можно считать только один вид птиц: императорские пингвины! Они гнездятся здесь... зимой! А летом недалеко уплывают от берегов скованного льдом материка.

Кто еще живет здесь?

Разного рода беспозвоночные, в основном микроскопические простейшие, также коловратки, паразитические и свободно живущие черви нематоды, трематоды, цестоды, некоторые членистоногие. Во мху и лишайниках копошатся клещи, пухоеды, блохи и два вида комаров из семейства хирономид («мотыль» — как называют их рыболовы). В лужах, оставшихся от снега, нашли пристанище мелкие небольшие крабы.

Все позвоночные животные Антарктиды находят корм свой в море, а беспозвоночные питаются падалью, пометом птиц и тюленей, полусгнившими остатками растений либо вообще паразиты.

А ведь еще сравнительно недавно богата жизнью была Антарктида! Сплошное оледенение ее началось, очевидно, недавно: возможно, даже в ледниковое время. Палеонтологи при раскопках нашли под снегом и камнем остатки мезозойских амфибий и рептилий (но странно: не найдено ни одного млекопитающего!). Весь третичный период в Антарктиде господствовал умеренный климат.

Там росли густые и высокие леса из араукарий, древовидных папоротников, нотофагусов.

Ныне же это почти сплошь снежная безмолвная пустыня...

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ НЕПОЛНОЗУБЫХ — НЕОТРОПИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ

С севера границы этой области, имеющей некоторое фаунистическое сходство с Австралийской областью, очерчены нерезко. Как правило, проводят ее от Южной Мексики до нижней оконечности Южно-Американского материка. Происходит это оттого, что многие неотропические животные вклинились достаточно далеко в более северную Неарктическую подобласть. С другой стороны, и животные этого последнего региона проникли в северные районы неотропической области.

«Фактически никакой границы нет, а есть относительно широкая зона, соединяющая друг с другом Неарктическую подобласть и Неотропическую область» (Густаф де Латтин).

На севере и юге Неотропической области — субтропический климат, на крайнем юге — даже субарктический. В центре — тропический.

На западе почти всей области возвышаются горные массивы Анд и Кордильер. К востоку от них простираются бескрайние просторы равнин: амазонские тропические леса — сельва, к северу и югу сменяющиеся тропическими саваннами, на востоке Аргентины переходящие в злаковые степи. В Мексике — в основном пустыни, редко поросшие кактусами, юккой, агавами. Большие пространства Перу и Чили тоже заняты горными и прибрежными пустынями и полупустынями.

Фауна богата разными видами животных. Это зависит, очевидно, от резко несхожих ландшафтов и климатических зон, а также от великого многообразия растений. Если в европейском смешанном лесу на одном квадратном километре можно насчитать не более дюжины всяких видов деревьев (всего их в Европе, без импортных форм, не более сотни видов), то в амазонской сельве на той же площади растут сотни различных видов деревьев. Их общее количество превосходит несколько тысяч.

В Неотропической области поражает отсутствие больших стад копытных. Да и вообще нет здесь очень больших животных. Самые крупные из них — лама, пума, ягуар, тапир. Сравните их со слонами, жирафами, буйволами, бегемотами, каннами и другими солидного роста антилопами, которыми обладает Африка, и вам все станет ясно.

Из млекопитающих особенно характерны для Неотропической области сумчатые и неполнозубые (ленивцы, муравьеды и броненосцы).

Сумчатых около 70 эндемичных видов, размером они с мышь и крупнее: самые большие с кошку. Из них обычный опоссум в своем распространении на севере переходит границу США и Канады (в районе Великих озер). Многие сумчатые Америки наделены хватающими хвостами (что, кстати сказать, вообще нередко здесь: много цепкохвостых обезьян и дикобразов).

Когда-то в Америке было изобилие неполнозубых (некоторые — ростом со слона!). Ныне уцелело только около 30 эндемичных видов (шесть — ленивцев, три — муравьеда и 20 — броненосцев). Некоторые из них обитают от Никарагуа до Средней Аргентины, а девятипоясный броненосец смело пересек границу США и поселился там на востоке вплоть до штатов Канзас и Алабама.

Полуобезьяны, или лемуры, в Америке не водятся, а местные обезьяны составляют совсем особую группу так называемых широконосых, которые все — эндемики Неотропической области. (Любопытный факт: ежегодно из Южной Америки в США экспортируется для исследовательских целей около ста тысяч обезьян!)

Далее заслуживают упоминания следующие виды зверей-эндемиков: ягуар, оцелот, ягуарунди, пекари, тапир, гуанако, викунья, шиншилла, агути, капибара, вампир и др.

О них вы читали в этом томе «Мира животных».

«Южная Америка богаче птицами, чем все прочие континенты, как показывают следующие цифры (без учета морских птиц):

Австралия и Новая Гвинея	—	*900 видов птиц*
Неотропическая область	—	*2500 видов*
Неарктическая подобласть	—	*750 видов*
Палеарктическая область	—	*1110 видов*
Эфиопская область	—	*1700 видов*
Восточная (или Индо-Малайская) область	—	*1000 видов» (Ульрих Зедлаг)*

Девяносто процентов всех видов птиц Неотропической области — эндемики.

Самая богатая птицами страна мира — Колумбия. Полторы тысячи видов! Это втрое больше числа видов птиц, гнездящихся и зимующих в Европе.

В одном лишь Эквадоре, который немногим больше Белоруссии, обитает восемь процентов всех известных на Земле видов птиц. А в маленькой Панаме птичьих разновидностей больше, чем во всей Северной Америке!

Из неотропических птиц особенно привлекают внимание колибри и гоацины. Первые в числе 300 видов и множества подвидов обитают в основном в Южной Америке, но два вида гнездятся и в Север-

ной вплоть до юга Аляски. Один вид живет на Огненной Земле. Размером колибри — от шмеля до ласточки. Самые маленькие весят всего два грамма.

Гоацины — птицы с когтями на крыльях! Правда, когти только у птенцов, у взрослых их нет. Живут в Амазонии, в болотистых лесах.

Разного рода рептилиями Неотропическая область очень богата. Особенно поражает обилие крокодилов. Употребляются, например, такие сравнения: «...верховья Амазонки кишат кайманами, как пруды Англии головастиками». Ежегодно одна только Колумбия экспортирует свыше 100 тысяч кайманов или их шкур.

Из ящериц нужно упомянуть два вида ядозубов. Их родина — пустыни Северной Мексики и юго-запада США. Ящерицы эти большие (до 75 сантиметров длиной) и, как показывает название, ядовиты (единственные в мире среди ящериц!).

Прибрежные скалы Галапагосских островов буквально сплошь покрыты крупными морскими игуанами. Их образ жизни очень даже необычен для ящериц: кормятся водорослями, ныряя за ними в море.

По холмам и равнинам во внутренних районах этих островов ползают редчайшие ныне гигантские черепахи, сохранившиеся помимо Галапагос лишь на атолле Альдабра в Индийском океане.

Как питоны представляют гигантских змей Старого Света, так для Нового Света характерны удавы. Странно: за пределами Америки удавы встречаются примерно там же, где и ящерицы игуаны: Мадагаскар, острова Фиджи, Тонга, а также Новая Гвинея, Молуккский архипелаг, Сулавеси (здесь уже игуан нет). И лишь один род удавов — эрикс — выпадает из этой формулы распространения: он обитает от Африки на восток по теплым странам до Индии.

Процветанию амфибий в Южной Америке способствует теплый влажный климат и обилие рек и болот. Знакомые нам по Австралии лягушки-свистуны нашли себе благоприятные для жизни условия и здесь. Древесные лягушки, родичи наших квакш, тоже весьма обильны в Южной Америке.

Обычные лягушки из рода рана (к которому принадлежат и наши) обитают от Канады до северной половины Южной Америки. Обыкновенные жабы (род буфо) — от 60-го градуса северной широты почти до Магелланова пролива.

Нерешенной зоогеографической загадкой остается распространение хвостатых амфибий (тритонов, саламандр). Из США и Канады они расселились на юг лишь до линии, которую можно провести от устья Амазонки на запад через Среднюю Боливию до севера Венесуэлы.

Неотропическая область держит первое место среди всех прочих зоогеографических регионов не только по числу видов птиц, но и по видам пресноводных рыб тоже. Их здесь 2700 видов. Причина — изобилие обширных речных систем. Бассейн лишь одной Амазонки занимает семь миллионов квадратных километров. Он, как и бассейн Парана — Ла-Плата, крупнейший на Земле.

«Даже бассейн сравнительно короткого Ориноко превосходит таковой Дуная. Из речной системы Амазонки известно уже более чем тысяча видов рыб, из Дуная — только около 70... При этом число амазонских рыб на самом деле должно быть существенно выше, возможно, вдвое.

...Половина неотропических рыб принадлежит к сомообразным, из которых описано примерно тысяча видов. На втором месте — харaксовидные рыбы, или салмлеры, — 800 видов. К ним относят и знаменитую пирайю (опасность которой преувеличена)» (Ульрих Зедлаг).

Электрические рыбы, как и упомянутые выше салмлеры и цихлиды (вынашивающие икру во рту), кроме Америки обитают еще только в Африке (за исключением одного рода цихлид, населяющего прибрежные и солоноватые воды Индии и Шри-Ланки).

Некоторая аналогия с этим намечается в распространении и двоякодышащих рыб: в болотах Гран-Чако водится рыба с легкими — лепидосирен. В Африке тоже есть своя двоякодышащая рыба (в Австралии, как мы уже знаем, — тоже).

В Амазонке живет и самая большая пресноводная рыба — арапаима (до четырех метров длиной!), которая, однако, никакого хозяйственного значения, к сожалению, еще не имеет.

Там же местами в изобилии встречаются крошечные сомики кандиру — очень опасные существа. Они, как пиявки, сосут кровь купающихся людей и имеют пренеприятное обыкновение забираться во все естественные отверстия на теле человека, даже в мочеполовой канал. Извлечь их оттуда можно только хирургическим путем.

Не менее неприятны и пресноводные скаты-хвостоколы, обитающие в Амазонке. Сюда же заплывают из океана и акулы, а в озерах Никарагуа и Изабал (Гватемала) постоянно живут тупорылые акулы, весьма опасные для человека.

«Во всех книгах, в которых описываются красоты насекомых, неотропические виды всегда в большой степени присутствуют» (Ульрих Зедлаг).

Едва ли не богаче, чем в тропиках других стран, мир насекомых Южной Америки. Тут и великолепные огромные бабочки, и яркие стрекозы, которые нередко собираются в многочисленные стаи. Тут и весьма внушительные жуки, и среди них самый большой жук в мире — геркулес (длиной до 15 сантиметров). Страшные на вид, большие и волосатые пауки-птицееды и бродячие муравьи, от которых в страхе бежит все живое, обитают кроме Южной Америки еще лишь в Африке.

Но зато муравьев-листорезов в этой последней стране нет. В Америке же они нередко опустошают целые плантации, срезая с деревьев листву, которую несут в муравейники, чтобы вырастить на ней, как на компосте, съедобные грибы. Ими кормятся и сами муравьи и их личинки.

«Фауна пауков Неотропической области очень характерна, изобильна и красочна. Пожалуй, нигде пауки не достигают такого богатства форм» (профессор А. В. Иванов).

Здесь родина птицеедов. Только здесь, кроме одного лишь вида в Европе, в великом изобилии процветают «стрекочущие» анифены: в Патагонии их почти половина всей фауны пауков. Но в тропической Америке меньше, чем в Африке и Индии, нефил-ткачей и совсем мало столь многочисленных в наших широтах линифид.

В заключение скажу, что еще в одной области фаунистики Неотропическая область держит первенство: многообразием улиток и других моллюсков она превосходит все зоогеографические регионы.

ИЗОБИЛИЕ КОПЫТНЫХ — ЭФИОПСКАЯ ОБЛАСТЬ

Эфиопская область занимает всю Африку к югу от Сахары, а также крайний юг Аравийского полуострова, Мадагаскар (как особую подобласть) и прилежащие острова.

Уже говорилось в предыдущей главе об известном сходстве неотропических рыб, насекомых, пауков и некоторых других животных с эфиопскими (здесь поэтому повторяться не будем). Есть определенное сходство и в сочетании ландшафтов этих областей: дождевые леса и саванны, пустыни и полупустыни.

Север и юг Эфиопской области лежат в субтропиках, центральные районы — в тропиках. Здесь же располагаются и самые высокие горы Африки, переходящие восточнее и южнее в довольно ровное плоскогорье, лежащее на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря. Оно покрыто галерейными (приречными) лесами и саваннами.

Экваториальный запад занимает низина бассейна Конго и других текущих в Атлантический океан рек. Здесь располагаются мощным покровом тропические леса. Вообще запад Африки довольно симметрично разделен ландшафтно-климатическими зонами: пустыня — саванна — тропический лес — саванна — пустыня (Намиб). На востоке нет ничего подобного, а тропические леса располагаются лишь пятнами к востоку от Виктории и Ньясы. На большей части — сухие, растущие по берегам рек леса и саванны. На крайнем юге Африки — особая флористическая формация — буш: заросли колючего кустарника, перемежающиеся с крупными луковичными растениями.

Эфиопская область поражает обилием копытных животных. Многие из них пасутся большими стадами. Это и слоны, и жирафы, и зебры, и антилопы. Олени? Нет, только не олени: их нет в Африке к югу от Сахары. Это странно. Странно и то, что нет в Эфиопской области и медведей, несмотря на обилие всевозможных других хищников.

Копытные животные Африки образом жизни и ростом очень разные: начиная с малюток «королевской антилопы» или дикдика, которые едва больше кошки (25 сантиметров — высота в плечах), и кончая такими великанами, как жирафы и внушительные антилопы канны и куду.

Почти все копытные Африки — эндемики этой страны и больше нигде в мире не встречаются. Вообще список крупных животных-эндемиков здесь очень велик. Упомяну немногих: почти все антилопы, ослы, буйволы, жирафы, бегемоты (обычный и карликовый), два вида носорогов, слоны (иного вида и рода, чем индийские и, стало быть, тоже эндемики), три вида зебр, гиеновые собаки, пятнистая гиена и гиена бурая, кистеухая и гигантская лесная свиньи, бородавочник, трубкозуб, даманы, из обезьян — горилла, шимпанзе, мартышки, павианы, мангобеи, гверецы и др.

Словом, очень много их, богата эндемиками-млекопитающими фауна Эфиопской области.

«Числом семейств птиц, хоть и с ограниченным количеством видов, эта область почти так же богата, как Неотропическая» (Ульрих Зедлаг).

Из широко распространенных в мире птиц в Африке удивительно мало голубей и попугаев. Но

зато широко представлены куриные птицы, орлы, грифы и соколы, кукушки, ракшеобразные, скворцы, козодои, ткачи и медоведы.

Пернатых эндемиков сравнительно много: шесть эндемичных или почти эндемичных семейств. А из видов — следующие птицы: прежде всего страус, затем голенастый хищник секретарь, абу-маркуб (аист с широким и толстым, как башмак, клювом), теневые птицы (ростом с ворону, но плетущие удивительно большие гнезда: до двух метров в диаметре), турако (17 видов, ростом от дрозда до фазана, все с гребнем на голове), птицы-мыши.

В Африке всего три вида крокодилов: два небольших с ограниченным распространением, третий — самый крупный в мире — нильский. Встречался еще недавно от Сахары до южной оконечности Африки, водился также в Сирии и в долине Иордана, где ныне истреблен. Но возможно, еще сохранился в Сахаре в малых и мелких водоемах на плато Эннеди. Недалеко отсюда, в нагорье Тассили-Адджер, истреблен недавно.

Обычные черепахи рода тестудо обитают во многих районах, но особенно много разнообразных видов этого рода в Южной Африке. Мягкотелые черепахи тоже водятся, а болотные встречаются только на северо-западе области.

Очень характерны для Африки хамелеоны (80 видов, из которых большинство — на Мадагаскаре), а также много разных форм сцинков и гекконов. Варанов всего два вида, но они довольно многочисленны: и в саваннах, и в тропических лесах.

Змей много: и гадюк, и кобр, но нет обычных в Неотропической области ямкоголовых змей и слепозмеек. Из эндемиков интересны плюющиеся кобры, опаснейшая змея мамба (бывает длиной до четырех метров!) и змея-яйцеед, которая глотает яйцо целиком, а затем в глотке особый «консервный нож» — две выступающие в полость глотки кости — взрезает его скорлупу. Другой подобный же вид обитает в Индии.

Амфибии Африки никаких неожиданностей для зоолога не таят (если не считать волосатую лягушку). Саламандр нет, хотя за пределами Эфиопской области на севере Африки они водятся. Почти совершенно отсутствуют и древесные лягушки квакши. Жабы представлены тремя родами, а обычные лягушки рода рана многочисленны видами.

Следующая группа животных Эфиопской области разнообразнее и интереснее, чем амфибии.

Рыбы, наделенные электрогенераторами, водятся здесь, как и в Неотропической области. Это электрический сом и клюворылы (рыбы с радарами!), которые составляют эндемичный отряд. Их около 150 видов. Особенно много клюворылов в речной системе Нила, откуда, спускаясь в низовья этой великой реки, они выходят за пределы Эфиопской области, вторгаясь в другой регион — в Палеарктику.

Цихлиды (вынашивающие икру во рту), уже известные нам по Неотропической области, тоже весьма обильны в Африке и тоже, как клюворылы, выходят за пределы Эфиопской области, поселившись в водах оазисов Северной Сахары, а также в Сирии и Палестине.

Цихлиды помимо своего исключительного способа заботы о потомстве интересны не только этологам, но и зоогеографам и специалистам, изучающим законы эволюции. Дело в том, что, по-видимому, все это многочисленное семейство (с неотропическими формами тоже) произошло от одного вида — обитателя Восточной Африки. Где-то в Великих озерах этой страны жил он миллионы лет назад. Возможно, даже в озере Ньяса, в котором обитают сейчас 178 видов цихлид (общее число видов — 223).

Три вида двоякодышащих рыб — протоптерусов — обитают от Верхнего Нила до Замбези.

Сходство с Неотропической областью видим мы и в распространении в Африке особого отряда рыб — салмлеров, которые здесь, правда, менее богаты видами, однако последних все же насчитывается больше ста.

Эндемичен очень интересный и загадочный (по своему строению и происхождению) отряд многоперовых рыб, которых нередко считают особым подклассом рыб. В таком случае, если это окажется истиной, Эфиопская область, как никакая другая, может считаться обладательницей эндемичного не вида, не рода, не отряда даже, а подкласса!

Как и всякая тропическая страна, Африка богата разного рода красивыми и крупными насекомыми. Здесь летает со звучным жужжанием второй по величине жук в мире — голиаф. А в кустах и на ветвях деревьев, над которыми он прожужжит, таятся ядовитые пауки-птицееды. Рядом с ними нефилы (тоже пауки) плетут свои знаменитые сети. Они настолько прочны, что, говорят, мелкие птахи, попав в них, становятся их пленниками, а пробковый шлем повисает на тенетах нефил.

Интересно, что африканские пауки как бы двойного происхождения: на востоке континента (от гор Эфиопии у Великих озер и на всей южной его оконечности) в паучьем населении преобладают близкие родичи австралийских и малайских пауков, а по западной стороне (от Сенегала до Анголы) — южноамериканских (птицееды, например, и около тридцати общих видов пауков-скакунчиков).

Такое странное родство заметили и у некоторых

других животных, разделенных ныне океанами. Возможно, доказывает оно помимо других геологических и палеонтологических фактов, что миллионы лет назад Индию, Африку, Южную Америку, Антарктиду и Австралию связывал единый материк — великая Гондвана. Потом, как нам уже известно, он раскололся, и пауки, некогда близкие соседи, «разъехались» по разным частям света.

Как и в тропиках Америки, бродячие муравьи (только других родов) грозят лютой смертью всему живому. Но главный бич этих мест (из числа беспозвоночных) — термиты и муха цеце. Последняя в Центральной и Восточной Африке многих людей повергает в смертельную сонную болезнь. Из-за нее, этой мухи, распространяющей среди копытных болезнь нагану, невозможно содержание лошадей и разведение крупного рогатого скота. (Местные дикие копытные к этой болезни невосприимчивы.)

Комары заражают людей малярией. Много и других специфических тропических заболеваний переносят насекомые, улитки и другие беспозвоночные Африки. А саранча? Опустошительные ее набеги на поля и плантации обрекают миллионы людей на голодную смерть. В общем насекомые Африки более вредоносны, чем полезны, хотя некоторые виды бабочек и жуков и пленяют глаз человека своей красотой.

АЗИАТСКИЕ ТРОПИКИ — ВОСТОЧНАЯ, ИЛИ ИНДО-МАЛАЙСКАЯ, ОБЛАСТЬ

Она включает в себя Индию, Южный Китай с Тайванем, Индокитай, Филиппины и Зондские острова.

Южную ее границу, разделяющую Восточную и Австралийскую области, проводили прежде по линии Уоллеса, которая проходит между островами Калимантан и Бали с одной стороны и Ломбоком и Сулавеси — с другой. Это разделение строилось главным образом по распространению птиц и сумчатых зверей. Ныне, учитывая распределение и других животных, эту границу отодвинули немного к юго-востоку и проводят ее по линии Вебера, отделяющей Молуккские острова от Сулавеси, а Тимор — от островов Танимбар. Сулавеси и Малые Зондские острова образуют промежуточную Индо-Австралийскую зону.

Бóльшая часть области лежит в тропиках, только северо-запад Индии и часть Китая, входящие в Восточную область, находятся в субтропиках.

Тропическим лесом покрыта бóльшая часть области. Правда, под натиском человека (Индо-Малайская область очень многолюдна) лес все больше уступает место возделанным полям или кустарникам. Особенно это касается Китая. Леса островов по многообразию видов растений (их около трех тысяч) почти не уступают лесам бассейна Амазонки. На континенте господствуют муссонные леса, которые в сухое время года сбрасывают листву.

Рельеф области по большей части гористый, а побережья окаймляют густые мангровые заросли.

Несмотря на многообразие флоры и обилие островов, эндемичных видов среди позвоночных сравнительно немного.

С Эфиопской Индо-Малайскую область сближает распространение в той и другой слонов, носорогов, леопардов, гепардов, львов, виверр, ящеров-панголинов, лемуров и человекообразных обезьян. С другой стороны, антилоп в Индии мало (в Африке, как нам известно, их очень много). Оленей в Эфиопской области нет, в Индо-Малайской — немало разных видов. Нет в первой и медведей, а во второй их три вида. Волки тоже в Африке не обитают (их заменяют здесь гиеновые собаки), в Индии они кое-где еще водятся. Шакалы распространены и тут и там (только в Африке их три вида, а в Индии — один).

Из зверей-эндемиков здесь живут панды, кагуаны, или шерстокрылы, тупайи, долгопяты, орангутаны, гиббоны, из прочих обезьян — носатые, лангуры и почти все макаки.

В Восточной области обитают около тысячи видов птиц, только немного меньше, чем в регионе, описанном ниже в огромной Палеарктике. Шестьдесят шесть птичьих семейств представлены в азиатских тропиках. Из них одно эндемичное: листовки, или ирениды. Их 14 видов, окрашены ярко, многие хорошо поют, размером с воробья или дрозда. Распространены широко, фактически по всей области: от Индии до Индокитая и Индонезии.

Поражает малое число видов попугаев. А из обычных птиц многие обитают и в Африке. Регион очень богат разными фазанами. Их в Индо-Малайской области больше, чем в других областях.

Далее — кукушки. Космополитический (то есть распространенный по всему миру) отряд. Голубей тоже много. Птицы-носороги, бородатки, дятлы, рогоклювы, питты, врановые, кустарницы, дронго,

ткачи, скворцовые, нектарницы, медоведы, рябки, бюль-бюли, марабу обитают в Индо-Малайской и Эфиопской областях.

Как и следовало ожидать, судя по климату, Восточная область богата рептилиями — свыше 500 видов.

Крокодилов шесть видов. Из них гангский гавиал уникален формой тела и образом жизни. У него чрезвычайно длинная и узкая пасть и охотится он только за рыбами. Другим животным и человеку не опасен. Обитает в Ганге, Брахмапутре и других реках до Западной Бирмы.

Черепах 30 видов. В большинстве болотные. Напротив, сухопутных сравнительно мало. Богаче, чем в других областях, представлены кожистые черепахи, у которых твердый панцирь редуцирован и заменен кожей.

Богата область ящерицами: много агам, гекконов, сцинков. Напротив, хамелеонов и варанов мало. Но зато один из последних — комодо-варан — настоящее чудовище. Длиной он до трех-четырех метров, весит до 140 килограммов и нападает на свиней и оленей. Он узкий эндемик: обитает только к югу от Сулавеси, на маленьком острове Комодо, который шириной 20 и длиной 30 километров. Встречался прежде (а теперь, может быть, и нет его уже там) на двух крошечных соседних островах и на небольшой части острова Флорес.

Эндемик и другая весьма интересная ящерица — летающий дракон. Он планирует с дерева на дерево на растопыренных ребрах (натянутая между ними кожа играет роль парашюта). Летающих драконов 40 видов — от Южного Китая и Филиппин на юг до Сулавеси, Серама и Тимора. «Один вид живет изолированно в Южной Индии».

Среди змей преобладают аспидовые: в Индии — крайты и кобры, первых — 12 видов, вторых — два (в Африке — пять видов кобр, и здесь, очевидно, лежал центр развития этих змей). Гадюк и ямкоголовых змей немного. Зато есть щитохвостые змеи (тупой конец хвоста прикрыт у них большим щитом из чешуй). Это эндемики Индии, Бирмы и Шри-Ланки — 43—45 видов.

Обитают тут и другие не менее оригинальные бородавчатые змеи. Они живут в воде, в морях и реках, кормятся рыбой, но не ядовиты, как настоящие морские змеи.

Из исполинских змей широко распространен по всей области сетчатый питон — вторая по величине, после анаконды, змея — длина до 10 метров.

Хвостатые амфибии лишь в числе немногих видов обитают в Индии. Фауна бесхвостых земноводных много богаче. Обычные жабы и лягушки живут в Восточной области, но ни числом видов, ни множеством своим особенно не выделяются.

Зато веслоногие лягушки господствуют всюду. Распространены они от Африки через Индо-Малайскую область вплоть до Японии, «где один вид из-за его благозвучного пения содержат в клетках».

Среди веслоногих лягушек есть знаменитые представители азиатских тропиков — летающие лягушки.

Рыбы Индо-Малайской области не отличаются особенным своеобразием. Преобладают карповые и сомообразные рыбы. Древних форм нет. Зато есть два интересных оригинала — анабас и брызгун. Анабас знаменит тем, что много дней может путешествовать по суше и даже забираться на почти отвесные предметы.

Брызгун — меткий стрелок. Несколькими капельками воды, выброшенными изо рта, сшибает в воду насекомых, неосторожно присевших отдохнуть на лист или стебель, свисающий над водой.

ФАУНА НАШИХ ШИРОТ — ГОЛАРКТИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ

Центром ее служит Северный полюс. Вокруг него — льды Северного Ледовитого океана, далее — окраинные моря и суша. На суше по всем странам, окружающим Ледовитый океан, почти сплошным кольцом располагается тундра. За тундрой и лесотундрой, южнее их, идут хвойные леса таежного типа, потом — смешанный и широколиственный лес. Еще южнее, отсутствующие в Западной Европе, обширные пространства лесостепи и степи. Пустыни и полупустыни следуют за ними и в Северной Америке, и в Азии. На юге Америки и в Китае растут и дождевые леса.

Южная граница Голарктики менее определенна. В общем проходит она через север Мексики, далее по южной оконечности Сахары, минуя юг Аравийского полуострова, и дальше на севере Индии и в Южном Китае смыкается с границей Восточной области.

В пределах Голарктики встречаются виды, типичные для Эфиопской, Неотропической и Индо-Малайской областей (и, наоборот, в эти последние три области местами проникли голарктические животные). Прошло большинство и тех и других по «мостам». Их было несколько.

Начать с того, что Африка в третичном периоде соединялась в районе Гибралтара, а возможно, через Италию и Сицилию с Европой.

Геологи доказали, что еще совсем недавно, несколько десятков тысяч лет назад, в ледниковую эпоху, Азия и Америка соединены были широким «мостом», почти вдвое более широким, чем Аляска. Сейчас этот «мост» — необозримая равнина, простирающаяся с севера на юг на две тысячи километров, — покоится под неглубокими водами Чукотского и Берингова морей.

А еще 50 тысяч лет назад по этой равнине, обнаженной отступившим морем, кочевали бесчисленные стада диких животных и не менее дикие орды людей. Шло великое переселение с запада на восток: из Азии в Америку (некоторые, конечно, мигрировали и в обратную сторону). В Новый Свет, открытый ими до Колумба, по широкому «мосту» устремились мамонты, лоси, мускусные быки, медведи, горные козлы и бараны, лисицы и волки.

В ледниковую же эпоху и предки бизонов переселились с Чукотки в Северную Америку и сильно там расплодились. С тех пор эволюция двух близких видов диких быков пошла разными путями. эмигранты превратились в современных бизонов, а оставшиеся на старой родине — в зубров.

Другой «мост», существующий и поныне, — Панамский перешеек. Прежде его не было. А когда он появился, по нему переселились из Северной Америки в Южную очковый медведь, олени, кошки, хомяки, свиньи, гуанако и викуньи...

Этой дорогой прошли и многие другие животные. Даже мастодонты, проделав уже немалый путь из Африки в Европу и из Европы в Северную Америку, преодолели и этот третий в их странствиях межматериковый «мост». Тапиры тоже пришли из Северной Америки в Южную.

Хотя кошки пробрались в Южную Америку с севера, позднее некоторые из них двинулись обратно, например пума. Она вернулась в страну предков и обитает сейчас на западе США и Канады. Тем же путем, через Панаму, пришли и другие четвероногие эмигранты с юга: опоссум, коати, или носуха, которая объявилась сравнительно недавно в Аризоне, и девятипоясные броненосцы.

Голарктику разделяют на две подобласти — Неарктическую (североамериканскую) и Палеарктическую (евразийскую). И ту и другую населяют похожие и даже одни и те же животные разных групп: волки, лисы, зайцы, белые, бурые и близкие виды черных медведей, лоси, северные и благородные олени, рыси, выдры, росомахи, бобры, землеройки, кроты... 19 общих видов зверей!

Но в Неарктической подобласти нет свиней, обычных дикобразов и лошадей, зебр, ослов (никаких вообще непарнокопытных).

Зато есть и свои звери, которые в Палеарктике не водятся. Например, антилопы вилороги (единственная антилопа Нового Света!), снежные козы, луговые собачки, древесные дикобразы, скунсы, или вонючки, пумы, опоссумы, девятипоясные броненосцы, еноты, звездорылые кроты и другие.

Также и Палеарктика имеет свой набор не обитающих в Америке зверей: тигры, леопарды, гепарды, барсы, недревесные дикобразы, дикие ослы и лошади, соболи, куницы, барсуки, хорьки, выхухоли, суслики, кабарги, сайгаки и множество других.

Среди птиц Неарктики и Палеарктики замечена тоже немалая общность: тетеревиные, чистиковые, свиристели, ремезы, крапивники, лебеди — более 50 общих видов.

Но нет в Неарктике таких распространенных в нашей стране птиц, как удоды, рябки, ракшеобразные, дрофы, глухари, тетерева, краснозобые и некоторые другие казарки, орлы-беркуты, скворцы (последние завезены в Северную Америку только в 1890 году).

С другой стороны, конечно, мы вправе ожидать, что и Северная Америка владеет своими пернатыми, не обитающими у нас. Назвать можно диких индюков, шалфейных тетеревов, бурых пеликанов, канадских казарок... Среди этой группы чуждых нам птиц немало выходцев из американских тропиков. Ведь Северная Америка дала прибежище многим птицам, переселенцам с жаркого юга. Калифорнийские грифы, кардиналы, пересмешники, местные «иволги», уорблеры, или американские славки, колибри далеко не исчерпывают длинного списка иммигрантов: более 40 видов птиц обитают от Южной Канады до Аргентины.

Даже попугаи еще недавно водились в Северной Америке (на север до широты 40 градусов). Это каролинский попугай, истребленный в начале нашего века.

Большая часть Голарктики лежит в сравнительно высоких широтах, поэтому, естественно, мир ее рептилий и амфибий куда менее богат, чем всех прочих областей, в которых значительные пространства отведены под тропики и субтропики И тем не менее и в Голарктике водятся крокодилы Две ее подобласти имеют по одному представителю этих рептилий: в Неарктике — большой (до шести метров) миссисипский аллигатор (обитает в реках и болотах от Восточного Техаса до Южной Каролины и Флориды). В Палеарктике — китайский аллигатор (небольшой — 1,5—2 метра длиной, живет в бассейне нижнего течения Янцзы).

Черепах в Неарктике много больше, чем в Палеарктике. Один род псевдемис насчитывает 18

видов, обитающих на востоке США и на юге Канады (по другим данным, в этом роде всего восемь видов). От Южной Канады до Эквадора живут столь внушительные и даже опасные черепахи, как каймановые: могут пальцы откусить! Весят они до 30 килограммов! Почти вдвое длиннее и тяжелее грифовая черепаха, северная граница ее ареала доходит до юга США. На юго-востоке этой же страны встречается и знаменитая длинношеяя черепаха: шея у нее действительно велика — с панцирь длиной.

Разнообразием змей (во всяком случае — ядовитых) Неарктика оставляет позади Палеарктику. На юге США и в Мексике одних только гремучих змей — 25 видов. У нас таких змей вообще нет Нет и коралловых аспидов: очень красивых змей — чередующиеся красные, черные и желтые полосы пересекают их тело. В США — три вида коралловых аспидов.

У нас, от прикаспийского Заволжья и до Уссурийского края, водятся ямкоголовые змеи с «радарами». Их называют щитомордниками. В СССР — два вида, в США — тоже два. Тут намечается некоторая симметрия: не только щитомордники, но и карликовые удавы обитают в обеих подобластях Голарктики. В Старом Свете — песчаный удавчик, в Новом Свете — калифорнийский удав лиханура и резиновая змея харина. Хоть и принадлежат они к группе исполинских змей, однако невелики: до метра длиной. А вот у гадюк распространение, так сказать, одностороннее: в Северной Америке их нет. В Палеарктике есть. Один вид — обычная гадюка — в своем продвижении на север переходит даже полярный круг. Еще лишь одна рептилия — живородящая ящерица (тоже житель Палеарктики) совершает подобный подвиг.

С ранное дело, но Голарктика чуть ли не единственная зоогеографическая область, где живут хвостатые амфибии (тритоны, саламандры и т. п.). Только в одном районе земного шара переступили они экватор: в Южной Америке безлегочные саламандры простерли свой ареал к югу до Амазонки.

Всего безлегочных саламандр 180 видов, преимущественно в Северной и Центральной Америке (в Неарктике их 50 видов). В Палеарктике — лишь два пещерных вида (Приморские Альпы Италии, смежные с ними области Франции, остров Сардиния).

Саламандрами вообще Палеарктика не богата: два вида в Западной Европе, да в Китае и Японии один вид — исполинская саламандра (длиной до полутора метров, самое крупное земноводное животное) В США тоже есть подобное создание, только ростом поменьше (до 68 сантиметров). Далее только в Северной Америке (от юго-восточной Аляски до Мексики) обитают амбистомовые саламандры (30 видов), к которым принадлежит знаменитый аксолотль, обычный житель зоопарков, научных лабораторий и зооуголков в школах.

Палеарктика может похвастаться еще таким странным земноводным — протеем. Он пещерный житель прибрежной области Адриатики — Истрии (Югославия).

Однако и в Северной Америке есть свои «протеи» — нектурусы. Но они живут не в пещерах, а в пресных водах востока США и прилежащих районах Канады.

Кроме того, только в Неарктике живут амфиумы и сирены: крупные, до метра, амфибии, похожие на угрей, но с двумя крошечными передними лапками.

В США также, как уже упоминалось выше, живут хвостатые лягушки, обитающие еще только на другом конце света — в Новой Зеландии. В Северной Америке нет жерлянок, но есть лягушки-свистуны. У нас — наоборот: первые есть, вторых нет.

И вообще Неарктика богаче всякого рода амфибиями, чем Палеарктика.

В Голарктике нет многих групп рыб, обычных в других зоогеографических регионах. Самые многочисленные здесь — прежде всего карповидные рыбы. В этом подотряде около двух тысяч видов, которые распространены по всем континентам, кроме Австралии и Южной Америки. Их нет также на Мадагаскаре, в Новой Гвинее и Новой Зеландии.

В северных широтах Голарктики существенную роль играют почти полные эндемики — лососевые рыбы. Они проходные, анадромы: живут в море, а икру метать идут в реки. Характерны для этой области также и осетровые рыбы, многие из которых тоже проходные анадромы.

Есть и катадромные рыбы, например речные угри. Они живут в пресных водах Европы и Северной Америки, а на икрометание уходят за сотни миль (американские угри) или за тысячи километров (европейские угри). И те и другие стремятся в одно место — в центр «Бермудского треугольника». Саргассово море. Тут на большой глубине они нерестятся.

Северная Америка обладает двумя отрядами очень древних рыб. Это панцирники (или каймановые рыбы) и амиевые (или ильные) рыбы. Первые обитают от Южной Канады до Центральной Америки и Кубы. Вторые — эндемики Неарктики.

Общность фаун Неарктики и Палеарктики подтверждает и распространение пауков. И в той и в другой области наиболее многочисленны пауки из семейства линифид: их здесь не менее 1600 видов, большинство из которых эндемики. Напротив, в

других зоогеографических регионах линифид мало или вообще нет.

Изобильны также в умеренных широтах северного полушария крестовики и драссодесы — пауки-тигры, которые справляются почти с любым пауком, опутывая его ноги липкой лентой. Из бокоходов по всей Голарктике обитают пауки из рода оксиптила и ксистикус. Самцы некоторых из них исполняют брачный танец на спине у самки, а потом паутинками привязывают ее к земле. (Почему такое невежливое обращение с невестой необходимо, мы узнаем из третьего тома «Мира животных».)

Обычный наш крестовик живет и в Северной Америке. Стеатода двухточечная, тетрагната длинная и линифия-крошка — тоже.

Даже самый ядовитый наш паук каракурт имеет близкого родича в Америке — страшную «черную вдову».

Но немного по сравнению с тропиками в наших широтах скакунчиков и совсем мало (за исключением стран по берегам Средиземного моря) четырехлегочных пауков. Только один атипус живет довольно далеко на севере — в Англии и Швеции, а у нас — примерно до Курской области.

С юга в средиземноморские субтропики переселились два рода пауков из семейства южноамериканских птицеедов (а оттуда и в более северные страны Европы), а также очень красивые расцветкой аргиопы и плюющие клейкой слюной сцитодесы.

Если принять гипотезу дрейфа материков, то сходство многих форм животных, обитающих на разных континентах, объясняется довольно просто. Однако пока еще не все ученые согласны с тем, что Пангея не миф, что материки дрейфуют.

Еще две гипотезы — «теория мостов» и «реликтовая», которые пытаются объяснить возникновение разорванных ареалов и фаунистическое сходство разъединенных морями и океанами стран.

Первая была уже упомянута, когда говорилось о «мостах». По мнению некоторых исследователей, Африку и Южную Америку в былые времена тоже соединяла цепь островов «или даже сплошной мост». Подобные «мосты» — сухопутные перешейки — прежде объединяли многие разорванные ныне части континентов. Например, Чукотку с Аляской, Англию с Францией, Австралию с Новой Гвинеей и с Тасманией, Канаду с Гренландией и дальше — с Исландией и Скандинавией.

По этим «мостам» расселялись животные с одного континента на другой, создавая новые поселения и ареалы за тысячи верст от прежних.

Наконец, «реликтовая», или «перманентная», гипотеза утверждает, что разорванные ныне ареалы многих, особенно крупных, таксонов (семейств, отрядов) — остаточные очаги некогда более широкого распространения животных, их населяющих. По тем или иным причинам они вымерли в промежуточных районах, соединяющих эти очаги. Палеонтологические находки во многих случаях подтверждают эту точку зрения.

Когда накопится больше научных данных, мы будем лучше знать, как на самом деле все это происходило. А пока более или менее вероятные гипотезы намечают на зоогеографических картах лишь ориентировочные вехи древних переселений.

Акимушкин И. И.

А39 Мир животных: Млекопитающие, или звери. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 1988. — 445[1] с.: ил. — (Библ. сер.).

ISBN 5-244-00181-7

Почему Австралию до прихода человека населяли только сумчатые и яйцекладущие звери? Кто сильнее: лев, тигр или медведь? Тайны за иглами — о непонятных повадках ежей Сорок тысяч полевок О зверях в латных доспехах Парад китов

Игорь Акимушкин приглашает читателей совершить с ним увлекательное путешествие в царство животных

В этой книге автор рассказывает о мире млекопитающих

Красной нитью через всю книгу проходит тема ответственности человека за судьбу животных нашей планеты

ББК 28.693.36

А $\frac{1905030000-116}{004(01)-88}$ 140-88

Библиотечная серия

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ИЗДАНИЕ

Игорь Иванович Акимушкин

МИР ЖИВОТНЫХ: МЛЕКОПИТАЮЩИЕ, ИЛИ ЗВЕРИ

(Издание 2-е, исправленное и дополненное)

Заведующий редакцией **Ю. О. Гнатовский**
Редактор **Ю. С. Макаревич**
Редактор карт **Л. И. Иващутина**
Младший редактор **Т. Н. Филатова**
Художественный редактор **А. И. Ольденбургер**
Технический редактор **Л. В. Барышева**
Корректоры **И. В. Шаховцева**, **В. С. Матвеева**

ИБ №3466

Сдано в набор 31 07 87 Подписано в печать 30 05 88 А 02740
Формат $84\times108^{1}/_{16}$ Бумага мелованная Гарнитура
«Таймс» Офсетная печать Усл печатных листов 47 04
Усл кр отт 189 35 Учетно издательских листов 51 85
Тираж 155 000 экз Заказ № 1350 Цена 6 р

Издательство «Мысль» 117071 Москва В 71, Ленинский проспект 15

Ордена Трудового Краснознаменного Знамени Калининский полиграфический комбинат
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли 170024, г Калинин проспект Ленина, 5

6 p.

